

**ВСЕВОЛОД
ВИШНЕВСКИЙ**
Избранное

**ВСЕВОЛОД
ВИШНЕВСКИЙ**
Избранное

**ВСЕВОЛОД
ВИШНЕВСКИЙ**

Избранное

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1984

Вступительная статья
К. М. Симонова

Иллюстрации и оформление
А. К. Яцкевича

Вишневский В. В.

В 55

Избранное /Вступ. ст. К. М. Симонова; Ил. А. К. Яцкевича.— М.: Правда, 1984, 608 с., ил.

В предлагаемый вниманию читателей сборник видного советского писателя Всеволода Витальевича Вишневского вошли ставшие всенародно известными произведения — «Первая Конная», «Мы из Кронштадта», «Оптимистическая трагедия», рассказы о незабываемых днях Октябрьской революции и гражданской войны, яркие, правдивые очерки о Балтийском флоте, о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, дневниковые записи о капитуляции Берлина.

В $\frac{4702010200-736}{080/02/-84}$ 736—84

84 P7

Текст печатается по изданию: Вишневский В. В. Избранное.—М.: Воениздат, 1966.

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Всеволод Витальевич Вишневский, один из виднейших и самобытнейших советских писателей старшего поколения, написал свою «Первую Конную» (1929), первое крупное произведение, сделавшее его имя известным советскому народу, будучи уже тридцатилетним зрелым человеком. За его плечами была большая, богатая событиями, прожитая, и даже не столько прожитая, сколько провоянная, жизнь.

Служба в одном из пехотных полков царской армии, империалистическая война, увиденная сначала детскими, а потом юношескими глазами, сыграли громадную роль в формировании личности, а впоследствии характера дарования Всеволода Вишневского.

Вишневский видел нарастание революционного движения среди солдат и контрреволюционный террор сначала царского, а затем Временного правительств в той наиболее беспощадной форме, в какой он проявлялся на фронте. Революция застала Вишневского юношей и в то же время опытным солдатом, человеком, видевшим все несправедливости старого режима в их самой оголенной, самой кровавой форме и восставшим против них всем своим молодым, горячим сердцем.

Вполне закономерно, что именно такой человек вступил добровольцем в Красную Армию в первые дни ее формирования, что он от первого до последнего дня провоявал всю гражданскую войну, сражаясь всегда на передовой, и что служение делу революции стало главным делом его жизни и впоследствии главным содержанием его творчества.

В годы гражданской войны Вишневский был дважды ранен и каждый раз оставался в строю. Он был награжден орденом Красного Знамени, и последняя опубликованная при его жизни книга «Избранное» недаром вышла с написанным к его первой пьесе предисловием С. М. Буденного, которое называлось «О пьесе пулеметчика Вишневского».

Когда в 1950 году вышла эта книга, о Вишневском с полным правом уже можно было говорить как о человеке, который ездил в сражавшийся Мадрид, участвовал во взятии Бьерке, пробыл на Балтийском флоте всю ленинградскую блокаду и вошел в Берлин с передовыми частями Советской Армии. Но Вишневскому хотелось, чтобы эта маленькая вступительная статья Буденного к первой созданной им пьесе оставалась предисловием ко всему написанному за многие годы. И он был прав, потому что характеристика Вишневского, данная в этой статье, как человека, который мог написать «Первую Конную» именно потому, что он сам был пулеметчиком в ней, эта характеристика, адресованная первому его крупному произведению, верна и по отношению ко всему его творчеству. Вишневский писал всю жизнь о Красной Армии и Флоте потому, что он был плоть от плоти их, и писал он так, что это ощущалось в каждом его слове.

Отгремела гражданская война. Вишневский остался служить в кадрах флота, и когда через тридцать лет, в феврале 1951 го-

да, писателя пришли проводить в последний путь его читатели, то у гроба с телом капитана 1-го ранга Всеволода Вишневого бессменно стоял почетный флотский караул. Это было не только выражением глубокого уважения к памяти писателя, создавшего вдохновенные страницы о Красном Флоте и Красной Армии, это было свидетельством того, что Вишневский действительно и как писатель и как человек всю жизнь оставался в кадрах революционной армии.

Начав в 30-е годы вплотную заниматься литературной работой, Вишневский внутренне постоянно чувствовал себя представителем армии в литературе. Он организовывал ЛОКАФ (Литературное объединение Красной Армии и Флота), объединял писателей, работавших над военной тематикой, ратовал за создание книг, морально готовящих молодежь дать отпор врагу в угрожавшей нам новой войне, настойчиво продвигал на страницы журнала «Знамя», где он был членом редколлегии, а потом редактором, прежде всего произведения, которые показывали нашу армию и флот, исторические подвиги русского народа.

Он руководил военной комиссией Союза писателей, курсами военных корреспондентов, на которых писатели готовились к этой профессии в обстановке надвигающейся войны. И вся эта работа велась тогда, когда Вишневский стал одним из виднейших наших писателей, весь этот разносторонний, кропотливый, нелегкий труд никогда не был для него чем-то вторым после его собственной писательской деятельности. Нет, это и было для него первостепенным делом его жизни. Сделать все, что в его силах, для того чтобы содействовать созданию литературы о Красной Армии и Флоте, о нашем героическом прошлом, о годах гражданской войны, литературы, которая в то же время была бы нацелена в будущее,— это было то главное и единственное, чему он отдавал все свои творческие силы.

Помогать в полную меру своих сил всем, чем он мог,— своим талантом писателя, публициста, критика, редактора, лектора, общественного деятеля,—созданию оборонной литературы, воспевающей нашу Красную Армию и Флот,—вот в чем видел Вишневский выполнение своего долга кадрового солдата революции. Характер личности и характер творчества Вишневого можно правильно понять, только оценив в целом всю ту его деятельность, которую он сам себе представлял именно как одно целое.

Если прочитать ряд статей, бесед, предисловий, примечаний Вишневого, написанных им в связи с его пьесами и сценариями, то можно отметить одну очень интересную, важную и характерную для Вишневого черту. Рассказывая о процессе творчества, он никогда не говорил о том, о чем любят подчас говорить другие писатели,— о муках творчества, о своих индивидуальных особенностях и вкусах,—он всегда очень скромно в этом, и в то же время он готов охотно и подробно писать и спорить о том, как лучше собрать материал, как изучать жизнь армии и флота, как надо ставить его пьесы, для того чтобы эта жизнь выглядела на сцене правдиво; как ставить фильм, чтобы моряки в нем были настоящие, чтобы в нем была настоящая Балтика, настоящий дух эпохи. Здесь он готов подробно рассказывать о собственной работе, потому что считает это важным не только для себя, а и для других, потому что правдивость, точ-

ность, знание материала, знание истории, знание всех подробностей жизни и быта армии и флота кажутся ему крайне важными; он требователен к себе и считает необходимым об этом говорить, потому что ему важно решение общественной задачи, задачи, которая стоит не только перед ним, но и перед всеми, кто работает над оборонной тематикой, а он борется за то, чтобы таких людей было больше и работали они лучше.

Фильм «Мы из Кронштадта» с триумфальным успехом обошел весь мир. Наша печать и значительная часть печати за рубежом многократно останавливались на художественных достоинствах этого фильма, но сам Вишневский в выступлениях, связанных с этим фильмом, как раз об этом говорит меньше всего или, вернее, вовсе не говорит. Его больше всего волнует то, что в Мадриде батальоны, снятые на несколько часов с позиций, шли в кинотеатр, слушали выступления руководителей компартии, смотрели фильм «Мы из Кронштадта» и под впечатлением фильма возвращались на позиции с твердой решимостью оборонять Мадрид так же, как красные моряки и солдаты обороняли Петроград. Это именно и составляло главный предмет гордости и радости Вишневского, потому что ради такого воздействия на зрителя он и писал сценарий.

Вишневский очень любил свою пьесу «Последний решительный». В 30-е годы это была первая пьеса о надвигающейся войне, о необходимости быть повседневно готовыми к ней. Это была оптимистическая и в то же время суровая в своей правдивости пьеса, говорившая о неизбежности тяжелых жертв на пути к победе. И Вишневский гордился ею не только потому, что его радовал собственный авторский успех, не только потому, что она нравилась зрителям и читателям, а прежде всего потому, что она мобилизовывала их, то есть делала именно то, ради чего он ее писал.

В тяжелые дни ленинградской блокады Вишневский при участии писателей А. Крона и Вс. Азарова написал музыкальную комедию «Раскинулось море широко...» На первый взгляд эта пьеса как будто стоит особняком в творчестве Вишневского, обычно носящем эпический характер. На самом деле она органична для него. Эта веселая, сочная, дышащая здоровьем и оптимизмом комедия, вышедшая из-под пера Вишневского осенью 1942 года, была свидетельством несокрушимого морального здоровья и самого писателя и тех людей, в рядах которых он сражался и о которых написал пьесу.

Лучшие, ставшие всенародно известными произведения Вишневского — «Первая Конная», «Мы из Кронштадта», «Незабываемый 1919-й» — посвящены эпохе гражданской войны. Их непреходящая ценность не только в том, что они исторически верно отражают эту эпоху, но и в том, что в них присутствует дыхание современности. Это не просто исторические пьесы или сценарии, в которых воссозданы те или иные картины героического прошлого. Нет, в произведениях Вишневского это героическое прошлое выражено так, что читатель чувствует свою связь с ним, чувствует историческую преемственность. Глубина этих произведений состоит в том, что гражданская война в них показывается как один из первых этапов борьбы за будущее социалистическое и коммунистическое общество. Эти произведения устремлены вперед, мы в них видим не только картины рождения

Красной Армии и Флота, но и рождение черт нового, советского человека — солдата революции.

Вишневский — участник гражданской войны, ставший в своем творчестве ее певцом, — воспел историю не как героическое время, о котором хочется вспоминать ветерану, а как время боевой юности, о котором вспоминает зрелый и готовый к новым боям воин, вооружающий молодежь тем нержавеющим оружием, теми действенными примерами преданности революции, любви к Родине, силы духа, которые воспитывают в народе уверенность в своей победе в грядущих боях.

Он хотел, чтобы его читатели пришли к этим будущим боям во всеоружии. Этой мыслью были одухотворены все его произведения.

В таком же всеоружии к будущим боям он хотел прийти и пришел сам как писатель и боец. За годы Великой Отечественной войны он написал две пьесы «У стен Ленинграда» и «Раскинулось море широко...», десятки статей, многие из которых являются блестящими публицистическими документами эпохи. Он выступал по радио с пламенными речами, тексты которых тоже являются яркими публицистическими документами и значение которых в дни блокады Ленинграда трудно переоценить. Кроме того, Вишневский на протяжении войны вел подробные дневники хода военных действий, всего того, чему он был лично свидетелем, — от обороны Таллина до штурма Берлина.

Автору этих строк в 1944 году во время прорыва линии Маннергейма довелось видеть, как Всеволод Вишневский вел на фронте эти свои ежедневные записи. Так упорно, стойчески, с документальной точностью, со вниманием ко всем подробностям боя вести подобные ежедневные записи мог только человек, который одновременно чувствовал себя и писателем и военным историком, который в душе твердо принял решение написать после войны о войне, опираясь на тысячи виденных фактов и собранных подробностей. Написать о Великой Отечественной войне так, как он написал о войне гражданской.

Вишневский ушел из жизни человеком, полным творческих сил. Его последняя, законченная в 1949 году, пьеса «Незабываемый 1919-й» говорила о расцвете его дарования. Эта пьеса как бы закончила собой цикл произведений, посвященных Вишневским гражданской войне. В «Незабываемом 1919-м», так же как до этого в «Мы из Кронштадта» и «Оптимистической трагедии», Вишневский с большой силой любви и проникновения показал великую роль партии в борьбе за свободу народа.

Во многих произведениях Вс. Вишневского запечатлена замечательная летопись гражданской войны.

Громадные материалы его дневников и записей за годы Великой Отечественной войны — тоже своего рода летопись этих грозных и великих лет.

То, как провоевал Всеволод Вишневский Отечественную войну, те замыслы, которые у него были, убеждают нас в том, что если бы преждевременно не оборвалась его жизнь — жизнь солдата революции, то он кроме своих имеющих сами по себе большую художественную ценность военных дневников создал бы о Великой Отечественной войне произведение эпического размаха, сделал бы еще один новый крупный и, как всегда, глубоко самобытный вклад в нашу советскую литературу.

К. СИМОНОВ

**Рассказы
и очерки**

ЛИБАВА

Год 1912-й. Либава. Ослепительны, на рейде, стоят корабли. Ослепительнее всех один — с острым тараном. Этот корабль, в отличие от всех — молчалив и в отличие от всех — неподвижен. С этого корабля доносятся только бой склянок и редкая команда. Ослепительная окраска корабля обладает странным свойством: ежедневно с раннего утра она исчезает, а днем к двенадцати часам опять сияет на солнце. Только одна шлюпка ходит между кораблем и берегом. Не видно на шлюпке матросов — там офицеры, название корабля — «Грозящий».

Согласно расписанию для умеренного климата, в пять часов утра, а летом в четыре тридцать — побудка. Ревет горн, и рычат унтера: «А н-ну, вставай, не валяйся!»

Без единого слова встают матросы. В безмолвии вяжут койки. Положено всем нижним чинам российского императорского флота постоянное место на все долгие годы службы — на ночь подвесная койка в три четверти человеческого роста. И люди, скорчившись, спят в ней. В тишине выносят койки наверх, умываются, и никто никого не шлепнет от веселой силы по голый спине. В тишине босые матросы выходят на палубу, где стоят, как мертвые, часовые. Матросы медлен-

но опускаются на колени. Из шлангов бьет вода. Кирпичом трут палубу, белую, как офицерская кость. Трут, сдирая кожу с суставов, трут рядами, и над кораблем только тяжкое дыхание. В семь сорок пять горнист играет повестку, в семь пятьдесят пять выходит караул. Появляются вооруженные господа офицеры и строятся на шканцах. Наконец выходит командир и принимает отрывистые рапорты. В семь пятьдесят девять звучит команда:

— На флаг и гюйс — смирно!

Замирают все. Штилевое, бесцветное море отражает бесцветное небо. В восемь часов на всех судах перезвон: бьют склянки четыре двойных удара.

— Флаг и гюйс поднять!

— Слушай, на краулл!

Барабанщик бьет поход, и разом все головы, коротко стриженные, обнажены. День начался... Очередной день из положенных — по приговору каждому матросу — лет. За политику! «Грозный» — плавучая каторжная тюрьма Балтийского флота. Каждый идет на свое место, отскребывает краску и красит вновь. На корабле только красят и отскребывают — в молчании, годами... Беспощадное шкурье — унтера с наганами и дудками стоят повсюду. И каждый день, годами, боцман — кривой и рябой, женщины его не любят — гнут «политикам» одно и то же:

— Вот, братцы, вы обучаетесь сегодня полезному малярному делу. Что есть малярное дело? Малярное дело есть умение класть на корпус корабля и вообще на всякие предметы олифу или краску. Гляди мне в глаза, сволочь! Н-ну!.. Окраску же вы производите для сохранения дорогого и любезного вам корабля от гниения, сырости и вредного действия воздуха, а равно и поддержания его в подобающем виде. Глазом не моргай, ты! Усатый! Первое правило: для малярного дела надо иметь кисти и краску. Вот это называется кисть, средний размер. А это называется краска. А то вы за десять лет не знаете?.. Хе-хе. Вам, братцы, надо научиться красить для вашей же пользы. Видите, стараюсь. Пользуйтесь, пока я жив. Железо красят со шпаклевкой и без нее, удаляя старую, истлевшую краску, что вы, сволочи, делаете с утра, пемзой, кирпичом, песком. Крыть надо ровно, не спеша — время у

вас есть, посажены крепко... На ноги не капать, обувь и одежда казенная... Н-ну, с богом...

Отодрана вчера положенная краска. И красят вновь... Кисти идут с замечательной ровностью, краска ложится тончайшим слоем. В молчании годами красят матросы. Только иногда скрипнут у кого-нибудь зубы. В молчании годами красят матросы... Изредка скупая, мужская слеза капнет в краску и исчезнет в ней. Раз в день после работы допускается говорить. На разговоры положено законом, высочайше и всемилостивейше государем императором одобренным, тридцать минут. Говорят по дозволению матросы, выйдя на бак, к фитилю. Говорят тихо-тихо:

— Денек выдался сегодня, Михайла...

— Да...

— Штиль...

— Штиль...

— Парит, душно...

— Да...

И все. И все, товарищ мой милый, дорогой. Начальство стоит рядом. Шкурьи глаза и уши. С тоской смотрят матросы на воду — не чувствовать им вольно этой воды долгие годы. Придумали им пытку на корабле: «Не дотрагиваться до морской воды». Корабль проклят начальством. Он загнан в дальний угол гавани. Однажды корабль был послан к острову Макилото, дать «политиков» для тяжелой погрузки камня. Камни по десять, и двадцать, и тридцать пудов. И когда «Грозящий» показался на виду эскадры, пятились офицеры, как от чумы, и взвился сигнал адмирала: «Немедленно прочь».

По палубе ходит командир. В семнадцатом — хорошие дружки отрубили ему голову и спустили ее в отхожее. Когда он видит мрачных и молчаливых матросов, он доволен и улыбается. Когда он видит улыбку, он встревожен и зол: значит, матросу отчего-то хоть на минуту хорошо. «А...» Командир вызывает тогда людей. «Горнист! Сбор!» Строй замер и не шелохнется... Глаза стекленеют... Мертвó... Командир начинает гонять людей на мачту:

— К облакам и обратно. Бе-гом арш! Ать-ва... и... три...

Люди мчатся вверх и вниз, вверх и вниз, давят пальцы отстающих тяжелыми сапогами. Иные срываются с мачты и лежат окровавленные...

— Хо-дом!.. Летай!.. Сыпсья!

Люди распалены, сердца бьются отчаянно. Кожа стерта с ладоней.

Потом происходит то, что неведомо ни одному флоту. Молча спускают шлюпку при полном безветрии. Командир приказывает убрать весла, а парус поднять. Парус поднят. И тут, под взглядами офицеров, наблюдающих с борта корабля, каторжники делают так: они толчками своего тела двигают шлюпку, повинаясь приказу. Ветра нет, но шлюпка минутами и часами бесцельно движется по воде. Когда молчаливая шлюпка отходит подальше, «политики» глядят повелительно и угрожающе на старшину-шкуру. Шесть пар глаз, как двенадцать штыков, вонзаются в него. Каторжники вынимают доску и гребут подальше, чтобы немного вздохнуть, впервые за годы. Старшина сидит молча и покорно. Иначе убьют. Каторжники, трясаясь от возбуждения, снимают обувь и, закрыв глаза, погружают руки и ноги в воду, в воду Балтийского моря. Шлюпка вернулась, и старшина докладывает командиру, что «все в порядке, ваш-сокродь». Иначе убьют. «Политики» стоят сумрачные и тяжелые. Они никогда не отдадут чести никому из офицеров. Офицеры терпят эту неслыханную дерзость потому, что «политики» могут передуть всех, взорвать корабль и себя, если начальство посмеет посягнуть на их неизменную традицию. А традиции этой они держатся годами — молчаливые, упорные, вместе,— парни по двадцать два, по двадцать три, по двадцать пять лет, взятые по делу РСДРП (большевиков). Они стоят, как вросшие в палубу, у них не поднимаются руки к бескозыркам, потому что партия большевиков ни перед кем не гнется и никогда, нигде врагу своему чести не отдает.

*Кронштадт — Ленинград,
1930—1939 гг.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАТОРЖАН

Поезд приближался к Севастополю... Он шел по самому берегу моря. Тьма нависала над безлюдными берегами... Проступали неясные очертания старых, знакомых мест. Возвращавшиеся с каторги матросы не роняли ни звука. От нахлынувших горьких воспоминаний больно щемило сердце... Давно-давно они не были здесь...

На берегу у сетей — силуэты рыбаков... Тьма все гуще и гуще, и возвращающиеся к морю погрузились в неистребимую печаль, неуходящую тоску прежних лет... Они переживали вновь ушедшие гробовые годы, им слышался гул тысяч матросских ног.

Ррах-ррах-ррах!

Они вздрагивали от окриков:

— Ать-ва — и-ире!

Вот и они — приморские низкие, окрашенные охрой флигеля флотского экипажа.

На взморье росли старые кривые деревья. Здесь вешали матросов в назидание: чтобы не было поведено помышлять о том, о чем помышлять запрещает присяга, на кресте и евангелии даваемая.

Возвращавшиеся были недвижны. Их давила тяжесть воспоминаний. И нет сил, нет способов, которыми хоть одного из этих матросов можно было бы

заставить забыть прожитые годы и ослабить нечеловеческую ненависть к их мучителям. И нет сил, нет слов, чтоб выразить их безмерную любовь к великому другу всех матросов — Ленину. За ним пошли они в 1905-м, за ним пойдут и в 1917-м!

Возвращавшиеся оцепенели... Они не узнавали берега... Им казалось, что это и Либава, и Кронштадт, и Севастополь, и Сахалин... Вдали, в бухте, окруженной громадой гор, вдруг загорелись огни. Прожектора метались по небу, и небо над Черным морем покрылось светящимися пятнами, как при игре полярных сполохов. Низкий рев сирен стлался над морем и отдавался в горных долинах. Бухта выбрасывала все больше и больше света. С кораблей доносились зычные, настойчивые гудки. Большой сбор!

Черное море готовилось к встрече любимых сыновей — героев пятого и двенадцатого годов. Черное море помнило о «Потемкине» и «Очакове».

Поезд шел по самому берегу ревущей и сверкавшей огнями бухты.

Возвращавшиеся подались вперед, чтобы быть ближе к сверкавшей огнями бухте, к флоту, старую любовь к которому не истребило ничто.

Поезд остановился. Из вагона в свете боевых прожекторов эскадры вышли старые матросы. Встречавшие подхватили их на руки. Толпа обнажила головы.

Вернувшиеся задыхались от волнения... В взволнованной тишине были слышны их рыдания... При свете прожекторов все увидели их слезы... Толпа матросов внимала скупым словам благодарности.

Вернувшихся каторжан повели к старым местам их службы: в их экипажи и на их корабли.

Ранним утром они пошли к берегу, на скалы, на бывшие места тайных сходов. Там ждали их друзья рыбаки, бывшие матросы. Они подсели к старым товарищам, перебрасываясь давнишними, полузабытыми словечками. Рыбаки воткнули в песок весла и бросили на них брезенты, чтобы солнце не палило дорогих гостей. Потом не спеша, торжественно разостлали на песке холст, придавив его крупной морской галькой, чтобы не сорвал ветер.

Гости молча сидели, вдыхая запах тины, соли, камыша. Все возвращало старым матросам их любовь, их силу, их веру...

Солнце палило. Севастополь был слепяще бел. На морской зыби чуть стукались бортами шлюпки.

Рыбаки вынули из плетеных кошелок скумбрию, помидоры, огурцы и хлеб.

Старший рыбак пригласил гостей. Чинно и осторожно сотрапезники резали хлеб. Оглянувшись по старой привычке, хотя в этом не было нужды, рыбак вынул из шлюпки бутылки вина.

Из первой бутылки наполнили чайные стаканы, вымытые в море, еще влажные и составленные «грудкой» в знак единения. Старый рыбак поднял стакан и дрожащим голосом запел:

Очаков! Бор-рэц за своб-боду-у...

Все истово, горячо подхватили...

Когда кончили петь, один из матросов сказал:

— Да будет вольный флот на Черном море!

Все повторили и выпили, блюдя обычаи и уважая друг друга.

Помалу шел тихий, морской разговор: когда где скумбрия шла, кто когда в поход к Анатолии ходил... И за разговором подымали стаканы:

— Да будет вольный флот на Черном море!

И свобода, и друзья, и запахи моря — все вернулось к старикам, и счастье тихо качало их.

Скалы закрывали север, а на западе вечное, в памяти навсегда оставшееся море, сливавшееся на горизонте с небом. Старики глядели на горизонт, на бухту, узнавали корабли в блеске дня, говорили об этих кораблях, безошибочно называя их имена, отмечая все внешние перемены, охваченные глазом на расстоянии целой мили. Все было нужно, важно... Они наслаждались теплым счастьем, упивались этим разговором, возвращавшим им жизнь.

— Да будет вольный флот на Черном море!

Скумбрия жирна! Капли жира стекали по пальцам, падая на гальку и испаряясь под солнцем. Скумбрия прекрасна! Вот этими руками ловлена, ешь!

— Выпьем, други! Как хорошо!

Друзья глядели на море и вспоминали дальние плаванья: Анатолию, Константинополь, Румынию,

Александрию, Мальту... Имена звучные, знакомые. Море соединяет их. Друзья знали их, видели их под солнцем, раскаляющим скалы.

Гости глядели на возвращенное им море, пахнувшее, испарявшее соли в необозримые выси. Море!

Люди, хмелея (они почти забыли вкус вина), рождали планы, дерзкие и великолепные. Они не видели ни малейшей фантастики в них. Что недоступно вот этим рукам?!

Старые матросы были еще полны сил, дерзости и жажды новых опасностей. Они делились друг с другом мечтами о том, что будет, когда все страдающие на море и на земле подымутся на борьбу за свободу.

Рефракция искажала шедшие корабли. Очертания их расплывались в зное. Над скалой — греческие руины, приют уже исчезнувших контрабандистов и пиратов.

— Выпьем!

Молодой, слушавший старших рыбаков встал и, гикнув, начал танец. Все подпевали танцору.

Парень блестел от пота, сверкало его играющее тело, взбрасываясь и изгибаясь. Хо-оппа! Оп-па!

Гальки летели из-под его ног. Парень танцевал...

Гуляют сегодня черноморцы!

Друзьям мало берега. Им тесно. Им нужно море. Темные руки подняли черную смоленую шлюпку и бросили ее на воду. Шлюпка качалась, как все в этот день. Дай море!

Друзья скоро пойдут в белых рубахах с синими воротниками на серьезное дело... А сейчас не мешай! Дай море!

Шлюпка вырвалась из бухты. Веслагнулись и скрипели... Как хорошо, оказывается, грести! Почему раньше было трудно?... Друзья, горячие, как камни на берегу, навалились на весла. Смола, размягченная солнцем, одуряюще сладко пахла. Шлюпка ушла в открытое море.

Опьянев от хода шлюпки, от крика чаек, от блеска стремительных дельфинов, от простора, матросы громко, во всю силу глоток, кричали «ура» в честь моря. Тогда один очаковец, переполненный счастьем, поднялся на нос шлюпки, готовясь во всем как есть броситься в море. Друзья держали его за руки, целовали, стараясь успокоить, усадить... Но очаковец, пла-

ча и смеясь, оттолкнул их и закричал полушутя, полу-серьезно:

— Прочть, не мешать!..

Люди в шлюпке, бросив весла, смеялись и шумели от избытка сил.

Очаковец опять поднялся и, окинув все быстрым — чтоб навсегда запомнить мгновенье, — взглядом, полетел в море.

— Дай море! Наше море!

Он рассекал воду, и брызги, разлетаясь, сверкали на солнце.

— Го-гоо!..

Друзья гребли, догоняя очаковца и восторгаясь им.

— Море, наше море! Нам тут — может завтра — драться придется... Ночью будем перебрасываться куда надо...

— Разве мы не понимаем, сколько еще дел...

— Зови нас, Революция! Зови нас, товарищ Ленин!

— Навал-лись!

Шлюпка на берегу...

Солнце зашло...

Друзья распластались на песке у костра. Поднялся и зашумел ветер. Кончался день, второй счастливый день в их жизни!

Бесшумные парусники, неся красные и зеленые огни, шли в гавань.

Друзья убирали шлюпку. Они любовно скребли и герли ее, вкладывая в работу все свое умение. Укладывали концы, вычерпывали воду, складывали и убирали брезенты. Все движения так отчетливы и легки. И снова — радостное удивление: как хорошо все делать без принуждения, когда ты свободен!

Золотые руки у матросов! Эти руки сумеют сделать все на свете... Все будет наше!

1931—1939 гг.

В ТИСКАХ ПРОИЗВОЛА

Ровно гудят моторы, пенится кильватерная струя. Хорошо сегодня в море: штиль. Не видно на горизонте ни дыма, ни паруса.

— Боятся нас турки, больше по ночам норовят ходить, — говорит вахтенный сигнальщик.

Вдали темная полоска Анатолийского берега.

Высунулся из люка моторист, потный весь, красный, и на воду смотрит: верно, выкупаться хочется. Но разве выкупаешься тут на тридцатиузловом ходу?

Лезут в голову разные думки.. Почему откидную рубку на истребителях не устроят? Вот в такую погоду рубку откинул бы — и стой у штурвала, ветерок обвеивает, одно наслаждение. Засвежело — подняли рубку, и опять благодать: ни волна, ни ветер тебя не достанут.

— Как на румбе? — прервал мои размышления строгий окрик.

— Двести тридцать градусов! — и я вернулся к действительности. Нехорошо на вахте размышлениями заниматься — всегда с курса собьешься и неприятность получишь.

Куда идем, зачем идем — неизвестно. Нам никогда, ничего не говорят. Наверно, опять к Синопу — фелюги ловить. Вот стемнеет, тогда не зевай.

Сменился я с вахты, выпался. Курс сменили; идем к Трапезунду. Берега держимся. В бинокль сигнальщик посматривает не отрываясь.

Опять турецкие позиции пойдем обстреливать. Скучное дело. Ну какой толк? Выпустим по скалам ленту-другую из пулемета, ящика два снарядов, повертимся у берега и уйдем...

Чем развлечься? Давай азбуку морзе глазами разучивать. Правым мигнешь — точка, левым — тире. Мигал, мигал — надоело. Стал своих тараканов в коробочке хлебом кормить. Покормил, тоже надоело.

Вышел наверх. Берег совсем близко. Вот если из пулемета турки запустят, неважно будет. Насквозь продырявят, с ручательством — наш корпус ведь деревянный, легкий.

Вглядываюсь в берег. Вон, за камнями, перебегают кто-то, остановился, машет руками, семафорит.

— Семафор с берега!

Застопорили моторы.

Командир глядит, и сигнальщик глядит, и я гляжу.

— На, отвечать будешь! — сунул мне флажки сигнальщик.

— Отвечай: «ясно вижу».

— Ни черта я не вижу; тебе-то в бинокль видно!

Но это я ответил про себя.

Минут пять семафорили с берега. Потом мы передавать стали. Ну, тут все понятно: «Сей-ч-а-с п-р-и-ш-л-е-м в-а-м...»

Чего, кого пришлем — вот интересно... Поглядел на меня командир, нос по привычке почесал и говорит:

— На берег отправишься, сигнальщиком там будешь, живей собирайся!

— Есть, ваше благородье!

Здорово... Совсем это штука неинтересная. Делать нечего, хочешь не хочешь, отправляйся. Спустили тузик. Уселся я с одним комендором, взялся за весла.

— Разрешите отваливать, ваше благородие?

— Отваливай.

Поднавалился, и скоро прямо на берег выкинулся.

— Ну, счастливо! Действуй тут!

— Ладно... В случае чего ты это... Ну, адрес мой знаешь.

Остался я на берегу; прикомандирован ко 2-му морскому батальону. И то хорошо, хоть ребята свои — матросы. Явился к ротному командиру. Так, мол, и так, прибыл и так далее — по всем правилам отрапортовал. Присмотрелся. Окопчики дрянные, одно название. Ребята — кто спит, кто что греет, кто вшей бьет, — на берегу живо наберешься этой дряни. Телефонисты в отдельном окопчике. Зачем я здесь нужен, не понимаю. Так дипломатично подъехал: что, мол, как дела да успехи, что слышно? И между прочим, насчет сигнальщиков.

— Вот видишь: крестик на могилке? Убило у нас вчера сигнащика, вот тебя и прислали.

Пропала у меня охота разговаривать. Могилка в голове вертится.

Настала ночь — самое опасное время здесь на позиции. Никто не спит. То тут, то там выстрелы щелкают... Какой тут сон, когда турки могут наскочить каждую минуту. Разведчики ушли вперед. Каждую ночь ходят, отчаянный народ, недаром с «плавучки»¹.

На заре я задремал, но ненадолго. Слышно, кто-то стонет. Подошел поближе, смотрю: лежит наш телефонист, с которым вчера разговаривал.

— Что с тобой?

— Плохо мне, мутит...

Дал ему воды из фляжки. Попил он, закрыл глаза. Лежит, тяжело дышит, бледный весь.

Подошел ротный, три звездочки — лейтенант. Посмотрел на телефониста, говорит:

— Поди-ка линию проверь.

А тот только пошевелился.

Выругался лейтенант крепко. Не слыхал я еще, чтобы так ругались. Подошел поближе и толкнул больного ногой в бок.

— Ну, вставай, ты, ракушка дохлая.

Взял под козырек и говорю:

— Больной он, ваше благородье.

— Не разговаривать! — заорал на меня лейтенант.

А я не могу молчать.

— Его в тыл отправить надо, в госпиталь...

Но не закончил я. Трахнул меня лейтенант в лицо, по носу.

— Фельдфебель! Мельник!

¹ Плавающая тюрьма.

Явился фельдфебель. Усатый, старый, крестик на груди.

— Поставить этого мерзавца на два часа под винтовку.

Лейтенант чуть-чуть мотнул головой в мою сторону.

— Есть!

— Над окопом поставить!

Молчит фельдфебель.

— Ты что, не слышишь? Что я сказал?

— Виноват...

Замер я. Стою, а в рот что-то соленое из носа ползет.

Дали мне ранец, сумку, лопатку, прицепили патронов — штук двести, винтовку...

— Становись! На плечо!

Взял я на плечо. А фельдфебель в окоп спрыгнул. Жаркий день был, пить хочется. Плечи режет. Стою и вперед смотрю, на турецкие позиции. А направо море расстилается, и дымок чуть виден на горизонте.

Так-тук — щелкнула пуля. Наверно, шальная. А жить так хочется. И голова кружится. Сколько прошло времени?..

Дзи-у — протяжно свистнула еще пуля. Наклонился я. А если в лоб? За что убьют?..

Затекла рука, тяжело держать винтовку. В глазах рябит, море — как расплавленный металл, потом круги разноцветные поплыли и звезды... Звезды такие, как у него на погонах...

Зачем все вертится кругом — и берег и море?

Очнулся я в окопе. Кто-то лил мне воду на голову. В ушах шум какой-то тихий, звенящий.

А потом вернулся наш истребитель. К берегу подошел тузик, и я снова был на своем родном быстром катёре.

Снова началась прежняя служба. Менялась погода — штиль и шторм. Мы все ходили у Анатолийских берегов. Но я никогда больше не ходил на береговые позиции.

Прошло пять лет, быстро промелькнули эти годы. Черное море, революция, потом началась гражданская война, отряды, флотилии, снова отряды. С фронта на фронт, и в вечном стремлении к морю.

1920 год. Запись добровольцев для десанта в тыл Врангеля, в Крым. Набирают команду на истребители. Надо записаться.

Недолго готовились. Вышли в море и — к вечеру у крымских берегов. Знакомые очертания гор, знакомые огни маяков. Высадка — и мы в горах. Нас немного — человек двадцать, но мы многого стоим. Мы в Красно-зеленой армии¹, а с севера идет Красная Армия. Врангеля разбили.

И снова мы в Севастополе. Снова идем по улицам, усаженным акациями, и бухта зеркальной гладью перед нами.

Чье это такое знакомое лицо?..

Пытаюсь вспомнить... Долго не могу.

Стой! Анатолийские берега, поход к Трапезунду... это тот лейтенант... Тот самый.

И крепко сжимает рука ручку нагана. Догоняю его.

— Стой!

Остановился, смотрит.

— Помнишь пятнадцатый год... Второй морской батальон... Сигнальщик с истребителя под винтовкой над окопом — помнишь?..

Он побледнел, запрыгали губы, и глаза растерянно забегали.

— Помнишь?..

Расширились от ужаса глаза перед черным дулом нагана.

— Я тогда стоял под пулями турецких винтовок... долго стоял...

Мелкой нервной дрожью предсмертного страха затрясся он.

«Убить сразу?» — мелькнула у меня мысль.

Взглянул на него, и медленно опустилась рука: такой он жалкий, трусливый... Не стоит он и одного патрона. Подозвал патруль...

— Возьмите его...

Попятился он, съежился, ждал пули в затылок...

Я повернулся и пошел к Приморскому бульвару.

Ленинград, 1925 год

¹ Повстанческая армия.

ПЯТЬ РАЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ¹

Нас собралось человек шесть. Четверо «малосольных» — комсомольцы из Учебного отряда недавно пришли, — рулевой Сагура и я. Сагура, старый моряк, плавал еще тогда, когда нынешняя молодежь по лужам кораблики пускала. Ну, а я, да что о себе говорить, — тоже послужил.

Устроились мы на палубе, закурили (сами знаете, у нас на подлодках только наверху курить можно). Завели разговор о том, о сем. Немножко о политике, немножко о своих делах. И вдруг, ни с того ни с сего, один из молодых заявляет:

— Трудна служба на этих лодках! Тесно, темно... Воздух скверный.

— Еще что? — спросил Сагура.

— Опасно, по правде сказать: фут на сто как погрузишься, так...

— Богу молиться хочется? — перебил Сагура.

Я заметил, что старик начинает терять терпение.

— Нет, но... — молодой замялся.

Я человек молчаливый, а интересные разговоры слушать люблю. Особенно, когда Сагура говорит.

— Так вот насчет теперешней подводной службы

¹ Печатается с сокращениями.

изволили вы, дружок, заметить, что она трудная,— обратился Сагура к тому молодому, который начал разговор.— Маленькую справочку если навести о вашей флотской службе, то окажется, что вы проплавали три месяца. Ну, а я проплавал чуточку больше, так мне чуточку больше о подводной службе и говорить можно.

— Про наши теперешние лодки я говорить не стану,— продолжал Сагура.— Квартира, освещение, отопление — словом, все удобства; прямо, как для экскурсий сделаны.

А вот про службу на старых лодках расскажу.

Обретался я во время войны в Черном море на подводном заградителе «Краб». Время военное — походы и походы. Если рассказать про все эти походы, получится тысяча и одна ночь мучений. Я вам только про один поход расскажу.

Последним был этот поход. Получили предписание идти к Варне (порт болгарский) мины ставить. Вышли и как раз к началу шторма — точно он нас поджидал. Мотористы закачались, за моторами уже не так следили. Два мотора застопорились. Шли под одним. Безногий, пожалуй, даст больше ходу, чем мы давали.

Только я с вахты сменился, как вертикальный руль заклинило. Побелел командир. Лодку лагом к волне поставило, кренометр 55° показал. Легли на борт...

«Ну, пришла пора умирать, а белье-то не переменял!» — подумал я. Подержалась лодка на борту несколько секунд,— тогда часами показались, потом медленно выравнилась.

Везло все-таки «Крабу»!

Механик доложил, что нужен ремонт. Пошли в Констанцу (тоже порт, только румынский). Отдыхались мотористы и за исправление взялись. А тут поторапливают нас. Срочно... Так нас и потащил в море один миноносец на буксире. «Ремонт в море закончите!» — так приказали.

Неожиданно немецкий «гидро» налетел. Миноносец буксир отдал и — ходу. Из пушек в небо бьет, а сам ходу прибавляет. А мы на волнах покачиваемся, как мишень, и буксир стосаженный у нас запутался. «Гидро» бомбу за бомбой кладет, снизился. Но был

немецкий летчик молод, горяч и неопытен. Ни одна бомба не попала. Словом, летчик нас обкладывал бомбами, а мы буксир выбирали. Удивительный аврал был.

Повернули наконец назад. Раз лодка открыта, какой смысл идти? Только мы дух перевели, как на нас опять «гидро», да не один, а целых четыре налетели... Успели погрузиться. Пока погружались, тридцать шесть взрывов насчитали. Некоторые заклепки и обшивка дали течь.

Отделались дешево.

Только мы вернулись, нам приказ «идти обратно, мины сами не поставятся». Пошли.

И вышло тут такое дело, о котором узнали только потом.

Командир наш для сокращения пути решил идти *под неприятельским минным заграждением*.

Никто об этом, кроме него и старшего офицера, не знал.

Идем. Время от времени всплываем, осматриваемся. И при одном всплытии послышалось легкое шуршание по борту. В иллюминатор рубки мы увидели мину, которая медленно проползла к корме. Еще несколько секунд — и взрыв. Но «Крабу» всегда везло. Пронесло!

Поставили благополучно свои мины, но обратно пошли уже не под неприятельским минным полем. Нельзя испытывать судьбу.

Отошли от берегов далеко и всплыли. Оказался крен на правый борт. Значит, мины правого борта вышли не все. Осмотр в свежую погоду было некогда делать, заполнили цистерну левого борта и топаем дальше. Пришли в Севастополь и ахнули.

Оказалось, что в начале похода, в шторм, одна из мин правого борта соскочила с рельсов минного элеватора, накренилась, и часовой механизм ударного приспособления отработал. Нужен был только небольшой силы удар, чтобы все полетело на воздух.

Шутка сказать — у нас было шестьдесят мин.

Сагура замолк. Молодежь тоже молчала.

— А ты, дружок, говоришь, что теперь служба подводная трудна.

— Мало ты понимаешь! — добавил Сагура.

ВМЕСТЕ С БУДЕННОВЦАМИ

Пять лет тому назад Конармия Буденного была просто крупной партизанской кавалерийской группой. В приказах она именовалась громким названием — Конкорпус. Против этого никто не возражал — дело не в названии.

Когда после оглушительного разгрома шкуровской и мамонтовской конницы под станцией Касторной 15 ноября 1919 года штаб фронта прислал приказ, где впервые употреблялось слово *Конармия*, тоже никто не возражал. Бойцы ускоряли свой марш, нагоняя удиравших белогвардейцев.

— На Дон, на Кубань!

Для многих знакомые, родные места.

Свой путь туда красные казаки Буденного прокладывали шашками. Пулеметов и орудий было мало.

Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят верст в день. Пехота верст на сто пятьдесят отстала. К Ростову — ближе и ближе... Ветры с Азовского моря дули в лицо.

То догоняя, то отставая от буденновцев, шел морской бронепоезд «Коммунар» № 56.

— К морю!

Тоже «к родным местам».

Клади без устали рельсы и шпалы, вывороченные белыми. Ниточкой растягивали провод — связь налаживали.

Иногда кавалерия на рысях шла рядом с бронепоездом. Моряки и буденновцы перекликались:

— Жми, жми! Ростов близко!

— Близко!

— Вместе брать будем?!

— Будем!

Мелькнут папахи и бурки, брызнет далеко грязь — и скроются впереди буденновцы.

А мы починаем. Досада берет — отстали. Голыми руками взорванные рельсы выковыриваем, новые ставим. Опять нагоняем. Смеемся над белыми:

— У них, наверно, сзади плакат висит: «Не поймаешь, не догонишь».

В слезах окрестные деревни. Все разбито, все разграблено. Белые прошли.

Бои принимаем с налету. Тактика — прямой удар. Опять бегут белые... Водокачки на станциях взорваны. Воду из речек и канав ведрами берем.

— Поторапливайся!

Уголек грузим — море вспоминаем.

— Эх, скоро там будем!

Близок Донецкий бассейн. Шахты, заводы видны. Идем полным ходом. На Дебальцево бой идет. Поддерживать буденновцев надо.

Зашипел паровоз, ход уменьшил. Что такое? Машинист кричит:

— Угля нет!

Остановились. Злоба такая разбирает, что и ругаться не хочется. Сами виноваты — недосмотрели.

Летит мимо 11-я кавдивизия. Тоже к Дебальцево торопится.

— Что, моряки, встали?

А что им ответить? Работает мозг напряженно: что же делать?

Кладбище невдалеке. Есть! Выход найден!

— Выходи все на погрузку!

— Какую погрузку, что грузить-то? Грязь с дороги?

— Дурья голова! Кладбище видишь? Кресты вывори — и в топку!

— Верно!

Затрещали кладбищенские кресты.

Подъехали буденновцы — смотрят.

— Ну и дьяволы — матросы!..

Некогда нам разговаривать. Горячка. Скинули бушлаты — налегке работаем.

— А ну, помогай, кавалерия!

Спешились. Вместе работаем. По полю цепь поставили — кресты на броневики передают. Запылал огонь в топке. Пар поднят. Тендер набили крестами. Белеют дощечки: «Здесь покойся прах Ивана Охрименко». «Скончался в 1908 г. 23 июля».

Пригодились и мертвые. Их кресты службу живым служат — помогут приблизить светлое будущее!

Одновременно раздались команды:

— Рысью м-а-а-рш!

— Полный вперед!

Поспели к Дебальцево.

Загрохотали наши 75-миллиметровки.

И дивизия белым во фланг ударила.

Взято Дебальцево.

В штабе вечером на станции начдив говорил морякам:

— Туго пришлось бы без вас. А теперь дорога на Таганрог открыта. Оттуда до Ростова — один переход.

В темноте ночи у бронепоезда прикрытие — сотня.

Слышно:

— Матросы эти живых и мертвых шевелят! Никаких препятствий не признают!

А моряки на комплимент комплиментом:

— С буденновцами вместе — все перевернем!

Ленинград, 1923 год

ДЕЛО С БАРЖЕЙ

Никогда никто не мог упрекнуть Балтийскую минную дивизию в недостатке боевого духа. В разговорах даже употребляли такое выражение — «Лихо, как на минной дивизии».

Издавна пропитал этот боевой дух минную дивизию, передаваясь от стариков, сделавших еще японскую кампанию, к молодым, которые как-то незаметно сами делались стариками по мере того, как увеличивалось число дней, проведенных ими в море. Из года в год на миноносцах менялись люди, одни уходили в запас, другие приходили, только начиная свою службу. Но боевой дух не менялся.

В прекрасные дни революции он двинул минную дивизию мощным порывом вперед. И тут в новой борьбе этот дух проявился так ярко, как никогда не проявлялся в те времена, когда на гафелях минной дивизии были не красные флаги, а другие...

* * *

Вот один случай из боевой истории красной минной дивизии, который заставляет каждого в безмолв-

ном восхищении преклониться перед героизмом тех, кто был тогда в миндиве.

Может быть, в рассказе будут неточности, может быть, что-нибудь упущено — какие-нибудь детали, но ведь это не важно. Случай ничего не потеряет от этого...

Произошел этот случай тогда, когда каждый из нас был на шесть лет моложе, — в 1918 году. Тогда четыре миноносца Балтийского флота: «Прочный», «Прыткий», «Ретивый» и «Поражающий», подняв якоря в Кронштадте, отдали их на Волге. Так было нужно — белая рука тянулась по берегам Волги и душила Советы.

Не было простора на Волге, на этом «маленьком море», как шутливо называли Волгу команды миноносцев, но узкие берега не стеснили нас. Научились ходить между перекатами (мелями), а учиться бить белых не нужно было. Это делать умели. Июль и Октябрь 1917 года научили.

Для серьезного знакомства с белыми устроили ночной налет на их базу — Казань. Темная августовская ночь осветилась вдруг огнями выстрелов и пожаров. В базе противника было все перевернуто, а на рассвете как будто бы ничего и не произошло. Миноносцы стояли, прижавшись друг к другу, на своей стоянке у поворота Волги перед Казанью.

Потом сбили противника и впервые по Волге понесли невиданные узкие, длинные «пароходики» с 25-узловым ходом, выбрасывая на берега волны, похожие на морские.

Не один подшипник расплавился на судах белой флотилии во время этого бегства от красных миноносцев и не один снаряд продырявил борта белых судов, посбивал трубы и мачты.

На сотни верст (милями там не считали, что делать!) гнали белых. Взглядывая иногда на компасы, ставшие ненужными, замечали румб, просто так — для интереса. Шли уже по Каме — притоку Волги. Шли к Уралу.

В один из дней, когда сигнальщик безнадежно махнул рукой, отчаявшись заметить где-либо белых, пришло одно известие.

Миноносцы стали.

Было отдано странное распоряжение — поднять андреевские флаги. Наскоро скроили их — подняли. Приказали снять звездочки — сняли. Вертелись в голове сомнения разные, но, очевидно, так нужно было, и мы выполняли, а сомнения спрятали подальше.

Взвился «Буки» — и снова вперед. Лесистые, высокие берега убегают назад — пустынно в этом диком краю.

Чувствовали «дело» и готовились к нему, а какое «дело», пока не знали. Потом объяснили. Тогда миноносцы еще быстрее понеслись. Торопиться надо.

Заметили на берегу, у какой-то деревни, пехоту. Ага! Подходим ближе. С мостика — в рупор: какая часть?

Отвечают и спрашивают:

— А кто вы?

— Флотилия адмирала Старка, идем на соединение к Камской флотилии.

Надо сказать, что у белых на реке Белой была какая-то флотилия, которую мы закупорили и отрезали, не дав выхода в Каму.

Идем дальше. В гостях у белых, но чувствуем себя хорошо.

Наконец — у цели. Приготовились. У орудий и пулеметов так кучками и стоим, как будто берегами любуемся, и покуриваем.

Пристань. У пристани — баржа огромная. На ней караул. Подходим вплотную, здороваемся, бросаем концы и сразу этот караул «к ногтю». Только пузыри по воде пошли. Бросились к люкам:

— Товарищи, выходи, здесь красные матросы!

Тихо в темных сырых трюмах. Полезли сами — и в ужасе отшатнулись. Перед нами были живые скелеты, валявшиеся в зловонной жиже.

Это были пленные красноармейцы и заложники, взятые белыми. Их было несколько сот человек.

Они умирали от истощения. Живые, вернее, полуживые, валялись с трупами, уже начавшими разлагаться...

Вряд ли кто-нибудь видел, что так быстро можно было взять на буксир такую огромную баржу, как взяли мы ее.

Безумная радость светилась в глазах освобожденных, которых мы выносили на палубу, на свежий воздух...

Шли обратно. Опять та же пехота. Опять подошли. Но не для разговоров. Не останавливаясь, все миноносцы почти в упор открыли огонь.

На гафелях были снова красные флаги.

Взметнулись взрывы, затрещали пулеметы. Белый отряд был истреблен.

Вернулись к своим. «Дело» сделано, и, кажется, недурно.

1924 год

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛ

— Завтра ты отправишься в Петровск к белым. Будешь белогвардейца изображать. Постараешься попасть на один из кораблей. Задание — выяснить все относительно постановки минного дела. Это как раз по твоей специальности.

Тот, к кому обращался начальник Закордонного отделения Особого отдела Н-ского района, не выразил ни удивления, ни особенной радости.

Так началась эта история.

Обычно из Астрахани в Петровск направляются морем. Это отнимает совсем немного времени. Но когда вам нужно из красной Астрахани попасть в белый Петровск, то этот обычный способ оказывается непригодным, так как все шансы за то, что вы гораздо скорее очутитесь на морском дне, чем в Петровске. Объясняется это присутствием в море белых судов.

Эти-то соображения и заставили беседовавших развернуть карту и начать составление наиболее безопасного и наименее длинного маршрута: Астрахань — Петровск.

— Было бы удобно на «гидро», но рисковать аппаратом, когда их так мало, нельзя, — заметил тот, кто должен был рисковать собой.

— Да. Остается один путь — кружной. Тебе предоставляется полная свобода выбора. Действуй по своему усмотрению.

— Я думаю двинуть тогда через Царицын — Тихорецкую, а там по Владикавказской на Петровск.

— Двигай! Документы получишь любые.

Они расстались. Было это 28 июня 1919 года.

На одной из станций под Царицыном все были взбудоражены таким случаем: какой-то рослый, здоровый подпоручик с забинтованной головой бил солдата. Бешеным криком вылетали из глотки слова:

— Каналья!.. Хам!..

Толпа солдат и казаков стояла у вагона и казалась безучастной. Тяжелые, сумрачные взгляды отводили в сторону. Пришел комендант станции. Подпоручик несколько отрезвел и, указывая на избитого им солдата, обратился к коменданту:

— Возьмите его!..

Солдат что-то растерянно лепетал. Его увели.

— Еду с фронта, контужен, думаю лечиться, отдохнуть, и вместо этого — хамье нервы портит.

Комендант сочувственно поддакивал.

— Пропустил поезд, приходится ждать... Вы мне поможете, господин комендант?

— К вашим услугам, господин подпоручик!..

Кому же охота отказывать или противоречить контуженному в голову офицеру, с которым из-за каждого пустяка может случиться нервный припадок.

С первым же поездом подпоручик уехал.

«Вышло лучше, чем я ожидал... Жаль солдата, но что ж делать? Без этого мордобоя не получилось бы нужного впечатления. А теперь — все как на заказ, — подозрений никаких... место в вагоне. Вот только чертова повязка мешает!»

Эти мысли проносились под стук колес в голове ехавшего из Астрахани в Петровск кружным путем.

Петровск ничем не замечателен. Небольшой портовый город. Пожелтевшая, засыхающая от зноя зелень, тучи пыли, сонные обыватели. В порту крепкий запах протухшей рыбы, жирные пятна нефти. У при-

станей — наливные баржи, пароходы... Часть порта огорожена колючей проволокой и охраняется патрулями.

Здесь — база белой военной флотилии. Под андреевскими флагами стоят «Аракс», «Азия», «Дмитрий Донской», «Слава», «Европа» — вооруженные транспортные и канонерские лодки.

Нужно было не более получаса, чтобы превратиться из контуженного подпоручика в здорового безработного моряка, одного из тех, которыми был заполнен Петровский порт в то лето.

Около недели понадобилось на предварительные разведки и знакомства с главарями из штаба флотилии. Добытые сведения говорили, что на судах не укомплектованы команды и каждого мало-мальски знакомого с морем берут охотно.

Получить бумажку о назначении из отдела личного состава, начальником которого был какой-то пропитанный спиртом лейтенант, было не трудно.

Так была выполнена первая часть задания начальника Закордонного отделения Особого отдела Н-ского района.

Появление в море красных судов и барж, вооруженных 6- и 8-дюймовыми орудиями, заставило белогвардейскую флотилию «встать в ремонт». По крайней мере, так объяснял штаб флотилии бездеятельность белых судов, которые, казалось, прочно приросли к стенке.

На судах велись такие разговоры:

— На восемьдесят кабельтовых такой перелет нам закатили эти самые баржи, что у нас сразу все гайки отдались.

Это было более правдоподобным объяснением бездеятельности белых судов.

Штаб долго шевелил мозгами — что бы предпринять. Наконец в Севастополь была послана телеграмма о срочной присылке мин заграждения. Был получен ответ — «высылаем», но прошел месяц, а мины продолжали лежать в складах Севастополя.

Наконец долгожданные мины прибыли. Белые воспрянули духом:

— Такой сюрпризец красным устроим, что их в жар и в холод бросит!

Начали оборудование минного заградителя. Выбрали небольшой винтовой пароход с малой осадкой, пристроили рельсы для мин, набрали команду. Операция была задумана смело.

«15 сентября минному заградителю выйти в море на постановку мин заграждения на курсах следования Красной флотилии в районе острова Логани. Постановку произвести в ночь на 16-е. Начальник флотилии каперанг Сергеев».

Для руководства операцией прибыл на «Президенте Крюгере» сам начальник флотилии.

Удалась постановка блестяще. А главное, была соблюдена скрытность.

В кают-компаниях после похода много пили и держали пари, «сколько взорвется красных».

Командир заградителя потирал руки:

— Хе-хе-хе! Господа, вот — хе-хе-хе! Удачное дело. Хе-хе-хе!..

На другой день был устроен демонстративный выход белогвардейской флотилии с целью вызвать красных на бой и завлечь их на минное поле. Красная флотилия вышла. Она открыла огонь с обычной дистанции, почти сразу сделав накрытие белых. Не отвечая на огонь, белые стали отходить на Ost, заманивая красных на минное поле. Белые тряслись в лихорадке ожидания.

— Через двенадцать минут они начнут взрываться,— сообщил штурман «Аракса».

Красная флотилия, блестя огоньками выстрелов, преследовала белых. Впереди шли корабли красных «Финн» и «Эмир бухарский».

— Через несколько минут от них должны остаться щепки, масляные пятна и пузыри воздуха...

На мостике флагманского корабля белой флотилии кто-то приготовил фотографический аппарат.

— Клянусь честью, это будут редчайшие снимки,— пылал восторгом любитель редчайших фотографий...

Пластинки оказались неиспользованными. Это было неожиданно, но это было так! Красные благополучно прошли минное поле.

Никаких взрывов, даже намек на взрывы не было. Зато снаряды красных ложились все чаще и вернее.

Паническая растерянность овладела белыми.

«Не надо думать, что мины всегда взрываются. Если над ними поработает опытный минер, то они могут и не взорваться».

Эти мысли проносились под шум волн в голове прибывшего из Астрахани в Петровск кружным путем.

Так было выполнено то, что не было предусмотрено начальником Закордонного отделения Особого отдела Н-ского района.

Большую роль играет в жизни случай. Надо же было случиться, чтобы перебежчики из Астрахани встретили в Петровске того, кто прибыл в него кружным путем, опознали его и донесли...

Он не был расстрелян. Нет! Ему отомстили иначе, когда дознались, что именно он, пользуясь невнимательностью минного офицера и темнотой, обезвредил мины перед самой постановкой.

Его взяли на вторую постановку и, привязав к одной из мин, сбросили в море.

Но и второе минное заграждение не достигло цели.

Тот, кто умер на шестифутовой глубине, успел предупредить Закордонное отделение Особого отдела.

Красные тральщики протралили минные поля. Во время тральных работ была выловлена мина с привязанным к ней трупом моряка.

Так кончилась эта история...

Ленинград, 1923 год

ГИБЕЛЬ КРОНШТАДТСКОГО ПОЛКА¹

Ходили слухи, что их было — тысяча, две, три. Но определенно не знали, сколько же их было.

Я знаю, что их было тысяча восемьсот восемьдесят пять. И все они, как один, похожие друг на друга, как прибрежные балтийские сосны. Великолепным шагом прошли они Якорную площадь Кронштадта и, бросив прощальный взгляд на гавань, ушли на сухопутный далекий фронт. В бумагах красавцев значилось: «Военный моряк первого морского кронштадтского полка».

17 декабря 1918 года... Полк стоит под селом Кузнецовским, на Урале. Ночью пошли белые сибирцы на матросов. Юз стучит: «Противник силой до шести тысяч штыков начал наступление на участке кронштадтцев...»

— Го-го, Марфуша, ставь самовар, гости едут!

— Гады сибирские, спать не дадут...

— Искромсаем!

— Стукнем!

Цепь в снегу... Идет передача.

— Прицел постоянный. Без приказа не стрелять...

¹ Печатается с сокращениями.

Так. Подпускать, значит, в упор. А ночь лунная — удобная для этого. Ведь на снегу все видно.

Идут сибирцы. Смотрят матросы:

— В рай торопятся...

— Хорошо идут, ей-богу!

Пулеметчики спешно докуривают, потом некогда будет: предстоит бой, а то еще и убьют.

Табаку мало, второй номер просит:

— Оставь двадцать, а?

Потянул. Третий просит:

— Заявка на сорок...

Пососал третий, пальцы сигарка обжигает, держать нельзя, но мы народ хитрый: подденем ее на острую спичечку — и ко рту, вот на пару затяжек и хватит. На все, друг, соображение надо.

Комиссар подбадривает:

— Держись за землю, братки. Корешки пускай в нее, расти, как дерево.

Идут сибирцы...

— А ну, сыграть им, а?

— Стоп! Без торопливых. А то еще залягут...

У гангутских подначка идет:

— Мишечка, может вам надо для безопасности партийный билет на сохранение сдать?

Мишечка глазом косит:

— Ты от себя или от хозяина треплешься?

— Мишечка, странный вопрос. Хозяев ликвидировали. (И сразу голос изменился.) А чалдоны-то близко... Во! Гляди, Миша!

— Вижу...

Сибирцы подходят: цепями, вперебежку. Интервалы по фронту — три шага. Примолкли все. Тихо. Тут у одного зубы застучали. Слышно, как снег скрипит. Командиры матросские — старые, бывалые — ловят глазом, чуют нутром: опередить сибирцев надо, ожечь их прежде, чем «ура» начнут. С «ура» легче идти, а если их раньше стегануть — труднее им наступать будет.

Братки лежат, левыми локтями под собой ямки буравят. Кто понервнее — курок поставит, чтобы не дернуть раньше других. Полковой пес, взятый с крейсера, стал подскуливать. Цыкнули — умолк. Пулеметчикам из резерва горячие чайники летом тащат: кожуха пулеметов прогреть надо. И — вот с фланга: «По противнику! Постоянный. Пальба рот-той!»

Старый унтер голос дал — что в тринадцатом году на плацу у Исаакя.

— Рот-та!

Подождем... На выдержку берет...

— Пли!

Эх, плеснули! Ох, капнули! С елей снег посыпался...

А пулеметчики ждут. Свои «максимы» белолобые прячут. А ну, иди ближе, Колчак! Мы тебе захожде-ние сыграем.

Загудели сибирцы. «Рр-а-а»... Жидковато...

— Огонь!

Бьют матросы с рассеиванием.

— Шире рот разевай, лови!

Окапываются сибирцы...

— Хлебнули!

— Куда лезете, здесь для некурящих!..

Тихо...

Время шло. Девять атак было.

Двое суток сибирцы окружали полк, теснили его. Полк подался и занял кольцевую позицию... Окружен... К концу вторых суток, девятнадцатого декабря, в десятую атаку готовились сибирцы. Шрапнелью поливать начали.

Покрикивают в цепи братки:

— Санита-а-ры...

— Носилки...

Ответ дают:

— В цепи санитары все...

Шестая рота по семь патронов на человека имеет. Когда ты в кольцо — это не богато. И вдруг:

— А ну, кто за патронами?

Вскинулись... Кто кричал?

Васька отвечает:

— Есть патроны. Кто со мной? Идем с убитых снимать...

И на белых показывает. А их на снегу, в шагах двухстах, не обер-бери.

— Поди, поди-и, тебе жару дадут. На тебя запас там есть...

Вася говорит:

— Мишечка, вы, конечно, с Тулы вагон патронов себе затребовали, и вам нет заботы, и вам этот вагон два паровоза экстренно везут.

Мишечка лежит, молчит.

— Или, Мишечка, вы разговаривать не желаете? Слабо идти, а?

Молчит Мишечка. Встал, подошел к нему Вася. С ним еще четверо. А Миша лежит, не движется. Политрук говорит:

— Ну, за Мишку никогда не думал худо, а тут не пошел...

— Коммунар!

А Мишечка лежит в цепи тихий, неразговорчивый. Тяжко ранен он.

В цепи обсуждают:

— До подъема флага продержимся?

— Нет.

— Сомнут...

— Говорят, выручка идет...

— Эх, обнял бы я на прощание какую-нибудь старушку лет семнадцати...

Вася ползет по снегу. Дотащился. Лежит один бородатый солдат на животе, рука в сторону откинута. Колечко алюминиевое поблескивает. Голова набок. И слезы замерзшие. Вася с ним в разговор:

— Эх, дура-борода. Ведь взрослый парень, а тут да же.

Мурлычет Вася между делом:

— Спи, дитя мое родное, бог твой сон храни...

Патроны с мертвеца снимает, приговаривает:

— Колчак чай внакладку пьет. А ты мертвый на холоде зябнешь (пересчитывает патроны). Один, два, три, десять — и то хлеб... Дело твое кончено, а нам, может, еще целый день жить.

И дальше пополз матрос. Набрали все-таки кое-каких патронов. Опять шрапнель лопается. Потом затихло. Пули свистят беспрерывно: «Пи-у, пи-у...»

— Вот она, пуля, за молоком пошла.

Двинули сибирцы. Заходили пулеметы.

Раненые второй роты сидят и лежат в яме.

— Опять пошли...

— Может, выручка придет?

— Воды бы...

С жару, с лихорадки раненые снег едят...

— Товарищи, воды бы... Глоток хоть... О-ох...

Стонут недобитые братки. Руки себе искушали. Один пополз воды просить в лощинку, где снег для пулеметов топят.

— Дай глотнуть.

— На, только немного, костер тухнет, а пулеметы сгыннут.

Рядом — ели в обхват, а в костер класть уже нечего. Что было сучьев — поломали, порубили, пожгли...

— Мне бы котелочек для раненых.

— Не выйдет, браток...

Пулеметчики примчались.

— Воду давай.

— Тут раненые просят...

— А нам как же, чего в пулеметы лить?

Поглядел раненый на пулеметчиков и сказал:

— Берите воду, братки. Полку атаку отбивать надо. Потерпим...

И снова едят раненые снег и тихо стонут:

— Испить бы...

Рядом комиссар лежит. Бок у него разворочен, кровью истекает, бойцов уговаривает:

— Потерпим, друзья, потерпим.

И захлебнулся кровью комиссар. Отбили атаку последними патронами матросы.

За полночь перевалило. В пятой роте покуривают, идет тихий разговор

— Всыпались вроде, а?

— Похоже...

— Выручка идет, бригада целая.

— Языком треплешь.

Командир и двое уцелевших коммунистов из ячеек — обсуждают:

— Был полк и должен быть полк как полк.

— Ударить на них разом. Может, прорвемся?

— Нечем уже ударять. По двадцать человек в роте осталось.

— Что же делать-то?

— Принять гранатами, а потом «на руку». Кто-нибудь ранеными займется.

В ротах готовятся. Граната дистанционного действия — «лимонка». Взяли гранату в правую руку, левой сорвали свободный конец ленты с головки запала.

— Запоминай, товарищ, правила изготовления к бою: правой рукой чиркай дощечку, как спичку. Огонь пройдет по внутреннему бикфордову шнуру к капсюлю. Размахивайся и сразу бросай. А у кого гранаты Г-1, проверь тоже. Бери гранату в правую руку. Ле-

вой снимай предохранительный колпачок, ударяй правой рукой гранату раз или два по левой ладони. (Ну, как бутылку водки. Эх, пополоскать бы зубки под конец жизни.) Жало ударит капсулю, он воспламенится, огонь пойдет по бикфордову шнуру к заряду. Через пять секунд взрыв, бросай...

— Все в порядке?

— Все.

— Ваську вызвали к ротному в ячейку. Идет, нашептывает сам себе: «Полный, малый... стоп...»

— В чем дело?

— Где гармонь?

— Лежит в порядке. А что?

— «Вставай, проклятьем заклейменный» знаешь?

— Нет... Я больше романсы и танцы знаю...

— Чудак, почему не научился?

— Вот пусть белые подождут — научусь, пожжалста...

— Говори толком, что играешь-то?

— «На сопках» знаю, «Подеспань», «Краковьяк», «Песня кочегара»...

— Толком бы чего-нибудь.

— А вот «Варяга».

— Дак это старое...

— Зато флотское. А для чего именно нужно?

— Будешь сейчас в цепи играть.

— Ай, здорово! А там и выручка подойдет...

Пошли. Вася саратовскую гармонь вынул. Взял с переборами...

— Ай, ой-иху-аху-аха-ха.

В цепи:

— Вот чудило. Молодец!

— Дай, дай, Вася!

— Вот прилажусь...

Три гранаты приготовил, ямку удобную в снегу устроил.

Представился:

— Рота моя, слушай меня... Сеанс начинается. Любимец публики с крейсера «Россия», кавалер кронштадтских дам, машинист самостоятельного управления — Васичка Демин.

Матросы заулыбались:

— Вот зараза!

Донеслись возгласы белых:

— Наступа-а-й!

И опять пошли сибирцы. Потарахтели два пулемета, и кончились патроны у матросов. Только гармонь играет...

Идут сибирцы. Скрип по снегу. Опять залегли, а братки гудят:

— А-а-а...

— Что, сапоги жмут?

Командир кричит братве:

— Держись, карапузики, выручка будет!

Ни черта, товарищи, не будет. Только разговор для подъема духа делается. Понимают это ребята. Сибирцы опять пошли. Матросы за гранаты взялись...

— Товарищи, держитесь кучнее, корму не показывать!

А Васичка опять треплется:

— Первым номером исполнена будет популярно-морская мелодия «Варяг». Три-четыре...

Наверх вы, товарищи, все по местам.

Последний парад наступа-а-а-ет.

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг».

Пошады никто не жела-а-а-ет...

Ну что же делать, что Васичка подходящего не знает. Вы его простите.

...Все выпелы вьются, и цепи гремят...

Наверх якоря поднимают...

«Варяг» послужил полку, разное бывает... В цепи уже все в рост стоят, в руках гранаты. Васичка играет «Варяга»...

Кричат белые:

— Сдавайтесь!

Ответ из полка дают:

— Тппрру...

— Сад-дись!

— А ну, дернули!

Полетели гранаты. Искры сыплются — фосфор у «лимонок» горит.

Сибирцы шарахнулись — кто назад, кто вперед. Не любят они этого дела...

Мертвый лежит первый кронштадтский полк.

Лежит у села Кузнецовского. Знаю только двух живых — из полка вырвались Емельянов и Степанов...

— Товарищи крестьяне села Кузнецовского, сложите груды камней у могилы павших — в память полка!

В Кронштадт с Восточного фронта пришло сообщение об исключении из списков первого морского кронштадтского полка.

В гавани кронштадтской — траур на кораблях.

— На флаг, смирно!

— Флаги приспустить!

До половины вниз сбегали флаги. Стоят смирно матросы на палубах. Тихо падает снег. Траур.

Стоят минуту. Уходят годы...

«Ай, ой, иху-аху, аха-ха!» Пошел из Кронштадта второй полк. Смотри, Колчак. Моря нам не видать, если тебя не разгрохаем...

А первый кронштадтский полк лежит и лежит — мертвый, у села Кузнецовского.

Сибирцы бродят, смотрят на матросов, удивляются:

— Вот народ!

— И чего они такие?

— Меченые...

На руках матросов действительно синеют якоря.

Шарят сибирцы, обирают трупы. У одного портсигар пустой нашли, у другого — наган без патронов, у третьего газету вытащили.

— Дай-ка газетку, покурим...

А полуротный тут как тут.

— Дай сюда газету!

— На раскурку разрешите оставить, господин прапорщик.

— Давай, не разговаривай!

Сует солдат газету полуротному:

— Виноват...

Разве можно нижним чинам сибирской армии держать в руках «Красную газету»?

Кронштадт, 1930 год

БРОНЕПОЕЗД «СПАРТАК»

— Встать!

— Вста-ать!

И бойцы, повстанцы Украины, встают. Они встают медленно и грузно... В походах прилип чернозем Украины к ногам бойцов. Ноги натружены, огромны и тяжелы. Как ими идти, как ими ступать по степям Таврии?..

— Вста-ать!

Встань и ты, если наш. Встань и слушай повелительный возглас, вскаляющий кровь,— возглас, следующий по уставу, блюдимому нами,— «Встать!»

А если ты не наш, если ты враг,— присутствуй здесь и гляди на то, что произойдет. Гляди, недострелянный! Гляди, пока жив! И слушай, слушай!

Бойцы, повстанцы Украины, встали. И за возгласом «Встать!» по степи Таврической лег клич:

— Вперед!

— Вперьод!

Вперед, хлопцы! Вперед, товарищи! С нами! Мы идем в атаку! Мы идем брать Мариуполь. Сегодня, 24 марта 1919 года.

Ты был, родной, в атаке? Был? Дай, старый боец, руку на ходу. Шире шаг! Пошли!.. Идем сегодня снова!

А ты, комсомолец? Идем, браток. Ты много увидишь и поймешь сегодня...

По степи Таврической — тяжелая поступь бойцов. Нет еще встречных пуль, но сердце бьется неровно. Что будет сегодня, что будет сегодня?

Город молчит... Море молчит... Небо молчит... Только степь гудит... Наши глотки гудят. В твою славу, за твою жизнь, Украина, — и пусть! — гудят перед нашей смертью!

Город заговорил:

— Дывись, Яким Хрущ упал.

— Кто там, коло ранетых, остановывсь? А ну, вперед!

— Дывись, Трохим Коцура упал.

— Вбыт. А ну, ходом!

Дивись, Украина! Дивись! Партизаны идут, не идут — летом рвут. Ах, пули бьют, бьют... По наше мясо плачут, кричат. Чуешь, Украина? Чуешь, мати?!

В цепи и матросы, бригаде в помощь данные, летят. Ходом! Ходом!

Жарко бежать в атаке, тяжело бежать. Двести патронов на теле, и каждый патрон более пяти золотников.

Пули бьют, бьют... Глухим бы сделаться. А ну, не робеть! Швидче! Кто там в землю лезет?..

— Партизани! Товариство! А ну, разом, а ну, возьмем! Вперед!

И, наискось держа винтовки затворами у глаз — хоть одна бойцу от пули защита! — кидаются партизаны к первым домам. За вильну Украину!

Опалены вражьими выстрелами брови и ресницы, и опять падают повстанцы. Умирующие дышат кислым запахом бездымного пороха. Залегли все. Сливают кровь раненые, и идет от нее пар.

Примолк город. Белые держатся.

И когда примолк, — еще раз рев по его стенам ша-рахнул:

— Виддай Мариуполь!

Братки хрипят:

— А ну, дай море!

От бега тяжелых ног задрожал город.

— Отдай!

— Видда-а-ай!..

Третья бригада повстанцев вошла в Мариуполь... Белых — в пыль. Штаб бригады быстро и победно дал телеграмму: «Мариуполь занят». И дальше стучат юзы...

Что будет сегодня! Что будет сегодня!

И в тот же день, следом за атакой, паровоз по рельсам прыгает, мотается, семьдесят верст в час идет, ветер свистит,— рот и нос забивает. Стук на стыках, как пулеметный,— в одно сливается. Рви, ай, рви!

К Азовскому морю три матроса летят в Третью бригаду, чтоб обстановку узнать. Машинист из окошка руку свесил, на руке стальная цепь-браслет — знак силы и верности. Машинист свой — с эскадренного миноносца Черноморского флота «Гневный».

Приазовская степь. Таврия. Морем пахнет. Чуют матросы, ох, чуют, не ошибутся! Море вновь увидят, на море глаз положат! Дай море, дай!

Дыханье азовское флотские ленточки вьет, распластаны они по ветру. На тендере матросы, на каменном угле открыто стоят, качаются, грудями воздух секут. Рви, ай, рви!

Едут матросы на дело, о судьбе голов своих про себя думают... А ветер бьет, хлещет. Камышом, тиной, рыбой, солью пахнет. Рви, машинист, прибавь там ходу,— эй!

— Под откосом будем!

— Фактёц — буде-ем. Прибавь!

— Есть прибавить!

Смех, ой, смех с такого дела! С такого хода рельсы разболтать на этой ветке можно. Петрушка выйdet. Но парни не в шалость ход прибавляют — парни о боевом приказе думают. Успеть надо.

— Какой час?

— Одиннадцать.

— Час имеем.

За Волновахой на прямую к морю вынеслись. Бушлаты поскидали, к топке кинулись. Лопаты звенят, уголь в расплавку идет, глядеть нельзя. Манометр «стоп» кричит, парни уголь в топку сажают. Скорее, скорее! Именем морской бригады путь на Мари-

уполь для паровоза освобожден. Прямой провод работает, телеграфисты стучат, как только паровоз мимо станции прогрохает... Прошел... Прошел... Прошел...

Рви, прибавь еще! Осатанели матросы. Машинист на манометр глядит, кричит:

— Большой кошмар выйдет!

Ничего не слышат матросы. За руку машинист их хватает, пальцем тычет — стрелка куда за красной чертой.

— Кошмар выйдет!

— А... чтоб ты понял — во!

На манометр бескозырку надели. И не видно — чего там стрелка беспокоится.

Парни, рви! Дело за дело идет. Свое мясо пожалеете — беда будет!

Влетели в Мариуполь...

— Который час?

— Одиннадцать часов тридцать пять минут.

Так! С ходу стоп сделали, на землю спрыгнули. Двое матросов по-украински балакают, один — нижегородский.

— Где штаб?

— Ось там.

Летят — шаг в сажень. Часовые стоят, на их поясах рядами висят немецкие гранаты — деревянными ручками вниз. Матросы к часовым. Часовые глядят:

— Це ж вы видкиля?

— З Александровська...

— Так. А що ж вы с Александровська?

— Трэба.

— А що ж вам трэба?

— А ну, что я с тобой буду балачками заниматься! Кличь товарищей — начальство. Ну!

— А що ж я буду клыкать, як воно и само идэ.

Щус подходит, матрос черноморский со «Свободной России», вторая голова повстанья. Венгерка на братке — ярко-синяя с золотом, фуражка — с ленточкой Георгиевской черноморской и шпалеруха «Стейер» в пол-аршина.

— Здоров.

— Товарищкы дорогие! Гостэчки дорогие!

Не знает, как принять, как посадить.

Матросы о командире Третьей бригады спрашивают:

- Як батько?
- Батько живэ.
- Ну, и добрэ.

Вежливость сначала. Теперь пора чуть-чуть и к делу:

- Шус, як воюетэ?
- Дякую, гадов бьемо, аж пыль лэтыть. Зараз бой хранцюзам даемо... У порту — эскадра...

«Мариуполь занят»... Но в порту французская эскадра. Не тороплива ли была телеграмма Третьей бригады?

Дальше разговор:

— Знаем. С того, друже, и летели сюда. Как там на эскадре?

— Ультиматум — им — с Красной Армией дали, шоб убывались к боговой матери.

— Так, лихо им в рот!

— Поручимо. В двенадцать годин по хранцюзам огонь откроемо з вашего бронепоезда, як з Мариуполя не повыкататься. Вы тилько доглядайтэ за бронепоездом. Воны там аутономую разводьят... Бис их знае, що воны думают... Эскадры, мабуть, пугаются...

Бронепоезд «Спартак» — недавно сформирован — по портовой ветке пошел. Партизаны глядят:

— О, идэ!

Три товарища с паровоза идут на «Спартак» и дают пакет командиру бронепоезда. Три товарища летели с пакетом потому, что прямые провода во фронтовом районе — нам не гарантия.

В двенадцать часов, в полдень, истекает срок ультиматума, от имени Красной Армии предъявленного командованию французской эскадры: «Красная Армия требует очистить Мариупольский порт. Красная Армия требует прекратить погрузку угля на французские суда. Уголь — достояние Украинской Советской Республики».

Ответ гласит: «Французская республика. Правительству России в свое время были предоставлены Францией суммы, кои не возмещены, и принимаемый по необходимости военного времени уголь из запасов Мариупольского порта является компенсацией, получаемой Францией за означенные выше невозмещенные

суммы, как упомянуто и как подчеркивается повторно, в свое время предоставленные ею правительству России. К сему командующий французской эскадрой.

Рейд Мариупольский. 24 марта 1919 г.»

Ответ на ответ гласит: «Суммы, упоминаемые командующим французской эскадрой, предоставлены были правительству царской России, но не правительству Советской Республики. И потому за этими суммами надлежит обращаться именно к тем, кто эти суммы получал. Напоминаем свое требование: в 12 часов сего числа французским судам надлежит сняться с якорей и покинуть Мариуполь».

Ответ гласит: «Французская республика. Доводится до вашего сведения, что погрузка угля будет продолжаться. К сему командующий французской эскадрой».

«Спартак» стоит. Эскадра в порту. В бинокль видно — уголь грузят. А уголь донецкий, знаменитый. Угля этого в Балтике ждут, угля этого заводские кочегарки Украины и России ждут!

В двенадцать часов будет решение дела. «Спартак» поступит согласно революционной необходимости. Пакет-приказ доставлен. Три товарища об этом просили, и обещала команда — выполнить.

Щус спросил:

- Ну, як? Выполнят?
- Выполнят.
- Без аутономии?
- Все будет в порядке.

На «Спартаке». Часы вынуты. Снаряды из гнезд погреба вынуты. На случай боя в городе, если будет французский десант, гранаты ручные вынуты. Пулеметные ленты из ящиков концами вынуты.

У носового орудия матросы стоят. На корабли Франции смотрят.

— Стоят, гады!

Матросы и ругаются и любят корабли Франции, скользят глазом по бортам, мачтам и трубам... Фартовые корабли! Дадут залп — бож-же мой! — пропадешь... Мысли сразу являются на этот счет...

- Сколько осталось?
- Без восьми.

— Охо-хо!.. Фартовые корабли! А наши — потопленные в Новороссийске лежат... Ы-ых!..

Стоят французы один в один — миноносцы и транспорта. Горят, блестят — красота, помереть можно! Комендоры спартаковские тихо на скрещение нитей прицела самую красоту эту и блеск уже взяли. Взяли исподтишка. Приходится... Да, вот: хорошо, удобно брать прицел, когда у противника блестят корабли, когда спасательные круги белеют отчетливо, когда медь горит.

— Ну как?

— Без семи.

К бронепоезду Щус подходит:

— Здоровеньки булы, хлопцы!

— Здорово, Щус.

Оглядел. Видит — готовятся. Улыбается Щус — боевой, дьявол!

— Гарнэнько. Як там, товаришки, скільки осталось?

— Пять минут.

— Поковиряемо! (Видит — лица боем не горят.) Хлопцы, вы не бойтэсь... Вы ще нэ бачили, яки ми бои на Украине приймали! Потроха хранцюзам пораскидаемо. Никому угля не дамо. Партизанський уголь. Ми им нагрузимо!

— Щус, дай по банке!

— Могу усю команду угостить. Тільки поста-райтэсь.

Дернули по банке, кишки ожгли. Хорошо!

Балакают со Щусом, на часы поглядывают.

Партизаны берегом вперед выдвигаются — на эскадру цепью идут. Лихие хлопцы!

Петр Попов к прицелу орудия прилип. Минута осталась.

— Глаз выдавишь, Петро!

— Не бойсь.

Глядит Щус на эскадру. Оценивает. Сам моряк. Петру Попову командует:

— Наводь, на полный!

— Есть.

Коротка минута. Поглядишь и дашь приказ — и истекла минута.

На часах двенадцать.

Полдень!

Полдень!

Корабли французские уголь грузят.

Полдень!

Даже не видно, чтобы на палубах кто-нибудь к концам вышел.

«Спартак» стоит, не дымит — кочегары дело знают в совершенстве. Тут за один дымок — с кораблей плевков, и ваших нет. Действуют поэтому кочегары как надо. Пропадать неохота. Из трубы только теплый воздух, а дыму нет. Уметь надо.

Щус командует:

— Хлопцы, а ну, вдарьтэ!

У-ух, считай остаток жизни, французский адмирал!

Щус — матрос черноморский, рука повстанья Украинны, — огонь с бронепоезда открывает, всей Антанте вызов бросая!

— Вдарьтэ, хлопцы!

Даже не шевелятся матросы.

— Огонь, кажу, хлопцы!

И не глядят матросы.

— Огонь, хлопчики! Партизаны ждут!

И не глядят матросы.

— Що ж вы — не подчиняетесь? А?

— Не кричи. Ша!

Помолчал Щус, и желчь в рот пошла.

— Измена! Пострелять усих. Пьянии?

— Не кричи на ветру. Простудишься.

Щус командира бронепоезда в грудь бьет. Долой такого командира!

Щус командование берет на себя. Во имя повстанья! Во имя вольности Украины!

Щус другого в грудь бьет.

— Кацапы!

Попов от прицела отходит. Щусу нос на сторону сворачивает, сурик из этого носа пускает, за волосы держит, в ухо дает, в морду Щуса, как в бубен бьет, о броняшку стучает и просит:

— Не авраль.

— А-а-а-а-а!..

— А не кричи.

— А-а-а-а-а!..

— А не кричи.

Приказ штаба Третьей бригады не выполнен матросами.

Ты улыбаешься, враг? Ну, кричи: на командование бригады матросы руку подняли! Ну, кричи: предательство!..

Кого побили? Щуса — второго в Третьей бригаде, руку повстанческих сил Украины побили!

Ой, быть человеческой смерти! Ой, быть человеческой смерти! Гнев качает Щуса...

А матросы меж собой разговаривают:

— Выкинь его за борт.

Сбросили.

Потом:

— А ну, подымись! Подыми головку, скажи «а».

И тут сорвали с фуражки Щуса ленточку. Оскорбили насмерть.

Ой, быть человеческой смерти!..

Гнев качает Щуса!

Щус бежит, кровь свою пьет.

В штабе повстанцев зубами скрипят: кого побили — Щуса!

И к повстанцам весть бежит: «Измена!»

12 часов 10 минут.

Эскадра стоит. Уголь берет. На ультиматум Красной Армии крест кладет.

Что делать, товарищи? Сейчас — прикинув — будем действовать...

Щус в штабе бригады шумит:

— Продалы! На часы смотрите! Двенадцать часов пятнадцать минут! Продалы матросы.

12 часов 16 минут.

В штабе бригады решение: диктует командир Третьей бригады Нестор Махно:

— Бросай бригаду на бронепоезд. Давить изменников всех чисто!

Кричит сигнальщик на «Спартаке»:

— Сходни убирают!

— Так!

— К концам идут!

— Так!

Корабли французские покидают порт.

Дым стелют черный и уходят в него. Не видно в дымовой завесе кораблей.

Прикинуть, я говорил, надо. Ведь могут же часы у французов отставать или у нас спешить. Бывает же?..

Действовать, я говорил...

Спартакотцы тихо и не спеша садятся обедать на палубе — орудийной площадке. Сегодня макаротны. Ну, и макаротны наварили, ай, макаротны!

Сели товарищи. Лица их безмятежны... Боем не светят...

Чья-то мысль в эти лица бьет: «Боязливо выждали!»

Не надо, товарищ! Кто сидит, знаешь! Ведь не видно, не написано... Коммунары сидят, военные моряки Волжской военной флотилии, старые матросы.

Первый: командир бронепоезда Степанов, краснознаменец дважды, ибо на груди у него орден и корабль его — сторожевик «Борец за свободу» — имеет флаг с орденом.

Второй: Попов Петр, машинист самостоятельного управления с краснознаменного военного корабля «Ваня-Коммунист» № 5. По требованию необходимости — ныне у орудия. Трижды ранен, и раны его — из первых в революцию ран матросских.

Третий: Донцов Михаил, с краснознаменного военного корабля «Ваня-Коммунист» № 5. Будет товарищ убит в бою с Шкуро в июне 1919 года. Отдайте больше, чем он!..

Сидят коммунары...

Фыркнул Попов, и макаротны фонтаном из рта вылетели:

— Ой!.. «Наводи, говорит, на полный...» Адмирал Щус...

Ржут парни.

— А он Юхименко ударил и кацапом назвал!

— Ну, и кацап! Юхименко, чуешь, ты кацап!..

— Го-го-го!

— Пьяный, говорит... Ай, дура! С одной банки — матрос пьяный?!

Михаил Донцов чешет:

— Шус, пожалуй, на тебя обидится, а? Смотри, Петро.

Попов гудит:

— Ну, а что он мне сделает? Не скажет разве завтра «доброе утро»? А? Дела! Ой, братва, макароны, ну и макароны сегодня!

Обедают товарищи боевые, уплетают макароны коммунары. Про эскадру вспоминают. Ничего эскадра, солидная эскадра, красивая эскадра республики Франции. И ход хороший, быстро от берегов наших смывается.

Опять мысль чья-то: в чем же дело?! Как же так? Разберем.

У товарищей боевых глаз веселый — обработали дело. Еще раз командир бронепоезда секретный пакет, с паровоза доставленный тремя товарищами (двух убьет — один довезет, вот трех и послали), перечитывает:

«Имея в виду огромное превосходство противника и сложность обстановки, ни в коем случае первым не начинать артиллерийского боя, ибо в этом случае Красную Армию французское командование обвинит в предательском нападении и извлечет из этого пользу. Вызвав противника на ответ, мы поставим Мариуполь в опасное положение, будут напрасные жертвы среди населения, возникнут пожары, и, возможно, пострадает и бронепоезд — единственный на участке Третьей бригады. Действовать поэтому осмотрительно, не сообщая о сей инструкции махновцам, иначе они сами откроют огонь, и не поддаваясь требованиям махновцев, склонных втягиваться в операции без расчета. Командование рассчитывает добиться ухода французов мерами переговорными, имея в виду общую обстановку, вынуждающую союзников к отступлению.

В остальном вам надлежит действовать строго сообразно обстановке».

Есть, так держать!

Эй, радовавшийся предательству! Гляди, что будет еще впереди!

А ты, браток, понял?

Ветер спал. «Спартак» стоит, коммунары макароны убрали, доели, утерлись, покурили. Жизнь! Зачем и помирать!

Команде — по Морскому уставу — положено иметь время послеобеденного отдыха...

Нежнейше овевает всех бриз с моря. Нежнейше в тишине дня гитара заиграла «Страдание»... Струны источают тончайшее и грустное, сладкую печаль на матросов наводят, и головы их к броне клонятся... И кого-то жаль, и кого-то нет...

И необъяснимы мысли у матросов, такие неясные, неопределенные — шевелится затаенная боль...

Кто там играет так, гэй?! Отчего печаль?

Играет Петро Попов. Возит с собой гитару, укутанную в кожаную тужурку, чтобы при стрельбе не побилась. Гитару возит везде и, когда руки не заняты орудием, вынимает ее, расправив нежный бантик на грифе.

— Слабость у вас, товарищ, слабость к мешчанской гитарке, а еще партиец и военмор!

— Правда ваша, строгий и точный товарищ, что ж делать? Слабость!

Петро меланхолично уже «Марусэньку» играет. Товарищи слушают, стараясь не шуметь.

Играет Петро. На гитаре бантик нежненький и надпись трогательная: «От Реввоенсовета Республики. За штурм Казани 10 сентября 1918. Команде военного корабля «Ваня-Коммунист» № 5».

Трое матросов, что из Александровска, до Щуса идут — в штаб Третьей бригады.

— Щус, давай говорить.

— А выдать вы, пока я вас всех не постриял!

Ходит Щус по комнате, морду руками поддерживает. Кольца на пальцах.

— Да ты не горячись, чудачка ты, Щус.

Щус колыт вынимает, в упор в одного бьет, а пуля мимо — в стенку идет. Матросы к стенке — смотрят, хвалят:

— Вот здорово!

— Ой, дирочка!

— Дирочка, как у курочки! (И медленно, так,

между прочим.) Щус, ты, может, думаешь, что мы этого делать не умеем?

И видит Щус шесть глаз, как шесть смертельных дыр на теле своем. Щус тогда садится. Дверь открывается. Махновский палач входит:

— Чего шумэлы?

— Так.

— Щус, дэ арестованых вэсти?

— Котори направо сидьят — постриляй, Костичька; котори налево — до батька на разборку.

— Добрэ.

— Потим придешь, доложишь, Костичька.

— Добрэ.

Вышел.

Матросы опять:

— Щус, брось, вот взял — в бутылку залез! Брось! Ну, поспорились — помирились. Эскадра ушла же...

— Та ще подывлюсь, як воны мырытьца прийдут... Воны у менэ слёзами вмываться будуть! Я им кипятку в душу поналываю!

Дверь открылась. Махновский палач снова вошел:

— Вже. Котри налево булы — пострилял, котри направо — построил, до батька вэду...

— Ошибка в тебэ, Костичька, выйшла. Трэба було пострилять тих, шо направо.

— От-то ж бис попутал! Ай, и попутал!.. Ну... Шо ж, добрэ.

Ушел.

Матросы опять:

— Щус, давай — по-доброму. Гад будешь... Что мы на тебя зло имеем? Да умереть на месте!

Задание выполняют свято.

— Та и я, мабуть, зла на вас троих нэ маю... Тилько ции спартаковськи коммунисти жить нэ будуть.

Дверь открылась. Махновский палач опять вошел:

— Вже пидправил. Котри направо булы — пострилял.

— Так. И тих и тих пострилял?

— Эге ж. Воны уси контрики. И з дочками своими. Воно и так по карточкам видно.

И два колечка Щусу отдал. Маленькие колечки. На мизинец не влезут Щусу.

С моря выстрелы. В чем дело? Но со Щусом разговор надо вести — инструкция о нем говорит, а не о выстрелах.

— Щус, мы до партизан пийдэм,— поговорим.

— Идыть, идыть. Як за каммуну рот раскроетэ, зараз и проглотыте свынця. (Спохватился и ласково.) Вы, хлопцы, говорыть, за анархуу, за мать порядка. Щоб нэ було властэй, ни якого насылля. Костицька, иды соби, бильше тебя нэ трэба. (К матросам.) Переходыть, хлопцы, в анархуу, й-бо!

Матросы на лицах раздумье изображают. Все нужно уметь...

Слушайте,— если надо для дела,— знаете, на что мы способны?.. Я много вам скажу теперь, когда стал книгами говорить о бойцах первого призыва революции... Я день за днем покажу два десятилетия, создавшие нас...

На берегу стоят партизаны. Гул идет. Спартаковцев смять хотят. Без огня французов упустили! Продажа!

Трое матросов до партизан идут, наганов с собой не берут.

— Га-а, кацапня идэ!

Идут матросы. Загоготали партизаны:

— Каммуныстам в хронт! Гэй!

Один матрос говорит:

— Товарищи, здравствуйте! Мы расскажем вам...

— Про то, як Щуса вбыть хотели? На партизан пийшлы!..

— Хранцюзам тикать далы! Упустилы!

— Измэна!

— У-у, вражья сила!..

— Товарищи, дайте говорить. Мы вам обрисуем...

— Рисуй жинке по пузу!

— Воду варыть будэтэ? Душа вон!

— Та што там, бэй их!

Один партизан винтовку навел. Из трех матросов один — украинец — говорит:

— Стриляй, хлопче! (За ворот свой голубой взял-ся.) И утопысь у крови мойй и товарищей моих. Хай вона, кровь моя, тут у мойй Марыупольщины уся выйдэ.

Стоит партизан, на матроса глядит и говорит:

— Хиба ты мариупольский?

— Мариупольский.

— Мабуть, брэшит? А ну, перекрэстысь.

— Ни, не перекрэщусь.

— Чого?

— Бог с довольствия в нас снятый.

— Гы-ы!..

Один кричит:

— Хлопцы, брэшет матрос, який вин марыупольский!

Другой подходит, в лицо матросу глядит:

— Ни, не брэшет... То Павло, хромого Нечипора сын с Мангуша. Вин у моего дядька наймытом був...

— А тепэр дывысь, який цаца!

— Та брось — то ж хворма флотцка...

Тут корабли Франции по берегу страны — войны Франции не объявлявшей — огонь открыли. По горизонту желтые вспышки прыгнули. На берегу дерево взлетело на воздух... Морские орудия берег рвут...

Упал еще залп. И в пыль обратился один дом. Удирают партизаны боевые, залегли в канавах. Еще залп упал. И еще один дом раскололся...

А что было бы, если бы в двенадцать часов тронули эскадру Франции и она открыла бы огонь в упор?! Ну?

«Спартак» в стороне стоит. Попов на командира смотрит. Командир на Попова смотрит. Оба на машиниста и кочегара смотрят. Все ясно.

«Спартак» дымить начинает. В небо черный, как тучи ночные, дым пошел. Кочегар, что делаешь?

Что делает? Показывает эскадре место «Спартака».

Как?!

Так.

«Спартак» на себя принимает огонь эскадры. В этом есть революционная необходимость: нельзя допустить истребления партизан, нельзя допустить гибели рабочей слободки и потери угля. Ясно же говорится — и это наш закон — «действовать строго согласно обстановке».

Матросы у орудий стоят. Стрелять нельзя: из 75-миллиметровых снаряды не долетят до эскадры. Но под обстрелом стоять можно. И шире, и выше, и выше черный дым «Спартака».

По горизонту желтые вспышки мечутся. И через четыре минуты залп кораблей Франции ударил по «Спартаку». Степанов, Попов и Донцов, когда пронесло грохот, гарь, пыль и дым, переглянулись без улыбки. Какая улыбка — убить может сейчас! Какая улыбка — сердце стучит! Какая улыбка — жалобно о себе думает каждый! Какая улыбка, когда страх убивает... Но — замечен дым — стреляют по нас!

Один французский корабль приблизился... На сорок три кабельтова подходит... Сорок три кабельтова ставит на диске прицела Попов.

— Товсь!

— Залп!

Стекла посыпались в домах. Гильза упала. Пороховым газом понесло. Гремит на море.

Дыханье азовское ленточки вьет, распластаны они по ветру. На палубе «Спартака» матросы с эскадрой Франции бой ведут.

— Перелет! И лево!

— Сорок два!

Сорок два кабельтова ставит на диске Петро. И десять делений право берет орудие.

— Товсь!

— Залп!

Опять стекла посыпались. Гильза упала. Опять залп с моря упал. Дым французского разрыва с дымом «Спартака» смешался. Броня гудит. Кричит наблюдатель:

— А, запарил! Запарил!

Кричат:

— Уткнулся, стоит!

Вторым снарядом подбил «Спартак» корабль Франции. Спасибо флоту российскому за артиллерийскую выучку! Давай крой дальше, «Спартак»!

— Петро, крестников во Франции завел!

— Го-го!

— Товсь!

— Залп!..

Цел порт, цел уголь, целы партизаны, цел «Спартак». Повезло двадцать четвертого марта товарищам боевым!

Повезло?

Расчет, товарищи!

Ночью пишет один из трех матросов:

«Комиссару бригады бронепоездов. На то, что делается в бригаде Махно, необходимо нам обратить самое серьезное внимание. Те «львы» создают угрозу, и свободный дух течет не в тех берегах, не в том русле, каковые требует жизнь. Анархистические элементы в настоящее время разлагают бригаду, и нам предстоит опасности большие, ибо гут определенно говорят: «Бить коммунистов». Еще: людей убивают, хотя бы и контрреволюционных, но без суда и следствия, что не соответствует взятому Махно имени-марке «Красная Армия». Когда мы переговаривались, то была против нас со стороны адъютанта Махно стрельба, и был таковой же случай через час в одном полку, но остановлен нашими разъяснениями. Героибойцы батки Махно заблуждаются. Необходимо доказать, что партизаны ослеплены в деле понимания идеи революции. Работу таковым курсом ведем и просим с политотдела литературу. «Спартак» поддерживает и имел бой с эскадрой, но на провокации не пошел, и поэтому был инцидент со Щусом, несколько потерпевшим. Имеем цель, как удастся, насчет угля принять меры».

Пишут матросы на палубе...

Дыханье азовское ленточки вьет, распластаны они по ветру.

Ночь спускается, укутывает родную Украину тихо-тихо. Матросы не спят. Море вновь взято, на море глаз кладут матросы. Ночной ветер ленточки колышет. У орудий на броневых рубках матросы вахту несут... Волна рядом плещет; камышом, тиной, рыбой и солью пахнет... Часть товарищей с боем возвращенный уголь грузит. Грузят Харьков, грузят Питеру, Балтике, эшелоны угольных пульманов.

Служба родимая! Погрузка угольная!

Ночью телеграмма идет: «Мариуполь занят Красной Армией».

Последние два слова — гарантия.

Красная Армия! Померкло солнце в глазах твоих, враг!

*Ленинград — Кронштадт,
1930 год*

ЩОРС

На Левобережной Украине, в Черниговщине, там, где притоки Днепра — Десна и Снов несут свои воды к юго-западу, под русской царской властью жили на протяжении более ста лет белые казаки Украины, казаки Черниговщины. В 1895 году у одного такого казака — Щорса, обезземеленного, родился от законного брака с крестьянкой Александрой Михайловной сын Николай. Причтом Покровской церкви селения Носовки, Городнянского уезда, Черниговской епархии, была выдана метрика: «Родители: состоящий в запасе армии солдат Александр Николаевич Щорс и жена его Александра Михайловна... Младенец: мужеска пола, нареченный Николай».

Младенца сунули в холодную воду купели и потащили обратно в хату. Хата была жалкая, иной она не могла быть у бывшего казака и бывшего солдата, а потом машиниста депо станции Сновск. Получал этот машинист двадцать, а позже, когда семья достигла девяти душ, — тридцать рублей в месяц. Младенец орал в душной хате, ползал по земляному полу, играл с отцовскими инструментами и слушал ревы неведомо откуда и неведомо куда несшихся пассажирских и товарных поездов. Потом, держась за подол или руку

матери, сделал первые шаги по земле — сначала около хаты, потом к колодцу, потом к речке, где стирали и полоскали белье. Потом постепенно далась грамота, парнишка стал ходить в школу. Маленький, серьезный, с огромными серо-голубыми глазами, он мог молча, уединенно читать целыми днями. Ватага ребят тащила на реку или в лес — он иногда шел, иногда отказывался. Когда очень приставали, не горячился, не спорил, а коротким скупым жестом так стучал ближайшего, что тот больше не приставал. И когда кончилась короткая наука сельской школы, мальчик сказал отцу (он всю жизнь называл его на «вы»): «Батя, позвольте мне учиться». Отец задумчиво посмотрел... Какое ж дальше могло быть ученье — дети уже начинали в эти годы работать, помогать прокорму. Немногие, у кого был достаток, могли ехать в город, поступать там в духовную семинарию или, что было пределом мечтаний мальчишек, — в Киевское речное училище, или в торговое, которое выпускало приказчиков, по фотографиям совсем почти похожих на господ. Ничего не смог обещать и сделать старый казак. Тогда мальчик сам неведомыми путями разузнал, где можно ему в России учиться, где могли принять маленького крестьянина, принять без денег, бесплатно. В семь киевских правительственных гимназий дорога была закрыта. В коллегию Павла Галагана, в два реальных училища, в два казенных коммерческих училища, четыре частных и шесть частных гимназий дорога была закрыта.

Во всей стране маленького крестьянина, как оказывалось, могла принять только Иконописная школа при Киевской лавре или Киевская военно-фельдшерская школа. Туда брали на казенный кошт и там за четыре года изготавливали из мальчиков православных иконописцев и лихих фельдшеров, которые, не задумываясь, излечивали все людские и конские болезни йодом и касторкой.

15 августа 1910 года четырнадцатилетний хлопчик, глубоко запрятав метрику и несколько рублей и держа узелок с бельем и материнскими гостинцами, входил впервые в Киев, в поразительный город, блистающий много веков над Днепром. Хлопчик прошел по бульварам тополей, по улицам, мощенным италь-

янскими каменщиками, и пришел на Госпитальную улицу. Его приняли. Он был крепок, среднего роста, широк в плечах и чист лицом. На испытаниях отвечал верно и немногословно. Началось российское военное обучение, фельдшерская бурса, где надо было перед каждым старшим, а старшими были все, кроме нескольких сверстников, стоять смирно, затаив дыхание, и исполнять все, что будет приказано. Когда голодный старшекласник, глядя в пространство, говорил: «Не вижу завтрака», ему надо было моментально этот завтрак создать собственными силами и собственными средствами.

Год, два, три одиночества, затаенных мыслей, подавленных желаний, неотплаченных обид. Киев, Россия, мир были далеко за стенами казармы. Иногда вызывали на парады и открытия памятников, объясняли про 100-летие Отечественной войны и про 300-летие дома Романовых.

Подраставший и мужавший 16—17-летний юноша получил наконец аттестат: «Русский язык — хорошо, арифметика и геометрия — очень хорошо, русская история — хорошо, латинский — удовлетворительно, химия — удовлетворительно, физика — удовлетворительно, анатомия — хорошо, учение о повязках — очень хорошо, фармакология — хорошо, патология — хорошо, гигиена — хорошо, хирургия — хорошо, практические работы и уход за больными — очень хорошо».

Непрестанно, годами читавший и занимавшийся юноша рассматривал этот аттестат, рассматривал права «второго разряда» и вновь повторил себе, отцу и матери: «Мне нужно учиться». И новое трехлетие, разночинно-нищенское, с трудом, оплачиваемым в лечебницах и аптеках копейками, с питанием — на 2 копейки супу, на 3 копейки каши и 2 копейки ужина. В эту раннюю человеческую пору познаются многие меры вещей. По-новому предстал Киев, где каждый, у кого он просил работы, требовал ее в неимоверном количестве и скупой и неохотно вытаскивал из кассы или из кошелька несколько рублей, стараясь их дробить, давать частями.

Протекали разные события. В меру своих знаний юноша отдавал в них себе отчет, был органическим, убежденным сторонником ломки российских поряд-

ков. И по-прежнему напряженно и упорно учился. 24 марта 1915 года он получил наконец новый аттестат. То, что другие, привилегированные, получали неспешными, размеренными девятью или десятью годами, он взял упорным спланированным житейским боем. Он получил среднее образование. В аттестате стояло: «Русский язык — 5, история литературы — 5, всеобщая гражданская история — 5, русская гражданская история — 5, алгебра — 5, геометрия — 5, физика — 5, космография — 5, логика — 5, психология — 5, история философии — 4, греческий — 4, латинский — 5, французский — 5, немецкий — 5». Это был подвиг, осмысленный и рассчитанный, потому что юноше отец и его товарищи по депо и мастерским говорили: «Ты нам, Николай, должен помогать; приходит время, увидишь, какие будут события». И Николай помогал. Ни один жандарм ни разу не задержал блестящего, brave военного фельдшера. А он возил документы и печатные материалы киевской организации большевиков, возил для железнодорожников Черниговщины.

Призыв на военную службу. Армии пополнялись лавинами прапорщиков. Число этих торопливо обученных полуофицеров достигло более двухсот тысяч человек. Николай Щорс в Полтаве проходит курс прапорщика («Николай, ты нам пригодишься»). Он был выпущен в 335-й пехотный анапский полк. Выпуски этого года гнали на фронт безжалостно. Русская армия, лишенная техники и боезапасов, отступала под давлением немецких армий Макензена и Эйхгорна. Многие пехотные полки из-за потерь меняли свой состав по нескольку раз. Маршевые пополнения стояли в затылок без винтовок, в ожидании оружия, которое они подхватывали в окопах от убитых и раненых. Прапорщик Щорс увидел механику войны и удручающую и вместе с тем радующую бесталанность царского командования. В одном из боев он был ранен. По пути в госпиталь, в тыл, видел новые составы новобранцев и ополченцев и слышал назойливую песню: «Вот прапорщик юный со взводом пехо-о-ты старается зна-а-мя полка отстоя-а-ть».

Революция, Февральская, сунула прапорщику Щорсу, уроженцу Черниговской губернии, из крестьян, такой документ: «Заболевание туберкулезом на

почве истощения и ранения. Бациллы Коха — от 10 до 20 в поле зрения микроскопа». Подпись врачебной комиссии 208-го госпиталя в Симферополе. Человеку сунули также бумажку о том, что прапорщик удовлетворен жалованьем за последний месяц службы, а также деньгами за дрова на варку пищи и отопление помещения и за керосин на освещение. Ему же дали паспорт с пометкой: «Признан вовсе негодным к военной службе». Это было уже в декабре 1917 года. На документах были печати с двуглавым орлом, печати несуществовавшей власти, которая где-то по инерции, механически выбрасывала людей, выдавала им какие-то копейки за керосин.

Вновь одиночество страшное, усталость, рана и туберкулез. Тощий фибровый чемоданчик, армейское белье, мыло, полотенце, зубная щетка, несколько уставов с пометкой 1915 года, алюминиевая ложка и вилка, пара фотографий.

Зима была беспощадная. В ответ на естественное народное требование, веками выношенное требование земли, в ответ на требование мира свора хозяев, дельцов, адвокатов и редакторов, их офицеров и генералов кинулась к Германии. Они пробирались и ехали к германскому фронту, лобызали немецких офицеров и звали усмирять и уничтожать свой же народ.

Германские и австрийские корпуса общей численностью до 500 тысяч двинулись на Украину. Беглецы — Петлюра и другие — подписали договор, по которому за «помощь» им Германия получала к 31 июля 1918 года: 60 миллионов пудов хлеба, $2\frac{3}{4}$ миллиона пудов живого веса скота, 400 миллионов штук яиц, $37\frac{1}{2}$ миллиона пудов железной руды и право каждого немецкого солдата ежедневно посылать на фатерланд, в Германию 12-фунтовую продуктовую посылку, то есть дополнительный вывоз 43 миллионов 800 тысяч пудов продовольствия (сала, масла, сахара, муки и др.).

Германские войска двинулись на Украину. Первые красногвардейские отряды начали оборону Украины.

Отставной прапорщик Щорс, инвалид, принял решение. Он бросился на Черниговщину. От Крыма до Черниговщины проехать было невероятно трудно. Шли сотни тысяч демобилизованных русских солдат,

шли беженцы, шли боевые отряды, между ними вклинивались грузы непоколебимых спекулянтов Харькова, Ростова, Одессы, Киева... Железнодорожное движение было расстроено вдребезги. Серая лавина немецких войск занимала Украину, двигаясь на восток. Генерал Эйхгорн, беседуя с представителями национальной Украины, сказал: «Россия—это я еще, может быть, пойму, но Украина — это я не понимаю!» Германские войска заняли Киев. Город в первые же сутки был окутан сотнями проводов, соединявших штабы, комендатуры, полицей-президиумы, кригсгерихты (военные суды). На крышах самых значительных зданий неподвижно дежурили у пулеметов люди в тяжелых серых стальных касках. На улице задержали одного прохожего, который не приветствовал немецкого офицера. Его повели, этого человека. Немецкий офицер сказал: «Он думает, будто он еще в России».

Николай Щорс проезжал по территории, занятой немцами. Молча скрещивались взгляды немецких караулов и контролей со взглядом бледного сухого человека в простой шинели и военной фуражке, с которой была уже снята кокарда. «Ваш паспорт?» Они проверяли и возвращали паспорт. Инвалид.

Николай Щорс пришел домой. Отец скрывался от немецкой мобилизации, дома было пусто и голодно. Хата показалась совсем маленькой. Меньшие братья и сестры потянулись к военной котомке вернувшегося брата, который годы не был дома. Брат осторожно отстранил их руки. «Что же, хлеба не дашь?» И тогда сын тихо сказал матери, что там не хлеб, а ручные гранаты. Мать покачала головой и заплакала. Сын кашлял, мать смотрела. К ночи пришел и отец. Сын заперся с ним, и на этом совещании оба решили поднять восстание. «Так ты же негодный к военной службе». Как всегда, лаконично и сдержанно, Николай Щорс ответил: «А это вы увидите дальше». Четыре дня сидел он дома. Пришли с обыском немцы, он скрылся в хлеву. Немецкий офицер бил мать, ударил ее несколько раз рукояткой револьвера и кричал: «Erschüße!» («Расстреляю!»). Мать ночью шептала сыну: «Ты же ученый, всего можешь достичь, а теперь и ты, и мы считаемся преступники». Сын брал еду и отвечал: «Не волнуйтесь, мама, мы сделаем так,

что людям будет хорошо». Четверо суток новый командир отряда Красной Армии товарищ Николай Щорс вел разведку немецкого расположения. Он говорил с десятками крестьян. Немцы давили все страшнее и туже. У крестьян отбирали бывший помещичий инвентарь. Отбирали урожай прошлого года — в возмещение убытков землевладельцев. Действовали размеренно и холодно. Били артиллерийским огнем по хатам и требовали пунктуально, к 12 часам дня, сдать такое-то количество хлеба, скота, жиров и яиц согласно договору, заключенному украинским национальным правительством. Подстреленные дядьки ползали и просили, умирая, воды. Немецкие офицеры точно отвечали: «Ви умрет и без вода». Уходя, выдавали аккуратные расписки, в которых стояли цены в восемь раз меньшие, чем были на Украине. Старики писали прошения и, оглядываясь, спрашивали Щорса, кому надо подать «шоб было освобождение крестьян от беды, которой и самые старые люди не запомнят»? Щорс присматривался к людям и верным, надежным давал явки. В селах было много вернувшихся окопников. Старики смотрели на пришедших молодых солдат, сыновей и, раздражаясь, говорили: «Георгиевских крестов у царя добивались, а теперь сидите?» Немцы вводили режим, какого не знала Украина... Появлялись приказы комендатур: «Запрещается жителям иудейского вероисповедания вступать в какие-либо отношения с германскими солдатами, гулять с ними, разговаривать и т. п. Нарушение приказа карается в первый раз поркой, во второй — *расстрелом*». Щорс беседовал с фронтовиками, с русскими, украинцами и евреями, и за ним пошло до трехсот человек. Он им объяснил, как надо вести партизанскую войну, объяснил, что против регулярной полевой армии надо действовать с умом. И, избалованные прямым продвижением в эшелонах, немецкие части испытали на себе внезапно ряд поражающих и стремительных ударов неизвестной воинской красной части. Крестьяне видели продвижение Щорса, давали продовольствие и проводников, оружие и убежище.

К лету 1918 года немцы заставили украинские повстанческие отряды отойти к нейтральной зоне, к границе РСФСР. Группа руководителей украинского

повстанья выехала в Москву. Эта группа была принята Лениным. Он не заставил их ждать, принял стоя, поздоровался с каждым в отдельности, внимательно слушал, и, когда заговорил самый молодой, весьма аккуратно одетый, туго подпоясанный командир — это был Щорс, — Ленин начал записывать. Щорс давал суммированные, по-военному отжатые сведения о германской армии, о ее действиях, о ее кадрах, о настроениях. Ленин внимательно слушал, он проверял через непосредственного участника свои расчеты о передышке, полученной в Бресте. Вопрос для страны теперь заключался в том, чтобы выигрывать время и накапливать силы. Щорс продолжал доклад. Он безбоязненно дал отрицательную характеристику массе партизанских отрядов. Он говорил то, о чем думал и сам Ленин — о регулярной армии.

Часть украинских товарищей осталась на военных курсах. Щорс вернулся на фронт. У него было поручение взяться за формирование новых частей. У нейтральной зоны, на тогдашней границе России, на станциях скопились сотни вагонов наспех эвакуированного с Украины имущества. Щорс и группа в десять — пятнадцать человек партийных работников начали сортировку и учет имущества. «Армия — это план и учет», — сказал Щорс товарищам. С 8 утра до 10 вечера они снимали пломбы с вагонов, перебрасывали и пересчитывали мешки, ящики, патронные и снарядные, седла, связки гимнастеров, патронташей, бидоны оружейного масла. Каждого, кто приходил к Щорсу, он спрашивал, коммунист ли он. Если пришедший был коммунистом, Щорс давал ему определенное военное задание и объяснял, что быть коммунистом — это значит быть военным.

Когда он рассортировал и распределил имущество в сотнях вагонов на станциях Зерново и Унеча Киево-Московской магистрали, он создал вербовочный отдел. «Теперь я могу людей одеть, вооружить и сразу их занять». К Щорсу, которого уже знали по боям против немцев, двинулся народ. Приходили с Украины, показывали темно-багровые исполосованные спины и заявляли: «Пишемся в добровольцы». К людям, пробравшимся через немецкие окопы, казалось, можно было отнестись с доверием, но Щорс все-таки проверял каждого. У него были глубокие связи на Украи-

не. Иногда вваливались лихие парубки из других отрядов, садились и ложились вокруг штаба, курили, болтали. Щорс выходил к людям неизменно одетый по уставу, побритый, в туго, по-кадровому, заправленной гимнастерке. Когда парубки начинали говорить, перебивая друг друга, он замечал: «Пусть говорит один, старший. Вы что, хлопцы, не знаете, куда пришли?» Лежавшие поворачивали головы и замолкали. Адъютант добавлял: «Когда говорят с командиром полка, нужно встать!» Парубки вставали. Ежедневно он выводил свой полк на строевые и тактические занятия. Было странно слышать летом 18-го года четкий военный голос командира полка, требовавшего «не заваливать штыки», «тверже ставить ногу», «держат равнение», «не сгибать ног в коленях».

Создание не похожей на другие части волновало, беспокоило ряд людей. Начали что-то бурчать о «старых порядках». Вокруг имени командира полка складывались разные истории. В полку вдруг началась эпидемия. Каждое утро, когда батальоны строились на занятия, сотни людей тянулись в околоток. Эту блестящую идею подал один лихой боец, донской казак, который убежденно объяснил, что в полку возвращают старый режим и что надо этого избегать. Щорс пришел в околоток и начал сам выслушивать и осматривать людей. Симулянтам он без труда доказывал, что они подло врут, больным давал советы, рассказывал им вероятный ход их болезни и поражал при этом многих верностью диагноза. Двух-трех он высмеял, и вся орава заболевших зычно, по-казацки хохотала над такими же симулянтами, какими был каждый в толпе. «Вин, кажутъ, особый человек — и дохтур и командир полка». Эпидемия была прекращена в один день.

12 сентября, когда полк был достаточно сколочен, Щорс донес об этом, заказал круглую печать с надписью: «Украинский революционный имени Богун полк». Богун — имя историческое. То был старый казацкий полковник, неустрашимый, хитрый и быстрый, победитель польских панов во многих боях.

Хитроумный донской казак, над которым посмеялись хлопцы, решил убрать, уничтожить Щорса. Он подобрал себе группу, ночью окружил штаб полка и

влетел к Щорсу. Тот занимался. «Ну, кончай, сдавай документы, деньги, печать и молись!» Щорс не встал из-за стола. Он сказал казаку: «Отправляйтесь сейчас же под арест». Тогда в ставню кто-то постучался, ставня распахнулась, показалась чубатая голова, и Щорсу было сказано: «Ты не разоряйся, тебя окружили». Щорс встал, сказал, что возьмет необходимые вещи, вышел в другую комнату и вернулся с гранатой и револьвером в руке. Его вид был таков, что люди кинулись врассыпную. Он вслед крикнул: «Эх, сволочь! Как же я с такими воевать буду, если от одного человека разбегаются». Бунт к утру был ликвидирован.

Щорс проверил полк по нескольким боевым ударам. Немецкое командование прислало делегацию. Три офицера приехали в штаб Богунского полка. Они впервые видели перед собой так близко Красную Армию. Перед ними сидел за столом человек с пронизывающим взором больших светлых глаз. Справа и слева от него стояли командиры. У каждого на рукаве был нашит суконный красный ромб со скрещенными винтовками и пулеметом. Щорс не поднялся и не пригласил немцев сесть. Немецкий офицер сделал заявление: «Вы беспокоите своими налетами немецкую армию. От имени немецкого командования предлагаем прекратить подобные действия, иначе в дело будут введены два немецких полка, и вы будете уничтожены». Щорс поглядел в упор и ответил: «Это не я вас беспокою, а вы беспокоите народ Украины. Кто вас сюда звал?» Щорс встал, командиры вытянулись. Немцы чуть отступили. «Передайте немецкому командованию,— сказал Щорс,— чтобы немецкие войска убрались с нашей территории. Против ваших полков мы двинем свои, и их будет больше, и они будут сильнее».

С утра до вечера Щорс работал над боевой подготовкой полка. Винтовки были пристреляны, люди были расставлены в ротах с учетом их партийности и подготовки. По вечерам Щорс ежедневно бывал на заседаниях пограничной Чека. Это было необходимо. На Украину шел непрерывный поток беглецов-эмигрантов. Петербургская и московская буржуазия шла и ехала в Киев. Там можно было закладывать, продавать, покупать, ходить в рестораны и кафе. Там были

все свои, там давали различные места, там выдавали возмещения за убытки от революции. Денно и ночью через Унечу проходили тысячи представителей буржуазной разновидности человеческого рода, ныне кончающейся. Они были снабжены пропусками, украинскими паспортами, их приходилось пропускать. Но это была бы только механическая функция, людей надо было изучать. И Щорс изучал их, рассматривал анкеты, письма, документы, беседовал. Одновременно с юга шел другой поток классовой эмиграции — шли повстанцы, подпольщики, семьи коммунистов и советских работников. В один узел связывались тысячи человеческих дел, судеб, трагедий. Щорс за этой работой узнал огромное количество людей того и другого лагеря, изучил достоинства и недостатки этих людей и потом умело их использовал.

Он не тратил времени даром. Соседство 106-го немецкого пехотного полка обязывало думать об интернациональной работе. В ноябре, когда пришло радио о германской революции, Щорс сам выехал в 106-й немецкий полк. Его уже там знали. Офицеры пытались остановить его, но бесполезно. Он прошел к солдатам, поздравил их и впервые услышал немецкое революционное «ура». Красный командир полка был окружен немецкими солдатами, которые трясли его, обнимали, совали сигары, газеты и вино. Щорс брал газеты и, улыбаясь, отказывался от сигар и вина, потому что он никогда в своей жизни не пил и не курил. Вот одна из телеграмм Щорса в Кремль:

«У немцев образован совет, налажена связь. Был церемониал, немецкие солдаты проходили церемониальным маршем перед нашими бойцами. Над немецкой казармой красный флаг. Некоторые из немцев остаются у нас в полку. Богунский полк перешел демаркационную линию».

Встреча революционных частей Германии и нашей страны была потрясающая. Немцы проходили парадным маршем, и минутами в воздухе стояло «ура». Они плакали, безумно счастливые тем, что положен конец войне, тем, что они стали свободны, тем, что им, немецким рабочим и крестьянам, прощает народ Украины их подневольную службу. Люди взволнованно объяснялись, дрожали от счастья и волнения

и оцепенели, когда мимо крестьян, когда мимо немцев пошел Богунский полк. Тогда люди увидели, какой вид имеет настоящая Красная Армия!

В те дни в адрес Унечского партийного комитета пришла телеграмма Ленина.

Щорс отвечал:

«Мы соединились с немецкими солдатами, довольствуемся из одной кухни, немцы и наши поют интернациональный гимн».

Тогда немецкие социал-демократы начали провоцировать раскол. Но социал-демократ Пельц, ставший немецким делегатом, наткнулся на поразительно чуткую и волевою линию Щорса. Щорс отправлял домой в Германию немецких солдат, принимал у себя немцев-добровольцев, создавших в 106-м немецком пехотном полку ячейку «Спартака», а тех, кто попытался помешать и остановить движение Красной Армии, стремительно сбил, доказав этим, что мы действительно можем выставить больше полков, чем враг, и крепче, чем у врага.

Красная Армия двинулась вперед на всем огромном протяжении Украинского фронта. Торопясь, цепляясь за власть, Симон Петлюра издает тогда в Белой Церкви универсал, в котором подделывает лозунги рабоче-крестьянского большевистского движения. В эти дни к Петлюре стекаются до пятидесяти тысяч обманутых крестьян-повстанцев. Они помогают ему вступить в Киев и идут со знаменами «За владу Рад» (за власть Советов). И когда Киев в руках Петлюры, его атаманы Болбочан и каратель Ковенко устраивают крестьянскому съезду порку. В Полтаве высекали дядьков-повстанцев. В Харькове четырежды за две недели разгромили профсоюзы. По Украине покатились тогда клич: «За большевиками!» — за правильное повстанье. В движение пришли десятки и сотни партийных организаций и скрытых отрядов, созданных еще волей I съезда Коммунистической партии Украины летом 1918 года.

Щорс повел Богунский полк на Киев. Неимоверная провокация Петлюры должна быть ликвидирована. Щорс в те дни как-то изменился, он стал живее, общительнее. Он был везде. Отправлял немцев, принимал от них оружие, проверял сапоги у бойцов (до Киева было идти порядочно), налаживал обоз, изо-

брел пулеметные сани. В этой горячке к Щорсу пришли крестьяне: «Здравствуйте, дядько Микола». То, что старики, в прошлом году не очень доверчиво разговаривавшие с прапорщиком-инвалидом, называли его, 23-летнего, «дядькой», было великим свидетельством уважения народа. Щорс ответил старикам вежливо и ласково. Старейший показал рукой на собравшихся и сказал: «От, мы кавалерийский полк». Щорс: «А где же кони?» — «Коней нема, бо биднота». — «Так, тогда возьмем коней в бою». И в движении своем на Киев действительно взял коней, сам на складах отобрал и разыскал пики и шашки. Бойцы получили коней, и Щорс приказал их потаврить. Старики одобрительно заметили: «Добрый хозяин, сразу видно».

Армия наступала быстро. Морозы и метели не останавливали. «Бей Петрулю!» — неслось по рядам Богунского и соседнего Таращанского полков. Бойцы насмешливо перековеркали имя Петлюры. И чтобы остановить Щорса, петлюровские агенты по всей полосе объявили, что идет царский русский генерал Щорс неволить Украину. Щорс выстраивал тысячи пленных петлюровцев, выходил к ним простой, в неизменной шинели и фуражке с красной звездочкой и, улыбаясь, на крестьянском украинском языке говорил им: «Оце я — Щорс. Здравствуйте». Он рассказывал им про партию, про Красную Армию, поминал все, что делали германские генералы, помещики. Тысячи людей слушали простую речь, в которой каждое слово было верным. Иногда простуженно кто-нибудь кашлял, на него шикали, и он испуганно умолкал. Щорс бросал какое-нибудь веселое замечание, пленный полк хохотал, люди подступали еще ближе и просили товарища и дядьку принять их до Червонной Армии. Щорс спрашивал, готовы ли они послужить делу народа, и, когда пленные в озлобленной ярости на Петлюру, который так их обманул, кричали, что сделают все, тогда Щорс говорил им: «Добре. Так вот что... Идите назад в армию Петлюры, говорите все, что видели у нас, у рабочих и крестьян, у большевиков Украины, и ведите с собой обманутых обратно». А старшие возрасты и наиболее слабых Щорс распускал по домам, поручая их Ревкомам.

Остановить наступление богунцев не могли лучшие кадровые части Петлюры — «курени смерти». Рассчитанными обходными движениями Щорс брал пункт за пунктом. В Чернигове он осматривал взятые склады военного ведомства. Его водил интендант-старик, который в этих складах сидел чуть ли не со времен турецкой войны. У одного склада старик виновато доложил, что склад запечатан без него, что прав у него открыть нету. Щорс усмехнулся, приказал прийти слесарям, и они сняли ворота, не попортив ни печатей, ни замка. В складе было взято в ящиках 200 новых пулеметов. В Броварах перед готовившимся штурмом Киева был смотр богунцев. Ходили слухи, что Петлюра подготовил 167 орудий и с высокого правого берега Днепра будет громить Щорса. Щорс начал движение. Петлюра не выдержал, зная, что трудно будет ускользнуть от обхода, и бежал.

5 февраля 1919 года Щорс входил в Киев. В городе вылетели от прошлых канонад почти все стекла, но так же прекрасны были бульвары и улицы, где когда-то ходил маленький крестьянский хлопчик, ища науки. Щорс стал комендантом города, в генерал-губернаторском дворце. Вот один из его приказов:

«Всем районным комендантам взять на учет все буржуазные дома, особняки, флигели и т. д. Учесть их в стратегическом отношении и для переселения рабочих из подвалов и хат, где они гниют сейчас».

В Киеве было взято до 3000 пулеметов, более 100 тысяч снарядов, до 100 орудий, 20 тысяч винтовок, 17 миллионов штук патронов, 300 автомобилей, до 1 миллиона старых шинелей, 40 тысяч гимнастерок, до 50 тысяч сапог и т. д. Щорс сам обследовал склады, прикидывая возможности развертывания сил Красной Армии. Силы эти были недостаточны, ибо впереди уже ясны были масштабы новых боев. Польша прекращала споры с Петлюрой. Различные атаманы уходили в леса, организуя кулацкие отряды. Из Галиции двигались на помощь Петлюре кадровые корпуса. Щорс был назначен начальником 1-й Украинской советской дивизии.

Наступала украинская весна. Щорс двинул дивизию на Винницу. Она взята была одним ударом. Взятие Винницы было таким молниеносным, что Таращанский полк с его командиром Боженко, не знавший о взятии, начал свое наступление на Винницу. Щорс и товарищи переглянулись и послали навстречу Боженко делегацию с хлебом-солью. Много смеялись этой шутке. Боженко насупился, сказал, что долг платежом красен, и взял Жмеринку, захватив 200 орудий, 100 пулеметов и 5000 винтовок. Щорсовские командиры жили и действовали купно.

Подошедшие петлюровские резервы обрушились тем временем с житомирского направления прямо на Киев. Вокруг Киева кольцом сжимались банды Соколовского, Зеленого и Ангела. Бои уже шли в предместьях города. Щорс перекинул дивизию молниеносно. В Казатине был хаос. По талой грязи отступали какие-то остатки частей. Навстречу им с песнями и с флагами на каждом вагоне шли эшелоны богунцев и таращанцев. Эшелонам было запрещено останавливаться. Щорс сам сидел в диспетчерской. Эшелоны подоспели вовремя. Началось генеральное сражение за Киев, тянувшееся весь март и часть апреля. Здесь щорсовцы ходили в атаки через пылающий мост на Тетереве. Руками тушили зажженные бикфордовы шнуры. Под Бердичевом вместе с Таращанским полком и матросским бронепоездом «Грозный» в бой пошла рабочая еврейская молодежь, никогда не бравшая в руки винтовок. Один день «бердичевского ада», как назвал эти бои Щорс, сделал из этой молодежи старых бойцов. Там имела место знаменитая атака, когда молча сходились ровными шеренгами белые галицийские полки и батальоны Щорса. Сходились и расходились по шесть раз в сутки. Петлюровская армия была опрокинута. Дивизия Щорса взяла Новоград-Волинск, Дубно, Ровно и вышла к границам Галиции. Дивизия занимала фронт в 450 километров и действовала как отдельный армейский корпус.

Щорс не торопясь, продуманно развернул дивизию до девяти полков. Он создал в Житомире школу курсантов, отобрав триста лучших бойцов из всей дивизии. В три дня житомирское епархиальное училище было превращено в курсы Красной Армии. Щорс вы-

шел к строю и сказал товарищам: «За шесть месяцев вы должны стать командирами. Я буду вам помогать. Впереди, товарищи, самые тяжелые бои». Это была пора, когда начиналось наступление Деникина. Еще не было тревожных сигналов, но Щорс уже развертывал кадры. Он жил в Житомире, в маленьком домике, две старушки стирали ему белье, готовили ему суп и его любимую гречневую кашу. Он приходил к курсантам по ночам, подтыкал им одеяла, учил дневальных, как надо складывать снятую одежду, объяснял, почему нельзя закрываться одеялом с головой. Являлся на занятия ранним утром. Перед ним было триста молодых отборных ребят. Он обмундировал их сам в отличные гимнастерки с отложными воротниками и в суконные шапки-пилотки. Все было сделано по указаниям и рисункам начдива, при нем подгонялось и примерялось. Он говорил: «Если такой батальон, такая дивизия появится в любом освобожденном нашем городе и за границей — в Галиции, — это будет говорить за нас лучше, чем многие слова».

В пору этой напряженной подготовительной работы восстал Нежинский полк. Он ударил на Житомир — по штабу дивизии. Это действовали петлюровцы, под видом пленных и перебежчиков проникшие в полк. Щорс пошел ночью встречать этот полк. «Товарищ начдив, опасно». — «Я пойду и буду с ними говорить. Своего они должны слушать». Чтобы не потревожить город, Щорс встретил головной эшелон нежинцев за версту от вокзала у семафора. Нежинцы с шумом высыпали из вагонов. Щорс подошел к ним, они невольно начали выравниваться в линию. Щорс сказал: «Народ льет кровь. Товарищ Ленин пролил свою кровь за вас. Многие товарищи сложили головы в борьбе за рабочее дело. Что можете сказать вы?» Полк молчал. «Считаю до трех. При счете «три» положить оружие. При неисполнении приказа открываю огонь». Щорс стоял прямо, смирно. Полк перед ним стоял тоже смирно. По счету «два» оружие было на земле. Тогда Щорс скомандовал «кругом». Полк несколько отошел, и Щорс стал проверять вещевые мешки у людей. У нескольких человек из мешков посыпались кольца, браслеты, портсигары, деньги. Щорс спросил: «Что делать с такими мерзавцами?» Щорс объяснил полку, кто они и откуда эти воры.

Бойцы увидели петлюровские морды, и Щорс спросил, что с ними делать. Как новая форма красноармейского строевого ответа — раздалось: «Расстрелять!»

Щорс готовил дивизию и готовился сам к новым боям. Он выписывал себе книги, энциклопедический словарь, военные наставления. Ни в одной дивизии на Украине не была так поставлена политическая работа, как у него. Помимо книг, розданных по полкам, политотдел дивизии имел еще до пятнадцати тысяч книг, брошюр, букварей, географических карт. Щорс требовал: «Вы лозунги развешиваете, а боец карты не знает». И в частях занимались родным языком, сидели над букварями, над географическими картами.

В июле наш Южный фронт был прорван. Деникинские армии начали движение на север, на Москву. Дивизия Щорса постепенно попадала в мешок. С запада были поляки, на юго-западе — Петлюра, с востока — деникинцы. Был потерян Киев. Для эвакуации оставался единственный выход — через Коростень на Гомель. Житомир эвакуировался. Как крысы с тонущего корабля бежали люди, втершиеся в штаб Щорса. Он руководил эвакуацией учреждений и тыловых частей и в короткие минуты передышки, бледный, истощенный, никому не жалуясь на усталость и на обострившуюся болезнь, ходил упругим шагом по перрону житомирского вокзала. Китаец-часовой дал выстрел и задержал другого китайца, который крал сахар из вагона. Вора повели к Щорсу на перрон. Толпа, ожидающая расправы, кинулась следом. Китаец дрожал мелкой дрожью. Щорс через переводчика начал объяснять ему, что сахар, как и все другое имущество, принадлежит всем — народу, и он показывал пальцами: «Тебе, ему и другому». Китаец, держа шапку с сахаром и роняя слезы на сахар, затряс головой и начал раздавать сахар каждому. И, виновато улыбнувшись, протянул один кусочек и Щорсу. По лицу начдива прошла судорога от какой-то глубокой и острой мысли.

Кругом все как-то пустело. В тишине чувствовалось приближение врагов. Далекая радиостанция откуда-то из-под Одессы, где пробивались войска южной группы, запрашивала Щорса, где он и что он. Щорс

стоял на Коростене, почти окруженный, и методически отбивал удар за ударом. Здесь игодились его курсанты, которые принимали роты и, если надо было, батальоны.

Щорс был на стыке Южного и Западного фронтов. К нему стремились части с юга, на него опирался весь Западный, белорусский, фронт. На него тревожно и опасно глядели белые, которые, заняв Киев, не решались двинуться дальше. Дивизия Щорса держала весь Юго-Запад, так же как все направление на Москву держала группа Орджоникидзе — из латышской дивизии и червонного казачества, и левее конный корпус Буденного, еще левее моряки на Волге и Каспии, державшие с Кировым Астрахань. Это были основные опоры Южного фронта, которым руководил Сталин. Здесь нельзя было уступать и отступать.

Щорс был непрерывно в полках. Петлюровские полки наваливались на Коростень, чтобы смять и разорвать наши фронты. Они подходили к городу вплотную, были в 7—8 верстах. В решающую минуту с ручным пулеметом появлялся Щорс. Богунцы и тарашанцы подымались без слов и шли. Был знойный август. Люди были истомлены непрерывными боями в течение года. Чтобы было легче идти в контратаки, люди сбрасывали сапоги и с возгласами: «Да здравствует Ленин! Да здравствует Третий Интернационал!» — кидались вперед.

30 августа на участке 1-го батальона богунцев пулей, пробившей голову навывлет, Щорс был убит.

Бойцы шли в атаку в этот день броском, которого не знает история. Они шли 25 верст бегом, двадцать пять раз опрокидывая дивизии Петлюры. Творилось непонятное и действительно неопишемое. Коростень не был сдан.

Тело Щорса взяли курсанты, повезли его. Враги выбрасывали тогда из могил и из братских могил на свалки, псам и свиньям, тела павших в бою красных командиров. Республика выбирала место, где можно похоронить Щорса, где было бы тихо и безопасно. Мертвый Щорс проехал по всей дуге Южного фронта от Днепра до Волги. Молча стоял караул. На всех станциях стоял грохот подходящих резервов.

Дивизии пели свои песни: латышские, эстонские, донские, ставропольские. Пламенем горел дух Южного фронта. Мы готовились к контрудару. Тысячи верст проехал Щорс. В Самаре вечером опустили его в землю. Спи спокойно, бесценный друг! И тут же, на окраине Самары, началась перестрелка. И в самом спокойном городе Республики шла классовая война. С могилы поднялась жена Щорса, председатель Унечской прифронтовой Чека, поднялись курсанты и пошли в бой.

1935 год

АНАТОЛИЙ ЖЕЛЕЗНЯКОВ¹

Фигура Анатолия Железнякова была одной из самых ярких и примечательных фигур в рядах революционного флота Октябрьского периода и периода гражданской войны. Это был очень крепкий, сильный, красивый молодой кочегар — крайне активный, развитой, начитанный. Далеко не все знали о его происхождении, о его прошлом. Вокруг Анатолия складывались домыслы, иногда с оттенком легендарности... А Анатолий был хороший, простой парень. В Москве у него жила старушка мать, были знакомые девушки. Работать, служить, плавать на море Анатолий начал с ранней юношеской поры. Он побывал и в зарубежных рейсах.

Анатолий Железняков был простым, непримиримым противником капиталистического строя...

Анатолий Железняков до революции подвергался преследованиям властей. Ему приходилось перебрасываться с Балтики на Черное море. В период мировой войны Анатолий страстно мечтал пробраться на Дальний Восток, поступить на китобойное судно и попасть за границу, в Америку, где он хотел получить образование и связаться с революционными организа-

¹ Печатается с сокращениями.

циями. Мечту о побеге он лелеял долгими месяцами. Анатолию приходилось жить впроголодь: работал он тогда кочегаром на Черном море, на транспортном судне.

Революция 1917 года открыла перед Анатолием Железняковым все двери, все пути. На матросских собраниях Железняков — бывалый, решительный, пылкий — был одним из лучших ораторов.

На Черном море ему было тесно, его тянуло на Балтику, в Петроград, поближе к центру революционных событий.

В Октябрьские дни Железняков участвовал в Петроградских боях. В начале ноября 1917 года Железняков в составе сводного отряда (гельсингфорсский матросский отряд и 428-й лодейнопольский полк) участвовал в погоне за офицерским бронепоездом. Железняков был в головной части отряда. Люди рвались в бой. Матросы были пропитаны молодой, пылкой, революционной романтикой и абсолютной решимостью биться с белогвардейцами, со всеми врагами — до конца.

Сводный отряд преследовал офицерский бронепоезд. Было это на Николаевской железной дороге. Бронепоезд мог причинить молодой Советской власти серьезные беды: он хотел прорваться в Москву, где ожесточенно дрались против Советов офицерская, купеческая, белогвардейско-студенческая гвардии.

Матросский отряд насчитывал семьсот пятьдесят человек. Люди решили поймать бронепоезд во что бы то ни стало. Эшелон летел невероятно быстрым ходом. На мгновенных остановках связывались по телеграфу с железнодорожниками. На станции Бологое рабочие попытались задержать бронепоезд. Он прорвался на Полоцкую ветку. Матросы кинулись вслед. Противник обрезал всюду телеграфные провода, опасаясь, что матросам удастся своими призывами создать новые засады и помехи. Но эта мера не помогла офицерскому бронепоезду. У села Куженкино бронепоезд был настигнут.

Две головные артиллерийские площадки матросов с двумя 75-миллиметровыми орудиями выдвинулись вперед. Была ночь. Предстоял бой. Тогда с площадки соскочили Железняков, Берг и еще несколько человек.

Матросы подошли прямо к офицерскому поезду. Это был оборудованный на заводе великолепный блиндированный поезд — «черепаша». Было ясно, что лобовой атакой брать его трудно. Матросы решили брать и напором, и «дипломатическими переговорами» — расслоением офицеров и солдат.

Сводный отряд нетерпеливо ждал результатов... В ночной тьме ничего не было видно. В штабе отряда, в слабо освещенном вагоне 3-го класса, устало ждал начальник отряда. Матросы вернулись: «Офицеры сдаются».

Дальше пошли новые бои, столкновения. Железняков вновь был в Петрограде. Каждый день — вызовы по экстренным оперативным нуждам... Подходили дни января 1918 года. Собиралось Учредительное собрание. Партия кадетов, эсеры, меньшевики и прочие готовились в день открытия Учредительного собрания нанести удар власти Советов.

В день открытия «учредилки» матросские отряды заняли наиболее важные посты в городе. Анатолий Железняков со своим отрядом занимал район Таврического дворца и нес охрану самого дворца. Здесь и должно было открыться Учредительное собрание. Еще в период выборов в Учредительное собрание моряки хотели выбрать Анатолия депутатом. Он решительно отказывался... А в день Учредительного собрания он ходил, загадочно улыбаясь.

К Таврическому дворцу хлынули вооруженные буржуазные демонстранты. Железняков вышел к ним навстречу, один, спокойно и бесстрашно разъясняя бесполезность запугиваний.

— На охране нового революционного порядка стоят матросы. Понятно? Нас вы не опрокинете.

Железняков рассеял толпу. Подошла другая. Железняков вывел один взвод, дал залп в воздух, и все эти эсеры и меньшевики разбежались...

О том, как в третьем часу утра, после длинных, тянувшихся полсуток, злобных и нудных речей меньшевиков и эсеров, Железняков разогнал «учредилку», знают все. Чернов, сидевший на председательском месте, лидер эсеров, господин с шевелюрой, вел собрание. Железняков подошел к нему, положил руку на плечо и сказал спокойно и насмешливо о том, что предлагает Учредительному собранию разойтись по

домам, потому что матросский караул устал слушать тут все эти речи и хочет спать.

1918 год... Анатолий Железняков в водовороте событий. Он вновь попадает на Юг. Его видят в одесском подполье. Весной 1919 года — с приходом Красной Армии — Железняков создает в Одессе бронепоезд «Имени Худякова». (Худяков был московским рабочим-медником, одним из первых комсомольцев-красногвардейцев. Был убит на улице на посту в 1918 году.) Бронепоезд был великолепно оборудован. В команду Железняков людей отбирал строго, «с страстием». Основательно беседовал с каждым приходившим добровольцем, испытывал его под огнем. Мне памятен рассказ одного из таких добровольцев — Р. Пелита, бывшего солдата русской бригады во Франции. Он вернулся после тюремного заключения, на транспорте, вместившем две тысячи возвращавшихся в Россию солдат. Все они мечтали о родине, о доме. Встреча с советской родиной была потрясающей. И вот тут многие солдаты увидели бронепоезд Железнякова. Сам Железняков произвел на вернувшихся сильнейшее впечатление. Это был первый революционный командир, которого видели вернувшиеся. Они увидели человека-энергию. Он вдохновенно рассказывал им про революцию, про новые идеалы. Железняков увлек ряд людей в Красную Армию.

Белогвардейское командование сулило тогда за голову Железнякова 400 тысяч рублей.

Бронепоезд Железнякова действовал в районе Екатеринослава вместе с нашим бронепоездом «Грозный»¹. Белые отрезали путь у станции Верховцево. Бронепоезд Железнякова прорвался на юг — к Херсону, Одессе. Работали орудия и двадцать четыре пулемета. Батарея белых стояла у самой станции и била почти в упор. Бой был яростный и скоротечный. Железняков приподнялся — он бил из револьвера по прислуге вражеской батареи... Белогвардейская пуля ранила Железнякова через несколько секунд.

Бронепоезд прорвался... Железняков умирал девять часов. Организм боролся со смертью. Анатолию говорили о том, как удалось прорваться... Умиравший слушал, с трудом произнося последние слова...

¹ Бронепоезд, на котором служил Вс. Вишневский.

Герой погиб. В его честь и память сложена песня, которую поет народ нашей страны.

ПАРТИЗАН ЖЕЛЕЗНЯК¹

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном — курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк, партизан...

Песня — полная лирики и героики. И тот факт, что здесь легенда отступила от подлинной хроники фронта, ничему не мешает...

А подлинная хроника фронта была у нас такой. Бойцы бронепоезда решили не оставлять тела Анатолия Железнякова на территории, которую захватывали белогвардейцы. Под охраной верных товарищей тело убитого героя было отправлено в центр революционного мира — в Москву. И в августовский день 1919 года гроб с убитым пронесли по улицам столицы, сквозь Красную Пресню и опустили в землю рядом с могилой начдива 16-й стрелковой дивизии Киквидзе, который погиб на Царицынском фронте, — опустили в землю рядом с могилой большевика Николая Баумана, погибшего в 1905 году...

Сейчас весна... Над могилой Железнякова стоял снег. В небе звенят серо-серебристые боевые самолеты. За стеной кладбища, на стрельбище, стучат пулеметы; с Ходынского поля ветер доносит пение молодых красноармейцев и раскаты ротных и батальонных ответов: «Здрас-с!..»

Да, — да здравствует жизни!

Москва, 1938 год

¹ Песня М. Голодного.

**Пьесы
и сценарии**

ПЕРВАЯ КОННАЯ

Главные действующие лица

- Драгун Иван Сысоев.** Появляется в I эпизоде и ряде других, где он именуется «драгун» и «б. драгун»; строевой солдат, строен, чист лицом, акцент воронежско-донской (видють, ажно, гуторят и проч.). В 1913 году ему 22 года.
- Офицер.** Появляется как младший офицер — корнет. Холоден, жесток; когда надо — мягок. В сцене, когда он делает наставления, как писать письма с фронта, он уже штаб-ротмистр; в сцене суда он председатель в чине ротмистра. В 1913 году ему 22 года.
- Рабочий.** Он же комиссар. Не в кепке и кожаной тужурке, а в гимнастерке, потом в пиджаке, финской шапке или картузе. Крепкий, простой. Сдержан, но прорывается порой кипящей горячностью (сцена с укрощением партизан: «Кого на испуг берете?» и в сцене «Ударники»). Появляется в царичинском цикле и далее во всей пьесе. В 1918 году ему 33 года.
- Командир.** Появляется в эшелоне как большевик, председатель комитета. Очень спокойный, ровный, сильный. Проходит через всю пьесу. В 1918 году ему 25 лет. Интеллигент.
- Казак.** Появляется (без слов) в эшелоне, в I акте. Поет. Казачий чуб, ухватка, акцент. Шаровары с лампасами, фуражка или папаха набекрень. В 1918 году ему 26 лет.
- Ведущий.** Наша совесть, наша память, наше сознание, наше сердце.

Прочие действующие лица меняются — течет масса разноликая, и в эпизодах надо давать всегда разных людей.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ АРМИЯ

В е д у щ и й. Был год 1913. Огромна Россия, великолепна столица Санкт-Петербург и ее дворцы. На утрамбованных солдатскими шагами плацах столицы царь принимает ослепительные парады войск... В мае — весенний парад гвардейской кавалерии. Золото кирас, лес пик, алые и синие вальтрапы с императорскими вензелями, белые султаны, трепет флажков, серые кони, ментики гусар, усачи-унтера... Многотысячная масса колышется. Кавалерия готова к маршу... «Арш, а-а-а-рш!..» Вот она тронулась...

Кавалерийский марш. Великолепие.

Смотр замечателен. Движения бесчисленных эскадронов и сотен так стройны, так верны, что замирает от силы красоты сердце у толп, усеивающих панели, балконы, крыши... Чудо-богатыри, орлы!.. «Ур-р-ра!» — висит над гигантским плацем...

Идем в казарму, к кавалеристам. Посмотрим ближе службу сдобную, красивую.

Эпизод I

„ГДЕ ВЫПРАВКА?“

Рассвет в казарме. Тусклый огонь. Койка, шкафчик. На койке храпит человек. У изголовья стоит, не шелохнувшись, под шашкой молодой, безусый солдат.

В е д у щ и й. Лейб-драгун Иван Сысоев на учении ошибся во время исполнения сабельного приема «на караул». Лейб-драгун Иван Сысоев наказан. Он должен ночь отстоять под шашкой у постели взводного унтер-офицера, и так научится он быть настоящим российским императорским лейб-драгуном.

Драгун (*стоит, тихо опуская занемевшей рукой шашку*). Братцы, за что же?

Х р а п я щ и й в з в о д н ы й (*вскидывает голову и ревет*). Как стоишь? Где выправка? Как шашка?! Подбери живот!..

Драгун выпрямляется. Далеко — бой утренних часов.

Ведущий. Какая выправка у чудо-богатырей царских!

Эпизод II

„БЕГОМ, БРАТЕЦ!”

Казарма. Горнист играет сбор. Голос унтер-офицера: «На молитву станови-и-сь!» Выстраиваются бегом. Идет какой-то офицер. Встреча с освобожденным больным. Больной тяжело ступает.

Офицер. Ты чего, братец?

Солдат (*руки по швам*). Так что больной, ваше высокродь.

Офицер. Бегом, бегом, братец!

Больной тяжело ступает.

Бегом!

Солдат (*тоскливо*). Болен я, ваше высокродь.

Офицер. Притворяешься, братец!

Солдат (*тоскливо*). Болен я, ваше высокродь.

Офицер. На месте бегом — арш!

Солдат становится в соответствующую позу, согнув в локтях руки, и начинает бегать с мукой в лице.

Ать-два, ать-два, ать-два... Вот... вот... Хорошо бегаешь, лейб-драгун.

Солдат (*подавляя боль*). Рад стараться, ваше высокродь.

Офицер. Ну, а потом в карцер за притворство, братец!

Солдат (*все еще бежит на месте*). Слушаю, ваше высокродь.

В унисон гудят драгуны молитву.

Эпизод III

УЧЕНИЕ

Ведущий. Много заботы клали отцы-командиры на учение-просвещение...

Входит взвод. Команда: «Взво-од, стой!» Как один стали. «На-пра-о!» Щелкнули каблуки. «Подравняйсь!» Появляется ротмистр. Команда: «Смирно, равнение налево!»

Ротмистр. Ни к че'ту вы не годитесь! Вида нет. П'иемы плохо выходят. Подзаняться! (*Идет, доставая из портсигара со шнурком папиросу. Мягко позванивают шпоры.*)

Младший офицер. Слуш-сь, господин ротмистр!

Ротмистр уходит.

Слышали?! Ни к черту вы не годитесь. Вида нет. Приемы плохо выходят. Подзаняться. (*Уходит.*)

Взводный (*рычит*). А! Ни к черту вы не годитесь! Вида нет. Приемы плохо выходят. Подзаняться!.. А ну, я вас подзайму-у! По потолку — пальба взводом! Взво-о-од!..

После предварительной команды унтер берет папироску. Кавалеристы стоят с поднятыми винтовками. Чуть колышется линия штыков. Унтер прогуливается. Время от времени кому-нибудь кидает: «Я тебе шевельнусь!» Гуляет. В дверях младший офицер. Тогда унтер быстро выпаливает: «Пли!» Курки разом шелкают. Один с опозданием. Офицер кричит: «Сысоев!» Подскакивает и тычет кулаком в зубы безусого драгуна, спустившего курок с опозданием. Солдат тяжело качнулся назад и замер.

Ведущий. Ох, много заботы клали отцы-командиры на солдатское учение-просвещение!..

Эпизод IV

СЛОВЕСНОСТЬ

Помещение эскадрона. Солдаты сидят, ладони на коленях, каблуки вместе, носки врозь.

Ротмистр. Вот, б'атцы, вы должны понять, что вы защитники и слуги ца'я, п'естола и ве'ы... э-э-э... Вы носите мундиг... э-э-э... Мы защищаем святую ве'у и госуда'я импе'ато'а... э-э-э... от супостатов... внешних и внут'енных в'агов. Когда мы с богом — и бог с нами. И го'е, если он отв'атит лицо свое... э-э-э... если мы будем г'эшны пе'ед ца'ем... э-э-э... Э-е... вот... Если в'аг нападет на нашу землю, мы оде'жим победу... э-э-э... на 'атном поле... э-э-э... На поп'ище чести, с'авы и пойзы... Помните завет: «К'епошь в ве'е, ве'ность п'естолу, пойза и с'ава отечества...» э-э-э... Так, б'атцы?..

Все (*рывают*). Так точно, вашскородь!

Ротмистр. Ну вот, тепей с вами займется взводный. (*Взводному.*) Займись! (*Уходит.*)

Команда: «Стать смирно!» Все вытянулись.
Потом по команде сели.

Взводный. Ну-ка посмотрим, как вы знаете высочающих и начальствующих особ... Сысоев!

Сысоев (*вскакивая*). Я-а, господин взводный!

Взводный (*тянет*). Скажи... мне... полный титул... командера... нашево корпуса...

Сысоев. Его... его...

Взводный (*яро*). Чего егокаешь? Я те егокну! (*Меняя тон.*) Ты чиво такой некрасивый сиводни?

Сысоев. Так что два зуба их высокродь господин корнет выбить мне изволили...

Взводный (*равнодушно*). А-а... (*строго.*) Ну, слушай титул. Лучше «Отче наш» знать должен! (*Чеканит.*) Его превосходительство свиты его величества генерал-адъютант генерал от кавалерии Безобразов... Ну, а титул командира дивизии?

Сысоев молчит.

Взводный (*чеканит*). Его превосходительство генерал-майор Раух! Ну, а кто наш бригадный? Не знаешь?! Слушай: его сиятельство свиты его величества генерал-майор князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон... Имени-и-тый!

Ведущий. Взводный позволяет себе иногда щегольнуть другими знаниями. Он читает лекцию солдатам...

Взводный. Ну, а что вы, серые порции, знаете о расписании формы одежды при различных случаях, показанных выше в алфавитном порядке? Ничего вы не знаете — службы еще не видели, расписания слыхом не слышали. (*Заученно твердит без запятых*). Пункт пятьдесят седьмой! Акты дворянские выборы открытие выставок и экзамены — форма обыкновенная. Пункт пятьдесят восьмой. Балы при высочайшем дворе: на больших балах — форма парадная, на малых — обыкновенная. Брачная церемония для участвующих как-то — жених, отец невесты, шафера и посаженный отец — форма парадная. Возложение венков — форма парадная. Вынос и погребение святой

плащаницы — форма обыкновенная. Исповедь — форма повседневная. Причем свиты его величества генерал-адъютанты носят в парадном случае: мундир, шляпу и саблю, сапоги, короткие брюки с галуном, белые перчатки и шинель-пальто. Вот! (*Переводит дух.*) Повторить! (*Молчание.*) Звезда же старшего ордена прикрепляется к груди, как сказано выше, на расстоянии от середины звезды около трех и трех восьмых вершков, как от середины груди по горизонтальной линии, так и от крючка воротника мундира по вертикальной!.. А што вы знаете про ордена? Вам пуговицы блестящие с орлами дадены — и то спасибо скажите. Бывают ордена разные. Орден Леопольда, орден Искандер, Салис и Тадж, бухарский, английская Подвязка и Патрикея, орден Спасителя греческий и Калатрава испанская и богоматери Монтезанской... Вот бывают какие... Вольноопределяющийся, повторите!

Вольноопределяющийся (*у него на груди университетский знак*). Я, право, не могу... господин взводный.

Взводный. Эта вам не униситет!.. Тут думать надо!..

Ведущий. Много таких знаний вбивали в головы солдат. А о грамоте зачем и думать? Грамотный мужик — беспокойство...

Эпизод V

ЗАБАВЫ

Ведущий. А когда от зевоты, нуди, гнуса и тоски становилось тошно даже взводным — начинались забавы...

Группа унтеров в своем углу.

Взводный (*повернувшись к молодым солдатам, зовет*). Куриленко!

Солдат. Я-а, господин взводный!

Взводный. На нос ках, сю-да!

Печатая шаг, подходит солдат.

Солдат. Честь имею явиться, господин взводный.

Взводный. Стой здесь. До особого распоряжения.

Солдат. Слушаюсь, господин взводный.

Взводный (*выбирает еще одного солдата*). Архипов!

Солдат. Я-а, господин взводный!

Взводный. На нос-ках сю-да!

Подходит второй солдат. Прочие боязливо сидят, жмутся. Взводный начинает.

Куриленко, ты хохол?

Солдат. Так точно, господин взводный.

Взводный. А как русских называют у вас, хохол?

Солдат молчит.

(*Грозно.*) Ну-у! Как?

Солдат (*покорно, боязливо*). Кацапы... москали, господин взводный.

Взводный (*делая вид, что обижен*). Ка-ак? (*К Архипову.*) А ну, Архипов, бей хохла, чиво он нас, русских, обзывать так!

Архипов покорно, как автомат, бьет Куриленко по шее. Унтера смеются.

Пауза.

(*Архипову.*) Архипов, а ведь тебе, служба, не везет?

Солдат. Так точно, господин взводный, не везет.

Взводный. Сделай об этом сообщение на весь наш лейб-гвардии драгунский полк. Ну...

Архипов (*краснея от натуги, вопит страшным голосом*). Мне служба не везет! Мне служба не везет!..

Взводный. Хватит, дурак!.. (*К Куриленко.*) Ну, отвечай мне, как генералу. Здорово, братец!

Куриленко (*рывает*). Здравья желаю, ваше дитство!

Взводный (*делаясь важным*). Отвечай теперь, как полному генералу. Здорово, братец!

Куриленко (*рывает*). Здравья желаю, ваше сокдитст-во!

Взводный (*делаясь величественным*). Ну, а

теперь отвечай, как государю-императору. Здорово, братец!

Куриленко (*замирает, тянется и рывкает*).
Здравья желаю, ваш-прат-лит-ство!

Пауза.

Взводный. Ну, так... Молодец!

Куриленко. Рад стараться, господин взводный.

Взводный (*строго*). Отвечай, как государю-императору.

Куриленко (*замирает, тянется и рывкает*).
Рад стараться, ваш-прат-лит-ство!

Взводный (*Архипову*). Архипов, а кто Куриленко?

Архипов. Хохол, господин взводный.

Взводный (*Куриленко*). Куриленко, ен тибя обижаить. Как ен тебя обзываить? Дай ему раза.

Куриленко покорно, как автомат, бьет по шее Архипова.
Унтера смеются.

(*Обоим солдатам.*) Слушай оба мою команду. Кру-гом!

Куриленко и Архипов делают четкий поворот,
щелкая каблуками.

Взводный. Ат-ставить!

Оба поворачиваются обратно.

Чище, как на пружинке. Кру-гом!

Снова хороший поворот.

Ат-ставить! (*Сердась для того, чтобы «подрепертить» подчиненных, ревет.*) Как на пружинке, с огнем! Как на смотру! Иде служите? На царской службе! Забыли? Кру-гом!

Поворот с максимальным блеском. Оба застыли.

По своим местам, шагом... арш!..

Печатая шаг, оба солдата идут к себе.

„ПИСЬМА ПРИНЕСЛИ!”

Ведущий. И веселье бывает в казарме. Крепкое веселье. Весело гляди, кавалерийский солдатик!

Стуча подошвами, молча танцуют солдаты перед унтерами. Гул солдат: «Письма, письма принесли!» Солдаты в оживлении. Появляется взводный унтер-офицер. Солдаты замерли. Унтер важно садится. Долго вертит письмо. Солдаты ждут, мнутя.

Взводный. Тар-ас Охри-ме...

Солдат. Я-а, господин взводный!

Взводный. Дурак, рази я усю фамилею твою досказал? Кудды ты лезешь, хохол проклятый!

Солдат (*испуганно*). Виноват, господин взводный.

Взводный (*снова, растягивая*). Та-рас Охри-мен...

Пауза. Охрименко стоит — не шелохнется.
Взводный любитя им.

Стой, стой, хохол. Ишь, письма захотел. Поди, от бабы?.. Сладкая у тебе баба, а?

Взводный ржет. Солдаты подражают взводному и ухмыляются, некоторые же стоят хмуро.

Взводный. Сладкая? Га-га-га... Смешно... смешно, ребята?

Гул. Так точно, господин взводный!

Взводный (*взводу*). Ну, смейся!

Станный, послушный смех.

(*Слушает. Потом выпаливает конец фамилии Охрименко.*) «Ко!»

Охрименко (*бросается вперед и делает стойку, выпаливая*). Я-а, господин взводный!

Взводный. Тибе, знаца, письмо! Эва! Тольки ты за письмо ета спляши.

Охрименко понуро и покорно начинает гопака.
Солдаты понуро, тихо дают мотив.

Взводный. И-эх! Жги!

Охрименко бьет ногами еще сильнее. Взводный крутит перед носом солдата письмо, и тот, стуча каблуками, тянется.

Ловчее!

Охрименко бьет еще сильнее.

Взводный. Так... ланно! (*Кричит.*) Стой!

Охрименко с ходу вытягивается в струнку.

Взводный. Возьми письмо. Ну-ка, что баба пишет? Читай!

Охрименко неумело разрывает конверт. Тишина. Глядит.
Читает про себя. Хихиканье взводного.

Охрименко (*стоит молча. Потом тихо говорит*). Отец у мене умер... Згинет хозяйство... малы дити...

Молчание. Взводный, заложив ногу на ногу, качает носком сапога.

Ведущий. Веселый гопак в казарме царской! Ух, как лихо пляшут, какие коленца выводят веселые хваты кавалерии царской!

Эпизод VII

МОЛИТВА

Шеренга. В углу икона Николы-угодника, мерцает лампадка. Замерли все. В унисон гудят: «Отче наш». По шеренге сзади крадется, тыкая злобно кулаком в спины, вахмистр.

Вахмистр. Как стоишь? Как стоишь?

Пение сбивается.

(*Крестится.*) Отставить молитву! Я вас научу службе! Вы у меня, как тумбочки, в строю стоять будете, как мертвенькие! Сказано: святое место — строй, сукины дети!.. Замри!.. Я вас загоняю, я вас выучу!.. Продолжай молитву!

Молитва продолжается.

ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

Эпизод I

„НИХТ ШИССЕН”¹

Ведущий. Царская Россия воюет... Висла, Мазурские озера, Галиция, Карпаты, Августовские леса. Царская Россия воюет!.. Пятнадцать миллионов мужчин оторваны от семей. Царская Россия воюет...

Год 1916... Окопы на Стоходе...

Окоп глубокой профили (выше человеческого роста). Видны проволочные заграждения. Над окопом козырек (деревянное прикрытие, засыпанное слоем земли). В бойницах винтовки. Штурмовая лесенка. Полевой перископ. Группа солдат у входа в блиндаж. Покуривают. Солдаты в шпорах, с шашками (спешенные лейб-драгуны). У перископа наблюдатель. Рядом стальной щит с прорезью. Солдат уныло поет: «Пишет, пишет царь ерманский, пишет русскому царю...»

Носильщики проносят на шинели какого-то убитого лейб-драгуна. Руки трупа болтаются. За носильщиками — один с лопатой. Солдаты притихли, крестятся.

Архипов. Тут до нас Преображенский полк наступал... Тоже положили их много... Народ здоровый — во (*жест выше головы*), дуболомы! Скажем, в первой государевой роты... Шли, значит, преображенцы наступать потемну. Подготовку какую артиллерия сделала? Известно — поковыряла мало-мало, и хватит. Да и то как: прицел пять, трубка пять — по своим опять. Проволока-то у немцев целая осталась. Рядом четыре.

1-й голос (*желчно*). Русский солдат здоровый, руками порвет.

2-й голос. То-то и навалило преображенцев... Порвали...

Архипов. Да... преображенцы, значит, потемну пошли... Молчат. «Ура» не велено было кричать... Идут — «на руку» держат. Подошли к проволоке. Да-

¹ Не стрелять (*нем.*).

вай резать... А немцы глядят — видят... Что такое?! Громадины!.. Испугались, думают — кавалерия... И верно, ох, дуболомы здоровые эти преображенцы! (*Жест выше головы.*)

3-й голос. Повоюем — помельчают небось...

Пауза.

1-й голос. Заяц поутру забежал промеж окопов — вот смеху было!

2-й голос. Стрелили?

1-й голос. Положили, задрыгал и лег... Поди достань... Немец, брат, тебе достанет!

3-й голос. Заяц невкусный...

2-й голос. Поди не съел бы?

Проходит с забинтованной рукой раненый,
алеет повязка.

1-й голос. Какова эскадрона?

Раненый. Второва.

1-й голос. Что у вас там?

Раненый. Садит с тяжелой — сил нету. Всех выбьет. Накаты выворачивает. Мортиркой бьет. (*Уходит.*)

2-й голос. И до нас доберется.

3-й голос. А ты не сглазь! Тибe не мнут — ногам не дрыгай.

В щит со звоном бьет пуля. Наблюдатель шарахается.

1-й голос. Ишь, кладет. У них винтовки с трубками, посмотришь — все видно. Бей на приз.

Из-за поворота — офицер и вахмистр. Солдаты поднимаются, но чести не отдают, так как уже видели офицера несколько раз с утра.

Офицер. Придется его под шашку. Не могу, не могу... Если под суд отдать — ему же хуже будет. (*Раздраженно.*) Вообще — дрянь он.

Вахмистр (*окая*). Вашскородь, где поставить прикажете?

Офицер (*кивая на бруствер*). Тут, наверху.

Вахмистр (*изумленно*). Наверх, вашскородь?

Офицер. Ну да...

Оба уходят за второй поворот — за траверс.

1-й голос. Это Сысоева Ваньку.

2-й голос. За што?

3-й голос. Взводному по роже дал, тот его загрыз, со света сживает.

2-й голос. Ну, постоит — не спортится.

1-й голос. Дык его туды — наверх...

3-й голос (*недоверчиво*). Нно-о-о? Брось!

Входят вахмистр и Сысоев.

Вахмистр (*официально*). Сысоев, под шашку! Только час!

Сысоев (*отдавая честь*). Слушаю, господин вахмистр!

Вахмистр (*дрогнувшим голосом*). Становься. Приказано. Все одно — либо под суд... Смерть ведь на суде примешь. А тут, может, обойдется. Лезь, милой, наверх... с молитвой.

Солдаты не верят ушам и цепенеют. Сысоев стоит, как полагается стоять российскому кадровому императорскому лейб-драгуну.

Пауза.

Лезь, милой, с меня спросят. Оба пропадем... Лезь... (*Испуганно тычет рукой.*) Ну, лезь... Постой там малость. Я враз, я скоро... доложу — отстоял, мол... (*Пятится и бормочет.*) Лезь, Сысоев, лезь... (*Скрывается за поворотом.*)

Вечереет. Сысоев смотрит на штурмовую лестницу. Две пули со звоном бьют в щит. Наблюдатель шарахается. Сысоев поправляет фуражку и привычно поднятым пальцем проверяет, на середине ли кокарда.

Сысоев. Прощайте, земляки. Бог видит — за-напрасно...

Солдаты молчат. Сысоев лезет по лестнице на бруствер. Пуля бьет в щит, наблюдатель вздрагивает. Солдаты невольно бросаются к бойницам. Щелкают затворы. Сысоев уже на бруствере. Он вырисовывается на закатном фоне германской стороны сильной фигурой. Став, как полагается стоять российскому императорскому кадровому гвардейцу, он с отрывом руки выхватывает шашку. Пуля бьет в щит. Сысоев наклоняет голову, выправляется и замирает в стойке, держа шашку у плеча. Еще две пули — «тук-пак-тук-пак...»

1-й солдат (*к своим*). Не стреляй, братцы, хуже будет...

2-й солдат. Убьют Ваньку... Немец сыпанет...

Пронесят на шинели еще одного убитого. Носильщики
не замечают Сысоева.

3-й солдат. Господи... Отче наш..

Пуля — «тук пак». Сысоев втягивает голову.

Наблюдатель. Эй, немец махает! Глянь-ко...

Солдаты приникли к бойницам. Темнеет. Издалека, с немецкой стороны, голос, неясно различимый.

Голос. Ру-у-ус, камрад... вир воллен нихт шиссен... Нет сичас стрелять... не можно.

Драгуны (*слушают, высовываются на цыпочках и вопят*). Камрад!.. Солдат, камрад! Солдат — свой!.. Не бей его!.. Ох, прожектор!

Прожектор белым сиянием обдаёт застывшего императорского гвардейца Сысоева и драгун, поднявших большие добрые руки и впервые что-то познавших... С немецкой стороны далекий голос: «Геноссен, камрад, ру-у-ус...»

Шепот драгун. Камрад кличет... Не бьют... Видют — в чем дело.

Показывается вахмистр.

Вахмистр (*нервно*). Сысоев, живой? Сысоев, шашку в но-о-жны! Ой, милой!

Сысоев отчетливо делает прием, но стоит. Ждет другой команды. Прожектор вновь белым сиянием обдаёт Сысоева. Вахмистр командует, вспомнив, что Сысоев ждет: «Кру-гом! В окоп бегом арш!» Сысоев делает поворот и прыгает в окоп. Носильщики на шинелях пронесут еще одного убитого.

1-й голос. Какого эскадрону?

2-й голос. Всё второва... беда...

Вахмистр гладит Сысоева по плечу.

Сысоев (*тихо, кому-то отсутствующему*). Камрад, а? Камрад...

ПИСЬМО С ПОЗИЦИИ

В е д у щ и й. 20 февраля 1917 года.

Сцена 1-я

Окоп. Землянка. Стол. Сидит офицер.

О ф и ц е р (*вертит бумажку и читает*). «Копия с копии. Секретно». Так... «Отмечается, что в просматриваемых военной цензурой письмах нижних чинов участились описания, кои могут принести явный вред русской армии и посеять нежелательные и пагубные мысли в населении». Так... «Сообщается на предмет принятия надлежащих мер внушения в отношении нижних чинов...» Так... Надо посмотреть...

Сцена 2-я

Окоп. Солдаты. Говор. Поют жалобно-тоскливую песнь о войне.

С ы с о е в (*тихо*). Была бы моя воля, ушел бы отседа — хоть по жнивью босому идти было б до самого дома... Травку бы ел, хлеба не просил — уйти бы отседа... Ах, бьют народ, бьют...

1-й солдат (*зло*). Земля жирнее будет...

2-й солдат Народ умней станет...

С ы с о е в. И за што бьют? Што — я ково с немцев обидел или меня немец обидел? Такой же солдат, как и я... До службы он копался в земле — и я копался. А теперь — иди, бей его, а он тебя... Пленных тут гнали — и зла в них нет, и на них у меня нет.

Г о л о с у н т е р а. Сысоев, эскадронный требует. На носках, живо!

Сысоев быстро подтягивается и идет.

Сцена 3-я

Та же землянка. Стол. Сидит офицер. Входит Сысоев.

С ы с о е в (*с порога*). Ваше высокородь, дозвоьте взойти?

О ф и ц е р. А, входи. Здорово, Сысоев!

Сысоев (*kozyряя*). Здравья желаю, ваше высокродь.

Офицер. Давай, брат, потолкуем.

Сысоев (*kozyряя*). Слушаю, ваше высокродь.

Офицер. По душам... Ты стой вольно... Ладно...

Солдат становится вольно, но весь «как полагается».

Ты что, женат, дети есть?

Сысоев (*kozyряя опять*). Так точно, женат, вашсокродь.

Офицер (*мягко*). Ты ведь с начала войны... На позиции уже третий год. Был, кажется, ранен?

Сысоев (*kozyряя*). Так точно, ваше высокродь.

Офицер. Да, мы с тобой много перенесли. Ты только раньше не совсем исправен был... Да, да... Теперь ничего как будто... Ну, скажи просто, как тебе война? Домой не тянет?

Сысоев в раздумье.

Говори, братец, давай разберемся... Куришь?

Сысоев (*kozyряя*). Никак нет, некурящие мы, ваше высокродь.

Офицер (*смотрит мягко и грустно*). Говори, друг, тянет домой?

Сысоев (*kozyряя, заученным тоном*). Так точно, конечно, бывает, когда и подумаешь, но только раз призваны мы, так уже первое дело служба, ваше высокродь! Немца победим, замирение будет, так уже тогда и домой.

Офицер (*в сторону*). Врет, каналья, или нет? Не узнаешь от них. Ну, черт с ним!.. (*Солдату.*) Так, голубчик, ты и в письмах пишешь?

Сысоев. Так точно, ваше высокродь, чтоб, значит, понимали.

Офицер (*мягко*). Да, да, ты так и пиши. Пиши вот, что можно надеяться на победу... Снарядов в изобилии. Что еще? Да, кони в теле. Нам остается быть героями... Понятно?

Сысоев (*kozyряя*). Так точно, понятно, ваше высокродь. (*Чеканит.*) Надеяться на победу, снарядов в изобилии, кони в теле, быть героями...

Офицер. Ну, а ты мной доволен и другими господами офицерами?

С ы с о е в (*kozyряя*). Так точно, доволен, ваше высокродь!

О ф и ц е р. Ну, можешь идти.

С ы с о е в (*kozyряя*). Счастливо оставаться, ваше высокродь.

Четкий поворот. С ы с о е в уходит.

С ц е н а 4-я

В избе читают вслух письмо. Н а р о д.

Ч т е ц (*монотонно*). «С нами бог. Любезная и дорогая супруга наша и детки. Я, слава богу, жив, здоров, сего блага и вам желаю. Низко кланяюсь за любовь истинную к нам. Почтеннейшее письмо ваше получил, стоявше на позиции, и гостинцы тоже. Сими подарочками пользовались от души и с чувством супружней благодарности.

Живется сравнительно нам хорошо, только благодаря тесноте вши, прости господи, докучают.

Нам весело служить с начальниками лихими, и, слава богу, можно надеяться на победу русскими над немцами. Слухи сбываются на деле — всего в нас в изобилии: и снарядов, и насущного, и кони сыты, в теле. Остается быть героем, призывая божие благословение, все войска одним духом вдарят грудью, и с божьей помощью победим беспрременно, и тогда можно мириться.

К пасхе продай, супруга любезная, об чем я тебе писал, и вышли денег в полк мне и белья. Желаю милости божьей и веселья духовного, и быть здоровыми в кругу семьи, и еще много доброго дождатся. Известный вам Иван Сысоев.

20 февраля 1917 года. Действующая армия».

Г о л о с б а б ы. Спаси, помилуй...

2-й г о л о с. Пишет — слава богу, ничего...

3-й г о л о с (*старик, доволен*). Кони в теле... Герои...

4-й г о л о с. Вот Фомка вернулся без руки, говорит, бьют наших. Кому верить-то?

Г о л о с б а б ы. А может, Фомка врет?

4-й г о л о с. И с чево ба?

С т а р и к. Верь, баба, чево муж пишет.

Эпизод I

„РОССИЯ, ПОЖАЛУЙТЕ В АТАКУ“

Ведущий. Был март 1917 года. С царем рассчитались. Свобода. Весна. Жизнь шумит.

«Марсельеза».

И ждало ободренное сердце солдатское доброй вести. Ждало тревожно справедливого решения о войне... Дождлся солдат!

Вспыхивает текст: «Временное правительство будет стремиться довести войну до решительной победы. Это стремление всенародное. Временное правительство, ограждая права родины, будет вполне соблюдать обязательства в отношении наших союзников: Англии, Франции, Бельгии, Италии и прочих».

Нетерпеливо требовали русского мяса и русской крови представители Англии, Франции, Бельгии, Италии и прочих... Крови, мяса русского, солдатского!..

Нетерпеливо играли союзники сигнал атаки.

Сигнал атаки.

Нет ответа на сигналы! Никто не идет в бой!

Нет охотников класть головы напрасно. И за что бы драться! По-старому все осталось!

Холодный голос кого-то невидимого: «Солдаты не хотят воевать? Не хотят наступать? Ввести военно-полевые суды! Восстановить смертную казнь!»

Эпизод II

СУД

Полумрак. Стол. Зеленое сукно. За столом три офицера. В середине председатель суда — офицер лейб-драгун. На груди у него Владимир с мечами. Перед столом солдат. На груди — Георгиевский крест.

Председатель. Имя?

Солдат. Иван.

Председатель. Фамилия?

Солдат (*окая*). Флегонтов Костров.

Председатель. Какой части?

Солдат. Рядовой четыреста пятьдесят восьмого Суджанского пехотного полка.

Председатель. Присягу Временному правительству на верность принимал?

Солдат. Заставили подписать какую-то бумагу...

Председатель. Подсудимый Костров, вы обвиняетесь в отказе принять участие в наступлении и в подстрекательстве других к означенному действию. Можете указать себе защитника по выбору.

Солдат (*тихо, немного удивленно*). Кто же мне защитник тут?.. Не нада...

Председатель. Подсудимый, что можете показать?

Солдат (*тихо*). С начала войны я в окопах. Значит — три года... Вышла свобода... Землю нам нада. А на что мне земля, если меня не будет — как убьют в атаке?! И за ково драться?.. Кто командиры наши?.. Полковник кричал на собрание: «Я, сволочь, вас сек и сечь буду и пятьдесят розог всыплю. Сегодня, говорит, красный флаг, но не верьте свободе — завтра будет черный и зеленый...» Просили комитет убрать его, полковника, а в комитете кто? Внутренние враги позабывались. Нет правды...

Председатель. Говорите по существу, подсудимый.

Солдат. Я што знаю, то и говорю.

Председатель. Что можете добавить, подсудимый?

Солдат (*тихо*). Довольно с нас таких правов, такого, чтобы было по старому закону... Только мы выйдем наступать, нас тут вот и побьют... Я же разведчик, сам лазил, у немцев проволоки сколько рядов — я видел. Выйдем наступать — побьют. И земля кому? Вижу, куда гнет начальство, все ведь старые сидят.

Председатель. Садитесь, подсудимый. (*Пауза.*) Все обязаны уважать законы государства российского и указы Временного правительства. Суд приступает к голосованию. Приговор зависит от большинства голосов. Слово ваше, господин капитан.

Ка п и т а н. Дело ясно. Трус.

Солдат невольно смотрит на свой Георгиевский крест и трогает его.

Дезертир. Виновен. К смертной казни.

Председатель. Господин поручик.

Поручик (*волнуясь*). Несчастье родины — рас-пропагандированные люди... Они портят нравствен-ную атмосферу в войсках. Но я верю в русского сол-дата, я знаю... Я в Галиции в тысяча девятьсот четыр-надцатом году...

Председатель. Короче, господин поручик.

Поручик (*волнуясь и смущаясь*). Все происхо-дящее, конечно, ужасно... Перед лицом врага нельзя вносить в армию разлад... Кроме того, политические волнения... Я голосую за необходимую меру...

Председатель. Именно?

Поручик. Я бы учел... смягчил... Но, конечно, если нужно... Нет, нет, я не могу!

Председатель. Я понимаю вас, поручик... Вы «принципиально» против смертной казни... Один голос «за», другой воздерживается... Подаю свой го-лос...

Пауза.

Подсудимый, встаньте. Ваше дело рассмотрено. Во-енно-полевой суд четырнадцатого армейского корпуса большинством двух голосов против одного приговари-вает ефрейтора четыреста пятьдесят восьмого Суд-жанского полка Кострова Ивана Флегонтовича... (*пауза*) к смертной казни...

Дробь барабана. Темнеет.

В е д у щ и й (*в зал*). Это — свобода Временного правительства... Исполнителями приговора над сол-датом, который был виновен в том, что не хотел драться не за свои интересы, исполнителями пригово-ра не были солдаты. Солдаты не подняли винтовок на брата своего. Солдата расстреляли офицеры да удар-ники корниловские... Не успел ни с кем проститься солдат... Не успел и в лицо палачам посмотреть. То-

варищи, которые живые! Хорошо запоминайте офицерский лик царской армии. Придет время — станут против нас,— узнавайте, в лоб им цельте!..

Эпизод III

В ЭШЕЛОНЕ

В е д у щ и й. Прогремел Октябрь... Пошел год незабываемый — 18-й. С германского фронта начался великий исход окопного народа. Будет с войной, пошабашили! Земля зовет!..

Эшелон с германского фронта. Теплушка. Пятеро солдат. В папах с котомками. Дверь прикрыта. Стук в дверь.

— Чего там?

— Пустите, братцы, замерз.

— Полно и так! (*Между собой.*) Не пущать нико-
во! К лешему! Набьется тут разной сволочи...

Стук снова.

— Братцы, замерзаю!

Ф л е г м а т и к. Иди к чертовой матери!

Гармошка пиликает. Отсвет печки. Стук слабеет. Гармошка.
Новый стук.

Новый голос снаружи. Гей, открывай!
Забилась, тараканы! Открывай!

Ф л е г м а т и к. Иди к чертовой матери!

Г о л о с с н а р у ж и. Я вот тебе пойду! Открывай, слышь!

Яростный стук. В ответ из вагона гул: «Убирайся...
Разорался... горластый! Кипятком ошпарю, отскочь!»

Г о л о с с н а р у ж и. Эй, берегись, с автомата дерну! Кости-кишки прошью! Ну?

В вагоне сразу тихо.

Один (*грубо-примиренно*). Ты кто, с автоматом-то?

Голос снаружи. Отбился от своо шалона.
Из вагона. Какова?

Голос снаружи. Гвардии драгунского полка.
Из вагона (*между собой*). Пушай лезить, а то
ошалел — ище и верно прошьет. Ишь — гвардия.
(*В дверь*). Ну, лезь, эй!

Дверь со скрипом открывается. Вваливается Иван Сы-
соев. У него винтовка, шашка, сумка и ручной пулемет.

Один (*весело*). Эва, хотел в нас застрочить —
ничего себе швейная машинка! (*Хохочут.*)

Сысоев. Ну-ка подсобляй — замерз тут упам-
ший.. под вагоном — пехотный один... Он к вам не
дозвался... Сидят тут, как богатыи!

Солдаты лезут, достают полутруп, волокут, трут его,
он стонет.

Один (*зло*). Дверь закрой! Эй! Напустили, чер-
ти, холоду!

Дверь со скрипом закрывается. Гармошка пиликает.
Снова стук в дверь.

Голос снаружи. Эй там, открой!
Флегматик. Иди к чертовой матери!

Голос снаружи. Открой!

Сысоев. Полно здесь — некуды...

Голос снаружи. По-человечески говорю —
открой!

Один (*дразня*). А ишо што?

Голос снаружи (*передразнивая и грозно*).
Што ишо? Гранату хотите? Рвану!

Все замерли.

Сысоев. Пушай лезить — в меня тоже, серьез-
ный. (*В щель.*) Лезь!

Дверь со скрипом отворяется. Влезает солдат — на нем
шинель, котомка, папаха, на поясе граната Новицкого —
«фонарик».

Один (*весело*). Здоров, «гренадер»! Ишь, сколь-
ко вас, гранатных таких, понаделали!

С о л д а т. Здоров!

Новый солдат тянется к печке. Гармошка пиликает. Сысоев курит, поглядывая на «гренадера». Кто-то храпит. Тихо, кто-то гнусавит: «Три деревни — два села, восемь девок — один я...»

Э К Р А Н

Вспыхивают одна за другой торопливые буквы юзограммы, и слышен стук аппарата.

«Ростов-на-Дону. Юзовка. Бахмут. Луганск. Таганрог. Горловка. Дебальцево. Вне очереди, срочная, военная. Товарищи, враг очень близко и уже угрожает Донецкому бассейну. Немедленно отправляйте силы против контрреволюции... Завоевания рабочей и крестьянской революции в опасности. Разбойные банды гайдамаков и немцев вторгаются в глубь России и Украины, угрожают Петрограду, Одессе, Харькову. Все на защиту своих прав...»

В е д у щ и й. По пятам эшелонов идут гайдамаки на Украине, стена стальных шлемов германо-австрийских дивизий. Идут, и искры сыплются из-под кованых сапог...

Барабан.

Ой, быть беде! Стойте, товарищи, не бегите к дому!

В теплушке пляс и свист.

Нет, не слушают. Домой, домой!..

Эпизод IV

„ГРЕНАДЕР“

Тот же вагон. Те же солдаты. Ответ печурки.
Далекий гудок.

1-й голос. Долга стоять будем?

2-й голос. А вот начальника станции тиснут — так и пойдем. Са-ба-таш чиста!..

3-й голос. Стрелять гадов! Ишь — Гаврилы. Шалон держут!

У печки сидит бородатый солдат, к нему, проснувшись, подсаживается другой солдат — молодой комитетчик.

С о л д а т (окая). С какова фронту, земляк?

Комитетчик. С германского. (*Шутливо.*) Годок.

Солдат. Отвоевались?

Комитетчик. Не совсем.

Солдат. Ну — начисто. Теперь кто же против нас! Вваливай к бабам! Ой, доеду в деревню... (*Крякает.*) Попостилси...

Сысоев вдруг подходит к беседующим.

Сысоев. Земляки, эвон, видите, у меня два зуба выбиты?

1-й голос. Ну, видим.

Сысоев. А знаешь, кто выбил? Корнет, офицер наш. Еще в тринадцатом годе. «Ни к черту вы, говорит, не годитесь...» На занятии эта. «Вида нет. Прием плохо выходят...» И раз — по зубам. Два и вышиб. А потом на бруствер ен меня ставил под шашку. Стреляй, немец... Во! В революцию ен с полка убег...

1-й голос. Бывало... У нас тоже, вот, в Егерском полку под Ломжай...

Сысоев (*нетерпеливо*). Стой! Знаешь, где этот офицер?

1-й голос. Ну?

Сысоев (*тихо*). Эвон он — «гренадер», сидит переодетый.

«Гренадер» вскакивает, хватается гранату, солдат к нему.

Офицер. Наз-зад! Берегись!

Все жмутся. Офицер, держа высоко гранату, плечом открывает дверь, спрыгивает и ускользает.

Голоса. Убег!

— Ловка!

— Ч-черт!

— Где ево на путях ночью сыщешь?!

Сысоев. Поймаю где — живого съем! Попомните!..

Флегматик (*вдогонку офицеру*). Иди к чертовой матери!

Комитетчик (*к бородатому собеседнику*). Так говоришь, папаша, кто ж теперь против нас? Нету,

мол? А этого видал? (*Жест в сторону беглеца.*) Не заметил? Куда они бегут! К Корнилову!

Вздуродоренненне солдаты слушают.

Бить их надо идти сейчас, пока не собрались. Организируются — плохо будет.

Голоса. Известно...

— Тада делов будет.

— Хвост накрутят кои-где!..

Комитетчик. Надо в отряды идти.

Голос (*насмешливо*). Ета — в красногвардию?

Комитетчик. Да.

1-й голос (*насмешливо, пискливо*). Красную?

2-й голос. Ну и иди... А мы — домой.

3-й голос. Не навоевался? Эх!

4-й голос. Вот поди — тебе офицера сделают, как бог черепаху сделал...

Гармонист. Ты што много понимаешь, умный? Большевик?

Комитетчик. Да.

1-й голос. Ну и воюй, кто тибя держит... Вали один в цепь, рассыпайсь, во! Ха-ха-ха. Брось ево, ребята!

Гармонист дает задорный мотив. Один притопывает.
Свист.

ЭКРАН

«Завоеваниям революции угрожает опасность. Товарищи, формируйте отряды. Задерживайте врага...»

1-й голос. Эй, большевик, чиво стоишь? Иди, вдарь ножкой!

2-й голос. Не журысь!

3-й голос (*давясь смехом*). Ен ноги берегеть, ему ишо воевать нада. Гы-ы...

Комитетчик. Да, земляки. Придется хватить. И вы походите с трехлинейкой.

1-й голос (*комитетчику, зло*). Закройсь, там!

Пляска, свист.

Ведущий. Домой, домой!.. И ничего кругом не видит окопный народ. А на Дон офицеры идут... А на Украину идет армия Вильгельма...

ТРИ ОТРЯДА

Та же теплушка. Храп. В чуть приоткрытую дверь, в рас-
свет, задумчиво смотрит комитетчик.

В е д у щ и й. Разве ж, наконец, никто не видит,
что кругом вырастают вражьи отряды? Кто видит,
эй?.. Вот они! Видят! Идут на защиту Родины. Матро-
сы. Красногвардейцы...

Мимо эшелона мерная поступь людей. Песнь.

Ко м и т е т ч и к. Какая часть, товарищи?

Го л о с. Первый луганский социалистический
партизанский отряд.

Ко м и т е т ч и к. Кто во главе?

Го л о с. Ворошилов.

Ко м и т е т ч и к. Кто он такой?

Го л о с. Луганский рабочий.

В е д у щ и й. Идет еще отряд.

Мерная поступь. Новая песнь.

Ко м и т е т ч и к. Какой отряд, товарищи?

Го л о с. Партизанский добровольческий, Красной
Армии — шахтеры.

Ко м и т е т ч и к. Кто во главе?

Го л о с. Щаденко.

Ко м и т е т ч и к. Кто он такой?

Го л о с. Донской области портной.

В е д у щ и й. Идет еще отряд, шинели старые, ви-
ды видывали, бойцы на заказ — здоровые, суровые.

Топот. Песнь.

Ко м и т е т ч и к. Какой отряд, товарищи?

Го л о с. Конный партизанский.

Ко м и т е т ч и к. Кто во главе?

Го л о с. Буденный.

Ко м и т е т ч и к. Кто он такой?

Го л о с. Старый солдат, драгун. Батрак.

Ко м и т е т ч и к. Я с вами.

Го л о с. Вали!

Комитетчик спрыгивает вниз. В теплушке храп. Кто-то про-
сыпается, хрипит: «Опять, черти, холоду напустили!»

БРАГИ НАСТУПАЮТ

В е д у щ и й. Немецкие и австро-германские дивизии шли стеной на Украину и Дон. Кованые сапоги с искрами выбивали шаг.

Барабан.

Шли рядом белоофицерские русские части, беспощадный полк Дроздовского. С румынского фронта. На Ростов.

На Дону уже атаман-генерал. Слал полковников и есаулов — Гнилорыбова, Попова. Чернецова, Семилетова, Грекова... Пошла на крестьян охота, как на зверя... Двинулся и Корнилов...

Коротка была свобода крестьян-фронтовичков окопных. Считанные дни. Пошли по югу России белые полки корниловские.

По станицам, селам и хуторам, по талым степям Дона, Кубани и Ставрополя бои пошли... Вновь воюет Россия. Гремит степь, от огня снег стаивает... Из рук в руки станицы, села и хутора переходят... На корниловом пути большой бой идет... Село Лежанка, Ставропольской губернии...

Изба перебивающегося мужика. Иконы, полотенца, солдатские карточки, бумажные цветики... Сидит Сысоев. Ест из миски, чавкает и философствует.

С ы с о е в. Ай, хорошо дома! Целы кости довез... Ой, Ванька, бирегеть тебе бог... Но до чево ж народ сдурел... До чего сдурел... И што деется? Свой свою лупит, име, фамилие не спрашивает... И чево волтузятся — воздыху им мало в Росен, што ли? В спокой надо приходиться... Вот как бы я. Посев скоро, пасха... Ну, хошь ба нитральтет держали б... Кому нада — дерись, а нежелающие сами по себе... *(Кричит.)* Эй, баба, приняси-ка кваску испить! *(Потягивается.)* Эх, житье — малинка!..

Шаги. Сысоев, не оборачиваясь, протягивает руку за квасом. Квасу нет, рука шарит в воздухе. Сысоев оборачивается. Перед ним человек в папаше с алым верхом и в бурке.

В о ш е д ш и й. Хозяину!

Сысоев (*встает*). Заходи, коль добрый человек.
Вошедший. Здоров.
Сысоев. Здоров.

Вошедший оглядывает избу. Сысоев оглядывает вошедшего.
Пауза. Шаги, входят еще двое в бурках и папах. Молчат, оглядывая избу и Сысоева.

Первый. Вишь, я не один — с товарищами.

Сысоев. Гостям рад. С дороги?

Второй. С дороги, хозяин, с дороги.

Сысоев. Походом?

Третий. Оно самое. (*Кивнув на Сысоева.*) Солдат?

Сысоев (*доверчиво, профессионально-интимно*). Служба, ясно дело, только вернулся.

Первый (*чуть тоном приказа*). Ну, разговор не уйдет... Садись обедать. Ну-ка, служба!

Сысоев (*хлопочет. Кличет бабу*). Агафья, а Агафья... Агаш!.. Ташши, ташши чево есть... Сала достань.

Трое пришедших садятся не раздеваясь.

Сысоев. Чево ж так? Вы развьючивайтесь... На привале раздышка и по закону положена...

Второй. Некада нам.

Отдаленные выстрелы.

Сысоев (*встрепенувшись*). Это што ж?

Третий. Наши ихних бьют.

Сысоев (*осторожно, после раздумья*). Так, так... Наши ихних бьют?.. Так, так... А лучше б нико-во не бить, ей-богу... По-тихому жить... Набито и так... Ей-богу...

Баба приносит снедь, кланяется, ставит еду.

Сысоев. А какой части, землячки, будете?

Второй. Конные — видишь... Партизаны...

Сысоев. Одной службы мы, значит... Тожа в кавалерии я был... А за кем, значит, гонитесь?

Первый. Сволочь рубим. Которая народ обижает.

Сысоев (*осторожно*). Так, так... Сволочи действительно поразвелось — не дай бог...

Отдаленные выстрелы.

Третий. Снистожим. Так, хозяин?

Сысоев (*осторожно*). Кто за правое дело — помогай бог.

Молчание. Сысоев несколько теряется и пытливо присматривается к тройке.

Второй. Что глядишь, хозяин? Товарищков моих оглядываешь?

Сысоев. Ды так... Ешьте, гости дорогие. (*Осторожно.*) Товарищки... В поход подзаправьтесь. Солдату што? (*Старается посмешить.*) Пузо бы набить с запасом — и ладно. Дело наше такое. Харч есть — чево еще...

Первый (*поев, утерся. Подошел к Сысоеву. Оглядел его. Помолчал*). Сапоги у тебя ничево... Ей-богу.

Сысоев. Город Ровно проходили, с юга-западного фронта ишедши... может, знайти? Ну... Чихауз побили... Взял. Действительно сапоги. Подошва спиртовая.

Первый. А ну-ка, сыми-ка.

Сысоев. Чево?

Первый. Сыми сапоги, говорю.

Сысоев (*волнуясь*). Чего ты? Как жа? Зачем? Товарищи, а?

Двое угрожающе приподнимаются.

Сысоев. Я счас... Я счас... (*живо, по-солдатски, разувается*).

Первый снимает с себя сбитые, драные сапоги и грязные портянки. Бросает их. Оглядывается, чего-то ища. Снимает хорошее полотенце у образа, рвет его на портянки.

Сысоев. Товарищи... Чево ж эта?

Входит четвертый, грубоватый, приземистый мужлан.
Войдя, к Сысоеву.

Четвертый. А ты кто?

Сысоев. Хозяин.

Четвертый. Ну, здоров.

Сысоев. Здрасьте.

Четвертый (*глядя вверх, сухо*). Нэ так...

Сысоев. А?

Четвертый. Нэ так — кажу.

Сысоев. Чево не так?

Четвертый. Нэ так говоришь. (*Резко.*) Ты кто, видкиля?

Сысоев. Домохозяин здешний.

Четвертый (*деланно ласково*). Ну, так щэ раз, здорово!

Сысоев растерян, молчит. Четвертый, присев, откидывает бурку, чтобы удобнее было перелистать полевую книжку. Взгляд с издевкой на Сысоева. На четвертом погоны хорунжего. Сысоев похолодел. Вытянулся. Отдаленные выстрелы.

Четвертый. Так кто ты, а?

Сысоев стоит, как полагается стоять императорскому лейб-драгуну.

Сысоев. Так что лейб-гвардии драгунского полка первого эскадрона рядовой Иван Сысоев — в бессрочном отпуску с германского фронту.

Четвертый. Ну, а шо добавить треба, як перед господином хорунжим стоишь?

Сысоев (*с трудом*). Ваше высокородь.

Четвертый (*доволен, указывая на Сысоева, к тройке*). Выправка есть. С гвардии... Ну, шо вам тут болтал? Выяснылы? Бильшовык?

Первый. Товаришшами называл.

Четвертый (*грозно*). Товариш? З тих самых, что у нас, казаков, землю отбирать целят, а?

Отдаленные выстрелы.

(*Зло кивнул в сторону выстрелов.*) О — чуешь? Це товарищей, бильшовыкив з вашего села... И ты з ними? А ну-ка, ведить его, казаки... На разборку (*грозный жест*) до есаула...

Сысоев. Братцы, васкородь, земляки!.. Ей-богу, да я же дома... Я ничево... Я не воюю... Я сторона...

Ва х м и с т р. Идем. Сторона, а потом с бильшовиками будешь...

Сы с о е в. За чгэ, родные? Я же не большевик... Я просто, ей-богу. У меня и жена тут... Хозяйство...

Ва х м и с т р (*хватает Сысоева*). Иди!

Сы с о е в (*разрывает ворот*). Братцы, крест же на мне!.. Православный.

Ч е т в е р т ы й (*смотрит на крест, потрогал его*). Крест... Ну, нэ бильшовик. (*Казакам.*) Пустить его... (*Сысоеву.*) Дороги ты тут добре знаешь? А?

Сы с о е в. Так точно, знаю.

Сысоев стоит, потом, босой, суетливо хлопочет.

Ба ба входит.

Ч е т в е р т ы й. Пийшли!

Сысоев молча ей кланяется. Баба остолбенела, замерла.
Ушел Сы с о е в, ушел друг.

В е д у щ и й. Кончилась медовая жизнь вернувшихся фронтовиков — и было ей счету на дни. Нет в гражданской войне нейтральных, не станешь в сторонку! Всяк задаст вопрос: ты с кем, за что, за кого? И должен каждый сказать: с кем он, за что, за кого. Не станешь в сторонку!

Эпизод VII

ВСТРЕЧА

В е д у щ и й. В тревожное то время на путях-дорогах степных просто не пройдешь, не проедешь...

Темно. Степь. Курганы. Медленно выходят с двух сторон двое. Зачуяв друг друга, останавливаются. Один кричит:

— Кто идет?

— Свой.

— Какой свой?

— Ну, свой... Здешний.

— А ты чей?

— Свой... А ты кто такой?

— Тоже свой...

— Тьфу!

Пауза. Движение, испуганно отскакивают.

- Оружие есть?
- А в тебе?
- Ну, скажем, нету...
- Ну, и у меня вроде...
- Да ты не бойсь!
- Чего бояться — ты бы не боялся.
- Я?
- А я?!

Медленно сходятся.

- Ну, здоров!
- Здоров.
- Куды путь держишь?
- А ты?
- Так, тут неподалече, домашняя забота...
- И у меня тожа...

Пауза.

В е д у щ и й. На степных путях-дорогах в то время за одно слово «товарищ» прощались с жизнью... Встретились, а разойтись — ноги не идут: в затылок один и другой пулю получить бояться.

- Закурим?
- Закурим.

Свертывают сигарки.

- Где служил, земляк?
- В лейб-драгунах пришлось. В гвардии. А ты — казак?
- Ыгы, казак.

Пауза. При огоньке спички испуганно и пытливо разглядывают друг друга.

К а з а к (*хитрит*). Быдто ты знакомай мне.
Д р а г у н. Все может статьса, мало, што ли, людей встречаешь.

К а з а к (*хитрит*). Быдто сурьезно поспорили мы с тобой. Ехавши у Барановичей. Ты все за Ленина голос держал.

Д р а г у н (*сухо*). А может, ты обознался, станичник?

К а з а к (согласно). Може... (Руку к поясу.)

Д р а г у н (это Сысоев). Прощевай, што ль...

К а з а к. Прощевай.

С ы с о е в (вдруг). Ох, и храбрые мы с тобой!

К а з а к. Чаво ж?

С ы с о е в. Напрямик давай! Куды идешь, хто такой? Я к большевикам подаюсь... Ну?

К а з а к. Ох, друг, я ведь чуть тебе не зарубил. У мене шашка здесь. (Распахивает полу.)

С ы с о е в. И у меня, брат, припасена. (Распахивает полу.) Чего подаешься?

К а з а к. Мобилизуют. Кой-чего в хозяйстве позабрали фуражиры офицерские — сучьи дети... Сапоги берег — еще с позиции вез, — забрали. Ты, говорят, большевик, босота. Верна — не ряжусь в атаманы... (Пауза.) А ты как?

С ы с о е в. Тоже забрали... И разули. (Пауза.) Вместях пойдем? Тут меньше на людях надо быть. Огибом идтить... куда-нибудь и выйдем... Где-та, сказывали, наши... красные есть... Буденный, что ль, их командир.

К а з а к. Пойдем... Ну, прощай, родная сторона...

В е д у щ и й (вслед). Испробовали белого счастья, служивые? Почуяли, какое где право? Вспомнили службу царскую, парады приятные, веселье смертное, зубобой офицерский — всю собачью долю?! Взяли землю? Отдаст ее атаман — жди! Вспомнили, служивые, для чего шашки служат и что с ними сделать можно?.. В добрый путь, товарищи новые красные партизаны!.. Держите к Царицыну!

Нарастает буденновский мотив, и в походных формах 1918 года выходят молча и выстраиваются партизаны-буденновцы. Сверкают клинки. Один ответ: «Знаем, для чего шашки служат!»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Эпизод I

„КАК У НАС С КОННИЦЕЙ?“

В е д у щ и й. Весна 1918 года. Царицын. От Дона рукой подать... К Царицыну пришли партизаны. В Царицыне стали...

Штаб боевого участка. У стола пожилой командир.
Говорит с кем-то по телефону.

К о м а н д и р *(устало, ровно)*. Да, да... Пленные показывают... Ясно — нужно удержать. Всего доброго. Да, да... любой ценой. *(Вешает трубку.)*

В е д у щ и й *(по занавесу-карте)*. Царицын! Промышленный центр. Узел дорог. Царицын!.. С фланга ударит Царицын по казачьей армии, как только она сунется к Москве. *(Показывает направление.)*

Входят два командира. В гимнастерках. Младший — бывший комитетчик из эшелона. Подходит к первому, здороваются. Один — старший из вошедших — протягивает командиру бумажку, наизусть сообщает ее содержание.

С т а р ш и й к о м а н д и р. Вот: «Оборонять Царицын любой ценой. Отступления быть не может. Реввоенсовет 10-й армии: Сталин, Ворошилов...»

В е д у щ и й *(по карте)*. Фланг казаков слева обеспечен: германские корпуса — три их, генерала фон Кнерзера — стоят по Азовью до границ Войска Донского. Фронтовые казачьи дивизии дополнены мобилизациями. В тылу, в районе Ростова, обучается «постоянная армия» из молодых казаков. Предвидится переброска против нас свежих деникинских офицерских кавказских частей...

1-й командир *(глядя на сводку разведки)*. Так... Три тысячи... шесть и три — девять, да шесть — пятнадцать, да три и три — шесть, пятнадцать и шесть — двадцать один... Далее еще три дивизии..

шесть и шесть — восемнадцать. Так... Против нас до сорока тысяч... Орудий по сводке — девяносто три.

2-й командир. Н-да...

Младший командир. Будем принимать.

2-й командир. У противника много конницы.

Младший командир. Как у нас с конницей?

Входят казак и Сысоев. Подойдя вплотную к командиру, казак кашляет и серьезно, деликатно гудит: «Дозвольте войти?»

1-й командир. Что скажете, товарищи?

Сысоев. Пишемся в добровольцы.

Казак (*поспешно*). Только в кавалерию... В пехоту — не... Примете?

1-й командир. А почему вы к нам идете?

Сысоев (*строго и вежливо*). Не к вам, а к себе, к своим идем.

1-й командир. Да, верно, я сказал не так...

Казак. Так принимаете? В кавалерию?

1-й командир (*указывая на младшего*). Вот этот товарищ вас запишет.

Младший командир, казак и Сысоев отходят в сторону.

Младший командир. Служить без срока — время военное.

Оба. Знаем.

Младший командир. Держаться до последнего.

Оба. Знаем.

Казак. Для пользы народа.

Младший командир. На земле спать, своей шинелью укрываться.

Оба. Знаем.

Младший командир. Совестью не кривить: Красная Армия, не другая.

Сысоев. Как на присяге.

Казак. Пусть глаза лопнут...

Младший командир. Ну, тогда к нам. Зачислим в первый Рабоче-крестьянский карательный, социалистический кавалерийский полк. Валите к командиру бригады, к товарищу Буденному.

Об а. Счастливо оставаться.

С выправкой, чувствуя себя вновь на службе, выходят «как полагается». Встречаясь с ними, входит рабочий. Он в финской шапке и черном полупальто. Протягивает молча руку пожилому командиру. Тот жмет ее. Рабочий подает ему бумажку. 2-й командир и младший смотрят на рабочего.

1-й командир. Партийный — добровольцем?

Рабочий кивает головой: спрашиваешь, мол!

Из Питера?

Рабочий кивает головой.

(Пишет резолюцию.) В комиссарский состав?

Рабочий кивает головой и уходит. За рабочим идут все новые и новые добровольцы. Сцена заполняется потоком решительных, здоровых мужчин.

Формируемся. Видите? Идут.

В е д у щ и й. Над Царицыном нависла гроза. Кадровая казачья армия медленно надвигалась на вчерашних партизан, ставших Десятой армией. Становились защитники Царицына на места торжественно-строгие... Встречать врага... решительным, а для многих тысяч последним боем...

Эпизод II

„КОГО НА ИСПУГ БЕРЕТЕ?“

В е д у щ и й. До весны 1919-го — год целый — в невиданных сечах бились царицынцы. Под самый город казачьи лавы — сметы им нет! — подходили. Нет! Не взять Царицына!

Чудесны бойцы, вставшие в 1918-м! Мятёжным вихрем крестьянским неслись по степям Дона, Кубани и Ставрополя, бились смело... Но было и так — разгоряченные, хмельные от боев, от удали — не мирились с отточенным порядком, со строгостью.

Площадь у штаба. Дом. Пика у крыльца. На пике красный флажок. Вывеска мелом — «Штаб». У крыльца беспорядочная толпа вооруженных партизан в кавалерийских бурках, черкесках и пехотных формах. Гул с истерическими выкриками.

Г о л о с а. Давай сюда комиссара! Куды спрягалси?

— Дожили — старый режим вертают!

— За что деремса?

— Наше право!

С ы с о е в (*выходя вперед*). Комиссар, выходи! Народ требует!

Г о л о с а. Товарищи, стой как один! Обману не поддавайсь!

В толпе выделяется чисто одетый боец, чубатый хват, в алых галифе, с револьвером в руках. Он держит речь.

Боец в галифе. Мы боссии и голлыи. Оны в коже ходют. Мы страдаим. Оны на бархате сплят. За чьто, товарищи? А с нас насмешки строят, ни в чьто ставят...

Гул: «Правильно!», «Правильно!»

Требуим: освободить невинных арестованных! Давай их сюда! Комиссара к ответу! Так, товарищи?

Гул: «Правильно!»

За какое дело арестовать? А?! Я спрашиваю: за какое дело? А? Это бойцу, может, честь перед комиссаром надо отдавать?

Гул.

Г о л о с. Давай комиссара!

С ы с о е в. Вернуть арестованных!

Г о л о с а. А то штаб порубаем!

— Комиссара!

— Да-ешь!

Гул. Входит рабочий. Он — комиссар. В гимнастерке.
Пауза и гул ярости.

Г о л о с а. Што, в гроб захотел? Арестовывать?

— На шею сесть хотишь?

— Енерала ломаешь — на нас плюваишь? Я вот тебе плюну с нагана. (*Над головой бойца наган.*)

Толпа приливает к крыльцу.

Голос. Ноги сзади выдернем!
Сысоев. Освобождай арестованных бойцов!
Рабочий (*заглушая всех*) Не галдеть! Кого на испуг берете? Коммуниста-большевика на испуг берете?! Не галдеть!

Вспышка гула, но тише.

По порядку! Говори один! В чем дело?

Боец в галифе (*«покупает» и бодрит бойцов. Говорит сначала тихо*). Мы тебе на бога не бирем. Мы тебе говорим — брось замашку! Счас приказ давай: освободить арестованных бойцов! (*Разъяряясь.*) Мы боссы и голлы! Ты в коже ходишь. Народ арестуешь! Тов-варищи! Правильна я говорю?

Гул злобы и одобрения.

Рабочий. Арестованы два бойца за отказ выполнить боевой приказ Советской власти. Раз. Кто не выполняет приказа Советской власти, тот наш враг. Пособник атаманов. Два. Невыполнение приказов поведет к развалу. Фронт рухнет. Офицеры вас передуют. Верно ведь? Три. Вы этого хотите?

Пауза. Гул. В толпе замешательство.

Боец в галифе. Товарищи! Глаза залепляет он вам! Мороку клеит! Гад! (*Истерично.*) Мы боссы и голлы! Где правда? За што бьемся? Штоб арестовывали?

Гул возрастает. К комиссару подходит бочком писарь с очередной бумажкой. Комиссар внимательно ее читает. Толпа ревет. Комиссар прочел бумажку, полез в карман, достал печатку, поковырял пальцем — грязь набилась же.

Подышал на печатку и поставил печать на бумажку.

Рабочий (*покрывая гул.*) За что бьемся? За Советы, за наши. Крестьянские. Рабочие. Верно ведь? Большевики ведут. Наша партия. Что приказывает — сделать! Повиноваться!

Гул спадает.

Боец в галифе. Тут не старый режим — тянуться да повиноваться. Правильно, товарищи?

Рабочий (*презрительно в сторону «галифе»*). Нам бойцы нужны, а не горлопаны митинговые.

Боец в галифе. М-м-ы кадетов били. Я сам ранетый был!.. Товарищи, нас оскорбляют в лицо! Рабочий. А теперь, если вот так — «га-а» (жест в сторону толпы), кадеты нас побьют.

Пауза.

(Беря инициативу.) Бойцы! Приказ ясен. Арестованные будут отданы под суд. Каждый узнает, что постановит суд. Наш суд. Рабочий. Крестьянский. Виновные понесут наказание. В бою кто изменяет, тот не наш. Верно ведь? Кто не согласен со мной?.. А ну, кто не хочет исполнять порядки Красной Армии? Кто? Тот может сдавать оружие и катиться.

1-й голос. Ну, рази можно?

Сысоев. Пусть к офицерам катится, кто изменил.

2-й голос. Оружие для бою нада.

3-й голос. Кто изменит — руби ево!

Голоса. Верно.

Боец в галифе пожимает плечами, улыбается и уходит танцующей походкой в толпу: для вас, мол, старался, а мне што!

Рабочий. Все в порядке, товарищи?

Голоса. А што ж? В порядке.

Сысоев. Ясна. Суд разберется... Сами понимаем.

Рабочий. Можно разойтись, товарищи.

Ведущий. Так партия руками политических работников, не знавших колебаний и страха, выковывала регулярные полки, бригады, дивизии, корпуса, армии. Воля партии была выполнена, и армии — наши армии! — были созданы.

Эпизод III

ПОД ТЕМНЫМ НЕБОМ

Ведущий. Буденновский полк в боях растет — идут в него люди с алыми бантами... Служить без срока для пользы народа, держаться до последнего, совестью не кривить... И слово данное держат, ценят выше жизни своей... Дивизии уже у Буденного. Побила эта дивизия корпус кубанский генерала Покровского. Но попали в плен пять братанов-буденновцев.

Полумрак. Степь. Курганы. Пять пленных буденновцев. В белее. Стоит офицер, бывший лейб-драгун, с нагайкой, несколько белых.

(И голос ведущего дрожит — нельзя быть спокойным,— поймите же, умирают братья!) Прощайте, лихие честные головы, братаны буденновские! Нет больше коней под вами, нет в руке острой шашки и не вьется красный штандарт над полком... Под темным небом кончается жизнь, в степи, где сызмальства знали простор, с табунами ходили, потом — мужиками стали, землю пахали... Умирать пришла пора. Сердца горячие остынут, и навсегда закроются глаза...

Пауза.

О ф и ц е р. Молитесь!

Буденновцы (холодно). Некому.

В е д у щ и й. Но дрогнуло белое сердце офицерское — белое оттого, что высохла в нем кровь от злобы. Что, дрогнуло белое сердце офицерское? Жалко стало лихих буденновцев?..

О ф и ц е р (милостиво). Расстреливать не будем.

Стоят пленные ровно.

В е д у щ и й. Мила, несказанно мила жизнь каждому. Каждая травиночка сладка, даже полыни горький стебель. Как жить-то хочется, жить и где-то снова кипеть кровью, и где-то снова найти свои родные полки... А где они?

Чуть слышный буденновский мотив — ветер с севера донес.

Стоят, не чуя ног, не чуя рук. Жизнь будет, жизнь!..

О ф и ц е р (ласково). Не будем вас расстреливать...

В е д у щ и й. Только, может, за эту милость в руки шашку дадут и пошлют своих рубить? Не будет буденновец атаманам служить! И ни один не кажет покорности.

О ф и ц е р. Не будем расстреливать вас... (пауза) а... живьем зако-паем... Живее яму для них, эй!..

Белые быстро двигаются. Падают в яму тела. Кто-то из братанов кричит тихо: «А-а-а...»

В е д у щ и й. Угасают жизни. Не знает пощады враг, не милует. Тронули атаманов, господ растревожили — ум у них мутится, злоба душит, добро свое зубами хотят удержать. В степи, под темным небом, живьем столкнули в могилу буденновцев пленных. Пропали... Навсегда... Совестью не скривили — служили в Красной Армии...

НА МОСКВУ!

В е д у щ и й. Сто пятьдесят три тысячи у генерала Деникина. Бросает генерал Деникин эти силы вперед. Отдает генерал Деникин приказ перейти в наступление «всем фронтом от Волги до румынской границы». На Москву! На Москву! Идут ударные офицерские дивизии генерала Деникина: корниловская, марковская, дроздовская, алексеевская...

Белыми взят Харьков!..

Белыми взят Курск! Белыми взят Орел! Белые идут на Тулу!.. Москва! Москва!

Растет песня белых.

Пойте, белые! А партия, наша партия, будет говорить. И голос партии раздался. Сталин двинул вперед испытанные конные полки Буденного.

У КАСТОРНОЙ

В е д у щ и й. Конкорпусу Буденного овладеть Воронежем и районом Касторной и отрезать главные силы армии Деникина.

К о м а н д а. К бою!

Сигнал.

Шашки вон!

В е д у щ и й. Пошла, пошла конница Буденного. Мотив буденновский растет: «С неба полуденного...» Держись! Р-раз! Получай, белые коннички, получай! Два! Ах! Так! И-эх! Свету не взвидели Шкуро и Мамонтов. Прорван белый фронт!

Нарастает мотив наших.

По белым тылам айда, конники Буденного. На Касторную! И корпус влетел на линию железной дороги!

Сразу все тихо. На сцене влево — телеграфная комната одной ж.-д. станции на линии у Касторной. У аппарата — кавалерист в полушубке и папахе. У него с горбинкой нос и усы. С ним второй, помоложе. У ключа аппарата Морзе — телеграфист. На сцене вправо — телеграфная комната другой ж.-д. станции на линии у Касторной. У аппарата два офицера: полковник и поручик. У ключа телеграфист. В середине сцены — мгlistая голубая зимняя ночная даль, телеграфные столбы, уходящие далеко.

У с а т ы й (*испуганному телеграфисту, вежливо, но вместе с тем сурово*). Не бояться, не бояться... Ничего худого не сделаем.

Т е л е г р а ф и с т. Точно так, так точно, господин...

У с а т ы й. Мы — красные.

Т е л е г р а ф и с т. Так точно, так точно...

У с а т ы й. Линия в целости?

Т е л е г р а ф и с т. Так точно, так точно...

У с а т ы й. Успокойтесь, товарищ дорогой. (*Кладет руку на плечо телеграфиста.*)

Пауза. Тот понемногу успокаивается. Усатый набрасывает на листке несколько слов. Показывает адъютанту. Освещается комната справа.

П о л к о в н и к (*телеграфисту*). Вызовите-ка соседнюю станцию.

Телеграфист начинает работать ключом. Лента бежит у красных. У аппарата слева, когда побежала лента, все стихли.

У с а т ы й. Ага! (*Телеграфисту.*) Читайте, товарищ, ленту. Только без ошибок.

Т е л е г р а ф и с т. Проверяйте, пожалуйста.

О ф и ц е р (*справа диктует*). «Сообщите обстановку».

Бежит лента у красных. Телеграфист читает усатому: «Сообщите обстановку».

У с а т ы й (*диктует*). «Наседает Буденный. Вышлите бронепоезд».

Т е л е г р а ф и с т. Передаю. (*Дает это сообщение.*)

Лента бежит теперь у белых.

О ф и ц е р (*читает*). «Наседает Буденный. Вышлите бронепоезд». (*Диктует в ответ.*) «Сообщите, кто отдает приказ».

Ключ работает. Бежит лента слева. Телеграфист читает усатому: «Сообщите, кто отдает приказ».

У с а т ы й (*на миг задумывается и диктует*). «Начальник дивизии, генерал-майор Румянцев».

Работает ключ. Справа бежит лента, и второй телеграфист читает офицерам: «Начальник дивизии, генерал-майор Румянцев».

О ф и ц е р (*диктует*). «Для точности сообщите имя и отчество».

Ключ работает. Слева бежит лента. Телеграфист читает усатому: «Сообщите имя и отчество». Пауза.

У с а т ы й (*молодому*). Здорово!.. Проверка... Как имя и отчество взятого в плен белого генерала?

М о л о д о й (*быстро смотрит в записную книжку и сообщает*). Михаил Константинович.

У с а т ы й (*телеграфисту*). Ну-ка, стукните им: «Михаил Константинович».

Телеграфист выстукивает. Справа бежит лента. Второй телеграфист читает офицерам: «Михаил Константинович».

П о л к о в н и к. Все в порядке. Поручик, надо выслать бронепоезд «Офицер». Он на четвертом пути. (*Телеграфисту.*) Давайте. «Высылаем бронепоезд «Офицер». Снабдите его боезапасом — израсходован почти весь».

Бежит лента слева. Телеграфист читает усатому: «Высылаем бронепоезд «Офицер». Снабдите его боезапасом — израсходован почти весь».

У с а т ы й (*кивает головой. Диктует*). «Боезапас будет дан».

Телеграфист выстукивает. Справа бежит лента: «Боезапас будет дан». В левую телеграфную вваливается какой-то к а в а л е р и с т в буре.

К а в а л е р и с т (*усачу, рапортуя*). Товарищ Буденный!

Телеграфист мгновенно вскакивает, глядя на усатого.

Тридцать шестой полк сейчас тут... В темноте налетели, ну — они чикнули залп. Все как следует. (*Жест.*) Офицеров — рота была их, оказывается — ну, мы рубанули. (*Жест.*) Мокро. Только пар идет от офицеров...

Б у д е н н ы й. Так. Сейчас бронепоезд белый надо принять.

Буденный жмет руку телеграфисту. Справа и слева все погружается во мрак. По линии железной дороги чуть искрит бронепоезд, идущий влево.

ЗАХВАТ «ОФИЦЕРА»

Станция. Темно. Командир кавалерийского полка, бывший комитетчик из эшелона (в бурке), ходит с электрическим фонариком. Падают полосы света. Лежит цепь бойцов.

Командир. Не балдеть только, товарищи... Как подойдет — так спокойно. Заберем за милую душу.

Голоса. Понятно, товарищ комполка!

Командир. Норови гранатами, если что. Суй их в бойницы. Гляди, где дыры в броне... Взводный Сысоев, возьми-ка трех, живо пути рвать...

Сысоев. Слушаю... А ну, идем... Архипов! Калибебра! Охрименко! Шевелись... Шнур у меня.

Уходят.

Командир (к цепи). Да гляди, где дыры в броне, шупай.

Из цепи. Ладно. Пошупаим — ета мы умеим!

Командир. Своих не подстреливать. В темноте, главное, чтоб ясно все было... Понятно?

Боец (серьезно). Ну как же, понятно, конечно, чтоб в темноте — и все ясно было.

Командир. Вот. У них как будто нет патронов и снарядов. Думают у нас получить. Но мало ли что — стрелять будут — норови ниже, пригинайся, ползи, угол сниженья у них не хватит... Ну, все ясно?

Голоса. Все! Ползи ниже...

— Понятно!

— В точку!

Какой-то боец (просительно). А ежели часики там иль сапоги... можна-а?

1-й голос. Ишь, часовщик!

2-й голос. По карманам, барахольщик, целишь?!

Командир. Так, товарищи, только по сигналу. Один свисток — ползи, клади шпалы под колеса, суй все, что припасено. Два — пошел. (Строевым голосом.) Оправиться, можно закурить.

Тихо. Темно. Во тьме, слабо просвечивая через прорези бойниц и амбразур, — бронепоезд. Лязг металла, шипение. Бронепоезд подошел. Открывается бортовая дверца бронепоездной площадки, и виден силуэт офицера.

Офицер. Кто тут от штаба дивизии?

Командир. Пожалуйста, сюда, сюда.

Офицер (*идет на свет фонарика и говорит*). Сейчас же нужно принять боезапас... С кем имею честь?

Свет падает на офицера.

Командир. Командир буденновского кавалерийского полка.

Офицер. Как буденновского?

Командир. Так.

Фонарик тухнет. Удар шашки, падение тела, слабый вскрик. В полевой свисток одна сильная трель. Шевелятся тени. Ползут. Дверца в бронепоезде захлопывается. Крик на бронепоезде: «Что там?» В темноте к командиру полка подбегает Сысоев.

Сысоев. Товарищ командир, путя подорваны...

Командир. С той и с другой стороны?.. Смотри, Сысоев!..

Сысоев. С обеих сторон, садануло чисто.

Командир. Слушайте, эй, на «Офицере»! Вы отрезаны нами. С места не сойдете — под колеса и в колеса положены шпалы и рельсы. Здесь буденновцы. Сдавайтесь!

Бронепоезд делает тяжелое движение, треск, и потом все стихает. Бронепоезд не может двигаться.

Командир. Сдавайтесь!

Молящий голос из цепи. Шарнуть ба их, а?

2-й голос. Лежи.

Бронепоезд вдруг дает пулеметную очередь.

Командир. Ложи-ись... Кто там побежал, я вот тебе побегаю... Ах ты, стервец!

Вторая очередь... Все затихает.

Ведущий. Бронепоезд отбивался. Расстрелял последние пулеметные ленты. Остаток боезапаса. Бронепоезд стоял неподвижно, как тюрьма...

Голос из цепи (*моляще*). Шарнуть ба их, а, товарищ командир?

Командир. Лежать тихо. Глядеть в оба. Целым его возьмем. (*В сторону бронепоезда*). Сдавай-тесь.

Слышен лязг бортовой дверцы, показывается силуэт какого-то офицера.

1-й голос бойца из цепи. Куды суесси, дур-ра?

Дверца захлопывается.

2-й голос из цепи (*моляще*). Шарнуть ба, а? Сысоев. Лежи, я и сам шарнул ба... Может, одново знакомова офицера найду... Живова съем. Его не троньте, ребята, если тут. Мне дайте.

Командир. Ти-хо!

Кто-то из рядов (*звонко*). Эй, беляки, ку-ку!

Смешок.

Командир (*повторяет*). Лежать тихо! (*К поезду.*) Последний раз — сдавайтесь! Сейчас пустим в ход гранаты.

Из поезда слышен наконец ответ — приглушенно, в шелку.

Голос из бронепоезда. Ваша взяла. Сейчас можете нас получить по счету. Всех. Господа офицеры, всех, без исключения? По счету?

2-й голос из бронепоезда. Да, да, точно так...

3-й голос из бронепоезда. Эй, слышите, всех по счету, без исключения. По порядку номеров, господа офицеры. Первый!

В бронепоезде — выстрел из револьвера. За ним другой, третий, четвертый... Всего десять выстрелов... Падение тел.

1-й голос из цепи (*насмешливо*). Тожа. Организованные...

2-й голос. Ну, царство им турецкое!

3-й голос. Забирай гостинец!

4-й голос. Был «Офицер», да весь вышел.

Сысоев. Ну, посмотрю... Нет ли...

Тени движутся к бронепоезду.

Эпизод VII

ОТЕЦ И СЫН

Ведущий. Идет Конная! Дневка выпала короткая... Стали...

В кружке буденновцы поют песню:

Кукушка лесовая
Нам годы говорит,
А пуля роковая
Нам годы коротит...

1-й голос (*«заливает»*). И вот, говорят, с Москвы приказ. За печатями, значит.., а в приказе Ленин и пишет: «Приказываю, говорит, выбрать самых что есть смелых буденновцев. По одному с полка. Незаметно их (*пауза*) послать и (*пауза*) живьем (*пауза*) Деникина поймать. Поймать, значит, Деникина и в Москву-Кремль мне, Владимиру Ильичу, доставить...»

2-й голос. До-ля-фа!

Голоса хором. Ты не ври, не ври, добрый молодец...

1-й голос. А тебе жаль? Ну и соврал. У нас в старое время в гусарах...

2-й голос. Теперь не старое время, гусар!

3-й голос (*из глубины бивуака*). Эй, там!.. Суда пленных привели. Можно шинель аль сапоги сменить.

4-й голос. А ташши их к огню, мамонтовых дятей!..

Смешок. Подходят трое: буденновец и два пленны х — бородачи, донские казаки-мамонтовцы.

Один боец. Здорово, отцы-станишники! Какеи вы будите?

Казаки (*с достоинством*). Гундоровские...

Голоса. Гундорцы — самая злая сила! Наших как што — так и к нохтю. Так, отцы?

Пленные молчат.

Один боец. Зави Митрея, он с казаков и быдто гундорский... Митрей!

Из глубины бивуака. Я-у!

— Иди суды!

— Я спать лег!

— Иди же!

— Чаво?

— Иди кашу с салом исть!

— Ну?! Бегу!

Смех.

Митрей (*вбегая с ложкой*). Иде каша?

Один боец. Ужо сварим. Опосля. Эвон земляки, целуй их.

Митрей смотрит. Пленные стоят молча.

Митрей (*вяло, мертво*). Товарищи... батя мой тута... (*Шаг к отцу. Ложка в руке.*) Батя... Бож-же мой, вот свиделись!..

Старый казак стоит.

1-й голос (*в сторону, сухо, грозно*). Свиделись, да и простились... Сколько наших пленных зарубал, отец?

Старый казак спокоен, молчит.

Сысоев. Да, Митрей... И шел ба ты отселева.

Митрей (*вдруг горячась, Сысоеву*). Думаешь, защипало? Как бы в тебе где не защипало, взводнай. Гляди — жалостливый нашелся. (*Разгорячась.*) Я и сам, как надо, бате милому голову снесу... (*К отцу.*) Батя, вы наших, мы ваших... Вот, батя. (*Сует ложку за голенище.*)

Молчание. Старый казак поводит шеей.

3-й голос. Дай им, папашкам, пожрать, покурить напоследок.

4-й голос (*тянет вяло*).

Ростов-город мы прославим,
На Садовой дом поставим...
Там-тата, там-татам...

1-й голос (*поющему*). Брось!

2-й голос (*пленным*). Ишь бороды распустили!..

3-й голос. Без бороды в рай не пустють...

Сысоев (*первому*). Не куражься.

1-й голос. Указчиком к нам нанялся, взводный, а?

Сысоев. Указ сам знаешь — сиди... Товарищи, чего с папенок энтих возьмешь? Тоже бутылки темные... Глаза закрыты. Афицера их и ведут...

3-й голос. Понятно дело.

1-й голос (*мягко и ядовито*). А чиво они тада идут?

Сысоев. И тебе, поди, до время приходилось. Тоже ходил, как пешка: «Ать-два!» А потом опомнился... Что к чему, разобрал!..

3-й голос. Пускай живут, старые, ума набираются... А?

Все смотрят на Митрея.

Митрей (*шаг вперед*). Товарищи, ежли меня спытать хотите — давайте. (*Кладет руку на эфес шашки и выхватывает ее, шаг к отцу*).

Старик (*гордо и просто*). Так, Митрей... Сила... Сила, парень...

Голоса. Брось, Митрей...

— В их оружья нет, сдались сами...

— Не надо...

— Чаво их обижать... Садись, старые! Эй, ну...

— Закуривай...

— Гоп, кума, не журишь!

4-й голос (*вяло*).

Ростов-город мы прославим,
На Садовой дом поставим...

1-й голос. Вот далси тебе Ростов!.. Дойдем, не гуди в уши!..

Ведущий. Просты и честны бойцы Красной Армии. Были прямы все, как Митрей, а Митрей был, как все.

Эпизод VIII

НА РОСТОВ

На фоне кавалерийского марша и ж.-д. ритмов
вспыхивают буквы сводок:

«19 ноября 1919 г. приказ по Южному фронту. Конкорпус развернуть в Конармию. РВС Юж. фронта. Сталин».
«Нами занята 24 ноября узловая станция Лиски. 9 декабря заняты Валуйки». *«13-й армией взяты Харьков и Полтава».* *«Приказ по Южфронту. Ударной группе Буденного овладеть Донбассом, разгромить окончательно главные силы противника».* *«Приказ по Конармии. Стремительным натиском выдвинуться к Северному Донцу и занять мост и железнодорожную станцию Несветевици».*

Затихает.

Ведущий. Шашки вон! Двинули! Рубанули у Кубаньей и Меловатки. Разбиты корпуса белой конницы генералов Шкуро, Улагая и Мамонтова. Бегут белые... Вперед! Подлетает шестая кавдивизия. На рысях бей по Рубежной!.. Делай тарарам белым офицерам!.. Есть! Подлетели к мосту через Донец, наш мост и Несветевици!

Мотив растет и вдруг обрывается.

Наш, да только взорванный!

Пауза. Тихо. К рампе выходит боец в полушубке,
валенках и папахе.

Боец. Чиво затихли? Чиво вам скушно? Дай я расскажу... Ну, висить мост — сами видим. С того берега казаки бьют. Стрелять раз, у нас кто-нить брык... Смех и горе... Идем мост чинить... С нами шахтерский народ идет... Ну, пушай. Ташим шпалы, а казаки все бьют. У нас все народ падаить... Склизко, темно и холодно... Ташшу я шпалу, глядь, лезет кто-то. Чего надо? *(Имитирует старуху.)* «Покушай,— говорит,— сынок». Старуха откель-то! Со станции, верно... Огурцов дает, бумажку сует. *(Имитируя.)* «Пятерочка царская»,— говорит. Чиркнул я спичку — верна, синенька! А тут по спичке пуля — «жжик». *(Имитируя.)* «Сыночек, возьми деньги, у меня,— говорит,— свой-то убитай... За вами,— говорит,— похожу». *(Басом.)* Иди, говорю, бабка, убьют. Ишь, стреляють. *(Обыкновенно.)* А огурец я съел, конечно, хлеба только не было... А пятерочку не взял. Вот ей-богу. На деньги, што ли, я польщусь... Мост, конечно, к утру справили... Шахтеры подсобили. Сколько шпал наклали в клетки, и-их! На клетки рельсы, и фьют — броневики... Крути, Гаврила... А подвыбило народу порядком, со шпалами работавше... Да, утром это говорю, фьют — и на беляков. Мы коней в поводу, по одному, и через мост. Не дыши, Деникин! Замри!.. Смелая четвертая кавдивизия идет — броневики втыкают. *(Имитирует паровоз.)*

Ведущий. Станция Лисичанск. Переездная. Мчит четвертая кавдивизия. Мчат рядом бронепоезда.

Кавалерийский марш и ж.-д. ритм.

Вперед, за Волчярскую, на Лоскутовку! Даешь Донбасс! Рядом, по дороге, бегут с кавалерией рабочие, и шапки летят вверх. Свои, наша армия пришла!

Слышно — «ура».

Бери Попасную! Удар в обход! Дело сделано — наша Попасная. К Бахмуту... Ходом-ходом! Шашки вон! Одиннадцатая кавдивизия в Бахмуте!

Пали Славяносербск, Миллерово, Луганск. *(Громко.)* Товарищ Ворошилов, твой Луганск взят! Давай дале. Держись, Таганрог, держись, Новочеркасск, держись, Ростов! Двигай на Дебальцево!

Ритм идущей кавалерии и бронепоездов.

„ВИДИШЬ КЛАДБИЩЕ?”

Степная даль. Виднеется кладбище. Железная дорога на Дебальцево, в Донбассе. Сырой декабрьский день. На первом плане стоит бронепоезд Конной армии (площадка с двумя трехдюймовыми орудиями в башнях и восемь пулеметов на один борт). Дверца в борту открыта, из нее — головы матросов. На полотне кучка матросов в бушлатах, кожаных тужурках и бескозырках. Среди них командир. Он отличается только тем, что у него фуражка с козырьком.

Командир (*мрачно*). Приехали. Ставь, Дунька, самовар. Говорил — «все в порядке»? (*Дразнит.*) «Так точно, в порядке». Эх вы!

1-й матрос. Дык кто же думал?..

Командир. А надо думать — раз тебе поручено.

2-й матрос. Ай-ой, вот попали! На мертвый якорь!

3-й матрос (*горько*). Краса и гордость...

4-й матрос (*насмешливо*). Ну вот, давайте говорить — языком работать.

2-й матрос. Мореплаватели!

Пауза.

Командир. Эй, на паровозе, може, до Дебальцева дотянем?

1-й матрос. Никак... Пар сел совсем.

Командир (*горько*). Военные моряки Рабоче-Крестьянского Красного Флота, посланные в Конную армию, а? Военные моряки забыли погрузить уголь, а? Пар сел, а? Подымай аварийный сигнал, а? А кавалерия нас ждет, а?

Понуры все, один свистит.

Эй, на паровозе, може, до Дебальцевой дотянем?..

2-й матрос. Не, никак...

4-й матрос. Вон кавалерия идет.

Командир (*смотрит в бинокль*). Одиннадцатая кавдивизия. В шинелях и новых шапках (*делает жест над головой*). Четвертая и шестая — те в кубанках, бекешах и бурках...

2-й матрос. Ай-ой, вот попали!

Подходят три кавалериста в длинных шинелях
и в шлемах-буденовках образца 1919 года.

Кавалеристы. Здорово, флотские!

Матросы. Здравствуйте.

1-й кавалерист. Что стали?

Командир (*мигнув своим и немного подумав*).

Пустяк — сейчас пойдем. Неисправность вышла на левом дышле, на колесной, значит, передаче.

2-й кавалерист. Сейчас, значит, пойдете?

4-й матрос. Через пять минут. Чик-чик — и готово.

3-й кавалерист. Ну, давайте, братишки. Дивизия пошла уже. На Ростов крутите.

Матросы. Валите, валите. На Ростов.

Кавалеристы уходят. Моряки стоят,
молча переглядываясь.

Командир (*шепотом, исступленно*). Братва...

Пауза, слышна песня проходящей кавалерии. 4-й матрос делает шаг вперед, яростно кидает фуражку наземь, снимает быстро бушлат, фланелевку, кидает их и остается в полосатой тельняшке. Засучивает рукава. Видна татуировка. Все на него смотрят. Он странно преобразается, горя бешеным задором и силой. Вынимает из бушлата наган, вертит барабан и сует наган за пояс.

4-й матрос. Ну, раздевайтесь все, братва!

Из дверцы — головы.

2-й матрос. Чего?

Командир. Ты что? Малохольный?

3-й матрос. Сдурел?

4-й матрос. Раздевайсь, живо! Дело есть. Грузить будем. Почище, чем у угольной стенки в Кронштадте... Скорее, братишки!

2-й матрос. С ума сошел?

4-й матрос (*сильно*). А ты молиться будешь?! (*Гнусавит.*) «Уголька пода-аждь, господи...» (*Нервно, горячо.*) Братва — видите кладбище? Ну? Ясно?

Командир. Ну, что?

4-й матрос. Ну, ну — деревянные!

2-й матрос. Кто деревянные — мы-то? Ты смотри! По сопатке возьмешь!

4-й матрос. Кресты деревянные!

Восхищенное восклицание: «Елки-палки!»

Командир (*жмет 4-му матросу руку и кричит*). К кладбищу! В цепь! Вылазь все!.. Пулеметчики, комендоры!

Летят кожаные тужурки и бушлаты, обнажая здоровые торсы в полосатых тельняшках.

Трое пуль летят на площадки. Образуется цепь в сторону от пути. По цепи с криками: «На-вались!», «Ходом!» — передаются посеревшие могильные осьмиконечные кресты.

(*Весело.*) На паровозе! Сейчас с якоря снимаемся. С паровоза (*согласно*). Ага.

Командир (*смотря на часы.*) В точку будем. Курс зюйд, на Ростов... Полный!

Ведущий. Оперативное задание было выполнено матросами точно в срок.

Эпизод X

МАРКОВЦЫ

Ведущий. К Ростову, преследуемые Конной армией, отступали белые. За Таганрогом на ночевку стали полки марковской офицерской дивизии...

Изба. Стол. Лавки. Справа, в полутьме, кровать. Окно. В дверях старушка. В избу входят с мороза четыре марковца. Снимают амуницию, хлопают руками, как извозчики: вперед — назад, чтобы согреться, садятся, кашляют, курят. Винтовки ставят у входа рядом, вдоль стенки; на винтовках патронташи. У стенки стоит старушка.

1-й офицер (*капитан, седоватый*). Четг, долго ли еще будет этот дгап? Бежим, как гысаки на Семёновском плацу... Пготивно...

2-й офицер. Капитан, красные так же бежали за Орел — военное счастье, знаете ли (*напевает*), «изменчиво и переменчиво»...

3-й офицер. Ту ва бьен, как говорят французы. Все идет хорошо.

4-й офицер лейб-драгун (*3-му*). А, дежурный оптимист!.. Бонсуар. Так сколько верст осталось до Москвы? Сообщите мне, отставшему корниловцу, которого любезно приютили (*насмешливый жест*) господа марковцы...

3-й офицер. Под Ростовом красные выдохнутся. У-ве-ряю.

1-й офицер. «Сумлеваюсь штоп», как говогил генегал Сухозанет — не очень ггамотен был.

3-й офицер. Господа, новый анекдот... К Ленину в Кремле...

4-й офицер. Бросьте. Надоело. И кроме того, вы знаете, за что Каин убил Авеля? Нет? За то, что тот ему рассказывал старые и (*в лицо 3-му*) глупые анекдоты, вот-с, сэр!

3-й офицер отворачивается.

2-й офицер. А я маленькую рекогносцировку сделаю. Ужасно голоден! (*К старухе.*) Бабуля, милая, нет ли сала?

Старуха. Нету, сынок.

2-й офицер. Ну, а яйца, молоко?

Старуха. Забрали все. Поперед вас войско шло — все забрали.

2-й офицер (*тоскливо*). Господи! Матушка, дай поесть чего-нибудь. Сметаны... Картошки хоть бы...

Старуха. Картошечка есть, родный, есть картошечка.

2-й офицер (*радостно*). Ну вот и хорошо! Спасибо... (*Жест к кровати*). Бабушка, а это кто лежит тут?

Старуха. Внучка, внучка больная, сыночки. Тифом тронуло.

2-й офицер. Ну, бабуса, займись картошечкой... И лучку бы, а?

Старуха. Ладно, милый, ладно.

2-й офицер подходит к кровати, на которой лежит больная девушка, вся в жару.

2-й офицер (*глядит долго, потом шепчет*). Му-рильо... Грез... Буше... (*С восторгом.*) Настоящая красота! Нет, господа, вы посмотрите!

Офицеры подходят к кровати.

1-й офицер. Н-да!.. Не больше шестнадцати.

3-й офицер (*дурачась*). Я мог бы, знаете, оказать ей внимание.

Входит бабка, неся вареную картошку в чугуне, соль, лук и бутылочку с постным маслом.

Старуха. Кушайте, сыночки, кушайте, военные господа. *(Второму.)* Лучку-то вот возьми.

2-й офицер. Спасибо, родненькая. Похлопochи соломки нам, бабушка, поспать.

Старуха. Иду, сыночек, иду... *(Уходит.)*

Офицеры у стола. Кое-кто жует уже. 2-й стоит у кровати, затем присоединяется к прочим. Ест стоя. Потом вдруг запеваеt романс на мотив солдатской песни, делая шаг на месте.

2-й офицер.

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна.
Я вас ждала с безумной жаждой счастья,
Я вас ждала и млела у окна.

3-й и 4-й офицеры *(тоже дают шаг)*. Ать-два!

2-й офицер.

Наш уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои,
Ми-нуты мне-е казались часами...
Я вас ждала, а вы — вы все не шли...

3-й и 4-й офицеры. Ать-два!

2-й офицер. Наша жизнь коротка и сурова.

1-й офицер. Это вступление к чему? И давно ли вы постигли, вчегошний пгапогщик?

2-й офицер *(как бы не слушая)*. Обстановка: сзади красные, спереди неизвестное... Мы голодны.

3-й офицер. Ешьте, боже мой, картошку.

2-й офицер *(значительно)*. Я говорю о женщинах.

4-й офицер. А-а-а! Ну-с, слушаю.

2-й офицер. Будем говорить прямо — девочка чудесна. Температура у нее — не менее сорока. Огонь. Понимаете?.. Бла-жен-ство. И потом, не мы — так другие...

4-й офицер. Я — игрок. Раз драгуна под шашку над окопом поставил. Под суд не хотел отдавать... Да. Держал пари: убьет или нет. Игра... В теплушку однажды влез к солдатне. В восемнадцатом году. Игра. И здесь игра — за любовь *(жест к кровати)* — сып-няк... Или проскочит? Оч-ча-ро-ва-тельно! Играю!

1-й офицер *(глубоким больным голосом)*. Слушайте, бгосьте. Вы же офицеры гусской агмии.

2-й офицер (*насмешливо*). Капитан, стареете.

3-й офицер (*тоскливо и жадно*). А сыпняк — наверняка, как вы думаете?

4-й офицер (*подзадоривая*). А если нет? (Поет.) «Ночь дана для любовных утех...»

2-й и 4-й офицеры идут к кровати. 1-й сидит и ест картошку. 3-й стоит, потом тоже идет к кровати.

3-й офицер (*шуткой прикрывая дрожь в голосе*). Капитан, вы можете есть картошку в темноте?

Трое наклоняются над кроватью.

2-й офицер. Пылает... Угодно жребий?.. Право первой ночи, так сказать... «Марш вперед, труба зовет, марковские роты!..»

3-й офицер. Я гашу свет.

Подходит к керосиновой лампе и берет ее. В дверях шаги.

2-й офицер. Эй, бабка, не ходи сюда, проваливай!

Пауза. В избу входит с маузером красный командир и становится, закрывая собой винтовки. Он приказывает.

Командир. Ну, живо, вываливайтесь отсюда! Сысоев, принимай!

Офицеры по одному, подняв руки, выходят. В сенях их принимают буденновцы.

Сысоев (*страшным голосом*). А-а, вот где ты!

4-й офицер сбивает Сысоева и прорывается.

Голоса. Убег!.. Ну, ладно!.. Догоним...

Сысоев скрывает боль, гнев и стыд.

Командир (*подходя к капитану*). У вас скверное сторожевое охранение! Разве так служат?

Экран. Световая сводка. На кавалерийском ритме:

«В таганрогском направлении конными частями тов. Буденного захвачена марковская дивизия противника в составе трех полков...»

Первую сводку сменяет вторая:

«Наша конница в переходе от Ростова».

Вторую сводку сменяет третья:

«Конными частями тов. Буденного 8 января с боем взят город Ростов».

В е д у щ и й. Взят Ростов. Белые за Доном, у Батаяска. Стали, упираются... Не берет наша. Конную в дело! В сбход, бей по тылам!..

Пассажирский вагон Владикавказской железной дороги. Март 1920 года. Разные п а с с а ж и р ы. На верхней полке торчат большие ноги. Сапоги огромные, с гвоздями и подковами. Одна нога почесывает другую.

Д а м а (снизу). Послушайте, солдатик, очень неудобно так ноги выставлять.

Ноги шевелятся. Слышен голос.

Б о е ц. Я не солдатик, а господам и богу враг. И только.

Д а м а. Это как?

Б о е ц. Я нашего полка боец. Буденнова.

Д а м а. А-а-а.

С т а р и к (снизу). Эй, ты, почтенный, чайку попей с нами. Хоть чай и не водка — да чем богаты.

Б о е ц. Спасибо.

Боец слезает, без шапки, здоровый, красивый. Входит молодка с корзиной. Садится. Боец глядит на нее, конфузится и прыгает наверх. В момент чистит кубанкой сапоги, надевает ее, обтерев рукой, и «грациозно» слезает вновь, натягивая белые нитяные перчатки. Боец откашливается и церемонно садится, поглядывая на молодку, к столу — пить чай со стариком.

Б о е ц. Чай-сахар! (Наливает кружку и отхлебывает.)

Старик оглядывает бойца.

Б о е ц. Форму оглядываете? Деникин в нас в артельщиках. Трофеи он поставляет, мы и одеваемся! Товар! (Хлопает по своим хорошим защитным английским галифе. К молодке.) За канпанию — не угодно ли?

М о л о д к а (шепчет, конфузясь). Ни...

Б о е ц (к молодке). Вы как? Путешествуете или как?

Молодка конфузится.

И есть, например, дома законный супруг?

Молодка совсем конфузится.

Старик (*выручая молодку, вмешивается*). Изволили вы, товарищ, заметить, что у Буденного — как их величать, с сожалением, не знаю — служите?

Боец. Так точно. А теперь в отпуск. Сем ден имею... (*К молодке*.) Срок, конечно, малый, но (*мигает*) хватит...

Старик. Не откажите поделиться впечатлением о Буденном — как их величать, с сожалением, не знаю. Наслышаны и знать про них любопытно.

Боец (*пьет чай — в перчатке, — оттопыря мизинец, потом одергивает гимнастерку*). Впечатление у mine от Буденнова (*пауза*) ничево (*пауза*), хорошее. (*Глядит на молодку*.) Да... вот было... (*Постепенно попадает в русло воспоминаний и бросает «форс», становясь безыскусственным, но не забывая про молодку*.) Ростов — взяли. Белые у Батайска. Стали — упираются. Пробуим в лоб взять. У нас потеря. Какое дело, а? Ну, Конную в обход! Стоять мы постояли — только постираться успели... Тут та-та-та-та... Тревога. Седлать! Ну, седлаим. Ожидаются отважные бои, иттить на Дон — в степя. И только. Лишнево не класть, белье одеть чистое — на случай пуля тронет... Идем. За Дон. И шли несколько переходов. А там белых... Ну, добре...

Пауза. К рассказчику подсаживаются ближе.

Да... А Деникин што? Зовет своих генералов от кавалерии, Павлова и прочих. (*Наивно-удивленно*.) «Как так — почему красные за Дон идут? Чтоб я больше имени Буденно-Ворошилова не слыхал. И только. Кто они такие, Буденно-Ворошилов?» — это Деникин спрашивает. «Нижние чины, вашесокдитство», — ответ ему генералы дают. «Как так, не может быть!» — «Виноваты — не доглядели... Только так и есть». Деникин усмехнулся и говорит: «Поймать! И только». — «Слушаемся!» Откозыряли генералы и покатались. Ну, покатались Буденно-Ворошилова ловить... Ну, добре... А мы и сами за Дон идем — на, мол, лови! У Шаблиевки сошлись. Лови, ну! А они не ловють. Осерчали мы — побили их... (*Лукаво*.) Грех... У Торговой ишо сошлись. (*Серьезно*.) Ох, бой был! С холоду лютые — смерти не видят — идут белые. Останову нет. Прямо беда... Однако и тут их побили. И только. В степь их угнали. А мороз! Спасу нет. Утром мы в разведку. (*Начинает усиленно жестикулиро-*

вать.) Глянь — чернеет. Белые! (Пауза.) «Сдавайсь!» Молчат. «Сдавайсь!» Молчат. К ним! (Пауза.) Стрельбы нету. Што за хреновина!.. (К молодой.) Вино-ват!.. Подскакали. «Сдавайсь!» А они (пауза) все мертвенькие.

Падает кружка. Женский вскрик.

Замерзли. И только. (К даме.) Вот, мадамочка, делато какие бывают! Двигаем дальше. Усе Деникин Буденно-Ворошилова ловит, а мы его бьем — чего не поймаишь? Лови! Упарились... Под Белай Глиной ушибли белых ишшо раз. (Серьезно.) Тут в нас комбрига Мироненко и комполка Усенко убило. Вечная память.

Пауза. Старик: «Ох-хо-хо!» Боец закуривает.

(Молодке.) Вас табашный аромат не тревожить?

Молодка конфузится.

Табак, знайти, на грудь смягчение дает... Всю войну курю... До службы не курил... Да..., (Серьезно.) Идем, значит, ета, дальше — к Егорлыцкой. Наперли сюда белые все корпуса! Офицерский — раз, донских — три да кубанский. (Растопыривает левую руку, обводит взглядом всех. Белеют пять больших пальцев.)

1-й голос. Н-да.

2-й голос. Ну?

Боец. Идем в атаку раз. Нам по морде. Идем в атаку два. Нам по морде. Идем тогда три. (Пауза.) Нам опять по морде. Ах ты, мать...

Д а м а. Ах!

Боец (вдруг давится)... пресвятая богородица... Батареи наши — отступать. А? Тут начдив четвертой Городовиков...

М о л о д к а (не выдержав, невуче). Що цэ такэ — начдив четвэртый?

Б о е ц (оправляя гимнастерку). Эта, пожалуйста, как бы вам сказать по форме... Ну, вроде как бы над тремя комбригами... (Радостно.) Ну — начальник дивизии! Командир над шестью полками... Да. Мчит, эта, начдив четвертой Городовиков. Конь под им весь огнем горит... Мчит к батареям. (Ласково.) «Здравствуйте, говорит, батарейцы. Други! Вы, говорит, што? Вы, говорит, не в ту сторону наступати» — ну и добавил... (Рукой жест.) Ну, командуит... Начдив чет-

вертой Городовилов это батарейцам-то (*грубо*): «Огонь со всех орудий, ну!» И только.

Восторг аудитории.

Бьем громом с орудий и белым говорим (*поднимает голос*): «Ну, теперь тих-хо, тиш-ше... Куды суессы, дур-ра?!»

Дама и старик несколько отодвигаются. Прочие:

«Ага-аа! Во!»

Взяли Егорлыцкую. Побили пять корпусов. (*Жест руки.*) Гоним, жару даем: «А лови Буденнова, а лови Ворошилова...»

Голоса, смех — «во», «ага»!

В корень разгрохали — и только! Ну, Деникин в море подался. А тут ведомство не наше. Мы в Майкопе стали. Отдыхать. Ну, тут благодарность. «Ту-ру-ру», «та-ра-ра» — музыка... (*Расправляет плечи и глядит на молодку.*) Ково и к награде... (*Ближе к молодке.*) А што, вы об чем все мечтаете?..

Старик (*мешает*). А кто же они точно, Буденный-Ворошилов?

Боец (*с трудом отрываясь от молодки*). Го-о, я с Буденным сосед — с окна в окно полтыщи верст... Он с Платовской станицы, а я подале. А Ворошилов — луганский, фабричный.

Пассажир (*удивленно*). Как же они командовать могут?

Боец (*убежденно и чуть сердито*). Могут — раз надо. И только.

Эпизод XII

НА ОТДЫХЕ

Ведущий. Конная под Майкопом. Отдыхает.

Группа буденновцев. Отдыхают.

Рассказчик. Шевели, копайся. Кто сказку слушать?

Голос. Про чево сказка-то?

Рассказчик. Про нашего полка бойца, как его кадет обдуривал и што с етова вышла.

Голос. А ну, што?

Подваливают к рассказчику. Слушают.

Рассказчик. Шел нашего полка боец. Глядит — кадет. Ну, што — мала ль их по Дону-Кубани пораспущена теперь, как Деникина разбили? Встрелись, значить. То, се, увязался кадет бывший за нашева полка бойцом. Это они идут — глянь, на дороге поросенок жареный и с кашей. Кадет, глаза завидушие, и говорить:

— Как же мы поросю съедим?

— Порежем, товаришшок,— говорит нашева полка боец,— половину тебе, половину мне, я поем и ребят угошу.

— Нет,— говорит кадет,— так не поделишь: кому-нить да больше выйдет... Вот давай спать лягим, кто лучше сон увидит, тому и поросю съесть.

— Давай.

Легли. Нашева полка боец глаза закрыл, а сам чует, когды кадет заснет. Тот лежит, глаза шурить. Обдурить нашева полка бойца хочить: самолучший сон выдумывает — где, мол, ихнева — краснова полка бойцу так выдумать, серы они ишо... Нашева полка боец смекает. Видит, кадет на хитрость бьет. Стой! Нашева полка боец тада поросю р-раз — и в торбу! А кадет все думайть. Самолучший сон выдумывайть. Надумал. Тор-торк нашева полка бойца:

— А ну, какой тебе сон снился?

А нашева полка боец и говорит:

— Тьфу, разбудил, и сон я весь забыл... А тебе какой?

— Ну,— говорит кадет,— мне хороший сон снился. Смотрю я — возле нас конь ходит, чисто генеральский, нова узда, удила с серебра, стремяна золотые, подушка на седле пуховая... Сел я на этава коня и поехал. Еду-еду — смотрю: лестница на небо упирайтцы. Слизаю. Полез по лестнице. Лезу-лезу в гору — смотрю: на небо влез. Влез на небо, там палаты. Я туды. А там сам бог! Сидит и ужнает. «Иди, говорит, христолубивый русский воин храбрый, со мной ужнать». Так я с самим богом ужнал... Во как.

Тада нашева полка боец пичальна так и говорит:

— Вроде и мне такой сон снился, только похужи... Смотрю это я — конь мой идет, ишо с Царицына у меня коняка. Какой — известна: трусит и ладно. Да — узда там, страмена, сидло — увсе обыкновенная, как у буденнова бойца,— игде нам богатое взять? Сел я

на коня, поехал. Еду, еду... Смотрю — лестница в небо упирайтцы. Слизаю. Полез в разведку. Лезу, лезу в гору — смотрю: на небо влез. Влез на небо — там палаты. Около палат — конь енеральский ходить, бьеть копытом, огонь летить. Подушка на седле пухова, страмена золотыи.

— Так то мой конь был! — говорит кадет.

— Во-во. Твой... Лезу я дальше, в палаты. Походил, походил — дверь открываю... Винтовку на изготовку, дело знакомое. «А ну, кто там, вылазь!» Смотрю, бог! А ты рядом с ним ужнаешь. Ну — думаю, компания! Занесли черти. Вижу только, што ты и говоришь: «Иди прочь, краснава полка боец, не твоя тут места, иди забирай пороса; што мне, христолюбивому русскому воину, пороса — я с самим богом ужнаю». А на столе: ух-ха, пироги, лапша, студень, говядина, кисель, ай чиво только нет! Ну, пошел я прочь, забрал пороса, как ты велел. Только его и вспомнили!..

— Так ты съел пороса? — это кадет волнуется.

— Ну, а што ж?

Закрутил тут хитрай кадет головой, да и пошел прочь. Не обдурить нашева полка бойца!.. Сказке конец. Эй — кто закурить даст?!

1-й голос. Гэ! А пороса?

Рассказчик. Звестно, сам поел да взвод свой угастил — не как ты!

Голос (издалека). Эй, на занятие собирайся, товарищи!

Эпизод XIII

„БЕЙ ПАНОВ!“

Ведущий. Недолг был отдых Конной... Заиграли трубачи снова и снова: «Се-е-едлай!» Войной идет на нас белая Польша, Украина вновь в огне... Дивизии Буденного — восемнадцать тысяч сабель — походом, в седле, идут на польский фронт. С Северного Кавказа к Умани. Маршрут под стать только красной коннице... Более тысячи четырехсот верст! Рванули на панов!

И когда польский фронт, фронт кадровых европейских обученных и снабженных богато войск, был,

как скорлупа, продавлен и растрепан Конной армией,— скверно стало панам. Маршал Иосиф Пилсудский, глава государства польского, признался: «Паника вспыхивала в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах, и переходила все глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов: в ней можно было заметить какой-то неуверенный, колеблющийся пульс... Наступали моменты непреодолимой тревоги с первыми потрясениями. Новое оружие борьбы, конница Буденного, становилась какой-то легендарной, непобедимой силой. И чем дальше от фронта, влияние этого гипноза было все сильнее и непреодолимее...» (Пауза.) Штаб бригады одной из дивизий Конной. Лето 1920 года. Польский фронт...

Два стола. Лавка. Комиссар — бывший рабочий. Флаг у стенки — «Бей панов!» На гвозде висит комиссарская казачья шашка.

Комиссар (в дверь). Товарищ Семененко, пленные поели?

Голос из сеней. Пошамалы.

Комиссар. Пусть ко мне идут.

Идет к окну, наливает из жестяного чайника в кружку чай, пьет. Входят пять польских солдат, крепкие, с выправкой. Вытягиваются, щелкая каблуками. Комиссар делает жест — садись.

Садись, товарищи.

Солдаты стоят, руки по швам.

Садись, товарищи. Ну? Давай говорить. Пойдем друг друга, а? Вы по-русски — што я по-польску. Так?

Солдаты деликатно присаживаются на лавку.

Откуда родом? Скуда будешь?

1-й солдат. З Варшавы.

Комиссар. А ты, друг?

2-й солдат. З Люблина.

Комиссар (к прочим). А вы?

3-й солдат. З Кракова.

4-й солдат. Теж з Кракова.

5-й солдат. З Бялы.

Входит Семененко — на босу ногу калоши. Он в кубанке, гимнастерке, с шашкой.

Семененко (*комиссару*). Товарищ комиссар, клычуть вас там... Та ще одын пленный ось тут. (*Тычет в сени.*)

Комиссар. Иду. Пленный пусть сюда же идет.

Выходит из хаты с Семененко. Пленные переглядываются. Смотрят на шашку. Пауза. Входит 6-й пленный солдат. Солдаты, увидев его, вскакивают «смирно».

3-й солдат (*удивленно*). Пан поручник!

6-й солдат. Тш-ш. Тихо.

Осматривается. Солдаты садятся. Входит комиссар с пакетом и кипой газет.

Комиссар (*к 6-му*). Друг, а ты какой, понимаешь, отку-да?

6-й солдат. З Лодзи.

Комиссар (*живо*). Рабочий?.. Работник?

6-й солдат (*подхватывает*). Так, да... Так, так...

На улице вдруг пулеметная стрельба, крики, взрыв. Все вскакивают. Комиссар—к окну. Польский офицер—секунду в нерешительности, потом восклицает: «То наши!» Делает повелительный знак солдатам и кидается за шашкой, висящей на стене. Через несколько секунд на него сзади кидается один из польских солдат. Офицер и этот солдат катятся на пол. Комиссар схватывает шашку и обнажает ее. Прочие все время недвижны, ошеломлены «преступлением» солдата, испуганы. Офицер лежит, солдат давит его сзади.

Семененко (*вбегает*). Бомбу, гадюка, бросыл! Двоих вбыло билия хаты! Наши с пулеметив покрыли... Ой, высоко, гадюка, летает!

Комиссар, подавляя волнение, вкладывает шашку в ножны и наливает из чайника чай в кружку, глотает. Солдат поднимается. Офицер тоже.

Комиссар (*к ним тихо*). Ну, што?

Солдат. Пан комиссар... (*Жест в сторону офицера.*) То — офицер, поручник. Он хцел порубить пана комиссара. Он мувил — он роботник. Ни, ни — то я роботник, то мы. (*Тычет рукой на одного и другого соседа.*) Я много страдал через них... Я сидел в тюрьме... Мне били в полиции.

Комиссар (*к офицеру*). Разумиете, понятно, а?.. Семененко! Сопроводи, друг, этого (*кивок на*

офицера) в штадив. (*Вспомнив что-то.*) Только без «менок». Ни сапог, ничего не снимать. Ясно?

Семенов (глядя на свои калоши, потом на крепкие сапоги офицера). Эге ж, мне шо — ни было в мини чоботив, та хай и не будэ... (*К офицеру.*) Пийшли, пан!..

Уходит, пропуская офицера вперед и придерживая левой рукой шашку.

Комиссар. Садись, товарищи! Продолжим разговор...

Эпизод XIV

СМЕРТЬ КОММУНАРА

Ведущий. Тяжелые бои ведет Конармия. Ее окружили поляки — армия Галлера...

Вечерний свет. Поле. Остатки проволочных заграждений, может быть, 1915 года. Лежит раненый буденновец, политбоек. Поодаль кусты. Опрокинутый пулемет. Шорох в кустах.

Раненый (*левой рукой вскидывает револьвер, шепчет.*) Поляки?! (*Громко.*) Кто идет? Стреляю!

Тихо. Потом шорох возобновляется.

Раненый (*нервно*). Кто идет?

Тихо. Из кустов ползет кто-то.

Голос казака. Товарищ политрук, ета я. Вы только голос не оказывайте — услышат. (*Подползает.*)

Раненый. Пи-ить!

Казак. Вот баклажка, попейти... (*Поит.*) Я как приметил ишо в атаки, что вы, знач, немножко споткнувшись от раны — так потом Сысоеву сказал и суды пополз. Ихня кавалерия в ложбину ушла, сидит там. Близка тут... Наши ждут наскоку... Вы попейте ишо... Накрутили нам холку паны эт раз. Не знаю — прорвемся ли...

Раненый снова хрипло и отрывисто дышит.

Казак. Ну, теперь давайте, товарищ политрук, подаваться к своим. Может, проползем... Вас иде тронуло?

Р а н е н ы й. В живот... и в правую руку...

Казак понял, что это значит.

К а з а к. Я вас на горбу — легонько понясу...

Р а н е н ы й. Наши... значит, ждут... Поляки близко... Вот запоминай... приказ мой... (*Медленно, подавляя боль, говорит.*) Посылаю тут... партбилет... списки... ячейки... квитанции... Запомнишь?

К а з а к. Ага, квитанции... (*Берет бумаги.*)

Р а н е н ы й (*медленно диктует*). Приказываю бойцу... доставить это... меня бросить... Приказываю взять пулемет... тут брошен... и ленты... Вам он.. нужен. Понятно?

Казак почти всхлипывает.

(*Медленно.*) Прощай. Иди...

К а з а к (*дрогнувшим голосом*). Товарищ родной, давай тебя унесу.

Р а н е н ы й (*мучительно*). Пулемет...

К а з а к (*моляще, рыдая*). Давай!

Скользнул луч прожектора.

Р а н е н ы й (*слабея*). Пулемет... Скорей... Поляки ударят... Иди...

Казак плачет и шарит у себя по карманам. Достает кисет и ломоть хлеба.

К а з а к (*растерянно*). На-ка... вот... махорки... Покури. Хошь? Или поешь. А? Хлеб тут... Товарищ, а? Милай... (*Плачет.*) Хошь? (*Пауза.*) Прощай... братец мой... (*Всхлипывает.*)

Луч прожектора. Казак махнул рукой и, осторожно взяв пулемет, коробку с лентой, ползет, пропадает в темноте. Раненый отрывисто хрипит. Потом все тихо... Луч прожектора.

Эпизод XV

ДОПРОС ПЛЕННОГО БУДЕННОВЦА

Комната, некоторый комфорт. Польские офицеры. Полковник, четыре офицера, как один, сияющие формой: лак и золото фуражек, шитье на воротниках, пуговицы, ордена, лак сапог и прочее.

В е д у щ и й. Рванулась Конная. Из кольца ушла и снова гремит. Но попал на прорыве в плен братан один.

Полковник. Прикажите ввести пленного.

Адъютант отдает честь и выходит. Быстро возвращается. Входит в буденновском шлеме и гимнастерке без пояса — пленный. За ним часовой комендантской роты, отчетливый солдат в начищенных ботинках и ладных обмотках. Пленный одергивает гимнастерку, стоит, чуть расставив ноги. Крепкий, высокий, широкоплечий. Разглядывает офицеров. Один офицер шепчет ему: «Шапку долой!» Потом суется к буденовке. Боец защитно поднимает руку, отводит руку офицера и сам снимает шапку. И стоит, как прежде.

Здорово.

Боец *(вежливо)*. Здравсьте.

Полковник. Какого полка, дивизии?

Боец *(гордо и серьезно)*. Нашева коннова полка боец.

Полковник. Номер?

Боец. Ниграмотный я.

Полковник *(подумав)*. Много ли вас, красных?

Боец. Многа.

Полковник. Точно! Сколько?

Боец *(строго)*. В Расеи мильонов с полтора.

Полковник. Говори, не дури, где красные части расположены?

Боец *(убежденно)*. Расположены по всему свету... *(Бережно поднимает буденовку и пальцем указывает.)* Во где: в Европи — раз *(один конец звезды)*, в Азеи — два *(другой)*, в Африке — три *(третий)*, в Америке — четыре *(четвертый)* и пять... *(палец повисает)*. Ишо как — забыл. Комиссар знает.

Офицеры изумлены и смотрят на полковника.

Полковник. Ты что? Смеешься?

Боец *(строго)*. Как на присяге — все всерьез. Какой тут смех! Не с девками хорожусь!

Полковник *(тая гнев)*. Поговори еще!

Боец *(строго, снисходительно)*. Ладно, поговорю. Вот объяснил, где расположены мы. И верна. *(Серьезно.)* Ишли, скажем, с боями — ишо с Царицына, — народ попадает в эскадронах, другие валят... Везде. Добровольные бойцы. Вот и выходит, што везде расположены. Валом валят к нам.

Пауза. Офицеры застыли.

Полковник *(ревет)*. Ты, босяк, тут агитацией заниматься?

Офицеры суровеют.

Боец. Зачем? Я истинно глаза открываю.

Полковник. Кто тебя тут слышит? (*Указал на офицеров и часового.*)

Боец. Услышат, верное слово — оно слышно. (*Широкий жест вокруг, сначала в зал.*)

Сильный гул хора из зала. Слышим, братан, слышим!

Офицеры подаются назад.

Эпизод XVI

ЧОНГАР

Ведущий. Затихли паны. Бойцам Красной Армии приказ—на Врангеля. Слово—товарищу Ленину.

НА ЭКРАНЕ:

«Товарищи! Царский генерал Врангель усиливает наступление на Украину и Россию. Поддержанный французскими капиталистами, он продвигается вперед, угрожая Донецкому бассейну и Екатеринославу. Опасность велика... Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля!

ЛЕНИН»

Ведущий. Бойцы Конной летят на Врангеля.

Кавалерийский ритм.

С ходу Конная прорывает фронт белых. Без оглядки бегут белые в Крым, за свои укрепления. И там останавливаются. За валами, за проволокой, за пулеметными шеренгами. На Перекопе, у Юшуня, у Чонгара...

Полутьма. Полотно железной дороги. Мостик. Под ним семь человек: три командира и четыре телефониста. Слабый свет лампы.

Телефонист. Телефонограмма, товарищ командир... Счас. (*Пишет, повторяя.*) «Головные части Шестой кавдивизии... перешли в наступление... и... обстреливаются... сильным огнем...» Точка, да... «Движение...» Алё, алё!.. Ну вот... Алё! (*Дует в трубку.*) Да, да!.. «продолжается... с упорным боем... В частях...» Алё... Алё... «большие потери...»

1-й голос (*тяжко*). Ох-хо-хо!..

Телефонист. Номер двести тридцать, оперативная, точка.

Командир. Что у соседей? В пехоте?..

Т е л е ф о н и с т. Не добьешься их.

К о м а н д и р. Вызови-ка еще бригаду.

Т е л е ф о н и с т. Алё... алё... Бригада, алё...
Афонькин!.. Алё... Не отвечают... Што, если провод
перебило?.. И-эх!

Переглядываются. Молчание.

2-й т е л е ф о н и с т. Надо иттить провод справлять.

Один уходит.

Т е л е ф о н и с т. Гул идет... Алё... Алё... Бригада...
(Умоляюще.) Ну, бригада же!..

Пауза.

3-й т е л е ф о н и с т. Видно, попал в беду наш...
Второму идти надо.

Уходит второй.

Т е л е ф о н и с т. Алё, алё... И што там творится?
Не разбери-поймешь. Алё... (Нежно.) Афоня, слухай!
Алё... (Свирепо.) Бригада... Алё... (Безнадежно.) Нет
связи!

К о м а н д и р. Товарищи! Надо третьему на про-
вод идти.

Встает третий. Сам себе командует: «Эй, ну, ша-гам арш...»
Выходя, напевает. «Ария» слышна в отдалении, потом об-
рывается лихим гиканьем.

Т е л е ф о н и с т (гладит аппарат и «просит»).
Алё... Пожалуйста... алё... (Потом бросает это заня-
тие.) Што там на передовых?

Пауза.

К о м а н д и р. Связь не восстанавливается — сей-
час четвертому идти.

4-й т е л е ф о н и с т. Пойдем! (Серьезно.) До са-
мой смерти ничего не будет. (В дверях оборачивает-
ся.) Хлеб тут привезут, на меня возьмете.

Уходит. Темнеет. Пауза. Тихо. По железнодорожному по-
лотну бредут бойцы; едва видны темные фигуры в па-
пах.

В е д у щ и й. До рассвета ждали.

Алеет рассвет. Вдруг телефон дает сигнал, гудок.

Т е л е ф о н и с т (кидается и слушает). Ага!..
Передают... Алё, да, да... «Части Шестой кавдивизи-
и...» Алё... алё... Ну, что там? (Дует в трубку.)

«Ведут...» (*Выжидательно, боязливо, вдруг кричит.*)
Чонгарский мост пройден, позиции взяты... Крой, мил-
лок!.. Афоня, эта ты? Крой, миллок!.. Так их! Крой!..

В е д у щ и й. Шестая кавдивизия с честью выпол-
нила свой долг... На месте боя Реввоенсовет дал ей
имя «Чонгарская».

Эпизод XVII

ПОВЕРКА

В е д у щ и й. После боя на Чонгаре.

Вечерний свет. Зычный голос Сысоева: «Станови-ись на по-
верку-у!» Сходятся человек пятнадцать. Строятся,
легкий говор. Перед строем Сысоев со списком.

1-й г о л о с. Сысоев, тут пленные, куда их?

С ы с о е в. Офицеры? Сюда скорее!

Приводят пленных донцов. Т р и о ф и ц е р а и н е с к о л ь-
к о к а з а к о в. Они стоят тихо. Сысоев кидается к офице-
рам, смотрит в лица.

С ы с о е в. Нету... Ох, поймал ба... (*К строю.*)
Смирно! А ну, слушай поверку... Алексеенко Петр!

Г о л о с. Убит.

— Алексеенко Семен!

— Убит.

— Апанасенко Дмитрий!

— Убит.

— Алихов Василий!

— Раненый.

— Богодаров Василий!

— Убит.

— Башланенко Никифор!

— Убит.

— Бурлак Афанасий!

— Убит.

— Ваньковский Константин!

— Я-а! (*Рука на перевязи.*)

— Ведерников Петр!

— Убит.

В е д у щ и й. Когда закончили перекличку, как
всегда и везде в Красной Армии...

С ы с о е в. Смирно! Эй, товарищи пленные, стой-
те с уважением. Запевай.

Запевала начинает «Интернационал». Строй поет гимн. И
мало-помалу, вслушиваясь в слова буденновцев, начинают
петь пленные донцы... Офицеры стоят в струнку, холодные,
враждебно-покорные. Один сжимает кулаки.

«И ЗДЕСЬ ФРОНТ»

В е д у щ и й. Пошли-полетели годы за чонгарскими днями. Где же другие милые буденновские братьяны, старые бойцы? Как живут они, что в мыслях держат?

Эпизод I

„ОЙ, ЗНОВ БУДЕ НАША КОННАЯ!“

Комната. Стол. Портрет Ворошилова. Лампа горит. Телефон. Бывший командир полка (б. комитетчик) сидит. Он такой же, как и в 1918 году. Только поседел.

К о м а н д и р (*читает*). «Нижайшее почтение и с любовью низкий поклон, товарищ комполка Иван Петрович. Сколько лет за вас неизвестно было, как теперь письмо от вас пришло и читал — все воскресило во мне, и вспомнил все переживания прошлых дней и лет. Невольно вспомнил таких героев, как командарм Семен Михайлович, и за Клима Ефремовича Ворошилова, и за начдива нашей непобедимой дивизии, и за сотенного (вижу его и теперь лежащее окровавленным, как мы шли под Львов, запечатлел в бою), за Семена Прохорова (помните, хоронили за Сватовой?), за Романа Прилукова (погиб у Егорлыкской), а теперь сообщаете вы и еще об одном герое, о Ваньке Филиппове, — жалко биднягу. Мне передавали за него, что он сделался глухой, а теперь узнал о смерти. Эх, лучше бы этого не знать! Как тяжело делается, когда узнаешь о страданиях кого-либо из друзей, когда-то не щадивших своей жизни!

От матери Полякова — оплакивает она сына единственного, когда остался в могиле на Маныче, был боец, — просит мать карточку, ежели кто сберег, и при первой возможности выслать. У Прилукова матери нет, есть отец: «Поеду на могилу своего сына, то хоть косточки привезу». А могилу как сыскать в поле, как вся Конармия прошла? Разве сельсовет какой что поможет отыскать».

Командир (*произносит*). Мало мы заботимся об этом, мало... Эх!..

«...Проезжали в нас тут командиры с Москвы для терконницы, спросили, нет ли ково с буденновцев здешних, участников 1918 года. Им кто-то сказал, что есть — именно на меня. «Попросите ко мне». Когда я пришел и рассказал командирам о совместном участии, так один — в его ромбы на воротнике, — не выдержал и, пожавше крепко руку, расцеловал. «Вы Красное Знамя орден имеете?» Я говорю: «Нет. Побеспокоиться приходилось больше разбить кадетов и поляков, и представляли мало». — «Пиши, говорит, заявление и укажи про бои и какой части. В Москве передам к высшей награде». Я подумал, да и решил, что могут допустить о прекращивании моего описания и потом что другие нашего полка сами не лезут, а что я полезу, мне больше товарищей не надо, вместе были. Я так сказал командиру: «Ничего мне не надо, а если надо, так всем по заслугам». Командир уехал, так мы больше и не виделись». (*К портрету Ворошилова.*) Климентий Ефремович, хорошей прокалки бойцы у нас...

«...Ишо приезжал в отпуск домой к своим Иван Сысоев, взводный. Он учится на командира. Какой был, такой и есть. Только нервный. Иной раз на людей глядит и спрашивает всех: «Офицера одново таково, с бородавкой, не видели где?» Это у него с фронту осталось. А так справный во всем». Да, Сысоев и тогда был такой какой-то... (*читает дальше.*)

«...Друг дорогой, товарищ комполка, давайте связь поддерживать, помнить прошлое и укреплять пролетарское общество, ведь мы не знаем, что завтра случится, вдруг война, — я считаю, что еще придется взять оружие, и тогда хорошо действовать, как знаешь, что рядом стоят надежные бойцы.

Кланяюсь низко. Бывший боец третьего эскадрона *Фрол Шмелев*. (*Вздыхает, чешет почему-то глаз. Читает другое письмо.*) Ну, что Василенко Тиша, моряк мой, пишет? (*Читает.*)

«Уразив ты сердце мое, друже мий, любимый товарищу. Прийшов из пращи, а баба сунула мини в руку твою листа та ще и каже, што хто-сь шукае тебе мабуть, дуже добра людина, що и за других печется.

Я глянув на папирець тай подумав — звисно, що добра, тилько ни до всих, бо вид руки цией доброй людини ни одна сволота з погонами в земли прие, жалко тильки, що мало.

Ох, заболито, забилося сердце мое, ниби хто его изранив, а вид чого? Як бы спросив мене хто, я бы ни зумив отповидати. Жалко чего-сь, дуже жалко — как перед моими очами и стали вси товарищи, вси полки Конной армии. Всих бы их хотив обняти, прижати, так щиро до сердца обласкавши, та мабуть цюго не дожدهшься, мабуть и не придется побачить кого. Ну, тилько як буде вийна — на коня и гайда, — боем загремит земля и буде знов наша Конная! Разумию, що ти мне добре понимаешь, и як колысь з гоби сикли головы офицерам и панам, так и теперь будемо. Як ты бул комполком, то и будешь, старый мий друже. Бувай здоровенький, друже!

Твой

Тихон Василенко».

(Вскакивает.) Так, Василенко, так, Тиша, друг мой, — будет война, будет знов наша Конная!

Эпизод II

ВСТРЕЧА

В е д у щ и й. Не останавливаясь, гремя годами, идет революция, меняя облик людей, городов и сел. Ответы со степей идут, с земли... Не остановить революцию, не замедлить ее шаг!..

Темно. Степь. Курганы. Обстановка эпизода, относящегося к 1918 году. Медленно выходят с двух сторон двое.

О д и н (весело). Кто идет?

В т о р о й (весело). Свой!

— Какой свой?

— Здешний житель, с колхоза «Буденновец».

— Ты бывший конник?

— Ыгы!..

Сходятся.

— Ну, здоров, братан!

— Здоров.

— Закурим?

— Закурим!

При огоньке разглядывают друг друга.

К а з а к. Ты-ы? Митрей?! Здорово, четвертая смелая кавдивизия.

М и т р е й. Казак?! Здорово, самогеройская шестая! Вот привелось!

К а з а к. Да-а, привелось!

М и т р е й. Сколько я тебе не видел — с врангельского?!

К а з а к. Ыгы... (*Курят оба.*) А что про ково слышал с наших, друг?

М и т р е й. Ваньку Сысоева помнишь?

К а з а к. Взводного? Ну как же!

М и т р е й. Заделался командиром, прошел учение. Ишь, хват!..

К а з а к. А комиссара помнишь? Где-та он теперь? Как он под Царицыном нас осаживал?.. Спомнить только — дуром к нему пошли, освобадить невинных арестованных — чуть беды не сделали. (*Пауза.*) А в нас в эскадроне — командиров трое убито, два в инвалидах. Писали. А рядовых бойцов вернулось — едва взвод соберется против тово, што вышло в эскадрон в восемнадцатом году.

М и т р е й. И у нас. Под Батайском упало много. А под Бродами?! А под Грубешовым — сразу трех комбригов убило...

К а з а к. А у Егорлыкской? Помнишь, ходили?.. (*Пауза.*)

Затишают оба.

В е д у щ и й. Семь тысяч верст прошла Первая Конная за годы гражданской войны. Великий путь весь отмечен могилами бойцов — прекраснейших сынов революции. Они сложили свои честные буйные головы в борьбе с заклятыми врагами трудового народа. Все они живыми кусками нашего собственного тела вырывались врагами из наших рядов. Они дороги нам, как дорого и то дело, за которое они боролись и умерли... Безыменные тысячи могил поросли травой, зимой занесены снегами. Под полуденным или ночным темным небом в сечах погибли, когда пришла смерть. Расстались с родными полками...

Пропали, пропали навсегда... Сошли в могилы братья бесценные, полив кровью землю, родимые степи... Никогда больше не откроются глаза погибших, чтобы увидеть штандарты красные. Сердца горячие остыли, истлели... Ушли тысячи прекрасных из жизни навсегда...

Траурный, горький народный мотив.

В е д у щ и й (в зал). Встанем, товарищи! Встанем, бойцы! Почтим память погибших...

Казак и Митрей в сумраке застыли.

К а з а к. Да, побита многа...

М и т р е й. Свое взяли... Поломали хребетину кадетам.

К а з а к (меняя тему). А дома-то ребятишки!.. Сопляки в восемнадцатом были, задницы голые видать, а теперь басом гутарют... (Удивляясь и ласково.) В красной кавалерии служат!.. Ишь, дела! Вот те и сопляки — выросли!.. Время идет.

М и т р е й. Бежит, друг, время, прямо бежит...

Пауза.

Эпизод III

„ЗРАВИА ЖЕЛАЮ ВАШ-СОК-РОДЫ“

В е д у щ и й. Стремителен бег событий — не останавливаясь, идет революция, меняя облик людей, сел, городов, стран... И кто посмеет остановить ее?

Москва, октябрь 1929 года.

Фойе в клубе. Комсомольцы, комсомолки, молодые бойцы-кавалеристы. Среди них один здоровый дядька. Поют: «Все выше, и выше, и выше стремим мы полст наших птиц...» Поют приподнято, молодо, прекрасно. Потом галдят, ходят. Смех.

Молодой боец. Дядько, а ты на службе був?

Дядька. Был.

Молодой боец. А на войне був?

Дядька. Приходилось.

2-й боец. Пехотный?

Дядька. Конник.

Трое. Старый конник?

Дядька. Шестой Чонгарской.

Все. Буденновец?

Дядька. С февраля тысяча девятьсот восемнадцатого.

Все. О-о-о! (*Подходят к дядьке.*)

1-й боец. Значит, настоящий бой видел?

Дядька. Пришлось... Да... Помню, что память хранит. Эх, бойцы, были дела, были, за Советы шли — умирали. Да... Смею сказать, мало любить — носить на руках таких бойцов надо... Плохо только оценивают, бывает... Скажем — история-то их помнит... Верно: золотом по красному имена выведет, а люди-то... (*пауза*) иной раз забывают... Бывает, бьется после службы боец, ничего не выходит... Налог тяжелый.

Молодой боец. Да ну?

Комсомолец. Как кому!

Дядька. Поеду, думает, в город, а там хоть на камнях спи... Страдаит боец.

Быстро появляется из зала один человек. Бодро кричит с украинским акцентом.

Вошедший. Старого буденновца чую! Здорово! Я — тоже конник. (*Крепко бьет ладонь в ладонь знакома.*) Верно говоришь, бывает плохо бойцу. Бывает, ой, подло у нас бывает! Только мы за подлость и душу вынуть можем. Как спортился, забюрократился, трудовому люду дорогу заступил — за шкуру. (*Жест.*)

Комсомольцы. Во! В кружку!

Вошедший. Верна! Как такого гада словим, который с подкопцем действует, — на замок его. Верно?.. Примечай, что говорю, друг... (*Пауза. Вдруг резко.*) Да в глаза гляди, ну! (*Стискивает руку себе-седника сильнее.*) Где ты бойцом был, в каком полку?

Дядька. В Шестой кавалерийской.

Вошедший. А какой полк на Чонгаре в голове шел? Какой эскадрон первым мост прошел?

Дядька мнется.

(*Спокойно.*) А хотишь, я тебе скажу, в какой ты шестой Чонгарской дивизии был?

Дядька молчит.

(*Резко.*) Гляди, гад, прямо!.. Ну... С буденновцем дело имеешь — очки не вотрешь. (*С ударениями.*) Виде-

ли мы тебя в тысяча девятьсот восемнадцатом, слышали в тысяча девятьсот девятнадцатом, а упустили в тысяча девятьсот двадцатом.

Пауза.

(Смотрит на дядьку. Неожиданно берет под козырек и гаркает.) Здравия желаю, вашсокродь! Узнаете? Лейбгвардии драгунского полка первого эскадрона рядовой Охрименко!

Дядька кидается в зал. Движение молодежи — за ним!
Охрименко останавливает всех.

О х р и м е н к о *(уверенно, не очень громко)*. Стой! Стой! Куды, дур-ра, суесси? Здесь же *(жест на молодежь, на зал)* кругом наши... Не уйдешь! Иди обратно!.. Ну...

Офицер возвращается. Охрименко его властно, быстро обыскивает. Возбужденная толпа липнет к задержанному.

(Молодым бойцам.) Вы что — по второму или по первому году служите?

Г о л о с а. По первому.

О х р и м е н к о. Ну, а я с тысяча девятьсот тринадцатого... И вот он... *(К комсомольцам.)* Глядите, ребята! Ну, слушай... Он вам тут заливал про старых бойцов: страдают, мол... *(К офицеру)*

Ладно, давай про старых бойцов. Чего в землю смотришь? Хочешь в земле чего увидеть? Смотри, смотри! Будем вместе смотреть... Видишь?.. Память есть?

Сцена темнеет.

В е д у щ и й. Под темным небом кончается жизнь, в степи, где сызмальства знали простор братаны, честные головы буденновские. Умирать пришла пора. Сердца горячие остынут, и навсегда закроются глаза... А как жить-то хочется! Найти свои родные полки... А где они?

Тихо, далекий буденновский мотив.

О х р и м е н к о. Помнишь, гад? Помнишь, как порадовал старых бойцов — братанов моих? Что им сказал?..

О ф и ц е р. Расстреливать не будем...

Здесь ярко, по жестам, позе и интонации окончательно опознается офицер.

О х р и м е н к о. А потом?

Офицер холодно молчит.

А потом?

О ф и ц е р. Живьем вас закопаем...

О х р и м е н к о (*в зал, криком*). Узнали его, товарищи? Вот они — ходят, с тонкими речами к сердцу бойцовскому подбираются... А ну, идем!

О ф и ц е р (*спокойно*). Куда?

О х р и м е н к о. Узнаешь. Тут, на Лубянку, недалеко.

Подходит к а в к о м а н д и р со знаками различия комполка.

М о л о д о й б о е ц. Товарищ командир, разберить их! Товарищ командир, подозрение на этих двух товарищей есть.

К о м с о м о л ь ц ы. Пусть командир разберет! Товарищ командир.

К о м а н д и р (*подходит*). В чем дело?

О х р и м е н к о (*вглядываясь в командира*). Сысоев?

К о м а н д и р (*вглядывается тоже*). Да.

О х р и м е н к о. Охрименко помнишь?

С ы с о е в. Охрименко! Годок! Друг!.. Ну, в чем тут дело?

О х р и м е н к о. А то, что ваш-сок-родь объявился с бородавкой... Живого съесть ты искал...

Сысоев замер. Офицер узнал его, вздрогнул. Пауза. Молодые бойцы и комсомольцы впились глазами в командира и «дядьку».

О ф и ц е р. Ну, мстите...

С ы с о е в (*спокойно*). Мстить? Изъять вас надо... Вот и все... Классовая целесообразность. Мы ведь уже давно не партизаны... Да и зубы у меня давно вставлены. (*Чуть показывает.*) Ну, пока, Охрименко! На вокзал спешу. Назначение... Там поважнее. (*К бойцам.*) Поможете, товарищи, доставить задержанного.

Б о й ц ы. Приказано помочь доставить задержанного, товарищ командир...

С ы с о е в уходит. О ф и ц е р а уводят.

В е д у щ и й. Глядите в оба, товарищи! Слушайте в оба, бойцы!.. А проглядите и прослушаете — пойте-

те от гадовой руки в землю. Сердца ваши горячие остынут, и навсегда закроются глаза... Смотрите же в оба! Вражьи люди всюду есть. И всюду для нас фронт! В нужные дни, часы, минуты, даже в самую нужную секунду поднимаются старые и молодые конники и крепким голосом Москве дают знать: «Готовы мы, если надо, на защиту Советов». Не забыт 1918-й, не забыт 1919-й, не забыт 1920-й, ничто не забыто — шашки остры, кони поены-кормлены. Нет человеческой силы, нет силы машин против трудового народа! Здесь, там, окрест — везде наша несокрушимая сила... Кто там — враг на западе, на востоке! (*Взмахи направо, налево.*) Эй, слышь!

Конники готовы!

Вся Красная Армия готова!

СССР готов!

*Десятилетие похода на Ростов.
Ноябрь, 1929, Ленинград*

*Посвящается XV годовщине
Красной Армии*

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Пьеса в трех актах

Действующие лица

Первый ведущий.
Второй ведущий.
Вайнонен — матрос-финн, коммунист.
Рябой.
Алексей — Балтийского флота матрос первой статьи.
Вожак группы анархистов.
Женщина-комиссар, посланная партией на Балтийский флот.
Командир корабля — бывший кадровый офицер флота.
Сиплый.
Первый старшина.
Второй старшина.
Боцман.
Капельмейстер.
Старая женщина.
Высокий матрос.
Первый офицер, возвращающийся на родину.
Второй офицер.
Главарь пополнения анархистов.
Одессит.
Офицер войск противника.
Священнослужитель.

Матросы Балтийского флота, провожающие женщины, белогвардейцы и другие.

Действие происходит в дни гражданской войны в Балтийском флоте и на фронте.

Музыкальное вступление. Рев, подавляющий мощью и скорбью. Стремительные взрывы могучего восторга, теснящего дыхание и обжигающего. Шум человеческих деяний, тоскливый вопль «зачем?», неистовые искания ответов и нахождения.

Нас было восемьдесят пять тысяч балтийских и сорок тысяч черноморских матросов. Мы также искали ответов.

И вот двое и их разговор.

Первый (*рассматривая пришедших на трагедию*). Кто это?

Второй. Публика. Наши потомки. Наше будущее, о котором, помнишь, мы тосковали когда-то на кораблях.

Первый. Интересно посмотреть на осуществившееся будущее. Тут тысячи полторы, и наблюдают за нами... Не видели моряков!

Второй. Молчат. Пришли посмотреть на героические деяния, на героических людей.

Первый. Тогда им проще глядеть друг на друга.

Второй. Какая вежливая тишина! Неужели нельзя встать кому-нибудь и сказать что-нибудь? (*Обращаясь к кому-то из зрителей*.) Вы вот, товарищ, что-то насупились. Здесь-де не военкомат, а театр... Вы, может быть, полагаете, что в данном случае у военкомата и у театра разные цели? Ага, не полагаете... Ну, что ж, начнем! (*Как вступление к поэме*.) Отложите свои вечерние дела. Матросский полк, прошедший свой путь до конца, обращается к вам — к потомству.

Медленно, с тяжелым грохотом открываются колоссальные броневые закрытия.

Раскаленный, без облака день. Блеск его невыносим для северного глаза. Сверкает весь рельеф земли. Полк идет по древней дороге. Сверкание усиливается, потому что полк в белом. Он движется вниз, чтобы стать, как гигантский хор, лицом к лицу со зрителями.

Второй (*он старшина хора*.) У каждого из них была семья. У каждого из них была женщина. Женщины любили этих людей. У многих из них были дети. Они здесь. И у каждого было некое смутное: грядущее поколение. Оно рисовалось полтора десятилетия тому назад еще неясно. И вот оно пришло, это

поколение. Здравствуй, пришедшее поколение. Бойцы не требовали, чтобы вы были печальны после их гибели. Ни у кого из вас не остановилась кровь от того, что во время великой гражданской войны в землю легло несколько армий бойцов. Жизнь не умирает. Люди умеют смеяться и есть пищу над могилами ближних. И это прекрасно! «Будьте бодрей! — просили бойцы погибая. — Гляди веселей, революция!» Полк обращается, сказал я, к потомству. Он избавляет вас от поминок. Он предлагает молча подумать, постигнуть, что же, в сущности, для нас борьба и смерть. Итак, началось с того, что...

Свет спадает. Вечерние тени пересекают теплый воздух. В тишине чья-то безмерная человеческая тоска. Она может быть выражена только музыкально. Один, другой, третий из рядов полка начинают рассказывать историю полка. Начинает маленький финн В а й н о н е н.

В а й н о н е н. Сумерки, и никакая душа ничего ласкового одинокому матросу не скажет.

Отчаяние его, чуждый говор и глаза, из которых бегут слезы, почти беспричинно, от огромной смутной тишины мира, трогают сердце.

Г о л о с. Ирр-на! Так... Носки врозь, пятки вместе. На ширину приклада. По раз-делениям!! На пле-чо!

Маленький финн возвращается к действительности.

В а й н о н е н. Какой там суке старый режим в голову ударил? *(приподнимается, грозно глядит в пространство, откуда слышался зык.)* Довольно там. Надоело за триста лет!

Г о л о с. Делай ать!

В а й н о н е н. Надоело, я говорю, сат-тана!

Ряб о й матрос отзывается рядом рассудительно и успокаивающе.

Ряб о й. Ты не волнуйся.. Не тронь... Это Алексей с тоски сам с собой занимается.

Г о л о с. Делай два!

В а й н о н е н. Сат-тана! И так от тоски деваться некуда.

Безмятежно выходит Балтийского флота матрос первой статьи Алексей.

А л е к с е й. Вайнонен... Скучаешь? Вот я тебя развеселить и собирался... А ты все злишься?

Маленький финн, слушая, строгаёт стол пуккой—восьмидюймовым финским ножом.

В а й н о н е н. Нехорошо.

А л е к с е й. Что плохо?

В а й н о н е н. Товарищей задевать и мучить...

А л е к с е й. Почему плохо? А что вообще хорошо? Абсолютные понятия нашёл?

В а й н о н е н. Философ стал?

А л е к с е й. Нет, ты мне объясни, что такое хорошо... *(Резко.)* Я раньше, как по уставу, знал: служить хорошо, родителей почитать хорошо, невесту любить хорошо, богу молиться хорошо... Все было ясно. И все было спокойно, и я матрос первой статьи. И быть матросом было хорошо. А теперь? Что теперь хорошо?

Р я б о й. Ты что?

А л е к с е й. Правды ищу.

Р я б о й. Не ты первый.

А л е к с е й. Я тоже страдаю, думаю, с тоски пью, балуюсь, а ночи о жизни разговариваю... Нет, ты мне скажи, что это теперь значит хорошо?

В а й н о н е н. Ну, потом, лет через несколько. Тогда будет хорошо. За это всех людей с места стронули.

А л е к с е й. Всем? Будет? Все будут, как в святом писании... Хотел бы я посмотреть хоть раз на есть — не будет, а есть. Понял? А то все о будущем говорят... Ну, ладно, допускаю, всем будет хорошо. И тем, которых убьют?

В а й н о н е н. Тем будет вечная память.

А л е к с е й. Спасибо, утешил.

В а й н о н е н. Это совсем не смешно, и ты дурак!.. Кто погибнет, так погибнет, черт его дери, первый раз по-человечески... А то как мясо, убойна, потроха, по две копейки шли...

А л е к с е й. Ну, понял. Точка. Значит, будет хорошо?

В а й н о н е н. Так точно. *(Говорит это, несколько успокаиваясь, но еще взволнованно и насмешливо.)*

А л е к с е й. Так-с... Значит, надобности стараться дальше не будет? Так? Доехало человечество. Выле-

зай. Порт назначения — будущее... Можете его пощупать, да?

Рябой. А представь: не мы, так люди пощупают.

Алексей. Э-э-э... Ник-куда человек не доедет, а только ехать будет. Ни мы, никто не доедет. Живешь в этом мире без остановки. Никто еще никогда никуда не доезжал к конечному. И сделал это открытие я, военный моряк Алексей. Запиши. (*Уходит.*)

Рябой. Пospь с ним.

Вайнонен. Найдутся.

Рябой. Откуда такой?

Вайнонен. С Тихого океана. Он в Америке был, плавал, бегал где-то.

Рябой. О жизни думает.

Вайнонен (*пренебрежительно*). Анархист.

Маленький финн сидит неподвижно. Мрачно в сумраке бродят матросы, кто-то поет печальную песню кочегаров: «Товарищ, не в силах я вахты стоять,—сказал кочегар кочегару,—огни в моей топке совсем не горят, в котлах не сдержат больше пару...»

Вбегают Балтийского флота матрос первой статьи Алексей. Его появление заставило людей примолкнуть.

Алексей (*подавленно и гневно*). Военные моряки! Анархисты! Опасность!

Вайнонен. Где? Что?

Высокий матрос. Опасность?

Рябой. Полундра!

От тревожного возгласа гул распространился среди людей.

Движение к Алексею и возгласы: «Где, что, кто?»

Алексей (*спиной ко всем, мрачно*). Назначен нам комиссар.

Высокий матрос. Пора.

Вайнонен. Вот теперь он тебе о жизни объяснит.

В группе остановившихся и прислушивающихся людей кто-то мрачно крикнул: «Значит, нам больше не доверяют?» И люди уже видят виновных, и тела уже пригибаются для удара. И вдруг гул и тяжкое напряжение начинают затихать... Люди меняются, они все тише и тише. Они пьются и расступаются. Багровый, волосатый, широкоплечий человек подходит все ближе и ближе. Он подчиняет. Это — вожак. В тишине — вопрос этого человека, медлительный и низкочувствительный.

Вожак. Почему шум?

С и п л ы й (*помощник вожака*). Отвечать!

А л е к с е й. К нам назначен комиссар.

В о ж а к. Чего ж горло дерешь? От какой партии?

А л е к с е й. Правительственной. Большевиков.

В о ж а к. Привыкнет. Воспитаем.

К напряженно молчащей толпе мужчин откуда-то подходит женщина. Ее появление кажется странным, невозможным, нарушающим давние понятия. Кажется, что от первых же вопросов, заданных грубыми голосами, с этой женщиной произойдет что-то непоправимое. Ее разглядывают, но не устаивают вопросом.

А л е к с е й. Я бы советовал этого комиссара...

В о ж а к. Я бы советовал мне не советовать!

Пауза.

Кричишь лишнее.

Женщина, поняв, кто в этой толпе является первым, подходит к нему и подает ему бумагу. Вожак читает, пристально глядит на женщину и снова читает.

Так вы к нам комиссаром?

Женщина кивком дает понять, что этот вопрос ясен и обсуждать его не стоит. Кто-то, оправившись от столбняка, изумленно открывает рот.

Г о л о с. Н-ну...

Вожак медленно закрывает ему рот рукой.

В о ж а к. Вы социал-демократ, большевик?

Ж е н щ и н а. Да.

В о ж а к. Давно?

Ж е н щ и н а. С шестнадцатого года.

В о ж а к. Ну, будем жить. Устраивайтесь, действуйте... (*Приближающимся матросам.*) А ну, не мешать!

Л ю д и медленно уходят, поворачивая головы и оглядывая женщину.

Может, кого... помочь... вещи?..

Р я б о й. Носильщики отменены.

Ж е н щ и н а. Я сама.

Она остается одна. Тишина. Удивление. У входа новый человек. Он слишком типичен, чтобы не узнать в нем царского морского офицера. Он несколько удивлен, не понимает, что произошло. Он видит женщину и предлагает ей свои услуги.

Офицер. Вы позволите, я помогу? (*Вносит небольшой багаж, желая узнать, каким образом, откуда и как попала сюда эта женщина. Понизив голос.*) Вы к кому-нибудь из офицеров этого бывшего корабля?

Женщина. Я...

Офицер (*кланяясь*). Лейтенант Беринг. (*Немного интимно и удивленно.*) Назначен сюда командиром. (*Снимает фуражку, чтоб поцеловать руку, которую скорее берет сам, чем получает.*)

Женщина. Я комиссар, назначенный к вам. Старые привычки забудьте.

Она говорит подчиняюще просто. Ни неожиданность, ни неловкость не смущают офицера. Он спокойно выпрямляется, надевает фуражку и, отдавая гораздо больше по привычке, чем по желанию, честь, говорит голосом, бесконечно далеким от теплого, светского, которым он начал разговор.

Офицер. Для исполнения предписанных мне служебных обязанностей прибыл. Военный моряк Беринг.

Оба они поворачиваются, потому что где-то в глубине возникает шум и угрожающий гул. Пятясь с пуккой в руке, отступает перед кем-то маленький финн. Он сдавленно говорит теснящим его, но пока не видимым людям.

Вайнонен. Не сметь... Не сметь... (*Указывая на женщину.*) Тебе и эту надо? Сатана...

На него надвигаются двое — Балтийского флота матрос первой статьи Алексей и его сообщник, тяжелый парень. Почти беззвучно, глазами и губами, они хотят укротить финна. Он, сжавшись и прикрывая женщину, стоит с ножом. На него наступают.

Так не оставим!

И финн кинулся за подмогой. Женщина насторожилась.

Офицер. Какие-нибудь ваши политические дела? Я могу быть свободным?

Алексей не обращает внимания на офицера. Это слишком незначительная величина для него. Он подходит к женщине.

Алексей. Давайте, товарищ, женимся. Отчего вы удивляетесь? Любовь — дело в высшей степени почтенное. Продолжим наш род и побезумствуем малую толику.

О ф и ц е р. Что здесь происходит? (*Матросу.*) Послушайте, вы!..

Ко м и с с а р. Идите, товарищ командир. Мы здесь поговорим сами. Товарищ интересуется вопросом о браке.

Подчиняясь и переставая понимать, бывший офицер уходит.

А л е к с е й. Я повторяю — попрелюбодействуем, товарищ представитель из центра. Скорей, а то уж торопит следующий, а тут ведь нас много.

Комиссар вникает главным образом не в смысл слов, а в смысл обстановки. Все движения людей находят в ней едва уловимые контрдвижения.

Ну?

С разных сторон из полутьмы надвигаются анархисты.

В т о р о й (*комиссару*). «Под душистою веткой сирени целовать тебя буду сильнее!..»

Глухой хохоток из толпы.

Позаботься о нуждающихся... Н-ну! Женщина!

Т р е т и й. Вы скоро там? (*Входит с простыней в руке.*) Чего ты смотришь? Ложись.

Ко м и с с а р. Товарищи...

А л е к с е й. Не пейте сырой воды.

Ко м и с с а р. Товарищи...

В т о р о й м а т р о с (*угрожающе*). Ты к кому ехала, ну?

Из люка снизу неожиданно и медленно поднимается огромный полуголый татуированный человек.
Стало тихо.

Ко м и с с а р. Это не шутка? Проверяете?

П о л у г о л ы й м а т р о с. Н-но... У нас не шутят. (*И он из люка кинулся на женщину.*)

Ко м и с с а р. У нас тоже.

И пуля комиссарского револьвера пробивает живот того, кто лез шутить с целой партией. Матросы шарахнулись и остановились.

Ну, кто еще хочет попробовать комиссарского тела? Ты? (*Другому.*) Ты? (*Третьему.*) Ты? (*Стремительно взвешивает, как быть, и, не давая развиваться контрудару, с оружием наступает на парней.*) Нет таких?

Почему же?.. *(Сдерживая себя и после молчания, которое нужно, чтобы еще немного успокоить сердце, говорит.)* Вот что. Когда мне понадобится,—я нормальная, здоровая женщина,—я устроюсь. Но для этого вовсе не нужно целого жеребьячьего табуна.

Рябой *(полузаискивающе гоготнул)*. Это действительно...

Влетает Вайнонен. С ним высокий матрос, старый матрос и еще двое.

Вайнонен. Держись, комиссар... Поможем.

Комиссар. Ну, тут уже все в порядке.

Люди обернулись, затихли. Идет вожак. Он появляется не спеша. Тишина. Последовательный обмен взглядами. Взгляд на труп. Вожак молча дает пинок трупу. Труп падает вниз и глухо ударяется о ступени трапа. Вожак глядит на комиссара.

Вожак. Вы его извините... Хамло, что спросишь?

Алексей. Пошли.

Комиссар. Членам коммунистической партии и сочувствующим остаться.

Сиплый *(мгновенно парируя)*. Нельзя. У нас общее собрание. *(Не трата слов, надвигается на тех, кто остановился после обращения комиссара. Наступает на высокого матроса, у которого на лице выражение высокомерия и насмешки.)* Э, сочувствующий нашелся?

Высокий матрос. И не один.

Сиплый и его подручный оттесняют всех. Упрямо остается только маленький финн. Он остается один на огромном опустелом пространстве.

Комиссар. Ты один?

Вайнонен. И ты одна, комиссар?

Комиссар. А партия?

Старшины полка выходят.

Первый старшина. Спрашиваю у каждого из вас: помните ли, сколько было коммунистов в те годы в рядах Красной Армии и флота?.. Ну, ну, помните, участники!..

Пауза.

Двести восемьдесят тысяч. Половина партии. Каждый второй коммунист был под огнем на фронте.

Каждый оставшийся был под огнем в городах, в степях и в лесах, ибо тыла не существует в классовой войне. И в списке раненых коммунистов — Владимир Ленин, а среди убитых — Володарский, Урицкий, двадцать шесть комиссаров, целые губкомы и начисто вырезанные организации. Но разве дрогнула партия?

Второй старшина. Разве мыслимо остановить такую партию, препятствовать ей, партии, вооруженной, смелой, гибкой, поднявшей весь класс! Партии, создавшей страну — гигантский стан всех лучших элементов человечества! Партии, создавшей единство пролетарской воли в борьбе кровавой и бескровной, насильственной и мирной — против всех сил старого мира.

Пауза.

Тот, кто попробует стать против такой партии, против нашей страны, тот будет сломлен и растерт.

Пространство пусто. Идет вожак, за ним Сиплый и Балтийского флота матрос первой статьи Алексей. Тяжелое молчание. Настороженность.

Алексей. А вокруг нее симпатизирующие заводятся...

Сиплый. Ликвидируем... Тс-с-с... Финн идет. *(Проходящему финну.)* Пойди сюда, ты, член партии.

Вайнонен. Пойду. Люблю слушать твой ангельский голосок. «Спой, светик, не стыдись».

Сиплый *(сдерживаясь)*. Чего она там наговорила?

Вайнонен *(вызывающе-тонко)*. Говорила. *(И, улыбнувшись, пошел неторопливо. Шаги затихли.)*

Алексей. Немыслимая женщина!

Сиплый. Порвать ее на собачью закуску.

Вожак. Помолчи ты.

Пауза.

Кто ее теперь тронет? *(Жест, обещающий конец.)* «Порвать!» Другого пришлют. Не понимаете? *(Задумался.)* А эта понравилась всем. Женщина для нас ценная.

Алексей. Давно стал так думать?

Вожак *(не удастая ответом)*. Она хорошей выделки. Вот по глазам чувствую — она поймет. В ней жилка для анархизма есть... Решительная.

А л е к с е й. Я попробую.

С и п л ы й. Ха-ха... Пойди, пойди — предложи ей брошюрку Кропоткина.

К о м и с с а р (*войдя, посмотрев*). Почему, товарищи, вы не известили меня об этом собрании? Хотя, раз собрались... попросите тогда сюда заодно и нового командира. Кто сходит за ним?

Молчание.

(*Заметив кого-то в люке.*) Внизу! Есть там кто-нибудь?

Из люка поднимается плотный седой человек.

Пойдите сюда. Вы кто, товарищ?

Б о ц м а н (*глухо*). Боцман.

Сиплый издал смешок.

К о м и с с а р. Боцман? Не таким голосом и не так говорят боцманы. Еще раз. Кто вы?

Б о ц м а н (*что-то почуяв, по-флотски*). Бывший боцман линейного корабля «Император Павел Первый», товарищ комиссар.

Алексей удивленно гмыкнул.

К о м и с с а р. Ага, вот теперь я вижу, что вы боцман. Попросите сюда нового командира.

Б о ц м а н. Есть. (*Спохватился, подчиненно взглянул на вожака.*)

К о м и с с а р. Ну?

Вожак кивнул: «Можешь».

Б о ц м а н. Есть попросить сюда нового командира. (*И двинулся за ним.*)

С и п л ы й (*комиссару*). Вы к нам подходите...

К о м и с с а р. Да.

С и п л ы й. Женский пол, он на смягчение нравов действует.

К о м и с с а р. Я это уже заметила.

Входит командир и неопределенно отдает честь.

Знакомьтесь, товарищи.

Обмен враждебными взглядами, мычащие звуки и неопределенное движение рук.

Ага, познакомились? Ну, так перейдем к делу. (*Командиру.*) Сообщите приказ.

Командир (*вынув из грудного кармана краткий приказ*). «Приказ. Сего числа наименование команды «Свободный анархо-революционный отряд» упраздняется. Команда переформируется в полк трехбатальонного состава. Полку придается наименование «Первый морской полк». (*Сложил приказ.*) Командовать полком буду я.

Алексей (*рванувшись*). А вы что-нибудь о судьбе государя императора Николая Второго на Урале слышали?

Комиссар. Я подробно сообщу вам, товарищ, о судьбе названного вами лица в свободную минуту. (*Командиру.*) Этот товарищ вообще любознателен. Прошлый раз, если вы помните, он интересовался вопросами брака. (*Алексею.*) Вы удовлетворены были разъяснением?

Молчание.

Ну вот, пока как будто для начала и все... В отряде — будем называть его уже полком — избыток сил и энергии. (*Алексею.*) Не правда ли? Терять время на половые проблемы — преступно. Родина, революция в опасности.

Пауза.

Завтра мы выступаем на фронт — это в дополнение к приказу. (*Вожаку.*) На фронте есть где применить ваш опыт. Как вы думаете? (*Командиру.*) Сделайте необходимые распоряжения. Прошу быть свободными.

Командир. Есть.

Комиссар. Боцман, можете идти.

Боцман (*поглядев на вожака*). Есть.

Пауза. Когда лишние вышли, вожак встал и неспешно двинулся к комиссару.

Вожак. Может, поговорим?

Комиссар. Поговорим.

Четверо заняли места за столом. Тягостное молчание.

Алексей. Поговорили. Неудачный выбор ваш ЦК сделал. Не для флота вы. В армии бы вы подошли, подошли.

Комиссар. Работала я и в армии.

Вожак, Сиплый и Алексей переглянулись.

Сиплый. Ага, вот как...

Алексей. Молоды вы. С няней в садик ходили, а вот он (*фамильярно-почтительный жест в сторону вожака*) по аграрным делам на каторге сидел...

Четверо в паузе оценивают этот факт.

Трудно — не пойми только плохо, не пойми только плохо,— психологически трудно этакий контраст (*жест*) — ты и мы — переварить. (*Вытянулся во весь свой крупный рост.*) Сравни действительно: ты и мы. Бродяги у нас — в хорошем, морском смысле — вокруг света бродили, из крепости бегали, прошли войны, плен...

С и п л ы й (*тронув руку комиссара*). По два раза сифилисом болели...

Комиссар. Ну, что ж, работать приходится с теми людьми, которые есть, а не с теми, которых воображаешь. Но, в общем, тут, у нас, в полку, народ хороший, боевой... такой народ...

Алексей (*перебивает*) ...такой народ, который раз навсегда разучился перед кем бы то ни было тянуться и козырять... (*Пародируя.*) «Да, товарищ комиссар». «Всем довольны, товарищ комиссар». «Винюват, товарищ комиссар». «Ура, товарищ комиссар»... Может, ты этого ожидаешь?

С и п л ы й (*снова трогая руку комиссара, интимно*). У нас вся жизнь искалеченная. Казарма и тюрьма нас поломали... Нас зататуировали и проспиртовали на кораблях, а вы нам сознательную кашку хотите дать... Чего вы ищете у нас, дамочка, когда нам только хочется по-своему дожить век? И пулю получить для спокойствия. (*Помолчал.*) Вот тут (*трогает себя за ключицы*), только тут еще остается желание, чтобы люди были чище — и телом и духом. А вы тут нас учить, судить будете, когда нам подыхать пора.

Комиссар. И я не прочь у вас поучиться... было бы чему.

В о ж а к. Вот это хорошо. Хотя вот объясни: отдаем мы свои головы? Отдаем. Но выходит странно: партия твоя, вот партия у власти стала и ставит людям, которые за нее головы отдают, какие-то условия. Это что же, как же?

Комиссар. Очень просто. Знаем, куда и как идти, и ставим, и принимают. Не принимали бы, мы не могли бы ставить.

Алексей. Вы, может, нас и умирать учить будете?

Комиссар. Придется — увидим.

Вожак. Да, да... *(Меняя тон.)* А вы на мой отряд не сердитесь, что так встретили. Не разобрали.

Комиссар. Ну, кто старое помянет... Было и быльем поросло.

Алексей *(вскочив)*. Гляжу на вас, на себя, на тебя... Честные боевики, черта с два! *(Вожаку, потом комиссару.)* И ты лжешь, и ты лжешь... *(Комиссару.)* Слушай. *(Указав на вожака.)* Вот этот нас послал, когда ты приехала: пугните ее, чтобы не встала.

Вожак *(засмеялся, подавив судорогу)*. Шутит он.

Комиссар. Ну, конечно, вы шутник... Сразу видно.

Алексей. «Шутник»? Нож мне взять хочется. Мозг себе вынуть и выполоскать... Чего ищу среди мрази?

Пауза.

(Комиссару.) И ты тоже, тихоня, переговорчики делаешь, смиренная, умная сидишь: «У вас учиться буду... Понимаю...» Тактику разводишь — тоже врешь! Видели мы, как моряков шлепаешь: раз — и готово.

Комиссар *(вожаку.)* Беспокойный товарищ! *(Алексю.)* Вы партийный анархист?

Алексей. Я — партия собственного критического рассудка. Моя партия — никакой партии... *(Рванулся.)* Вы куда пришли, а? Под Зимним нас спрашивали, какой партии?

Сиплый *(отстраняя Алексея)*. Очень много, дамочка, значит — знать друг друга. Вы вот представляли себе моряков — какие-нибудь посадские, босяки, в широких штанах — носят теперь молокососы. А здесь старые года: японскую кампанию, Цусиму помним...

Комиссар. Тем лучше. *(Встав.)* Думаю, поладим.

Вожак. Надо поладить. Поладим, а? *(Протянул руку уверенно, властно.)*

Комиссар. Поладим. При условии: шутки в сторону.

Рукопожатие, испытующее, сложное. Алексей наблюдает. Комиссар пошел, и вслед ему смотрят трое. Шаги затихли.

С и п л ы й. Да, штучка!

В о ж а к (Алексею). За длинный язык, знаешь, что бывает?

А л е к с е й. А за продажу, знаешь, что бывает? Ручку жмешь? Поладить хочешь?

В о ж а к (значительно). Тоже тактика. Чего ты сегодня, Алексей? Верь мне, друг. Вот тебе, как брату: за идею — до конца вместе! (Обнял и поцеловал товарища в губы крепко и сурово.)

Тот посмотрел, не зная, верить или нет, кивнул и пошел.

Сиплый тихо прошел несколько шагов, прислушался.

Не доверяй ни ему, ни ей. (Утер брезгливо губы и сплюнул.) Целовал гада.

С и п л ы й. Кому доверять?

Вожак пожал плечами.

Только тебе?

В о ж а к. Тоже не верь. Все лживые скоты. Все отравлены. Под корень всех рубить надо — в каждой старой жизнь сидит.

Молчание. Мрачный уход. Выходят старшины полка.

Первый старшина. При-по-минайте, при-по-минайте лучше минувшие дни, чтобы ничего не забыть, все помнить и всему научиться, пока осталось время до новой войны. О врагах, о контрреволюции припоминайте! Она была в каждой щели — нас предавали денно и ночно. Мы были окружены и взяты за горло. Анархия точила наши ряды. Белая гвардия стояла в десяти верстах от Питера. Белая гвардия наготове сидела в подполье в Москве и ждала только сигнала. И мы им дали «сигнал»...

Второй старшина. Мы закрыли учреждения. Мы остановили пассажирский транспорт. Мы взяли наганы, поголовно подняли рабочий класс и пробили череп контрреволюции. Мы повторяли эти удары всегда вовремя и устрашающе... История свидетель этому! И если вновь придет день, когда попытается враг напасть на нас, мы снова повторим удар, с которым ничто не сравнится...

Командир, за которым идет боцман.

Командир. Ну, что ж, боцман, попробуем служить новым хозяевам. Жизнь меняет нам хозяев.

Боцман (*осторожно*). Так точно. Кто ее разберет.

Командир. Но знаешь, боцман? Со всем примирился бы, если бы они умели служить. Разве у них есть служба? Ну, вот тебе, боцман, разве они тебе повинуются? Старость твою уважают?

Боцман (*вздыхнув*). Где уж!

Командир. А ведь были же люди, была служба...

Боцман. Действительно, была раньше служба, была! Живопись, а не служба.

Командир. Неужели не наладим?

Боцман (*неожиданно для командира*). Этих хоть научить, тогда и помирать можно.

Командир (*меняясь*). Да-а... Боцман... Собрать людей!

Боцман. Есть, собрать людей! Горнист!

Горнист дает повелительно вибрирующие звуки. Они вызывают представление о службе, быстроте, исполнительности.

А ну, пошел все наверх!

Выбежал строевым шагом высокий матрос. Чуть медленнее за ним старый матрос, еще один, другой. За ними появляется Рябой. Он нетороплив, безмятежен и ленив. Ему подражают несколько человек.

Старый матрос. Ну, вы, свободомыслящие...

Рябой. Какое беспокойство?

Боцман. Сигнал не слышал? Службу забыл?

Рябой. Ну, вот, забыл.

Горнист дает повторный сигнал. Кто-то, повинувшись, встает в строй. Другие демонстративно перед офицером бредут, засунув руки в карманы, зевают ему в лицо, потягиваются.

Все затихают, как всегда, когда появляется вожак.

Вожак. Почему шум?

Командир (*властно*). Где ваше место?

Испуганная тишина.

Вожак (*сдержанно*). Боцман!

Боцман. Есть!

Вожак. Объясни этому... Пусть отряд отдыхает.

Боцман виновато повторяет: «Приказано передать — пусть отряд отдыхает».

Отдых — тоже служба. Завтра поход? Поход. Ну так пусть запасутся силами. Не тревожить ничем.

И боцман снова повторяет: «Приказано передать, чтоб не тревожить ничем».

Пусть играет музыка полегче чего-нибудь. Капель-
мейстер!

Капельмейстер (*подлетев*). Есть!

Вожак. Полегче чего-нибудь!

Капельмейстер кинулся исполнять.

Рябой (*роскошно развалившись*). Отдохни, боц-
ман. Приказано не тревожить ничем.

Горько стоит боцман. Ведя за собой нескольких, появляет-
ся Сиплый. Он в гневе и ярости. Люди чувствуют, что
что-то случилось. Начавшая было играть музыка, затиха-
ет. Ее обрывает Сиплый.

Сиплый. Помолчать пока! Обнаружено — хуже
чего нет среди революционных моряков. (*В люк.*) Те-
тю эту, комиссара в юбке, сюда не пускать.

Один послушно встал на страже.

Обидели старую женщину. Кошелек похитили. Пусть
она войдет.

Черная, согнутая временем женщина входит. Ее поддер-
живает один матрос.

Вожак. Говори, мать.

Сиплый. Смотри, мать, который обидел матрос?

Люди смотрят друг на друга.

Покажи, мать, кто?

Вожак. Стать, ну! Суд будет.

Поддерживаемая под руку, старая женщина идет по неров-
ным тревожным рядам. Женщина смотрит то долго, при-
стально, то качает головой и движется дальше. Высокий
матрос с насмешливым, высокомерным выражением лица
следит за всем

Сиплый (*вдруг*). Не этот, мать?

Пауза.

Этот?

Женщина молчит.

(*Высокому матросу.*) Взял?

Пауза.

Показывай себя.

Высокий матрос. Отставить!

Сиплый. Закон знаешь?

Высокий матрос. Чей закон?
Сиплый. Так. (Взглянув на вожака.)
Вожак. Давай.
Сиплый (подручным). Давай.

Подручные молниеносно тащат брезент и веревки. Ряд шелохнулся, сдвинулся.

Последний раз, показывай себя.

Высокий матрос. Повторять не буду. Власти анархистов не признаю.

Сиплый. Высказывайтесь.

Командир. Есть же трибунал.

Сиплый. Ваше дело — техническое.

Старый матрос. Товарищи!

Сиплый. Твое дело при комиссаре. Политическое. Газетку носить.

Командир. Это самосуд! Я протестую.

Вожак. Помолчать! Решим просто и быстро. Высказывайтесь.

Часть рук поднимается вверх. Их явно недостаточно. Сиплый с маузером проходит по рядам и подбодряет людей короткими движениями. Некоторые тогда также голосуют.

Сиплый. Лезь.

Высокий матрос. Я...

Сиплый. Не произноси. Приговор окончательный. Обжалованью не подлежит.

Подручный. За борт!

Несколько человек кинулись на высокого. Он сбил одного, двух...

Свалка. Высокого поволокли.

Высокий матрос. Товарищи!.. Да что же они делают...

Погребальный всплеск тела.

Голос. Готов.

Сиплый. Справедливость, мать.

Старый матрос. Вы за это ответите.

Сиплый. Это дело другое. Оркестр, продолжай. (Женищине.) Мать, иди. Обида снята.

Рябой. Помочь ей, чем можно.

Деньги падают в сухую ладонь. Женщина растерянно и благодарно кланяется, не уясняя того, что произошло: так необычайна вся обстановка. Женщина машинально нащупывает карман, чтобы вынуть похищенный кошелек, и вынимает его. Музыка спадает. Тишина. Женщина удивленно и растерянно, затем испуганно смотрит на кошелек.

С и п л ы й. Кошелек.

Р я б о й. Кошелек?

Тишина.

В о ж а к. Покажи.

С и п л ы й. Анархия — мать порядка... Еще брезент.

Р я б о й (*загораживая дорогу*). Помиловать!

Г о л о с. Она нечаянно.

С т а р ы й м а т р о с. Она же ошиблась.

С т а р у х а. Детки... сыночки... Господи! Ошиблась я.

С и п л ы й. Справедливость!

Со злобной быстротой женщина втиснута в брезент и поднята.

В о ж а к (*уходя*). Не ушиби.

Входит комиссар. С ней командири и боцман.

К о м и с с а р. Начали работать?

С и п л ы й. Как же... как же... (*В сторону, куда уволокли брезент с телом.*) Мясо грузим... Вы прибыли, и у людей рвение по службе.

С т а р ы й м а т р о с (*кинулся вперед*). Товарищ комиссар, я должен сказать...

Старого матроса оттиснули.

Р я б о й. Ох, да что же это, братцы?

Звуки гармоники. Свободно, с плясом и свистом со своей компанией вваливается Алексей.

А л е к с е й (*подходя*). Команда требует...

К о м и с с а р. Просит.

А л е к с е й. Ну, скажем — желает.

К о м и с с а р. Да?

А л е к с е й. Прощальный бал.

Один из его спутников. По поводу ухода на фронт.

К о м а н д и р (*комиссару*). Теперь создаются новые традиции.

А л е к с е й. Держимся традиции — всегда бить царских офицеров. (*И дал лихой перелив на гармони.*)

Б о ц м а н. Товарищ комиссар, этот... затрудняюсь сказать, другой комиссар от анархистов приказал... просил команду не тревожить.

А л е к с е й. Что-о, он противоречить нам собрался? Сделать по просьбе команды.

Пауза. Комиссар над чем то задумался. Что-то решил. Комиссар вообще больше наблюдает и думает, чем говорит, потому что он должен сделать очень многое.

Два раза просить, ну!

С и п л ы й (*подходя*). Приказано, чтобы шуму не было.

Стало тихо.

К о м и с с а р. Прощальный вечер.

Б о ц м а н. Есть, прощальный вечер! (*Давая дудку*.) А ну, ходи все на прощальный вечер.

Мелодический свист дудок Повторы команды. Лихие перебивы Алексея и присвист и дробь каблуков у парней. Подчиняясь какому-то сложному чувству, люди затихают, как всегда при приближении вожака.

В о ж а к (*зажав лапой дудку свистящего боцмана*.) Почему шум?

Всюду затихают повторы дудок. Затихает гармонь Алексея.

К о м и с с а р (*властно командиру*). Товарищ командир, почему не исполнено приказание?

К о м а н д и р. Боцман! Открыть доступ прощающимся родственникам.

Б о ц м а н (*помедлив, потом решившись, отстраняя руку вожака*). Есть открыть доступ прощающимся родственникам.

И опять ритмы веселых и лихих парней. И комиссар, под одобрительными взглядами одних и испуганными — других, бесцеремонно трогает, расчетливо и обдуманно, как почти все, что она делает, неприкосновенного доселе вожака.

К о м и с с а р. Слышите! Веселей, я говорю.

Вожак молчит.

А л е к с е й (*играя в упор перед вожакom*). Он любит смеяться последним.

К о м и с с а р. Значит, у нас совпадают вкусы.

Готовится прощальный бал.

П е р в ы й с т а р ш и н а. Бал. Прощальный флотский бал! Сколько их было в те годы! Уходит отряд — триста, и все, как один, как сосны мачтовые у моря. И буйным шагом шла матросская вольница,

пересекая континент. Синие воротники, ветром колеблемые, и белое, и черное с золотом. И сердце с нетерпеливой красной кровью! Прощай, родимый край! Немногие вернулись назад.

Второй старшина. Немногие вернулись назад... Другие, живые, пойдут! И снова уходит отряд с кораблей. Под синим небом идут, и тише становится враг, и пятятся интервенты... Встретился в ходе к Уралу полк офицерский — «Непобедимый». Одну ночь просит матросская цепь — идет, и нет больше полка.

Первый старшина. Украину пересекают цепи, Таврию. Морем и полыню пахнет, и южный ветер флотские ленточки вьет, распластаны они по ветру... И матросы за Украину жизнь свою отдают! (*Сорвал фуражку.*) Слушайте, если даже один матрос в живых останется, не считайте наш флот конечным, а моря наши отданными.

Первые движения бала. Двинулись первые пары в лирической волне вальса, печальной и воинственной. Голубая ночная дымка над морем. В ритмах чуть сдавленная грусть, которая может длиться упоительно долго, пока рука чувствует руку, и тело чувствует тело, и глаза не отрываются от глаз. Пересекая ритмы, проходят люди с вооружением. Все соединяется в этом бале: забытие, тревога, любовь, чей-то ревнивый скрежет, легкомыслие, двоевластие... Сигнал вибрирует, зовет в ряды. Пары медленно разъединяются, приходит время прощания. Лица нескольких женщин белы от отлива крови. Кто-то цепляется за уходящих. Кто-то крестит сына и мужа. Кто-то падает в ноги. Чей-то вопль сжимает сердце. Минуты военных прощаний. Вальс агонизирует. Комиссар сдерживает отчаяние одной обезумевшей. Матросы двинулись. Женщины, в глубоком молчании, застыв, смотрят на уходящий полк. Блеснула медь. Полк гремит буйно вырвавшимся грохотом песни. В вечерней тьме сверкают глаза и зубы в раскрытых ртах, буквы корабельных имен на ленточках. Линия набережной, где остались женщины, медленно уходит прочь, расстояние ежесекундно увеличивается. Люди еще оборачиваются, чтобы посмотреть на родимый город, на своих, и салютуют им бурным оружейным залпом.

Тревожная, настороженная тишина. Слабо различимый горизонт. Тучи. Равномерное движение цепи. Музыка передает первые звуки боя. В цепи матросской зияют бреши. Видно, как падают подкошенные люди. Не выдержав, матросы метнулись назад. Навстречу—резерв Простой командой комиссар останавливает людей, бегущего Алексея: «Не в ту сторону наступаете, военные моряки! Ну! Ложись!» Полк залег. Цепь противника идет, как серая лава. Командир встал и дал «ура». Начатое в ярости, оно медленно вздымается и валом катится вперед, нарастая. Полк с нарастающей стремительностью рванулся на противника, и боевой рев постепенно затихает в пространстве. Перед нами прошла ночная атака. Музыка передает удаляющийся бой и наступление утра у моря. Звуки развертываются гармонически чисто, входя в кровь. Стоянка полка. Комиссар у себя. Она пишет.

Комиссар (*перечитывая*). «Дорогая, ну вот я и на месте. Здесь здоровый климат, и моим легким наконец вздохнется. Не знаю, как справлюсь с этими людьми,— народ трудноватый. Откровенно говоря, не сплю ни одной ночи... Думаю, что меня поймут и пришлют хотя бы одного товарища в помощь...»

Стук. Комиссар: «Войдите». Вошел боцман. Кашлянул, снял фуражку.

Боцман. Дозвольте доложить, товарищ комиссар.

Комиссар. Давате, боцман.

Боцман (*по очереди вынимая бумаги*). Так что к подписи — требовательные ведомости на боевое и прочее снабжение, кое необходимо для вновь образованного полка согласно штатам и положению. Ниже следует (*показал*) — никак нет, вот это — продовольственная требовательная ведомость.

Комиссар. Давайте. (*Просматривая*.) Что они себе тут повыписывали! Сливочное масло! Его детям не хватает. А здесь полезнее теперь ружейное масло выписывать, боцман.

Боцман. Так точно. Двадцать пять лет выписывал — до перевороту.

Комиссар (*указывая на ведомости*). Заново переделаете. Штаты дайте. (*Посмотрела*.) Правильно... Так... (*Подписала*.) Возьмите.

Боцман. Могу идти, товарищ комиссар?

Комиссар. Можете, боцман.

Боцман (*повернулся, пошел, возвратился, оставив официальность*). Неужели порядок в России начинается?

Комиссар. Будьте спокойны, начался.

Боцман. И флот и армия мало-мальские хоть будут? Чтобы дух был и чтоб вид у людей был? Держава ж! Морду набить, кому хочешь, должна.

Комиссар. Набьет, боцман. Кому хочешь и как еще набьет.

Боцман. Рад стараться! (*Козырнул и вышел.*)

Комиссар (*возвращается к письму*). «...Ну, как будто и все. Да: привет родному Питеру... Читала, что у вас тиф, береги себя...»

Без стука, улыбаясь, входит Вайнонен.

Вайнонен. С добрым утром, товарищ комиссар.

Комиссар. А, доброе утро, Вайнонен.

Вайнонен. Ты что, все пишешь? Смотри, голова лопнет. Донесение?

Комиссар. Да, вроде... Пишу, что полк представляет хороший, скажем, удовлетворительный боевой материал, но в своем развитии от других частей отстал, так как находится под большим влиянием трех субъектов.

Вайнонен. Анархистов, чертовой сволочи, сатана!

Комиссар. Вот-вот. Давай-ка поговорим. Чем ты это объяснишь — влияние этих «сат-тан»? А ты что тут делал?

Вайнонен. Я... да я... да, что я...

Комиссар. Не очень ясный ответ.

Вайнонен. Да-а... Я не очень говорю по-русски. Что тут можно сделать. (*Философски.*) Я вот сам не знаю: отчего это, знаешь, один человек имеет власть над другим, а другой нет? Как это выходит?

Комиссар. С тобой о деле говорят... (*Встала.*) Люди в полку есть Видал, как дрались... Обдуманно будем действовать — полк наш.

Вайнонен. Ну, давай, давай — как?

Комиссар. Как? А вот как. Прежде всего собрать партийцев. Затем, между прочим, — столкнуть лбами вожака и этого, как его?..

Вайнонен. Алексея.

Комиссар. И, наконец,—прощупать офицера.

Вайнонен. Столкнуть жожака и Алексея?.. Хорошо ли это?

Комиссар. Это необходимо и, значит, хорошо.

Вайнонен (*встав*). Ну, тогда так можно все оправдать... Ты не очень кидайся таким. Человек все-таки на каторге был. И зачем раскол в отряде?

Комиссар. В полку, Вайнонен, а не в отряде, и не раскол, а отбор. И заруби себе: в партийном порядке сделаю я, и ты сделаешь все, вплоть до уничтожения негодной части полка, чтобы сохранить здоровую. Понятно?

Вайнонен (*задумался*). А этот, их жожек... Ты его мало знаешь... Это сила, такая хитрая сила...

Комиссар. Не спорю.

Вайнонен. А этот офицер? Стенка об нем страдает. Так прямо и плачет. Я у него обыск сделаю.

Комиссар. Подождешь, я сама займусь им.

Вайнонен. Исповедь ему сделай.

Комиссар. Иди, иди. Он у меня сейчас будет.

Вайнонен. Знаешь, а если он контрреволюционер, то можно «налево», раз мешает. Сразу человек смиренный будет.

Комиссар. Иди, сказала. Я разберусь.

Маленький финн уходит. Он встречается с командиром и, полный подозрений, смотрит ему вслед.

Пожалуйста. Вы точны.

Командир. Старое флотское качество.

Комиссар (*шутя*). Вы удивительны — моряки. Все добродетели — это, конечно, флотские качества?

Командир (*в тон*). Если не все, то большинство.

Комиссар. Вы давно во флоте?

Командир (*несколько вызывающе*). На флоте — у нас говорят «на флоте» — двадцать лет. С десяти лет. Если угодно считать иначе — двести лет.

Комиссар. Двести?

Командир. Да. Мы, наша семья, служили еще Петру.

Комиссар. Да?

Командир. Да. Императору Петру... Есть ряд таких старых флотских семей.

Пауза.

Комиссар. Вчера вы показали себя отлично.

Командир. Профессионально, не больше.
(Улыбнувшись.) И потом, присутствие дамы...

Пауза.

Комиссар. Вы можете мне ответить прямо, как вы относитесь к нам, к Советской власти?

Командир (сухо и невесело). Пока спокойно.

Пауза.

А зачем, собственно, вы меня спрашиваете? Вы же славитесь умением познавать тайны целых классов. Впрочем, это так просто. Достаточно перелистать нашу русскую литературу, и вы увидите...

Комиссар. Тех, кто «бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвет пистолет, так что золото сыплется с кружев, с розоватых брабантских манжет». Так?

Командир (задетый). Очень любопытно, что вы наизусть знаете Гумилева. Но о русских офицерах писал не только Гумилев — писали Лермонтов, Толстой...

Комиссар. Ну, знаете, Лермонтов и Толстой были с вами не в очень дружеских отношениях, и мы их в значительной мере сохраним для себя. А вот, кстати, вы сохранили бы искусство пролетариата?

Командир. Вряд ли. Впрочем, если указанный пролетариат сумеет создать второй Ренессанс, вторую Италию и второго Толстого...

Комиссар. А знаете, ничего второго не надо... Будут первые, свои. Для этого даже не потребуется двухсот лет, как потребовалось вам.

Командир. Вы рассчитываете на ускоренное производство, серийно?

Комиссар. Я рассчитываю на элементарную серьезность и корректность.

Командир. Вы же сами взяли на себя очень тяжелую обязанность — просвещать взрослых. Мне жаль вас. Мне тоже приходилось просвещать — новобранцев. Я объяснял. (Ироническая игра рук.) Вот тут вера, тут государь — он был, между нами, мягко-

ват,— вот тут отечество — Россия. И немножко о будущем. Обязательно о светлом-светлом будущем. И вам, бедной, приходится делать то же самое: вот тут программа, а тут светлое-светлое будущее... (Зашагал.)

Комиссар (улыбнувшись). Если ничего не изменилось, почему же вы нервничаете?

Командир (горько, недобро). Счастье и благо всего человечества?! Включая меня и членов моей семьи, расстрелянной вами где-то с милой небрежностью... Стоит ли внимания человек, когда речь идет о человечестве.

Где-то вдалеке играет гармонь,— вероятно, это Алексей.

Могу себя считать свободным?

Комиссар (взяв телефонную трубку). Пришлите Вайнонена.

Командир (выпрямился). Я задержан?

Комиссар (чуть помедлив). Я очень рада, что вы говорили прямо и честно. (Подошла, пожала руку.)

Командир (растерянно). Благодарю вас.

Командир, поглядев на комиссара, вышел. Маленький финн входит.

Вайнонен. Ненадежный тип, а?

Комиссар. Этого человека не трогать. Понятно?

Вайнонен. Уже проверила? Смотри...

Комиссар. Знаешь, Вайнонен, что я о нем думаю? Он растерян, бравивирует, барахтается, но служить он нам будет. Не продаст себя этим господам иностранцам...

Вайнонен. Я что-то плохо понимаю... Ты, может, ошибаешься?

Комиссар. Во всяком случае можно опираться на него против тройки анархистов. И отчасти пока на тройку против него, если он затеет что-нибудь такое... Ясно?

Вайнонен. Не очень. Я плохо говорю по-русски.

Комиссар (повысив тон). А ты оставь это «плохо понимаю, плохо говорю», а то... (Взгляд.)

Вайнонен (вспылив). Ты что подряд сегодня экзамен делаешь и учишь? (Помолчав, улыбнулся).

Это хорошо... «Учение — это свет, а неучение — это... это... темнота». Кажется, это так говорят по-русски?

Комиссар. Приблизительно так, Вайнонен. Ты даже русские пословицы знаешь? Алексея позвал?

Вайнонен. Есть, позвал. Вон... (*Кивок в сторону, где слышна гармонь.*)

Комиссар. Давай его сюда.

Финн вышел, позвал. Неторопливо с гармонью входит Алексей. Он занят вариациями и говорит в паузах.

Алексей. Аккордеон называется, или гармония. Народный инструмент. Божественный предмет. В смысле настроения.

Комиссар. Хотела побеседовать, не помешала?

Алексей (*усаживаясь.*) Ничего, не бойся, валяй. Люблю с женским полом о жизни говорить.

Комиссар. Чудная тема. Ты это куда вчера из боя направлялся? Заманивал противника?

Алексей (*растерявшись, встал.*) А... я...

Комиссар. Или, может, у тебя такой приступ классовой ненависти случился, что ты и смотреть на белых не мог, а? Спиной повернулся?

Алексей. Да чего там! Был грех... И на старуху бывает проруха.

Комиссар. Пустяки «старуха». (*Подошла близко.*) Давай поговорим. Расскажи о себе. Ты откуда?

Алексей (*сообразив, начал иронически.*) Ага! Откуда? Из каких? Мещанин, трудящийся мещанин. Имею мозоль — прошу. Мещанин и по паспорту, и по духу. И идеи мои, так сказать, запретны — с точки зрения официальной.

Комиссар. Ага, исключительная личность? Анархист?

Алексей. Вроде... да... Ну, что еще пояснить? Дерусь я за себя, поскольку я трудящийся мещанин. И в прочих российских сограждан влюблен я мало. Отношение у меня к ним сдержанное. А вам, вероятно, желательны чувства пролетарские и пылкие и единение. И также желательно, чтоб вам, как комиссару, такие, как я, не возражали?

Комиссар. Отчего же? Многие возражают... Попробуй.

Алексей. Н-да... Вон белые возражают. Антан-

та возражает — все-таки сила, — а Россия их лупит, треск идет.

Пауза.

Комиссар. Один вопрос: за какую политическую организацию ты голосовал на выборах?

Пауза.

Алексей (*помолчав*). За вас. За список пятый номер. Вы все-таки лучше, чем другие... Хотя тоже еще посмотреть надо...

Комиссар. Посмотрите. А вы, товарищ, всякий раз в разговоре поначалу разные словесные букеты запускаете? Для впечатления?

Алексей. Как знать, разберитесь. (*Смотрит на комиссара пристально и непонятно, говорит он серьезно или издевается. Взял опять заиграл — нежно и меланхолично.*)

Комиссар. Ну, как этот, новый командир? Подозрителен, а?

Алексей. Ты будь поосмотрительнее с этим высоким благородием. Я его помню.

Комиссар. И он помнит. Ну, а вожак?

Алексей (*перестав играть*). Что вожак?

Комиссар. У тебя с ним дружба?

Алексей. Не знаю. Не разобрать. На Каледина ходили вместе. Дружба, да какая-то такая...

Комиссар. Так я и думала. Он тебя держит крепко.

Алексей (*глянул на комиссара*). Н-но, меня! Я боюсь этого бугая?!

Комиссар. Боишься... Да-а, порядок вам нужен.

Алексей (*вскочив*). Порядок? Научилась? Выговариваешь без задержки «порядок»! Да людям хочется после старого «порядка» свободу чувствовать, хоть видимость свободы. Вот до сих пор (*жест*) наглотались этого порядка... по пять, по десять лет... Говорить разучились!

Комиссар. Ты, например, как будто не разучился.

Алексей (*улыбнулся*). Верно, не разучился. Повторяю за другими: «Вот не будет собственности... Значит, все будет чудно»... Будет, опять будет... Слушай, ведь в нас старое сидит. Сами только и ищем,

где бы чего разжиться, приволочь, отхватить. И во сне держимся за свое барахло! Моя гармонь, мои портянки, моя жена, моя вобла. Человека за кошелек казнили. Мало — двоих. Исправится ли человек? Переломит ли он себя? Этакая маленькая штучка — «мое». На этой вот штучке не споткнуться бы. Эх, будут дела. (*Рванул воротник.*)

Комиссар. Легче, форменку порвешь... Ты что же думаешь, мы этого не видим? Слепые? Мы верим в людей.

Алексей. Мужик не откликнется.

Комиссар. Откликнется. Сидят в деревне вот такие же философы, вроде тебя. «Вожаки»... И разводят: «Я да мое... Сами будем жить... Всех к лешему... Мужичка слобода...» А что они реально могут сделать для завтрашней экономической... тебе это слово понятно?

Алексей кивнул.

...экономической потребности страны? Ну?

Алексей. А я откуда знаю?

Комиссар. Кто для мужика надежен? Либералы, кадеты? Продали они мужика, за полтора гривенника продали... Четыре думы было, четыре раза продали... Эсеры? О земле сквозь кашель поговорили... и в войну мужика вогнали, в окопы, а сейчас к иностранному капиталу побежали.

Алексей (*мрачно*). Побежали.

Комиссар. Кто остается? Ну?

Алексей молчит.

Говори, ну, ну... Спорить — так начистоту. Молчишь? А ответь: кто ему, мужику, крестьянину, реально дал мир? На Западе вон и до сих пор бредят войной, захватами... Кто мужику о земле говорил и эту землю дал? Ну? Попробуй оспорить факты. Мужик, говоришь, не пойдет? Пойдет... Не сразу, понятно... мы ему и время дадим: «посиди, посиди, подумай»... Хозяйство будем поднимать. Россию на свет, на воздух выведем. Дышите, люди! И пойдет твой мужик, умный он: «Нельзя ли с вами в долю?»

Алексей (*шутливо, но глубоко*). В долю — это он пойдет.

Комиссар. Именно... Личность ты исключительная, а мусору у тебя в голове много.

Алексей (*хитро*). А может, я трепался?

Комиссар стоит, вся прямая, здоровая.

Гляжу я на тебя, ты тут все насчет принципов перебрасываешься, а я... не стыдно признаться — вот думаю: отчего такая баба и не моя? Отойди, а то...

Комиссар. Опять браком заинтересовался?

Алексей. Брось. Доберусь я до тебя. Вот тайные мысли свои выдаю. (*Подходя.*) На, слушай, на!

Комиссар (*плеснув воды в стакан*). На, выпей воды, на!

Алексей (*выпив воду, как водку*). А может, я трепался? Ну? Тебя проверяю.

У входа командир и боцман. Они остановились, секунду подождали, затем командир двинулся вперед решительно и твердо. Алексей обернулся, увидел офицера, прищурился и заиграл на гармошке насмешливо и оскорбительно «Чижика».

Командир (*вспыхнув*). Молчать! Слушать!

Алексей играет. Комиссар остановил его. Стало тихо.

(*Читает.*) «Боевая служба требует единства и полного подчинения воле начальника. Многоначалие, установившееся в полку, далее нетерпимо...»

Комиссар. Чего вы хотите?

Командир. Полноты командования.

Алексей даже свистнул. Комиссар насторожился.

Комиссар. Полноты командования? А почему вы читаете? Это какой-нибудь общий документ?

Командир. Я читаю потому, что в Морском корпусе нас не учили болтать на служебные темы. Службу несут — о ней не говорят. Хотя теперь ценится умение болтать. (*Кивок на Алексея.*)

Алексей (*кинувшись*). Я тебе поболтаю, белое горло.

На секунду глаза невольно устремляются на чистый воротничок командира. Неизменной манерой своей входит вожак. С ним Сиплый. Он начинает, сдерживаясь, обращение.

Сиплый. В отряде...

Комиссар. В полку.

Сиплый. Неважно — в чем, важно — что... Среди революционных матросов, не запятнанных ничем, бывших везде офицеров, появилось несколько царских холуев. (*Глядит на командира, потом на боцмана.*)

Шкур! Гнид! Отряд узнал, чего они требуют... Мы бодрствуем. (*Комиссару.*) Так вот, товарищ, пока не поздно, надо спасать отряд от заразы. Тут был свой дух — революция не может обижаться, — здоровый дух...

Командир. Здоровый? Вы сифилитик!

Сиплый. А может, такой сифилитик лучше здорового контрреволюционера. (*Стуча согнутой ладонью по ладони.*) Ответ, комиссар, ответ!

Комиссар. Я...

Командир. Ответ, комиссар!

Алексей. Ответ, ну!

Вожак. С кем пойдешь?

Комиссар (*помедлив*). С полком.

Сиплый. Слово?

Комиссар. Слово коммуниста.

Вожак. Повторишь это всем. (*Рванул бумагу из рук командира, смял ее, швырнул на землю. Комиссару.*) Я тебе свою бумагу пришлю. Вместо этой дряни. Подпишешь! (*Кивнул Сиплому на командира и на боцмана*). Посмотреть за ними! Потом об их судьбе распоряжусь.

Люди вышли Сиплый следом за командиром. Комиссар остался один.

Комиссар. Так.

Вайнонен (*входя*). Дела корявые, комиссар.

Комиссар. Зови наших людей, Вайнонен.

Вайнонен (*думая свое*). Хотя этот офицер...
Дворянская кровь...

Комиссар. Зови людей, Вайнонен, на партсобрание.

Вайнонен. Против вожака? Бой начнем?

Маленький финн быстро вышел.

Комиссар (*оглядывая все*). Да-а... Вот так и приобретается опыт, товарищ комиссар.

По одному входят старый матрос, Рябой, за ним еще несколько человек.

Старый матрос. Что, комиссар?

Комиссар. О делах слышали?

Старый матрос. Прослышаны.

Комиссар. Что думаете об офицере?

Рябой. Гадина.

Вайнонен. Я же говорил—стенка об нем плачет!
Комиссар. Ты, может быть, помолчишь?

Вайнонен (*поворачивая прочь*). Я могу и совсем уйти.

Комиссар. Ну?

Маленький финн сел. Сели и другие.

Рябой. Давай к делу. Кого бить надо-то?

Комиссар. Есть сведения: вожак пополнение анархистов вызвал. Ждать надо с минуты на минуту... В другой обстановке, может быть, можно бы с этим вожаком и слова найти, повлиять... Прошрое у него боевое... Но сейчас дело круто: «воспитывать» таких некогда.

Рябой. Давить их всех...

Комиссар. Кого «всех»?

Входит Алексей. Молчание.

Алексей. Кашу варите? Лишний? (*Вышел сумрачный, рванув на неразлучной гармонии меланхолическое «Яблочко».*)

Старый матрос (*вслед Алексею*). Одинок парень.

Один из матросов. Сам виноват.

Вайнонен. Ну, я могу еще насчет офицера что-нибудь сказать?

Комиссар. Уперся в офицера! Не в офицере, а в нас, в партийной организации, дело. Досиделись вы тут.

Рябой. Да сколько нас: раз, два, да и обчелся.

Вайнонен. Сколько? Полмира впереди, целый мир позади и товарищ Ленин посерединке. Мало тебе?

Рябой. Может, пойти «поговорить» с ними? (*Двинулся, берясь за наган.*)

Входит Сиплый. Рябой остановился.

Сиплый (*оглядев всех*). Начальник отряда приказал поторопиться... (*Комиссару.*) И вот приказ, подпиши-ка, друг... Чего смотришь? Это об этом, об офицере... литер ему в штаб Духонина... Ну да — на тот свет. (*Подал приказ комиссару. Остальным.*) А вы что же от массы откалываетесь? Ребята, лучше вместе... (*Увидел холодные глаза коммунистов.*) Ну, давайте живо... (*Вышел.*)

Комиссар (*прочла приказ вожака. Сложила его. Порвала.*). Кто готов пожертвовать головой?

Молчание.

Вайнонен. Зачем?

Комиссар. А бывает, что у партии не спрашивают. (*Остальным.*) Ну?

Люди делают движение.

Старый матрос (*встав*). Я.

Комиссар. Питерский?

Старый матрос. Питерский.

Комиссар. Мы поставим тут все на место... Должны поставить. (*Старому матросу.*) Ты покрепче, видимо. Будешь говорить перед полком. Если убьют, следующий будет говорить (*оглядев всех*) Вайнонен...

Вайнонен. Есть. А о чем говорить? Ты инструкцию дай.

Комиссар. А! Только по бумаге умеешь действовать? А по обстановке? Понятно?

Рябой. Чего не понять! Этого убьют, другого убьют, а ты-то что сама?

Комиссар. Я? Я сама и начну, товарищи.

Старшины полка перед нами.

Второй старшина. Москва. Приказ номер тысяча двести пятьдесят: «В том случае, если партизанский отряд отказывается подчиниться порядку, проявляет разнузданность и своеволие или пытается поднять смуту в регулярных частях, этот отряд должен быть подвергнут беспощадной каре. Наше командование должно в таком случае строго и точно рассчитать удар. Разоружение и ликвидация должны осуществляться в кратчайший срок — не дольше двадцати четырех часов».

Первый старшина. Да, все это так, но сколько в полку наших, вполне надежных партийных людей? Едва шесть-семь человек? Их перестреляют.

Второй старшина. Комиссар и коммунисты обязаны при любых обстоятельствах самоотверженно и стойко, показывая личный партийный пример, сделать все и не ссылаться на трудности.

Вожак, Сиплый и несколько их подручных. Вожак мрачно гудит: «Вихри враждебные веют над нами». Сиплый чистит оружие и вхолостую щелкает подряд несколько раз курком. Звук холодный, четкий, выразительный.

В о ж а к. Может, выпьем?

С и п л ы й. Мне надо здоровье беречь.

В о ж а к. Суета, одна суета кругом... Изжога к горлу подходит... Бога нет, людей нет. *(На своих.)* Разве это люди? Ничего нет.

С и п л ы й. Зато какая у нас женщина! Вот вся эта волынка кончится, женился бы я на такой.

В о ж а к. Ха-ха! Грехи бы с ней замаливал. Парня убиенного и старушку? Ан-нархия...

К вожаку подходит матрос: «Там двоих каких-то задержали». Вожак делает знак: «Веди их сюда». Вводят двух задержанных. Привлеченные их приводом, собираются матросы. Пойманные обводят взглядом стоянку полка.

Они нигде не видят сочувствия.

С и п л ы й. Кто вы?

Первый задержанный. Человек.

С и п л ы й. Скажите — смертный!

Первый задержанный. Как и вы.

С и п л ы й. Что можете сообщить?

Первый задержанный. Я и мой друг...

С и п л ы й. Только о себе.

Первый задержанный. Я повторяю: я и мой друг идем из германского плена, из лагеря в Шлезвиге. Мы прошли всю Польшу и Малороссию...

С и п л ы й. Украину.

Первый задержанный. И нам нужно домой. Наши бумаги у ваших людей. *(Жест на конвоиров; бумаги переданы Сиплому, затем вожаку.)*

В о ж а к. Какой чин?

Первый задержанный. Оба офицеры.

Матросы задвигались: «Ага!»

С и п л ы й. Вы в курсе событий, происходящих в России?

Первый офицер. Как и весь мир. Почему вы так недобро смотрите на нас? У меня нет собственности, это, кажется, больше всего раздражает теперь людей. Я был взят по мобилизации.

В о ж а к. Дальше.

Первый офицер. Я думал... Я волнуюсь, я так много передумал там... Мне можно говорить?

Один матрос, встав, подошел вплотную к офицеру.

На меня так глядят... Не надо, не надо так глядеть. Можно говорить, да?

С и п л ы й. Можете говорить.

Матрос сел.

Первый офицер. Я думал, что наша русская революция будет светлой, человеколюбивой... Здесь, в нашей России, куда мы наконец вернулись, сверкнул первый проблеск человечности... Да?.. Человечности...

В о ж а к (*грубо*). А я забыл это слово... И ты забудь!

Первый офицер. Как — «забыть»? О, нет, вы ошибаетесь... Человечность должна быть везде... Мне трудно говорить — на меня так глядят... Хотя я все-таки буду говорить! Мне нужно говорить... Я... вы же сами перенесли войну, всё и старую службу... Отнеситесь же к нам человечески доверчиво, чисто... Вы делаете так.

С и п л ы й. Приятное заблуждение.

Несколько человек засмеялись.

Первый офицер. Мы — простые офицеры... Окопники. Мы хотим понять сущность Советской власти.

В о ж а к. Ну, довольно. Перейдем к логике. Вы изучали этот предмет?

Первый офицер. Да.

В о ж а к. Почему молчит этот? (*На второго офицера.*)

Первый офицер. Он глухой. Контузия.

Матросы поглядели, что-то на нескольких лицах изменилось.

В о ж а к. Итак, вы офицеры из плена? Идете домой?

Первый офицер. Да.

В о ж а к (*второму*). И вы?

Второй офицер растерянно улыбнулся. Первый показал «да», тогда второй кивнул «да».

Так. Из этого выйдет следующее: идете вы домой, а придете к белым, а?

Первый офицер. Мы никуда не пойдем. Никуда!

В о ж а к. Если вы не пойдете, вас возьмут силой. Вы должны достаточно знать эту государственную механику. Логично?

Первый офицер. Но он глухой, а у меня... *(И показал покалеченную руку в перевязке.)* Потом, почему к белым?.. Ведь идут и к вам. *(Кивнул на Беринга, которого заметил в толпе.)*

Вожак. К нам? К нам вам ходу нет. У нас единственный такой представитель *(поискав глазами командира, которого стережет один из подручных)*, и мы тоже с ним простимся.

Кто-то посмотрел на командира.

Далее. Все ваше племя под корень поголовно истребить надо. Или мы проиграем революцию. Логично?

Молчание.

Второй офицер *(неожиданно)*. Он позволил домой?

Первый офицер *(сквозь слезы отчаяния)*. Еще минуту... Я так хотел... Мы читали там... о новой России, о Ленине... Зачем же вы хотите применить такую жестокость?

Вожак. Жестокость... Ха-ха! Да мягче меня и этого *(на Сиплого)* на свете людей не сыщешь.

Первый офицер. Последнее слово... дайте... умоляю.

Вожак. Это предрассудок буржуазного суда — обманывающая подачка. Не нужно. *(Подручным.)* Веди «налево»!

Первый офицер *(выпрямившись)*. Тогда... имею честь... кланяться. Покорно благодарю... за предсмертную лекцию.

Второй офицер *(первому)*. Ну, он позволил домой? Отчего ты молчишь?

Вожак. Ведите.

Второй офицер. Он позволил домой? *(Вожаку.)* Вы позволили? Да? Спасибо... Меня ждут дома.

Старый матрос *(выходя перед полком)*. За что же их?

Движение людей.

Голос. Не трогать их!

Алексей *(выйдя к вожаку, указывая на первого офицера)*. Мне нравится этот человек!

Вожак. Ведите!

Алексей. Не троньте!

Вожак (*врезаясь в толпу и спиной тесня офицеров.*) Ну, а то и защитников... Ведите!

Конвой повел офицеров.

Алексей (*вожаку*). Ну, смотри!

Входят комиссар, маленький финн, Рябой и еще двое.

Вожак. Приказ подписали?

Комиссар (*чуть помедлив*). Да...

Вожак. Дай.

Алексей. Видала?

Комиссар. Что, в чем дело?

Сиплый. Заволновался. Ликвидируем тут двух.

Старый матрос. Пленных!

Алексей. Комиссар называется!

Комиссар. Остановить!

Момент, когда решаются судьбы полка. Комиссар оценивает все: свою участь, участь партийных товарищей, участь полка. Алексей, боцман, старый матрос, Вайнонен и еще несколько человек кинулись остановить конвой. Идет нервная передача: «Стой... остановить!» Секунда, другая ожидания. Два выстрела. Тишина.

(*Вожак.*) Пленных Красная Армия не расстреливает. Вы это знали?

Вожак. Напрасная мягкость. Каждый должен идти туда или сюда.

Комиссар. Они могли прийти сюда. Такие люди будут приходить к нам. В Красной Армии уже двадцать две тысячи офицеров.

Вожак. Двадцать две тысячи предательств.

Он поискал глазами командира, некоторые также посмотрели на командира; тот ответил холодным взглядом.

Комиссар. Ленин говорит...

Вожак. А я не интересуюсь.

Старый матрос. А следовало бы поинтересоваться распоряжениями Советской власти.

Вожак. Н-ну? Мне хватает и своих.

Возвращается конвой, выполнивший приказ вожака.

Конвоир (*негромко*). Там один из них крикнул: «Да здравствует революция!»

Вожак. Ну и что? Врал, трусил.

Алексей (*полный бешенства*). А если нет?

Комиссар (*останавливая Алексея и нескольких*). Поговорим обо всем этом мирно...

Сиплый. Вот, люблю рассудительных. Садись.

Вожак. Поговорим. Я слушаю общий голос.

Каждый занимает свое место, какое ему нужнее и удобнее.

Ну, говорите.

Люди выжидают, поглядывая друг на друга.

Голос. Поговоришь тут.

Комиссар (*вожаку*). Ваше превосходство так ценят, что не решаются спорить с вами.

Старый матрос (*встав и выходя*). Отчего же?

Алексей (*опережая старого матроса*). О чем там превосходстве говорят? (*На вожака.*) Этого? Над кем? Над нами? (*Вожак.*) Говорить «позволил»? Тебе послушать хочется? При тебе слишком тихо?.. (*Оскорбительно пародируя.*) «Почему шум?»

Вожак (*Сиплому*). Он заболел.

Алексей (*на Сиплого*). Это он болен. Сифилис и твой холуй. Я бросаю тебе в морду, в рожу: ты предатель и изменник.

Вожак. Тебя кто научил? (*Пыливо глядит на комиссара, старого матроса, Вайнонена.*)

Старый матрос (*вожаку*). Ну, гляди, гляди, властолюбивая скотина. Мы тоже давно наблюдали за тобой.

Вожак. Так, так...

Вайнонен (*выдвинувшись к группе нерешительно молчащих людей*). Называются военные моряки!.. Молчите? (*Горько сплюнул.*)

В группе оскорбились.

Голоса из группы. Называемся.

Рябой. Кого тут с грязью мешают? Нас?

Голос. Это кого мы, питерские, боимся? Его? (*Жест на вожака.*)

Алексей (*вожаку*). Ты посчитался с желаниями каждого, когда за кошелек казнили парня? Самосудом, обалдело... Посчитался?

Голос. Нет.

Вожак неподвижен.

Алексей. Ты посчитался с желаниями каждого, когда казнили старуху?

Г о л о с. Нет.

А л е к с е й. Дальше. Ты посчитался с желаниями каждого, когда тебя просили: не тронь эту? (*Указывает на комиссара.*)

Г о л о с. Нет.

Б о ц м а н (*на командира*). А об них? Об себе уж не говорю.

А л е к с е й. И об них. Ты спросил согласие комиссара и других, заявляя, что мы простимся с ним? (*Жест на командира.*) А двух калек за что сейчас погубил?

Людской гул.

В о ж а к. Беспорядок кончить! Вы всего не знаете. (*Встал.*) Открыт заговор. Подробности сейчас будут оглашены. Комиссар, читай.

Вожак стал рядом с комиссаром, уверенно. Общее внимание. Удивление.

К о м и с с а р (*читает текст, который она тут же на ходу составляет*). «Именем пролетарской революции военно-полевой трибунал в составе комиссара полка и назначенных им лиц...»

С и п л ы й К а к и х?

С т а р ы й м а т р о с. Не перебивать!

К о м и с с а р. «...рассмотрев дело о бывшем...

Люди посмотрели на Беринга.

вожаке отряда...

Движение.

и признав его, вожака, виновным в казни без суда и следствия бойцов полка, далее неизвестной гражданки, далее двух пленных, а также в неповиновении комиссару, представителю Советской власти, постановляет подвергнуть упомянутого вожака высшей мере наказания...»

Сиплый, по мере чтения приказа, ловит выражение лиц и пятится от вожака. Он предает его.

В о ж а к (*выхватил маузер*). Измена! Ко мне!

На вожаке повисают шесть матросов. Вожак стряхивает людей с себя. Но маузер вырван из рук.

(*Сиплему.*) Куда ты?

Сиплый (*в тисках Алексея*). Я... я... он меня заставлял.

Вожак. Да вы прочтите, что у нее там! Там же не то... Измена!

Тишина. Комиссар шевельнул пустым листом. Алексей посмотрел, взял лист, повертел, что-то подумал.

Алексей. Написано, как сказано. Сам дал согласие: слушать общий голос. (*Кинулся на вожака, таща и Сиплого.*) Ну-ка, как ты там говаривал?

Сиплый (*в лицо вожаку*). Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Алексей (*комиссару и другим*). Так?

Комиссар. Так.

Тишина.

Вайнонен (*достав патрон*). Привести в исполнение?

Комиссар. Я думаю, что товарищ Алексей мог бы все устроить.

Алексей повернулся от неожиданности.

Вожак (*порываясь в руках шестерых*). Дайте последнее слово! Алексей, брат! Алеша...

Алексей (*подошел, стряхнул руки шестерых, высвободил вожака*). Последнее слово? Это предрассудок буржуазного суда, обманывающая подачка. Не нужно. (*Вынул парабеллум.*) Пошли.

Вожак. Да здравствует революция!

Алексей (*поддав вожака плечом*). Бро-ось!

Алексей повел вожака. Матросы ждут. Выстрел.

Боцман. Прими, господи, душу усопшего раба твоего.

Вайнонен (*комиссару, который стоит как-то задумчиво*). Слушай, что ты опять там думаешь? Ей-богу, голова лопнет.

Комиссар. Какое тебе дело, Вайнонен? (*Командиру.*) Товарищ командир, вы освобождены. Приступите к исполнению служебных обязанностей.

Командир (*выпрямляясь*). Есть.

Неожиданно песнь откуда-то, ближе, ближе. Голос: «Подкрепление анархистов!» С шумом и привычной безнаказанностью вваливается группа новых матросов в походном, небрежно носимом снаряжении.

Г л а в а р ь пополнения анархистов. Товарищам отрядничкам — привет. Анархистам! Вот навэрбовал красавцев. Варфолломейевские ночки дэллать! На поддержкку дорохому вожачьку! (*Заметил женщину и Беринга.*) А этих игде поймаллы? (*Весело и жестоко разглядывает комиссара и командира, не подозревая ничего.*) Офицэр и с супругой? Чьто — попались? Счяс похаварим... (*Сиплomu.*) О, братан, здорёв? Где вожак? Тысячу лэт его не видал! Как его здэровье? Его все мучила исжоха. А теперь как?

С и п л ы й. Теперь больше не мучит.

Г л а в а р ь. Чиво ты не разхаворчивый?

К о м и с с а р. Объясните ему! Покороче.

С и п л ы й. Мм... Вот что... Кокнули твоего вожака, да, да. Убрали. Сволочь он был.

Г л а в а р ь. А у тебя прохрессивный паралыч ужже сюда добрался? (*Показывает на череп.*)

С и п л ы й (*оттолкнув руку*). Ладно, мое дело, куда добрался...

А л е к с е й возвращается. Швырнул на землю фуражку, пояс и кобуру вожака.

(*Глазарю.*) Узнаешь?

Г л а в а р ь пришедшей группы смотрит и вытягивает шею судорожным движением.

Г л а в а р ь (*своим*). Братва! Измена...

Группа зашумела.

В а й н о н е н. Ну, вы, осколки... Тихо... Ваша лавочка кончена, теперь служба начинается. А то по лишней дырке на голове сразу вам сделаем.

Группа видит силу: полк.

К о м и с с а р. Боцман, займитесь ими.

Б о ц м а н. Есть. (*Пополнению.*) Становись! Направо рравняйсь! Отставить! Не дыхай там! Ну-ну! Направо рравняйсь! Смир-рно, рравнение на середину!

Группа стала смирно. К ней подходит комиссар.

К о м и с с а р. Здравствуйте, товарищи!

Г л а в а р ь. Привэт.

К о м и с с а р (*подходя ближе, строго*). Еще раз... Поучитесь... Здравствуйте, товарищи.

Нестройный ответ. Полк шевельнулся угрожающе: «Н-ну!»

(Пополнению). Плохо. Еще раз здравствуйте, товарищи.

Группа (*чувствуя, с кем имеет дело, после паузы*). Здравс-сс!

Комиссар. Так. Поздравляю с прибытием в Первый морской полк регулярной Красной Армии!

Группа. Служим трудовому народу.

Боцман. А-а-а, вспомнили...

Командир (*комиссару*). Ну, знаете,— поразительно быстро.

Комиссар. Да, значительно меньше двухсот лет понадобилось.

Сиплый (*непринужденно присоединяясь, командиру*). Да, да... Вы нас узнаете. Побольше бы таких коммунистов. (*Похлопал комиссара по плечу.*)

Боцман (*заметив*). Ну ты, встань в строй!

Комиссар. Выступаем в поход, товарищи.

Полк стоит четким массивом. Он двинулся. Ритмы волну-
щи и широки.

Ну, товарищи, теперь — первое «здравствуйте» в регулярной Красной Армии!

Полк дает громовой ответ. Он звучит, как первый крик могучей армии. Движение полка прекрасно.

АКТ ТРЕТИЙ

Сумерки. У комиссара боцман, старый матрос и Вайнонен.

Комиссар (*кончая разговор по телефону*). Да, да... Так... Давайте... (*Положила трубку.*) Так вот, товарищи: у вас тут было достаточно разговоров и очень недостаточно боевой деятельности. Пора действовать. Время нам дорого. Я на походе уже советовалась с командиром о ряде вещей. (*Старому матросу.*) Ты, дорогой друг, примешь батальон.

Старый матрос. Какой же из меня командир? И всего-то-навсего я кочегар.

Комиссар. Все мы пока начинаем... Ну, на эту тему разговор продолжать не будем.

Боцман. Оно, действительно, на сухом пути все-таки нам непривычно, тем более командовать... Пехотным делом мы брезговали.

Комиссар. А теперь брезговать перестанете.

Боцман. Есть.

Входит командир.

Командир. Есть новости военного значения.

Комиссар. Пожалуйста.

Командир посмотрел на старого матроса — удобно ли говорить при рядовом.

Вас что — смущает присутствие этого товарища? Представляю: это новый командир батальона, о котором мы говорили, ваш ближайший помощник.

Рукопожатие.

Вайнонен. Жалко, что нет какого-нибудь там маленького батальона для меня.

Комиссар. Подождешь — подыщем. Подучишься. Так давайте, товарищ командир.

Командир (*передавая информацию комиссару*). Информация короткая, но достаточно выразительная. Пехотная имперская бригада, переброшенная противником с западного фронта, двинута на наш участок.

Боцман. Имперская бригада. В девятьсот восьмом году видел. За границу когда ходили.

Командир. Совершенно так.

Комиссар. И что вы полагаете, товарищ командир?

Вайнонен и старый матрос придвинулись к командиру.

Командир. Мои соображения таковы. (*Показывает по полевой карте.*) Вот наше место. Мы располагаем тремя батальонами. Полагаю два батальона выдвинуть вперед — тут есть удобные рубежи. Один батальон я бы оставил в резерве... С ним мог бы остаться вот... новый командир батальона.

Молчание.

Комиссар (*повторяет, продумывая*). Выдвинуть два батальона. Один батальон в резерве. Так. Все правильно — с точки зрения старой практики и устава. Но правильно ли это в наших условиях?

Входит Балтийского флота матрос первой статьи Алексей.

Алексей (*оглядев всех*). Может, я опять лишний?

Комиссар. Нет, ты не лишний. Садись. Ну, как там наша морская публика?

Алексей. Ничего, живут... Воздухом дышат... На женское население поглядывают. (*Серьезно.*) Слух есть, вроде чего-то затевается?

Комиссар. А вот без всяких слухов на нас надвигается противник, кадровая бригада.

Алексей (*сорвался*). Даешь!

Старый матрос. Что даешь, как даешь, где даешь? (*Иронически.*) «Даешь!»

Алексей (*сел*). Ну, что ж, стратег я, что ли, какой? (*На командира.*) Это вот они специалисты.

Комиссар. Товарищ командир уже внес свое предложение: ждать противника и потом встретить его. Как об этом думаете?

Товарищи молчат.

По-моему, это предложение не годится. (*Командиру.*)

Вы не сердитесь... Уж если противник определен и двигается на нас, его надо бить, не ожидая, и так бить, чтобы не встал.

Алексей. Жму руку.

Боцман. Это по-флотски!

Комиссар. С нас хватит старой российской практики: вытянуться в поле в жидкую цепочку, лежать в грязи на брюхе, сзади какой-нибудь жалкий резервишка сидит, а противник бьет как хочет справа и слева. Предлагаю — это пока лишь мое личное мнение — начать охват противника.

Алексей. Ого!

Комиссар. Ваше мнение?

Командир (*сухо*). Вариант ваш радикальный, и я бы... Но раз это исходит от партийной стороны...

Комиссар. Тогда на втором варианте и остановимся. Ваши распоряжения.

Командир. Одну минуту... (*По карте.*) Это двухверстка? Так... Сей-час... Та-ак... Одну минуту... (*Делая пометку.*) Первый батальон остается тогда на месте, выставляет охранение и принимает на себя весь удар, не уступая ни дюйма. Два батальона — второй и третий — скрыто выступают... Так... Начинают обход — здесь верст двадцать — и наносят совместный удар. Вот здесь. (*Указал.*)

Комиссар. Надо подобрать для руководства надежных людей.

Командир (*сухо*). Несомненно. Это функции ваши.

Комиссар. Я думаю, что с двумя батальонами пойдете вы лично и с вами ваш новый помощник. С первым батальоном останется... (*поглядела на людей*) останусь я, со мной боцман и Алексей.

Вайнонен. Ну, а я... (*Комиссару.*) Давай я пойду за этим офицером... ей-богу.

Комиссар. Пойдешь со мной, Вайнонен?

Вайнонен. Есть.

Комиссар (*Вайнонену*). Погляди там — никого лишнего нет?

Вайнонен посмотрел у дверей, сделал знак, что никого нет.

Командир. Наносить придется совместный удар так: первый батальон — удар фронтальный, второй и третий батальоны — удар по тылам противника. Время удара — пять часов перед рассветом. Прошу сверить часы. Сейчас одиннадцать часов тридцать минут.

Командиры сверяют часы.

Старый матрос. В пять часов.

Комиссар. В пять часов.

Часы сверены.

Командир. Детали, маршруты, рубежи будут даны дополнительно.

Комиссар. Я бы хотела обратить внимание на то, что это первое серьезное испытание полка... Да, об операции хранить полную тайну. Если кто-либо попадется в руки противника, пусть там, что угодно, — умирать, но молчать. Для противника все должно быть полнейшей неожиданностью.

Вайнонен. Есть. Будем хранить полную тайну. До смерти.

Комиссар. Ну, как — выдержит полк испытание?

Командир. К сожалению, даром предвидения не обладаю. Советую двигаться. Время идет.

Отдаленные ночные команды и ритмы. Батальоны начали операцию.

Первый старшина. Пошли, пошли... (*Прислушиваясь, повторяет тихо.*) Ать, два, три, четыре!.. Вот он, первый регулярный шаг... Вот движение армии, где каждый знает, зачем и куда он идет... Ты, романтика, в сердце моем!.. Красная Армия — тебе молодость наша. Когда нам по восемнадцать лет было, мы говорили со всем миром: «Всем, всем, всем!» Мы вспоминаем все походы наши и призывы: «В последний грозный час матросы Балтийского флота поднимают свой голос!» Вспоминаем весь великий путь товарищей наших, пехотных дивизий и конных корпусов... Все вспоминаем... И когда падал один, как будто вырывали кусок собственного тела...

Второй старшина. ...Мы делали поход. Мы шли год за годом, днем и ночью, в сутки по семье-

сят верст... Мы переплыли все реки — от Вислы до Амура. И всюду мы ставили свои посты.

Ночные полевые караулы занимают места. Опять ночные открытые пространства, наполненные запахом соли, йода, рыбы и полыни. Часовой (Сиплый) и подчасок (Вайнонен).

Сиплый. Ну, теперь гляди, Вайнонен.

Вайнонен. Гляжу.

Сиплый. И назад гляди.

Вайнонен. Назад.

Сиплый. Пропал, погиб верный товарищ... Измена в полку.

Вайнонен. Ты думаешь? А? Действительно, этот офицер, черт его знает...

Сиплый. Какого человека на офицера сменяли! Слепнут товарищи, старое забывают... Пропадет и эта.

Вайнонен. Ну, такая не пропадет. И довольно разговоров. Надо смотреть — каждую минуту противник ударить может.

Сиплый. Смотри не смотри, вот тебе слово, порви мне горло, пропадет теперь полк...

Вайнонен. Ничего.

Сиплый. Пойдем, Вайнонен, в степь, в плавни, пойдем по тропкам, над морем... К верным придем. Найдем правду.

Вайнонен. Теперь я и тут найду. У нас завтра организационное собрание партийных. Уже есть и партийные и симпатизирующие. Это все комиссар. Она так завернула — назад не отвернешь.

Сиплый. А что она там затеяла? Об чем совещание было?

Вайнонен. Не знаю.

Сиплый (*скрипнув зубами*). Не знаешь? Старому товарищу не доверяешь? Девятьсот пятому году не веришь?

Вайнонен. Ну, ты, девятьсот пятый, сиди тихо, а то я тебе...

Сиплый. Закурим?

Завернули. Сиплый нагнулся и через плечо Вайнонену подал зажженную спичку. Увидел на поясе у финна нож. Тихо и быстро вытащил его. И удар ножа в спину, внезапный, валит подчаска. Еще удар.

(Над телом.) Кого покорить хотите? Покуда хоть один вольный хозяин на вольной земле будет, давить вас будем. (Вытер нож пальцами.)

Сиплый, отходя, смотрит на подчаска. Потом возвращается и усаживает мертвого на пост. Тело обвисает и, склоняясь, падает набок, стукаясь головой о степные камни. Сиплый поправляет тело, настойчиво и сноровисто. И когда остается доволен, вскинув винтовку и проверив патроны, трогается в путь цепким шагом, весь в изготовке, с пронизывающей все его существо мыслью, мрачно произносимой вслух.

Да здравствует анархия!

Подчасок медленно стынет. Начинается трупное окоченение. Чей-то задушенный вскрик оттуда, куда пошел Сиплый. Ожидание. Движение ползущих людей. Человек в тусклом шлеме дюйм за дюймом подползает к подчаску. Ползущий бесшумен. В темноте он обрушивает удар на мертвеца. Пытливо ощупывает и удивленно смотрит на свалившееся тело. Подползает еще несколько человек. Часовой мертв, и цепь движется быстро и бесшумно в прорыв. Где-то в отдалении вскрики, несколько выстрелов, рев: «Полундра!» Тревога. Судорожные вскрики горна, оборвавшиеся на полутоне. Метания враспloh захваченных людей ошутимы. Они не видны, но слишком, до боли понятно, что происходит над линией прорыва. Во тьме несколько фигур ищут укрытия. Это комиссар и еще несколько бойцов.

Комиссар. Ложись.

Шарящий луч. Первый выстрел по остаткам первого батальона.

Алексей (в сторону выстрела). Зачем обострять отношения? Эй!..

Комиссар. Алексей, ко мне!

Алексей (Подполз). В чем дело?

Комиссар. Гармонь вынес?

Алексей. Обязательно.

Комиссар. «Вставай, проклятьем...» знаешь?

Алексей. Не, я больше романами интересуюсь. А к чему именно?

Комиссар. Будешь сейчас играть...

Боцман. Наступа-ю-ют!..

Остатки первого батальона держатся за землю. Они врастают в нее, пуская корни. И Балтийского флота матрос первой статьи Алексей берет с переборами первые аккорды.

А л е к с е й. Рота-та моя, слуш-шай меня!

Выстрелы со стороны противника. Алексей зажигается опасностью, вниманием и одобрением.

Б о ц м а н. Наступаю-ют!

Ход противника. И беспощадный огонь.

А л е к с е й. Держись, товарищи! Корму не показывать!.. Первым номером исполнена будет популярно-морская мелодия на тему «Варяг» и его гибель...

Ход противника. Матросы отстреливаются последними патронами.

Б о ц м а н. Патроны вышли!..

А л е к с е й. Вста-ать!

Матросы отрываются от прикритий. Алексей играет ярее и ярее, стоя во весь рост, опьяненный. Матросы держат «на руку». Алексей швыряет гармонь в лицо противнику, сдирает с себя рубаху, скручивает ее в мокрый от пота тяжелый жгут и хлещет ею надвинувшихся солдат противника. Матросы стиснуты. Они бьются чем попало. Соппротивление сломлено. Товарищей наших повели сквозь строй...

(Толкнув, отбросив конвоиров.) Чего смотришь? На руках несите, сволочи, на руках! К вам не ходим.
(Насмешливо, вызываяще падает.)

К о м и с с а р. Красной Армии ур...

В рот ей засунут кулак, кляп. В ответ комиссару прощальное и неукротимое «ура» пленных бойцов. Солдаты противника зажимают рты матросам, душат их... Сквозь пальцы врага рвется все сильнее и сильнее «ура». Тишина. Вышли старшины. Глянули друг на друга.

В т о р о й старшина. Товарищи наши в плену!

П е р в ы й старшина *(всем нам)*. Вы что думаете — дело их кончено?

В т о р о й старшина. Слушайте. До последнего издыхания, до последней возможности двинуть рукой, хотя бы левой, боец-коммунист будет действовать. Нельзя действовать — есть язык. Убеждай, бодри, заставь действовать других... Не можешь говорить — делай знаки. Тебя повели, избивают — не сгибайся. Не можешь пошевелиться, уже связан, положен, заткнут рот — выплюнь кляп в лицо палачу. Гибнешь, топор

падает на шею — и последнюю мысль отдай революции. Помни, что и смерть бывает партийной работой.

Музыкальная интродукция, полная только что отгремевших тем, лихорадочного волнения, предсмертных ожиданий и диалогов с судьбой. Ночные птицы кричат над равниной, пленные матросы спят, обнимая землю. Четверо ходят, как звери в клетке. Стоят часовые, мрачные, как империя. Во сне Алексей повторяет бой, он метнулся, крикнул что-то: «Несите... несите, сволочи!..» Проснулся. Увидел комиссара: она сидит молчаливая, неукротимая.

Алексей. Где я? М-да. Бывают в жизни огорчения. (*Комиссару.*) Дневалишь?

Комиссар. Думаю... Что случилось? Кто у нас на посту был?

Боцман. Вайнонен.

Комиссар. Вайнонен. Что с ним могло произойти?

Бывший главарь пополнения. А можьжет, продали вас? Боцман, а? Можьжет, хаварю, продали вас? Вожжачька кокнули, офицэра оставыли и засипались.

Алексей (*отталкивая*). Ну, ты...

Одессит. На тишьшине работай.

Боцман (*одесситу*). Не бунтуй — покуда здесь территория государственная.

Одессит. А ты катись, жила казенная! (*На комиссара.*) Ага, молчит, думает.

Комиссар. Приходится, и за себя и за тех, кто не умеет.

Одессит. Я тебе покажу, как мы не умэим.

Рябой (*отшвырнув одессита*). Замолчи, па-скуда.

Алексей. У-у, полк бы подоспел.

Комиссар. Тс-с...

Алексей примолк, оглянулся.

Спокойно, Алексей. Будем сохранять бодрость.

Алексей. Держать марку военного флота?

Комиссар. Держать марку военного флота.

Боцман. Время бы команду будить.

Комиссар. Правильно, боцман. И здесь соблюдаете устав корабельной службы?

Боцман. Так точно, тем более противник — иностранная пехота. Подчиняться пехоте вовек не будем.

Комиссар. Не будем, боцман, не будем. Тут территория наша.

Алексей. Душа долой, наша.

Комиссар. Давайте побудку.

И боцман вспомнил всю службу, на пальцах вместо дудки дал свист побудки — тихий, аккуратный, точный.

Боцман. А ну, вставай, не валяйся. Какава готово. Какава.

Шевеление избитых тел. Некоторые повторяют привычный свист побудки. Встают здоровенные парни. Боцман и тут как-то поправляет их, потом подходит к комиссару и докладывает: «Так что команда встала».

Комиссар. И здесь здравствуйте, товарищи.

Негромко, ровно остатки полка ответили комиссару.

Одессит. Шя... Штожь, так и похибать за ваше «здравствуйте» будем?

Комиссар. Молчать! *(всем.)* Придет полк или нет — знать мы не можем, но одно знать мы обязаны: держать язык за зубами. О том, куда и зачем пошли два батальона, ни слова...

Алексей. Молчать вмертвую, ясно?

Голос. А может, подзалить им? *(Кивок в сторону часовых.)*

Алексей. Чего ты там подзальешь? В переплет возьмут на перекрестном допросе, все погибнем. Сказано, молчать вмертвую. И держаться кучнее, и главное — время выигрывать.

Комиссар. Правильно, Алексей.

Алексей. И волынить надо, кто на что способен, время тянуть — до пяти часов, а там... Эх, тьфу, тьфу, не сглазить.

Одессит. Пэрвый раз вижю таких наивных граждан... Вы чьто же думмаети — ви офицера одного отпустили и он будет итти сам на такое гибельное дэло? *(Жест на часовых.)* Давно смылся ваш юный кэмэндир.

Люди поглядели на комиссара.

Голос. Пожалуй, ведь... а?

Входит офицер войск противника. С ним конвой.

Офицер. Ахтунг. Ну, кто будет давать показаний?

Молчание, крепкое, упорное.

Ви плохо понимал свой положений. Ви есть обреченный люди. Будет тот себя спасать, кто даст показаний. Ну, кто говорил?

Молчание.

Ну, ви сейчас заговориль!

Конвой вводит Сиплого. Тот увидел матросов, остановился. Легкий возглас удивления у пленных

Офицер. Известен ли вам этот человек?

Твердое молчание.

Одессит. Пэрвый раз вижю.

Офицер (Сиплomu). Объяснить расположение ваш полк.

Сиплый молчит.

Ну! Ви не говорил — то ви пошел к ним, разделили их (*подыскивает слово*) учэсть... участь. Достаточно ясно я говорил по-русски? Скорей.

Сиплый. Пугай чем-нибудь свою милаху. «Участь!» Плюю! (*На комиссара.*) И на эту тварь длинноволосую плюю. Никому не подвластен.

Офицер (Сиплomu). Зачем тогда ви направляль на наш фронт, открываль свой фронт и кололь свой часовой?

Матросы, услышав вопрос, рванулись на Сиплого. Перед штыками остановились.

Комиссар. Где Вайнонен?

Сиплый. Весь вышел.

Матросы опять шагнули к Сиплomu.

Кто сунется, перекушу горло.

Офицер. Оставить его тут!

Конвой повел Сиплого в гущу матросов.

С и п л ы й. Они меня удавят. (*Офицеру.*) Я ничего не знаю. Ее спросите, комиссара. Она все знает.

О ф и ц е р. Абфюрен.

С и п л о г о уводят.

Кто тут есть комиссар?

Напряженная пауза. Кто-то из матросов хочет заслонить комиссара.

К о м и с с а р. Я комиссар.

О ф и ц е р. Ви? Следовать за мной!

Комиссар поднялся и пошел.

А л е к с е й. Всех берите!

К о м и с с а р. Спокойно, товарищи. По-видимому, беседа необходима. (*Фразу эту произнесла, вкладывая в нее смысл оттягивать время.*)

К о н в о й увел комиссара.

О ф и ц е р. Я даваль вам пять минут на размышлений.

А л е к с е й. Извиняюсь, между прочим, который час?

О ф и ц е р. Без один четверть пять. (*Вышел.*)

А л е к с е й. Братва...

О д е с с и т (*в подавленно-нервном состоянии*).
Божье мой... Божье мой! Пять минут. (*Алексею.*)
Ведь повешают же. Ну, хоть что-нибудь ым сказать.

А л е к с е й. Молчать!

Г о л о с. Молчать!

О д е с с и т. Божье мой же, как время бэжит. Минута, минута. Так сэйчас вся жизнь пройдет. Как сэкунды бижжат... Раз, два, тры, чэтгыре, пъять, шэсть, сэнь, восэнь, девъять, дэсять... Смерть, смерть идет. (*Смотрит на людей, нервически трясется, начиная смеяться все громче и громче, страшнее. У него выступает пена на губах, он падает и бьется в конвульсиях... Его сгибает дугой.*)

Г о л о с. Один готов, помешался.

Б о ц м а н (*вглядываясь в одессита*). А ну, давай, давай, еще, еще... Так... Давай, давай — работай. Тут

имеются старые психиатры. Двадцать пять лет с вашим братом практиковал.

Одессит (*поднимаясь, как ни в чем не бывало*). Не вишло... Самасшедших же не расстреливают. Чюдак, присоединялся бы...

Алексей (*рванув одессита за шиворот*). Женщина держится, а ты, сволочь... (*Отшвырнул одессита.*) Смотреть за ним в оба!

Офицеры конвой возвращаются.

Офицер. Время проходил. Ну, ви обдумаль? Кто давал показаний?

Матросы обменялись молниеносными взглядами. Все товарищи демонстративно усаживаются. Алексей харкнул и плюнул под ноги офицера. Еще двое матросов сплюнули. Офицер выскочил.

Алексей. Готовьтесь, братья, к концу. Боцман, как думаешь, командир не продаст, подоспеет?

Боцман. Отвечать за него не могу...

У входа фигура, которая появлением своим заставляет людей умолкнуть. Это священнослужитель армии противника. Это последний ритуал. Священнослужитель приближается медленно, осенив моряков крестом.

Алексей. Тс-с...

Священнослужитель. Они хотят сделать всё воински строго и молча. В сущности, они правы: таким доблестным, как они, не о чем говорить с такими доблестными, как вы. (*Подойдя к боцману.*) В каком вы чине?

Боцман. Боцман.

Священнослужитель. Вы верите в бога?

Боцман. Верую во единого бога-отца.

Священнослужитель. Вы старослужащий и легко могли бы заслужить прощение и доверие.

Обостренное внимание пленных.

Боцман. Покорнейше благодарю. Не требуется. Присягу принимал.

Священнослужитель. Вы присягали раньше и своему императору.

Боцман. Так что в феврале семнадцатого госу-

дарь-император, отреклись — следовательно, освободили.

Священнослужитель. Как угодно. Я хотел вам помочь. Я хотел спасти вам жизнь, а вы предпочитаете смерть. *(Подходя к Алексею.)* Вы ведь знаете, как это происходит. Разрыв тканей, окоченение. И первый червь проползет сквозь горло в нос. Глаза засыхают. Везде молчание... Так что ж, подумайте. Ведь ни у кого нет другой жизни, только эта единственная, такая крепкая. *(Алексею, тихо.)* Одно слово — и вы спасены... Поймите свои заблуждения. Очиститесь, и мы поможем вам.

Алексей, что-то прикинув, начинает игру: он слушает священнослужителя и изображает растроганного. Он молитвенно складывает ладони, сделав знак в сторону своих: внимание.

Алексей. Говорите, говорите, святой отец, а то мы с толку сбиты и ничего не понимаем, прямо беда.

Алексей делает легкий знак, и еще два товарища начинают игру.

Голоса. Да, да... не понимаем... Беда, прямо беда... темные мы.

Священнослужитель *(видя нескольких моряков, молящих о помощи)*. Ну, чем вам помочь, моряки? Вот эти самые губы могут говорить и другие слова, простые, такие человеческие... Вы помните их? *(Успокаивает Алексея, который старательно работает.)* Вы знаете все эти слова. Они звучат на всех языках мира одинаково.

Алексей. Одинаково, одинаково.

Священнослужитель. Повторяйте за мной... «Отче наш, иже еси на небесах...»

Алексей *(толкнув соседа локтем)*. Валяй, крой... «Отче наш, иже еси на небесах...»

Матросы работают превосходно. В отдалении первые звуки вспыхнувшей перестрелки. Матросы приподнялись, потянулись... Пробежал караул по тревоге. Стрельба определенной и ближе.

(Поднимаясь с колен и беря священнослужителя за воротник.) Стоп травить, длиннополый! *(И, отшвыр-*

нув на сажень попа, рванулся вперед.) За комиссаром, на выручку, матросы!

Часовые кинулись, чтобы водворить порядок. Первого молниеносным движением стаскивают вниз: только метнулись вверх поднятые ноги. Матросы ринулись на конвой, беря врасплох. Несколько выстрелов. Упал матрос, упал другой. Алексей и с ним еще несколько прорвались. Скрежет и грохот невидимой свалки. Сиплый спасается, налетает на матросов. Смерть! Бегство карaulьных. Ночная паника. Ритмы полка. Матросы несут истекающего кровью комиссара. Они опустили ее на землю. Лавина подходящих наших батальонов приближается с неумолкающим ревом.

А л е к с е й (*поднял руку*). Тише!

Разгоряченные, влетают матросы обходной колонны. Их ведут командир и старый матрос. Заметив знаки Алексея, боцмана, люди перестают кричать. Над комиссаром несколько человек. Все тише и тише люди.

Молчала до конца. Не выдала.

К о м а н д и р. Операция выполнена. (*Наклонясь.*) Вы меня слышите?

Тишина.

Б о ц м а н. На десять минут бы пораньше.

К о м а н д и р. Я сделал все, что от меня хотели... Больше, чем я мог.

А л е к с е й (*опустившись около комиссара*). Товарищ, милый, да как же... Эх, кого теряем, братва!.. Слышишь меня?

Комиссар слабо кивнул головой.

Разгрохали их в дым, в пыль, в порошок... Я гармонь свою обратно вернул.

Комиссар сделал знак, что хочет говорить. Стало необычайно тихо.

К о м и с с а р. Реввоенсовету сообщите, что Первый... морской полк сформирован... и разбил противника. (*Говорит с трудом.*)

Тишина. Люди стоят неподвижно, объятые великой горечью.

Почему так тихо? (*Поглядела сквозь предсмертный туман на командира, на боцмана, на старого матроса, на Алексея — тот стоит с покорябанной гармонью.*) Алексей... Гармонь вынес?

А л е к с е й. Вернул, комиссар, вот она, родная.

И Алексей в каком-то приступе горя и подъема тихо взял на гармони старый мотив, мотив незабвенного 1905 года. Матросы стоят над комиссаром. Алексей играет, потрясенный, и мало-помалу играет все тише и тише. Комиссар угасающим сознанием скользит по товарищам.

К о м и с с а р (*последним дыханием*). Держите марку военного флота...

Мотив почти замирает. Он замер. Комиссар мертв. Полк головы обнажил. Матросы стоят в подъеме своих нервов и сил — мужественные. Солнце отражается в глазах. Сверкают золотые имена кораблей. Тишину оборвал музыкальный призыв. Ритмы полка! Они зовут в бой, в них мощь, они понятны и не вызывают колебаний. Это обнаженный, трепещущий порыв и ликующие шестирудийные залпы, взлетающие над равнинами, Альпами и Пиренеями. Все живет. Пыль сверкает на утреннем солнце. Живет бесчисленное количество существ. Всюду движение, шуршание, биение и трепет неиссякаемой жизни. Восторг поднимается в груди при виде мира, рождающего людей, плюющих в лицо застарелой лжи о страхе смерти. Пульсируют артерии. Как течение великих рек, залитых светом, как подавляющие грандиозные силы природы, страшные в своем нарастании, идут звуки, уже очищенные от мелодии, сырые, грубые, колоссальные — ревы катаклизмов и потоков жизни.

Таврия. Лето 1932 года.

Москва. Октябрь 1933 года

У СТЕН ЛЕНИНГРАДА

Пьеса в трех актах

Действующие лица

- Контр-адмирал — представитель командования Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота.
- Капитан 3-го ранга Сибирцев Н. А., 39 лет. Манеры властные, решительные, порывист. Тон нередко иронический.
- Батальонный комиссар Никонов И. С., 30 лет. Открытое лицо. Нетороплив, уверен.
- Старшина 1-й статьи Лошкарев Иван Степанович. Старый матрос, 61 года, кряжистый, очень сильный.
- Краснофлотец Михайлов Из запаса. Рабочий Кировского завода. Коммунист.
- Краснофлотец Николай Коробков. Кадрового состава. Коммунист. Физически очень крепкий, рослый.
- Краснофлотец Борис Бушков. Кадрового состава. Давнишний друг Коробкова. Комсомолец. Лихой парень. В прошлом беспризорник. Вихор из-под бескозырки.
- Иван Халявин. Из запаса. С виду простоват. С бородкой.
- Писарь Фетисов, около 40 лет. Очень спокойный и хладнокровный.
- Мыриков Никодим, 26 лет. Говорит унылым голосом.
- Краснофлотец Вальцова Татьяна, 19 лет. Простая и красивая девушка-санитарка.
- Юнга Сибирцев Юрий, 16 лет. Сын капитана 3-го ранга. Внешностью и поведением напоминает отца.
- Юнга Сибирцев Олег, 17 лет. Сын капитана 3-го ранга.
- Сибирцева Н. Е. Жена капитана 3-го ранга.
- Михайлов А. Мастер с Кировского завода.
- Краснофлотцы морской бригады с лейтенантом В. Епечуриным и старшинами Шестивеселыми и др.
- Немцы из состава дивизии СС, наступающей на Ленинград.

Действие происходит в течение трех критических дней сентября 1941 года в Ленинграде и на подступах к окраинам города.

Перед занавесом — краснофлотец-вестник.

Вестник. Вы увидите одну страницу из истории Отечественной войны, одну страницу из истории борьбы Ленинграда — города стоического и гордого... Сюда направил Гитлер свой первый удар, чтобы захватом старой столицы России, захватом города, где была провозглашена власть Советов, потрясти нашу страну, наш народ, вызвать растерянность среди наших друзей и союзников. Гитлер хотел ворваться в город на Неве, уничтожить его население, в клочья порвать его знамена и истребить самую память о делах этого города... Вал гитлеровских дивизий подкапывался к самым окраинам Ленинграда, к последним рубежам обороны. Войска Ленинградского фронта вели напряженные бои. Моряки Балтийского флота сошли с кораблей, чтобы помочь армии...

ЗАНАВЕС

Низкие старинные сводчатые казармы. Виден двор, часть набережной. Мачты.

В помещении сумрачно и пусто. Только справа, у канцелярского стола, сидит писарь Фетисов. Медленно входят моряки. Они в походной черной форме, в плащ-палатках, с оружием, вещевыми мешками. Люди молча располагаются на нарах и скамьях. Чувствуется, что они много перенесли, устали. Иные оглядывают казарму, иные молча начинают чистить винтовки, иные курят, иные жадно пьют воду... Приводят раненого... Ему дают место на нижних нарах; он прилег, сдерживая стон...

Писарь (*подходя к Лошкареву*). Морская бригада?

Лошкарев угрюмо взглянул, не ответил.

Ты что, не слышишь? Где командир?

Лошкарев. Убит.

Писарь. Комиссар?

Лошкарев. Там же.

Писарь. Кто за командира? Мне списки составлять.

Лошкарев. Называли нового... Капитан третьего ранга Сибирцев.

Пауза. Писарь отошел.

(Свертывает сигарку, задумался.) На последний рубеж приехали... В казармы. Что же теперь?

Один из моряков. Бригада свое сделала... Без приказа не отошли.

Лошкарев. Еще б вас хвалить за это: с честью отступили к Зимнему. *(Бросил сигарку.)* А мы отсюда начинали, когда вы еще в проекте были... и будто неплохо начинали... А теперь пройденное, завоеванное насмарку? С вашей молодой поддержкой? Ожидал ли я такого от своих!.. Глаза спрятать некуда... А ленинградцы нам верят.

Один из моряков. Чего ты, старик, волнуешься? Россия еще в полсилы воюет. Вот озлится — начнет.

Лошкарев. Немцы завтра в проходную Кировского стучать будут, а ты такой спокойный... Да что вы — не чувствуете, что делается?

Один из моряков. У каждого свой характер.

Входит в кожаном пальто, в щегольской фуражке и с автоматическим пистолетом на ремне капитан 3-го ранга
Сибирцев.

Лошкарев *(зычно)*. Встать, смирно!

Сибирцев строго, по-хозяйски оглядел все помещение. Люди подтягиваются. Сибирцев молчит, ждет. Наступает полная тишина. Все замерли.

Капитан 3-го ранга. Вольно! *(Лошкареву.)* Товарищ старшина, прошу за мной. *(Уходит.)*

Лошкарев. Есть. *(С привычной, ввевшейся за годы готовностью идет за новым командиром.)*

Звонит телефон.

Писарь *(снял трубку, сухо, вяло)*. Флотский экипаж... Нет его. Отбыл. Нет тоже... Нет тоже... Убит... Убит тоже... *(Кладет трубку.)*

Звонок снова.

(Снял трубку.) Флотский экипаж... Нет его. Также нет. Отбыл. Не обязан сообщать... *(Бросает трубку.)*

Лошкарев *(входя)*. На поверку выходи строиться!

Моряки выходят на поверку. В дверях появился капитан 3-го ранга Сибирцев. Звонит телефон. Писарь берет трубку. Сибирцев остановился.

Писарь. Флотский экипаж. Нет его... Тоже нет... Убит... Командир первой роты? Тоже нет... Этих тоже нет... Не знаю... Не было... Моя фамилия?.. Моя фамилия ничего не сообщит, кончайте разговаривать... *(Бросил трубку.)* Звонят... Звоните, звоните!..

Капитан 3-го ранга Сибирцев подошел ближе. Писарь его не видит.

(Вскакивает, заметив Сибирцева.) Дежурный писарь, старшина первой статьи Фетисов, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Что у вас тут — действительно никого?

Писарь. Последних отдали.

Капитан 3-го ранга. Ваша задача?

Писарь *(служебно)*. Продолжать службу, принимать телефонограммы, а также людей, если будут, а в случае вторжения — уничтожу документы и буду оборонять служебное помещение до последней возможности.

Капитан 3-го ранга. «В случае вторжения»?.. Вторжения в Ленинград не бывало и не будет.

Писарь. Понимаю.

Капитан 3-го ранга. Нет, видимо, плохо понимаете...

Звонок телефона.

Капитан третьего ранга Сибирцев слушает. Прибыл, товарищ контр-адмирал. Бригада? Живы, прорвались... Раненых сдал. Так точно... Указания даны. Люди будут поступать незамедлительно? Понимаю... Проверяю лично... Да... Все будет исполнено... Дома? Никак нет, не был, не имею времени. Благодарю за заботу. Приступаю... *(Кладет трубку.)* Значит, у вас тут «последних отдали»?

Писарь. Так точно, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. «Последних»?.. И никого больше, кроме вас, не осталось? И силы все иссякли? Был Балтийский флот и остался один... Как фамилия?

Писарь. Писарь Фетисов, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. И остался единственный писарь Фетисов... А? Картина! И чем занят этот

единственный писарь? Тоску на людей нагоняет. Сидит тут: «Флотский экипаж. Нет, отбыли, убиты, и эти убиты...» Врете — не убиты. Рано хороните. Как отвечают у нас во флотской части и на кораблях? «Есть» — понимаете, «есть», а не «нет», «отбыли»... Действует, будет, а не «отбыл», «убит». Понятно?

Писарь (*тихо*). Есть.

Капитан 3-го ранга. Плохо слышу.

Писарь (*громче*). Есть.

Капитан 3-го ранга. Плохо слышу.

Писарь (*еще громче*). Есть!

Капитан 3-го ранга. Ага, начинает доходить? Будет сформирована новая бригада.

Писарь. Есть!

Капитан 3-го ранга. Погодите. Составите список новой бригады. Аттестаты оформите. Люди будут приходить с кораблей и из разных частей. Могут быть случаи, что на них не успеют заготовить аттестаты... Не до формальностей — принимайте... Сейчас не об аттестатах надо думать...

Писарь. Сутки-двое нам дадут, товарищ капитан третьего ранга?

Капитан 3-го ранга. Часа два, может быть, дадут, писарь.

Писарь. Часа два?

Капитан 3-го ранга. Не можете справиться — выгоню к чертям. Найду таких, которые справятся.

Уже в конце этого диалога за сценой слышен твердый, звучный шаг. Слышна команда: «Отделение!» В помещение входит группа моряков. Характерная резкая команда: «На месте... Отделение, стой!» После учащенного шага на месте отчетливый притук каблуками. Все замерли.

Старшина группы. С линейного корабля «Октябрьская революция» в ваше, товарищ капитан третьего ранга, распоряжение, для зачисления в Морскую бригаду, прибыли. (*Вручил документы.*) Старшина второй статьи Петренко.

Капитан 3-го ранга (*поглядев на группу*). Дела ясны, матросы? Задача ясна?

Из рядов. Ясна... «Последний парад наступает...» — Тут все добровольцы.

Капитан 3-го ранга. Писарь, занести в списки...

В конце диалога за сценой слышен твердый, звучный шаг. Подходит еще одно отделение, за ним — еще одно. Люди молодые, крепкие, ладные. В походном флотском обмундировании. Старшины коротко являются к капитану 3-го ранга, докладывают о прибытии: «Товарищ капитан третьего ранга, с отряда новостроящихся кораблей в Морскую бригаду. Старшина Шестивесельный». — «Из учебного отряда подводного плавания в ваше распоряжение, товарищ капитан третьего ранга, прибыли. Старшина второй статьи Николаев». Николаев еще не успел закончить, как возник шум. Голоса: «Здесь! Давай!» Через несколько секунд влетает краснофлотец Бушков и с ним группа. Бушков в крайнем возбуждении, бушлат раскрыт, фуражка сбилась.

Бушков. Здесь!.. Давай! Все, как один... Н-ну, альбатросы!.. Кто тут принимает? *(Дышит тяжело. бежал, торопился.)*

Капитан 3-го ранга. Кто ж вы будете, интересно? Атаман? Племянник батьки Махно?

Бушков *(опешив)*. Никак нет, краснофлотец первой статьи Бушков.

Капитан 3-го ранга. Краснофлотец! Странно. А я вас принял за атамана. -

Бушков *(застегиваясь)*. Никак нет.

Капитан 3-го ранга. «Никак нет»? Ну так и являйтесь, краснофлотец первой статьи, как и надлежит являться... Марш!

Бушков. Есть. *(Своей группе.)* Айда, обратно... То есть кру-гом!

Группа повернулась, но в спешке и смущении — не к выходу, а лицом в зал.

Бушков *(краснея)*. Отставить. Кру-гом!

Группа вышла. У некоторых — Лошкарева и других — улыбка на лице. За сценой ровный топот вышедшего отделения. Голос Бушкова: «Но-гу! Тверже шаг!» Лошкарев вслушивается и одобрительно кивает, негромко произнося: «Так, так». Голос Бушкова: «Отделение, стой! Кру-гом!» Слышны отчетливо исполняемые команды: «Отделение, в помещение бригады, шагом арш!» Слышен равномерный и нарастающий шаг отделения. Оно входит, как на параде.

Бушков. Товарищ капитан третьего ранга, команда выздоровевших раненых в распоряжение командира Морской бригады прибыла. Люди все налицо. Старший команды краснофлотец первой статьи Бушков. *(Вручает документы.)*

Капитан 3-го ранга (*неторопливо*). Вот это понятнее... И пока вы в бригаде, службу будете нести именно так.

При этих словах подтянулись и люди в других группах.

Бушков. Есть.

Капитан 3-го ранга (*подошел ближе и спросил негромко, интимно*). Почему в первый раз ввалились в безобразном виде?

Бушков. Виноват, товарищ капитан третьего ранга. Торопились, в возбуждение пришли: город в опасности, пожары, граждане на нас глядят: «Что ж, мол?» Мы пулеметные ленты надели и бегом, как отцы в восемнадцатом...

Капитан 3-го ранга. Вы думаете, отцы этим брали? (*Жест удальства и разнузданности.*) Общая задача ясна?

Бушков. Так точно.

Капитан 3-го ранга. Конкретнее.

Бушков. Оборонительные рубежи держать до конца, город сдан быть не может.

Лошкарев. Вот, вот, вот, сынок...

Бушков. Папаша, как же иначе? Фирма заслуживает доверия.

В дверях писарь. Он держит в руках лист бумаги — это списки. Лошкарев: «На поверку выходи строиться!» В группе Бушкова один из раненых идет, хромя.

Мыриков (*с нар*). А таких зачем же? Такого эвакуировать надо. Вообще слабых чего же брать?..

Раненый (*показал обеими руками, как бьют из пулемета*). Могу еще? Могу. И ты не гнуси.

В соседнем помещении слышно: «Становись!» Топот ног. Лошкарев готовит там поверку людей. Мыриков продолжает лежать на нарах.

Капитан 3-го ранга. А для вас отдельное приглашение?

Мыриков. Виноват. (*Неуклюже берет винтовку, мешок, идет в строй.*)

К командиру подошел рассыльный.

Рассыльный. Товарищ капитан третьего ранга, разрешите обратиться?

Капитан 3-го ранга. Слушаю.

Р а с с ы л ь н ы й. Вас спрашивает ваша жена, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Жена?.. Сейчас буду. Нет, просите сюда. Времени в обрез.

Р а с с ы л ь н ы й козырнул, бегом бежит исполнять приказание. Вошел писарь, подал командиру списки.

П и с а р ь. Списки сами предварительно проверите, товарищ капитан третьего ранга?

Капитан 3-го ранга. Дайте. (*Пробежал списки*).

П и с а р ь. Есть.

Входит жена командира — красивая, крепкая женщина лет 37.

П и с а р ь. Разрешите быть свободным. Поверку без вас проводить?

Командир кивнул головой, смотрит на жену... Писарь вышел. Командир и его жена бросились друг к другу. Он целует ее — молча, часто, руки, лицо...

Капитан 3-го ранга. Ты! Ты! Ты — родная. Ты... Я думал, что уж никогда больше тебя не увижу. Не понимаю, как мы вообще вернулись. Двое суток нещадной бомбежки. Взрывы, люди тонут. Остановиться, помочь — нельзя. День, ночь... Атака за атакой. Ночь, море, мрак абсолютный, по сплошным минным полям пробирались, а утром перед нашим прорывом Берлин дал радио, конечно, «всему миру»: «Из окружения не вырвется ни один корабль Балтфлота...» Врете. Вырвались. (*Снова обнимает жену.*)

Ж е н а. У тебя седые волосы, дорогой.

Капитан 3-го ранга. Да! Могло случиться. Могло. Как мальчики?

Ж е н а. Они здоровы.

Капитан 3-го ранга. Дома все в порядке?

Ж е н а. В порядке, милый... Мы тебя ждали...

В соседнем помещении началась переключка. Грубоватый голос старого моряка выкрикивает по алфавиту фамилии: «Аввакумов, Абольников, Аверин, Батулин, Борисов, Бориченко, Бушков, Васильев, Вашугин, Ведерников...» Ритмически падают ответы: «Есть, есть, есть!» На фоне переключки:

Капитан 3-го ранга. Я тосковал по тебе. Я тебя обожаю. Ты мне снишься...

Жена. Ты мне тоже... *(Пауза.)* Как я тебя ждала...

Капитан 3-го ранга шепчет ей несколько слов на ухо.

Жена. Да.

За сценой вой пронсящих санитарных автомобилей.

«Скорая помощь»... Бьют уже прямо по кварталам...

Капитан 3-го ранга. И по нашему дому? Вас тоже обстреливают?

Жена *(замышлись)*. Ну, пустяки... один раз...

Капитан 3-го ранга. Я уже вижу: «один раз»... Как в городе реагируют?

Жена. Как реагируют? По-разному... Ну есть, конечно, типы, которые уже шипят, что «была Советская власть...»

Капитан 3-го ранга. Ага, «была»? Перепуганные душонки! «Ах, немцы, ах, техника, ах, тактика окружения!..» Ну, посмотрим, посмотрим, кто кого будет окружать. Наш город выстоит. Слышишь? *(Порывисто, крепко взял жену за руку, до боли сжал эту руку.)*

Жена. Больно!

Капитан 3-го ранга. Прости меня, милая... *(Целует руку жены.)* Нет, действительно, разве можно представить — немцы в Смольном или немцы в Зимнем... Я этого себе не представляю...

Жена. Так же думают и настоящие ленинградцы. А вы надолго сюда пришли? Как, ты думаешь, будет дальше?

Капитан 3-го ранга. Думать, дорогая, уже нечего, некогда. Дратся надо. Дратся будем. В морские бригады даем десятки тысяч моряков. Понимаешь?

Люди возвращаются с поверки. Писарь подошел к командиру. Капитан 3-го ранга встал.

Писарь. Список готов, люди в наличии, нетчиков нет, товарищ капитан третьего ранга. Ожидается прибытие последней роты. Приказы...

Командир принял бумаги. Слышен звук мотоцикла.

Жена. Ну, я пойду. Когда тебя ждать дома?

Капитан 3-го ранга. Вечером.

Связист-мотоциклист (*входя*). Приказано вручить командиру бригады.

Капитан 3-го ранга (*взял пакет. Вскрыл. Просматривает*) Нет, домой я не попаду. Позови мальчиков сюда.

Жена. Зачем? Неужели?..

Капитан 3-го ранга. Позови мальчиков.

Жена. Ты обещал быть вечером.

Капитан 3-го ранга. Я сказал: позови мальчиков сюда. (*Мягче.*) Домой уже я не попаду.

Жена (*тихо*). Хорошо, хорошо, сейчас я с ними вернусь.

Капитан 3-го ранга (*писарю*). Готовь все документы для моего доклада.

За сценой шум.

Входят бойцы и Мымриков.

Мымриков. Как же так? Как же так? Вот беда... вот беда — Шлиссельбург отдали... Теперь мы в кольце...

Голоса. Шлиссельбург?! Не может быть!

Мымриков. Как же теперь? Совсем отрезаны. Что же — к чему пришли, товарищ командир?

Капитан 3-го ранга. Откуда слухи?

Мымриков. Другие говорят, и я говорю — я, что же...

Капитан 3-го ранга. Откуда слухи?

Мымриков. Люди говорят...

Капитан 3-го ранга. Какие люди? У каждого слуха есть имя, фамилия...

Мымриков. Во дворе один...

Капитан 3-го ранга. Это не имя и фамилия... Имя и фамилию!

Мымриков. Такой там один, бритый...

Капитан 3-го ранга. Это не ответ. Тогда ваше имя и фамилия?

Мымриков (*умоляюще*). Товарищ капитан третьего ранга!

Капитан 3-го ранга. Я сказал...

Мымриков. Мымриков Никодим...

Капитан 3-го ранга (*к морякам, мимо Мымрикова*). Советую зарубить, выжечь внутри: в бригаде — дисциплина. Служба. Долг. Присяга. Мы в крепости... И порядки тут будут крепостные.

Запомнить. Осадного времени порядки. (Писарю.)
Бланк дайте.

Тот подал.

Мымриков. Товарищ командир...

Капитан 3-го ранга (писарю, заполняя
бланк). В Трибунал направите.

Слышен у набережной рев торпедного катера. Возглас: «Ка-
тер под флагом контр-адмирала!»

Мымриков (воплем). Товарищ командир!..

Капитан 3-го ранга встал навстречу прибывшему контр-ад-
миралу.

Дежурный. Контр-адмирал!

В помещение входит контр-адмирал.

Капитан 3-го ранга. Смирно! Товарищ
контр-адмирал...

Контр-адмирал. Отставить! (Внимательно
посмотрел на людей.) Здравствуй, товарищи.

Строй. Здрасс!..

Контр-адмирал. Стоять вольно. Последняя
рота... прибыла?

Капитан 3-го ранга. Никак нет. Жду.

Контр-адмирал. Каждая минута дорога,
а они опаздывают! (Командиру.) Обстановку знают
люди? (Пауза.) Бои у трамвайных остановок, за Ки-
ровским заводом три-четыре километра. Бои у Сред-
ней Рогатки. Перехвачены все железные и шоссей-
ные дороги, соединяющие город со страной. Потерян
Шлиссельбург.

Люди взглянули на командира и на Мымрикова.

Мымриков. Так отправление в Трибунал со-
стоит или — правда есть правда?

Контр-адмирал. Кого в Трибунал и за что?

Мымриков. А я сказал — с целью глядеть
действительности в глаза, что Шлиссельбург потерян.
Ну, меня — раз — и в Трибунал.

Капитан 3-го ранга молча выдержал взгляды контр-адми-
рала и других.

Контр-адмирал (Мымрикову). А кто вам
дал право высказывать с собственной «информаци-
ей»?.. Кто вас уполномочил?.. За самочинные дейст-

вия вполне можете угодить в Трибунал. Впрочем, это дело командира.

Мы м р и к о в. Товарищ командир... я просто не сообразил... Вот вы говорили о бригаде, о присяге... Просто за душу задели. Совестно! Клянусь, ей-богу, оправдаю, товарищ капитан третьего ранга...

Все молчат, ждут.

Капитан 3-го ранга (*молча пробежал бумагу в Трибунал и разорвал ее*). Идите на свое место.

Мы м р и к о в. Есть. Спасибо...

Контр-адмирал. Последней роты еще не видно?

Капитан 3-го ранга. Немедленно доложат, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал подходит к морякам, стоящим вольно. У некоторых мелкие неурядицы в одежде, он мимоходом их поправляет. Моряки подтягиваются. Остановился около Лошкарева.

Контр-адмирал. Какого года рождения?

Лошкарев. Тысяча восемьсот восемьдесят третьего года, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Так это запас второй очереди и даже вовсе выслужившие.

Лошкарев. Доброволец, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Где плавали?

Лошкарев. На Второй Тихоокеанской эскадре в тысяча девятьсот четвертом — тысяча девятьсот пятом годах. С тысяча девятьсот шестого по тысяча девятьсот двенадцатый — на «Императоре Александре Втором», старший унтер-офицер. С тысяча девятьсот двенадцатого за политику — в арестантских ротах по тысяча девятьсот четырнадцатый. С тысяча девятьсот четырнадцатого по тысяча девятьсот восемнадцатый год с немцами дрался, затем гражданская война — на линейном корабле, а также в морских отрядах. Затем в Совторгфлоте. В Финляндскую вновь на Балтике. Ныне тоже.

Контр-адмирал. Да-а...

Лошкарев. Так точно.

Контр-адмирал. Так вы стойте вольно...

Лошкарёв. Ничего, постоим, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Годы не мешают?

Лошкарёв. Никак нет, здоровый. При разбивке у воинского начальника отметили: «Одному даст — трое свалятся».

Бушков (*стоит рядом, плечистый, с вихром*). А пожалуй, и не свалятся.

Лошкарёв. А когда старшие говорят, младших — тысяча девятьсот двадцать первого года рождения — дело слушать да помалкивать почтительно... (*Контр-адмиралу.*) Степан Осипович, между прочим, это первым пунктом для матроса считал — здоровье.

Контр-адмирал. Про адмирала Макарова говорите?

Лошкарёв. Так точно, про адмирала Степана Осиповича Макарова. Они для матроса пункты выставляли. (*Чеканит, как на словесности.*) Матрос должен соответствовать по пяти пунктам: здоровье, выносливость — раз, дисциплина — два, привычка к морю — три, смелость — четыре, знания — пять.

Контр-адмирал. Ну, а как вы полагаете, современные соответствуют? (*Кивнул на окружающую молодежь.*) Ну, ну... Как вас по имени-отчеству?

Лошкарёв. Иван Степанович, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Иван Степанович, что о них можете сказать?

Лошкарёв. Насчет здоровья — нашей выделки, в отцов пошли. Здоровые. (*Покосился на Бушкова.*) Дисциплину тоже знают... А если кто забывает, то им и напомнить можно. (*Опять покосился насмешливо, мягко на Бушкова.*) Пункт третий — привычка к морю — есть, мы прививали. Смелость — так это у людей в русском характере. Знания? Тут, конечно, молодежь нас обжимать стала. (*Вздыхнул.*)

Контр-адмирал. Обжимают, Иван Степанович?

Лошкарёв (*вздыхнув*). Обжимают... беда... У них эти дифференциалы и интегралы, а у нас только — псалтырь, вот какое дело... Но мы еще посмотрим, мы опытом возьмем.

Бушков. Посмотрим, посмотрим, потягаемся!

Лошкарёв. Не надорвался бы, сынок.

Бушков. А там видно будет, папаша.

Лошкарёв. Ну, что ж, дай бог «нашему теляти да волка съести», как говорится...

Опять с воем промчались санитарные машины. Контр-адмирал посмотрел на часы.

Контр-адмирал (*Лошкарёву*). Вы в партии?

Лошкарёв. Никак нет.

Контр-адмирал. Почему?

Лошкарёв. Характер закоренелый, случаются домашние происшествия, да и книга туго идет.

Контр-адмирал. Какие у вас домашние происшествия?

Лошкарёв. На почве быта, товарищ контр-адмирал. С бабой тридцать годов ужиться не можем — как зачем, горшки летят, а партийное дело, коммунизм — это гармония, согласие и общий мир. Этого я еще не могу допонимать... Не получается у меня гармонии.

Контр-адмирал. Дошлый ты, Иван Степанович.

Лошкарёв. Так известно, матрос, пальца в рот не клади.

Контр-адмирал. Ну, а насчет войны как вы лично смотрите?

Лошкарёв. Вот в смысле войны, России — это я лучше разбираюсь, чем по теории, — более привык, — впиталось, так сказать. О войне? Очень большое закрутили дело — сведущим людям хватит на век, да и больше думать, разбираться... Я пятую войну воюю. Глубокая это война — может, своим умом мне ее до конца и не постичь. Скажем, так: в тысяча восемьсот двенадцатом году при Бородине наши стояли, чтоб Москва — Россия уцелела, того не подозревая, чтоб потом Ленин появился и чтоб потом, через век после Бородина, Советская власть. А? Вот оно как одно за другое цепляется. Видно, и сейчас на век, да, пожалуй, и больше, мировые дела определяем.

Голос. А чего же отступаем?

Лошкарёв. А ты, малец, еще погодь. Гитлер наступает только в прениях, а еще заключительное слово будет у России-то... Отсюда и ясно, устоять

обязаны. Виноват, что задержал, товарищ контр-адмирал...

Контр-адмирал. Устоим, Иван Степанович.

Лошкарев. По долгу—присяга, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Ну, спасибо за правильное слово, за службу.

Лошкарев. Рад стараться... то есть служу Советскому Союзу!

Бушков (*блеснул глазами*). Товарищ контр-адмирал, вопрос задать можно?

Контр-адмирал. Задавайте.

Бушков. Может быть, не ждать, пока другие роты подойдут? Есть желающие идти сразу.

Движение вперед всей команды Бушкова.

Мы служили, мы готовились, что ж теперь время терять! Пусть дадут нам последний бой принять. Бегом бросок сделаем. ГТО первый класс. (*Взглянул на старика.*) И пусть некоторые товарищи рождения девятнадцатого века заодно посмотрят, что такое комсомол.

Лошкарев. Во-от... во-от... Приятно на старости настоящее слово слышать... (*Контр-адмиралу с улыбкой.*) Тягаются внуки-то, товарищ контр-адмирал.

Бушков. Потягаемся, папаша, потягаемся. Конечно, мы только тысяча девятьсот двадцатого года рождения и к Цусиме не успели, когда вас обрабатывали, но тоже кое-чего умеем и можем.

Лошкарев (*снисходительно*). Во-от, вот разговор настоящий...

Мыльников. Вопрос задать можно, товарищ контр-адмирал?

Контр-адмирал. Да.

Мыльников. Увольнение на берег будет? С семьями проститься дадут?

Контр-адмирал. Нет.

Мыльников. Вопрос задать можно?

Контр-адмирал. Да.

Мыльников. Время подформироваться — чтобы верней было,—освоиться, осмотреться дадут?

Контр-адмирал. Нет.

Мыльников. Еще вопрос задать можно, товарищ контр-адмирал?

Контр-адмирал. Да.

Мымриков. В баню пустят, белье, обмундирование дадут?

Контр-адмирал. Нет. *(Пауза.)* Теперь вам задать вопрос можно? *(Пауза.)* Когда ваша бригада драться будет?

Капитан 3-го ранга. Сегодня будет в действии, и я отвечаю за это.

В помещение входит еще одна группа моряков. Ее ведет пожилой штатский человек — мастер Михайлов. Заметно, что в этой группе люди одеты не так однообразно и строго, как в остальных.

Мастер Михайлов. К кому ж тут обращаться из администрации? *(Сибирцеву.)* Вероятно, вы?..

Тот сделал жест в сторону контр-адмирала.

К вам?.. Вот пришли... *(Волнуется.)* Да вы поймите — в цехах снаряды уже рвутся... Да это ж невозможно... Люди стоят у фрезеров, а он — бьет прямо по людям... *(Всем.)* Да поймите вы — Кировский обстреливают!.. Путиловский обстреливают! Да что ж это такое? *(Контр-адмиралу.)* Товарищ уважаемый! *(Другим.)* Мы же танки на всю Россию делаем... Ну, а вы... вы... Нельзя же так...

Моряки молчат.

Михайлов-младший. Папаша, ближе бы к делу...

Мастер Михайлов. Так что ж ты молчал до сих пор?.. Я за тебя должен говорить?.. *(Сибирцеву.)* Сынишка мой, давай живей.

Михайлов-младший. Разрешите обратиться к капитану третьего ранга, товарищ контр-адмирал?

Контр-адмирал. Обращайтесь.

Михайлов-младший *(Сибирцеву.)* Запаса старшина второй статьи Михайлов. В ваше распоряжение с группой моряков запаса и моряков-допризывников Кировского завода прибыл. *(Вручает документы.)*

Капитан 3-го ранга. Куда и для чего вас направляют, знаете?

Михайлов-младший. Знаем.

Подошла еще группа моряков. Старшина вручил бумаги. «В Морскую бригаду, товарищ капитан третьего ранга». Сибирцев указал на писаря. Тот записывает.

Капитан 3-го ранга (*продолжая диалог с Михайловым*). Ко всему готовы?

Михайлов-младший. К выполнению любого задания, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга (*одному из молодых*). Как понимаете свою задачу?

Молодой. Стоять за Ленинград до конца, на-смерть. Ну и к заводу, конечно, не пускать.

Капитан 3-го ранга. Писарь, внести в списки. (*Передал писарю список группы.*)

Михайлов-младший. Ну, отец, благослови.

Мастер Михайлов. Иди, Николай, час пришел... Иди, родной.

Михайлов-младший. Есть, отец... Прощай.

Мастер Михайлов. Ну, чего прощай, зачем прощай? До свидания... (*Обнял, поцеловал сына троекратно, потом посмотрел на Сибирцева, на Лошкарева и на других моряков.*) Надеется на вас рабочий класс, товарищи моряки. Город мы решили не отдавать.

Контр-адмирал. Все понятно, товарищ... все понятно... (*Обращаясь ко всем.*) Товарищу Жданову и товарищу Ворошилову Балтийский флот дал слово, что бригада сегодня будет в действии.

Лейтенант (*входя, четко*). Роты пополнения. Лейтенант Епечурин.

Контр-адмирал. Давайте людей сюда, быстро.

Лейтенант. Есть.

Рота заполняет помещение. Пришедшие ранее взводы и отделения потеснились.

Контр-адмирал (*продолжает*). Мы сейчас, употребляя выражение Ленина, в центре бешеной атаки на столицу. Идет кольцевой штурм города. Понятно? Видели — зарево кругом?.. Сейчас критический момент... Готовится большая операция Ленинградского фронта — и моряки примут в ней активное участие. Тут надо напрячь все силы, отдать все. Вы

пойдете на один из решающих участков. Честь эта дается самым отважным.

Бушков гордо поднял голову, поглядел на своих.

Вы будете драться за город Ленина. Это город, который никогда, никем не был взят... И не будет взят. *(Глядит на часы.)*

Мастер Михайлов. А как же иначе? А как же...

Контр-адмирал. Мы люди мирные и добрые, но, когда надо, тем, кто мешает, голову снесем, не постесняемся. Последнее: решайте свою задачу смело, как подобает русским морякам. *(Поглядел на Мымрикова.)* Попечения и мысли насчет домашнего уюта, бани, отдыха и прочих вещей — из головы пока советую выкинуть.

Мымриков заморгал глазами, ответил: «Есть».

Случай измены, трусости карайте на месте... *(Пауза.)* Да вот и все, друзья. Значит, положиться на бригаду можно?

Моряки. Можно! Полностью и до конца, товарищ контр-адмирал.

Контр-адмирал. Выступите, когда прибудет новый комиссар, товарищ Никонов... Будет с минуты на минуту.

Капитан 3-го ранга. Есть.

Контр-адмирал *(морякам)*. Ну, с каждым попрощаться тут уж некогда — одному передаю напутствие Ленинграда и флота... *(Поглядел на людей, подошел к Бушкову, протянул ему руку, обнял и поцеловал его. Тот пылко ответил, крикнул, поглядел гордо на Лошкарева.)* И давайте живо, командир. *(Пожал ему руку.)*

Капитан 3-го ранга. Есть!

Контр-адмирал уходит. Команда: «Смирно!» Контр-адмирал, уходя: «Вольно!»

Вошла девушка-санитарка, одета, как все, в походную морскую форму, с санитарной сумкой.

Девушка. Вы товарищ командир?

Капитан 3-го ранга. В чем дело?

Девушка. Я направлена к вам. Комсомол тоже весь идет... Вот тут путевка. Я — к морякам. *(Заметив Михайлова.)* Ой, можно с ним поговорить? *(По-*

дошла радостная, непосредственная.) И вы здесь! (Протянула моряку руку.) А рана прошла?

Михайлов-младший. А, дружок!.. Прошла рана, прошла... Но вы доложите свое дело командиру.

Девушка (наивно, просто, командиру и другим показывая на Михайлова). Мы с ним вместе всегда были... (Смутилась.) То есть не вместе, а на одном заводе, а потом я была в госпитале, то есть не я, а он был ранен, когда бомбили завод, а я ухаживала, то есть не ухаживала, а вообще, ну, медицински заботилась... И он еще не долечился... Он же до срока выписался... Куда же ему идти?

Быстро входит жена командира, с ней сыновья. Мальчики кинулись к отцу, обняли его, тормошат: «Отец, папа!» Командир просветлел, смотрит на сыновей, целует их. Мать и счастлива, и встревожена. Лошкарев тут же, перебив, к строю: «А ну, живо, в ноль минут собирайся!.. Лишнее имущество сдать. Боезапас — патроны и гранаты — допринять... Живо! Шевелись, как на пружинах». Моряки занялись последними сборами. Михайлов подвел девушку к писарю.

Капитан 3-го ранга. Ну, гарнизон! (Смотрит на сыновей.)

Юрий. У тебя автоматический? (Тянется к отцовскому оружию.)

Капитан 3-го ранга. Подожди. Что ты так похудел?

Юрий. Безумно занят, папа. Мы же ЛПВО. Знаешь, мы все время на крышах мотаемся, бомбы тушим, пожары тушим, столько дел — просто невероятно! И потом на мне — грандиозная ответственность.

Капитан 3-го ранга. Какая?

Юрий. Ну, не будем уточнять, это связано с особыми заданиями.

Капитан 3-го ранга. Ну, все-таки?

Юрий. Я команду звеном из трех ребят.

Капитан 3-го ранга. А как ты учишься?

Юрий. Отец, какое тут ученье — тотальная же война!..

Жена. Юрий совершенно помешался.

Юрий. Мамочка, погоди. (Подождал к отцу, тянет его в сторону, несколько таинственно.) Отец, мы идем с тобой.

Капитан 3-го ранга. Как?

Ю р и й (Олегу). Псс... на минутку к борту!

Олег подошел.

Сообщи.

Олег. Отец, мы идем с тобой. Обсуждено и решено.

Капитан 3-го ранга. Подождите, подождите, по порядку.

Ю р и й. Отец, ты вникни философски: настал решающий час. Идут все. Что же нам — со стариками сидеть или эвакуироваться? Это немыслимо! А во-вторых (*несколько снизив голос*), даже девчонки идут. Проходят в форме и так пронзительно и едко смотрят на тебя, что ты штатский. (*Брезгливо взял пальцами свою рубашку.*) Понимаешь, ужас! Я готов сквозь землю провалиться.

Капитан 3-го ранга. Мать знает?

Олег. Нет, не было смысла волновать ее в твое отсутствие. Мы решили вынести все на семейный совет и опереться на тебя. Получится большинство голосов — раз, два и ты третий. Ты, пожалуйста, не подведи.

Капитан 3-го ранга. Попроси сюда мать.

Юрий кинулся к матери. Она беседует с подошедшей к ней девушкой-санитаркой.

Капитан 3-го ранга (*жене*). Олег и Юрий хотят кое-что сообщить.

Ж е н а. Почему так официально?.. Что случилось?.. (*Сыновьям.*) Что вы опять затеяли?

Ю р и й. Mamочка, не надо волноваться, все уже в порядке. Мы решили идти с отцом, он не возражает...

Капитан 3-го ранга. Я ничего не говорил...

Ю р и й. Но морально ты на нашей стороне, конечно. В тебе я никогда не сомневался.

Ж е н а. Вы никуда не пойдете, дети.

Ю р и й. Mamочка, ты вникни: война эта, понимаешь ли, ну, необыкновенная. Финляндская была маленькая, и мы не бегали — обсудили тогда и решили выждать известного развития международных противоречий... А эта война... Эта война за все, понимаешь, мамочка?.. И мы стоять в стороне не можем, это было бы нечестно...

Ж е н а. Дети, это невозможно...

Олег. Мама, во-первых, мы не дети. Я уже бреюсь.

Ю р и й. Я тоже — скоро буду... потом, это не главное — усы... Главное: мы — ленинградцы или нет, мама?

Ж е н а. А школа? Вы же должны учиться...

О л е г. К чему аттестат, если ворвутся немцы?..

Ю р и й. Мамочка, я могу сразу тебя убедить. Ответь, что сделал отец, когда ему было семнадцать лет? (*Смотрит на мать, смотрит на отца.*) Ага... Пожалуйста. Ответа не требуется. Отец тоже пошел и дрался... А сколько раз ты нам сама говорила: «Будьте, как отец».

Ж е н а. Но...

Ю р и й. Что «но», мамочка?

Мать молчит.

Вот видишь, мамочка, как мальчишки говорят, «икрыть нечем».

Ж е н а. Юрий, милый... (*Заплакала.*)

Ю р и й. Ты не волнуйся. Многие знаменитые люди тоже начинали, как мы.

О л е г. Надо сказать наоборот. Мы хотим начать, как знаменитые люди.

Ю р и й. Ну, пожалуйста, наоборот. Когда Суворов начал служить в гвардейском полку, он еще моложе нас был. А Александр Невский!..

Кап и т а н 3-го ранга (*скрывая улыбку*). Про юношеские годы Александра Невского науке ничего не известно.

Ю р и й. Но я уверен в Александре Невском! Ручаюсь, что он практиковался лупить немцев. Вот так... (*Уже бьет воображаемых немцев; натывается на Лошкарева.*)

Л о ш к а р е в (*одним из первых закончил сборы; стоит подтянутый, крепкий, ладный*). Ишь, бедовый!.. Ваши ребятки, товарищ командир?

Кап и т а н 3-го ранга. Мои... Просятся со мной.

Неожиданный шум. Возгласы: «Пришел! Жив! Коробков жив!» Он в бинтах, повязанных через грудь. Высокий, ясный. Бушлат внакидку. Это — К о р о б к о в.

Б у ш к о в (*узнав в раненом своего старого друга Коробкова*). Коробков. Коля, милый! Скитания юности, беспризорное горе!..

Л о ш к а р е в. Коробков! Жив!

Юрий (матери). Смотри, даже раненые...

Коробков (отвечая друзьям, пожимая руки). Старший разведчик Коробков из прорыва явился. (Своим.) А я двое суток на плоту шел... Мимо кораблей на прорыв идут, машу, семафорю, — куда! — не видят... Ну, я и греб себе... (Жест.) Добрался. (Отдает честь.) Товарищ капитан третьего ранга, краснофлотец первой статьи Коробков в вашем распоряжении.

Капитан 3-го ранга. Вас где перевязывали, Коробков? В каком госпитале?

Коробков. А я сбежал, да еще ребят с собой прихватил. (Показал на нескольких раненых.) Они, врачи, меня куда-то тянут. Мы вас, говорят, эвакуируем куда-нибудь на самолете. А я говорю: «Да вы в уме? Чтобы я с Балтики списался, из Ленинграда? Рано еще меня вывозить, что я, музейный предмет, что ли?.. Я еще стою, я еще похожу». Верно, Боря, верно, Иван Степанович?

Бушков. Н-ну, ходим, дружба! (Обнял его.)

Коробков. А то, говорят, мы вас вывезем. А я здоров... (Пошатнулся, обессилел.)

Его подхватили «Коля!.. Коля, что с тобой?» Капитан 3-го ранга: «К доктору, живо!» Повели на перевязку. Коробков властно, сильно отстранил всех: «Я сам». Пошел, пошатываясь.

Юрий (матери). Вот это парень! Отец, раненые идут — немисливо быть в стороне. Мама! Да пойми ты...

Капитан 3-го ранга (долгим взглядом посмотрел на жену). Идите, получите обмундирование.

Юрий (вытаскивает из кармана сложенную бескозырку, надевает ее). Есть!

Капитан 3-го ранга. Гм... (Олегу.) А ты?

Олег тоже вытаскивает бескозырку.

А если бы разрешения не было?

Юрий. А у нас есть договоренность с танкистами...

Капитан 3-го ранга. Ну, ну, еще куда?

Юрий. Вот мы и знали, что ты будешь протестовать и все равно возьмешь к себе.

Капитан 3-го ранга. Н-да. (Взглянул на жену.) Ты видишь?

Жена. Вижу.

Юрий. Мы настойчивые. Мама говорила, что ты тоже был настойчивым. Вот когда ты ухаживал за мамой, то...

Капитан 3-го ранга. Ясно, ясно, отправляйтесь. Получите оружие. Иван Степанович, выдайте им...

Лошкарев. Есть. Ну, внучата-салажата, пошли!

Юрий. Мне только, пожалуйста, автомат...

Лошкарев. Пушку тебе целую дадим...

Обасына со старым моряком пошли на склад. Командир и его жена остались вдвоем. Входит Халявин.

Капитан 3-го ранга. Ну, вот и товарищ Халявин жив!

Халявин. Есть, жив, товарищ капитан третьего ранга. Пуля не берет, вода не принимает, еще поработаем.

Капитан 3-го ранга (*писарю*). Внесите в списки Коробкова и тех, которые с ним, и вот — Халявина.

Писарь. Есть.

Жена. Как это все неожиданно. А кто же их оденет?.. Надо же посмотреть. Теперь осень...

Командир и жена его вышли. Писарь подзывает к себе Халявина, тот подходит.

Халявин (*отпрянув, глядит удивленно*). Вы?!

Писарь (*подзывая его к себе*). Ну, без лишних вопросов. Я.

Халявин. Нашли, значит? А я думал, что я вам свое отработал.

Писарь. А ты меньше думай. (*Посмотрел, усмехнулся*.) Еще неожиданнее будут картины, Халявин. Понятно?

Собеседник кивнул головой.

Что за человек этот новый командир?

Халявин. Новый командир?

Писарь коротко кивнул головой.

Год рождения — тысяча девятьсот третий. Место рождения — город Санкт-Петербург, ныне Ленинград...

Писарь. Будет опять называться Петербургом. Понятно?

Халявин (*кивнул, продолжает*). Кончил Мор-

ское училище, потом Академию, член ВКП(б), женат, двое сыновей шестнадцати и семнадцати лет, крайне требовательный.

Писарь. В общем, верно. Со временем из тебя прок будет.

Халявин. Стараюсь.

Писарь. Но сведения твои жи-и-денькие. Ты — агент номер два... Слушай внимательней. Это тип крепкий, из новой формации. Гражданская война. Четыре дальних плавания, был в Америке. Дрался в Испании. Десантник. Командовал батальоном на прорыве линии Маннергейма. После тринадцати атак на сорокаградусном морозе бетонные форты взял. Понятно?

Халявин. Берет за горло действительно очень просто.

Писарь. Так чего ж ты жуешь: «Год рождения тысяча девятьсот третий»...

Халявин. Виноват.

Писарь. Когда агентуришь, формальные моменты откидывай, знай их, но откидывай, за живое бери, за сущность. О нем еще только слух был, а я уже занимался им. За сущность бери, Халявин.

Халявин. Есть, буду брать за сущность.

Писарь. А анкета, разве она сущность дает?

Халявин. Понятно... Учусь.

Писарь. Что-то долго учишься, очень долго... А нам теперь от твоей учебы итоги нужны, прок нужен. Так вот, об этом капитане третьего ранга. Ты его убережь, и побыстрее.

Халявин. Понятно.

Писарь. Эта бригада должна быть... (*Делает мрачно-выразительный жест: косой крест.*)

Халявин. И это понятно... А заплатят?

Писарь. Тебе было сказано?

Халявин. Да, сунете советскими, а как город возьмут, куда я с ними — аннулируют их.

Писарь. Получишь в марках.

Халявин. Устраиваться тоже надо...

Писарь. Будешь устроен.

Халявин. И документ на германское подданство, а то в горячке гестапо хлопотать начнет, — где тут будет разбираться, некогда. Возьмут «рус матрозе» — и к ногтю. Поди доказывай, что ты не верблюд... Го-

род-то кровью умоете... Так что и для меня и для пользы службы — давайте документ.

Писарь. Ты в здравом уме?

Халявин. Точно, и в твердой памяти.

Писарь. Бумаг, документов не будет.

Халявин. Тогда не выйдет дело.

Писарь. А тогда...

Халявин (*перебивая*). А вы не грозите, с вами тоже случайность произойти может. Жили-жили тихо, и вдруг случайность. Ясно? Мы понимающие. И вы понимающие. Лучше друг к дружке по-хорошему относиться, по-гуманному...

Вошел капитан 3-го ранга.

Капитан 3-го ранга. Ну как, оформили?

Писарь. Все в порядке, ясность по всем пунктам, товарищ командир. Все в порядке, товарищ Халявин.

Халявин. Ну вот и хорошо.

Капитан 3-го ранга. Ну, действуйте, действуйте, добро...

Вошла жена командира. Артиллерийский гул разрыва Звон стекол. Все вслушиваются.

Капитан 3-го ранга. И сюда бить начинается... Что же комиссар запаздывает? (*Посматривает на часы.*)

Лошкарев (*входя*). Приказание выполнено, товарищ капитан третьего ранга. Обоих мальцов снарядили.

Входят оба сына, собравшиеся в поход.

Юрий. Краснофлотец Юрий Сибирцев в ваше распоряжение прибыл, товарищ капитан третьего ранга!

Капитан 3-го ранга. Краснофлотец? Пожалуй, многовато — пока ты только юнга, ученик.

Юрий. Есть. Юнга Сибирцев готов. Ну, где эти немцы, давайте мне этого, их Гитлера... (*Щелкнув затвором.*)

Олег. Юнга Олег Сибирцев готов. Какие будут приказания, товарищ капитан третьего ранга?

Капитан 3-го ранга. Прощайтесь с матерью... И запомните: вы начали служить.

Юрий. Есть.

Сигнал воздушной тревоги. Волна глухих бомбовых разрывов. Все обернулись. Сибирцева невольно обняла Юрия.

Мы м р и к о в. Вот дает, вот дает... (*Старается прижаться под своды.*)

Ю р и й. Мама, абсолютное спокойствие. Бери пример с меня.

Ка п и т а н 3-го ранга (*Лошкареву*). Стройте людей!

Ло ш к а р е в. Станови-ись!

Моряки, уже одетые по-походному, строятся. Топот ног. Мать смотрит долгим взглядом на сыновей. Они стоят все вместе, близко-близко. Старший сын гладит ее руку, успокаивает.

Ю р и й. Ты, главное, не волнуйся, мама... (*Шепотом.*) Мама, и на нас смотрят... Мама, давай-бодрее... Мама, давай спокойно, да?

Мать едва сдерживает слезы. В отдалении новый раскат гула.

Ло ш к а р е в. Стано-ви-ись!

Оба юноши рванулись, слыша команду. Мать инстинктивно их охватила, обняла... «Сейчас, сейчас!..»

Ю р и й. Мамочка, дорогая... (*Целует, но высвобождается.*)

Лошкарев видит прощание, подошел, нетерпеливо поглядывая на командира, кашлянул.

Мать целует своих сыновей, неотрывно глядит на них и только шепчет: «Сейчас... сейчас...» Увидела старого моряка и говорит ему: «Да, да, сейчас». Капитан 3-го ранга поглядел на прощающихся и невольно опустил голову, будто не замечая прощания... «Что ж тут скажешь...»

Ж е н а. Идите. Я вас провожу...

Оба юнги быстро встали на места — на левом фланге строя. Опять отдаленный гул. Команда старого моряка. «Направо! Шаг-ом арш!» М о р я к и пошли, тяжело отбивая шаг. Старый моряк зычно: «Ногу!» М а т ь пошла следом за сыновьями. Оглянулась на мужа. Он стоит, просматривая бу маги, поданные писарем. Шаг моряков слышен все тише, тише.

Входит к о м и с с а р. Ему лет тридцать. Он одет по-походному, крепкий, подтянутый.

К о м и с с а р (*подходя*). Товарищ Сибирцев? Будем знакомы. Никонов. Направлен в бригаду военкомом.

Капитан 3-го ранга (*сухо, пожимая протянутую руку*). Сибирцев. Опаздываете, товарищ комиссар.

Комиссар. Торопитесь с заключением, товарищ командир.

Капитан 3-го ранга. Констатирую факты, товарищ комиссар.

Комиссар. А кто вам, товарищ командир, кадры отбирал, кто в соединениях и на кораблях побывал, людей проверил?

Капитан 3-го ранга. Ага, вот как... Ну, беру свои слова обратно.

Комиссар (*кивнув на бумаги*). Разрешите посмотреть? Документы уже в порядке?.. И списки тоже... (*Проверяет.*) Так. Хорошо... И кировцы? Отлично... Любопытный почерк, а? Это кто тут составлял эти списки?

Капитан 3-го ранга. Писарь.

Комиссар. Не встречал у наших писарей такого почерка.

Капитан 3-го ранга настороженно вскинул глаза на комиссара.

Нет, я пока ничего не говорю — так только, замечание или наблюдение. Мало ли почерков бывает. Здесь этот писарь?

Командир вскинул глаза, заметил писаря, который от дверей наблюдает за командиром и комиссаром.

Капитан 3-го ранга (*писарю*). А вам что надо?

Писарь. Никак нет.

Капитан 3-го ранга. Делом занимайтесь.

Писарь. Я занимаюсь, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Пойдете с бригадой.

Писарь. Должен доложить, что я писарь кадрового состава экипажа. Оставлен здесь специально.

Капитан 3-го ранга (*резко*). Повторить приказание.

Писарь. Приказано идти с бригадой.

Капитан 3-го ранга. На сборы минута. Бегом!

Писарь. Есть.

Писарь метнулся, схватил бушлат, фуражку, взял папки, сумку и рысцой помчался в выходную дверь.

Вошла жена командира.

Капитан 3-го ранга. Прошу извинения. Прощусь с женой. Я на минуту...

Комиссар понял, кивнул головой, отдал честь жене Сибирцева, вышел. Командир остался с женой вдвоем. Он подошел и взял ее за руку.

Ну, вот...

Жена. Береги Юру и Олега.

Капитан 3-го ранга. Ты береги себя, дорогая.

Жена молча кивнула головой.

Береги дом. Это мы, семья, это наш Ленинград... И держитесь тут в городе... Понимаешь? Ты внушай людям, каждому просто и спокойно говори: город сдан не будет...

Жена. Да, да, хорошо... город сдан не будет...

Капитан 3-го ранга. Ну что с тобой, дорогая?

Жена *(сдерживая слезы)*. Я не могу прийти в себя. Вы уходите все... сразу все.

Капитан 3-го ранга. Держись, дорогая.

Жена. Я держусь *(а слезы катятся по щекам)*. Уходите все сразу, все... Я и понимаю и чего-то не понимаю...

Капитан 3-го ранга. Все просто, дорогая.

Жена. Я это предвидела, так этого боялась, и так этого ждала, и так все это неожиданно...

Капитан 3-го ранга *(очень мягко)*. Ну, милая, родная моя... Надо идти. *(Она инстинктивно держит его.)* И за все прости...

Жена. Милый...

Капитан 3-го ранга. Прости, если в буднях, в сутолоке, в вечных делах ворчал, ругался, был груб.

Жена. Милый... Нет, ты не был груб.

Капитан 3-го ранга. Был груб, знаю... Прости за все... И тебе отдавал мало времени... мало любви... Прости и за это... Все так складывалось — годы такие...

Жена. Да, годы такие... Было и хорошее.

Капитан 3-го ранга. Очень много.
Жена. Много, милый.

Внизу за окнами уходящая колонна моряков запела:

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...
За далекой за Нарвской заставой
Парень идет молодой...

Постой так, последнюю минутку...

Они оба минутку постояли.

Иди...

Командир быстро вышел. Жена подошла к окну. Где-то близко ударил ослепительный разрыв, гул, слышны песни уходящих моряков и мерная поступь их. Женщина стоит у окна и слушает. Гаснет северная вечерняя заря. Мерцает синяя дежурная лампочка.

Вестник. Вся страна и весь мир затаив дыхание следили за ходом борьбы: устоит ли Ленинград? Германские радиостанции сообщили: «Дни Ленинграда сочтены, назначен день вступления в северную столицу России...» Кольцо трехсоттысячной армии фельдмаршала фон Лееба сжималось вокруг города все туже. Немецкие штурмующие части подошли к последним рубежам ленинградской обороны.

Открывается занавес. Стелется дым. Разбитые пригородные дома с зияющими окнами. Вдаль уходит широкая перспектива приморской низины. С Невы и с моря гул кораблей и фортов.

Комиссар *(по телефону)*. На месте, товарищ контр-адмирал. Так точно. Понимаю... Кто там перебывает? Соседи... Бросайте трубку! Не мешать!.. Так. Будет исполнено, можете положиться...

Писарь. Старшина первой статьи Фетисов по вашему вызову прибыл, товарищ комиссар.

Комиссар *(делая кивок — подождать)*. Помешали, виноват. Как? *(Слушает.)* Понимаю, товарищ контр-адмирал... Последний рубеж, понимаю... Доведено, товарищ контр-адмирал, до каждого... Буду докладывать... Проверю сам. До свидания. Кончаю *(Кладет трубку. Писарю.)* Что там у вас?

Писарь. На подпись, товарищ комиссар.

Комиссар. Давайте.

Писарь. Дополнительные аттестаты на людей, прибывших без узаконенных документов на продовольственное, денежное и вещевое довольствие... На формальности не приходится обращать внимания...

Комиссар. Ясно. *(После некоторой паузы)* Откуда вы? Срок службы?

Писарь. Из запаса, товарищ комиссар, служил с тысяча девятьсот двадцатого года.

Комиссар. Так... *(Пауза.)* Переводом в бригаду как будто недовольны?

Писарь. Почему? Я доволен. Я везде свое дело выполняю, куда ни назначат.

Комиссар. Тут круто придется... Опыт есть?

Писарь. Опыт есть... Мне не в первый раз... Это

гоже подпишите, отчетность, форма номер семь... Порядок так порядок...

Близкий разрыв.

Вот говорят: Гитлер, Гитлер один, мол, виноват, все он затеял. (*Кивнул в сторону разрыва.*) Ну, повесят его потом... Да не стоит ему и такую смерть давать, лучше на нет, в неизвестность его свести... Вот, говорю, с ним кончат, а остальные немцы, а их ведь восемьдесят миллионов, что же, ручки нам протянут, улыбаться станут: «О русский труг, мы пратья, запудем все прошлое!.. Во имя гуманности и новых идей...» Нет, не могу я забывать, товарищ комиссар, ни прошлого и ни настоящего...

Новый разрыв.

Прямо по жилым домам, а?.. Ах ты, боже мой... Ни скидки, ни пощады им...

Комиссар. Ни скидки, ни пощады... (*Беря из рук писаря остальные бумаги.*) Еще есть?

Писарь. Есть, товарищ комиссар.

Комиссар. Хорошо пишете. Какое образование получили?

Писарь. Какое же образование! Служба, потом на заводе, на новостройках, в делопроизводстве. Вечерние курсы кончил.

Комиссар (*подписал бумаги*). Ну добро...

Писарь. Могу быть свободным, товарищ комиссар?

Комиссар. Идите.

Писарь, взяв бумаги, вышел.

(*Задумчиво посмотрел ему вслед.*) Не встречались мне у писарей такие почерка...

Капитан 3-го ранга (*входя*). Начинается. Сосед не отвечает.

Комиссар (*взяв трубку*). «Урал»... Ну, что за черт! «Урал»... Я — «Гроза»... Вы меня слышите?.. «Урал»!..

Капитан 3-го ранга. Да что толку!.. Обходят слева... Самим идти надо, комиссар. (*Дослал патрон в патронник пистолета.*) Михайлов!

Михайлов (*подойдя*). Есть.

Капитан 3-го ранга. Останетесь у аппара-

та. Мы с комиссаром — на левом участке. Вызов «Урал» — доложить.

Михайлов. Есть.

Командир и комиссар быстро двинулись. Михайлов сел у аппарата. Тихо пробует вызвать «Урал»... Гул разрывов. Девушка-санитарка подошла к Михайлову.

Девушка. Можно с вами поговорить?

Михайлов. А, дружок...

Девушка. Если вы заняты или не хотите — я уйду...

Михайлов. Нет, зачем... Поговорим... Я ведь вам и спасибо за лечение, за заботу не сказал...

Девушка. А прошла рана?

Михайлов. Проходит...

Пронесли двух раненых.

Девушка. Что мы им сделали? Немцам... Скажи — твои теперь совсем отрезаны в Петергофе, и мать и сестра?

Михайлов. Да. *(Взял ее руку.)* Подожди, забыл, как тебя зовут? *(Взялся за раненую голову.)*

Девушка *(посмотрела)*. Забыл?.. Татьяна... И вот когда ты сказал мне: «Мать, моя мать, сестра», у меня, я не знаю... прямо вся душа заныла. Тебе тяжело, очень?

Михайлов. Нелегко, Таня...

Девушка. Ты слушай. Я важное хочу сказать. Хочу высказать, что на сердце. Пусть будет смешно, ну и смейтесь, мне все равно... Вот у тебя там сестра осталась... Ты стал одинокий. Поэтому я решила... *(Взяла его руку.)* Ну, пусть я буду тебе сестрой... Знаешь, теперь сколько одиночек остается, я думала об этом... Надо как-то помогать друг другу... У меня тоже мать погибла и брат погиб.

Михайлов. И брат погиб?

Девушка. Погиб... Никого нет... Я теперь тоже так ожесточилась.

Михайлов *(взял ее за руку)*. Тяжело?

Девушка. Очень тяжело. Вот и у тебя горе, поделись со мной... тебе будет легче, когда ты поделишься...

Михайлов. Ну, спасибо тебе...

Девушка. Ты только одиночеству не поддавайся, братишка...

М и х а й л о в. О чем задумалась?

Д е в у ш к а. Знаешь, я вдруг поняла, почему матросы раньше называли друг друга «братишка, браток»... Это очень ласково, очень человечески нежно...

М и х а й л о в. Да, верно... сестренка...

Д е в у ш к а. Сколько мы с тобой наговоримся — о жизни, о смерти, о людях.

М и х а й л о в. Наговоримся, сестренка...

Пауза.

Д е в у ш к а. А положение все хуже, да?

М и х а й л о в. Хуже... *(Опять делает вызов.)*
«Урал»... Я — «Гроза»... Вы меня слышите?..

Д е в у ш к а. Братишка. И договорились: давай в любой обстановке держаться вместе.

М и х а й л о в. Вместе? Хм... Трогательный ты человек... Ну, будем вместе...

Девушка улыбнулась.

Вошли командиры комиссар.

Капитан 3-го ранга *(Михайлову)*. Ну?

М и х а й л о в. «Урал» молчит.

Пауза.

Слышны голоса, шум: «А-а, немцы!.. Ого. Гитлер!.. Ага, поймали! Сюда их!» Лошкарев, Коробков и Бушков ведут трех пленных немцев. Это кадровики, помятые в последней схватке. Один — здоровенный унтер.

Другой — в очках. Моряки хлынули к пленным.

Г о л о с а. А, давай их сюда!

Некоторые вплотную, угрожающе надвинулись на пленных.

К о р о б к о в *(отстраняя надвинувшихся)*. К общественному вниманию. С изъятиями ненависти и мести — просьба ходить на передний край. *(Жест.)* Ясно? Осадить. *(Командиру, сделав шаг вперед.)* Товарищ капитан третьего ранга, докладывает старший разведчик Коробков. Взято трое пленных. Документы отобраны. *(Вручает документы.)*

Командир, не спеша и не выказывая особого интереса, просматривает документы. Взглянул внимательно на рослого пленного унтер-офицера Тот мрачно, вызываясь отвечает
из взгляд.

Капитан 3-го ранга. Как сопротивлялись?

К о р о б к о в. Нахально сопротивлялись, товарищ

капитан третьего ранга. Вот только троих поэтому и оставили. Кричат: «Ленинград капут»... *(Немцам.)* Привыкли?.. Линию Мажино брали? На вот, возьми теперь линию Ленинград. *(Показал на стенку моряков, поглядел на пленных; двое отвели глаза, понурились, третий, унтер-офицер, смотрит нагло, злобно, вызываяще.)* Смотри, смотри...

Комиссар. Потери у нас были?

Коробков *(кивнул на унтер-офицера)*. Этот двоих положил: Федорченко и Кротова... Ну, а потом на Ивана Степановича нарвался.

Бушков. Действительно, старик одному даст — трое свалятся.

Лошкарев. Я ж даром слова не кидаю. Слово — вещь серьезная.

Капитан 3-го ранга *(одному из пленных)*. Имя, фамилия, часть?

Пленный *(моргнул, еще раз посмотрел на своего взводного)*. Альбрехт Ширт, первый полк «Германия», вторая рота, первый взвод.

Капитан 3-го ранга. Откуда?

Пленный *(заученно)*. При пленении солдат может указать на допросе свое имя и свою часть, отказавшись от других сведений, хотя бы ему угрожали

Пленный унтер-офицер удовлетворенно нагло взглянул на русского командира и других моряков

Капитан 3-го ранга *(поймав взгляд)*. Так. Остается принять к сведению и смириться?.. А вас доставить в Ленинград?

Пленный. Да.

Капитан 3-го ранга. И держать на полном довольствии?

Пленный. О, да.

Капитан 3-го ранга. Поручая относительно легкие работы и не более восьми часов в день?

Пленный. О, да.

Капитан 3-го ранга. В надежно укрытых к тому же местах, вне зоны действий и бомбардировок?

Пленный *(подумав)*. Да.

Капитан 3-го ранга. А затем по прошествии некоторого времени вернуть вас представителям германских властей, снабдив довольствием на три дня пути до Германии?

П л е н н ы й (*подумав*). Да, да.

Капитан 3-го ранга (*рассвирепев*). Вы что думаете — тут неграмотные?.. Глядеть мне в глаза!.. Дивизия «Германия», командир генерал Мальваршtedт, старая полицейская сволочь. Прибыли с запада... Задача: «Расчистить Ленинград». Отвечать!

Пауза.

Отвечать — или будете болтаться на первой перекладине!..

П л е н н ы й (*глотая слюну*). Нам сказали...

Капитан 3-го ранга. Вам сказали... дальше. (*Кивнул на унтер-офицера.*) На этого покойника можете не смотреть.

П л е н н ы й. Сказали, что кольцо вокруг города Петербурга замкнуто и фюрер приказал закончить дело...

Капитан 3-го ранга. И убрать русских? Им тут нечего делать? Это, в сущности, смешанная, хилая раса?.. Вы посмотрите, действительно!

Моряки стоят стенкой, сильные, злые.

П л е н н ы й. Я слишком незначителен, чтобы понимать... Я только солдат... Мне приказано...

Унтер-офицер (*отодвинув солдата.*). Генúх!.. Ну, раскис... (*Русскому командиру.*) Если вы хотите слушать откровенное немецкое мнение, так вы его можете услышать. Мы прошли всю Европу, мы пройдем и последние десять километров до этой резиденции бывших царей. Для механизированных частей это займет один день работы. Можете смотреть еще свирепее. Одним солдатом меньше, для Германии это ничего не значит. Но я не хочу, чтобы болтовню этого сопливого новобранца принимали за мнение германского солдата... Да, мы будем чистить Ленинград. А вы еще сегодня получите крепкие немецкие сюрпризы... Хайль Гитлер!

Моряки хотят прикончить этого немца. Командир их остановил.

Капитан 3-го ранга (*первому пленному*). Это унтер-офицер Неймаер?

Унтер-офицер побледнел: откуда тут могут знать его фамилию.

Я спрашиваю.

Пленный. Да.

Капитан 3-го ранга (*читая дневник третьего пленного, который жметя трусливо*). Полезно послушать. Писарь, записать...

Писарь. Есть.

Капитан 3-го ранга (*переводя дневник*). «Заняли Петергоф— живописное место, где жили русские цари летом. Поход подходит к концу. Чистим взятый город. Русские сами себе вырыли могилы. Эскуции подверглось семьсот пять русских обоего пола. Потерь во взводе нет. Взводный унтер-офицер Неймаер отмечен в приказе...»

По мере чтения в рядах моряков движение. Возглас Бушкова: «Что же смотреть на этих скотов?» Несколько человек двинулись на немцев.

Подождите.

Михайлов. Мать моя там, в Петергофе, сестра! Что ж они делают! (*Конвою.*) Пусти!.. Закапывают наших?!

Девушка (*удерживает его*). Братишка, Алеша, подожди... (*Ласково обняла его.*) Братишка, все будет в порядке, будем в Петергофе, выручим... Ей-богу... (*Немцам.*) А вас... а вас.. Не знаю, что с вами сделаем.

Капитан 3-го ранга (*морякам, показывая на записи в дневнике*). Как назвать все это?

Все молчат.

(*Пленным.*) Как назвать все это?

Третий пленный (*бледный, испуганный, рухнул на колени*). Там еще остались живые некоторые русские, мы некоторых не трогали.

Капитан 3-го ранга. «Еще остались», «некоторых не трогали». (*Лошкареву, кивнув на пленных.*) Отвести в комендантский взвод.

Лошкарев. Разрешите, товарищ капитан третьего ранга... опасаясь — смять конвой могут, а этих порвут. (*Опять сдерживает моряков.*)

Капитан 3-го ранга. Доставить целыми, сдать, держать до потребности.

Лошкарев. Есть, доставить целыми, сдать, содержать до потребности. (*Морякам.*) Осади!.. Назад, ну!.. Дай дорогу.

Пленных повели. Бушков толкает унтер-офицера: «Ходи веселей, Берлин!..»

Капитан 3-го ранга (*всем*). Мелко было бы, товарищи, мараться с одним-двумя... Может быть, покрупнее как-нибудь ответим?

Сумрачное молчание. Некоторые задумались.

Немного понятнее стало, что Ленинграду готовится?

Из рядов. Понятнее...

Капитан 3-го ранга. Понятнее, что от нас требуется?

Из рядов. И это понятнее...

Бушков. А этот верзила—сволочь какая—«один день работы». А? Товарищ капитан третьего ранга, приказывайте...

Капитан 3-го ранга. Разведчики не вернулись?

Комиссар. Второй группы пока не видно—с правого участка.

Капитан 3-го ранга (*раздраженно*). Тянут, тянут разведчики! (*Подходит к телефону, делает вызовы.*) «Урал»... Нет, линия оборвана... Попробую через других... «Полтава»... «Полтава»... (*Поглядел на комиссара и тихо сказал.*) Вот что, комиссар, похоже на охват, и, может, еще серьезнее.

Комиссар (*делает вызов*). «Полтава», «Полтава»... Н-да... «Полтава»!

К командиру подводят раненого. Он в оборванном бушлате. Левая рука на перевязи. Раненый собирает силы, пробует отдать честь.

Раненый. Танки появились, товарищ капитан третьего ранга... охватывают уже и справа.

Голоса. Охватывают уже и справа... Обходят!..

Капитан 3-го ранга (*яростно*). Поговорите там... Прекратите! (*Указывая по карте.*) Место укажите точно, место, где танки...

Раненый указал.

(*Командир и комиссар переглянулись.*) Где остальные разведчики?

Раненый. Остальные разведчики приняли бой... И сын ваш там был... Потом меня ранило...

Девушка. Он уже не может...

Раненый (*слабо водя рукой*). Вот здесь... охватывают...

Капитан 3-го ранга. На перевязку раненого...

Девушка. Есть.

Раненый (*увидел девушку, мотает головой*).
Никак нет...

Капитан 3-го ранга. На перевязку раненого.

Раненый. Да я ж сам... (*Обессилел, его подхватили и повели.*)

Капитан 3-го ранга (*комиссару*). Двойной охват. «Урал» отвечает?

Михайлов. Молчит.

Капитан 3-го ранга. «Полтава»?

Михайлов. Молчит.

Комиссар. Молчит.

Подходят, тяжело дыша, два разведчика. Моряки подходят послушать их сообщения.

Первый разведчик. Товарищ командир бригады, танки на фланге.

Капитан 3-го ранга. Повторите спокойнее.

Первый разведчик. Товарищ командир бригады, танки на фланге.

Капитан 3-го ранга. Еще спокойнее.

Первый разведчик. Товарищ командир бригады, танки на фланге.

Капитан 3-го ранга. Так. Подышите еще спокойнее. (*Пауза.*) Теперь доложите конкретнее и обстоятельнее.

Первый разведчик. Товарищ командир бригады, на шоссе, где стык с соседом справа, замечено несколько танков.

Капитан 3-го ранга. Ну вот — несколько танков... Картина яснее... А то «танки», «танки», «танки»! (*Горячится.*) Я у вас вышибу эту танкобоязнь... И первого отступившего сам своей рукой... (*Делает резкий, беспощадный жест.*)

Попытываясь, в грязь, подходит юнга — младший сын командира.

Капитан 3-го ранга. Ты ранен?

Юнга молчит.

Что с тобой? Оглушен, контужен? (*Повысив голос.*) Ты меня слышишь?

Юнга. Слышу.

Капитан 3-го ранга. Где остальные разведчики?

Юнга. Убиты...

Капитан 3-го ранга. Все убиты, один ты остался?

Юнга молчит.

Остальные где?

Юнга. Они пошли... а я пошел... *(Делает неуверенный жест и замолкает.)*

Капитан 3-го ранга *(медленно догадывается о том, что сын его вернулся самовольно)*. Они пошли, одни ранены, другие убиты, а ты пошел назад?

Юнга молчит.

Командир подошел, резко открыл подсумок у сына, посмотрел; посмотрел затем патронташ, взял у сына винтовку, резким движением открыл затвор, проверил магазин.

Выпущено два патрона.

Юнга. Я...

Капитан 3-го ранга. Только два патрона. Гранаты тебе зачем даны?

Подошел старший брат. Взволнованно, испытующе смотрит на младшего.

Олег Отец, он, может быть...

Капитан 3-го ранга. Юнга, молчать, не ваше дело.

Олег затих, отошел.

Что же теперь?..

Юнга *(упав к отцу на грудь)*. Отец...

Капитан 3-го ранга. Стоять смирно. Доложить Коротко.

Юнга. Есть... Мы шли по заданию... Немецкий дозор нас обстрелял, но мы продолжали движение...

Капитан 3-го ранга. Подумаешь — «но мы»... А что вы еще должны были делать? Дальше...

Юнга. Потом на шоссе внезапно выскочили танки... Стали стрелять, нескольких убило.. двое куда-то влево взяли... Я, я... *(Умолк.)*

Капитан 3-го ранга. Понятно. *(Горько вздохнув.)* Чему тебя учили? Для чего и куда ты шел?

Юнга молчит.

Все молчат. Некоторые отошли в сторону.

Почему смутились? Отчего глаза отводите? Когда Железняков в своем отряде увидел бежавших, решение было коротко. (*Лошкареву.*) Вы помните?

Лошкарев от неожиданности вздрогнул, поглядел на юнгу,
молчит.

Я жду.

Лошкарев. Так точно — про тех решили коротко.

Капитан 3-го ранга. «Про тех», а про других? Про этих?

Молчание.

Халявин. Что ж тут размягчаться, Иван Степанович? Наказать по закону, а закон — известно какой, мы тоже помним.

Лошкарев (*тихо подойдя к Олегу и взяв его за плечо*). Шли бы вы, дорогой... Не надо вам тут сейчас находиться.

Олег. Нет, я останусь.

К командиру подбегает автоматчик из 1-й роты и без доклада, коротко указывает рукой в сторону шоссе, что-то быстро шепотом говорит.

Капитан 3-го ранга (*негромко*). На участке первой роты?.. Не может быть...

Автоматчик. Можем доставить.

Капитан 3-го ранга. Доложите комиссару.

Автоматчик на ухо докладывает комиссару.

Комиссар. Наш? От немцев? Ведите сюда.

Еще не зная, в чем дело, моряки ждут. Под конвоем автоматчика приводят Мымрикова. В полуподнятой руке он держит белый платок.

Капитан 3-го ранга (*удивленно, еще не веря*). Сдался?

Мымриков. Танки... окружили...

Капитан 3-го ранга. Сдался в плен?

Мымриков. Я ничем не виноватый... Они со всех сторон взяли... «Пойдешь?» — говорят, а мне только в голову стучит, мне бы опять к своим, к своим... Делайте что хотите, я весь тут... Такое несчастье, товарищ капитан третьего ранга, ну, со всех сторон взяли, такое несчастье!..

Капитан 3-го ранга. Что в присяге сказано?

Мымриков молчит.

В минуту вспомнить!

Мымриков (*нетвердо, отводя глаза*). «Я клянусь... защищать ее...»

Капитан 3-го ранга. Кого «ее»?

Мымриков. «Родину... мужественно, умело, с достоинством... С честью, не щадя крови... для (*совсем тихо, глотая слюну*) для достижения полной победы над врагом».

Капитан 3-го ранга. Громче.

Мымриков. «Для достижения полной победы над врагом».

Капитан 3-го ранга. Так. А что вы, бывший краснофлотец Мымриков, со своей кровью и жизнью сделали?

Мымриков молчит.

Продолжение присяги не помните?

Мымриков молчит.

Напомнить ему. (*Посмотрел на моряков, плотно, полукругом стоящих вокруг задержанных.*)

Бушков (*несколько выйдя вперед*). «А если отступлю, то да покарает меня...»

Капитан 3-го ранга (*Мымрикову*). Это помните?

Мымриков (*глотает слюну, смотрит на одного, другого*). Мне говорили.. они..

Капитан 3-го ранга. Что «они» говорили? (*Чуть придвинулся. Заметил, что Мымриков выпивши.*) Угощались?

Мымриков. Зачем? Я... я... противохимическую жидкость выпил для бодрости...

Бушков. Чего же врать?.. Ты противогаз тут оставил.

Мымриков. Ну, давай, давай, лягавый, сыпь... (*Командиру.*) Ну, хорошо, меня они угостили... дали стакан... и сами по стакану выпили. Вы, говорят, нас не бойтесь...

Капитан 3-го ранга. По стакану... (*Пауза.*) Что же продешевили?

Мымриков молчит.

Иуда — тот серебром взял... тридцать монет, крупные деньги были... А вы за стакан водки... И за «спасибо»?

Мымриков. Да какое там спасибо!.. Отдохнуть думал, а они сразу и запрягли. Платок вот дали: иди, говорят.

Моряки глядят молча, с отвращением на изменника.

Бушков (*подошел к Мымрикову*). Продаешь своих? У-у, сволочь! (*Кинулся.*) Так и стой с платком, как у столба... подыми платок...

Комиссар. Спокойно, Бушков. (*Изменнику.*) Вы сознательно совершили это? Что вам немцы говорили?

Мымриков. Нас двое попало... А этот (*на юнгу*) отстреливался... А мы попали. Я и Аникин. Аникин с ними так ругался, ужасно ругался, ну, они его... (*жест*) убили.

Комиссар. А вы над телом товарища стали выпивать с немцами? Понятно. Дальше.

Мымриков (*хватаясь за проблемку надежды*). Говорят по-русски чисто, один там такой: «Э, говорят, балтийцы. Дело, говорят, с Ленинградом ясное, к концу — зачем, как мухам, пропадать? Идите, поговорите со своими...»

Комиссар. Ну, поговорите — товарищи слушают.

Молчание делается угрюмым, смертельным.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

Мымриков. Вот и все.

Капитан 3-го ранга. Остатки совести есть? Выкладывай все.

Мымриков. Еще говорили, если есть репрессированные или вообще такие, задумывающиеся, что ли, или у кого семья в захваченных местностях, — с ними поговорить.

Капитан 3-го ранга. С глазу на глаз, тихо?

Мымриков. Ага, укрыто...

Капитан 3-го ранга. А вы поговорите прямо... Кто у нас из захваченных местностей? (*Михайлову.*) Ваши были в Петергофе. Вы желаете, может быть, ответить? (*Кивнул на Мымрикова.*)

Михайлов (*вскинул свой автомат*). Автоматическим или одиночным? Прошу разрешения.

Мымриков сжался. Прячется за угол, влип в стену.

Капитан 3-го ранга. Подождите... (*Мымрикову.*) Дальше.

Мымриков. Все.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

Мымриков. Посмотреть, где штаб бригады и КП, велели.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

Мымриков. Огневые точки.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

Мымриков. Все.

Капитан 3-го ранга. Дальше.

Мымриков. Велели сообщить, откуда вышли, когда. Проверяли меня, все знают... Коммунистов, комсомольцев, вообще актив велели сообщить...

Бушков. Все выложил?

Мымриков. Не, только часть...

Капитан 3-го ранга. Так. Дальше.

Мымриков. Все сказал, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Картина ясная?

Комиссар. Вполне ясная.

Капитан 3-го ранга. Писарь!

Писарь. Есть.

Капитан 3-го ранга. Пишите в журнал: «Сентября, сего дня, тысяча девятьсот сорок первого года, за сдачу в плен, измену Родине и пособничество...»

Писарь (*подхватывая*) ...немецким захватчикам». Я заполню, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Заполняйте.

Писарь (*пишет и говорит вслух*). «...захватчикам — расстрелян бывший краснофлотец Мымриков...». Имя, отчество?

Мымриков. Никодим Васильевич.

Писарь. «Никодим Васильевич...» Года рождения не нужно, хватит, так сказать, и года приговора. «Первой роты Морской бригады...» Социальное происхождение роли не играет...

Мымриков. Трудящийся.

Писарь (*продолжает*). «Приговор приведен в исполнение на рубеже Морской бригады, коей вверена оборона ближних подступов к Ленинграду». (*Командиру.*) Писать одного или будут еще кандидаты, согласно ваших слов?.. (*Посмотрел бесстрастно свои-*

ми холодными голубыми глазами на командира, затем на юнгу.)

Капитан 3-го ранга задумался, хмуро перевел взгляд на сына. Все глядят на юнгу.

Комиссар (*решительно выйдя вперед*). Юнга Сибирцев к этой сволочи отношения не имеет и иметь не будет... Совершенно ясно каждому, что неопытный паренек, налетев на танки, несколько растерялся. Одни были убиты, двоих, которых мы здесь видели с донесением, ранило. А юнгу вот этот жалкий тип, по видимому, в бою бросил, предательски бросил, а юнга в бою первый раз.

Юрий (*тихо*). Первый... но все-таки виноват...

Комиссар. Я думаю, что в отношении юнги мы ограничимся мерами иного, воспитательного порядка.

Лошкарев, стоящий с ним рядом Олег и другие облегченно вздохнули. Гул одобрения: «Правильно!»

Лошкарев. Выправится мальчишка... Ну что ж, в первый раз нарвался...

Капитан 3-го ранга (*сыну*). Почему ты не доложил об этом? (*Кивнул на Мырикова*.)

Юнга. Я не думал никогда, что он может уйти и сдаться... Я кричал ему «стой!»... А он куда-то делся... Я тогда по танку стал стрелять, два выстрела дал, но пули отскакивают. А по мне бьют... из орудия вот так, прямо... орудие здоровое... до сих пор шум в ушах...

Комиссар. Понятно... Что же касается вот этого предателя — вопрос ясен. Так и записано. (*Взял у писаря журнал, посмотрел внимательно*.)

Писарь. Есть.

Комиссар. Так. Приводите в исполнение.

Капитан 3-го ранга. Ведите его, Иван Степанович.

Лошкарев. Есть.

Старый матрос, не торопясь, подошел к изменнику. Вокруг Мырикова стало совсем мертво и пусто.

Лошкарев (*изменнику*). Шапку долой!

Тот выполнил команду. Иван Степанович аккуратно снял ленточку с фуражки Мырикова, сложил ее. По знаку комиссара Михайлов и четверо моряков молча прошли мимо твердым шагом. Они и будут расстреливать изменника.

М ы м р и к о в. Браточки!..

Б у ш к о в. Нет гут тебе браточков. Фрицы твои браточки. Иди, гад.

М ы м р и к о в *(на коленях)*. Товарищи... прости-те... мать у меня...

И з р я д о в. Врешь, нема у тебя матери...

М ы м р и к о в. Я все про немцев расскажу, какой номер, какая часть...

Л о ш к а р е в. Иди, иди...

М ы м р и к о в *(падает к ногам командира и комиссара)*. Товарищ комиссар!

Л о ш к а р е в *(подымает его)*. Давай к делу... Пошли... *(Выволакивает предателя.)*

Старший брат подошел к младшему, Юрию, тронул его.

Тот нервно и облегченно ответил брату кивком. Все ждут.

Слышно: «По изменнику! Залп!» Залп.

К а п и т а н 3-го ранга *(отводит в сторону комиссара)*. Ну, друг, давай решать. Либо сидеть в окружении и гибнуть, либо сделать дерзкую вылазку, прорваться... Но не просто уйти, прорваться, а с толком... Все можно повернуть, комиссар. На рубеже оставим часть, меньшую, остальных...

К о м и с с а р. Я поведу.

К а п и т а н 3-го ранга. Нет, не дам... Эти места знаю я с девятнадцатого года... И операцию не могу поручить никому... Мне идти... Вот что я обнаружил у пленных. *(Дал книжку и схему.)*

К о м и с с а р *(посмотрев)*. Ну, если удастся...

Группа— Л о ш к а р е в, М и х а й л о в и четверо других — прошла обратно.

К а п и т а н 3-го ранга. А если нет, не поминай лихом. Держи рубеж, покуда...

К о м и с с а р. Есть, держать, покуда глаза не закроются... На то и пришли.

К а п и т а н 3-го ранга. Объявляем решение.

К о м и с с а р. А ты умный парень...

К а п и т а н 3-го ранга *(шутливо)*. Ну? *(Пододвинули к морякам, ожидавшим в молчании. Бригаде.)* Будем считать, что с Мымриковым у нас покончено... Попали в окружение? Мы еще посмотрим, мы еще посмотрим. Эта немецкая сволочь думает, что перед ней обалдевшие части, разложенные и деморализованные толпы, куда можно вот таких «парламентеров»

засылат. Ну, пусть думают, пусть думают, немцы вообще многое упрощают по недостатку мыслительных способностей... Нужно нам с комиссаром группу добровольцев.

Лейтенант. Лейтенант Епечурин просит разрешения.

Из рядов — Бушков и Коробков. Разрешите нам, товарищ командир.

Из рядов — Михайлов, девушка и другие. Возьмите. Не откажите!

Капитан 3-го ранга. Подождите... Добровольцев, твердых.

Халявин. Есть.

Капитан 3-го ранга. Подождите... На дело, сопряженное с риском.

Бушков. Готов на любой риск, с другом...

Капитан 3-го ранга. Хорошо... Но я не кончил... Остаться в живых шансов будет мало... Тех, кто до конца в себе не уверен, прошу не беспокоиться. Таковы требования. А теперь — кто готов, шаг вперед.

Все шагнули разом. Командир заметил и своих сыновей в этом числе. Оба по-школьному подняли руки. Командир подавил слабую усмешку.

Значит, все? Иного от вас, по совести, ни я, ни комиссар не ожидали... Так слушайте, товарищи, внимательно. Вот что предстоит решать. Добровольцы остаются держать рубеж. Для этого мне нужна только часть людей.

Халявин. А остальные, товарищ командир?

Капитан 3-го ранга. Остальные? (*Поглядел на комиссара.*)

Бушков. Можно в партизаны... в леса пробиться...

Капитан 3-го ранга. Гм... Сколько советов!.. А вот спросим старика... (*Лошкареву.*) Вы как думаете?

Лошкарев. Как будет приказано, товарищ капитан третьего ранга.

Капитан 3-го ранга. Еще точнее.

Лошкарев. А это хуже нет, товарищ командир, когда (*чуть кивнул на Халявина*) с вопросами лезут и собственную стратегию разводят. Дали задачу, дали

рубеж — и действуй. Меня так учили, а мне переучиваться поздновато.

Капитан 3-го ранга. Вот вы, Халявин, этот ответ и запомните.

Халявин. Есть.

Бушков. Есть.

Капитан 3-го ранга. Рубеж дан. Так вот — добровольцы остаются держать этот рубеж... Ленинград слово «сдача» и «капитуляция» не знает. В словаре питерском его нет. Понятно? Двести сорок лет город стоит, и никто из врагов никогда этот город взять не мог. И не нам позор на голову брать — отдать такой город. Еще справка: дрогнем сейчас — северный путь на Москву и на Урал немцам откроем, потеряем Россию... Ну, тогда жены, невесты посмотрят: «Эх вы...» Проклянут и имя наше, и кости, и память... А этого мы не хотим. Не будет этого! Вот в этом и поклянемся, матросы... «Пока сердце бьется в груди...»

Моряки. «Пока сердце бьется в груди...»

Капитан 3-го ранга. «Пока видят глаза...»

Моряки (*голоса крепнут*). «Пока видят глаза...»

Капитан 3-го ранга. Тверже, громче: «Пока руки держат оружие...»

Моряки (*голоса крепнут*). «Пока руки держат оружие...»

Капитан 3-го ранга. «Будем биться с врагами...»

Моряки (*едино, могуче*). «Будем биться с врагами и город Ленина не отдадим!»

Пауза.

Капитан 3-го ранга. Так... Каковы же дела, а? Железные части СС, окружившие матросов, внушили им страх. С наступлением ночи страх перешел в панику... (*Смешок.*) Несгораемые вы мои, мы еще поработаем!.. (*Входит в гуцу моряков.*) Сейчас немцам и ответ дадим. Они «парламентера» прислали нам — надо ответить. Ну, как же без ответа, невежливо было бы... А моряки народ вежливый... (*Вырвал листок из полевой книжки. Задумался, озорно усмехнулся — набросал несколько слов. Дал комиссару.*) Одобряете?

Комиссар (*прочел, засмеялся*). Так!

Матросы подошли, читают.

Лошкарёв (*забасил*). Ну и н-ну... хо-хо-хо!

Матросы подходят, читают, смеются, показывают текст друг другу, передают на ухо. Хохот нарастает. «Ну и д-да!..», «Вот сказал!», «А перевести можно?». Бушков: «Поймут — у них там есть такие, — чисто говорят по-русски...»

Бушков. Ну и загнули вы, товарищ командир! Для пополнения ихнего образования.

Коробков. Небоскрёб, действительно...

Комиссар (*смеясь со всеми*). Писарь, занести в журнал боевых действий..

Писарь (*смеется со всеми*). Так полностью?

Комиссар. Именно полностью.

Раскаты хохота продолжают. «Послание моряков» переходит из рук в руки. Девушка несколько конфузится, пробует тоже смеяться, временами перестает, смотрит на остальных. Взяла послание, Михайлов отобрал у нее.

Михайлов. Сестренка, тебе не стоит смотреть...

Девушка. Ну ничего. Я бы, раз надо, даже и прибавила бы...

Михайлов. Прибавила бы?.. Ну, знаешь, невозможно...

Капитан 3-го ранга. Теперь это надо доставить, довести до сведения... Одного человека нужно.

Халявин. Есть. Разрешите, пойду, доставлю.

Капитан 3-го ранга (*посмотрел, глаза искрятся*). Хорошо. Нет, пожалуй, вы тут будете нужней...

Писарь (*быстро выйдя вперед*). Могу пойти, товарищ командир. Подложу в упор... Будут довольны...

Капитан 3-го ранга (*посмотрев*). А писарь-то — боевой. Хвалю. Что ж, пожалуй. Хотя нет, вы будете со мной. Вы тут будете записывать все до конца.

Михайлов. Прошу разрешить...

Бушков. Прошу разрешить..

Коробков. Прошу разрешить...

Капитан 3-го ранга (*посмотрел на младшего сына*). Пойдет юнга.

Юрий. Есть.

Олег. Есть.

Капитан 3-го ранга (*Юрию*). Пойдет юнга.

Нате, юнга. О том, как вести себя, вы, видимо, начали узнавать.

О л е г. Я помогу ему.

Капитан 3-го ранга. Пойдет один. Записку приколете к этому (*кивнул в сторону*) «парламентеру». Положите все на шоссе, там, где было несколько танков. (*Показал коротко по карте.*) И постарайтесь установить, где они сейчас.

Ю р и й. Есть.

Капитан 3-го ранга. Повторите приказание.

Ю р и й. Приказано действовать отдельной воинской частью, я старший, в моем подчинении мертвое тело с пакетом. Доставить на шоссе к переезду, где были танки, то есть несколько танков, и точно установить, где они сейчас.

Капитан 3-го ранга. Отправляйтесь.

Ю р и й (*взял пакет, отдал честь, сорвался, обнял отца*). Батя, мы им воткнем... И тут, и в исторической перспективе! (*Помчался.*)

Комиссар (*ласково*). Выправится мальчик.

Капитан 3-го ранга. Посмотрим, посмотрим... (*Всем.*) Ну, короткое прощание с добровольцами... Остаются следующие (*посмотрел на комиссара, согласуя с ним отбор*): лейтенант Епечурин, вы, Иван Степанович, вы, Михайлов, вы тоже, Коробков, ну понятно, и Бушков. Вы... Вы тоже...

Когда командир отобрал Михайлова, девушка сама пошла с ним и стала рядом. Командир заметил. Девушка: «Иначе невозможно».

Пусть будет так, пусть будет так. Сам был молод. (*Всем.*) Ну, быстрее прощаться.

Рукопожатия, объятия, несколько могучих шлепков по плечам.

Комиссар. Ну, готовы?

Капитан 3-го ранга. С добровольцами останется комиссар. (*Лошкареву.*) Комиссару во всем помощь.

Лошкарев. Есть.

Писарь (*Халявину*). О товарище комиссаре позаботься.

Халявин. Понятно... Первый долг... А вы уж

позаботьтесь о товарище командире. (Обменялись рукопожатием.)

Моряки с капитаном 3-го ранга выстроились. Команда: «На ремень!»

Х а л я в и н (задерживая командира). Счастливо вам, товарищ капитан третьего ранга. Значит, на Ленинград прорываться будете?

Ка п и т а н 3-го ранга. Я и говорю — рубеж держать.

Х а л я в и н. А вы, значит, на Ленинград прорываться?

Ка п и т а н 3-го ранга. Я и говорю — рубеж держать. (Пошел.)

Лош карев. То-то он тебе все и выложил! Ну, командир — озорной матрос...

Х а л я в и н. Н-да. Слов нет, веселый — посмеялся, собрался и пошел.

К о р о б к о в. Это ты к чему?

Х а л я в и н. Нет, я и говорю — веселый...

Ко м и с с а р. Разговоры отставить. По местам! Наблюдение. Слушать внимательно!

Люди повернулись, вслушиваются. Отдаленный шум. Через некоторое время по фигурам моряков начинает скользить рассеянный свет.

К о р о б к о в. Автоколонна противника!

Свет сильнее.

Включили все фары. Идут прямо на нас.

Ко м и с с а р. По местам! К бою!

Свет сильнее, определеннее. Приближение автоколонны чувствуется все ближе и отчетливее.

Моряки занимают места, сбрасывают с себя бушлаты. Они летят, как черные птицы. Автоколонна все ближе...

Ко м и с с а р. За город Ленина... Гранаты!

Видны приготовившиеся к броску моряки в тельняшках. Сильные взмахи. Шум моторов. Музыка все острее, сильнее.

В е с т н и к. Шел третий день действий бригады... Стойте, сыны России, стойте насмерть... Враг не должен пройти в город Ленина.

Руины, среди которых остались добровольцы, почернели. Все перевернуто. Здесь прошли штурмовые налеты. Здесь свирепствовал огонь. Еще слышен воющий шум «юнкерсов». Дым. Моряки, обсыпанные пылью, черные от копоти, пробираются вдоль проломов стен. Б у ш к о в выпустил последнюю очередь. Вынул ленту из пулемета. Посмотрел. Бросил.

Б у ш к о в. Все... последняя...

К о м и с с а р. Тогда идите стрелком, Бушков.

Б у ш к о в. Есть.

Внизу под обрушенной стеной вход в подвал. Тут подобие КП: полевой телефон, автомат на гвозде, ящик с гранатами, фонарь «летучая мышь», носилки в пятнах, несколько брошенных бушлатов, раскиданные обрывки бинтов. Коробков время от времени делает вызовы: «Урал», «Урал»... Лежат раненые. Комиссар рвет бумаги.

К о м и с с а р. Лейтенанта Епечурина ко мне... Почему задерживается?

К о р о б к о в. Лейтенанта Епечурина к комиссару.

Вызов идет по цепочке в отдалении. Издали по цепочке: «Убит лейтенант... Убит лейтенант... Передайте: лейтенанта убило... Там весь край перевернуло».

К о р о б к о в. Убит лейтенант, товарищ комиссар...

К о м и с с а р (*подумав*). Ивана Степановича ко мне.

К о р о б к о в. Есть. Ивана Степановича к комиссару.

Пошел по цепи вызов. Среди руин, проломов появляется закопченная фигура старого моряка. Он по-прежнему со своей трехлинейкой.

Л о ш к а р е в. По вашему вызову прибыл, товарищ комиссар.

К о м и с с а р. Садитесь.

Л о ш к а р е в. Ничего, могу постоять.

К о м и с с а р. Садитесь, а то заденет... Потери большие?

Лошкарёв (*присев на ящик*). Большие, товарищ комиссар. «Юнкеры» пикировали, чуть по головам не ходили.

Комиссар. Юнга вернулся?

Лошкарёв. Никак нет, уже полсуток прошло...

Комиссар. Со всех сторон зажаты... Ну, что, старик?

Лошкарёв (*деликатно, настороженно*). В каком смысле, товарищ комиссар?

Комиссар. Как на дела глядите, товарищ старшина?

Лошкарёв. А дела обыкновенные, как на войне. Ротный склад опять же разбомбило.

Комиссар. Дальше.

Лошкарёв. Оба пулемета разворотило.

Комиссар. Чем еще обрадуете?

Лошкарёв (*шепотом*). Десятую атаку отбивали, гранаты вовсе израсходовали.

Комиссар (*попробовал, взяв трубку у Коробкова, сделать вызов по телефону*). «Урал»... Молчат как мертвые. Да как бы еще немцы не подключились...

Лошкарёв. Так точно, проверял — перерезаны обе линии.

Комиссар. Дальше, старшина.

Прносят тяжелораненого.

Лошкарёв. Нет резерва.

Комиссар. Слушаю дальше, товарищ дорогой...

Стоны раненого.

(*Пробует опять сделать вызов.*) «Урал»... «Полтава»... Молчит как мертвый.

Коробков (*снова берет трубку и время от времени повторяет*). «Полтава», «Полтава»...

Пауза.

Комиссар. Общий вывод?

Лошкарёв (*встав*). Надлежит обороняемый пункт оборонять не количеством, а качеством гарнизона — и до конца.

Комиссар (*встав*). Молодец, старик. Узнаю тех, кто Юденича и прочих передавали... На этом осмотр отсутствующих ресурсов кончаем?

Лошкарёв. Есть, кончили. *(Пауза.)* Только напрасно сомневались, товарищ комиссар.

Комиссар. Не сомневался, а интересовался... Вести наблюдение на угрожаемых направлениях.

Лошкарёв. Вкруговую ведем — есть, товарищ комиссар. Как ежи, сидим.

Комиссар. И хозяйство надо вести экономно... Боезапас переучтите заново... Ну, сами знаете. Третью войну служите?

Лошкарёв. Никак нет: пятую — японская, германская, гражданская, финляндская и эта...

Комиссар. А потом, товарищ старшина?

Лошкарёв. Потом пиво пить будем.

Комиссар. Занятие неплохое — жизнь скрашивает... Где будем пить?

Лошкарёв. А ездить будем, выбирать будем, пробовать будем, товарищ комиссар... Где получше.

Комиссар. У немцев пиво хорошее.

Лошкарёв. Как же: плавал, знаю. Мюнхенское, с пеной... Я, знаете, в жизни разнообразных напитков напробовався, но чего-то еще охота... Придется съездить...

Комиссар. И съездим, товарищ дорогой. *(Шутя.)* Попросить? «Эй, обер! Угостите прибывших из России моряков... Да, из контрольно-приемочной комиссии. Сколько? Полдюжинки...»

Лошкарёв *(обтирая усы)*. Покорно благодарим. Можно и дюжинку — мы уберем.

Коробков *(отрываясь от телефона)*. А не шутя — знаменитая жизнь будет...

Комиссар. А например?

Коробков. Россию, понятно, поставим на первое место в мире. Еще точнее — на первейшее место.

Лошкарёв. Дело. Давай еще дюжину... Заслужили... *(Шутя, чокаются.)*

Голос. Ух, только раздражаешь!

Раненые слушают, ободрились, подползли ближе.

Комиссар. Ну, дальше... Пейте, пожалуйста...

Коробков. Большие дела в стране будут. Каких дорог настроим — автострады тройной, четверной ширины, с газонами, от Балтики на Владивосток — Камчатку. А потом сельское строительство, товарищ комиссар. Колхозы научно наладить. Подпочвенные пласты поднять. Каменную Россию надо воздвигнуть. По-

нимаєте? Чтоб люди дома ставили на века. Едешь, и все стоит незыблемо, красиво и, как крепость, прочно... каждый колхоз... И вот еще, знаете, обязательно древонасаждение, сады, сады фруктовые... По десять, по двадцать деревьев на душу: вишня, яблоня, груша... Отборных сортов...

Комиссар. Миллиарда четыре деревьев? Весной вся страна в цвету... Со всего мира ездить будут — России поклониться. Понимаете? Ну, а с Германией как поступим?

Коробков. С Германией?.. (*Задумался.*) Два oka за око!..

Лошкарев. Чувства понятные. Только, как она без очей работать будет?

Пауза.

Комиссар. Как, как?

Лошкарев. А я поясню — думал и об этом. Мне немцы пускай деньгами и натурой за все, что следует, заплатят, — пусть за все Советскому Союзу отдадут. Копейка в копейку.

Комиссар. Ну, после победы разберемся, а пока своих дел хватает. Коробков, вызывайте «Урал».

Коробков. Есть... «Урал»... Не отвечают, товарищ комиссар.

Комиссар. Без моего приказа — с рубежа никто никуда.

Лошкарев (*встал*). Так точно: никто никуда.

Комиссар. Противника опять подпускать в упор.

Лошкарев. Есть.

Комиссар. Лейтенанта Епечурина убило. Заменяйте. Идите.

Лошкарев. Счастливо оставаться, товарищ комиссар.

Старик лихо сделал поворот, шелкнул каблуками, легко приподнял винтовку и пошел, почти печатая шаг.

Комиссар. Линию проверьте, Коробков. Может, соединение и удастся...

Тот пошел.

Держатся люди. А старик? Ишь ты, пива ему... (*Вздыхнул.*) А кстати было бы, очень кстати...

Показался Халявин.

(Пробует телефонный вызов. В трубку.) Вы меня слышите? «Полтава»...

Халявин остро посмотрел, озирается, вслушивается.

Вы меня слышите? «Полтава»...

Халявин делает еще два-три шага, нацеливаясь на комиссара За руинами несколько коротких очередей.

(Повернул голову и заметил Халявина.) Ну, что, товарищ Халявин? Докладывайте.

Халявин. Передний край, товарищ комиссар, перевернуло... Пулеметов даже не найти... Расчеты побиты... Вот вещи товарища лейтенанта Епечурина, как вашего заместителя...

Комиссар. Положите... *(Посмотрел сумку, бушлат.)* А партбилет где?

Халявин. Партбилет?.. Куда я положил-то?.. Думал — поберегу... *(Отдает.)*

Комиссар. Уж лучше я поберегу. *(Взял партбилет.)* Что еще?

Халявин. Ребята о вас беспокоятся... Иди, говорят, будь при нем. Побереги.

Комиссар *(в трубку, негромко)*. Вы меня слышите? «Полтава»...

Халявин. И я говорю — что же, я готов.

Комиссар. Вы там не митингуйте, Халявин. *(Снова в трубку, негромко.)* Вы меня слышите? «Полтава»...

Халявин. С капитаном третьего ранга соединяетесь?.. За выручкой он пошел в Ленинград — слух есть такой... *(Остро и испытующе смотрит на комиссара.)*

Комиссар *(в трубку)*. Вы меня слышите?

Халявин. В Ленинград он пошел или куда, товарищ комиссар?

Комиссар. Стоп!.. Как будто слышно... *(Вслушиваясь в как будто донесшийся в трубку голос.)* Вы меня слышите? *(Сидит спиной к Халявину.)*

Гул самолетов

Халявин *(медленно пододвигаясь и опять нацеливаясь для броска на комиссара)*. Я про дело беспокоюсь, товарищ комиссар... С народом беседую, вот, говорю, немцы сейчас опять Ленинград летят бом-

бить, ночью зарево было, глядеть тяжело... На женщин, на детей бомбы сбрасывают, мерзавцы...

Комиссар (*снова в трубку*). Слышите ли вы меня?

Халявин. Не слышат, товарищ комиссар, никто не слышит...

Халявин ловит последний удобный момент. Кажется, что этот момент сейчас наступит. Халявин подымает руку с ножом. Шум. Возвращается Коробков. Несет на себе раненого. Халявин отскочил.

Коробков (*положив раненого*). Опять немецкие автоматчики совалясь — который раз уж лезут. Отбили, товарищ комиссар. Все на левый участок... Халявин, дай закурить в дружбу.

Халявин. Только в дружбу. (*Дал папиросу.*)

Коробков. За мной... на том свете угольками рассчитаемся...

Комиссар. Коробков, останьтесь здесь, вызовы продолжать... «Полтаву» вызывайте. Я проверю участок.

Коробков. Есть, товарищ комиссар.

Халявин. Вы собой не рискуйте, товарищ комиссар... Послать же можно... Вы у нас единственный, можно сказать...

Комиссар. Много вы лишнего болтаете, Халявин...

Халявин. Да я от сердца... И нагибайтесь, товарищ комиссар... Тут осторожнее надо быть. И нагибайтесь, пожалуйста... Я вас провожу...

Комиссар проверил автомат, двинулся.

(*Проверил свою винтовку, щелкнул затвором и двинулся следом за комиссаром.*) Нагибайтесь, осторожнее, дорогой товарищ комиссар. (*Вышли.*)

Лошкарёв (*входя, Коробкову*). Где комиссар?

Коробков (*указал направление*). Пошел сейчас на участок.

Старый матрос поспешно двинулся по указанному направлению.

(*Делая телефонные вызовы.*) Вы меня слышите? «Полтава»... Вы меня слышите?.. Я — «Гроза»...

Из-за развалин: «Ру-ус — капут, славайся!..»

Капут? Врешь... (*Делает вызов.*) Я — «Гроза»...

Бушков (*выйдя сбоку и послушав*). Гроза? Только грому от тебя, молнии не видно...

Коробков (*отрываясь*). А?

Бушков. Грома и молнии, говорю, не видно, израсходовались...

Коробков. Все смеешься, браток?

Бушков. Ну а что ж, плакать? Курить есть?.. Табачок ваш, бумажку дашь, огня добудем — вот и курить будем...

Коробков (*посмотрел, улыбается*). Только для друга... На вот — оставил. (*Достает из-за уха окурочок папироски.*)

Бушков (*присев*). Спасибо, дружба. (*Затягивается жадно.*) Почему капитан третьего ранга ушел?

Коробков. А он мне не докладывал.

Бушков. А капитан с гибнущего корабля не уходит...

Коробков (*посмотрев*). А матросы на гибнущем корабле языком не треплют.

Бушков. Слушай, «Гроза», поговорить по дружбе хочешь?

Коробков. Ну?

Бушков. Ты мне ответь, а не «ну»... Я к тебе по-серьезному пришел... Ты мне друг или только название?

Коробков. Ну, друг...

Бушков (*встал*). Мне такой разговор не нужен, я пошел...

Коробков. Подожди...

Бушков остановился.

Друг я тебе...

Бушков. Это определеннее. (*Вернулся.*) Ты видишь, куда дела поворачиваются?

Коробков. Не слепой.

Бушков. Ты человек?..

Коробков. Человек.

Бушков. Ну, «человек...»

Коробков. А ты ближе к делу можешь? (*В трубку.*) Вы меня слышите? Я — «Гроза».

Бушков. Кого ты этими вызовами обманываешь? Себя?.. (*Пауза.*) Что на последний случай делать будем?

Коробков молчит, ждет.

Слыхал — кричат... А у немцев с матросами разговор короткий.

Коробков. Давай еще ближе.

Бушков. Ближе некуда. (*Поймал настороженный взгляд друга.*) Я присягу не нарушаю, политику не трогаю... Я беру на крайний момент. Мы свое отработаем сполна... Но потом... Я ж немцам в руки даваться не буду...

Коробков. Давай ближе.

Бушков. Я уйду, прорвусь.

Коробков. Куда?

Бушков. На простор... Прорвусь в партизаны... Или еще лучше: самостоятельно, штатское одел и пошел... На советской территории в Прибалтике, в Польше места хватит... Главное, смелость — работать широко можно...

Коробков. «Работать»? А, вот оно что? Ты опять за старое?.. Беспризорщина отпрыгнулась?

Бушков. Я жил честно... Перековался, ты знаешь.

Коробков. На том и друзьями стали.

Бушков. Да, видно, не судьба... Слушай.. Борьба до конца... Прорвемся, а? Поработаем в их новой Европе, — они всех чистят, мы их чистить будем...

Коробков. А-а... у тебя и идейное обоснование заготовлено? (*В трубку.*) Вы меня слышите? Я — «Гроза»...

Бушков. А что ж?.. Ты пойми... Бить их будем... индивидуально, а, подумай...

Коробков молчит.

(*Встал.*) Думать нам осталось, может, час... Я зайду... Молчишь? Я так честно, что на душе, — все выложил... Тебе одному, как другу.

Коробков. Понятно...

Бушков. А драться я буду до конца... Шестерых уже хлопнул.

Коробков. Понятно.

Бушков. Но после конца я сам себе хозяин..

Коробков. Значит, Ленинград, бригаду, товарищей бросаешь?.. А бодрился, старика задевал: «Деятнадцатый век рождения», а старик, дай бог, жмет...

Бушков. А зачем капитан третьего ранга ушел?

Коробков (взяв Бушкова за «грудки», в упор, тихо). Я с этим командиром на линии Маннергейма был... Мы с ним и не такое отламывали... Я в него верю... Даже если и шансов нет, стой, понимаешь, стой, сволочь, а не выкамаривай, «индивидуально»... (Пауза.) Боря, друг, погляди в глаза... Народ на тебя смотрит, женщины смотрят: «Боец, спаси, помоги, не пускай немцев...» Дети на тебя смотрят: «Дяденька, миленький, не пускай немцев...» А ты «индивидуально», частный предприниматель? Где же твоя совесть?..

Бушков (помолчал, вздохнул). Я ж о борьбе говорю...

Коробков. Не го... Ты, Боря, подумай... За какие идеи бьемся! Имя Ленина нам доверили...

Оба постояли. Потом Бушков протянул руку. Коробков, не глядя, пожал протянутую в ответ руку. Просиял Коробков, посмотрел вслед другу, покачал головой...

В отдалении на правом участке выстрелы.

(Прислушивается. В трубку.) Вы меня слышите? Я — «Гроза»...

Приносят раненого — он без фуражки, бушлат внакидку. Второго раненого ведет девушка-санитарка.

Второй раненый. Ну, что связь?

Коробков. А, корешок? Телефон? За невзнос платы выключили... Ничего, браточек, наладим... Что у вас там немцы шумели?

Второй раненый. Подобрались, кричат: «Рус, капут»...

Вошел Халавин. Следом — комиссары за ним Иван Степанович.

Комиссар (раненым). Ну, как дела, товарищи? Перевязали? Курить дали? Берите. (Отдал свой табак.)

Первый раненый. Вот спасибо... А то сосет... Дымку хочется.

Девушка перевязывает двух раненых.

Второй раненый (комиссару). Вот девушка! Вот стрелок! Дай бог бьет! Немец высунулся, она его хлоп, другой высунулся — хлоп. Как шары в лузу, аж треск...

Комиссар (*девушке весело*). Хлопнула?
Девушка. А что ж... (*Второму раненому.*) Лежите, больной, тихо.

Первый раненый. Кричат: «Рус, ответ на ваше письмо дадим».

Комиссар. Ага, значит, письмо получили... (*Коробкову.*) А юнга не возвращался?

Коробков. Никак нет.

Комиссар подошел к телефону. Раненые прилегли. Михайлов с левого участка подошел за боезапасом.

Комиссар. Что на вашем участке, товарищ Михайлов?

Михайлов. Противник подходит все ближе.

Комиссар. Мало огня.

Михайлов. Мы экономим. И они не стреляют. Они живьем хотят нас взять... Нам бы патронов, гранат... (*Взял ящики — они почти пустые.*) Да что ж тут брать?..

Комиссар. Хотят «живьем взять»... Советую запомнить: этого быть не должно и не будет.

Михайлов. Есть.

Комиссар. Продолжаю. Передадите своим: «По отражении противника гарнизон будет немедленно подготавливаться к новым контратакам — всеми видами оружия...»

Михайлов. Понял... Вплоть до штыков...

Комиссар. Возвращайтесь.

С правого участка выстрел. Голос Коробкова: «Стой! Стой, кто идет? Стой, клади оружие! Поднимай руки!» И звонкий возбужденный ответ: «Ну да, держи карман шире!» Появляется Коробков, за ним юнга, ободранный, но бодрый. У него на ремне немецкий автомат.

Юнга. Юнга Сибирцев Юрий из командировки прибыл. Поручение выполнено, товарищ комиссар.

Комиссар. Ну и отлично...

Юнга. А вы вчера автоколонне здорово вмазали, они так мордами в канаву и въехали... Мне все было видно, а я им сзади по шинам бил... Вот смотрите. (*Показывает комиссару и Ивану Степановичу опорожненные подсумки.*) Ну, конечно, пришлось и подраться... Я их разбил. Вот... (*Показал трофейный автомат.*) Ну, что они с моряками сделают!

Комиссар (*улыбнувшись*). Ну, с боевым крещением, товарищ Сибирцев-младший. Почему так долго отсутствовали?

Юнга. Они заметили в конце концов, товарищ комиссар. Пришлось целый день сюда ползти. Грязи наелся. А где отец?

Комиссар (*после паузы*). Садитесь.

Юнга. А где отец?.. (*Смотрит на одного, на другого, на третьего.*)

Комиссар. Командир занят и о планах своим юнкам не обязан докладывать...

Юнга. Да, отец, всегда так вдруг и исчезнет — он горячий. А вы помочь мне хотели, сигналили?

Комиссар. Как сигналили?

Юнга. Ну да — я потерял направление... Ползу, ползу, там болото, тут разбитые машины, вдруг, смотрю, сигналият. (*Показал пальцами несколько знаков Морзе.*)

Лошкарев. Кто сигналил? Тебе, сынок, показалось... Прикуривал кто-нибудь, стервец какой-нибудь, башку ему оторвать.

Юнга. Возможно, что и прикуривал... Но я никогда не видел, чтобы прикуривали от электрического фонаря.

Пауза.

Комиссар. Вы что-то путаете, юнга.

Юнга. Нет, путают другие, товарищ комиссар... Уж что-что, а азбуку Морзе я с таких лет знаю. (*Жест.*) Читал ясно: «Я (*пауза*) КП». Направление сюда, на командный пункт, давали...

Комиссар. На командный пункт?

Юнга. Я еще удивился, что передают, но обрадовался... Коротко дали, раза три...

Комиссар, Михайлов, Лошкарев, Коробков, девушка и раненые переглянулись. Халявин слушает невозмутимо.

Комиссар. Электрические фонарики на снабжении бойцов были?

Лошкарев. Никак нет.

Комиссар. Кто ходил на передний край на правый участок?

Лошкарев. Сопровождали вас я, товарищ Халявин...

Х а л я в и н. Телефонист Коробков зачем-то ходил...

К о р о б к о в (вспыхнув). Ну, знаешь!..

Х а л я в и н (*спокойно*). А что ж ты забеспокоился? Ну?..

К о м и с с а р. Проверить надо.

Некоторые невольно посмотрели на Коробкова.

Л о ш к а р е в. Товарищ комиссар, я своих людей знаю — такого у нас быть не может. Халявин, ты как смотришь?

Х а л я в и н. Не может такого быть.

Л о ш к а р е в. Ну, раз товарищ комиссар говорит проверить — проверим... (*Волнуется.*) До седых волос дожил, такого не было. Проверяйте сами, товарищ комиссар. (*Отложил винтовку, расстегнул ремень, распахнул бушлат; на груди Георгиевский крест.*)

К о м и с с а р. Вы меня не поняли — вы и будете проверять.

К о р о б к о в (*оскорбленно*). Что ж, давай. (*Распахнул бушлат. Видны широкие бинты перевязки.*)

Л о ш к а р е в (*застегнул свой бушлат*). Эй, давай, Халявин, — извини, дело такое...

Х а л я в и н. Что ж, давай. (*Побелел.*)

Л о ш к а р е в. Уж извини, друг. (*Что-то нащупал у Халявина. Остановился пораженный. Халявин не дает вынуть фонарик. Лошкарев сильнее. Вынул.*)

Комиссар взял фонарик из рук старого матроса, сделал несколько вспышек.

К о м и с с а р (*к юнге*). Так передавали?

Ю н г а. Так.

Л о ш к а р е в (*тихим, властным голосом Халявину*). Бумажник и прочее давай... И чтоб все было тихо, людей не беспокоить, понял?

Х а л я в и н (*тихо*). Понял.

К о м и с с а р (*проверяет бумажник*). Откуда у вас немецкий пропуск?

Моряки глядят на бумажку, на Халявина. Тот молчит.

(*Халявину.*) Давайте коротко и ясно...

Х а л я в и н (*хрипло*). Есть... Нашли меня, значит, в двадцать гдетьем году.

К о м и с с а р. Кто?

Х а л я в и н. Немцы... А я был скрывавший про

себя белый — ну, у Деникина, Врангеля был... Приходят эти немцы в штатском, все вежливо, — либо, говорят, сообщить об этом секрете вашем можно, либо давайте по-хорошему...

Комиссар. И вы стали «по-хорошему»?

Халявин. Стал... Вы, говорят, не беспокойтесь, мы вас не затрудним, разве если по мелочи.

Комиссар. По мелочи?

Халявин. По мелочи... Ну, я на заводах работал. Документы дали исправные. Из белого моряка стал красным. В военкомат зашел. В запасе числился. Дальше — больше, велели ударником стать.

Михайлов. Тут имеется и рекомендация. Думали в партию вступить?

Халявин. Думал, но тут трудности бывают. Велели обождать, а то начнут, говорит, тебя копать, не выберешься.

Комиссар. Кто велел обожждать?

Халявин. Значит, так я тихо и работал, восемнадцать лет подряд.

Комиссар. Кто велел обожждать?

Халявин. Он.

Комиссар. Кто «он»?

Халявин. А я доподлинно личность его не знаю... Загадочный такой... «Я, говорит, в каких только местах мира не был и Россию вдоль и поперек исходил».

Михайлов. Немец?

Халявин. Определить не могу.

Лошкарёв. Халявин!

Халявин. Я, Иван Степанович.

Лошкарёв. Пока в землю не отошел, выкладывай все.

Халявин *(вздыхнул)*. Что я знаю — пешка я, несчастный я человек!

Лошкарёв. Семью свою, значит, тоже обрекаешь?

Халявин. Семью?.. Они ни при чем, семью зачем? Они что же?.. Семью-то за что же?.. А все эта сволочь проклятая, все он!..

Комиссар. А точнее?

Халявин. Писарь.

Михайлов. Какой писарь?

Халявин. Наш писарь.

Юнга. Писарь?

Комиссар (*встретившемуся юнге*). Подождите. (*Халявину*). Так что этот писарь? Что он тут делает? Кто он?

Халявин. Немец. Лютеранского вероисповедания. Немец. Командира он убрать должен... А я тут ни при чем. Я доказать могу.

Комиссар. Командира убрать должен?

Юнга. Пустите, пустите меня!.. Я догоню, я найду... Вы же знаете, куда отец пошел...

Комиссар. Спокойно, спокойно, юнга.

Юнга. Вы боитесь, что я попадусь? Проболтаюсь, выдам? Вы мне верите? Товарищ комиссар!

Комиссар. Верю, но вы останетесь здесь. (*Халявину*.) Все сообщили?

Халявин. Все.

Краснофлотец (*с правого участка, вбегая*).
Танки на шоссе!

Комиссар. Ну, точно: правый участок.

Отдаленный шум танков. Выскочил еще один краснофлотец.

Второй краснофлотец. Танки атакуют!

Комиссар (*властно*). Зачем засуетились? Пойдите сюда.

Второй краснофлотец. Есть.

Комиссар. Не танки атакуют, а мы атакуем танки. Повторите.

Второй краснофлотец. Не танки атакуют, а мы атакуем.

Комиссар. И на место.

Оба краснофлотца идут на места, к переднему краю.

Четверо с гранатами.

Михайлов. Трое со мной. (*Сбросил бушлат, открыл ящик с оставшимися противотанковыми гранатами.*)

Лошкарев. Есть. (*Тоже сбросил бушлат.*)

Коробков. Подсмените-ка... (*Передал трубку одному из моряков. Смотрит на друга, на Бушкова.*)

Бушков. Коля, ну, конечно! Пошли, дружба!..

Юнга. И я.

Лошкарев. Сказано — четверо. (*Ласково отстранил юнгу.*)

Шум танков приближается. Михайлов, старый матрос, телефонист и его друг берут гранаты. Гул и лязг танков нарастают.

Халявин. Пройдут, раздавят... Пропали. Братцы! Господа...

Комиссар. Убрать эту гниду.

Халявин (*рвется*). Ну бейте, все равно... Ну мыслимо ли, раздавят всех!.. Пропуск-то мой пропал, ах ты господи... Оставьте в живых — перед немцами за вас заступлюсь, объясню им, уговорю... Братцы...

Комиссар. Он еще болтает! (*Выстрел.*)

Лошкарев. Вот.. По закону, а закон — известно какой. (*Выволакивает убитого Халявина.*)

Комиссар (*четырем матросам*). Братья мои, друзья... Надо...

Моряки кивнули головами.

На минуту Михайлов подошел к девушке.

Михайлов. Прощай, сестренка, спасибо тебе. Ты и не знаешь, как ты мне помогла...

Стоит она, вымолвить ничего не может... Моряк посмотрел на нее, поцеловал.

Ну... Ага, четыре тяжелых!

Коробков. Что ж, силы равные: четыре танка, четыре матроса...

Четверо моряков выходят навстречу танкам врага. Фигуры моряков отчетливо выделяются на вечернем фоне неба. Ветер свистит на прибрежной низине. Оставшиеся смотрят вслед ушедшим. Раненые подползают к комиссару.

Люди следят за ходом гранатометчиков. Кто-то не в силах сдержаться себя: «Ох.. левей, левей!» Рев танков нарастает. Секунды большого напряжения. Вспышка. Тяжелый гудящий взрыв. Крик Юрия: «Под танки ложатся, товарищ комиссар!» Вспышка. Взрыв... Короткая пауза. Пламя над низиной. Оно освещает последнюю группу защитников убежища. Еще один взрыв. Люди стоят недвижно.

Голос. Один ползет обратно...

Комиссар. Кто?

Вопрос остался без ответа. Слева очереди автоматов... Ободранный, почерневший, вползает к своим старый матрос. Он делает знак рукой, предупреждает: «Автоматчики тут... не прозевайте... Танк, сволочь, человека испугался... Я под него, а он задним ходом... задним ходом, а? Но от Лошкарева еще не уходили...»

Г о л о с. Автоматчики подходят!

К о м и с с а р. Все — к бою!

Очередь автоматчиков. Крики: «Рус, рус, сдавайся!»

(Взял автомат и к последней группе еще целых бойцов.) Ко мне! (Раненым.) Держать КП. Ну, товарищи, помогите в последний раз. (Громко.) Батальон! За родимый Ленинград! Ура!

И, собрав все силы, горсть людей кричит «ура». С комиссаром кинулись юнга, девушка и оставшиеся моряки. Ковыляя, вслед идут раненые. Один ползет, не может больше, останавливается, но продолжает со всеми кричать «ура». Крик постепенно затихает. На КП остались только те, которым трудно передвигаться.

Л о ш к а р е в (облизывая почерневшие, потрескавшиеся губы). Попить нету? Воды бы... а то водки, водка — она мне всегда помогает. (Прислушивается.) Отбили вроде?

Один из раненых. Воды дайте, жжет...

Л о ш к а р е в. Нету... Ну, подсчитать хозяйство...

Первый раненый вытащил нож. Второй раненый ощупывает свои карманы.

Один из раненых. Воды...

Третий раненый. Нету, браток, потерпи. Потерпи, милый, потерпи, хороший. (Гладит его по голове, помогает другим.)

Четвертый раненый. Подорваться есть чем, а?

Л о ш к а р е в. Нету, милый... Потерпи. (Остальным.) Глядеть в оба. Наблюдать вкруговую.

Четвертый раненый. Подорваться, спрашиваю, есть чем? Что ж, не слышите? Кричите мне громче... Оглох я... Подорвемся, а? Дайте, сделаю. Я умею...

Л о ш к а р е в (понял, что четвертый раненый не слышит, кричит ему на ухо). Нечем подрываться, браток!

Четвертый раненый. Ну, что же, тогда будем по-другому... живьем не возьмут. (Вынул из вин-

товки затвор, выбросил. Снимает штык, пробует острие.)

Неожиданно загудел телефон. Лица осветились светом надежды. Лошкарев подполз, схватил трубку. Подтягивая все тело на локте, подполз и четвертый раненый. Следит лихорадочно заблестевшими глазами.

Лошкарев. Алло... Я — «Гроза». (Смотрит на своих — люди чуть дышат, впились в старого матроса, в трубку.) А?.. (Лицо меняется. Поглядел на своих, дунул в трубку.)

Четвертый раненый. Ну что?

Лошкарев молчит.

Что, Иван Степанович?

Лошкарев. Смеются в трубку — немцы... (Четвертому раненому криком.) Смеются немцы!..

Четвертый раненый. Теперь они смеются...

Лошкарев. На письмо ответ дают... Дай... (Схватил снова трубку, слушает.) У-ух! (Со злобой и омерзением.) Послал бы бог хоть одного бы немца, еще одного б... Попрощаться бы... Стой, будто по-русски говорят... По-русски говорят!

Третий раненый (взяв трубку). Не верь, у них и по-русски разработано. Это такая сволочь... А? Как дела, спрашивают.

Лошкарев. Как дела? (Рванул трубку к себе.) Все в порядке. Соседи?.. Тем лучше... Резерв вот к нам подошел. Да, сплошной матрос... (Яростно мигает своим.) Здорово, орлы балтийцы! (Шепчет, прикрыв трубку.) Давай!

Раненые (поняв). А, товарищ командир бригады! Здравствуйте, товарищ командир! Привет из Ленинграда... Там еще вторая и третья бригады идут... Черным-черно. (Топают ногами, изображая приход резерва. Всплески встречных рукопожатий, возгласы.)

Лошкарев. Сидоркин, и ты здесь?

Голос. Так точно, здесь.

Лошкарев. Бориченко, целый?

Голос. Бог терпит, земля носит, товарищ командир.

Моряки косятся на аппарат.

Лошкарев (прикрыв трубку). Посмеются над кем-нибудь другим!

Первый раненый. Послать бы их...

Лошкарев. Не поймут. У них и в словаре таких морских терминов нету. (*Опять взялся за трубку телефона.*)

Раненые из последних сил подтягиваются к телефону. Весь последующий разговор рассчитан на то, чтоб немцы его услышали.

Командиров батальонов ко мне.

Первый раненый. Командир первого батальона прибыл, товарищ командир бригады...

Второй раненый. Командир второго батальона прибыл, товарищ капитан третьего ранга.

Третий раненый. Заместитель командира третьего батальона прибыл, товарищ командир бригады.

Лошкарев. Командир пулеметной роты почему отстает?

Четвертый раненый. Никак нет, на месте!

Лошкарев. Выдвигайте пулеметы, быстро!

Первый раненый. А как там, товарищ командир, фрицы поживают?

Лошкарев. Они не поживают, а доживают...

Второй раненый. Велено передать от Ленинграда привет ото всего сердца, балтий... (*Захлебнулся кровью, смолк.*)

Пауза. Опять крики: «Рус, сдавайся!»

Раненый-наблюдатель. Подходят! (*Пятится.*)

Лошкарев. Ну, прощаться будем.

Прощаются раненые моряки. Последние рукопожатия, братские поцелуи.

Четвертый раненый. Прощай, Балтика, и Ленинград, прощай... Россия-мать, прощай. (*Обнажил грудь.*) Бей, старик, пора...

Еще медлит старый матрос... Слышен немецкий шаг. Крики: «Форвертс! Хайль Гитлер!»

Первый раненый. Психическая.

Третий раненый (*схватившись за сидящих рядом, встал, запел*). «Вы жертвою пали в борьбе роковой, в любви беззаветной к народу... Вы отдали все, что могли за него...»

Моряки поют. Слились матросские голоса. Неожиданный свист, резче, резче.

Лошкарев (*опуская руку с ножом*). Стой!.. Подожди... (*Слушает.*) Наш свист...

И дает, еще не веря и веря, в ответ удалой четырехпалый свист из старых флотских драк, с крестьянской гульбы. И, будто в ответ, спустя секунды-две, далекое, гулкое: «Полундрраа!» Иные раненые приподнялись, иные в бессилии опустили на землю головой... Нарастает шум, и вспыхнуло широко, шире и шире русское «ура». Это начался матросский удар, в котором не бывает пощады.

Лошкарев. Еще поживем, братки, а?
Четвертый раненый. Что, братки? А? Что случилось, а?..

Лошкарев. Бригада, к бою!

Бликий шум схватки. Вбежало несколько немцев. Третий раненый вскинул винтовку. Яростная схватка. Влетают атакующие матросы, нещадно бьют немцев. Хрип. Стуки. Рукопашная. На раненых наскочила группа немцев.

(*Не теряя ни секунды.*) Куды? (*Своим.*) Гранаты к бою! (*И мгновенно швырнул первое, что попало под руки,— ботинок с ноги, тяжелый, грузный.*)

Немцы шарахнулись назад. Их смяли подоспевшие моряки. Вспыхнуло матросское «ура». Усталый, загрязненный идет капитан 3-го ранга. Револьвер в руке. Рядом, неотступно, его сын Олег, затем девушка-санитарка и несколько других бойцов.

Лошкарев (*пробуя приподняться*). Встать смирно! Товарищ капитан третьего ранга...

Капитан 3-го ранга. Да сиди ты, вот «служба»...

Лошкарев. Да ж полагается же...

Капитан 3-го ранга. И в гробу «смирно» тянулся бы?

Лошкарев. Так точно, то есть никак нет... Ра-но еще в гроб... Разрешите доложить...

Входит комиссар.

Капитан 3-го ранга. Комиссар, родной. (*Об-нялись.*)

Входит писарь. Держится, как всегда, спокойно, бросил взгляд на людей. Старый матрос удивленно посмотрел на комиссара, но пока сдержался.

Комиссар. Ага, писарь, кстати...

Капитан 3-го ранга. Да, пишите: «Сентяб-

ря сего дня части Морской бригады были окружены противником...» *(Показывает комиссару детали операции по карте.)*

Писарь. «Окружены противником». Есть.

Капитан 3-го ранга. «По решению командира и комиссара на рубеже был оставлен заслон слабой численности, основные силы скрытно совершили за сутки шестидесятикилометровый бросок по лесам и болотам. В пути были использованы два пленных, сообщивших немецкий пропуск, места расположений немецких частей и штабов. Дивизия СС пытавшаяся сбить заслон Морской бригады, разгромлена. Удар был поддержан тяжелыми танками Кировского завода». Кажется, все.

Комиссар. Есть дополнение. «В ходе операций попутно обнаружены засланные агенты противника *(считывает бумаги)*: бывший белогвардеец Халявин...»

Писарь *(спокойно)*. Халявин...

Комиссар. «Халявин и писарь, готовивший покушение на командира бригады, именовавший себя Фетисовым, дело которого передается особым органам...»

Писарь пишет холодно, ровно... Юнга заглядывает ему через плечо. Писарь поглядел на комиссара серо-голубыми немецкими глазами. Комиссар ответил ему на взгляд. Иван Степанович усмехнулся.

Капитан 3-го ранга. Кто открыл дело?

Комиссар. Юнга. Он у нас вообще толковый мужчина.

Капитан 3-го ранга посмотрел на Юрия. Тот вытянулся, счастлив. И что-то серьезное есть уже в этом мальчике.

(Писарю.) Сдайте дела.

У писаря взяли его журнал, бумаги, сумку, быстро вынули оружие, документы. Он пробовал рвануться. Ему сказали: «Гражданин, не будем...» Юнга сбил с него морскую фуражку: «Не смеешь носить...»

Капитан 3-го ранга *(морякам)*. Отвести...

Писарь. Все. *(Постоял, закрыв глаза и сложив ладони в немецкой молитве.)*

Шпиона увели.

Капитан 3-го ранга *(обнял, целует Юрия)*. Ну, что, Юрий?

Юнга. Полный порядок.

Шестивесельный (влетел с наганом, рядом несколько человек. Ведут двух немецких помятых офицеров). Товарищ капитан третьего ранга, взяли их штаб со всем инвентарем. (Вручает портфель, бумаги.)

Немцы стоят хмуро, жмутся под взглядами моряков, которые окружают их стеной. Бой догорел, и моряков здесь все больше и больше. Приходят довольные, потные, усталые.

Капитан 3-го ранга. Что там еще?

Капитану 3-го ранга вручают чемоданчик и красивую плетеную с золотом бутылку. Надпись: «Храбрейшему за Ленинград».

Интересно... «Храбрейшему за Ленинград».

Комиссар. Вот у нас есть тут верный кандидат. (Отдает старому матросу.)

Лошкарев. Никак нет, я что ж... Я, как все...

Комиссар. Выполняйте приказание..

Лошкарев. Есть... (Схватил бутылку.) Господи, ну прямо в душе прочитали! Товарищ комиссар, такая жажда томит.. (Привычно берет бутылку, поддает в доньшко. Немцам.) Со свиданьем.. Так и в Берлине доложите, как в сказке: «Мы, мол, там были, пиво-мед пили, по усам текло, а в рот не попало — русские сами пить мастера». (Пьет старый матрос, рот полощет, наслаждается, передал другим раненым, те выпили, дух перевели, утерли рот.)

Комиссар. А не повредит?

Лошкарев. Господи, да мы в ту блокаду, в восемнадцатом году, «череп, две косточки»... (Показал, сложив кисти рук.) Ничего не делалось, даже укрепляло.

Юнга. А мне?

Капитан 3-го ранга. Пожалуй, молод еще.

Юнга. Да, как воевать — так можно, а как попробовать — так молод!

Лошкарев. Чарку ему дозвольте, товарищ капитан третьего ранга! Все-таки послужил, можно.

Капитан 3-го ранга. Маленькую, по возрасту.

Юнга лихо пьет, но обжегся, замер, шагнул и поперхнулся.
Все хохочут.

Лошкарёв. Тоже наука нужна.

Телефонный звонок.

Капитан 3-го ранга (*беря трубку*). Да. Здравствуйте, товарищ контр-адмирал. Есть. Есть. Прошу сообщить в Военный совет фронта, товарищу Жданову, товарищу Ворошилову: на рубеже надёжно. Решительно надёжно. Другие участки? Тоже. (*Остальным.*) Отбивают немцев везде.

Комиссар повторил это сообщение шепотом. Все шепотом «ура».

Да, очень помогли... Комиссар? Жив, отлично... Есть продвигаться вперед.

Юнга. Мамочке привет пусть передаст.

Приводят еще группу пленных немцев. Тут всякие. наглые, угрюмые, равнодушные.

... Один из моряков. Товарищ капитан третьего ранга, у них в землянках женщины, дети наши, захваченные.

Капитан 3-го ранга. Освободить сейчас же, накормить.

Один из моряков. Замученные они, мертвые уже...

Страшная тишина. Стоят немцы, хмурые, трусливые. Рванулись к немцам моряки...

Один из моряков. Каким судом судить вас, насильники, душегубы...

Раненый (*подползая к немцам*). Семья моя где?

Девушка. Мать моя где, брат мой где?

Общее движение.

Комиссар (*властно*). Пленных убрать! Шестивесельный. Есть.

Немцев уводят вниз, в подвал. У двери становится часовой.

Лошкарёв. А ну, собирайся, Иван Степанович. Подсобите-ка, ребятки. Пошли, пошли — какой там отдых, гнать их подальше да поскорее.

Комиссар. Подождите. Минуту постоим... Поклонимся героям, за Родину погибшим. Имена их за-

помните навсегда: Коробков Николай, Бушков Борис... Михайлов...

Д е в у ш к а. Алексей?

К о м и с с а р. Алексей...

Раздались три ружейных залпа. С развалин сняли пробитый во многих местах красный флаг. На его месте водрузили винтовку. На ней, ветром подхваченная, взвилась флотская тельняшка: пусть память останется.

К а п и т а н 3-го ранга. Вперед, товарищи!

Моряки подхватили под руки своих раненых, пошли вперед все вместе и вновь запели песню, с которой ушли из Ленинграда:

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...
За далекой за Нарвской заставой
Парень идет молодой...

Стережет пленных моряк-часовой. Стоит, горделиво опершись о винтовку. Поза свободная, правая нога вперед. Обе руки покоятся на дульном срезе. Блестит штык.

Темнеет. В луче прожектора видна развевающаяся над развалинами тельняшка, и доносится еще песнь идущей к новым победам Морской бригады.

Ленинград, 1943—1944 гг.

МЫ ИЗ КРОНШТАДТА

Литературный сценарий

Петроград. Октябрь 1919 года. Холодный сумрак. Океанский западный ветер. У устья Невы, у пристани, в настороженном городе — матрос Антон Карабаш.

В л а с т н ы й г о л о с . К т о о т Б а л т и й с к о г о
ф л о т а ?

М а т р о с (*повернув голову*). Есть от Балтийского флота!

Подходит седой человек в штатском:

— В Кронштадт. От ЦК большевиков.

М а т р о с . Есть в Кронштадт!

Омертвелую тишину Невы нарушил гул мотора... Вдаль уходят Зимний дворец, Адмиралтейство, невские мосты. Пар над холодной бурой водой. Безлюдье.

Катер идет по каналам притихшего города.

Узкие застывающие каналы. Петровские, павловские, николаевские дворцы и казармы.

Угрюмый и неукротимый город. Товарищ из ЦК молча глядит на город...

Матрос за рулем неразговорчив...

Гранитные стены и своды мостов отражают эхо...

Катер проходит сквозь сумрак под мостом. Донеслась песня:

Смело, товарищи, в ногу...—

и затихла в отдалении. Это по мосту прошел неведомый питерский отряд.

Катер вышел по каналам к самому устью Невы. Несколько молчаливых кораблей Балтфлота в черте города. Враг близок. Его ждут.

Катер делает широкий поворот в Морской канал. Могучая панорама заводского, приморского Питера. Город глядит на Балтику, на запад.

Последние строения, корабли — и открывается простор взморья... Ветер сильнее. Набегает ледяная волна.

Матрос повернулся и сказал товарищу из ЦК строго и гордо:

— Балтика!

Балтийское море. Бурные холодные валы. Во мгле остается родной город.

Товарищ из ЦК негромко сказал:

— До свиданья, Питер.

Пустынное море. Воеет ветер с запада.

КРОНШТАДТ — БЕССМЕННАЯ ВАХТА КРАСНОГО ПИТЕРА

Кронштадт с моря. Сумеречный остров. Печальный бой склянок.

Кронштадт! Это тысячи кубических метров финского, ладожского и онежского гранита, охваченного старинным, не поддающимся никаким силам природы и времени цементом и мощными свинцовыми внутренними скрепами. Это чугун, орудийные жерла, это стена, ставшая поперек моря.

Пустынная, омертвелая тишина улиц, хранящих размеренный каданс петровских, павловских и николаевских времен. Почти замерзающая вода в каналах, узких и высоких, как ущелья. Арсеналы, старые ворота, колоннады гостиных дворов и голландских лавок. Настороженность и пустота.

Оцепенелый корабль в военной гавани. Безлюдье.

Товарищ из ЦК проходит по берегу. Темные корабли. Иногда, как тяжкий вздох, вырывается где-то пар... Хриплый вой гудка.

По гранитному бредню идет группа матросов.

Медленно разворачивается перспектива улиц старинного морского города. На стене под ветром «Из-

вестия» и какие-то серые извещения. Группа приостановилась.

Один из матросов читает:

— «Завтра по основной карточке хлеб выдаваться не будет. По детскому купону — одна восьмая фунта». Красота дело!

Моряки двигаются дальше, мимо огромных корявых дубов Петровского парка, мимо застывшего Петра с позеленевшим лицом, неукротимо устремленным в море, мимо маленьких домиков, где закрываются ставни, мимо накрест заколоченных досками трактиров...

Старший роняет:

— Когда-то жили... В пятом году из полиции окрошку делали.

Он мурлычет вспомнившуюся тоскливую песнь про сопки Маньчжурии, про Дальний Восток.

Моряки, коченея от холода, бредут, ожидая каких-то встреч.

На Якорной площади, у колоссального собора, на ветру, одетые в рваные пальто, делают ружейные приемы какие-то штатские.

Низкорослый матрос и с ним другие на секунду останавливаются:

— Коммунары? Валяй, валяй...

Группа идет дальше.

У чугунной решетки на бульваре, где сквозь весь остров ходит сквознячок, сидит пара, слившаяся в неистовом поцелуе.

Один из матросов увидел, завистливо крикнул:

— Эх!

Прошли дальше.

Меланхолично играет матрос-гитарист... Навстречу клячонка тянет дроги — на них гроб. На нем фуражка с ленточкой. На ленточке тронутые временем буквы «Стерегающий». За гробом, хватаясь ручонками за край дрог, трое ребят. Глядят моряки... Свистит ветер...

Матросы идут дальше, по острову, по городу, по осеннему Кронштадту тысяча девятьсот девятнадцатого года.

Каменные спуски у старых доков. Вдали женщина и красноармеец. Он оставляет ее ненадолго...

Матросы вышли к спуску. Женщина, впереди женщина! Они застыли. Все тихо. Вот она, женщина! Это для нее споет гитарист.

Женщина, тихая, хрупкая... Она сидит и ждет.

Матросы легкими прыжками поднялись по ступенькам спуска. Первым — гитарист, уверенный и бывалый. За ним — его друг Артем. Он произнес вопросительно:

— Мадмазель?

Женщина встала и ушла. Матросы двинулись преследовать молча и угрюмо. Женщина бежит по бульвару вдоль крепостного канала. Матросы настигают ее. В гавани завывала сирена...

Артем кинулся наперерез женщине. Она метнулась. Кругом пустынно, безлюдно.

Матрос подходит вплотную.

Ж е н щ и н а. Не подходить!

Из-за поворота вышел спутник женщины — красноармеец. Он с ребенком.

Увидя матросов, предостерегающе крикнул им:

— Товарищи!

Матрос и не пошевелился:

— Какая там пехота смеет мешать!

Пехотинец молча подошел и заслонил женщину. Матрос и пехотинец один на один.

Матросы с любопытством ждут расправы. Из-за поворота несколько красноармейцев видят начало стычки.

— В чем дело?

— Что происходит?

— Товарищи! Айда!

Матросы, глядя на пехотинцев, подходят к ним вплотную.

Друг против друга стали две стенки: красноармейцы и матросы. Матросы стоят вызывающе.

Артем посмотрел на пехотинца, толкнул его плечом и процедил:

— Чего людей задеваете?

П е х о т и н е ц. Это мы задеваем?

Матрос, раздраженный мирно удивленным ответом, схватил пехотинца за ворот шинели и рванул его:

— У, деревня!

Пехотинец оттолкнул матроса. Толчок по-мед-

вежьи сильный. Матрос отлетел на несколько шагов, ударился о фонарь. Зазвенели стекла.

На улице загремела свалка.

Женщина торопливо позвала обход. Свисток.

Н а ч а л ь н и к п а т р у л я. Давай на корабль, ну!

Люди опомнились.

Встреча отгремела.

Матрос-гитарист Валентин Беспрозванный, уходя, обернулся и процедил:

— Пехоте!

Вслед за ним уходит и Артем. Он тоже обернулся. Лицо искривилось. Он бросил пехотинцу:

— Запишешь за мной, с процентами.

Мальчишка, сын пехотинца, выглянул из-за спины отца и крикнул:

— Иди, иди, раз попало!

Пехотинец наклонился к сыну и остановил его:

— Сынок!

Женщина стоит и ждет.

П е х о т и н е ц (сыну). Сынок, живи, расти... Покуда отвою, в детский дом пойдешь, ладно?

С ы н. Ладно, воюй живей!

Набережная. Угрюмый город. Пехотинец уходит. Женщина и мальчик смотряг вслед. Скрипит где-то ветром оторванное железо на крышах домов, воеет ветер.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮДЕНИЧ 11 ОКТЯБРЯ
НАЧАЛ НАСТУПЛЕНИЕ НА ПЕТРОГРАД. КОРАБЛИ
ИНТЕРВЕНТОВ ВОШЛИ В СОВЕТСКИЕ ВОДЫ

В серой мгле Балтики крадущийся ход кораблей. Короткие приказания на чужом языке, и у оружия движение людей в дождевых плащах и темных капюшонах. Это английские миноносцы идут к берегам Ингерманландии. Силуэты кораблей временами почти исчезают в сером сумраке. Движение кораблей угрожающе. Минутами почти полная тишина. Только шипение разрезаемой воды и голоса, понижающиеся до шепота...

Поднимается орудие. Около него— люди в темных плащах и капюшонах.

Кронштадт во мгле, настороженный.

Уже совсем темно. Ночь.

В гавани, у стенки, застыл линейный корабль. По

борту корабля одиноко проходит комиссар... А по скользкой черной сходне возвращаются искатели приключений. У одного гитара под мышкой. Холод, дрожь и нервная зевота

Вахтенный в огромном тулупе смотрит на пришедших:

— Женились?

Ответа нет Только низкорослый матрос с остервенением плюет за борт.

Люди проходят по узким железным трапам и коридорам в глубину корабля, в кубрики.

Люди там уже встают.

Чей-то возглас навстречу:

— Скитальцы морей!

Пришедшие молча начинают раздеваться. Они снимают с себя вещи, аккуратно отряхивая, сберегая складки и спрашивая:

— У кого брал?

Хозяева вещей получают обратно свои вещи: кто — клеш, кто — фуражку, кто — ботинки

Сборная красота военных моряков растворяется, и они стоят в латаной рабочей робе, в опорках.

В кубрик заглянул кто-то и швырнул четверть буханки. Хлеб стукнулся о железный стол.

Матросы подходят к хлебу. Загорелись голодные глаза.

Злые голоса:

— Это что ж? На всех?

— Опять уменьшили?

— Что же это, в конце концов!

Артем отрубил:

— Не брать! Комиссара сюда!

По трапу спустился боцман.

Б о ц м а н. А ну, кто в караул, ходи!

Артем ткнул боцмана в грудь буханкой:

— Это что же, на двадцать душ?

Люди зашумели:

— Комиссара давай! Комиссара!

По трапу спускается штатский — комиссар.

Все затихли.

Комиссар и матросы испытующе смотрят друг на друга. Один матрос подошел ближе с лампой и осмотрел комиссара, как вещь.

Комиссар спокойно разглядывает матросов.

Артем цедит вполоборота к комиссару:

— Я спрашиваю некоторых штатских: до нуля дожили?

Комиссар. Товарищи...

Подчеркивая безразличие к комиссару, заиграл гитарист.

Комиссар обернулся и властно приказал:

— Не играть, когда говорит начальник!

Беспрозванный поднял голову, посмотрел и опустил гитару. Все затихло.

Комиссар сел к столу и, обведя всех взглядом, спросил горько:

- Неужели с Октября здесь выветрился революционный дух?

Кто-то удивленно и оскорбительно ответил:

— Что-о?

Матросы прыгнули с коек, приблизились к комиссару.

Артем — вплотную к комиссару, крикнул:

— О хлебе мы спрашиваем!

Комиссар, повысив тон, оборвал его:

— Нет, я спрашиваю — голодающим детям отчисляли?

Юнга — паренек с чистым, светлым лицом:

— Отчисляли.

Комиссар. Питерским рабочим отчисляли?

Один из матросов. Отчисляли.

Комиссар (*гитаристу*). Шаляпину за выступление отчисляли?

Гитарист подтверждающе махнул рукой (искусству флот отдавал много).

Комиссар. В чем же дело? Дели!..

Логика комиссара проста и ясна. Бородатый матрос начал делить хлеб веревочкой.

Матросы разбирают тощие ломти, скудный паек.

Комиссар. А ну, кто в караул, быстро!

В кубрике пьют кипяток... Звякнули кружки...

Артем, не торопясь, надевает бушлат. Ему в караул.

Он скосил глаза на комиссара, упрямо, жестко сказал:

— К сведению некоторых. Хлеба отчислять больше не буду, а в карауле отстоять в пользу Советской власти — отстою.

Щелкнул угрюмо затвором и пошел на холод.
Комиссар тоже тронулся по трапу. Донесся разрыв снаряда. Люди притихли.

Старый матрос и юнга прислушиваются.
В гавани взлетел фонтан от разрыва снаряда.
Враг!

Воздушный вал поколебал воду.

Флот и крепость вышли из оцепенения.

Пронзительные всхлипы крепостной тревоги. Огромными кольцами расходятся звуковые волны. Гаснут огни. По чугунной мостовой топот пробегающих людей: «Ать-ва-три...»

Люди выходят и, сгибаясь, бегут против ветра. Ветер рвет ленточки на фуражках, полы бушлатов и клешей.

«К орудия-а-ам!» Сквозь водяную пыль взметы ледяного прибоя. Батарея. Ветром надорванный боевой флаг РСФСР. Магросы бросаются к орудиям, повернутым к морю. Во мгле — корабли врага. Простая, привычная процедура — огонь по английским кораблям. «Двадцать одна держава». — «Ладно...» — «Товсь!». — «Залп!» Бело-сернистая вспышка, заставляющая закрыть глаза. Стихающий после выстрелов шип снарядов Рев. заговорили форты.

Взметнулись водяные столбы разрывов.

Новый залп с форта.

Наблюдатель крикнул:

— Уходят, ставят завесу!

Разрывы наших снарядов. Смешались вода и дым.

Корабли противника, повернув, уходят за завесу...

Ветер стелет дым.

Залп!

Залп!

За черный зловещий дым, закрывший полнеба, ушли корабли врага. Сигнал отбоя.

ФОРТЫ ОТОГНАЛИ ВРАЖЕСКИЕ КОРАБЛИ.
ПОЛК ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ ВЫСТУПИЛ
ИЗ КРЕПОСТИ НА ФРОНТ

Артем возвращается из караула.

Холодно. Издалека неясная песнь. Это идет Петроградский пехотный полк. Старая походная песнь ударила по сердцу:

Горы-вершины,
Вас я вижу вновь! —
Карпатские долины —
Кладбища удалцов!..
Кукушка лесовая
Нам годы говорит,
А пуля роковая
Нам годы коротит...

Артем нервно прислушался... Пехота подходит все ближе. Матрос подошел к ней в упор. Пехота идет, гяжело покачиваясь, негибкой крестьянской поступью.

Матрос оглядывает ряды, кого-то ищет. Наконец увидел «того» пехотинца, с которым подрался, и, дерзко схватив его, вырывает из ряда:

— Смываешься, солдат?

Красноармеец на ходу отбросил руку матроса. Полк уходит.

Артем кричит вдогонку, как вызов:

— Я найду, под землей найду!

Артем сделал несколько шагов вслед пехоте:

— Со дна моря достану!

Лицо гневное. Кулак сжат.

Затихает песнь пехоты. Перед полком — дорога дальняя, серое небо и голые сучья деревьев...

Гранитный берег гавани. Сырость, почерневшие брезенты на кораблях, вой балтийского ветра в снастях. Митинг моряков. Стелется дым.

Комиссар говорит речь:

— Товарищи, генерал-лейтенант Юденич идет на Питер... — Повысив голос, комиссар продолжает: — Фронт прорван. К нам обращается товарищ Ленин: «Наступил решительный момент, — пишет он. — Царские генералы... еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер...

В несколько дней решается судьба Петрограда, а это значит наполовину судьба Советской власти в России...

Бейтесь до последней капли крови, товарищи... победа недалека! победа будет за нами! *В. Ульянов (Ленин)*». Товарищи! В Петрограде мобилизуются рабочие, женщины... Кронштадтские моряки...

Внимательно слушают моряки. В толпе Артем и друг его — гитарист.

Комиссара перебивают:

— Понятно... Записывай!

Артем, вынув финский нож, пробует его лезвие; о чем-то подумав, спрашивает или утверждает:

— В пехоту.

Комиссар, оглядев сотни людей:

— Теперь, товарищи, надо проверить, достоин ли каждый высокой чести с оружием в руках защищать революцию.

Гитарист с усмешкой наклонился к Артему:

— Мне кажется, барон, вам готовится неприятность.

Комиссар начинает проверку людей с себя:

— Вопросы есть?

Артем, озлобившись на «штатских», которые смеют соваться:

— Есть! На флоте вы давно?

Комиссар, секунду выждав, прямо:

— Второй день.

Матросы засмеялись.

Кто-то гогочет, явно сбивая комиссара. Комиссар останавливает смех:

— Если не считать работы по поручению ЦК партии на кораблях Балтфлота с тысяча девятьсот пятого по тысяча девятьсот седьмой.

Стало тихо.

Бородатый матрос крикнул:

— А в партии вы давно?

Комиссар. С тысяча девятьсот первого года.

В толпе послышалось: «Ого! Подходяще... ничего не скажешь...»

Кто-то спросил: привлекались, товарищ?

Комиссар. Да.

Тот же матрос. Что получили?

Комиссар. Смертный приговор.

В упор новый вопрос:

— Почему живы?

Комиссар. Бежал, работал в эмиграции...

Матросы, видя, что человек стоящий, кончают:

— Довольно вопросов!

Артем насмешливо отвернулся.

Бородатый матрос бросил:

— Начинай!

Начинается проверка матросов.

Чей-то бас. Двигай, кочегарная сила!

Старый рослый матрос — он доставлял комиссара на катере — поднимается на бочку, объявляет:

— Антон Карабаш. Призывался в тысяча девятьсот шестом году. Сослан на каторгу в тысяча девятьсот седьмом.

Г о л о с. За что?

К а р а б а ш (*усмехнувшись*). За тихое поведение не попадали.

Из рядов раздаются голоса, крепкие, зычные:

— Знаем его!.. Иди, Антоша, объяснись с Юденичем...

— Этот объяснится!

К о м и с с а р (*оглядев ряды*). Единогласно!

Карабаш пошел в строй. У этого человека есть право на оружие.

Отдельные моряки подходят к добровольцам.

— Тут у меня шинелишка лишняя есть, — и старый человек снимает с себя шинель и остается в полосатой тельняшке, наверху, на ветру, на холоде.

Кто-то отдал сапоги.

Г о л о с. Жертвую уходящим!

Летят бушлаты, как черные птицы.

Вышел гитарист.

— Валентин Беспрозованный. На каторге не был, но, вероятно, попал бы...

Кто-то засмеялся.

Г о л о с. Брось!.. С социальным происхождением как у тебя?

Г и т а р и с т (*помедлив, нехотя*). Социальное происхождение у меня действительно несколько двойственное: папа — офицер, а мама — его кухарка.

Сказал и ждет.

Д о п ы т ы в а ю щ и й г о л о с. А где отец?

Гитарист посмотрел и бросил жестковато:

— О бывшем отце прошу не беспокоиться. Сдан мною в ЧК.

Пауза.

Г о л о с из рядов. Подтверждаю.

Голосуют. Поднимаются руки — и этого можно послать.

Г о л о с. Тут у меня бушлат лишний есть...

Швыряет гитаристу бушлат. Тот ловит его на ходу.

Из голпы моряков выходит Артем. Идет не горопясь, независимо. Стал. На него смотрят в упор.

Голоса. Не подходит! Революционной дисциплины не признает!..

Комиссар (*кивнул*). Давай.

Артем, сняв фуражку из уважения к собранию:

— Зовут Артем Балашов, от роду двадцать семь...— Чуть помедлил и дальше четко: — На флоте с тысяча девятьсот четырнадцатого, беспартийный...— поглядел выразительно на комиссара, — по некоторым соображениям ума.

Комиссар. Происхождение?

Артем (*чуть иронически*). Обыкновенное.

Комиссар. Где участвовали?

Артем (*в том же тоне*). Так, особенно нигде не участвовал. Зимний брал...

Голос из рядов. Все равно не подходит. Голодающим хлеба не отчисляет...

Все затихли.

Комиссар. Голосую, кто «за»?

Поднимается лишь несколько рук. Гитарист толкает в бок стоящих рядом. Он требует солидарности, помощи Артему.

Ряды стоят и недоверчиво смотрят на Артема. Артем сжал фуражку в кулаке, ждет, стиснув зубы.

Комиссар поднимает руку «за».

— Проверим на деле.

Матросы примкнули:

— Что ж...

Поднимаются руки.

Артем чуть посветлел, поглядел на комиссара: такие вещи запоминаются.

Голос. А все-таки не брал бы я его...

Артем посмотрел на сомневающегося.

Кто-то процедил флегматично:

— Пускай попробует, что тебе — жалко?

Мокрая, скользкая гавань. Женщины и дети бегут провожать сыновей, мужей, отцов. Спешат старушки... Все просто и ясно.

Завыла сирена. Старый город еще раз посылает своих сыновей на фронт. Матросы пойдут. Открыты всем ветрам их груди. За ними останется Кронштадт, а впереди — победа.

Чистка подходит к концу.
Комиссар. Еще кто есть?
Баском ответил один.

— Есть.

На бочку поднимается юнга. Он стал по всем правилам и начал:

— Зовут Михаил Гуриненко. Во флоте...

Юнгу перебили:

— Куда ему, мал еще!

Юнга посмотрел на сделавшего замечание и бросил:

— А ты молчи, я в перевороте участвовал, а у тебя живот тогда заболел...

В рядах засмеялись.

Голоса:

— Так ему!.. Взять парнишку!

Комиссар наклонился к юнге, улыбнулся.

— Ладно, Миша, пойдешь.

Юнга, просветлев, становится в шеренгу моряков. Прокатилась зычная команда.

— Ну, прощай, родимый Кронштадт!

Выходит бедный рабочий оркестрик. Четыре друга пришли проводить моряков. Они играют марш. Тронулся отряд... Бегут провожающие. Защемило сердце...

К гитаристу подбегает мать-старушка:

— И не предупредил... Возьми вот...

Сует сыну кулек.

Матросы идут четким шагом. Старушка бежит рядом с колонной, сует иконку сыну.

Сын улыбнулся, отвел руку матери:

— Мамаша, вы меня дискредитируете.

Легким покачивающимся шагом идет отряд. Он проходит мимо вооруженных рабочих, коммунаров ЧОН.

Один старик крикнул:

— Давай, давай, сынки!

Фланговый матрос-богатырь ответил:

— Даем, даем, папаша!

Отряд идет по сырому граниту над морем. Старушке трудно поспеть за широким шагом. Она сбивается.

Сын наклонился и мягко сказал матери:

— Мамаша, давайте идти в ногу.

Старушка пытается идти в ногу с отрядом. Но отстает... Гитарист обернулся и послал матери последний привет.

Марш все глуше и глуше. Люди уже идут в холодной тишине...

Артем проговорил:

— Теперь по существу, без музыки...

Стоит провожающий рабочий оркестр. Марш затих.

Стоит на берегу одинокая старушка... Тишина.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПИТЕР БРОСИЛ НАВСТРЕЧУ ВРАГУ
КРАСНОАРМЕЙСКИЕ ПОЛКИ И РАБОЧИЕ ОТРЯДЫ
КРОНШТАДТСКИЕ МОРЯКИ ЗАНЯЛИ
УЧАСТОК ФРОНТА НА ПОБЕРЕЖЬЕ

По дороге вдоль берега Балтийского моря идет отряд моряков.

Пенятся валы прибоя.

Дорога дальняя, финские болота, колдобины, загородки из жердей. Хилая кобылка щиплет осеннюю травку. Впереди привал. Показался дом, господский дом. На нем вывеска: «Детский сад Петрокоммуны».

Моряки подобрались, распустили подвязанные бечевками клеши, отряхнули грязь, фуражечки взяли на нос и набекрень. Каждый честный трудящийся житель пусть увидит в натуральную величину, что есть военный моряк Балтийского флота, идущий по оперативному назначению, которое пока не подлежит оглашению.

Отряд моряков входит в вестибюль господского дома. Широкая каменная лестница. На ней пехотинцы: тоже на привале.

Винтовки составлены в козлы.

Бойцы лежат, сделав пятьдесят верст, тяжело раскинувшись на широких ступенях.

Комиссар отряда моряков подошел к командиру пехотного полка:

— Кронштадтский экспедиционный отряд. Прибыл в ваше распоряжение.

Командир кратко ответил:

— Командир Петроградского стрелкового полка Драудин. Располагайтесь, ночевка будет.

Матросы располагаются на ночевку. Они садятся и ложатся рядом с пехотинцами.

Гитарист, сохраняя свое великолепие, в которое он верит, спрашивает:

— А где торжественная встреча?

По лестнице поднимается женщина; мы видели ее в Кронштадте.

Артем увидел женщину... Громы прокатились над его головой... «Она!» Кажется, что она улыбается. Артем догоняет ее. Тронул за плечо. Негромко сказал:

— Мадмазель...

Женщина обернулась и неодобрительно посмотрела.

Потом прошла к детям в большую холодную комнату.

Пехотинец — с ним дрался матрос — молча сидит около спящего сына.

Артем подошел к детской: там женщина!

Пытается открыть дверь.

Г о л о с. Эй!

Артем обернулся. На него, не мигая, строго смотрит Драудин, командир Петроградского полка.

Матрос отошел от двери. Ищет место, где лечь. Люди лежат вповалку. Артем отшвырнул чьи-то ноги, мешающие ему лечь на лестнице.

Женщина в детской тихо поет колыбельную песню.

Пехотинец вышел из детской. Он ложится спать на ступеньки лестницы рядом с Артемом.

Женщина поет все тише, убаюкивая ребенка...

Плывет ее песнь над спящими солдатами и матросами...

Ночь. Тишина. Спит полк, спит отряд. Вся огромная лестница занята спящими бойцами. Едва доносится колыбельная песнь...

Раннее утро. Раскрылась дверь, и на лестницу вышли дети, истощенные задумчивые дети, рожденные в годы войны.

Женщина сделала им знак: «Тише».

Бойцы еще спят. Утомленные люди лежат в разных позах.

Спит сидя командир полка. С головы упала фуражка. Женщина тихо ее подняла и надела на голову спящего.

Спят на лестнице рядом Артем и Василий. Подошедший малыш, тихо присев, изумленно разглядывает ленточки на бескозырке Артема.

Дети тихо подвигаются к бойцам. Разглядывают пулемет, трогают рукоятку. Просыпается матрос. Со сна удивленно:

— А?

Ребята рассыпались в разные стороны.

Комиссар уже проснулся. Он чистит наган.

М а л е н ь к а я д е в о ч к а. Что это?

К о м и с с а р. Револьвер.

С ы н п е х о т и н ц а. Да, левольвер... Это не левольвер, а наган.

Комиссар не может скрыть улыбку.

Спит гитарист. Какой-то карапуз подкрался и тронул струны. Гитара загудела.

Комиссар дал малышам по куску сахара.

С ы н п е х о т и н ц а. Дай еще!

К о м и с с а р. Нету больше. Вот белых прогоним, тогда все будет: хлеб, пряники будут... игрушки, наверное, будут...

Девочка посмотрела на комиссара. Глаза ясные, в них любопытство.

Артем просыпается. Он повернулся. Рядом — «тот», пехотинец!

Артем трясет его:

— А, солдат!

В а с и л и й (со сна). А-а?

И вновь засыпает.

Матрос снова трясет пехотинца.

Артем сгреб его за ворот. Внезапно донесся разрыв снаряда.

Люди вскочили.

По лестнице — лавина людей. Внезапное нападение!

К р и к и: Выходи строиться! Вылетай пулей!

Пулеметчики сбегают с пулеметами к выходу.

Торопятся последние бойцы. Пробежало несколько

запоздавших. Лестница пуста. И вдруг по ней, вслед за бойцами, пошли несколько малышей.

Доносится разрыв второго снаряда. Малыш топает по лестнице.

...Рвется шрапнель. Пехота и матросы стремительно выбегают в поле.

Командир полка стоит невозмутимо.

Он говорит комиссару моряков:

— Агакуйте противника. Займите вон ту высоту. Дальше не зарывайтесь.

Комиссар. Понятно. Отряд!

И повел отряд.

Развертываются цепи.

Развернутым строем начинает движение отряд моряков. Застрочил пулемет противника.

Матросы рванулись вперед. Вражеский окоп... Вперед! Взяли пулемет.

Попался солдат, его хватают.

— Здорово, заграница!

Развернутым строем отряд моряков начинает атаку второй линии.

Шеренгами по огромному полю идут матросы. Залп. Разрывы тяжелых снарядов. Все заволочло дымом. Моряки залегают цепью.

Цепи матросов.

Сдавленные голоса:

— Окапываться надо... Окапываться!

Комиссар поднялся:

— Брать вторую линию!

Цепи лежат... Матросы переглядываются.

— Ну, что?

— Вставай, чего лежишь?

Все лежат. Артем поднялся, крикнул:

— Э-эх!

Запел:

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

Встал гитарист. Гитару за спину и, взяв «на руку», пошел рядом с верным другом.

Поднялось еще несколько матросов. Встала вся цепь. Гремит гимн. Разрывы тяжелых снарядов. Падает раненый. Его подхватывают.

Раненый отталкивает помощь, указывает вперед:
— Давай! Давай!..

Цепи идут.

Раненый встал:

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был...

Падает. Затих.

Матросы ускоряют ход. Дым. Грохот. Падают убитые.

Всюду темно от дыма. Пение затихло.

Из черного от взрывов снарядов дыма появляется комиссар:

Это есть наш последний
И решительный бой...
С Интернационалом...

Цепи подхватили гимн вновь.

Моряки с шага переходят на бег. Слова «Интернационала» переходят в «ура».

Стремительный шквал атаки сквозь дым и огонь.
Нарастает «ура».

Штыки пошли в ход. Вторая линия врага! В грохоте и реве матросский отряд обрушивается на противника.

По отступающим защелкали выстрелы.

Комиссар осмотрелся.

— Закрепляться! Раненых в тыл!

Вдоль окопа ведут взятого в плен солдата.

Крики матросов: Буржуя ведут!

Комиссар посмотрел на пленного. Спросил по-английски:

— Do you speak English? ¹

Солдат озирается, молчит — он испуган.

Комиссар спрашивает по-немецки:

— Sprechen Sie deutsch? ²

Солдат молча смотрит на комиссара и матросов.

К комиссару наклонился бородатый матрос:

¹ Говорите по-английски?

² Говорите по-немецки?

— Может, португал?

Пленный наконец произнес:

— Мы пскапские, мобилизованные.

Матросы улыбнулись.

Комиссар. Какого полка? Кто командир?

Пленный. Не знаю... нам в Петроград велено.

Комиссар. Ага, в Петроград?

Пленный. Ага.

Один из матросов. Н-н-да...

Гитарист берет пленного за ногу. Солдат садится.

Матрос внимательно осматривает крепчайшие двухподошвенные ботинки «пскапского», показывает на свои рваные:

— Мой друг, давайте менять сапоги?

«Пскапской», сидя, поджав ноги и прикрывая пол-
лой ботинок:

— Чего уж... я уж как-нибудь потерплю...

Окопы матросов. Лежит Антон Карабаш. Рядом — еще несколько матросов. Карабаш приложил ухо к земле. Прислушивается к чему-то. Приподнялся, смотрит из-за окопа. Еще один матрос приложился ухом к земле. Слушает.

Доносится слабый, трудно различимый звук. Все начинают прислушиваться. Внимание постепенно усиливается, становится настороженным, в нем появляются первые черты испуга. Звук — низкий, тяжелый, то нарастающий, то спадающий. Звук металлический, вибрирующий, приближающийся. Он доходит до огромной, чудовищной силы, заставляя людей оцепенело вслушиваться.

Наконец звук определяется. Глаз впервые ловит движение грузных ромбоидальных танков, давящих все на своем пути. Представление судорожно рисует какие-то гигантские возможности танков.

Моряки, выйдя из оцепенения, ринулись назад.

Комиссар кричит:

— Куда? Стой!

Матросы не слышат. Паника постепенно распространяется, захватывает все больше людей. Низкий, гудящий звук преследует, касается затылка. Кто-то летит неудержимо, сбросив с себя все лишнее, с развевающимися волосами, с воплем: «Танки! Пропали-и!»

Комиссар пытается схватить, повернуть, остановить их, но люди бегут, охваченные паникой.

По открытому полю несутся отступающие матросы.

Кто-то орет:

— Полундра!

Рев танка настигает...

Матросы прыгают через рвы, канавы. Рев танка все сильнее.

Матросы докатились до резервной линии. Там — пехотный полк. Пехотинцы кричат матросам:

— Куда, куда? Назад!

Комиссар догоняет беглецов:

— Стой! Стой!

И, наконец догнав их, кричит, покрывая рев танков:

— Коммунисты, стой!

Крик услышан. Один из моряков остановился. Надевает бушлат. На лице появляется осмысленное выражение. Останавливаются и другие. Кричат: «Коммунисты, стой!»

Остановился гитарист с одним из моряков. Приводит себя в порядок. Смотрят друг на друга. Стыдно — прячут стыд за усмешкой. Остановились, пошли обратно и другие моряки.

Около комиссара собираются бежавшие от танка матросы. Строятся.

Среди матросов реплики: «Ты чего бежал?» — «А ты чего?» — «Бушлат одень!» — «Поправь под-сумок!»

Пехотинцы залегли. Ждут танк.

Один из пехотинцев — «враг» Артема — вылезает из окопа:

— А ну, попробую...

Рев приближающегося танка достигает максимальной силы.

Танк показался... Навстречу пополз красный пехотинец со связкой гранат в руке. По нему строчит пулемет танка. Пехотинец нырнул за какую-то межу. Танк все ближе... Рев танка...

Мощный танк. Он надвигается вплотную. Человек упрямо, упорно ползет навстречу, за ним испуганно следят матросы...

Когда борт огромного танка закрывает перед ползущим полнеба, пехотинец швыряет связку гранат и, вдавив голову в землю, слушает и шепчет:

— Раз. Два. Три. Четыре. Пять...

Колоссальный взрыв, пласты мокрой земли, дребезжание металла, судороги танка.

Пехотинец лезет на крышу машины и молотит сверху по ней прикладом:

— Эй, хозяин, вылазь!

С борта танка в ответ забил пулемет. Пехотинцы и матросы, шедшие уже к танку, бросаются на землю.

Пехотинец стоит на крыше танка и кричит:

— Хозяин, будя!

Пулемет упорно бьет с борта танка. Пехотинец нагнулся и в прорезь бортовой башни дважды стреляет из винтовки. Из башни слышатся стон и ругань. Танк затих...

К танку подходят красноармейцы.

Один из красноармейцев. Эх, ну и ну!

Подходит Артем, осматривает танк. Заметил наверху «своего» пехотинца. Смотрит пытливо, пристально, подавляя в себе стыд и зависть...

Пехотинец мирно сидит на крыше танка, скручивая сигарку, смотрит вниз на Артема. Артем поглядел вверх, где сидит пехотинец. Отвернулся, пошел прочь.

Красноармейцы осматривают танк.

Один из них восхищенно:

— Какая машина, пахать бы на ней!

Линия окопов. Вдоль окопа расположились матросы. Сидят кучками. Идет командир полка Ян Драудин. Он подходит к комиссару, говорит:

— Ну, как? Дела идут ничего?

Комиссар. Ничего.

Драудин. Мой полк приказано перевести левее — закрыть Петроградское шоссе. Вы остаетесь здесь на береговом участке. Назад ни шагу!

Комиссар. Есть, назад ни шагу!

Драудин. Ну, пожелаю...

Комиссар. Счастливо.

Драудин попрощался и ушел. Комиссар залег, смотрит в бинокль в сторону противника.

Артем возвращается от танка. Идет вдоль окопа. Подходит к комиссару, сидящему у пулемета. Ложится рядом. Комиссар молча глядит на Артема.

Комиссар смотрит в бинокль, предостерегающе кричит:

— Цепь противника!

Матросы бросаются к своим местам — к бойницам. Гитарист поглядел на пленного «пскапского», срезал его погоны и сунул их ему же на память. Пленный уполз в сторону.

Комиссар (*по цепи*). Без команды не стрелять!

Вдали видна идущая цепь. Она постепенно приближается. Это наступает на Петроград офицерский сводный полк.

Комиссар и Артем лежат у пулемета.

Комиссар. Прицел шесть!

Артем (*проверяя на глазомер*). Шесть.

Оба сдержанны, сосредоточенны.

Артем лежит и ждет у пулемета. К нему подполз «пскапской».

Пули бьют по гребню окопа.

Пленный (*в испуге*). Этак-то убьют.

Артем (*со злостью*). А ты что, чай пить сюда шел?

«Пскапской» пополз дальше.

Доносится ближе вой офицерского «ура».

Матросы приготовились. Гитарист высунулся из окопа. Пуля сбила ему бескозырку.

Офицерская цепь идет, держа равнение и интервалы.

Старый полковник. С богом, ура!

Цепь спустилась в низину — в мертвое пространство, чтобы выйти наверх, в упор.

Вой белых все ближе, все сильнее. Пленный слушает, трусливо надевает срезанные погоны.

У пулемета комиссар и Артем.

Комиссар (*берясь за ручки пулемета*). Ну, слово товарищу «максиму».

Открывает пулеметный огонь.

Слилось офицерское «ура» и беспощадный, ровный стук пулемета...

«Пскапской», прислушиваясь, то надевает погоны, то снова снимает.

Матросы расстреливают белую цепь почти в упор...

Пулемет косит белую цепь... «Ага, назад повернули!»

Комиссар кончает стрельбу из пулемета. Обернувшись к Артему, чуть улыбнулся:

— Постановили: выступление товарища «максима» одобрить.

Артем соседу, кивнул на комиссара, покровительственно:

— А из него тоже неплохой моряк выйдет.

Все затихло. Лежат матросы... На бугре показались новые наступающие офицерские части.

Реплики среди матросов:

— Ух, ты! Новые прут.

— Ну, переделка будет!

Матросская цепь лежит не двигаясь. Ждет. Неожиданно пулемет отказал, перестал работать.

Шепот матросов:

— Пулемет зашился!

— А, черт!..

Комиссар скомандовал:

— Гранаты к бою!

Гитарист лежит в цепи. Он смотрит на белых молча, методически выкидывает на бруствер револьвер, две гранаты, ножик. Попробовал лезвие. Воткнул нож перед собой, как рубежный знак для врага: «Не дальше!»

С холма наступают густые цепи белых. Подходят вплотную.

Комиссар командует:

— Гранатами огонь!

Метнули гранаты. Гитарист, широко размахнувшись, метнул гранату, за ней другую.

За окопом взрывы гранат. Летят клочья. Вопли раненых офицеров.

Несколько офицеров прорвались вперед.

Один из офицеров на бегу кричит:

— Комиссары, сдавайся!

Гитарист в окопе:

— Сейчас.

Тремя выстрелами из нагана он снимает трех офицеров. Продул дуло нагана не торопясь.

Цепи офицеров продолжают наступать.

Матросы отстреливаются.

В окопе Антон Карабаш кричит:

— Патронов!

Юнга крикнул:

— Патронов!

Цепи офицеров охватывают моряков с фланга.

Белые цепи охватили матросский отряд.

Офицерская цепь врывается наконец в окоп моряков.

«Пскапской» прижался, крестясь:

— Мы пскапские, мы пскапские.

Свалка. Забил пулемет белых. Все легли — и свои и чужие.

Артем и юнга укрылись в окопе от пулеметного огня. Пули бьют над самыми головами.

Летит песок, пыль.

С фланга жестоко бьет пулемет белых.

На дне окопа, укрываясь от пулеметного обстрела, лежат офицеры и моряки.

Гитарист ближайшему офицеру с кривой улыбкой:

— А, с приездом!

Пуля рядом. Приник к земле.

На дне окопа лежит белый поручик. Оглядывается:

— Ничего не понимаю: кто же в плену?

Гитарист, приподнимаясь:

— Сейчас объясню, сейчас...

Бросается вперед.

Вновь вспыхнула яростная свалка.

Жестокий рукопашный бой офицеров и матросов.

Ожесточенная смертельная драка. Артем не спеша разряжает наган в подвертывающихся белых.

Матросы дерутся иступленно. Трое, четверо летят с бруствера, прыгают прямо на головы офицеров:

— Бей драконов!..

Юнга бросился на офицера. Вцепился в горло.

Гитариста прижали. Он поднял руки: сдается... Офицер подошел ближе.

Гитарист вырвал у него винтовку и прикончил его:

— Я те дамся!..

Группа матросов во главе с комиссаром отбивается в углу окопа.

Сверху новая цепь белых... Бой идет к концу. Один за другим гибнут матросы...

Сбили с ног старого Карабаша.
Поручик кричит:
— Живьем нескольких, живьем!..

Небольшой группой стоят пленные матросы...
Белый полковник остановился перед ними:
— А-а, моряки? Ну, мир, мир, мир! С пленными не воюют.

Пошел к морякам, потирая руки. Подходит к комиссару:

— Ты кто?

Комиссар. Член партии коммунистов-большевиков!

Полковник (*следующему. Это — Артем.*) Ты? Артем (*насмешливо*). Альбатрос. Скиталец морей. В очках, а не видишь?

Полковник (*наклонившись к юнге*). Ты?

Юнга (*выпрямившись*). Красный балтийский моряк!

Стоит гитарист.

Полковник. А вы?

Гитарист (*чуть повернув голову*). С лишенцами не разговариваю.

Полковник отвернулся, отошел. Сел на пригорок, помолчал, потом сказал:

— Коммунисты, выходи!

Вышел комиссар, за ним Карабаш.

Комиссар и Карабаш стали в стороне. Кругом конвой. Два коммуниста смотрят на остальных матросов.

Артем глянул на одного, на другого матроса. Пошел к комиссару. Стал рядом.

За ним пошли остальные матросы.

Стоят связанные матросы.

Полковник (*вставая*). Беспартийных нет?

Молча стоит группа матросов.

Артем. Нет!

Посмотрел на комиссара.

Полковник (*поручику*). Проводите их, Владимир Павлович.

Поручик фон Виттен сделал знак рукой. К группе моряков со штыками наперевес приближаются солдаты.

Подходит с винтовкой и «пскапской». Матросы поглядели на него:

— Так!..

Под конвоем двинулись матросы мимо окопа, где их взяли в плен. Один из конвойных, что-то заметив, прыгнул в окоп. Вылез с гитарой, побежал догонять. Поднимаясь в гору, проходят связанные матросы. Молча идут моряки.

Миша спрашивает комиссара:

— Куда ведут?

Ответа нет.

Миша. Ведут куда?

Комиссар. Смелей, Миша, смелей!

Гитарист спрашивает у белого фельдфебеля:

— Стрелять будете или как?

Фельдфебель. Да нет, патронов на вас жалко, топить будем.

Гитарист (с полуулыбкой). А-а-а...

Молча идут моряки. Артем с трудом извлек свой финский нож, держит его в связанных руках за спиной.

Идут моряки. Один из них насвистывает мотив революционной песни...

Открылся обрыв. Море. Группу моряков подвели к обрыву.

Стоят моряки. Над моряками пролетают чайки. Донеслись крики чаек.

Матросам повесили камни на шею.

Подходит поручик:

— Ну, давайте...

Гитарист повернулся к Артему:

— Прощай, друг...

Артем. Прощай, Валя.

Пошел к обрыву доблестный балтийский моряк Валентин Беспрозванный. Увидел у солдат свою гитару, подбежал, ударил ногой...

Полетела гитара с обрыва...

Упала гитара в море.

Жалобно зазвенела струна...

На краю обрыва стал Валентин Беспрозванный.

Подошел офицер, сказал, толкая:

— Иди тоже.

Матрос упал с кручи в темную глубокую воду.

Фельдфебель вывел и столкнул еще двух моряков. Они сорвались вниз с криком «ура».

Стоят комиссар и Миша. Подходит офицер.

Комиссар. Ребенка оставьте.

Офицер (*раздраженно*). Идите, идите!

Пошел умирать комиссар. Остановился на краю обрыва. Подошел офицер, хотел толкнуть.

Комиссар. Отойдите... На место каждого убитого большевика придут новые тысячи...

Офицер столкнул комиссара.

Стоят Карабаш и Миша.

Снова подходит офицер.

Карабаш. Ребенка оставьте, ироды...

Два штыка направлены прямо в грудь. Карабаш и Миша отступают к обрыву.

Оба падают в море.

Осталось двое... Матрос, нагнувшись, с разбегу пытается ударить офицера головой, свалить с обрыва. Офицер успел оттолкнуть его. Моряк падает с обрыва...

Остался один Артем. Он повернул голову, спросил презрительно и сухо:

— Мне?

Подошел к обрыву. За ним — офицер.

Артем повернулся к белым и сказал отчетливо:

— Да здравствует Балтийский флот ныне и во веки!

Офицер хотел его толкнуть.

Артем. Не марай!

И бросился с кручи сам.

Море. Высокий обрыв. Стоит офицер, смотрит вниз. Круги по воде.

Всплыли на волнах три бескозырки...

Ушел офицер.

Тишина... Из воды появляется голова Артема. Он поглядел вверх, в стороны и поплыл к берегу.

Артем вылезает на берег, садится на камень.

Бледный, мокрый Артем сидит на камне, снимает веревки, срезанные финским ножом.

Встал с камня, поглядел на воду, пошел за товарищами. «Своих никогда не бросать!..»

Нырнул в воду, скрылся.

Вынырнул с комиссаром. Поплыл медленно, устало.

Вытащил тело комиссара на берег.

Бьются о берег балтийские волны!

Артем поддерживает комиссара.

Тихо говорит:

— Комиссар, а комиссар? Товарищ, друг...

Осмотрел разбитую о камни голову, снял веревку с шеи комиссара. Достал из кармана комиссара книжку. Это — партбилет.

Поглядел на развернутый партбилет... Посмотрел вверх, в сторону белых, промолвил:

— Так, так...

Положил партбилет себе в карман, потащил тело комиссара.

Валами накатываются волны на берег...

В выдолбленную валами нишу крутого берега Артем бережно кладет тело комиссара. Постоял тихо. Поцеловал в мертвые губы комиссара. Начал закладывать камнями его тело.

Бережно закрывает голову комиссара камнями.

Артем кладет последние камни. Поднимает выброшенную волной бескозырку, кладет на могилу комиссара. Выпрямился, долгим взглядом посмотрел на могилу. Пошел один в расположение белой армии...

Бьет волна бескозырки о прибрежную гальку...

Могила комиссара. На ней лежит бескозырка.

По побережью на Петроград идут белые колонны.

Лежит убитый матрос. Белый солдат поднял на штык бескозырку убитого матроса. Понес ее как трофей...

Господский дом. Женщина сбегает с детьми по лестнице.

Голоса детей. Куда пойдем?

Женщина. Не знаю.

Слышен топот конницы. Женщина и дети попятись. Женщина прислушивается к топоту. Хлопнула дверь.

По лестнице взбегают поручик фон Виттен и фельдфебель.

Поручик осматривается на площадке лестницы. Увидел женщину, детей.

Женщина стоит, молчит.

Поручик пристально разглядывает их: «Может быть, красные?»

Женщина молчит.

Поручик. Чему обязан видеть в своем доме?

Женщина не отвечает. К ней подходит маленький сын красноармейца.

Мальчик. Это наш дом.

Офицер (*резко*). Это мой дом.

Офицер, сделав знак фельдфебелю — «убрать», ушел.

Фельдфебель подходит к женщине:

— Вы бы, барышня, в какое другое помещение перешли...

Берег. Овраги. Пробирается Артем. Услышал топот конницы, прислушался. Прыгнул в окоп.

Лежат убитые. Артем быстро содрал с одного офицера шинель. Накинул ее на себя...

Переодетый Артем идет по оврагу. Вдали топот, крики: «Стой!» Артем продолжает идти, будто это не касается.

Женщина с детьми в каком-то сарае, сосредоточенная и печальная. За окном топот, выстрелы, крики: «Стой!» Женщина идет к окну, вслушивается.

Женщина у окна. Пробегают тени, слышен топот. Скрипнула ставня.

В окно впрыгивает Артем.

Артем в темноте с ножом:

— Кто здесь?

Женщина берет коптилку. Глядит.

Артем узнает ее.

— Мадмазель, это я, свой... Мы из Кронштадта... Насилу ушел...

Он устало опустил на землю.

— Погибли товарищи мои, один я спасся...

Женщина наклонилась к матросу, утирает ему грязь с лица. За окном вновь топот погони... Мимо...

Дети боязливо жмутся.

Матрос успокаивает их, замечает парнишку, треплет его по плечу:

— Вот парень — гвозды! Ты чей?

— Тяткин.

— А кто у тебя тятка?

— В Красной Армии.

— Ты сопли не распускай, найдем тятку. Этого не может быть, чтобы Красная Армия потерялась. Не такая уж маленькая штуковинка.

Женщина улыбнулась, дети заулыбались.

— Ну, вы, ребята, пока не мешайте — я с гражданской поговорю!

И матрос, нашедший женщину, которая так тревожила его воображение, робко подходит к ней.

Он обеими руками стискивает ее руку и проникновенно и искренне говорит:

— Эх, если бы вы знали... *(Пауза.)* А теперь насчет политических дел. Мне отсюда надо смываться. Климат здесь неподходящий.

Женщина — чуть улыбаясь и прислушиваясь к тому, что на дворе, — из маленькой своей корзиночки, которую она унесла с собой, подает моряку женскую одежду.

— Возьмите мое платье, пробирайтесь, сообщите Кронштадту. У берега — шлюпка.

Артем ожил:

— Шлюпка!.. Все сделаю, мадамзель...

Женщина улыбнулась:

— Почему «мадамзель, мадамзель»? Я член партии.

Артем. Виноват. *(Поглядел на нее взволнованно, нежно.)* Эх, родная!..

Хотел еще что-то сказать, но за окном вновь топот погони.

Артем *(прислушиваясь)*. Мы их вытряхнем отсюда, наизнанку вытряхнем... Точка, я отбываю...

Женщина. Идите.

Артем выпрыгнул в окно. Тишина...

Женщина стоит. Открылась дверь, входит поручик фон Виттен.

Поручик. Идемте, вы нужны. Ну!

Женщина пошла.

За строениями к берегу идет переодетый женщиной Артем. Его заметил фельдфебель, пошел за ним:

— Эй, барышня, барышня!.. Как тебя там, пожди!

Артем свернул в какой-то сарай.

Ф е л ь д ф е б е л ь (похотливо). Барышня, что я вам скажу!..

Фельдфебель входит в сарай.

Тихо. Из сарая слышен стон...

Из двери выходит Артем, обтирает нож. Проводил: «Вот тебе и барышня...» — и двинулся по пустынным приморским пространствам, прислушиваясь ко всем шорохам.

Шторм на море. Шлюпка у берега. Артем сталкивает шлюпку в море. Ветер развевает юбку.

По берегу бегут солдаты.

— Эй, тетка! Стой!

Артем сдвинул шлюпку. Ее бросает по волнам.

По берегу бежит патруль.

Артем гребет изо всех сил. По нему стреляют...

Артем запел песню покойного друга-гитариста...

Патруль стреляет по уходящей шлюпке. Попасть трудно — ее кидает штормовая волна...

Шлюпка Артема скрывается из виду...

ФРОНТ ПОД ПЕТРОГРАДОМ. КРАСНЫЕ БОЙЦЫ ЗАЩИЩАЮТ ПОСЛЕДНИЕ ПОЗИЦИИ

Та же ночь. Окопы пехоты. Это Петроградский полк Драудина. Ветер с Балтики семь-восемь баллов. Ветер гнет прибрежные сосны. Сквозь ночную мглу пехотинцы стараются распознать, почуять противника. Мимо бойцов идут к командиру делегаты — пехотинец Василий и два других.

Голоса в окопе. Делегаты пошли... Вали, командир напишет...

Голос Драудина. Сообщите в Кронштадт: «Моряки дали нам время закрепиться на высоте столетия...»

Командир продолжает диктовать телефонограмму для передачи:

— «Закрываем Петроградское шоссе. Ждем подкрепления с моря». Передайте.

К командиру подходят делегаты.

Василий и командир у бруствера.

В а с и л и й. Товарищ командир, бойцы предлагают резолюцию.

К о м а н д и р. Это можно.

Он берет бумагу.

В а с и л и й. Да вот, в уме она есть, а на бумаге не выходит.

К о м а н д и р. Ничего, давай.

В а с и л и й *(начиная диктовать резолюцию)*. «Мы, бойцы...»

Бойцы в окопе слушают.

Г о л о с В а с и л и я. «...Петроградского стрелкового полка, заявляем...»

Рядом другие бойцы.

В а с и л и й. «Золотопогонники...»

Один из товарищей *(поправляя)*. Полузадушенные.

В а с и л и й. «Полузадушенные золотопогонники идут на Петроград...»

Другой делегат *(поправляя)*. ...На красный Петроград.

Один из бойцов в окопе слушает.

Г о л о с д е л е г а т а. «Настал момент победить или умереть за Советскую власть...»

С моря доносятся отдельные вспышки, тяжелые содрогания и низкое шипение снарядов: Антанта с моря бьет.

Взлетают кольца проволочного ограждения.

Драудин с помощником смотрят в бойницу.

К о м а н д и р. Запишите — в семнадцать часов восемь минут противник начал артиллерийскую подготовку.

Еще разрыв снаряда. Сыплются осколки, пыль, песок, обдавая всю группу бойцов. Упала разрушенная взрывом часть окопа.

Командир, освобождаясь от упавшей на него проволоки, обращается к Василию:

— Тут немного мешают... Как сказал? Настал момент?..

Новый взрыв снаряда.

Командир, Василий и другие бойцы укрываются в окопе. Осыпается земля... Поднимают и уносят раненого телефониста.

Драудин берет телефонную трубку, передает ее Василию:

— Давай.— Дает ему телефонограмму: — Передайте в Кронштадт.

В а с и л и й (*вызывая*). Кронштадт, Кронштадт! Командир смотрит в бойницу.

Разрывы снарядов. Бредут по окопу раненые.

Г о л о с В а с и л и я. Кронштадт, Кронштадт...

Под козырьком, в окопе, сидит у телефона Василий, продолжает вызывать:

— Кронштадт, Кронштадт!

Рядом Драудин. На носилках проносят раненого. Все хуже и хуже для полка. Порвана связь.

В а с и л и й. Не работает, товарищ командир!

Д р а у д и н. Ничего, это бывает, что не работает. Продолжайте!

В а с и л и й (*кричит в трубку*). Кронштадт!

Разрыв снаряда перед окопом. Бойцы пригнулись. Упала огромная сосна, накрыла бойцов.

Василий в окопе под козырьком монотонно повторяет в телефонную трубку:

— Кронштадт... Кронштадт...

Время от времени он дует в трубку.

Телеграфная линия. Столб с оборванными проводами.

Связь оборвана.

Монотонный голос Василия:

— Кронштадт... Кронштадт...

Красноармейцы выглядывают из окопа. Вдали перед окопами показывается женщина.

Реплики бойцов:

— Гляди, гляди, женщина!..

— Делегат, наверно...

Смотрит из окопа в бинокль Драудин. Лицо застыло. Рядом с командиром Василий.

Женщина стоит с поднятым в руке белым платком. За ней в отдалении делают перебежки офицеры.

Драудин в окопе командует:

— По провокатору! Прицел постоянный!
Женщина стоит с поднятым платком в руке.
Прячась за ее спиной, поручик фон Виттен говорит ей:
— Говорите: сопротивление бессмысленно, сдавайтесь...
Драудин смотрит из окопа. Командует:
— Отставить, я сам.
Берет винтовку, кладет на бруствер, целится.
Поручик шепчет женщине:
— Говорите же: сдавайтесь.
Женщина, выпрямившись, кричит:
— Товарищи, не сдавайтесь, Кронштадт поможет!
Выстрел командира.
Лежит убитый поручик.
Женщина бежит по полю к окопу.
Драудин кричит ей:
— Бросайтесь в снарядную воронку...
Наша пехота бьет по белой цепи.
Белая цепь пятится, отступает.
Женщина прячется в воронке между окопами.
Один за другим несколько разрывов снарядов. Белые усилили обстрел.
Женщина среди разрывов в воронке... Дым...

Море. В шлюпке гребет Артем. Вдали показался форт. Кронштадт!

Артем пристает к берегу. Вылез. Сбросил с себя женское тряпье. Пошел к гавани. На кораблях играют сигналы сбора. Из труб пошел дым. В гавани боевой аврал: вагонетки со снарядами, с углем... Кронштадт поднимается!

Артем идет к пристани. Моряки навстречу. Узнали.

— А, Артем! Здорово! Ну, как отряд?

Артем, шагая, увлекает их за собой.

— Кто живой, пусть поднимается... Поголовно Коммуна пусть поднимается!.. Я такое скажу — все постигнут!

Артем шагает к кораблям. Вокруг Артема все больше и больше моряков... Все взбудоражены, ждут вестей от Артема.

У корабля командир. Он спрашивает Артема:

— Что с отрядом? Где комиссар?

А р т е м. Отряд погиб, товарищей дорогих казнили.

И передает командиру партбилет комиссара.

Командир читает в партбилете:

— «Мартынов Василий Федорович...»

Тишина... Матросы снимают бескозырки. Сотни голов...

Взвыла сирена. Загремели команды: «На корабли!», «На корабли!»

Матросы ринулись на корабли. Аврал. Движение... Работа.

Идет мать погибшего Валентина Беспрозванного.

Артем командиру:

— Там пехота наша осталась. Неужели не поможем?

К о м а н д и р. Готовим десант. Место указать можете?

А р т е м (*сумрачно*). Глубину там у берега сам измерил.

Мать Валентина Беспрозванного увидела Артема.

Она подошла к нему:

— Опять идете? Вале кланяйтесь, Вале.

Артем вздрогнул.

— Поклонюсь, мама.

И как выполнение этого — взметнулись волны. Двинулся флот.

Дула орудий кораблей, идущих в штормовом море.

ПИТЕР ДАЛ ЛЮДЕЙ, ТОПЛИВО, СНАРЯДЫ.
БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ ДВИНУЛСЯ В БОЙ

Зарываясь в волнах, идет эсминец... Идут несколько эсминцев. Идет Балтийский флот.

Остатки Петроградского полка... Пехота среди вывороченных дальнобойными снарядами воронок, среди взрывов, которые больше похожи на фугасные, чем на артиллерийские.

Командир у телефона:

— Кронштадт! Кронштадт...

Новые взрывы.

— Алло, Кронштадт!

В сырой и тяжелой смеси непогоды и артиллерийского вихря надламываются старые сосны, рвутся провода и на воздух взлетают гребни приморских холмов.

Лежат убитые. Идут раненые. Дымится какое-то пожарище...

Вытаскивают Василия, засыпанного землей.

Г о л о с а. Полегче... Кажись, живой!

В воронке женщина, полуоглушенная.

Драудин и его помощник в окопе.

П о м о щ н и к к о м а н д и р а. Бойцов мало, товарищ командир.

К о м а н д и р (*спокойно*). Ничего, найдутся.

Передает помощнику записку.

Из окопа выползают музыканты полка. У них духовые инструменты и винтовки. Располагаются с винтовками по окопу.

Д р а у д и н. Ну вы, артисты, давай хорошую музыку.

Музыканты садятся на дно окопа. Загремел марш.

Разрушенный окоп. Ползут, укрываясь от обстрела, красноармейцы. Оркестр продолжает играть.

Перевязочный пункт в поле. К пункту бредут раненые красноармейцы. Около пункта они лежат группами. Доносится марш...

К перевязочному пункту идет помощник командира полка — в шлеме, суровый.

Остановился перед лежащими:

— Партийная организация просит раненых коммунистов вернуться в строй.

Приподнялся один раненый, смотрит.

Медленно приподнимается еще один раненый, опираясь на винтовку, заковылял.

Встал Василий:

— А беспартийные?

Оглядел товарищей, позвал их:

— Давай пошли тоже!

Пошел Василий. Потянулись кучками раненые. Оркестр в окопах продолжает играть. Полк будет драться до конца!..

Идут, укрываясь от обстрела, раненые. Располагаются по окопу, готовые отстоять его, телами своими закрыть путь на Питер.

В дыму у бруствера командир со своим помощником.

Драудин (*глядя на часы*). Запишите: пятнадцать часов ноль минут противник начал атаку.

Густые белые цепи начали новую атаку.

Раненые бойцы спешат, занимают места. Хромыековыляются к бойницам...

Идут цепи белых. Они отчетливо видны с высоты 103.

Разрушения всюду...

Драудин у бруствера.

Стиснув зубы, говорит:

— Кронштадт. Неужели не помогут, не успеют?..

Дым стелется над морем, ветер рвет снасти. Корабль за кораблем выходят на запад, медленно вздымаясь на штормовых валах. Движение катеров и тонких эсминцев. Угрожающе прямые крейсера. И, застилая все, линейные корабли...

Палуба линкора. Ветер... Артем на башне. Подходят шеренги моряков.

Артем. Товарищи! Силы Республики напряжены — под Воронежем бой, в Сибири бой. Враг под Питером. Ленин говорит нам: «Бейтесь до последней капли крови, товарищи!» И мы ответим по-флотски: каждого, кто посягнет на революцию, порвем к чертовой матери... (*Помолчав.*) Все!

Сотни моряков — десант, готовый к бою...

Шторм ревет. Идет линейный корабль.

Валы взлетают вверх. Вздымаясь и опускаясь на волнах, идет корабль. Воют вентиляторы.

Штормовое осеннее море треплет десант.

Обрыв, с которого были сброшены в море моряки. Могила комиссара.

Из воды выходит Артем — первый из состава десанта.

Десантные боты входят в прибой. Моряки, высоко подняв оружие, прыгают в волны.

Волны... Сотни матросов спрыгивают в холодную воду.

Штормовое море. Десант рядами, сквозь волны, идет к берегу. Волны перекатываются через головы. Моряки вслед за волнами выходят на берег, выходят неукротимые, огромные, движимые самыми сильными на этом свете чувствами и мыслями.

Вот место, где белые топили моряков.

Проходят моряки.

Артем. Запомните это место, покуда жив рабочий класс.

Десант безостановочно выходит на берег.

Десант двинулся в тыл белым...

Окоп пехотного полка. Порвана с тылом связь. Земля расползается, вода смешалась с деревом, глиной и мхами.

Играют немногие оставшиеся в живых музыканты.

Командир и его помощник, не торопясь, стреляют по цепи белых. Она близко.

Цепи белых идут густо, настойчиво.

Бойцы отражают атаку.

Стреляют в упор.

Один из бойцов кричит белым:

— Куда лезете? Здесь для некурящих!

Один из бойцов швыряет с обрыва огромные камни, кричит:

— А ну, подходи за земельным паем!

Василий бьет из пулемета. На миг оторвался, утер пот, машет белым:

— Давай, давай, мы не жадные!

Бородатый пулеметчик добавляет:

— Еще отпустим...

И бьют опять.

В воронке стреляет по наступающим женщина...

Бегут и падают белые.

Непрерывный ружейный огонь...

Белые цепи все ближе... Они уже у бруствера окопа. Люди схватываются грудь к груди.

На помощь подползают раненые.

— За родимый Питер!

Бой ожесточеннейший.

Окоп. Играют последние уцелевшие музыканты.
Вот остался один трубач...

Лавины цепей белых. И внезапно, на горизонте, в
гылу белых, показываются моряки. Белые дрогнули.

Крики:

— Матросы!..

— Где?..

— Вон, вон чернеются...

— Матросы в тылу!..

Движение моряков с высот в тыл белых.

Моряки — в стремительном ударе.

Белая цепь остановилась. Белые колонны поверну-
ли. Они ринулись куда-то вбок, назад, в хаотическом
смешении. Сзади с криком «ура» двинулась цепь де-
санта. Из глиняных ям, из воды поднялась пехота
Красной Армии.

Драудин, бросив папироску, посмотрел, вынул на-
ган:

— Ну, пошли.

Выпрыгивают из окопа:

— Ура, Кронштадт!

Мощное «ура». Полк пошел в контратаку. Лица
бойцов обратились к морю. Там дымы!

— Кронштадт? Балтфлот? Ковырни, поддай!..

Командир на ходу прыгает в воронку к жен-
щине:

— Хорошо говорила...

Пошел дальше.

Пехотинцы бегут навстречу морякам.

А р т е м (*сияя*). Здорово, орлы-петроградцы!

Гулкое «ура».

Артем целуется с пехотинцем, еще с одним... Это
Василий! Узнают друг друга.

А р т е м (*отстраняясь*). Извиняюсь...

В а с и л и й. Виноват...

А р т е м (*улыбнувшись*). У, черт...

Дружески хлопнул пехотинца по спине.

А р т е м (*командуя*). Передать по семафору —
открыть огонь!..

Побежал преследовать белых.

В цепи:

— Сигнальщики, передать: открыть огонь! Открыть огонь!..

Идут среди бойцов Драудин, женщина. Идут рядом Василий и Артем.

Артем узнал женщину:

— Мадмазель?!

Идут пехотинцы и матросы. Преследование врага неумолимое.

Идут Василий и Артем.

В а с и л и й. Какая тебе «мадмазель»? Это жена нашего командира...

Артем крикнул с досады:

— Э-эх!

Вздрогнуло все пространство, и вода и воздух над Финским заливом: Балтийский флот дал первый залп.

Палуба. Дула орудий.

Три двенадцатидюймовых орудия.

Бегут в панике белые, задыхаясь.

Чудовищные разрывы. Стреляют орудия кораблей Балтфлота. Сверканье и гром.

Залпы сотрясают материк. На воздух взлетают целые строения, взводы и бронемашины. Во мгле далекие суда противника. Уходят.

Бегут белые. Разрывы двенадцатидюймовых снарядов. Бегут белые. Новые разрывы снарядов.

Эскадра бьет непрерывно.

Вспышки и выбросы залпов.

Разрывы двенадцатидюймовых снарядов.

Белые бегут.

Преследование идет сквозь утренний туман, безостановочное, стремительное.

Залпы учащаются. Стреляют корабли.

Залп!

Залп!

Залп! Снова залп!

Разрывы двенадцатидюймовых снарядов.

Все в дыму — до облаков. Летят деревья.

Моряки бегут сквозь сдающиеся ряды белых. Подняты руки офицеров.

Матросы гонят белых к обрыву.

...Обрыв у моря.

Белый полковник у обрыва. Остановился в ужасе.
В давке его толкнули в море. Вопль...

Матросы настигают белых. Артем впереди.

Матросы вырвались к обрыву. Белые в смятении
срываются с обрыва. Матросы сталкивают их беспо-
щадно в море.

Артем и матросы над обрывом.

Победа!

А р т е м. А ну, кто еще хочет в Петроград?!

Суровое, прекрасное лицо Артема.

*Кронштадт — Москва,
1933—1936 гг.*

МЫ, РУССКИЙ НАРОД

Роман — фильм

I

Зимний день. На солнце сверкал и искрился чистый снег. Воздух был поразительно прозрачен. Тишина была необыкновенная. В оцепенении стояли хвойные леса. С могучих угрюмых елей иногда с тихим шорохом осыпался снег. Серебристая пыль беззвучно покрывала землю.

Древние новгородские и псковские земли расстилались под тихим и бледным небом на сотни верст. Все проявления жизни казались скованными навсегда. Не было слышно голоса — ни человеческого, ни звериного, ни даже птичьего.

Вдали едва курился дым ушедших в снега деревень России. Донесся тихий звон колокола. На окраине села зашевелились люди, хлопнули где-то двери. С криком пробежали мальчишки: «На войну угоняют!» — «Последних забирают!» Сельский староста стучал палкой в двери и в подоконники и коротко, властно бросал: «Назначенные, выходи!» Пошли мужики в тулупах, в кафтанах, а иные в шинелях. Темнобородые и светлоробородые, молчаливые. У одной избы, вцепившись в мужа, окруженная детьми, стояла женщина. Она растерянно повторяла:

— Да как же мы останемся, Ермолай?

Мужик молчал. Еще раз донесся окрик старосты. Люди заторопились. Перед кучкой уходящих старуха понесла икону Христа. Слышались восклицания, пронзительные женские крики. Рванула где-то по улице гармоника. Толпа все росла. Люди собирались у церкви. Там прощались с семьями, с мирским сходом вновь призванные на позиции, выздоравливающие от

ран солдаты. Они стояли угрюмой толпой. Покрикая: «Осади!» — прошел стражник, отгоняя женщин, и они заголосили еще сильнее. Ребятишки глядели, онемев, испуганно. К солдатам подходили старики, кланялись им в пояс.

— Примите, служивые, в путь-дорогу. Прощения просим, что мало... — И передавали им еще с мирного времени сохраненную казенную водку.

— Ах, жизнь перед смертью сполоснуть!

И один из солдат — русоволосый ухаре — ладонью ударил по донышку бутылки. Вино вспенилось, побелело, и пробка вылетела. Солдат выпил бутылку не отрываясь, единым духом, потрянул головой, утерся.

— Покорно благодарю понимающих старичков, — и ударил бутылку об изгородь. Брызнули стекла.

Прокатился тяжелый, хриплый бас:

— Станови-и-ись!

Солдаты понуро построились. К их рядам подошел чужой, приезжий поручик. Он поздоровался, стал обходить строй, всматриваясь в лица совершенно неизвестных ему людей. За офицером шел стражник со списком в руках. Третьим шел староста. Около одного солдата, здорового телосложения, высокого мужчины лет двадцати девяти, темно-русого, с ясными глазами, стражник остановился. Он всмотрелся в солдата, подошел к нему в упор и спросил, пытливо глядя в глаза:

— Будто я тебя в пятом году видел?

Поручик повернул голову. Солдат посмотрел спокойно и холодно и ответил стражнику:

— Возможно. Существовал в то время.

Стражник грубее спросил:

— Будто каторжником ты тогда был? В Сибири с конвоем вас гнали, а ты бежал...

Все глядели на солдата. Он стоял ровный, крепкий. Папаха была чуть сдвинута на правую бровь, и лицо его, русского пехотинца, было просто. Все ждали ответа. Он сказал:

— Где нам, простым нижним чинам, до каторги доходить... — и чуть-чуть усмехнулся.

Офицер спросил:

— Как зовут?

— Яков Орел, ваше благородие.

Офицер посмотрел в списки, потом вновь на солдата. Стражник невесело покосился, еще раз испытующе оглядел солдата и сказал:

— Опасный был политик.

Солдат молчал, и только в глазах его чуть тлел запряженный огонек.

К солдатам подошли священник, дьякон и несколько сельских певчих. Негромко подана была команда:

— На молитву, шапки долой!..

Солдаты и мужики обнажили головы, и в морозном воздухе раздалось пение. Пели коленопреклоненные:

— «Спаси, господи, люди твоя и благослови достоинство твое... Победы благоверному императору нашему...»

Священник благословлял солдат. Ухарь подмигнул ему. Пели и всхлипывали женщины. Истово крестясь, взглядывали на небеса старики. Звенели чистые детские дисканты и альты.

Офицер закричал:

— Поторапливайсь!

Началось прощание. Крестьясь и нахлобучивая папахи, солдаты тронулись. Ударила гармонь. Завыли завтрашние вдовы и сироты. Выпившие глядели на толпу уже блаженно-добродушно, а иные зло, и хмельной ухарь закричал:

— Прощай, народ православный, уходим! Уходит за буйство разжалованный фейерверкер, наводчик Алешка Медведев... Это я... И куда, Алешка, попал? В гиблую пехоту... Эвон она: перераненная, позашитая, в ранах нитки болтаются... Ну, ладно, если кого обидел, грех отпустите...

Старики и бабы заговорили и зашептали:

— Бог простит, сынок.

А Алешка шел, играя, хватал девок и целовал их: «Н-но, милая, тпру».

Опираясь на клюку, шел старый инвалид турецкой войны, высохший, исполосованный. Он только повторял солдатам:

— Славу царю воюйте... Штычком, штычком, ребята...

Село осталось позади. Солдаты брели вольным шагом, молча. казенные. По обочинам дороги еще бежали провожающие бабы. Их свирепо гнал страж-

ник. Офицер время от времени взглядывал сбоку на Орла. Тот шагал молча, независимо. Офицер негромко спросил у стражника:

— Не ошибаешься?

Стражник поглядел, подумал и твердо ответил:

— Он.

Тогда офицер сказал:

— Присмотримся и возьмем.

Какая-то женщина, перебежав дорогу, бросилась к солдатам под ноги и закричала, всплеснув руками:

— Ай, не пуцу! Ермолай!.. Поубивают вас!

Бородатый солдат отгонял ее:

— Марья, поди.

Орел поднял женщину. Она билась. Дети плакали, держась за материн подол.

Фейерверкер крикнул:

— Этак и не уйдем!..

Вновь ударила гармоника, и озорной фейерверкер пошел по снегу вприсядку с вывертом и орал на морозе так, что пар уходил вверх:

— Брось, тетка, всех не поубивают!

Плясуну становилось жарко. Он раскрыл ворот.

— Гуляем!

Люди заулыбались, гармонист шире рванул инструмент.

— Дай, Алешка, напоследок!

Плясун на секунду остановился, кинул:

— Ладно,— хватил шапку оземь и запел: — «Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Орел подошел к нему, положил руку на плечо и сказал коротко, негромко:

— Куда торопишься?

Офицер сбоку еще раз поглядел на Орла...

В рядах стало тихо. Потом кто-то сказал:

— Вот, нагулялись... Эх, а жизни нам осталось только два дня, до окопов.

Ряды шли молчаливо. За солдатами тащился обоз с бедным их скарбом. Укутанные в тулупы, шли возницы, и от солдат к ним долетали только печальный разговор гармоники и чья-то песнь — «По диким степям Забайкалья...»

Люди подошли к занесенной снегом станции. На ней было сиро и пустынно. Стояли промерзшие тем-

ные товарные вагоны. На стенах были нацарапаны надписи: «Прощайте, братья!», «Живы будем — не помрем!», «Проехали на позиции — прощальный привет!».

Солдаты подходили к оледеневшим вагонам. Один посмотрел, понюхал: «Убойной несет» — и брезгливо, ногой, отшвырнул какие-то смерзшиеся окровавленные тряпки.

Шла посадка. Поручик коротко бросил стражнику:

— Глядеть за этим неотрывно.

— Гляжу, ваше благородие.

И глаза стражника то сбоку, то сзади буравили крепкого неторопливого солдата. Стражник покрикивал, загоняя солдат по вагонам. Алешка увидел его, хмельно качнулся и спросил:

— Расстаемся? Сколько слез я по тебе пролью, моя красотка... — И он чмокнул губами, насмешливо глядя на стражника.

Солдаты засмеялись. Алешка продолжал:

— Приходит час разлуки, но, между прочим, чего же оружия не дают?

Стражник огрызнулся:

— Вам выдай.

Алешка хитро изумился:

— А что?

Орел усмехнулся. Пьяный остро посмотрел на стражника:

— Бойтесь, что шуму наделаем?

— Пожалуй, наделаешь... На Сахалин захотел?

— Давай! Кандалы носить будем, тачку возить будем... Только не в пехоту... Вон — тихие дураки, помолясь едут — и сразу хоп в лоб.

Стражник заорал:

— Ну, помалкивай!

А солдату хотелось говорить, спирт тревожил сердце и мозг, злоба толкала:

— Слушай ты, как тебя... Орел... Чего усмешечки кривишь?.. Не пьешь и не поешь. Ты — политик?..

Орел посмотрел и сказал:

— Где нам, простым нижним чинам, до политики... — и усмехнулся.

Вдоль вагонов, побираясь, шла нищенка-юродивая. Она держала в руках жестяную баночку. Алешка бросил ей медный пятак:

— Гуляй, убогая!

Юродивая посмотрела, покачала головой.

— На свечечки давать нужно... на свечечки... За помин ваших душ...— И глядела на солдат и тонким кривым пальцем показывала: — Тебя убьют... и этого...

И Алешка притих, и бородатый Ермолай притих. Солдаты смотрели на юродивую, а она, вещая, глядела на них. Глаза ее встретились с глазами Орла. Старуха вдруг запнулась, замолчала, закрылась руками, попятилась назад. Она показала на Орла:

— А этого... ой, страшная у него судьба...

И испуганная старуха отступала все дальше и что-то шептала.

Солдаты глядели на Орла. Он тихо сказал нищенке:

— Иди, бабушка, иди... Мы своей судьбой уж как-нибудь сами распорядимся...

Медленно скрипя, подошел встречный товаро-пассажирский поезд, набитый и облепленный людьми. Лязгнуло железо. Пассажиры даже не смотрели на солдат, которые передвигались уже третий год по всей стране. Против теплушки, где у раскрытой двери сидели Орел, Алешка и другие, остановился арестантский вагон. Арестанты сквозь стекла и железные решетки смотрели на солдат. Все затихли. Вдруг загремели и посыпались стекла, и неожиданно зазвенел голос:

— Товарищи, подходи ближе, не бойсь! За что нас гонят на каторгу? За то, что мы выступали против войны, в защиту вас... Что же, вы не видите, что в России делается? (Солдаты сбегались, слушали.) Призвано шестнадцать миллионов. Треть уже убита. Почти каждый второй солдат ранен...

Послышались ответы: «Таперь добивать везут». Ссылный продолжал:

— Три миллиона погибают в немецком плену... Деревня стонет... Вы что ж — долго молчать будете?..

Солдаты стояли и слушали, побледнев, речь ссыльного. К эшелону бежали, придерживая ножны шашек, поручик, стражник и станционный жандарм. Поручик кричал:

— Прекратить переговоры!

В ответ из арестантских вагонов зашумели:

— Долой! — И зазвенели другие окна, и политическая каторга загремела: — Братья-солдаты, за вас уходим!.. Поймите, что делается... Долой самодержавие царя Николая!

Политических уже хватали, заламывали им руки назад. Поручик кричал, потрясая кулаком, в сторону машиниста:

— Давай отправление!

Стражник, не отрываясь, смотрел на Орла. Тот застыл у дверей, одной рукой сжав другую. Глаза его были устремлены на людей, которых избивали тут же, в нескольких шагах от него. Из арестантского вагона, с лицом, прижатым к прутьям и битому стеклу, кричала девушка:

— Братья, когда грянет народное восстание, не стреляйте в нас...

Волосатая грязная лапа заткнула ей рот. Девушку били по лицу.

Поручик орал машинисту:

— Отправляй сию же секунду! Отправляй, мерзавец!

Пронзительно засвистел паровоз. Эшелон дернулся. Орел все стоял в дверях.

Ссылный, говоривший речь из арестантского вагона, приподнялся, лицо его было в крови. Он кричал вслед уходящему эшелону:

— Помните, братья, пятый год... Прощайте... Большевики из каторжных тюрем, из ссылки шлют вам привет...

Орел, не отрываясь, глядел на политических, которые впились в решетки. Политических избивали. Они запели... Орел стоял бледный и недвижный. Тронулся и второй поезд. И, расставаясь, уходили одни к далеким сибирским централам, другие — в окопы, на запад. Солдаты, возбужденные, сгрудились в дверях, глядели вслед ссылным. Было холодно, в щели дуло. Вагоны скрипели...

Один из новобранцев спрашивал:

— Чего кричали, за што привет?..

Вопрос его остался без ответа. Только бородатый солдат, Ермолай, сказал:

— Помните, говорит, пятый год.

Новобранец не понял и опять спросил:

— А чего шумели?

Алешка кинул ему:

— Какой губернии?

— Мы — вятские.

— А зовут?

— Тоже так: Вятский.

— Ну, те еще рано понимать... Ты послужи с наше... Вятский, что есть солдат? Отвечай!

Молодой помялся.

— Солдат есть слуга... — и замолк.

Орел продолжил:

— Солдат есть слуга царя и в защиту его должен убивать отца и мать, переносить голод и холод, терпеть по морде и терпеть, когда бьют близких его.

Солдаты обернулись к Орлу. Алешка сказал:

— А ты больно грамотный!

Орел покосился:

— Где нам, нижним чинам...

Ермолай поглядел на людей и сказал, ни к кому особо не обращаясь:

— Сказано насчет солдата верно... Боже мой, да как же жить-то тогда?.. Ведь нельзя так-то жить, мочи человеческой нет. И днем только один крик и обиды, и ночью опять об том же сны видишь... Да, господи боже мой, неужели же не найдется такой человек, который бы правду сказал, который бы к совести воззвал, который народу бы путь указал?..

Алешка поглядел на Ермолая:

— Придут такие люди, старик!

Было холодно, тесно, угрюмо.

Алешка посмотрел вокруг: «Эх, затиснули, загнали, только решеток нет... Подышать, что ли, в последний раз...» — и он на ходу поезда, под возгласы, полез с гармошкой на крышу, а за ним — еще двое. Поезд шел среди снежных полей и лесов. Дым стлался по крышам вагонов, и солдаты брели по этой зыбкой, качающейся улице, под дымом и искрами, в шинелях нараспашку, навстречу ветру, а гармонист пел и играл «По диким степям Забайкалья». Алешка только просил сам себя: «Пой, пой еще, Алешка, там люди на каторге...» Ветер и дым уносили голоса вдаль. Солдаты шли сквозь печальную Россию.

Был сумрачен Северо-Западный фронт. Урчала артиллерия. Куда-то по снегам шли беженцы, ковыляли согбенные старики с узлами, брели дети. Тощие кони тянули из последних сил бедные повозки.

Леса стояли обгорелые и искалеченные. Тянулись сирые солдатские могилки. Выгоревшие селения были черны и безлюдны. Иногда пробегали через дорогу бездомные псы. Подбитая лошадь прыгала на трех ногах неведомо куда.

Солдаты шли в полк. Их вел молодой чужой офицер, впервые видевший войну. Временами он опять взглядывал на Орла. Навстречу потянулись раненые. Одного поручик окрикнул:

— Ну как, земляк?

— Сходишь — узнаешь.

Сыскным взглядом оглядели пополнение унтера комендантского батальона.

Полк встретил пополнение. Огромный, с бородой, расчесанной надвое, знаменщик держал старое, закрытое чехлом знамя. Двуглавый орел расправлял крылья над древком. Навстречу прибывшим вышел бритый высокий здоровый старик с солдатским лицом. Это был полковник Бутурлин. Его сопровождали офицеры. Он оглядел солдат, не обращая внимания на близкие разрывы снарядов, и сказал несколько слов:

— Добро пожаловать, братцы старые солдаты, в Петровский наш полк. Не моргать: это немцы постреливают... Два века служили в этом полку наши отцы, деды и прадеды, служили России. Послужим и мы и в наступившем новом тысяча девятьсот семнадцатом году. Живем мы здесь на позиции дружно, одной семьей. Вот у меня богатыри... — полковник показал на знаменщика и усатого фельдфебеля, — прошу любить... Немец наваливается, но то ли было... Наполеон шел, двенадцать народов, удалец, на Россию повел, а ушел едва с батальоном простуженных гренадеров... Песню об этом знаете?

Алешка бодро ответил:

— Так точно, вашсокродь: «Во Францию два гренадера...»

— «Из русского плена брели». Так, молодец!.. —

Полковник шагнул к молодому вятскому солдату:—
Что такое Россия, знаешь?

Солдат испугался:

— Не... мы — дальние, вятские.

Полковник усмехнулся:

— Вятские — ребята хватские. Семеро одного не
боятся, а?

Вятский ответил:

— Воля ваша...

— А что на знамени написано, знаешь?

Солдат виновато опустил глаза.

— Мы малограмотные...

— Обучим!.. Первую заповедь солдата знаешь?

Вятский молчал. Полковник властно и ясно ска-
зал:

— Не отступать. Умри — не отступай. Понял?

— Так точно, вашсокродь: умри — не отступай.

— Ну вот мы тебя тут и образуем.

Полковник подошел к Орлу. Поручик сказал пол-
ковнику негромко:

— Есть подозрение, господин полковник, что
этот — из политических, участник пятого года.

Полковник громко ответил:

— А вы не шепчите, поручик. Открыто люблю. По-
литический?

Полковник подошел ближе к Орлу, посмотрел на
него пристально и сказал:

— Славный дядя... Послужит — исправится, — и
прошел дальше.

Поручик спросил:

— Может быть, пока его в тылу придержать?

Полковник обернулся:

— Зачем в тылу, поручик? В огонь, в огонь... В ог-
не люди виднее, понятнее.

Полковник еще раз поглядел на пришедших:

— Пришли вовремя, спасибо. Заставлять ждать не
будем... Сегодня и в дело. А в деле поближе и позна-
комимся, хотя уж вижу, тут орлы... А?

Орел чуть усмехнулся. Полковник бросил:

— Ну, попробуем немцев... Я иду за первой цепью.
А вы, братцы, догоняйте. Поручик, займитесь.

И крупным шагом полковник двинулся на передо-
вую линию.

Он обернулся на ходу и весело кинул Вятскому:

— Так заповедь помнишь?

Тот обрадованно вытянулся:

— Так точно, вашсокродь.

Подносчики патронов стали раздавать пачки и обоймы. Орел спросил:

— А винтовку?

Подносчик Иван Чортомлык, из породы правофланговых, ответил:

— Шо? От — берегли тут для вас... Самим не хватает... В атаку сходите — там и визьмете...

Ермолай покачал головой:

— Э-эх...

Алешка встряхнулся:

— Смеешься, отец благочинный?

Второй раздатчик, еврей, заметил:

— Вы что — у кассы спорите? Люди идут, и вы пойдете. Становитесь в очередь.

Вятский парень спросил:

— Чего велят? Куды сходить?

Орел бросил:

— Лаптем немца бить...

Донеслась частая стрельба.

— Начали, что ль?

Поручик закричал:

— Рота, за мной!

Кто-то суетился:

— Рубаху бы переодеть, господи милостивый!... — и тряся жидким голым телом на холоду.

Безоружные люди пополнения пробежали резервные линии и стали выкарабкиваться из переднего окопа. Несколько человек с молчаливым отчаянием швырнули наземь мешавшие лопаты. Орел крикнул:

— Я те кину! Подыми! Чем проволоку рубить будешь? Иди боком, пригибайся, вот так держи.

И старый опытный солдат шел в наступление пригнувшись, закрывая голову лопатой и применяясь к каждой складке местности.

Полк атаковал на пространстве в несколько верст. Пехотные цепи шли по снегу. Пули подымали белую пыль. Некоторые из солдат шли, закрыв глаза руками. Назад брели первые раненые.

— Проволока там. Руками, что ли, брат?

Лежали убитые. Орел попробовал взять у одного

из них винтовку. Замерзшие руки не разжимались. Орел дернул сильнее:

— Пусти, земляк, ну!..

В цепи шел полковник:

— Ну, привыкаете? «Ура» пока не кричать, сил не тратить: на высоту идем... Начать перед проволокой... А где Вятский? А, тут... Так заповедь, заповедь помни!

— Так точно...

Пехота шла навстречу снегу, ветру, огню и врагу. Иные крестились. Падали убитые... Полковник упрямо шел вперед. Лишь у немногих были винтовки, взятые у убитых первой цепи, которая легла почти целиком. Перед проволокой полковник крикнул:

— Ну, Петровы внуки, дети суворовские, с богом, ура!

И пехота ринулась на проволоку. Ее рвали штыками, руками, рубили лопатками и саперными топорами. Стоял железный скрежет, и катилось немолчное, печальное и страшное «ура». Немецкие пулеметы пылали. Орел сорвал с себя папаху, он действовал ею, как рукавицей, чтоб не ранить себе руки о железные ржавые колючки... Веер пулеметных пуль срезал над его головой несколько кольев и проволоку. Рядом лежал Алешка. Он прошептал:

— Во, парикмахер бреет... Дай-ка я его достану... Поберегись!..

И он метнул гранату. Пулемет затих.

— Так, и лапки вверх!

По двое, по трое солдаты лезли все дальше и дальше. Рядом с ними полз командир первого батальона, богатырского вида усатый штабс-капитан Головачев. Он кинул солдатам:

— Ну-ка, братцы, ковырнем!

И люди вырывали со снегом и землей колья проволочного ограждения, отбрасывали рогатки, тяжело дыша, пролезали под огнем сквозь плотную колючую железную сеть. «Ура» примолкло. Полковник, возбужденный, потный, работая рядом с солдатами, закричал:

— Голоса русского почему не слышу? Какого черта! А ну, подайте, покажите!

И опять полк загремел раскатисто, лихо, с предсмертным бесстрашием.

Заграждения были пройдены, и полк с маху ворвался в немецкие окопы. Люди прыгали на неприятеля с высоты в сажень, полторы, Алешка летел и орал немцам:

— Чего смотришь? Ставь самовар, гости приехали!

Орел обрушил на кого-то приклад. От него пятился голубоглазый немец в стальном шлеме. Дрались уже молча, как попало.

Первая линия окопов была взята. Люди сидели среди трупов, как после большой тяжелой работы, — потные, дрожащие от возбуждения, усталые. Переводя дух, обливаясь, пили воду. «Работнули!» Полковник шел по окопу и бросал:

— Спасибо, братцы!

Алешке кинул:

— Тебя к боевой награде!

Орел улыбнулся и сказал Алешке:

— Поздравить надо — три целковых пенсии.

— Пропью...

И тут начала свою работу тяжелая немецкая артиллерия. В черном дыму, в гуле и в скрежете на воздух взлетал снег, из-под него — глыбы земли, щепки, исковерканное железо. Солдаты прижались к краю окопа, вздрагивая от страшных сотрясений. «Вот заговорил...» Спрашивали друг друга: «Ну, чего дальше?..» Над головами проносился гром, потоки воздуха от разрывов останавливали дыхание. Орел подполз к поручику и спросил:

— Что же дальше? Командуйте...

Поручик настороженно посмотрел на него. Орел спросил еще раз:

— Какой же смысл в этом сидении? Что-то надо делать.

Подполз еще один солдат, рослый раздатчик патронов Иван Чортотмык.

— Ваше благородие, куды подаваться прикажете? Яки будут распоряжения?

Солдаты напряженно и пытливо смотрели на офицера. Грохнул еще один разрыв. И офицер, впервые попавший в бои великой войны, растерянный и подавленный, смог только ответить:

— Будем ждать... распоряжений.

И от одного к другому по окопу передавали:

— Велено ждать.. Велено ждать...

Усмехнувшись в усы, передал это и Орел.

Черный вихрь шел по окопам. Начались оползни. Земля содрогалась и колебалась. Подламывались и трещали тяжелые бревна блиндажей. Гнулись рельсовые перекрытия. Обвалами накрывало целые отделения и взводы. Вятский парень, весь ободранный и почерневший, сидел, сжав добытую где-то винтовку, и твердил:

— Не отступлю.

Новый удар выворотил целый пласт. Алешка, моргнув и отряхнувшись, невольно произнес:

— Во сила, а мы с лопатками...

Ермолай бессознательно крестился, а когда чуть притихло, сказал:

— Попросим заступника...

И жидкий солдатский хор запел «Отче наш». Немецкие залпы падали после каждой просьбы к богу. Орел посмотрел на этих людей, посмотрел на беспомощного офицера, приподнялся и крикнул поручику:

— Ведь так всех тут подавят... Слушайте, вы ведите дальше, вперед...

Алешка подхватил:

— Мы прорвемся, еще у них одну линию заберем, высоту заберем, вот вам крест, заберем! Мы такие, мы все сделаем... Пойдем, ваш благородие. Только не гибнуть тут занапрасно.

Орел, Алешка и еще несколько солдат готовы были кинуться в новую атаку. Поручик сидел, скрючившись, под стенкой окопа, моргая и вздрагивая от разрывов.

— Нет распоряжений... и...— и умолк.

Орел сплюнул и кинул товарищам:

— И дела нельзя сделать...

И, отойдя, закинул винтовку на ремень, процедил сквозь зубы:

— Армия царя идиотского...

Фельдфебель испуганно поглядел на него.

По остаткам цепи передавали:

— Отходить назад...

Поручик засуетился, Вятский его останавливал:

— Эй, куды? Не велено... нельзя отступать.

Поручик отбросил его руку:

— Прочь, болван!..

Грохнул разрыв. Вятский упрямо твердил:

— Не отступай, ваше благородие...

Поручик убегал торопясь. В окопах была серая каша из снега, земли, разможенного железа, дерева, шинельных обрывков.

Полк отступал, отступал и полковник. Он печально разводил руками.

— Ну что ж, братцы... Мы сделали все, что могли... Дрались бы камнями, да нет тут их... Дрались бы?

Солдаты брели рядом.

— Так точно, дрались бы, вашсокродь... было б чем, мы бы взяли, вашсокродь, вина не наша.

— А я и не виню, братцы.

Вдогонку отступающим полетел жалобный-жалобный человеческий крик:

— Братцы-ы!.. Помогите!..

Люди чуть остановились.

Орел прислушался:

— Это вятский парень кричит. Один он на весь полк там остался — сказал, что не велено отступать.

Полковник обернулся к Орлу:

— Не может быть!..

Орел сказал:

— Может.

Донесся снова стон:

— Братцы-ы...

Полковник нахмуренно прислушался. Немецкая артиллерия продолжала калечить брошенные окопы, в которых остался лишь один человек.

Полковник сказал:

— Где ж тут выручить...

Снова донесся стон. Орел поглядел в глаза полковнику:

— Первая заповедь: не отступать... Пойду...

И Орел пошел один к оставленным окопам, откуда звал раненый товарищ.

Орел двигался бросками, прятался. Немцы по нему стреляли. Пули срезали ветви, травинки. Он дополз до окопа. Вятский парень протянул к нему руки. Одна его нога была темна от крови. Орел подхватил парня и потащил. Немцы стреляли еще ожесточеннее. Потом затихли... Полк вернулся, истерзанный, окровавленный, в свои старые окопы. Бой иссяк.

Орел тихо опустил на землю раненого парня. Рядом толпились солдаты, смотрели, помогали.

— Эх, сердяга.

Подошел полковник. Спросил раненого:

— Ну как, братец?

Раненый был бледен, он превозмогал боль и стоны и, стараясь улыбаться, ответил:

— Ничего... вашсокродь.

— Значит, не отступал и один?..

— Так точно, вашсокродь.

— Ну, молодчина, чудо-молодчина...

— Рады стараться...— Раненый застонал.

Полковник обратился к Орлу:

— Ну, и тебе спасибо.

Рядом стоял поручик. Он неприязненно посмотрел на Орла и сказал:

— Виноват... В бою этот нижний чин возбуждал недовольство...

Полковник обрезал его:

— А чем же быть довольным, поручик?

— Виноват, я не кончил. Нижний чин нанес оскорбление государю императору.

Полковник насторожился:

— Как, как?

Поручик продолжал:

— Есть свидетель. Варварин!

Фельдфебель докладывал:

— Так что он сперва людей подбивал к худому... потом такое зашептал про их императорское величество...

Солдаты зароптали...

Алешка крикнул:

— Какое зашептал?.. Ушастый ты...

Полковник спросил Орла:

— В чем виновен?

Солдаты жадно слушали, глядели во все глаза. Полковник кинул им:

— Прочие свободны, разойтись!..

Люди, оборачиваясь, уходили. Полковник снова обратился к Орлу:

— Ну?

Рядом ждал поручик.

Орел ответил:

— Виновным себя не считаю. Ни в чем.

Полковник посмотрел на Орла, потом на поручика. И произнес:

— Обязан принять заявление господина поручика. Делу будет дан законный ход.

Орел сказал:

— Есть же другие свидетели...

Поручик оборвал:

— Достаточно того, что сообщил я.

Орел стиснул зубы и замолк. Полковник подозвал фельдфебеля:

— Варварин, посадить пока этого нижнего чина.

Полковник остался наедине с поручиком.

— Поручик, бой видели? Людей видели? Великомученики... подвижники, а вы: суд. Полк зачем же марасть?

— Господин полковник, марают полк вот такой беглый каторжник.

— Поручик, я в полку тридцать лет: с тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года... И не вам, поручик, учить меня...

— Закон есть закон, господин полковник. Нижний чин оскорбил государя. У людей, верных государю, накипело...

Полковник вспыхнул:

— Именно накипело!.. Третий год кругом сплошное безобразие: людей посылают в бой с голыми руками... Кругом бездарь и тупость... Ступайте, поручик, ступайте и думайте о том, что делается.

Орла вели под конвоем. Иные встречные солдаты негромко спрашивали:

— Куда, земляк?

Конвоир-еврей казенным голосом покрикивал:

— Не полагается разговаривать!

Орел сидел в землянке и ждал военно-полевого суда. К землянке подошел, с трудом ступая на грубых костылях, вятский парень. Он обратился к еврею-конвоиру:

— Пусти к товарищу.

— Что за вопрос?

— Пусти...

— Я не вижу и не слышу...

— Пусти...

— А, идиот. Я ж сказал: я не вижу и не слышу. Иди...

Вятский вошел в землянку. Орел повернул голову. Парень сказал:

— Беги, земляк, выдь вместо меня,— и он протянул Орлу костыли, побелел и со стоном опустился на землю. Он посмотрел на Орла и повторил: — Я вместо тебя останусь.

Орел покачал головой:

— Нет, друг,— что ж я на тебя, безвинного, свою смерть сброшу...

Оба помолчали. Раненый еще раз сказал:

— Беги, земляк.

Орел взял его руку:

— Великое тебе спасибо за добро.

Раненый поглядел на Орла:

— Чего ж... должник я перед тобой по саму кончину.

Орел улыбнулся:

— Ладно, на том свете сосчитаемся.

Помолчали оба. И, отвечая себе на какие-то мысли, Орел задумчиво, негромко сказал:

— Мало, мало живет русский человек.

Раненый привстал и спросил:

— Имя твое как?

— Яков.

— Будем побратимами...

Раненый расстегнул ворот, снял с себя нательный крест.

— А ты мне дай свой.

Орел чуть улыбнулся, тут же согнал улыбку и ответил:

— А у меня нету.

Раненый поглядел, пораженный и испуганный.

— В бога не веришь?

Орел негромко ответил:

— Я в людей верю. Исполни одну мою просьбу...

Раненый кивнул головой, готовый на все.

— Поди, ранец мой возьми, там два листика — вынь и спрячь или порви... Повтори.

Вятский послушно повторил:

— Ранец вынь и листики вынь и спрячь, а то порви...

Орел заметил:

— Почти так. А если засудят, тут обо мне, может, спросят — могут наведаться — скажи: Орел погиб, выполняя поручение.

Раненый повторил:

— Орел погиб, выполняя поручение.— Перекрестился и сказал: — Выполню.

Орел протянул ему руку:

— Ну, иди — и ни одной живой душе ни слова.

Поцеловались и расстались. Вятский вышел, шепнул часовому:

— Спасибо, не забуду, — и заковылял. Он торопился в роту.

Вятский уже приближался к месту, когда увидел, что поручик берет ранец.

— Этот?

Фельдфебель ответил:

— Так точно, новоприбывшего Орла. Фамилия у него такая.

Поручик увидел Вятского:

— Тебе чего?

Вятский растерянно ответил:

— Виноват, вашблагородь.

Орла повели на суд. Выходя, он сказал часовому:

— Тяжелая работа — своих на тот свет водить.

Часовой вздрогнул.

В помещении за простым столом сидели в шинелях, без шапок три офицера. Спрашивали коротко:

— Фамилия?

— Орел, ваше высокоблагородие.

— Имя?

— Яков, ваше высокоблагородие.

— Беглый политический?

— Никак нет, ваше высокоблагородие. Спутали с кем-то...

Тогда поручик положил на стол ранец и бумаги.

— А это имущество — твое?

Орел посмотрел на бумаги, секунду-другую помедлил и сказал:

— Мое.

— Значит, ты — политический?

— Вы мне не тыкайте, а извольте говорить «вы»... Да, значит, я — политический.

Один из членов суда докладывал:

— Вот печатное изделие: «РСДРП»... А это в скобках что?

— В скобках буква «б» — большевиков.

— Что за странное слово?

— От слова большинство...

Офицеры настороженно, пристально смотрели на стоявшего перед ними человека. Он был спокоен. Живые темные глаза его смотрели прямо и ясно. Иногда он чуть поглаживал ус. Один из судей показал на бумажку:

— Почему с собой таскал?

— Нужно было.

— Что о государе говорил?

— Там написано.

— Зачем шел в ряды армии?

— Не шел, а шли. Повторяю: извольте говорить «вы».

Все немного помолчали.

— Так зачем в армию?

— Чтобы вести работу в войсках и двинуть солдат против позорной монархии и войны.

— Бессмыслица... Как это солдат двинуть против войны? Солдат существует для войны.

— И революции...

— Кто посылал? Откуда?

— А это останется вам неизвестным.

— Знал, что можешь быть повешен?

— Знал.

Офицеры обменялись негромко двумя-тремя словами: «Повешение?» — «Возни много: саперов беспокоить, веревки доставать...» — «Тогда просто «пли!» — и исчерпано». Офицеры утвердительно кивнули председателствующему. Он громко сказал:

— Встать! — Прочел короткий приговор: — «Приговор военно-полевого суда Петровского полка. За оскорбление его величества, попытку возбуждения нижних чинов к ниспровержению существующего строя — нижнего чина означенного полка третьей роты Якова Орла исключить из военной службы, лишить воинского звания и всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через расстреляние. 28 сего февраля 1917 года».

Орла выводили под конвоем. Полковник смотрел мрачно: «Скандал, скандал...» Верховой ординарец подал ему депешу. Полковник отстранил: «После».

Тревожно и щемяще забил барабан. Фельдфебель сорвал с Орла кокарду и погоны. Орел шел с обна-

женной головой. Тревога и беспокойство распространились по лесу, где стоял полк. Раздался крик:

— Прощай, Орел!

Это кричал Алешка Медведев. Орла подвели к столбу. Офицер приказал:

— Завязать глаза!

Орел упрямо мотнул головой и отшвырнул чужую руку с платком.

— Не надо. Не боюсь.

Его привязали к столбу. Он оглядел мир. Вновь забил барабан. Солдаты обнажили головы. Орел взглядел на взвод, стоявший на изготовку:

— Братья... Доколе же будет так?.. Вас губят, а вы своих бьете?.. Мало за войну положено?

Офицер закричал:

— Молчать!

Орел ответил ему:

— Вы бы в бою покричали... Там вы тихие... Ну, братья, последнее слово... Я — политик, с каторги, отсюда бежал бороться за вас, за вывод из войны... А вы за это бейте... Ну!.. Цельтесь хорошенько... Эх, несчастные вы люди...

В тишине прозвучала команда:

— По осужденному — пальба взводом!..

Вскинулись винтовки.

— Взво-о-од!..

Текли слезы по лицам старых солдат.

На костылях шел раненый Вятский и кричал расстрельному взводу:

— Не стреляйте, братцы! В деревню вернетесь — вас не примут. Руки у вас будут в христианской крови.

Еще страшнее ударил барабан.

— Взво-од!

Рослый солдат, раздатчик патронов, Иван Чортомлык кинул винтовку.

— Та шо ж воно робится: своих стрелять? Нэ могу!

Бросили винтовки Ермолай и еврей.

— Не будем стрелять!.. Он человек правильный!

Кто-то кричал:

— Там немцы нас казнят! А тут свои казнят!

Раненый закрыл телом своим Орла. Слезы лились по его лицу, и он кричал:

— Вот, бейте, если есть совесть...

Офицер снова скомандовал:

— Взво-о-од!..

Винтовки ходуном ходили в трясущихся руках солдат. Орел стоял бледный и молчаливый, глаза его были раскрыты широко, и холодный ветер шевелил его волосы. Один из солдат, могучий и рослый красавец, ударил винтовкой о камень, и она разбилась. Орел крикнул:

— Долго мучить-то будете?..

Полный отчаянности, какого-то безмерного святого порыва, подбежал к двоим, стоявшим у столба, удалец Алешка, рванул на себе шинель и рубаху:

— Бей, благородье, сволочь! — и раскрыл тело свое солдатское.

Смута, смятение прокатились по солдатским рядам.

Кто-то произнес:

— Господи благослови!..

— Не выдавай! Земляки!

Люди кинулись вперед. Опрокидывали кипящие походные кухни, ломали первое, что попадалось на пути, и стихийное «ура» загремело из сотен глоток. Люди не знали, что и как сказать, и, как всегда, когда армия российская начинала мятеж, она загремела «ура», ободряя себя и устрашая врага. Офицеры попятились. Раненый плакал и смеялся, целовал Орла, срывал с него веревки и говорил:

— Со светлым праздником, Христос воскрес!.. Орел воскрес!

— Пятый год, Ор-рел!.. — кричал удалой и расхристаный песенник.

Орел глубоко вздохнул, расправил освобожденные от пут руки, поднял чью-то брошенную винтовку, быстро и сильно дослал патрон в патронник и сказал товарищам:

— А отступать не будете? Пятый год? А назад не пойдете?

Алешка кинул весело:

— Н-ну, брось!

Орел указывал, кидаясь вперед:

— Э, не с кухнями воюй, вы! Бери штаб за глотку!..

Офицеры в тревоге сбегались к штабу полка. Был слышен людской гул. Полковник Бутурлин оставался спокоен, он лишь бросил подбежавшему бледному поручику:

— Что, дорогой, вас этому в корпусе не обучали?

Поручик молчал. Ординарец вновь откозырял полковнику:

— Дешеш, вашсокроды!

Полковник взял.

— Какого еще там черта?! — он вскрыл депешу. — Чего и следовало ждать: в Петрограде стрельба, гарнизон братается с толпами... Идут к Думе.

Поручик:

— Не верю! Народ с государем...

Полковник кивнул в сторону шумевшего полка:

— А в это вы верите? На осине болтаться хотите? Судья...

Поручик испуганно советовал:

— Батарею вызвать, картечь...

Полковник оборвал его:

— Картечь? Голову на плечах надо иметь, вы! Вот с чем надо идти! — и он поднял депешу.

Командир первого батальона, богатырский штабс-капитан, сказал:

— Рискнем. Иду к людям...

Полковник решил:

— Уместнее верхом... Коня!

И старик махом взлетел на коня, дал шпоры. Конь захрапел и взвился. Старик поскакал к солдатам, высоко подняв бумагу.

Какой-то прапорщик выкрикнул:

— Бежим и мы, а то переколют!

Поручик останавливал:

— Кто за государя? Кто же за государя?..

Офицеры растерянно озирались.

Седой всадник въехал в солдатскую лавину. Она бурлила и гудела. Полковник поднял руку:

— Шапки долой, товарищи! В столице революция...

Передние зашумели «ура». Ермолай, глядя на высоко поднятую бумагу, спросил:

— Манифест? А?

Полковник продолжал:

— Беззаветно доблестный полк наш и здесь первым... Несправедливые деяния да не найдут себе боль-

ше места в рядах наших. Российской Государственной думе, ставшей во главе народа,— ура!

Полковник закричал:

— Ура!

Алешка яростно оборвал:

— Стой! За что солдата мучили?

К полковнику пробивались раненый Вятский и товарищи, которые защищали Орла:

— Судьи где?

Их приволокли... С них было сорвано оружие. Алешка искал:

— Орел, где Орел?

Один из офицеров упал на колени и крестился. Алешка Медведев с раскрытым воротом, с душой, которая была вся перебудоражена, подступал к Орлу и требовал:

— Что с ними делать, сказывай! Поднять?..

В руке его уже была зажата веревка. Она захлестнула горло поручика. Все притихли. Полковник ждал. Второй офицер рухнул на колени и взмолился.

— Полковник, спасите!

Поручик хотел остановить его:

— Как вам не стыдно?!

В толпе загудели:

— А, куражишься! Решай их!

Офицер взвыл:

— Братцы!.. Полковник!..

Полковник произнес:

— Я предупреждал... А теперь, как люди решат...

Народ наш милостивый...

Стоял гул:

— Поизмывались над нами — и хватит! Решай их!

Орел шагнул вперед и за ворот поднял с колен дрожащего офицера.

— Стоять не можете? В ногах слабость?.. Рук об вас марать не хочется. Пусти, Алексей... Теперь они побегают...

Один из судей, поручик, который начал дело против Орла, вскинул голову:

— Побегают? Я — Долгоруков. Я присягал государю императору, и моего слова ни вы, никакой народ, ни вышняя сила не изменит. Это слово дворянина.

Полк угрожающе надвинулся. Орел остановил людей и сказал поручику:

— Не побегаєте? А ну, бегом — арш!
Поручика підбодрили його же наганом.

— Руки согнуть в локтях... Так, на месте!.. Ать-два-три-четыре...

Поручик повиновался.

— Реже... Так... Быстрее!

Солдаты заулыбались, засмеялись... Орел посмотрел на офицера:

— И вон из полка ко всем чертям! Второй раз не попадайтесь!

Офицер, потный и бледный, пошел. Вслед ему орали:

— Ать-два! — и свистели.

Он двигался по снежной дороге, упрямый, и шептал старый девиз:

— Mon Dieu, та foi, mon roi! Господь, вера и цари! Верен буду до конца, — благослови, господи, на подвиг.

В полку оркестр грянул «Марсельезу». Изгнанный обернулся, как от удара. Лицо его исказилось, он произнес:

— Канальи, грязные канальи! — И он продолжал идти, упрямый и злой.

Полковник, видя, что пока обошлось, выстраивал полк. Шумные ряды выравнивались. Подчиняясь привычным командам, люди становились в строй. Полковник наблюдал за людьми, бросал шутки и объезжал фронт, поздравляя роты:

— Со свободой, братцы, вторая рота!

Ряды в силу привычки отвечали раскатисто:

— Покорнейше благодарим, вашскороды!

За полковником скакали его адъютанты, штабные и ординарцы. Развевался полковой значок. Люди были взбудоражены, полны нахлынувших на них мыслей и чувств...

— Поздравляю, братцы, третья рота!

Фельдфебель Варварин заорал:

— Отцу-командиру, возвестителю свободы, ур-ра!

Рота загремела. Фельдфебель, разгораясь, дал знак:

— Качать отца-командира!

Люди шумно кинулись вперед, и началось традиционное подбрасывание. Полковник взлетал, улыбаясь и придерживая шашку. Орел, Алешка Медведев и

другие участники событий стояли в стороне. Орел крикнул громко:

— А пора бы к делу!

Солдаты повернулись. Шум затих. Полковник поглядел, улыбнулся:

— Поговорим... Давай ко мне.

Полковник сел на коня и вместе со штабными двинулся дальше. Солдаты пошли следом. Полковой адъютант на ходу сказал полковнику:

— Этот тип много берет на себя: одних милует, других ссылает... Держится вызывающе...

— А как же иначе? Пусть пошумят, подерзят. Всегда так... Потом все уляжется.

Офицеры вошли в штаб. Через минуту вошел Орел с товарищами. Секунду-другую люди глядели друг на друга.

Полковник сказал:

— Прошу...

Орел спросил:

— Полковой писарь здесь?

Писарь ответил:

— Здесь.

— Пишите...

Писарь стоял в нерешительности. Полковник кивнул ему:

— Пиши.

Солдаты удовлетворенно посмотрели на полковника.

Орел начал диктовать:

— «Полк постановляет приветствовать свободную Россию, петроградский пролетариат в частности...»

Полковник подхватил:

— Ага... «Полк заявляет также, что в его рядах все готовы отдать свою жизнь делу свободы и довести войну...»

Ермолай высунулся вперед.

— Чего — войну? Мы насчет мира... Нам пущай мир скорее, у нас семьи оставленные... Давай мир по телеграфу...

Кто-то из солдат попросил:

— Пущай тоже сапоги выдадут!

Орел спокойно выждал.

— Далее. «Полк постановляет...»

Один из офицеров — худощавый, нервный прапорщик — перебил:

— Что полк постановляет, это еще надо обсудить.

Алешка посмотрел на него и сказал:

— Уже обсуждали.

— Где?

— Где? Да везде! Триста лет Расея обсуждала, все года только и скребло внутри... Долой тиранов!..

Прапорщик прищурился и спросил:

— А что это за слово «тиран» — ты знаешь?

Алешка засмеялся.

— А черт его знает... Наверно, какая-нибудь сволочь!

Полковник улыбнулся.

— Молодчина! Вы, прапорщик, удовлетворены?

Орел продолжал, стоя в середине, спокойно, поглаживая ус:

— «Постановляет—первое: выбрать ротные и полковой комитеты. Второе...»

Ермолай опять высунулся вперед:

— Нам, особо старшим возрастам, главное — мир...

Орел продолжал:

— «Полковому комитету принадлежит право контролировать жизнь полка, оружие и приказы».

Полковник повернул голову в сторону Орла и посмотрел на него. Прапорщик встревоженно спросил:

— То есть как контролировать?

Орел ответил:

— Серьезно контролировать.

Прапорщик бросил:

— Что ж: вы будете инспектора армии?

Ответил еврей Соломон Боер, долго молчавший:

— Зачем инспектора? Просто мы — армия, а это вещь.

Прапорщик встал:

— Кто дал вам право контроля?

Ермолай подошел вплотную, крутя сигарку, и сказал:

— Общество, народ... Дай-ка прикурить...— И он без стеснения взял офицерскую руку вместе с папирсой.

Орел продолжал:

— «В своих действиях комитет подчиняется только рабочим организациям».

Прапорщик опять спросил:

— Почему рабочим? Какое они имеют отношение к Действующей армии?

Полковник внимательно слушал. Он неожиданно для всех сказал:

— Я предлагаю господам офицерам не перечить новым порядкам...

Алешка фамильярно сказал полковнику:

— Вот люблю, когда не ломаются... Пиши, писарь: приказано не перечить... И припиши: а кто будет перечить, тот будет бедный...

Солдаты вышли... Прапорщик мрачно произнес:

— Так кто же теперь в полку хозяин?

Лицо полковника было строго, сумрачно. Он ответил:

— Будет хозяином тот, кто сумеет.

Шла весна. Снег быстро таял. Бежали ручьи. С запада тянули теплые балтийские ветры. Земля набухла, и под солнцем начинала шевелиться жизнь. В окопах стояла вода. Полк вновь занимал передовую линию. Пехотинцы, накрывшись обрывками палаток, копошились в сырых ямах.

Алешка покрикивал:

— Поздравляю, братцы, третья рота... Надиктовали — писарям на подтирку... По телеграфу...

Ермолай обернулся:

— Не дражнись, паря, и так тошно.

— Это почему же тошно? Природа — наслаждайся, жри ее, обпейся, — он ударил ногой по стоячей окопной воде, брызнула грязь, — а мы все недовольны...

Боер ответил:

— Слушайте, Медведев, сколько вы возьмете, чтобы вам помолчать?

Солдаты сидели в воде и грязи, усталые, мокрые, грузные. Шлепая по воде, пришел Орел.

— Здорово, первый батальон.

— Было здоровье, да вышло...

— Как жизнь, первый батальон?

— Живем, как пресмыкающиеся, только природу гадим.

Орел сказал:

— Новости есть.

Солдаты подвинулись к нему.

— Ленин в Россию вернулся.

— Кто таков?

— Ленин. Слышал?

Алешка мотнул головой:

— Не, незнаком.

Ермолай заинтересовался:

— Он чего привез, сапоги, что ли? А то разумши.

Боер сказал:

— Я слышал про этого человека...

Иван Чортомлык придвинулся ближе:

— Шо ж вин за чоловик?

Орел сказал товарищам:

— Такого человека еще не было среди людей. Пятьдесят народов участвуют в войне... Просвета не видно. А он, Ленин, первый на весь свет выступил против... Он поворачивает весь мир. Он хочет остановить войну, освободить людей...

Ермолай вслушивался.

— Мир даст?.. Откеле он, этот человек-то?

— Симбирский.

— С Волги?

— Оттель все и пошли,— сказал Ермолай,— и Разин, и Пугачев...

Орел говорил:

— Он прошел тюрьмы, сибирские ссылки, нужду... Все терпел за народ... В седьмом году он уходил от преследования, пришлось идти по льду из Финляндии. Лед подломился, кругом разводья, море... Проводники испугались, а он идет — дело свободы двигать...

Алешка бросил:

— Ловко...

— Закаленный, значит,— заметил Ермолай.— Он что, к вам, большевикам, приписан?

Орел, улыбнувшись, ответил:

— К нам, к нам приписан, к нашему брату.

— А велика ли партия-то?

— Да вот только теперь из тюрем и по заводам собираются... Думаю, тысяч пятьдесят...

— Н-но, на Россию—капля...— засмеялся Алешка.

Ермолай ответил:

— Ты, молодец, помолчал бы пока... Если человек идет со словом правды, то он множества за собой повести может... Вот мы тут три года, вторую тысячу дней мокнем, тошаем... Приходил ли хоть один

человек к нам с лаской и утешением?.. Никто не приходил. А вот узнаем — пришел... Зовут-то его как?

— Владимир, по отчеству — Ильич.

Ермолай задумчиво произнес:

— Володимир Ильич, и с Волги... Наш.

Несли тяжело раненного, он стонал:

— Ой, братцы...

Алешка неожиданно передразнил его и крикнул:

— А кто вам, дуракам, лбы расшибать тут за эти керенских велит? Вот и «ой, братцы»!

Раненый снова застонал.

— Давай, давай, бей нас, идиотов, больше! Умней станем... — Бурливый Алешка помолчал и снова подхватил: — Эх, когда вот уж вдарим: еще раз вставай, мол, подымайся, солдатский народ... И сколько разов нам еще подыматься надо? Орали, шумели, «Марсельез» играли, нас по губам, по усам помазали — и опять в яму... Русский серячок все, мол, стерпит... Немцев взбулгачить, что ли?..

Он поднялся над окопом:

— Эх, камрады, долго ли пропадать будем?.. Вали, крути там башку своим сволочам!

Пулеметная очередь брызнула по русскому окопу. Алешка поспешно скатился:

— А, черти!..

Боец спросил его:

— Что вы так быстро кончили свою интересную беседу?

Алешка не ответил.

— Стреляем, а сегодня первое мая, — проговорил Орел. — По городам рабочие выступают, поют...

Алешка буркнул:

— Видал...

Орел, сидя, негромко запел:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

— Голодных — это верно, — заинтересовался Ермолай, — три года по-настоящему не ели... А что за песенка?

Орел продолжал:

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Боев кивнул головой.

— «Кипит мой разум...» Хорошо!

Алешка наклонился:

— Как, как?

Орел повторял, тихо ведя мелодию. Из-за траверза вышел полковник. Он постоял, посмотрел:

— Поете, братцы? Отлично.

Алешка тряхнул головой и повторил первые две фразы песни. Полковник спросил:

— Что за песнь?

Орел ответил:

— Это международный гимн рабочих — «Интернационал».

Полковник подошел ближе.

— Любопытно. Ну, ну, как?

Люди слушали. Орел говорил:

— «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов! Кипит наш разум возмущенный и в смертный бой вести готов. Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем — мы наш, мы новый мир построим, — кто был ничем, тот станет всем».

Один из солдат сказал:

— Вот здорово!

Полковник заметил:

— Хм... Разрушим до основания?..

Алешка дерзко посмотрел на него.

— Желательно кой об чем дальше поговорить, сменимся — насчет мира обсуждать будем и первый май праздновать будем... Ничего, что в июне, Орел?

— Ничего.

— За нами не пропадет, мы — такие...

Полковник не ответил и пошел дальше. За его спиной солдаты повторяли слова новой песни. Полковник приостановился и негромко сказал:

— Мало вам, уже хотите — до основания? Ну, ну... И не такие молодцы брались разрушать. Успокойм, успокойм...

Из-за поворота окопов донесся жидкий хор. Солдаты выговаривали слова упрямо, отчетливо. Полковник постоял, подумал:

— «Сменимся — насчет мира обсуждать будем...» Опять всем полком скандалить будете? Ну, на этот раз не выйдет...

Полковник шел к штабу быстро, широким шагом, с каменным лицом. Он вызвал к себе двух офицеров: адъютанта и штабного прапорщика.

— Господа, комитетчики собираются самочинно вывести полк...

Адъютант добавил:

— Сегодня в полку распространился слух, что в Петроград приехал какой-то из левых — Ленин.

Прапорщик бросил:

— А, мало их приезжает! Приедет и уедет.

Полковник заметил:

— Ну, этот не уедет. Я слышал о нем.

Адъютант продолжал:

— Комитет намерен также отметить некий интернациональный праздник...

Полковник прислушался к чему-то и побагровел:

— И здесь слышно! Спевку ведут, а? Вот я им спою...

Офицеры вышли. Они посмотрели друг на друга

— Самолюбивый старик.

— Было бы странно, если бы им стал командовать какой-то пришлый тип.

Офицеры шли в раздумье. Прапорщик сказал:

— Я все думаю, думаю... Зреет среди людей что-то страшное. Пойдут по России кровавые усобицы, пожары, измены, тиф и голод...

— Не важно: Россия — здоровенная...

Помолчали. Прапорщик усмехнулся:

— «Я им спою...» Что-то затевает отец-командир...

Земля подсохла. Первая зелень украсила мир. Воды Западной Двины и ее притоков после бурных паводков вошли уже в русло. Речная гладь была невозмутима. Странными казались отдельные выстрелы. Полк сменялся. Люди вылезли из окопов. Взводы брели заросшие, драные, покрытые коркой грязи, нагруженные тряпьем и бедной пищей.

Боец заметил:

— Мне девушки Одессы говорили, что я был парень. А теперь? Боже, что с человеком может сделать буржуазия!

Придя к землянкам в ближний тыл, люди сбрасывали ранцы, сумки, патронташи, ремни, противогазы, шанцевый инструмент, скатки, палатки, гранаты...

Почти на каждом было нагружено пуда полтора-два. Все было грязное, отсыревшее, ржавое, постылое. Солдаты просушивали шинели, ватники, гимнастерки. Раздевались целые батальоны. На солнце белели атлетические тела — еще уцелевшие. Полуголые люди счастливо расправляли у землянок свои мускулы. Плескались, обливали друг друга, брились, иные ба-ловались.

— Эх, сила пропадает, какой-нибудь Марусе отдал бы!..— Алешка сидел без рубашки и тихо перебирал свою гармошку, потом задумался: — Боже мой, вроде война притихает? Неужели освободимся? Вот обет даю: мир будет — пешком всю Россию пройду и все на гармошке играть буду, веселить людей буду — русского ли, еврея ли, татарина ли... К Ленину зайду, спасибо, мол, тебе, добрый человек, послушай, а я тебе сыграю. Жена, если есть, — зови жену, чай пить будем, пейте на здоровье, а я вам играть буду...— И играл парень милые, хорошие мотивы.

Ладили гуртом, сообща, знамена. Писали добрые весенние слова. По земле был послан кумач. Стояли ведра и бадьи с известкой и разведенным мелом.

Суетился Ермолай:

— Ну, граждане, чего ж напишем? Перво: землю!

— Без выкупа. Навечно, — как припечатал Чортмлык.

Солдаты выкрикивали:

— Пиши: «Мир, свобода, равенство и братство!»

— Пиши: «Да здравствуют все люди!»

Еврей спросил:

— Почему все? И буржуазия тоже?

Орел сказал:

— Буржуазия — не люди. Буржуазию еще придется превращать в людей.

Ермолай, Алешка и их помощники писали по воле народа. Солдаты стояли веселым, могучим скопищем, смотрели, шутили. Им было хорошо на воздухе, под солнцем, впервые после многих лет несчастной и горькой солдатской жизни. Еврей попросил Алешку:

— Пиши: у меня, Соломона (не «Са», а «Со», Алеша!) Боера, лопается терпение на Керенского...

Полковник шел между солдат. Алешка весело крикнул:

— С наступающим праздничком!

Полковник ответил:

— И вас также.

Ермолай, обмазанный белым, поднялся и кротко и ясно сказал:

— Вот пишу... Да будет мир всему миру, и не нужно будет ни войны, ни военных...

Полковник посмотрел и сказал:

— Дай бог.

Полковника поздравляли со всех сторон с наступающим праздником. Полковник шел и, отвечая, благодарил:

— И вас с праздником... Ладно, ладно, вольно.

К своей роте пришел и раненый Вятский. Нога его уже проходила. Он возвращался из лазарета. Полковник кивнул ему:

— А, молодчина, вернулся?

— Так точно.

Его увидели.

— Вятский, герой! Дышишь?

— Шевелюсь помалу.

Люди обступили его, трясли руку, требовали, чтобы он показал, как шевелится нога. Он, наконец, сел, отложил костыли в сторону.

— Все в добром здравии?

— Пока все.

— Чего «пока»?

— Дела завариваются. Идем своего добиваться.

— Пойду и я, когда выздоровлю, пойду без палочки... И буду говорить, проповедовать буду истину...

Соломон Боер заметил:

— Истина — это очень много, одному человеку ее не поднять.

Алешка увидел у Вятского газету.

— Дай-ка... Это чья?

— Наша.

— Чья наша?

— Социал-революционеров.

— Откуда такие?

— Почитай, узнаешь.

Вятский вдруг увидел Орла, просиял и кинулся к нему.

— Яша, брат!

Они троекратно облобызались.

— Вовремя вернулся,— сказал Орел.— К жителям идем, будем и их поднимать... Так о чем, други, с народом говорить будем, а?

Соломон Боер ответил:

— У меня скромное желание: я хочу четыре свободы — свободу слова, свободу собраний, свободу печати и свободу совести. И, между нами, я еще хочу пятую свободу — идти отсюда ко всем чертям, на море, в Одессу, домой... У меня же еще кое-какая силенка осталась...— И рослый южанин-биндюжник одной рукой поднял соседа и сказал ему: — Не бойтесь, я вас доставлю обратно.

Орел улыбнулся Соломону:

— Пять свобод? Маловато. Тебе еще будет предложена шестая свобода: держать фронт... Силенка у тебя на это кое-какая есть.

Боер ответил:

— Никогда не подозревал, что так много свобод. Люди преображались. Каждый надел последнюю чистую рубаху. Солдаты колонной вытягивались на дорогу. Они шли умытые, просветленные, несли десятки флагов и плакатов, и зелень, как в троицын день. Шли гармонисты впереди. Солнце сверкало на почищенных бляхах, пуговицах, крестах и медалях... Навстречу колонне вышел полковой адъютант:

— Штаб дивизии запрещает сходку.

Колонна стала. Орел крикнул:

— Давай, Алеша!

Грохнули гармонисты. Вперед! Из ближнего селения выбегали встречать босоногие золотоголовые мальчишки. Они подпрыгивали и скакали рядом. Крестьяне и беженцы из-под руки смотрели на шедших солдат. Евреи-старички недоверчиво качали головами: «А мм...» — и уходили. Полк шел упрямо. Орел заметил какого-то штатского:

— Эй, земляк, давай сюда.

Подошел крепкий человек в пиджаке:

— Здравствуйте, вот и опять встретились... Рад, и поговорить не вредно.

Орел узнал ссыльного.

— Вы речь эшелону зимой говорили?

— Я...

Познакомились.

— Орел.

— Илюхин.

Алешка тряс ему руку:

— Как он нас тогда с вагона шарахнет: «Вы что ж — долго молчать будете?» Ну, вот, заговорили... Давай, могу теперь сам... Товарищи!

Илюхин улыбнулся и остановил:

— Так и оглушить можно.

— Оркестр у нас будет. Гармонисты.

Солнца было невероятно много. Капельки утренней влаги сверкали на траве, на кустах и деревьях. Искалеченная природа отдыхала и выздоравливала. Открывались безмятежные дали страны. Высоко в небе плыли облака. Оркестр начал вальс. Орел вышел и стал приглашать крестьянок. Они жались и боязливо отворачивались. Вальс затих. Орел бросил:

— Начальства боитесь?

Одна девушка вышла вперед:

— Н-но, боимся! Давай, не бойсь, девочки!

И она начала вальс с Орлом. За ними пошли и другие...

Солдаты прохаживались в обнимку по двое, по трое, по четверо, сдвинув папахи и фуражки на затылок и набекрень, угощали крестьянок и беженцев семечками. Алешка ходил, как плавал. Он играл с девочками.

— Пронзительная, вы меня интригуете!...

Девушки хихикали. Соломон Боер, здоровый, белоzubый, перебивал, улыбаясь:

— Вы видели когда-нибудь море? Я вам расскажу про южное море...

Алешка вдруг увидел в толпе древнего еврея.

— Папаша, на почетное место! Свобода!

Старик испугался.

— Папаша, не бойтесь ничего, вас некогда угнетали такие типы, как я... Вас обзывали... Можешь, папаша, за все это бить. На, ударь... Извини за все прошлое... Эй, оркестр полка! Играть с огнем! В честь папаши. Дай русскую!

Оркестр старого Петровского полка грянул. Сто труб, флейты, барабаны и литавры ударили в честь древнего еврея. Алешка начал пляс. Он засверкал глазами и сделал несколько таких кругов и коленцев, что толпа застыла. В середину посадили древнего еврея. Рядом с ним посадили другого старика: с во-

енным орденом и несколькими медалями — ветерана-севастьянца. Алешка плясал вдохновенно.

— В честь трудящихся!

Бояр в такт стал невольно подрагивать. И он сказал счастливо и удивленно:

— Хорошо, главное — никто не стреляет.

Толпа подрагивала, не сводила глаз с Алешки и как бы плясала с ним вместе. Над толпой в голубой выси реяли стяги и знамена, и на них были написаны слова — самые лучшие. Полковник стоял и глядел на все молча. Алешка сделал последний феноменальный круг, поклонился, утер платком пот и крикнул:

— Чтоб теперь навечно дружба!.. Оркестр, почему замолчал? Для чего вы существуете? Чтоб играть! Вальс еще раз!

Оркестр вновь заиграл вальс. Алешка дирижировал, легкий, как ангел.

— Орел, веселей!.. Поддержи!..

Орел опять подхватил свою девушку.

— Идем, боевая!

Она смеялась.

— Давай, не бойсь!

Праздник был необычаен. Выползали древние старики и старухи, крестились, покачивались в такт музыке, а иные подпевали. Один из стариков — севастьянец — тоже пустился в пляс, он увлек за собой свою старуху и беззубо кричал:

— У нас в Севастополе в пятьдесят пятом году еще хлеще гуляли...

— Гуляй, гуляй, прадедушка!

Солдаты ему зааплодировали, Алешка сгреб его:

— Качай героя!

Старика стали качать... Он лихо взвизгивал!

— А ну, крепче! А ну, выше!

Старуха, обомлев, заорала:

— Иван, помрешь!

— Врешь, старая!

Играли гармоники. Бал растекался по огромному пространству. Плясали все. Здоровенная тетка вертела худого веснушчатого солдата. У него мотались и руки и ноги. Народ ржал и орал:

— Ай, Агафья!.. Заездила женишка!..

Прыгали и визжали дети.

К полковнику подошел фельдфебель Варварин и доложил негромко:

— Так что все готово, вашсокродие...— и посмотрел испытующе, опасливым взглядом.

Полковник ответил:

— Помни, Варварин: я тебе ничего не говорил, и ты ничего не знаешь. Пятый год помнишь?

— Так точно.

— Пережили благополучно и отлично... Медали и наградные получил?

— Так точно: тридцать два рубля.

— И тут все будет в порядке. К осени все на место стает, тебя не забудут.

— Покорнейше благодарю, вашсокродие.

Полковник добавил:

— И главное, чтоб Орла туда впихнуть.

— Будьте благонадежны, вашсокродие.—И фельдфебель показал свою тяжелую лапу.

Варварин вошел в толпу, которая отдыхала после танца. Ермолай подошел к нему:

— Люду-то, люду-то, господи... Душа отдыхает... Да скорей бы говорить почали. Об земле да об Ленине.

Фельдфебель обрадованно ответил:

— Вот и хорошо. И день выдался... Красота. Как светлый праздничек... Истинно — вторая пасха!

Алешка обернулся:

— Не пасха, а международный бал, праздник, обучайся новому-то.

Фельдфебель ответил:

— Обучимся, поспеем. Только изъян в новом есть: суховат праздничек! — И он щелкнул себя по горлу!

Алешка согласился:

— Суховат, верно.

— А русскому человеку мало-мало сполоснуться надо.

И фельдфебель снова сделал тот же самый жест и сладостно провел ладонью по груди:

— С винокуренного по чарочке взять бы можно...

Алешка сочувственно вздохнул, потом хлопнул рукой по колену:

— Раз есть — пить надо, а то испортится. Братья, дак верно — сходим на винокуренный... Полтора сажня и ходу-то...

Кто-то предупредил:

— Дак там караул...

Алешка посмотрел:

— Караул? Пустяк делов: давай на одну, на левую, выходи — шестерых возьму. Мы мигом... мы только самую малость...

Фельдфебель проводил двинувшихся солдат острым, хитрым взглядом...

И вновь вдали гремел оркестр.

Группа солдат с Алешкой подошла к заводу. Часовой их остановил:

— Давай назад, не дозволено.

Алешка ответил:

— Глухой я, кричи мне громче.

Часовой громче повторил:

— Давай назад, не дозволено.

Алешка махом вырвал у него винтовку.

— Кричи громче, не понимаем!.. Ишь, кусок старого режима: «Не дозволено...»

Солдаты оттолкнули безоружного часового и прошли в завод. Ударил спиртной дух.

Сначала спирт попробовали осторожно, чуть-чуть: чистый. Зачерпнули стаканчиками. Потом зачерпывали флягами, манерками.

— Во здравие свободы. Только, ребята, чуть-чуть...

Пили. Помалу хмелели.

— Еще разок, чуть-чуть, самую чутиньку!

Зачерпывали пополнее. Начинали шуметь. Алешка открыл несколько кранов...

— Чуть-чуть, ей-богу!..

Спирт хлынул на пол, побежал по земле.

— И других угощаем! Мы не какие-нибудь придворные эгоисты... — сказал Алешка, пошатываясь. Мы — за справедливость! Зови народ!

Фельдфебель орудовал в толпе:

— А вы чего ж стоите?

— А что?

— Да люди уж пошли. Спирт для праздника выдают.

— Ну?

— Вот и «ну».

Весть облетела людей. Музыканты бросали инструменты, танцоры оставили дам...

Толпа была уже сбита. Целая куча людей бросилась к заводу.

В толпе орали:

— Спирт выдают!..

Ермолай огрызнулся:

— Да цыц вы, нечестивцы.

— Давай к заводу!

— Бери посуду!

Еще часть людей хлынула к заводу. Бежали, тяжело дыша, наперегонки. Выпущенный спирт лился уже по земле и по канавам. Солдаты на бегу нюхали:

— Он...

— А, родимый! Три года душа страдала!

Лакали, пили пригоршнями. Наливали в шапки, музыканты — в свои инструменты. В канаву лезли какие-то бабы, мальчишки. Они хмелели от возбуждения толпы, от запахов. Солдаты выкатывали бочки. «Потроши!..» Пьяные начали выбивать окна. Алешка ходил и гремел:

— А ну, давай на водопой, а то на спиртопой! Весь полк! Здорово, братцы, третья ррота! Алешка Медведев угощает!

Он саданул кулаком в дверь, и доски разлетелись.

— За что кровь лили?..

Рос человеческий гул. Кто-то лез с ведром:

— Мне глоток, чуть-чуть...

Кто-то из солдат ударил крестьянина.

— Куда лезешь, борода?

Кто-то выстрелил.

Спирт вспыхнул. Людей затянуло дымом.

Фельдфебель подбежал к полковнику:

— Действует, вашсокродь.

Полковник кинул:

— Так, теперь туда Орла всунуть...

Полковник подошел к Орлу и тихо сказал:

— Эх, какое несчастье — громят, стреляют... И зачем вы заварили весь этот бал? Народа не знаете? — и раздраженно махнул рукой.

Орел встревожился:

— Какая ж это сволочь затеяла? Ну, докопаясь! — Он громко крикнул: — Товарищи, третья рота, ко мне!

К нему подбежало несколько человек: Боер, Ермолай, Чортомлык и другие.

— А Алешка где?

— Не видели.

— Пошли! — И они бросились к месту погрома. Полковник поглядел вслед и сказал фельдфебелю:

— Так. Кто зачинщик этого дела?

Фельдфебель, вытянувшись, ответил:

— Нижние чины Медведев, Орел и другие.

— Свидетели есть?

— Точно так.

— Так... Вызвать на усмирение Особый комендантский батальон.

Погром бушевал. Смешались скрежет и дым. Шел окутанный огнем пьяный и удивленно спрашивал:

— Гор-рю, а?..

Пьяные солдаты брели по берегу реки.

— Цып-цып-цып, рыбки. Цып-цып-цып, не слушаются рыбки, — и солдаты били из пулемета по воде.

Орел ворвался с товарищами в самую середину толпы. Пьяный Алешка увидел Орла и полез целоваться.

— Ура-ра! Защитнику свободы!

Орел отшвырнул его. Песенник оскорбился:

— Презирираешь! Дерешься?..

Фельдфебель, притворившись пьяным, заорал в толпу:

— Орел угощает! Ай, Орел! — и он, чокаясь, плеснул на Орла спиртом.

Орел сшиб фельдфебеля с ног и загремел:

— Товарищи, остановитесь! Вас спровоцировали! Сами себя губить хотите?..

Сверху, у самой головы, просвистел кирпич, брошенный веснушчатым солдатом. Орел с товарищами останавливал толпу, тушил пламя. Алешка, обиженный, вытирал слезы и сопли:

— Мной презирают... а я храбрый... Уйдем... — И он повел с собой людей.

К месту погрома бежали стрелки Особого комендантского батальона. Они были в стальных шлемах. Черепа белели на черных погонах. Стрелки торопи-

лись. Тянуло дымом и гарью, все еще слышны были выстрелы и вопли. Навстречу стрелкам бежал фельдфебель:

— Утихомирьте вы их. Большевики начали. Там, под фамилией Орел, с шайкой орудует. Такой, с чернявыми усами. Я покажу.

Около пьяной толпы стоял полковник. Он гремел:

— Забыли совесть? Вы не солдаты, а разбойники. В Сибирь, на позор потомству!

Из толпы блаженно и весело орали:

— Сибирь нам родная, не пугай! Всех не засадишь.

Стрелки Особого батальона ворвались в самую гущу. Фельдфебель показал им на Орла:

— Вот этот,— и отошел в сторону.

Орла схватили. Он отшвырнул одного.

— Товарищи!..

Фельдфебель указал на еврея:

— И вот этот, жид.

Боеру скрутили руки.

— Вы с ума сошли...

— Разговаривай.

Взяли и Ермолая. Орла и его товарищей поволокли. К месту погрома сбегался народ. Передавали друг другу слухи.

— Большевики гульбу устроили.

— С чего?

— К им в Петроград какой-то ихний предводитель приехал...

Фельдфебель поддакивал:

— Всю Россию, говорят, споим и перестреляем... Уголовные...

Валялось несколько убитых и раненых. Какая-то женщина причитала над трупами. Она закричала Орлу:

— Убивец!

Полковник стоял и покачивал головой:

— Ай-ай-ай, что наделали!

Вятский ковылял к толпе:

— Погодите... Орла-то куда?.. Погодите!..

Толпа затискала его. Фельдфебелю полковник негромко приказал:

— Вятского обереги, сомнут, а человек он годный.

Ободренных, вели Орла и товарищей его сквозь голпу. Их били. Орел вскинул выше голову:

— Требую командира полка. Он свидетель, что мы...

— Иди, иди!

— Где командир полка?

Его уже не было. Из толпы кричали Орлу:

— Пострадай, Орел!

Орел и его товарищи шли, окровавленные, неукротимые. Ермолай споткнулся. Орел его поддержал. Их лица, плечи, спины почернели от ударов. Орел подбадривал товарищей.

В шуме, криках Орел начал громко и отчетливо говорить:

— Стране нужен мир и труд, а не преступная война. Партия большевиков во главе с Лениным стоит за избавление от грабительской войны, за права для изнуренного народа, за братский союз трудящихся.

Кто-то ударил его по лицу. Конвоиры пытались заставить его замолчать, толкали его прикладами, били, но он упорно выкрикивал простые, понятные солдатскому сердцу слова:

— Нам нужен мир, хлеб, свобода...

На пожарище было кроваво и грязно. Бежали любопытные.

— Чего большевикам-то сделают?

— Сошлют, а то казнят.

— Ну уж, казнят!

— А что? Главнокомандующий Корнилов, он такой — раз, и все.

Орел напряженно крикнул в толпу:

— Так что же, бросаете?

Из толпы ответили:

— Не бросим... Поможем!

Это был Илюхин. Ответил и исчез в толпе.

Дотлели сожженные дома. Прошла ночь. Тяжелое было похмелье у обманутого полка.

Проснулся и поднялся Алешка Медведев, воды выпил полведра, дух перевел и сипло позвал:

— Орел, а Орел?

Кто-то посмотрел, ответил:

— Был, да весь вышел.

Алешка спросил:

— Чего ж было?.. А?

Вспоминал. Что-то вспомнил:

— Батюшки, чего ж наделали!..

Подумал и сказал:

— Это кто ж нас судить будет? Господа офицера?.. Пущай лучше свои судят... а?

Иван Чортюк ответил:

— А своих уж нема, Алешка, пропили.

Алешка обвел всех глазами, за волосы схватился и зарыдал:

— Товарищи братья, простите... Нет, нету мне прощенья, убейте меня, ну, убейте кто-нибудь!..

Он хватал людей за руки. Никто ему не отвечал.

Сидели, пошатываясь, вставали взлохмаченные, с похмелья, солдаты:

— Рассолу бы...

Валялись обрывки флагов. Надписи были затоптаны, порваны. Подошел полковник. Раздалась команда:

— Встать, смирно!

Люди встали виноватые, сумрачные. Полковник сказал:

— Пора за ум браться. — Он посмотрел на солдат и продолжал: — Верю, братцы, что несчастье поправимо. И грехи искупите своей службой...

Какой-то солдат в веснушках поспешил:

— Это мы завсегда, поправим...

— Но убитых и покалеченных не вернешь, убытки из копеечного нашего жалованья не покроешь...

— И это верно, господин полковник.

Алешка обратился к полковнику:

— А с Орлом чего ж будет?

— Разберут.

Алешка засипел:

— Кто разбирать-то будет, мы, что ли?

Полковник повернулся:

— Ну и голос. С похмелья, Медведев?.. Ну, будем, братцы, исправлять дела... Орла заменить надо.

— Без головы нельзя...

— Именно. Поклонимся и попросим быть главой в комитете Вятского... Дважды показал себя как нахрабрейший. Им революция началась...

Вятский стеснительно улыбнулся:

— Да я что...

Веснушчатый солдат пихнул его:

— Давай, раз просят.

Солдаты зашумели:

— Газетку читаешь — давай!

— Валяй, заворачивай!..

Полковник одной рукой обнял его за плечи и сказал:

— А мы сообща поможем.

Какой-то солдат, ободрившись, начал благодарить полковника:

— Вот спасибо... Поддержите, ваше высокоблагородье... Ну, было затмение... с кем грех не случается.

Полковник сказал:

— Сделаю все, что нужно.

Жал брезгливо руки двум-трем солдатам. Другие смотрели хмуро. Когда он вышел, Вятский сказал:

— С этим жить можно.

Алешка усомнился:

— Ну, ты...

Вятский оборвал его:

— Ты мне не тычь, а говори, как с главой. Слышал? — и Вятский кивнул в сторону ушедшего полковника.

Алешка протянул, пораженный:

— Ишь ты-ы...

III

Конвой вел Орла, Боера и Ермолая по разбитой проселочной дороге. Навстречу попадались угрюмые люди, обозы. Иногда кто-нибудь из возниц спрашивал:

— За что взяты?

Конвойный бросал:

— За грабеж и за убийство.

Соломон Боер наконец заметил:

— Это вы уже преувеличиваете.

Возница оглянулся на него:

— А что их таскать? Свернул в канаву да и...

И снова шли молча дальше. Орел тихо гудел: «По диким степям Забайкалья...»

— Молчать!

Пришли в затхлый городок. Трех взятых большевиков посадили в ветхий, николаевских времен, уезд-

ный острог. Он был низкий, сырой. Толстое ржавое железо закрывало двери и окна, на дворе, среди булыжника, прорастала трава. Было угрюмо и тихо. Товарищей разлучили, они даже не успели попрощаться, их почти оторвали друг от друга. Орла втокнули в камеру. Вонючая вода стояла на полу... Орел попробовал решетку. Конвойный бросил:

— Эй, не балуй!

— Разве так балуют? Я баловать начну — побегите.

— Тады стреляем.

— Знаю, проходил и эту науку... Свободу бережете? Каторгу Николая Второго практикуете?

— Молчать, босое отродье!

— Чем еще порадуете?

— А вот увидишь.

Дверь захлопнулась, лязгнули засовы и замки. Орел еще раз осмотрел камеру, подошел к забранному решеткой высокому окошку.

— Назад!

Орел отошел.

Дверь снова раскрылась. Вошел офицер. Это был изгнанный из полка поручик Долгоруков. Он держал папку с делом. Взгляды скрестились.

— Что ж, продолжим... Не тогда, так теперь. Имя, фамилия?

— Должны помнить, поручик Долгоруков.

Поручик пробежал первые листы дела:

— Сговор в полку, бунт, сопровождавшийся бесчинствами и кровопролитиями, имевший в основе целью двинуть войсковые части к ниспровержению...

— Ложь!

— У нас есть свидетели.

— Пожалел их на свою голову...

Поручик встал:

— В феврале за вас еще заступилось несколько слабонервных чинов, сегодня вы одиноки.

— Будут люди!

— Жид и бородатый старикашка — это и все твои люди.

— Плохо считаете. Народ — полтора миллиона...

Поручик дернулся и сказал злобно:

— Народ... Вонючая скотина...

Орел встал. Он побелел и стал страшен. Офицер попятился и выскочил. Орел закричал:

— Удавлю!! — и яростно толкнул дверь. Но щелкнул засов. Орел стиснул решетку дверного окошка своими сухими, крепкими руками, и она погнулась. Часовой заорал из коридора:

— Стрелять буду!

— Плевал!

Лицо Орла все преобразилось, оно дышало неукротимой силой.

Поручик вошел в камеру Соломона Боера.

— Ну, показывай сразу все. Твои соседи уже признались.

Соломон Боер обиделся:

— Слушайте, я ж с Одессы. Вы что-нибудь умнее можете?

Поручик бросил:

— Жид!

Соломон Боер подошел ближе и сказал:

— Слушайте: то, что вы меня оскорбили, так я привык. Но что вы оскорбили целую трудящуюся нацию, так это невозможно.

Он стиснул зубы и сильно ударил офицера по лицу. Тот стукнулся затылком в дверь и вылетел в коридор. Часовой засвистел, в камеру ворвались трое, началось избиеение. Хрип и звуки ударов доносились из-за полуприкрытой двери.

Соломона Боера наконец бросили. Окровавленный, он лежал на полу. Он приподнялся, ощупал себя, улыбнулся и произнес:

— Еврей начинает бить господ офицеров, а? Для начала это уже прогресс... М-м-м, что будет дальше!.. — и он причмокнул.

Поручик, бледный, вошел в камеру к бородачу. Он покосился на мужика. Тот встал и по-крестьянски, выжидательно, поклонился.

— Ну, признавайся.

Солдат сел.

— Хорошо... во всем.

Поручик приготовился писать.

— Ну-ну...

И Ермолай начал:

— Признаю только товарища Ленина.

Поручик перестал писать. Солдат продолжал:

— Он обещает мир и землю...

— Все это даст и законное правительство,— сказал поручик.

— Хорошо. Тогда выпускай на волю и давай... Ну, давай...— И он подставил свои большие руки, в которые за пятьдесят лет глубоко въелась земля.

Поручик молчал.

— Молчишь, ваше благородие? То-то и оно. А Ленин вот ходит, в двери каждому стучит — тук-тук,— идите, мол, всем миром, и ты, Ермолай Тимофеевич, иди к жене, к деткам,— отдохните от войны, землю возьмите.— Солдат чуть пригнулся к поручику.— И ты не думай, что мы жадные и что только и смыслу в земле или что я на полтинник больше получать буду. В любви человеческой и в ласке, в великой правде дело, и за той правдой пойдем — за себя, за весь мир страдаем... А ты вон к товарищам моим пришел и сразу крик и по морде. А мы хотим, чтобы в России по морде не было...

Поручик смотрел в сторону, потом задал вопрос, который подвернулся ему:

— Законное Временное правительство признаете?

— Не... чего там Временное правительство, теперь даже бога не слушаем,— фу, прости господи...

— Умрешь, старик.

— Все люди умрут, не в этом дело, а в том, как в этой жизни все устроено. Я плотником-от всю Россию исходил, у графа Льва Толстого был, ничего не мог добиться, а теперь двери в Россию близко, охота посмотреть на милый свет, на свободу, которой ждали триста четыре года с воцарения дома Романовых...

Поручик отложил перо.

— Ты, старик, дурака не валяй, говори о бунте. Как убивал и грабил?

— Не было того — и не говорю о том... А вот слышал я, говорят, сам Степан из могилы встал Ленину помогать.

— Какой Степан?

— Разин Степан.

— Ты спятил, старик. Из могилы люди не встают, а вот ты и твои приятели в могилу лечь можете.

Старик вздохнул:

— Вечная память будет... Ленин и верные товарищи его уже сколько лет идут на муку и на раны...

Великие люди, а нам, простым, пример брать надо... Все претерпим. Стою на том, что говорил, и можете меня жечь и резать — слов своих я не изменю.

Конвойные в коридоре спросили поручика:

— Признались, господин поручик?

Поручик заорал:

— А вам какое дело? Молчать! Бегом их — пока не подохнут.

Орел лежал на узкой голой койке. Двери раскрылись. Орел приподнялся. Вошедший надзиратель грубо сказал:

— Ну-ка, на месте бегом арш!

Орел усмехнулся:

— А, вспомнил?

— Вставай, вставай. Ну, ать-два! Ать-два... — И надзиратель схватил руки Орла и согнул их для бега.

Старый кузнец и политкаторжанин побледнел, развернулся и двумя ударами свалил надзирателя:

— Ать-два, ать-два!

Вбежал помощник надзирателя. Орел сгреб его и стал молотить, подсчитывая:

— Ать-два, ать-два! Это вы побегаете, а мы посчитаем... Ать-два, ать-два!

Поручик попятился от дверей. Орел закричал:

— Хорошо бегает. Вы обучили?

Поручик заорал:

— В ружье!

Подбежало несколько человек из стражи. Орла отбросили. Поднялся надзиратель. Он стоял, сморщившись, тяжело дыша, держа руку ниже сердца. Он стоял и просил:

— Глотку ему сдавите.

Из камеры были слышны хрипение и упрямый голос Орла:

— Нет... не выйдет!

Побитый тюремщик советовал:

— Вы каблуками, каблуками по ребрам.

В камере опять были слышны глухие звуки, удары, вскрики. Держась за свою дверную решетку, в коридор глядел Соломон Боер:

— Слушайте, вы, юстиция, не троньте его, бейте меня!.. Вот же я вас оскорбляю — вы, эсеры и меньшевики, это же самые похабные слова на русском языке. Вы можете сломать мне голову... Но не тронь-

те Орла, его же досыта уже били при царе, а я же еще свежий!..

Приклад конвойного со свистом въехал в решетчатое окошечко, брызнуло стекло, осыпалась пыль от ржавого железа. Соломон Боев попятился, потом высунулся вновь и весело закричал:

— Вот так, вот так! Ко мне! Бейте, ну!

И он отвлекал тюремщиков, спасая товарища.

Из камеры Орла вышли усталые конвойные. Они снимали шлемы, отирали пот. Это были старые груболицые усатые тыловики. Поручик жадно бросился к ним:

— Ну?

Один из конвойных хриплым голосом ответил:

— Не поддаются... Вот порода, платят им, наверно, здорово...

Шли дни. Тюрьма переполнялась. В камеры бросали новых и новых людей. Их волокли... Орел крикнул одному из них:

— Что на воле, товарищи?

Тот повернул бледное лицо.

— В Петрограде...— и тут же ему зажали рот. Из камер кричали:

— Что в Петрограде?!

Били кулаками и сапогами в двери.

Вспышка в тюрьме затихла. При новой смене внутренних постов у камеры Орла стал новый часовой. Он осмотрелся и шепнул в окошечко:

— Орел...

Тот подошел, глядя настороженно и пытливо. Часовой сказал:

— Видишь, не бросили.

— Илюхин?!

Орел слушал, прильнув к решетке. Часовой моргнул и казенно заорал:

— От окошка, н-ну!—И продолжал тихим голосом:

— Придет надзиратель, бери его, дальше я покажу...— И, меняя голос, опять казенно крикнул: — Не разговаривать!

Послышались шаги. Шел надзиратель. Часовой застыл. Надзиратель открыл дверь в камеру Орла и остановился, не входя. Орел спросил:

— Опять бить?

— Хватит вас бить — стрелять начали... Выходи с вещами.

Орел рванулся, стиснул горло надзирателя, повалил его на койку, сунул кляп в рот, скрутил и открыл шинелью. Часовой шепнул:

— Мни и меня.

Орел вырвал у него винтовку.

— У... легче ты, — Илюхин кивнул в сторону других камер. Орел выхватил у надзирателя связку ключей, раскрыл камеры. Он вывел Боера и Ермолая. Спросил Илюхина:

— А других?

— Для этого я и останусь... Тс... Все сделаем, а вы выметайтесь... Двигайте.

Орел спросил:

— Пропуск знаешь?

— Только внутренний, у них на воротах другой. Шепот был сдавленный, быстрый. Орел осмотрелся и приказал:

— Ни черта! Идем прорываться...

Соломон Боер сказал:

— Жалко, что некогда со следователем попроситься, у меня с ним такая симпатия завязалась...

— Айда...

— Счастливо...

Второй тюремный пост стоял у ворот. Часовой окликнул:

— Стой! Кто идет?

Ему ответили:

— Свои.

— Что пропуск?

Боер сделал саженный прыжок.

— Пропуск — «кипит наш разум возмущенный...»

Часовой увидел троих, раскрыл рот, хотел что-то крикнуть. Боер засунул ему в рот кулак.

— Лишаю слова... — и выволок часового за ворота, взяв его винтовку и шлем.

Орел негромко бросил:

— Построиться. Идти в ногу. А ты, эфиоп, ни звука, иди, как мертвый.

Захваченный только моргал. И странная четверка пошла по вечернему городку. Прохожие смотрели:

— Большевиков, вероятно, ведут...

Навстречу иногда попадались офицеры. Орел командовал:

— Смирно! Равнение на-лево!

Офицеры невнимательно козыряли.

И четверо людей вышли на окраину городка. Соломон Боер посмотрел на взятого и сказал:

— Теперь можете говорить.

Тот трясся в испуге. Боер продолжал:

— Где мои два зуба?

Захваченный молчал. Боер продолжал:

— Переходим к последнему пункту повестки — может быть, вы скажете, что с вами сделать?

Пленник молчал. Ермолай посмотрел, согнутым пальцем постучал по лбу парня:

— Эх, темная бутылка.

Орел сказал захваченному:

— Иди... и больше по тюрьмам никогда не служи. Крестьянин?

— Так точно, крестьяне.

— Иди... Да, газета у тебя есть какая-нибудь?

Захваченный торопливо пошарил по карманам и достал потертый сложенный обрывок газеты:

— Для раскурки держим...

Орел взял.

— И спички давай.— И трое товарищей двинулись в ночь. Освобожденный парень глядел им вслед. Смятенный и благодарный, он прошептал:

— Большевики...

Товарищи ушли к лесу и зажгли спичку. Орел пробежал одну сторону газетного обрывка, другую и впился в текст: «Разгром большевиков в Петрограде. Ленин будет предан суду...»

— Ленин?!

Ермолай задумчиво протянул:

— Боже ты мой!

Боер сказал:

— Они могут убить Ленина.

— Ленина сберегут,— ответил Орел.— Там есть верные товарищи.

По дороге промчался разъезд. Товарищи затушили огонек и насторожились...

— За нами...

Одинокие, затерянные среди лесов и полей, стояли три товарища. Орел коротко сказал:

— Ну, куда дальше?

Соломон Боер произнес:

— Орел, у тебя ребра перебиты, тебе лечиться надо.

— Давай к делу!

— Поедем в Петроград или ко мне в Одессу... Переждем... Будем на море рыбалить.

— Вот что, Боер, у меня ребра поломаны, а у тебя хуже.

— Поясните.

— У тебя, видно, разум уже не кипит? Покипел и выкипел? Теперь к тихой жизни потянуло?

Помолчали.

— Решать надо,— сказал Ермолай,— не стоять же нам одиноко среди мира.

Орел подумал и ответил:

— Нам помогли освободиться. Значит, мы нужны, мы вернемся в полк, Соломон.

Соломон криво улыбнулся:

— Мм, какая радость!..

Ермолай спросил Орла:

— Чего ж там делать будем?

Орел посмотрел на одного, на другого:

— А вот отвечать на разгром большевиков. Армию делать будем...

Боер заметил:

— Хорошо. Для начала три человека есть. Остается подыскать миллиона три остальных.

Орел хлопнул его по плечу.

— Пойдем, пойдем, усталый,— и он ткнул его в могучую грудь.— Ну так что ж, друзья, скажу я вам так: известный начальный стаж и испытание вы прошли... Считаю ячейку Российской социал-демократической рабочей партии большевиков нашего полка основанной... Пошли.

Соломон Боер улыбнулся:

— Ты не замечаешь, Орел, мы уже идем.

Три боевых солдата шли по полям хорошим широким шагом. Они дышали прохладным ночным воздухом. Орел тихо запел: «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах, бродяга, судьбу проклиная...— Он запнулся, поправился: — Бродяга, судьбу принимая, тащится с сумой на плечах...»

Товарищи подпевали. Орел шутил:

— «Бродяга к Байкалу подходит, он утлую лодку берет и заявляет...» — Орел бросил песнь и сказал сильно, жестко: — Мы вам дадим «разгром большевиков»... — И запел снова.

И трое упорных, настоящих людей шли к фронту, к армии, к окопам, навстречу новым мучениям и испытаниям. Навстречу своей судьбе. Песнь постепенно затихала...

IV

Рассветало. Над далекими темными лесами поднималось солнце. Утренние туманы таяли над реками. Свет начинал заливать всю Россию. Встрепенулись ранние птицы. Они вились над полями. Воистину земля была несказанно прекрасна. Вернувшие себе свободу солдаты шли, дыша широко. На плотине шумела вода. В полях уже работали крестьяне. Ермолай приветствовал их по обычаю: «Бог помочь!» Один из крестьян ответил: «И вам помогай бог...»

Уже была близка стоянка полка. Солдаты увидели давно знакомые картины: селенье, где полк в июне встретился с народом, а дальше — погорелые места. Была слышна гармошка. Навстречу, с винтовкой за спиной, с фуражкой на самом затылке и с чубом у глаза, шел Алешка. Он увидел Орла и товарищей его. Гармонь выскользнула у него и повисла на одной руке. Он испуганно посмотрел на Орла... Губы парня побелели.

— За головой моей пришли?..

Соломон Боер спросил:

— Разве это какая-нибудь ценность?.. Странно.

Парень обращался к Орлу:

— Ну, лютой виной я виноват... Ну, я весь этот базар с вином и фейерверком устроил... Ну, и берите меня... Берите во, какой есть... Эх, погибаю!

Орел и товарищи его посмотрели на парня. Орел сказал:

— Дурила ты, великомученик... Что с тебя взять?..

Алешка чуть улыбнулся, показал на простое свое одеяние:

— Взять действительно нечего.

Орел спросил:

— А что же ты тогда молчал, когда нас брали?

Парень, застеснявшись, ответил:

— А я в дымину был... Да и потом гри дня не в себе был... Во хватанули, дай бог в пасху!.. Но чего наделал — поправлю... Ей-богу, — и парень улыбнулся с ясным-ясным простодушием. Он встряхнулся, с души отлегло, он заиграл и запел, что-то выдумывая:

— Орла с приездом проздравляю, желаю здравствовать с семьей, большевиков я замечаю и им симпатией отвечаю...

Орел улыбнулся, товарищи тоже. Орел спросил:

— Ну, что в полку?

Алешка живо ответил:

— За время вашей отсидки, товарищ ссыльный, происшествий в полку не случилось, но усиленно готовим смерть буржуазии... Лозунгом у нас: «Штык против немца, приклад по своим домашним гадам».

Орел спросил:

— Кстати, разъезды тут не шарят?

— Не...

Солдаты шли уже по селению. Навстречу попадались знакомые лица крестьян и беженцев. У колодца брала воду девушка. Орел узнал ее.

— Боевая...

Он подошел к ней:

— Дозволь напиться.

Девушка наклонила ведро. Соломон и Алешка не сводили глаз с девушки. Орел спросил ее:

— Ну, что слышно, дорогая?

— А ничего... Вы большевиков не видали?

— А что?

— За них деньги дают... за беглых...

Соломон Боер заметил:

— Это интересно...

Послышался стремительный кавалерийский топот. Орел крикнул:

— Разъезд! — и, спасаясь, перемахнул через высокий забор. За ним — Боер. Ермолая подтянули и перебросили на руках. К колодцу на рысях подходил разъезд. Алешка, балуясь, заиграл на гармошке.

— Я конных замечаю и им симпатией отвечаю...

Драгунский унтер-офицер крикнул:

— Стой! Что делаешь, кто таков?

Алешка рывкнул:

— Петровского полка не различаешь, ну?! Я вас с приездом проздравляю...

— Большевиков тут не видели?

Алешка спросил:

— Чего?

— Трех беглых...

— Ну, беглые? Чего ж не караулили?

Унтер-офицер махнул рукой, обратился к девушке:

— Эй, Марусенька, или как тебя, трех тут не видела?

— Каких?

— Один с усами, другой еврей, третий борода-тый...

Алешка примолк, он метнул взгляд на девушку. Девушка молчала, потом сказала:

— Нет, не было таких...

Разъезд двинулся дальше. Алешка подождал, потом позвал:

— Эй, вылазь, один с усами, другой еврей, третий бородатый.

Орел и его товарищи вышли. Орел протянул руку:

— Ну, спасибо, боевая-дорогая!

Девушка вдруг вспыхнула:

— Ой, это вы!

Он ласково улыбнулся ей, вынул из грудного кармана простое колечко.

— Вот ношу-ношу, а я одинокий, ни к чему мне. Возьми, дорогая...

Девушка еще пуще зарделась, застеснялась. Ермолай сказал ей:

— Возьми, дочка, он парень ладный.

Девушка потупилась.

— Мама заругает, — но взяла колечко, надела его и прошептала: — Благодарствую.

Солдаты пошли дальше. Они оборачивались. Девушка глядела им вслед. Орел улыбался светло и ясно.

Боер сказал:

— Может, нужно тут работать, у колодца?.. — И он вздохнул полушутя-полусерьезно.

Орел улыбнулся.

— Узнала... — и покрутил ус, и потрогал свои бледные, ввалившиеся щеки.

Ермолай поглядел на товарищей своих.

— Эх, ребята, ребята, много вы горя приняли и еще примете, и долго вам женской заботы и ласки не знать, но за все, за все воздастся вам...

Орел помолчал, потом спросил:

— Ну, бомбардир, рассказывай, что в полку?

— Перебиваемся с хлеба на воду...— ответил Алешка.— Вятский заелся, спасу нет. Сами увидите...

Ермолай прищурился.

— Дураков нет — сразу в полк соваться... Мы из-за камушка посматривать будем.

Алешка оживился:

— Потайно проживать будете?

Орел ответил, усмехнувшись:

— Береженого и бог бережет. Пойди-ка погляди, послушай — в комитете, у штаба, а к нам двух-трех наших направь.

Полковник был у себя один. К нему вошел адъютант, закрыл дверь и начал без предисловий:

— Армейская прокуратура настаивает, что беглые в полку или где-то поблизости.

— Заставы были? Разведчиков посылали?..

— Так точно, господин полковник, Медведев ходил.

Полковник спросил:

— Как он?

— Обещал вину загладить.

— Лихой солдат... Прошу глядеть в оба, чтобы никаких беглых... И чтобы духу их не было. У меня этот новый председатель комитета отличный малый. Полк наладил... В этом парне какие-то силы проснулись... Хочет быть социалистом, пусть, помогу, но пусть будет армия...

Адъютант заметил:

— Неуместно, что он именуется главой.

— А пусть именуется себя, как хочет, была бы армия.

Раздался стук в дверь.

— Войдите.

И неожиданно для собеседников вошел изгнанный из полка поручик Долгоруков. Он поклонился. Ему сухо ответили. Поручик счел необходимым объяснить свое посещение:

— От судебной части армии... Прошу разрешения на короткую беседу, доверительно.

Полковник секунду-другую подумал и ответил:

— Прошу, беседа может идти и при данном составе.

Поручик начал:

— Бежало трое ваших людей.

Полковник улыбнулся:

— По-моему, они ваши. Так и условимся: у вас бежало трое ваших людей... Выражаем живейшее соболезнование...

Поручик угрюмо помолчал, затем сказал:

— Необходимо принять меры!

— Ну, какие исключительные советы! Приняты меры — здесь службу знают, поручик.

Полковник вдруг пытливо спросил:

— Вот для этих двух незначительных сообщений вы и прибыли? Странно...

— Могут быть и иные дела.

— Не скажете ли прямо?

Поручик кивнул головой, оглянулся и сказал:

— Штаб фронта предполагает отвести некоторые полки в северном направлении.

Полковник был весь внимание. Он коротко потребовал:

— Прямее, прямее, поручик.

Поручик продолжал:

— Эти полки с надежным офицерским составом должны подойти возможно ближе к Петрограду.

Полковник, подумав, ответил:

— Предполагают, будут, должны... Я человек строевой. Говорите, черт дери, ясно. Цель похода?

Поручик чуть помедлил и сказал:

— Наш верховный, генерал-лейтенант Корнилов, готовится спасти страну и армию. Пора кончать всю эту скандальную свободу. Мы интересуемся: с кем пойдете вы, полковник Бутурлин?

Все трое встали. Полковник пристально посмотрел сначала на одного, потом на другого. Потом он сказал:

— Идти с фронта? А немцы?

Поручик ответил:

— Нам они мешать не будут. Ваше решение?

Полковник:

— Приглашение к участию в государственном перевороте сделано в присутствии свидетеля.

Он взвешивал. Поручик иронически ответил:

— Вы боитесь при свидетеле сказать «да», а нам не хотите сказать «нет»?

Полковник ответил:

— В таких делах нужны не скороспелые слова, а обдуманые действия. Нужно опираться на решение офицеров — раз, на повиновение солдат — два... К чему привели некогда ваши неосмотрительные действия, здесь помнят все. Честь имею кланяться. Мой ответ будет дан через двадцать четыре часа. Желательно, чтобы вас не видели солдаты.

Поручик молча поклонился и вышел.

Полковник и адъютант поглядели друг на друга. Каждый ждал, что скажет или сделает другой. Полковник спросил:

— Ну, что же скажете, голубчик?

— Жду приказаний.

— Попросим-ка сюда Варварина.

Тот явился с фельдфебельской быстротой. Полковник обратился к нему:

— Варварин...

— Я, вашсокродь!

Полковник продолжал:

— Большую службу сослужить можешь...

— Прикажете, вашсокродь!

— Полк три года в окопах, люди усталые...

— Так точно, вашсокродь.

— Есть возможность пойти на отдых в столицу...

— Слава те господи...

— Нужно согласие комитета... Что думаешь?

— Я, вашсокродь, солдата скрозь вижу и еще под ним на три аршина вижу. Ежели дозволите, доложу: тут главное — с Вятским надо...

— Ну, ну, что именно?

— Ежели дозволите — выясню и оборудую. Не впервой, вашсокродь. Объясню я ему, что и полку польза будет и ему... Коснусь, мол — первый ты солдат русской революции, тебя на руках носить будут, а у него все: «Я глава», тебя военачальником произведут.

Полковник и адъютант переглянулись. Полковник сказал:

— Одним словом — надо идти на отдых, хорошо расположиться...

— Понимаю. Дозволите идти, вашсокродь?

— Иди.

Фельдфебель лихо повернулся и пошел. Адъютант посмотрел на полковника:

— Вы и Варварину ничего не сообщите?

— Не его ума дело.

Адъютант позволил себе заметить:

— Но это... это провокация.

Полковник отрезал:

— А мне плевать, как это в словарях называется. Нам нужно сохранить армию, взять столицу и уничтожить большевиков, иначе они у нас отнимут армию.

И он резко крикнул:

— Понятно?

Адъютант вытянулся:

— Так точно, понятно, господин полковник.

Полк был в резерве. Люди отдыхали. Шла бивачная жизнь — в землянках, в палатках. Вели обозных коней. Солдаты стирали белье. Подымался дым костров. Была слышна гармоника.

Фельдфебель постучал в дверь землянки Вятского.

— Разрешите, господин председатель.

— Входи.

Председатель был важен и строг. Фельдфебель стоял и глядел искательно:

— Хотел, господин председатель, разрешения поговорить...

— А этот титул «господин» — не к месту, пожалуй, а?

Фельдфебель не согласился:

— Да нет уж, так и господа офицера вас называют, склоняются.

— Значит, склоняются?

— Склоняются, господин председатель, очень высоко оценивают...

— Ну, садись.

— Да я постою.

— Так что хотел сказать?

Фельдфебель начал интимно:

— Народ у нас истомленный, дело к осени — лист опадает, — выходит, холодать четвертый год?..

— К сути ближе, Варварин.

— Слух есть, господин председатель, будут на отдых отправлять... На отдых и в столицу.

Вятский с интересом поглядел на Варварина. Тот поймал его взгляд и продолжал:

— И подумал я: сами вы себя не понимаете...

— В каких смыслах?

— Первый вы, можно сказать, солдат, начавший революцию в России, и большая у вас дорога должна быть в будущем...

У землянки тихо, скромно присел Алешка Медведев. Он весь наострился и затих. Варварин продолжал:

— Пошли бы мы на отдых, и полку, и людям было б по заслугам. Но нам что, мы люди маленькие, а вот вас бы на руках понесли. В столице объявили б: вот кто вам свободу-то грудью отвоевал.

Вятский слушал, он подперся рукой в бок и уронил:

— Что мог, сделал, придется — и побольше сделаем.

— Именно, только начали делать, председатель дорогой. В столицу вам, на народ... Вот так вы у меня перед глазами и стоите, когда путь нам показывали зимой: грудь открыта за други своя... Раненый ходите, истину проповедуете — «в борьбе обретем право свое...». Можно сказать, у нас многие об этом говорят, великий вы социалист и революционер. И обидно, потеря для России будет, если неизвестно здесь в лесах останетесь...

— И тут можно пользу принести. Пекусь о вас...

— А вам бы пошире и повыше... Вот, многоуважаемый наш, — фельдфебель встал, — вот душа, вот голова, вот руки, повсегда я только о пользе свободы думаю, страдал за нее и скажу — поддержим мы вас всей своей силой... Может, тогда и меня, малого, вспомнят...

И фельдфебель, сам расчувствовавшись от своих слов, прослезился:

— Ну, я пойду...

Алешка тихо скользнул в сторону. Фельдфебель вздохнул, поклонился и вышел. Вятский поглядел ему

вслед, встал, расправил грудь, плечи и произнес вслух:

— И верно... пойти?.. Первым буду...— И лицо деревенского парня стало жадным... Сверкнули его глаза: — Столица...

Был вечер. Орел и его товарищи сидели в лесу. В укрытии горел маленький костер. Послышался треск сучьев. Товарищи насторожились.

— Стой, кто идет?

Из тьмы к огню подошел Илюхин.

— Ну вот и опять встретились.

Орел вскочил.

— Илюхин! — и поцеловал его.

Ермолай подошел.

— И мы премного благодарны! — и поклонился в пояс.

Боер спросил:

— Слушайте! Что вы были в тюрьме, так я тоже был, но что вы — часовой... Откуда это сделано? А?

— Партия скажет — сделаешь и не то.

Ермолай спросил:

— Свои люди кое-где понаставлены?

— Понаставлены, товарищ Ермолай...

Ермолай обрадовался:

— Я самый — Ермолай...

Илюхин улыбнулся:

— И к вам дорогу указали... один, говорит, уса-
тый, другой еврей, третий бородатый...

Где-то неподалеку раздался свист.

— Свои.

Из тьмы подошла группа солдат. Впереди шел Иван Чортотмык. Он увидел Орла.

— Братэ, ридный!..— Увидел Соломона Боера: —
И вам, здоровеньки булы, кумэ!

Боер встал, ответил:

— Здорово, здорово, кумэ.

И люди обнимались и целовались, и крепко, до хруста сжимали друг другу руки.

Илюхин — это был делегат Петроградского комитета в прифронтовом районе — сказал:

— Так, пожалуй, надо товарищам кое с чем ознакомиться... Газет давно не читали?

Чортомлык ответил:

— А нэ пускают газет до нас. Суют якись, но воны не тэ, шо надо. Так мы их куримо.

Илюхин сказал:

— Может, свою почитаем?

— А чего ж, давай.

— Вот из статьи... «...Народ не получит мира, крестьяне не получают земли, рабочие не получают 8-ми часового рабочего дня, голодные не получают хлеба без полной ликвидации контрреволюции...»¹. Все понятно?

Ермолай кивнул головой:

— Понятно.

Орел добавил:

— Узнаю руку Старика.

— Якого старыка? — спросил Иван Чортомлык.

— Ленина...

— Шо ж вин — старый?

— За ум так зовут...

Ермолай бережным жестом взял газету.

— Значит, его рука? Поди ж ты... А сам-то он где, дорогой?..

Орел задумчиво сказал:

— Так же, как мы, может быть, у костра где-нибудь сидит...

У Ермолая глаза засветились.

— Сидит, а пишет, заботится... Ты посмотри,— он показал на газету,— первое слово про мир пишет, второе слово — про землю, про нас, значит... Спасибо тебе, Володимир Ильич, постойм за тебя...

Чортомлык спросил Орла:

— А шо б воны з ним зробыли, с товарищем Лениным, если б взяли его?..

— Не достанут...— ответил Орел.— Руки коротки.

Раздался свист, и сквозь сучья, с шумом и треском, запыхавшись, продрался Алешка:

— Собираются идти на Петроград!..

Товарищи вскочили. Орел спросил:

— Кто собирается?

Алешка едва переводил дух.

— По ротам только одно: давай в Петроград...

— Для чего?

¹ Речь идет о статье В. И. Ленина «Начало бонапартизма», опубликованной в газете «Рабочий и Солдат».

— Говорят — отдых... фельдфебель Вятскому накручивает...

Илюхин махнул рукой:

— Тут другое!

С бивуака полка донеслись шум, ржание, сигнал сбора... Орел как-то весь выпрямился, обвел людей взглядом и сказал:

— Товарищи, партийная организация постановляет образовать Военно-революционный комитет. Делегировать в него товарища Соломона Боера, товарища Ермолая и товарища Орла.

Илюхин кивнул:

— Правильно!

Боер начал:

— Я же никогда...

Орел перебил его:

— Будем спорить?

— Уже иду.

— Вот теперь погоди. Ты отправишься...

Алешка крикнул:

— Ну, мне некогда, мне на пост...

Орел остановил его:

— Где стоишь?

— У штаба.

Орел быстро соображал:

— Так... Тогда, товарищ Боер, ты идешь прямо в штаб, берешь контроль над связью...

— Хорошо.

— Не пропускать ни одной контрреволюционной телеграммы...

— Хорошо...— Соломон Боер отвечал флегматично и веско.

Делегат ПК дал ему наган. Боер поднял брови:

— Соломон уже с револьвером... Что бы сказала мать?!

Орел продолжал:

— Стоящий у штаба товарищ Медведев окажет полное содействие, вплоть до применения оружия, если понадобится.

Алешка улыбнулся:

— Это я могу с удовольствием, хоть с орудия...

Орел сказал:

— Все остальные товарищи идут прямо в полк. Эту сволочь в штабе надо брать натиском, давить!

Илюхин заключил:

— Умные речи приятно и слушать.

Товарищи двинулись.

Полковник и адъютант ходили, поджидая фельдфебеля. Тот, наконец, подошел.

— Разрешите доложить, вашсокродь?

— Докладывай, Варварин.

— Так что у него глаза разгорелись, вашсокродь, пойдет в столицу, вашсокродь. Было б приказик написать, вашсокродь, и Вятскому на подпись... Случай чего — с него спрос будет...

— Можешь быть свободен, Варварин.

Фельдфебель повернулся и пошел. Полковник и адъютант переглянулись. Полковник сказал:

— Ух, дошлый... Пишите приказ. Во главе пойдет первый батальон... Ну, на Петроград!.. Господи благовослови...

У штаба сменялись часовые. Отчетливо произносил формулу приемки поста Алексей Медведев. Разводящий и смена ушли. Алексей Медведев замер, потом сделал знак головой. В штаб, в аппаратную, прошел Соломон Боер. В аппаратной забеспокоились. Боер вынул наган и сказал:

— Пожалуйста, продолжайте, как будто меня нет.

Один из телеграфистов встал и спросил:

— В чем дело? Вы откуда?..

Боер ответил:

— Вы работайте... как будто меня нет, я сказал.

Телеграфист сел. Стучали аппараты, связывая полки, бригады, дивизии, армии с городами страны. Неожиданно тот же телеграфист вновь поднялся:

— Не подчиняюсь!

Соломон улыбнулся:

— Напрасно. Вы уже окружены, тут кругом везде наши часовые. Их — масса...

Телеграфисты подошли к окну. На них сердито поглядел Алешка Медведев и молчаливо, выразительно показал им на оружие. Телеграфисты сели к аппаратам. Соломон Боер сказал им:

— Вот так, спокойно. Дайте мне эту телеграмму. Так, работайте себе, мы вас будем охранять, и ни один волос не упадет с ваших трудолюбивых голов. Дайте мне и эту телеграмму. Мерси.

Полковник пересекал расположение полка. Он был собранный, решительный. У дверей штаба полка перед ним вытянулся лихой часовой. Полковник козырнул:

— Здорово, Медведев!

Тот рявкнул ответ.

Полковник довольно бросил:

— Отлично служат! Люблю первый батальон!

Полковник пошел к себе. За его столом сидел Соломон Боер. Полковник чуть изменился в лице. Боер прищурился и спросил:

— Так как насчет генерала Корнилова?

Полковник спокойно ответил:

— Вопрос неясен.

— Что бы вы сказали, если б этот всадник двинулся на наш Петроград? А какие-нибудь его холуи побежали бы вместе с ним, а?

Полковник:

— Мне не до шуток в позднее время, пошутим завтра.

Соломон Боер встал.

— Полковник, слушайте, теперь шутят все серьезнее. Я — от Военно-революционного комитета. Прочтите эту телеграмму.

Полковник пробежал телеграмму о корниловском мятеже и о начале пролетарского отпора. Едва он кончил читать, Боер в упор спросил его:

— Ваше решение? Решение офицеров? И быстро — без игры туды-сюды и в третью сторону. Наши уже в полку. Тут и Орел и другие...

Полковник был спокоен. Он соображал секунду-другую. Затем ответил:

— Серьезные дела... А что касается меня — верен революции. Я в душе давно большевик. Вы были еще мальчишкой, когда я защищал революционеров в пятом году. Только строевые привычки как-то мешали участию в партии...

Боер ответил:

— Ну, в пятом году я не участвовал и ничего о вас сказать не могу. Мы будем расценивать ваши сегодняшние дела. Я жду.

Полковник сказал:

— Пишите. Петроград. Точка. Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Точка. Петровский полк, запятая, единый, как никогда, запятая, в своих рядах, запятая, стоит на страже революции, запятая, готовый жизнью своею преградить дорогу изменникам. Точка. Делегат Военно-революционного комитета Боер. Точка. Командир полка полковник Бутурлин. Точка.

Соломон Боер подошел к полковнику:

— А кто же полк хотел двинуть?

Полковник пожал плечами:

— У нас есть комитет...

— Побеседуем и с ним...

Боер вышел. Полковник сел... Он помолчал минуту, потом сказал:

— Промах, полковник, стареете.

Вятский шел к выстроившимся батальонам. Варварин сопровождал его:

— Извольте с полком здороваться или как?

Вятский улыбнулся.

— А чего ж, и здороваемся...— И он попробовал: — Здорово, молодцы!..

И тут он в упор столкнулся с Орлом и Ермолаем. Орел резко спросил:

— Куда?

— Может, здороваешься?

— Куда полк выступает?

Орел говорил злобно.

— В Петроград...

— Зачем?..

Вятский перед людьми не желал повиноваться и сдавать:

— Ты что — допросчиком нанялся?

Орел посмотрел ему в глаза и приказал:

— Отставить поход.

— Ты не командуй, тут сами скомандовать могут.

Подошел Боер и подал Орлу взятые в штабе документы.

— Вот оно как... Вот мы и покажем товарищам... Вятский уже не мог остановиться:

— Здесь меня слушают!

— Послушают теперь и других. Боев, давай. Вятский побледнел.

— На этом и будешь стоять?

Орел усмехнулся.

— А ты не знаешь?.. Пусти-ка, «командир». — И он, отстранив Вятского, двинулся с Боем к полку. Вятский стоял бледный.

Полковник подошел к нему:

— Хотел с вами, голубчик, поговорить на прощание.

Вятский посмотрел:

— Как?

— Так, знаете, привык к вам, а тут, вероятно, придется отвыкать, черт его знает...

Вятский удивился:

— Отвыкать?

Полковник поглядел на Вятского грустным и ласковым взглядом.

— А что же, не понятно? Вернулись эти товарищи, и вас уже отстраняют. Вместо вас — уже еврей.

У Вятского лицо перекошилось, он нагнулся к полковнику:

— Еврея ставит? Я Орлу жизнь спасал, а он — такое?..

Полковник печально пожал плечами:

— Да что жизнь... И разве такие ценят храбрость и честность? Вон, слышите, шумят? (Полк встречал Орла.) Он там им наговорит. У них не честность, а хорошо подвешенный язык нужен, наглость.

У Вятского от злобы все переворачивалось внутри. Он проговорил:

— Дак что же это? Я же — глава... Я — социалист-революционер?..

Полковник холодно, с прищуром, наблюдал за действием своих слов. Он продолжал:

— Не огорчайтесь, голубчик, вот вам моя рука, моя вам помощь. Много я отдал революции. Идеи наши близки. Уверен, все поправим...

Вятский трясся от приступа злобы:

— Меня... Мне Орел наперекор? Ну, посчитаемся...

Полковник метнул взгляд сбоку и усмехнулся.

Шли осенние дожди. Становилось все холоднее, облетала листва. Обозы и батареи глубоко увязали в грязи. Войска делали обычные небольшие марши, передвигаясь на дивизионных и корпусных участках. Полк стоял среди печального осеннего леса. Низкие землянки и палатки, казалось, от сырости совсем ушли в землю.

В одну из ночей — наступил уже октябрь — Вятский пришел в Особый батальон. Парень похудел, его глодала злоба. Он встретился с поручиком Долгоруковым. Поздоровался:

— Велено кланяться. От полковника... — и подал записку.

Поручик пробежал ее.

— Слышал о вас... Ждал, — рассказывайте.

— Не до разговоров, идти надо, брать их.

— У вас подготовлено?

— Время не тратили... Вот ваши-то готовы ли? Это не с погрому троих уволочь, их поболее теперь.

— Не уйдут.

Вятский наклонился к самому лицу поручика:

— А Орла и еврея мне отдайте.

Поручик спросил:

— Как офицеры?

— Для безопасности полковник их задержит в штабе... Все обделаем — подчинятся.

— Часовые в эту ночь ваши?

— Наши.

Особый батальон выступал тихо, молча. Люди шли с полным запасом патронов, без ранцев и сумок. Время от времени слышался шепот. Проводником был Вятский.

В ту ночь офицеры Петровского полка сидели в штабной избе. Было накурено. Шел разговор:

— Что ж, господа, дальше?.. К чему ж мы идем?

Прапорщик недоуменно и раздраженно сказал:

— Корнилов, старый боевой генерал, и не сумел справиться.

Адъютант бросил:

— Найдутся другие, сумеют.

— Думаю, что это и будет Ленин.

Богатырский штабс-капитан, посасывая трубку, спросил:

— А кто он, этот Ленин?

Прапорщик ответил:

— Не знаю... не видел... Но посмотрите, как их строил... Вот был тихий мужичонка в третьей роте, Ермолай. Вы послушайте, что он говорит теперь...

И прапорщик начал, копируя говор солдата:

— «Вы подумайте сами — у нас дома жены и дети, а дети — не щенята. Нам буржуазию слушать нечего, раз навсегда мы поставим идею дорогого товарища Ленина, как закон...»

Адъютант резко обернулся:

— Мне эти лохмачи будут законы предписывать?! Тогда лучше открыть фронт немцам... Те их придавят.

Командир первого батальона, богатырский штабс-капитан, ответил густым голосом:

— А этого мы вам не позволим. Россией торговать не дадим! — И он ударил кулаком по столу.

Прапорщик спросил:

— А что думает по всем сим поводам наш полковник?

Полковник, похудевший и ставший еще более седым, ответил:

— Неотделим от однополчан, — и замкнулся.

Стоянка полка была погружена в ночную тишину. Стояли редкие часовые. Особый батальон подходил почти беззвучно. Подошли к часовому — веснушчатому солдату... Часовой посмотрел на Вятского, кивнул ему: «Все в порядке». Батальон цепью стал втягиваться в лес, в глубину стоянки полка. Лес высился мрачный, угрюмый. Тяжелый храп и бормотание поднимались над жалкими палатками и шалашами. Солдаты спали, скрючившись на осеннем холоде. Веяло беспомощностью.

К часовому, который пропустил предателя и его батальон, тихо подошли Орел и Ермолай. Орел спросил:

— Ну, что слышно?

Часовой испуганно встряхнулся и ответил:

— А ничего, все тихо...

— А что ж тебе дали, что же тебе за подлость твою иудину обещали? — спросил Ермолай.

Часовой обомлел. Орел взял его за воротник:

— С кем говорил, кто вел?

— Вятский и господин поручик...

Орел приказал:

— Беги, Ермолай! Буди людей, без шума... А я с дежурным батальоном возьму эту банду...

Особый батальон все углублялся в лес. Поручик Долгоруков иногда освещал спящих. Лица были усталые, худые, заросшие. Поручик бросал Вятскому:

— Не те. Где же этот?

Батальон двигался дальше. Следом из палаток, из-за деревьев начали выглядывать настороженные глаза. Полк не спал. Вслед за Особым батальоном, еще беззвучнее, чем он, шел дежурный первый батальон с Орлом. Молчаливое преследование и охват длились недолго. Орел тихо передал:

— Не стрелять в темноте...

Затем в ночной тишине леса внезапно раздалась зычная строевая команда Орла:

— На руку!

Особый батальон был ошеломлен. Он кинулся куда-то вбок. Поручик искал выходов, тропинок. В луче его фонаря вырос Соломон Боер.

— А, симпатия?

В Особом батальоне кто-то заорал:

— Окружают!

Вятский заметался. Лес гудел и трещал. Старый опытный полк окружал предателей неумолимо. Метались огни фонариков, и отовсюду подымалась щетина четырехгранных наостренных штыков. В Особом батальоне началась паника. Кидались куда попало. Некоторые бросали оружие. Потом безумно понеслись во тьме, среди деревьев. Выкалывали глаза, натыкаясь на острые сучья, давили друг друга, ползли. Лес гулко отвечал на вопли. Кто-то кричал: «Спасите!» Эхо равнодушно повторяло: «...ите!» Не было никакой силы остановить эту орду. Паника перекинулась на обоз. Лошади сорвались с коновязей. Страшно заржал где-то во тьме жеребец. Лошади в бешеном карьере летели по всем направлениям, давя остатки Особого батальона. Раздавленный копытами, валялся поручик... Стоял треск, опрокидывались какие-то столбы, подводы. Люди летели в овраг. Кто-то искал спасения в низине. Беглецы попали в болото.

— Назад: трясины!

Вятский, задыхаясь, без шапки, пытался выбраться из темного и холодного болота. Оно засасывало его. Он что-то кричал, простирая руки:

— Братцы-ы...

Никто не отозвался. Трясина засосала его.

Офицеры в собрании насторожились.

— Что за шум?

— Тревога?

— Где дежурный по полку?

Адъютант встал и, ожидая прихода Особого батальона, сказал:

— Господа, пришли наши — вот они!

Раскрылась дверь — ворвались Орел, Алешка и другие большевики. Орел обвел офицеров взглядом:

— Кто все затеял?..

Полковник спокойно ответил:

— Это надо у людей спросить.

Орел крикнул:

— Захваченных сюда!

Втащили нескольких захваченных.

— Кто вел?

Захваченные ответили:

— Ваш ходил — комитетский!

Полковник встал, шагнул к захваченному:

— Вятский?

— Он...

— Вот подлец!..

Из соседней комнаты вышел Ермолай. В руках он держал листок:

— Боев принял... с телеграфу...

Ермолай был тих и торжествен. Он велел:

— Ну, замолчите все.

Стало абсолютно тихо. Ермолай сказал:

— Слушайте сообщение из Петрограда. Вернулся Ленин, и власть взята съездом, народом...— Ермолай стал читать: — «К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона»¹.

¹ Далее приводится воззвание «К гражданам России!», написанное В. И. Лениным 25 октября (7 ноября) 1917 года.

Прапорщик крикнул:

— Не согласен!

Ермолай сказал:

— Молчи, пыль...— И читал дальше: — «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира...»

Среди солдат прошел шелест: «Мир! Ленин мир дает...»

Ермолай продолжал:

— «...отмена помещичьей собственности на землю...» Земля нам, братцы, навечно, о господи... помощи, очам не верю... Прочти-ка ты...

Прочел другой:

— Земля, так и сказано...

— Чего дальше?

— «...рабочий контроль над производством...» Рабочие которые тут есть? «...создание Советского правительства, это дело обеспечено».

Прапорщик крикнул:

— Власть — это люди в Зимнем дворце или в сердце России, в Кремле!

Из телеграфной вышел Боер. Он подошел к Орлу:

— Передал съезду — армия поддерживает... Кстати, вы, прапорщик... читать умеете? Прочтите.

Прапорщик читал сообщение из Петрограда:

— «Зимний взят»?

Боер ответил:

— Именно... И берут Кремль...

Лицо прапорщика исказилось. Он закричал:

— По какому праву? Кто ваш Ленин?

Орел посмотрел на него.

— Кто Ленин? Вот кто...— И Орел подошел к окну и сказал дрогнувшим голосом в ночной простор, туда, где был полк, где были люди: — Товарищи, вернулся Ленин... Советами взята власть... Да здравствует народная власть! Да здравствует наш товарищ Владимир Ленин!

За окном во тьме раздалось «ура». Оно шло из самой глубины сердца. Люди срывали с себя шапки. «Ура» перекидывалось, и рос такой громовый клич, которого еще никто никогда не слышал. Это за все тысячелетия, за все свои боли и обиды, за все поражения и оскорбления, за всех своих замученных, утопленных, повешенных, сожженных, четвертованных и

колесованных, за умерших в голоде и в кандалах, за все свои надежды, за все свои глухие ночные слезы, за свое великое терпение, за свою ни с чем не сравнимую стойкость, за себя, за Россию, за русский народ — гремел «ура» сам русский народ. Тысячи солдат с оружием шли, бежали к штабу. Осенний сырой ветер развевал новые знамена, бедные, своими руками сделанные. «Ура» гремело и ширилось минуту, другую, третью, четвертую... Орел и его товарищи смотрели на людей.

Вглядимся в их лица и запоем их на всю жизнь!

Шли русские рабочие и крестьяне — путники, исходившие полмира, люди, перевалившие через Урал, прошедшие Сибирь, люди, одолевшие Карпаты, Балканы и Альпы, пешком ходившие по льдам на край мира, люди, вынесшие столетия войн, осилившие иноземные ига, претерпевшие и преодолевшие чуму, голод, тиф, пожары. Шли люди с мужественными лицами, темными от загара, обвеянные всеми ветрами. Шли и стар и млад, разноплеменные, слитые в едином порыве. Глаза горели небывалым сиянием. Людям раскрывался в их порыве мир, неведомый еще никому. «Ура» гремело сильнее артиллерийского рева. Играли оркестры — их не было слышно...

Люди в штабной избе слушали стоя, с оружием в руках, взбудораженные. Иван Чортмлык вышел на середину и обратился к Орлу:

— Просим и наказываем вам, товарищи, бэрить эту власть крэпко и никогда не отпускайтэ из рук... Помнитэ, що бились за эту власть вэками, и упрочайте ее навсегда в России, и пойдет она и на другие страны...

Чортмлык говорил с небывалой силой... Он был ранен, и от его волнения кровь проступала сквозь перевязку. Ему кто-то сказал:

— У тебя кровь идет.

Он ответил:

— То нэ важно. Слухайтэ дале... А может быть, найдутся среди вас такие, которые скажут, що вони нэ способны к деятельности, может, найдутся такие, которые отвэрнутя от народа. Так нэ давайте им пощады никогда...

Орел ответил товарищам:

— Не дадим.

Полковник и офицеры стояли молча.

Орел обвел взглядом всех людей и сказал:

— Так по праву, данному народом, берем и принимаем полк... Пишите акт, писарь... Бумагу получше... Знамя Петровское ветхое — одно... К нему чехол — один. Береги, Иван Тимофеевич. (Знаменщик отдал честь.) Печать сюда... (Полковник сказал адъютанту: «Сдайте», тот сдал.) Так, печать полковая с бывшим государственным гербом — одна. Секретных бумаг... два дела. Верно?

— Совершенно верно...

— Касса — одна, ключей — три, наличности...

Заведующий полковым хозяйством сказал:

— Тут что-то около трехсот рублей с мелочью.

Орел поглядел на него:

— Не около, а считайте до копейки.

— Виноват.— Он сосчитал и доложил: — Триста два рубля тридцать три копейки с половиной.

— Бедно жили... России армия богаче нужна... Денежные документы сюда... Боер, разбери.

Люди затихли и пристально смотрели на акт сдачи и приема. Орел говорил сжато, ясно и властно:

— Оружия сколько?

— Винтовок четыре тысячи сто двадцать три...

— Дефектных из них?

— Две тысячи сорок.

— А дефект людьми затыкали?.. Списки полка сюда. Вятского и кто с ним со всех видов довольствия снять...

Адъютант ответил:

— Слушаюсь.

Ермолай глядел, глядел, потом протянул:

— Эва дело пошло... Была Расея с медяком, будет с золотом.

Народ все шел к штабу. Стучали, кричали:

— Читай еще — чего от Ленина-то!..

Ермолай обращался к ним:

— Милости просим, милости просим, заходи, заходи, хозяева... Ты только послушай, послушай: как народ-то приветчает Володимира Ильича... Будто здесь он, в окопах, ходит промежду нас...

Какой-то солдат сказал:

— Да, говорят, был. Ей-богу... Поглядел, поглядел, все разузнал, и вот теперь пошло...

«Ура» за окнами вспыхнуло вновь и еще сильнее. Офицеры побледнели, иные сняли фуражки. Один из офицеров произнес:

— Нет, такого я никогда не слышал.

— Да, голосок у народа зычный,— ответил ему Ермолай.

Боев стоял у окна. Слезы лились по его лицу. Ермолай спросил его:

— Чего же не шутишь, милоч?

Соломон Боев ответил:

— У еврея душа светлеет.

«Ура» затихло, уносясь куда-то вдаль. Это гремела армия русская от Ледовитого океана до песков Азии, до вод Тихого океана. Где-то слышали этот крик последние беглецы Особого батальона, и, обуянные страхом, они опять кинулись бежать во тьму.

Акт сдачи и приемки был кончен. Орел встал:

— Подпишите.

Полковник подписал.

— А теперь мы подпишемся.

Он и товарищи тоже подписались.

Полковник встал:

— Граждане офицеры, наша старая служба кончена, мы закрываем собой последнюю страницу, последнюю главу истории армии российской...

Офицеры молчали. Полковник поднял руку к погонам.

Прапорщик закричал:

— Полковник!

— Не мешать!..

И он снял с себя погоны. Его примеру последовало еще несколько человек. Прапорщик подошел к стене. Он был бледен, он трясся.

— Это позор, бесчестье.— Он зарыдал.— Никогда, никогда... Это же нам дано навсегда.

Полковник его успокаивал и сам снимал ему погоны. Люди стояли сумрачные. Полковник обвел офицеров взглядом:

— Ну, возгласим здравицу новому правительству. Ура!

Офицеры молчали. Тогда вспыхнуло «ура» далеко на бивуаках полка. Штаб пустел. Адъютант произнес:

— Кончено.

Полковник посмотрел на него и сказал:

— Еще все впереди, подпоручик.

Офицеры переглянулись и стали выходить один за другим. «Ура» все вспыхивало на бивуаках полка и в ближних селениях.

Полковник остался один. Он прошелся по комнате, послушал и заговорил сам с собой:

— Шумите, шумите, русские люди... Найдется человек, который возьмет вас жесткой рукой, и вы утихните...

Постучали.

— Войдите.

Вошел полковой адъютант:

— Жду ваших приказаний.

Полковник ответил:

— Наша старая служба продолжается. Не отступать. Говорить им «да», делать — наоборот. Чем ближе будем к ним, тем скорее свернем им шею.

— Без малейших «но»?

— Без.

V

Первый снег выпал рано. С Балгийского моря ползли холодные темные тучи. Они шли, безразличные и равнодушные — над людским миром, в котором среди темного моря самых горьких мук и трудов зарождались, не в первый раз, какие-то новые надежды. Ветер свистел в оголенных лесах. Природа была смутной, мятущейся, как люди, или, может быть, мятущимся людям она казалась такой.

Становилось все холоднее. Полковник Бутурлин и офицеры, посеревшие, иногда по два-три дня небритые, сидели в шинелях с сорванными погонами, как бесприютные люди. У них постепенно менялась манера двигаться и говорить, они делались настороженнее, скрытнее. События, которые катились в стране — бурливые водовороты — вселяли страх, испуг перед неведомым будущим.

Солдаты покидали в одиночку, по двое, по трое позиции и брели на север и на юг. Полковой адъютант говорил полковнику:

— Тает полк, люди уходят по домам, в Россию, полковник.

Полковник ответил, печально шутя:

— Я не полковник, а «бывший», я просто некто, единица в серой шинели... Может быть, они отменят имена и фамилии?

Офицер выслушал и заметил:

— Меняетесь вы, полковник... Я вам докладываю: полк тает, а остающиеся хотят начать переговоры с немцами...

— Им разрешено...

Подошел фельдфебель:

— Так что, вашсокродь, готовятся к братанью. Ночью с немецкой стороны звали: «камрад — рус»... Наши и распалились.

Полковник вскинул голову:

— Переговоры! Алешки и Ермолайки в роли министров иностранных дел, да еще в поле? Хотят нести свое евангелие, интернационально-российскую свою ересь немцам? Одобрить их проповедь, одобрить братание,— пускай эти сопливые серяки стукнутся о немец, об Европу.

Адъютант возразил:

— А если нет? Кричал же там кто-то ночью: «Solidarität»¹.

— Тогда придумаем другое, третье! — Полковник почти притянул к себе офицера.— Думать, каждую минуту думать. Если надо, стрелять им в спину. Пускай стреляют отсюда, оттуда, со всех сторон...

Полковник был бледен, вспышка бешенства сделала его неузнаваемым, он тяжело дышал. Седая щетина на его лице взъерошилась. Он сдержался, сурово поглядел на собеседников:

— Я сообщаю, как приказ, как закон: ни я с вами, ни вы со мной ни о чем этом не говорили. Никто из вас ничего не знает, мы простые военнослужащие, верные новому правительству.

— Так точно.

И трое разошлись. Полковник по привычке, как он это делал ежедневно тридцать пять лет подряд, со дня, когда он впервые пришел в полк,— производил осмотр расположения полка. Он шел, привычно, полумашинально оглядывая людей и оружие, отдавал привычно честь, делал замечания: «Винтовки чистить надо... Пуговицы пришивать надо...»

Чортомлык угрюмо ответил:

¹ «Солидарность» (нем.).

— Нам нэ пуговицы, а домой...

Полковник мрачно поглядел и пошел молча.

Окопы бежали среди заснеженных полей. Стали реки. Снег покрывал следы боев, воронки, затерянные могилки, ржавую проволоку. Где-то валялись неподобранные кони. Вороны прыгали среди падали. Фронт казался полумертвым, забытым. Торчали обгорелые руины местечек.

Солдаты ежились от холода, кутались во что могли. Они понемногу теряли воинский вид.

В окопе шла беседа. Полковник прислушался. Он стоял тихо. Кучкой сидели Орел, Боер, Алешка и Ермолай. Говорил Ермолай:

— Я и говорю — напишем им: «Дорогие немецкие люди, ничего нам от вас не надо. Земли у нас, слава те господи, теперь — от окияна до окияна, и вся своя. Пойдем мы теперь заниматься ею, того на долгий век хватит. Пойдем на глазах ваших. И вы уходите — покорнейшая такая наша просьба. Поклонимся друг другу, руки пожмем, подарочки можно на память дать — и разойдемся. В глаза друг другу поглядим, дорогие немцы-соседи, и только спросим: пошто мы четвертый год тут муку принимаем?.. Мы со своим Николаем и прочими управились, чаво ж вы медлите?»

Орел сказал:

— Им мир предложен... Совет Народных Комиссаров свое слово сказал. Делегация послана... А у немцев на уме не мир.

Чортomлык потемнел:

— Вот шо кажу я вам, председатели. Мы месяц ждали, другой, третий... Зима уходит... Землю дали, а хто ее пахать будэ? Голодные жинки? Доставайте мир — шо вас за глотку брать?.. Нэ можем больше!..

Алешка стукнул себя по колену, потертую папаху свою шмякнул об землю:

— Пойду... Один к немцам пойду!.. Ничего не боюсь и скажу: «Многоуважаемые, мол, немцы, вот рука, вот душа, давай кончать империализм, делать Интернационал — настрелялись досыта, пора и делом заниматься, а?..» — И парень весело улыбнулся. Сверкали белые зубы, над глазом вихор болтался. Хорош был Лешка Медведев!

Солдаты загудели:

— Давай, Орел, пойдем к немцам!..

Орел ответил:

— Нужно ли?..

— А чего? С ихними солдатами поговорим, они же кричали!

Орел ответил:

— Одни кричат, другие молчат... Разные немцы бывают...

— А не хошь идти, мы сами пойдем.

Солдаты стали приготовляться, обряжать делегатов. По окопам пронеслось: «Делегатов посылаем! Давай у кого что почище». Солдаты давали Лешке Медведеву, Орлу, Боеру, Ермолаю и другим шинели и папахи получше, терли песком бляхи, суконками чистили сапоги, наводили немудреный солдатский лоск. Отбор вещей был строгий... Медведев скреб перочинным ножичком щетину, затягивал пояс до отказа, как в учебной команде. Было хорошо, оживленно, весело. Медведев любовался собой и видом своим:

— Государственные делегаты, а? Орел, глянь. Ай, Лешка, как шагаешь, как шагаешь!.. Посол, а? Перчатки подходящие есть у кого, а? — И парень стоял, широко разводя руки, глядел на себя и на товарищей своих. — С Европой говорить будешь!

Орел сказал:

— Значит, идете? Тогда сделаем официально...

Достали белый флаг. Пришел трубач... Ермолай перекрестился.

— Господи благослови... Мы подневольную войну государеву вели, мы ее и кончим. Пошли!

Он начал вылезать из окопа.

— Думаю, у немцев совесть есть, стрелять не будут, а?

Солдаты русские вышли группой, подравнялись, лица их побледнели от радости и возбуждения; глаза смотрели вдаль, на запад, на пока неизвестный им Запад, которому эти простые и сильные люди доверчиво и раскрыто несли свои сердца. Горнист проиграл сигнал. Алешка Медведев нетерпеливо сказал:

— Чаво там формальности, давай пошли!

Он рванул душевный и прекрасный мотив на гармонике и широким шагом вместе с Орлом, Соломоном Боером и другими пошел прямо на немецкую проволоку.

В русских окопах следили за делегатами с небывалым напряжением. Из окопов вышли люди, и они несли надежды, идеалы, мир, человеческую простоту...

Полковник смотрел на удалявшихся делегатов. Он бросил:

— Апостолы!

Делегаты были уже между линиями русских и немецких окопов.

Алешка начал:

— Эй, Германия!.. Многоуважаемые немцы, во первых строках — поклон от России...

Из немецких окопов начали стрелять. Орел стоял вытянувшись:

— Убедились?

Его товарищи тоже вытянулись. Алешка рывкнул:

— А, гады!..

Боев заметил:

— Ты теперь видишь, Леша...

Ермолай крикнул немцам:

— Чаво ж делаете-то? Нехорошо!

Кто-то из делегатов наклонился. Свистели пули. Один бросился бежать. Орел властным голосом, в котором зазвенели ноты командира, бросил:

— Товарищи делегаты армии! Два государства наблюдают за нами, подравняться!

Свистели пули. Русская делегация подправилась. Глаза у людей сверкали гневом, вызовом и решимостью. Как кадровый солдат, Алексей Медведев сделал шаг вперед и крикнул немцам:

— Принимаем отказ к сведению! Сделаем свои выводы, — и поправился: — выводы.

Несколько пуль попало в его гармошку. Алешка обернулся:

— А инструмент зачем же портить?

Среди делегатов упал один, потом другой. Их подняли. Орел и Соломон Боев, не меняя шага, понесли к своим окопам первого убитого, а Алексей и Ермолай второго. И мертвецы повисли на мерно шагающих товарищах своих.

Делегаты сошли вниз, в окопы. Трупы были положены. Люди сняли шапки. Еще повизгивали и щелкали немецкие пули. Полковник стоял молча, и только усмешка бродила в одном углу рта. Фельдфебель бросил делегатам:

— Ну, пролетарии всех стран, соединились?

Полковник улыбнулся и тут же спрятал улыбку и сказал Орлу дружески и прочувствованно:

— Да, идеалы и жизнь — вещи разные.

Орел стоял над трупами молча, скрестив опущенные руки, как на молитве, полный глубокой скорби. Он не отрывался от лиц убитых товарищей. Над трупами стояли и офицеры. Полковник сокрушенно качал головой. Это была молчаливая солдатская панихида. Снег падал на лица убитых. К окопам стали подходить люди, их было все больше. Кто-то крикнул:

— Чего ж, Орел, наделал?

Ермолай ответил:

— Виновны, немцев озлили, напутали, людей убили...

Иван Чортomлык закричал:

— Власть вам дали, а вы управиться не можете?

Загудели голоса:

— Месяца идут, зима идет, а все одно — сидим тут, как на каторге...

Боер бросил кричавшему:

— Слушайте вы, вы когда-нибудь реально сидели в тюрьме, чего вы так просто сравниваете?

Солдат отпихнул его:

— А иди ты...

Полковник внимательно смотрел на солдат, смотрел на Орла.

Еще громче закричали солдаты:

— Ждали-пождали и вот дождались.— И кто-то показал на убитых.— Эдак будете править, они завтра нас всех перешарахают!

Один из солдат вытащил газету.

— Эвон, газета по совести называется «Правда», про землю пишет, про работу... Может, Ленин мир уже дал, а вы, сволочи, по канцеляриям да штабам скрываете? — И группа окопников навалилась на полковника и на Орла. Их прижимали к грязной окопной стенке.

Иван Чортomлык гремел:

— Поставили новый закон — воля наша... А ты як с народом говоришь, шапку скинь! — И здоровый обзленный солдат одним махом сбил шапки и у Орла и у полковника.

Орел глядел на напиравшую толпу...

— Отойдемте, неудобно, противник услышит,— сказал он.

И шествие направилось под скат холма. Впереди несли двух убитых, за ними без шапок шли полковник, Орел, рядом в спину подталкивали Боера, Алешку, Ермолая и других. Полк на снегу чернел и шумел, как вече, как мирской сход. Огромный здоровый Иван Чортомлык бушевал:

— Доверие было к вам?.. Було!.. Тебя старый режим расстреливал — мы спасли...

Кто-то рядом закричал:

— На нашем горбу вверх-от забрались, а теперь тянете — «да подождем», «да завтра»... А люди истощенные... Водой питаемся...

Усталые, обтрепанные, заросшие солдаты напирали вплотную, дышали тяжело...

— Полком-от на пару завладели, компанию с Соломошкой да пьяницей, да с бородой этой вшивой водите... Поди, деньги казенные берет?..

Толпа лезла угрожающе. Гудело тысячи три человек. Подымалась ярость, внезапная, иногда необъяснимая. Иван Чортомлык ударил по лицу полковника... Полковник кротко улыбнулся. Разъяренный огромный солдат подхватил труп и приблизил мертвое лицо к Орлу:

— Твое дило?.. Кто за чоловика, за сырот его ответит?..

Орел отбросил руку солдата:

— Большевики и Советская власть свое слово держат. Ленин послал мирную делегацию, она в городе Бресте... Не наша вина, если мира нет сразу.

— А кто там затягивает? Наверно, подлец какой. Ермолай подошел к Орлу и обратился ко всем:

— Братья, людей к земле, к хозяйству тянет, измучены мы... Орел, подпиши бумагу — всех по домам...

Боер сказал Орлу:

— Это плохо, люди уйдут.

Орел ответил:

— Удержим. Товарищи, надо подождать исхода переговоров в Бресте!

Полк зашумел:

— Неча годить!

— Сколько лет уже годили!

Орел спокойно повторял бушевавшим людям:

— Товарищи, подождем исхода мирных переговоров.

Ему кричали:

— Декрет о мире был? Был! Давай домой!

Стоял рев.

— Загалдели!..— крикнул Алешка.— На печку хочется? А фронт кто держать будет? Видели — немцев еще учить надо...

— Вот ты и учи! Сходи еще разок — схвати по лбу...

Алешка злобно заорал:

— А, будьте вы все прокляты!

Орел остановил его:

— Товарищ Медведев, Алеша...

Полковник, до этого молчавший, шагнул вперед:

— Позвольте и мне слово сказать... Решим, товарищи, так: желающие пусть уходят... Останется тот, кто понимает... Найдутся такие...

Орел хотел что-то сказать, Чортomлык его перебил:

— Вот так бы и объявляли сразу... А шо я тебе по морде вдарил, полковник, прости... И ты, мабуть, кого за тридцать лет вдарил... Вот и квыты... А нам до дому. Сэмь лет хожу в этой шкуре, как проклятый, живого места ни на теле, ни на душе не осталось... Хочу до жинки, до дитэй, до земли дойти...

Ермолай добавил:

— Верно, Орел... Не держи... Дай нам отпущение... По земле изныли... Облик потеряли... А мы во имя Советской власти поработаем...

Солдаты загудели:

— Пиши, Орел, увольнение... Пушай на землю!

Орел поглядел и крикнул:

— А кто ее защищать будет? Об этом подумали?

Иван Чортomлык бешено взревел:

— А ну тебя к чертовой матери! Гэй, товарищи... кто до дому — ходи сюда; кто остается...

Орел перебил:

— Кто остается — сюда.

Люди смешались... Потом пошел один, другой, десятки...

— По домам!

— До дому!

— Братья, да кто ж останется? Немцы ж пойдут...

— Не пойдут к нам, далеча...

Полк бурлил. Солдаты копошились по мерзлым ямам и землянкам, перебирали свои пожитки.

— Иван, ты куды?..

— Куды народ...

— А куды народ?

— Ня знаю...

Сваливали в кучу патроны, винтовки, пулеметы, пулеметные ленты.

— А если кому надо, пушай берет, чего хочет.

Кто-то просил:

— Гранаток на дорогу можно?

— От герой, драться будешь?

Солдат скромно отвечал:

— Не, мне рыбку глушить...

Ермолай тоже собирался. Он хозяйственно осматривал оставшихся обозных лошадей.

— Добро казенное, значит — наше, делить будем всем поровну, чтоб было братство и равенство.

— Ты чего ж, коней-то осталось какой-нибудь десяток, полтора, что ж, их на три тысячи человек поровну разрежешь?

Ермолай задумался:

— Действительно, поровну оно не выходит... Тогда будем по жребию распределять.

Люди шумели и галдели. Лошадей осматривали жадно, шупали, смотрели зубы. Кони вздрагивали, фыркали. Солдаты тащили из грязной папахи жребии.

— Ну?

Вытащивший читал по складам:

— «Ко-бы... кобы... лу... кобылу на... двоих».

Солдаты весело зашумели:

— Во, подвезло — на двоих, дели ее!..

Кобылу дергали за уздцы. Вытащивший жребий стоял задумчиво:

— Это как же выходит: кобылу на двоих?

Алешка бросил:

— А вы ее ножичком, пополам... И поезжайте — один на передке, другой на задке!

Солдаты стояли, подсмеивались. Ермолай сказал им:

— Эх, головы, а вы вдвоем на нее садитесь... Тебе куда?

— Мы — самарские...

— Вот полегоньку она вас до Волги-то и допрет... Только чем вы ее кормить-то будете?

А Лешка бросил, уходя:

— Эх, хозяйева, глаза завидушие, руки загребушие...

Солдаты тащили деревянные изгороди, колья, тащили все, что можно было. Полковой адъютант подошел к ним.

— Зачем же вы все тащите? Ведь это же нужно будет, это же государственное.

— Теперь все поровну: каждый должен свою долю забрать. Вот домой придем — и там все поделим и позабираем...

Офицер резко повернулся.

Он пришел к полковнику.

— Полковник, что же делается?

Полковник сказал офицеру:

— Делается то, что людей от Орла оторвали. А дальше нужно вот что делать: нужно пойти с ними. Пойдете вы.

— Слушаюсь.

— Ведите их не спеша. С главной дороги сверните... След сбейте... Оружие свалите в обоз... Думаю я, поручик, что скоро начнем мы новую войну.

— Понимаю, господин полковник.

Солдаты стояли, собранные в далекий путь — в глубину России, по губерниям, в снега. Стояли, обвешанные сумками, мешками, некоторые держали коней, у некоторых был запас дровишек, иные неведомо зачем тащили какое-то покалеченное барахло. Соломон Боер смотрел на это сборище.

— Мм, хозяйева! О боже мой, люди...

Орел ответил ему:

— Хорошие, простые люди...

К сборищу вышли полковник Бутурлин, несколько офицеров, Орел и его товарищи. На снежной площадке стал и знаменщик со старым знаменем. От уходящих вышел Ермолай:

— Не поминайте лихом, за обиды еще раз простите... — Он продолжал: — Пойдут вот так вот теперь русские полки, шестьсот, а может, и более пехотных полков, домой...

Орел:

— А кто же останется?

Алешка крикнул:

— А кто это вас и все ваше драгоценное имущество охранять будет?

Люди молчали. Орел сказал:

— Останутся большевики.

Какой-то парень из первого ряда осклабился:

— Га, воявать нады, не навоявался?

Ермолай дал ему по шее.

— Сыми шапку, сопляк, поклонись им, они за нас до конца пострадать хотят, они отчаянные, упорные, а мы того не можем — нутро не то.

Парень снял шапку, поклонился Орлу и другим и сказал:

— Прости, дяденька.

Люди зашевелились, раздались крики:

— Ну, пошли, что ли?..

Полковник чуть дрогнул:

— Даже скомандовать не могут...

А солдаты кричали, уходя:

— Прощай, война! Прощайте, братцы!

— Товарищи, прощайте! Может, не свидимся никогда...

Иван Чортомлык поклонился низко:

— Лыхом не поминайтэ...

Адъютант отдал честь полковнику. Оркестр заиграл за сердце хватающий марш «Тоска по родине». Музыканты шли тоже закутанные, нагруженные, иные с посошками, иные тащили что-то на санках... Уходила опустившаяся армия... Полк брел, как огромное племя при переселении народов. Некоторые ехали верхами... Иные — по двое, на одном коне. Из рядов оборачивались к молчаливой и малой группе, которая осталась у знамени.

— Вы фронт-от держите!

Орел смотрел на уходящих людей с понимающей грустной улыбкой и чуть покачивал головой. Свистел холодный ветер. Марш становился все тише и тише. Полковник стоял, думая свои думы. Иногда исподлобья он косился на Орла. В зимней печали, в беззвучии таяла русская армия, кончалась великая война. У знамени стояли люди, которые оставались, чтобы драться. Осталось не больше роты. Печально пре-

красна была фигура Орла. Выпрямившись, стоял Соломон Боер. Стоял богатырский штабс-капитан; ветер шевелил его ус. Свисал вихор на глаз Алешки Медведева. Стояли и другие товарищи. Соломон Боер сказал:

— Кончается армия.

Полковник ответил, поглядев испытующе на него:

— Она будет вновь.

Орел сказал:

— Знаем, будет вновь.

Прошли дни, стояла угрюмая тишина. Было уже сумеречно, когда к Орлу из штаба подбежал Боер, протянул ему пакет. Орел прочел и как-то поник, подавленный. Подошел полковник:

— Что там у вас?

Орел поднял голову:

— Несчастье, большое несчастье.

— Ну?

— Человек, посланный нами в Брест, изменил.

— Что?

— Отказался выполнить указания правительства...

Он предательски заявил: «Ни мир, ни война» — и все бросил.

Полковник спросил:

— Кто этот человек?

— Троцкий.

Полковник думал свое: «Так, так...»

— Значит, если он так сделал, немцы начнут наступать?..

— Ясно... Троцкий открыл им дорогу... — ответил Боер.

Полковник прикидывал:

— Осталась у нас какая-нибудь рота...

Орел отвечал, готовя винтовку:

— Ну, эти стоят сотен... Деловые... Кажется, видели-их в работе? Готовы ли драться, полковник?

— Да, я давно готовился.

Орел крикнул Соломону:

— Тревогу, Боер! Действуй... Я подыму товарищей в ближних местностях!

Полковник усмехнулся и послал им вслед:

— Я мог бы уничтожить вас здесь, сейчас. Но я

подожду... Я вас поймаю, возьму живьем, поставлю на колени перед людьми.

К нему подошел фельдфебель. Полковник был весь как собранная энергия.

— Ну как, Варварин?

— Ничего, вашсокродь, наблюдаю.

— Прекрасно. К делу готов?

— Так точно, вашсокродь.

— Знаешь, что немцы могут двинуться каждую минуту?

— Никак нет, вашсокродь.

— Скоро все изменится, Варварин, понимаешь?

Фельдфебель подумал и ответил с готовностью

— Догадываюсь, вашсокродь.

— Скоро поздравлю офицером.

— Покорнейше благодарю, вашсокродь.

— Ну, у меня будут свои дела, а ты займешься этими...

Полковник сделал крутой жест.

— Слушаю, вашсокродь.

— В затылок!

— Понимаю, вашсокродь.

— Иди.

Темнело. Места у бойниц передовой линии занимали большевики. С ними был оставшийся командир первого батальона — богатырский штабс-капитан Головачев. Соломон Боер устанавливал пулемет. Рядом лежал фельдфебель. Соломон бурчал:

— Вот новая забота...

Фельдфебель ответил:

— Забот хватит.

Люди всматривались в вечернюю мглу. Алешка заметил:

— Не идут чего-то, местные-то... На бал шли, а тут нет...

Одинок бродил полковник. Он вышел из окопов в поле. Лежал сырой снег. Чернела кое-где земля. Полковник поглядел на землю, глухо спросил:

— Ну ты скажи, русская земля, как же быть? Ответь... Все сдвинулось, смешалось... Помощи-то я должен же ждать откуда-нибудь?.. Скажи... Молчишь? Молчишь, сволочь?.. И небеса молчат... Пусть. Ладно.

Рассветало. Был тяжелый пронизывающий февральский туман. В тумане возникли какие-то темные пятна, они приближались беззвучно. Стали вырисовываться тяжелые, медленно и осторожно ступающие фигуры. Это шла немецкая цепь. Начиналось наступление германской армии на РСФСР. Цепи подходили выжидательно. В цепи на одном из флангов, как проводник, шел полковник. Он делал только знаки рукой: «Тише!» Он вытянул шею вперед, глаза его были прищурены, и нижняя челюсть чуть выдавалась вперед. Раздался русский возглас:

— Стой! Кто идет?

Немцы залегли в снегу. Полковник им сделал знак — «сейчас, сейчас» — и двинулся вперед. Следя за каждым его движением, наготове, шел следом немец. Полковник ответил на оклик:

— Свои, свои.

Он из тумана подходил к дозорному. Тот протянул спокойно:

— А-а-а.

Полковник подошел к нему, вырвал винтовку, двумя ударами штыка свалил дозорного и пригвоздил его. Вглядываясь в туман, на всякий случай он еще зажал ему рот рукой. Рядом стоял немецкий офицер, высокий, в шинели с меховым воротником, в тяжелом стальном шлеме. Немец сказал коротко:

— So! — и тут же спросил: — Und andere? ¹

Полковник ответил:

— Ja, ja... ² Теперь мы пройдем, настигнем их иотрежем... А тут правее остался какой-нибудь взвод, полурота. — И он пренебрежительно махнул рукой.

Немец коротко ответил:

— Он будет плен.

И немецкая цепь со своим проводником тихо, крадучись, проходила сквозь проволочные заграждения и покинутые окопы. В них валялись только какие-то обрывки — все, что оставалось от полка.

Почти скрытые этим же туманом, навстречу, в стороне подходили к остаткам полка местные большевики. Их вел Орел. Он торопил:

¹ Так! А другие? (нем.).

² Да, да... (нем.)

— Скорей, еще скорей!

Полузасыпанное снегом, стояло брошенное орудие с зарядным ящиком... Орел спросил:

— Кто может, кто умеет?

Никто не ответил. Орудие стояло бесполезно. Орел торопил. Люди бежали долго, они вспотели и тяжело дышали. У некоторых были берданки, у некоторых — трехлинейки.

Орел подвел товарищей к окопам. Он спросил Боера:

— Пока тихо?..

— Без перемен.

Орел показал на подкрепление:

— Вот помощь.

Соломон Боер прищурился и негромко сказал:

— Но это не армия, нет.

— Илюхин еще приведет.

Фельдфебель насмешливо смотрел на пришедших:

— Пролетария? А с какого конца винтовка стреляет, знают?

Орел оборвал:

— Довольно. Подойти ближе. Передаю обращение Совета Народных Комиссаров... Подойдите поближе... «Социалистическое отечество в опасности!.. Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови...»¹.

Штабс-капитан спросил:

— Так и сказано?

— Так и сказано.

— Кем?

— Советом Народных Комиссаров.

Штабс-капитан кинул:

— Твердо сказано... Молодцы большевики...

Орел продолжал:

— «Неприятельские агенты... германские шпионы расстреливаются на месте...»

Фельдфебель заторопился:

— Понятно.

Орел продолжал:

— Дано двадцать первого февраля тысяча девять-

¹ Далее приводятся выдержки из декрета Совета Народных Комиссаров, написанного В. И. Лениным 21 февраля 1918 года.

сот восемнадцатого сего года... Я догоняю полк и поворачиваю его...

Штабс-капитан сказал:

— Правильно.

Подошел Алешка:

— Продолжаю иностранную деятельность.

И Алешка развернул перед товарищами неуклюжую надпись на обрывке тряпки:

«Чего вы лезете? Все равно попадет по роже...»

Алешка добавил:

— Ужо туман порассеется, пушай полупочтенные прочтут...

И он укрепил надпись у окопного бруствера. В эту минуту прокатилась команда штабс-капитана:

— По места-ам!

Штабс-капитан подошел к знамени. Огромный, бородатый знаменщик стоял в окопе спокойно, выжидательно. Штабс-капитан сказал:

— Поступим, дорогой Иван Тимофеевич, по уставу и по старым заветам... Спрячем, сбережем знамя... С древка придется снять его...

Знаменщик сказал:

— Дозвольте, святыню на груди схороню...

— Позволь мне, Иван Тимофеевич. И отец мой и дед мой под этим знаменем служили.

И воины молча срезали знамя с древка. Старый знаменщик поцеловал ветхую материю. Штабс-капитан спрятал ее у себя на груди.

Стрелки залегли. Было совсем светло, и туман стал спадать. Он оседал еще по низинам. И там, в этих низинах, показались немцы. Алешка крикнул:

— Гости едут!

Соломон Боер приготовил пулемет и ответил:

— А кто их звал? Мы? Нет...

Орел пробежал по цепи:

— Держитесь. Полк верну... Все выполните?

Фельдфебель жестко ответил:

— Как нам велено, так все и выполним.

Туман совсем проходил. Немцы молча шли из низины. Залегшая русская цепь открыла огонь.

Немцы шли, ступая через своих убитых и раненых. Алешка подлетел к Соломону Боеру. Волоча за собой пулеметные ящики, Алешка кричал ему в ухо, перекрывая стрельбу:

— Задерживай их!.. Тут недалече, оказывается, орудие есть... Начну шарахаться...

Соломон понял. Одной рукой он нажимал на спусковую тягу, другую руку подал Алешке. На секунду в глазах мелькнула нечеловеческая тоска. Товарищи простились. Фельдфебель кинул вслед Алешке:

— Врет, утекает.

Соломон Боер уже вел огонь левой рукой, а правой швырял ручные гранаты. Фельдфебель кинулся на него сзади:

— Н-на!

Боер на секунду отпустил рукоять у пулемета. Огонь затих. Боер сжался и перекинул фельдфебеля через голову. Тот упал, ударившись у самого дула пулемета. Боер спросил:

— «Расстреливаются на месте» — слышал? — И он прошил предателя насквозь в упор: брызнуло десять сернистых вспышек. — Совещание продолжается.

Он работал молча и вдохновенно... Он изредка только бросал отдельные реплики:

— Нет, я думаю, что они с этого дела не заработают...

Соломон Боер и его пулемет были окутаны дымом и паром. Немцы кричали этому человеку-вулкану:

— Hände auf! ¹

Боер отвечал:

— И не приставайте! У меня партийное поручение! — И он с маху и правой и левой еще рванул шагов за полста две-три ручные гранаты.

Боера обходили. Он оглядывался.

— Вот это мне уже не нравится, когда человека начинают окружать.

Он поставил, под углом, второй пулемет, навел и нажал спуски обоих пулеметов сразу. Немцы приближались. Он отдал болт, сорвал пулемет со станины, выпрямился во весь свой рост и начал поливать подходивших с руки, вкруговую. Тело пулемета билось на могучей руке Соломона Боера. Он был без шапки. Ему делалось жарко — он сбросил с себя лишнее.

— Какая жара! Это же Одесса в июле!

И он стрелял, лихорадочно заправляя ленты. Немцы еще что-то кричали, некоторые из-за бугорков и

¹ Руки вверх! (нем.)

прикрытий глядели на человека, который отбивался один от целой роты, от подходившего батальона... Шипя, упала немецкая ручная граната с длинной деревянной ручкой. Боец швырнул ее обратно.

— Полезная вещичка, а? — Заправил новую ленту и крикнул: — Перехожу в наступление!.. — И он рванулся вперед с криком: — Вот теперь вы поговорите с евреями!

Он был весь мокр. Лицо, шея и грудь сверкали от пота. Черные волосы его вились. Пулемет дрожал в его руках, как живое взбешенное существо. Несколько пуль пронзили бойца. Он упал. Пулемет затих. Боец подполз к нему, стал на колени и снова стал стрелять. Еще одна пуля опрокинула его. Пулемет снова умолк. Соломон Боец дотянулся рукой до спуска, нажал его, и пулемет снова заработал. Боец собрал все силы...

— Еще ленту! — Он шептал, шарил вокруг. Текла кровь. Все патроны были расстреляны. Он подтянул к себе тело пулемета, вытащил замок, потом вынул части из второго пулемета и прошептал:

— Но вы из них стрелять не будете, это говорю вам я.

Где-то близко кричали:

— Hände auf! Kaput! ¹ Сдавайся!

Соломон Боец слабо и насмешливо улыбнулся:

— Этого не будет...

Он вынул ручную гранату, посмотрел на приближающихся. Слабо щелкнул капсюль, граната зашипела, Соломон Боец притиснул к себе тело пулемета. В глазах бойца показались слезы — человек шагнул уже за пределы простого земного. Взрыв сотряс все. Едкий дым стлался по земле. Стало совсем тихо. Из-за выступов окопов стали подходить немецкие пехотинцы... Они остановились в трех-четырех шагах от места взрыва, от того, что там осталось. Первый немец — голубоглазый парень — смотрел испуганно и задумчиво... Он снял свой шлем.

Орел летел по дороге, догоняя полк. Конь Орла был мокр. Орел спросил одного встречного:

— Солдаты проходили? Полк?..

¹ Руки вверх! Капут! (нем.)

Путник покачал головой и ответил:

— Не видал.

— Другая дорога тут есть?

— Есть...

И Орел гнал полями, напрямик... Куда ушли?

Алешка пытался вывезти единственное оставшееся орудие. Под огнем он, штабс-капитан, знаменщик и остальные стрелки завели построшки, впряглись в орудие сами и начали вытаскивать его по снегу и грязи. Товарищи волокли зарядный ящик, несли снаряды в руках, в полах своих жидких пальто и шинелей.

— С передков долой!

Останавливались, оборачивались, ошетикивались и били по подходившим немцам. Вихор свисал над Алешкиным глазом. Фейерверкер был распален, он наводил и орал:

— Дистанции в упор! Прицелы к чертям!.. Картечь!.. (Лязгал замок.) Огонь!

Картечный шквал опалял и сметал первую цепь немцев. Горячий воздух вздымал воду, ветви, снег и грязь. Орудийные номера работали, как звери...

Алешка сам себе кричал:

— Спасибо за службу, Алеша!.. Ладно уж...

Замочным был богатырский штабс-капитан. Гильзы дымились и звенели, пули щелкали о щит орудия.

Алешка кричал:

— Так! Держись, товарищи!..

Штабс-капитан спросил:

— Орла там не видно?..

— Нету!

Люди стреляли из всего, что у них было. Подноски подавали патроны. Падали сраженные. Подскакивали другие. Орудие прыгало и рывало.

— На новую позицию!

И люди, сбрасывая с себя лишнее, волокли, с силой коней, орудие и зарядный ящик. Товарищи налегали на ляжки, на построшки, как бурлаки,— они лезли по снегу, по дорогам, по грязи. Алешка оборачивался в сторону немцев:

— Давай, вайяй!.. Прикуривай, пока огонь!..

И орудие, как будто ставшее легким в руках

разъяренных людей, с ходу развернулось и стало на новую позицию...

— Н-на! — И сверкал выстрел.

Людей оставалось уже немного.

Алешка орал:

— Подавай!

Снаряды кончались.

— Последний!..

Алешка снял замок с орудия.

— Все одно не сдадимся...

Орел с маху слетел с коня. Конь споткнулся, тяжело рухнул и не мог уже встать. Орел попробовал его поднять, увидел, что это безнадежно, понял, что надо идти назад, искать на другой дороге. Он повернулся и пошел. «Где они, завели их куда-нибудь?»

Полк со своим скарбом проходил сквозь деревню. В голове полка шли полковой адъютант и Иван Чортомлык. Рядом с ними шагал Ермолай. Оружие полка было свалено в обозе. Какой-то гармонист тихо играл марш «Тоска по родине». Вдали слышались оружейные выстрелы. Ермолай насторожился:

— Стреляют?

Адъютант спокойно, безразлично ответил:

— Спьяна кто-нибудь.

Солдаты вдруг стали вглядываться в даль.

— Стой, чего это?

Остановились... Показалась цепь. По широкой дороге, охватывая их, приближался противник. Впереди шли полковник и несколько немцев.

Ермолай шепнул, охнув:

— Попали, кум...

Ряды полка расстроились. Иван Чортомлык дал команду:

— В ружье!

— Назад!

Адъютант стоял у подвод с наганом в руке. Солдаты сгруппировались, смотрели на приближавшихся. Подошел полковник. Он едва сдерживал злобу. Он видел людей, которые били его по лицу. Адъютант доложил:

— Господин полковник, полк в ваше распоряжение прибыл.

Полковник так посмотрел на Ивана Чортомлыка, что тот съежился, взял под козырек, пряча бегавшие глаза. Полковник крикнул привычно:

— Что за стадо? Построиться! Забыли?

Жители деревни из-за углов смотрели на то, что происходит. Немецкая цепь стояла невдалеке. Немцы стояли властные, молчаливые, опершись на винтовки. У их ног стояли четырехлапые тяжелые пулеметы. Солдаты, озираясь, перешептываясь, подравнялись. Полковник обратился к ним:

— Ну? Может, возьметесь за ум?..

В поле, без дорог, брели уцелевшие товарищи: Алешка, знаменщик, несколько солдат. С ними шел и штабс-капитан.

— До живых людей дойдем, все одно продолжать будем... Чем попало драться буду... Мне бы патронов! — кричал Алешка.

В поле они увидели Орла. Он брел, выбиваясь из сил. Алешка закричал:

— Полк где? Нам бы люду малость, так мы ба... Орел шагал.

— Завели их, догоним, повернем. Илюхин не подходил?

— Нету.

Они шли, бежали. И вот они увидели вдали остановившийся полк и чужие цепи...

— Отрезали!

Орел упрямо ответил:

— Пошли к ним, выручать надо. Эх, кум, Чортомлык!

Полк стоял угрюмо. Чортомлык и Ермолай издали увидели Орла и опустили головы. К полковнику подошел немецкий офицер и сказал ему несколько слов. Полковник заторопился. Он посмотрел на строй.

— Кто будет служить?

Полк молчал.

— Ну?.. Желающие получают по двадцать пять рублей и сапоги.

Сквозь ряды пробился подошедший Алешка и кинул:

— Набавить надо!

Полковник крикнул:

— Ну, тридцать рублей!

Алешка бросил:

— Вот дурак, ваше благородие... Тебя разыгрывают... Тридцать рублей — по себе меряешь?.. Тебе чем дали, мелкими?

Немец спросил, о чем говорит солдат:

— Was meint er? Что говорил?

Полковник не ответил. Немецкая цепь подошла чуть ближе. Полковник заорал:

— Обращаюсь к старослужащим! Пусть говорят.

Орел шагнул... Ободранный и окровавленный штабс-капитан остановил его, вышел вперед и сказал:

— Вы подлец, Бутурлин.

Полковник еще раз крикнул:

— Так не идете?

Ермолай ответил:

— Нам домой.

Дышать становилось все труднее. Тревога росла в людях. Обезоруженным солдатам стали бросать лопаты. Немцы покрикивали и поторапливали. Ермолай сокрушенно сказал:

— Во, на работы попали.

Людей вывели к окраине села. Немецкие офицеры и унтер-офицеры коротко разметили, где рыть, и знаками показали: «Копайте». Люди брались за лопаты, поплевав на ладони. Ивану Чортомлыку, который копал, подошедший Алешка кинул:

— Что, кумэ, накомандовал?..

Солдат только подавленно поник головой.

Рыли быстро, сильно. Большая канава — окоп — все углублялась. Люди утирали пот. Ермолай, увидев пришедших, заговорил:

— Ну, урок-от сделали, теперь чего ж будет, а? Орел?

Орел молчал.

— Чего молчишь? — спросил Ермолай тревожно.

Люди, кончив работу, стали огромным длинным рядом. Расстилались голые поля. Несколько деревьев стояло невдалеке. Было как-то трудно, и люди чувствовали это. К людям подошел полковник. Посмотрел на Орла:

— Становись на колени!

Некоторые солдаты испуганно переглянулись.

— Запевай себе отходную...

Лица у людей исказились, кто-то ахнул, несколько человек с испугу встали на колени и стали креститься. Становилось холодно. Дрожь и озноб пробирали людей. Полковник кричал:

— На колени!

Кто-то запел дрожащим голосом отходную, кто-то зарыдал. Тогда над полком загремел голос Орла:

— Встать!

Полковник:

— На колени!

Орел:

— Встать!

Полк вставал. Многие схватывали друг друга за руки, лица побледнели. В строю были и раненые. Алешка стоял рядом с Орлом и Ермолаем. Вытянувшись, стояли штабс-капитан и знаменщик. Орел кричал:

— Не покоряться!..

Алешка подхватил:

— Эх, и пропадать, так с треском!

В ту же секунду Орел крикнул:

— Бей подлецов!..

Солдаты хватали лопаты, камни, найденные в земле, иные с ног срывали сапоги, чтоб драться коваными каблуками; барабанщик с испугу забил поход, и полк кинулся вперед. В ту же секунду немецкие офицеры скомандовали своим людям:

— Feuer! ¹

У одного пулемета сидел немец — тот голубоглазый, который видел бой, видел оборону Соломона Боера. Он смотрел на русских пристально. Офицер двумя пальцами ударил его по плечу:

— Feuer, du! ²

Солдат закрыл глаза и нажал спуск. Пулеметы били в людскую безоружную массу. Ермолай в испуге и отчаянии закричал:

— Товарищ Ленин... Родимой!.. Прости!..

Пулеметы продолжали бить в людскую массу. Люди падали, вставали, ползли, закрывались руками,

¹ Огонь! (нем.)

² Огонь, ты! (нем.)

швыряли в противника лопаты, камни, все, что было можно. Иные зажмуривались, иные крестились. Орел стоял, к нему тесно прижался Алешка. К ним еще в последнюю минуту тянулись другие. Многие падали в вырытую яму. Упал штабс-капитан, унося на груди старое знамя. Пулеметы все били. Орел запел, глянув на Алешку: «Вставай, проклятьем заклейменный!» Песнь вспыхнула, взвилась, но ее быстро стали ссекать пулеметы. Люди еще шевелились в яме. На коленях полз какой-то раненый, он протягивал из ямы руки:

— Братцы, братцы, за что?..

Стрельба стихала. К яме подошли полковник и немцы. Полковник увидел раненого с протянутыми руками и сказал ему:

— На, на... землю! — и стал лопатой забрасывать шевелящихся.

— Да что же ты делаешь?! — Орел хотел вырвать у него лопату. Орла столкнули живым и тоже стали забрасывать землей. Раскинувшись, лежал убитый Алешка. Подняв лицо и глядя вверх, лежал опрокинутый Орел. Полковник посмотрел на него. Комья земли засыпали еще шевелившихся людей. Орел закрыл, потом раскрыл глаза. Земля засыпала его почти всего... Он глядел на полковника. Сбросили еще земли — засыпали и его лицо... Поднялась рука Орла, пошевелились пальцы, сжались в кулак, и рука сделала несколько судорожных, неукротимых, страшных движений.

Было совсем тихо. Валялся скарб погибшего полка...

Немцы двинулись дальше. Впереди шел грузный немецкий офицер в шинели с меховым воротником. Все исчезало перед пришельцами. Полковник шел сзади, стараясь поспеть и указать путь:

— Извольте прямо, прямо.

Им попался навстречу древний севастополец-ветеран. Он стоял, опираясь на палку, и смотрел на проходивших. На старике был ветхий полушубок, его украшали потемневшие военный орден и несколько медалей. Немецкий офицер на минуту остановился и спросил:

— Wie weit ligt Petersburg? ¹

¹ Как далеко находится Петербург? (нем.)

Полковник бросил старику:

— Спрашивает — сколько верст до Петрограда?

Старик смотрел спокойно, невозмутимо. Он ответил:

— А сходите, смеряйте.

Немец повернул голову, спросил:

— Was? ¹

Полковник молчал. Старик сказал ему:

— А ты, сынок, видно, русской? Заведи-ка их в болото... заведи.

Полковник дернулся, посмотрел на старика и отошел прочь.

Крестьяне, озираясь, стали вылезать из изб и погребов. Они начали лихорадочно раскапывать едва заброшенную братскую могилу. Каркали вороны. Псы принюхивались к мертвым. Крестьяне и беженцы отогнали псов. Стали сбегаться дети. Они смотрели на непонятные дела взрослых. Крестьяне и беженцы рыли чем попало, молча вытаскивая тела, щупая их и осматривая.

— Есть живые!

Из могилы сквозь пласт земли, которая шуршала и осыпалась, поднимался человек. Некоторые пятились. Это поднялся Орел. Он был бел, как мертвец. Его подхватили под руки... Девушка что-то говорила Орлу. Он склонился и опустился на землю. Рядом лежали мертвые тела. Старый еврей, не отрываясь, смотрел на мертвого Алешку. Он узнал солдата. Лицо смельчака было прекрасно. Великое спокойствие было на нем. Слезы катились по лицу старика... Кто-то стонал. Перевязывали Чортомлыка. Раненых поили. Орел опять открыл глаза. Он увидел склонившееся над ним лицо девушки, как в тумане, сквозь хаос... Орла и еще нескольких товарищей подняли и повели, поддерживая, среди мертвых тел. Девушка говорила:

— Товарищ... Это мы... я...

Орел отстранил ее.

— Противник где?

Крестьянин ответил:

— погоди ты, батюшка. Эх тебя придавило...

¹ Что? (нем.).

— Отойдет, здоровый...

Сходились мужики и бабы. Смотрели на оставшихся в живых и на убитых.

— Этак-то всех позакопают...

Крестьянин, ведший Орла, оглядел толпу и крикнул:

— А ну, зови на сход!

Орел как-то встрепенулся:

— Зовите, зовите!

Орел собирал все силы. Он спросил:

— Кого ж собрать можно?.. Участники пятого года есть?

— Есть кое-кто.

— Бывшие ссыльные есть?

— Илюхин вот, так он уже за городскими подался...

— Значит, людей мало?

— Ужо посмотрим, батюшка... Эй, давай, давай, мужики-и!

Крестьяне сбегались. При мертвых старались быть тише. Искрился снег на солнце. Сход начался.

— Так чего ж, домохозяева? В разор пойдем, што ли? Землю только получили и отдай? Немец эвон как глушит!..

— Немцу мир, а он с ножом!

— Чего ж делать-то?

— Одно остается... Мобилизовать возраста с семнадцати до сорока пяти!

— Эй, ты, а кому сорок шесть, так уж и калекка? — И, расталкивая всех, вышел бородач.

— А кому сорок семь? — И здоровая баба отпихнула мужика...

Сход засмеялся.

— Ай, Агафья!

Орел, не отрываясь, глядел на крестьян. Баба крикнула:

— Без начальника-то куда мы? Кто может?

Молчали.

Крестьянин, поддерживавший Орла, спросил:

— Солдат, командовать сможешь?

Орел ответил:

— Смогу.

Тот же крестьянин крикнул:

— Сымай шапки!..— И начал: — Мы всем народом... заверяем единодушно... в том, что стоять нам за истинную правду, за родную землю, за свои души и головы... за Советскую власть и товарища Ленина, стоять сын за отца, брат за брата, русский за инородца... инородец за русского и умирать заодно...

Люди повторяли... На снегу недвижно лежали убитые.

Народ подходил с винтовками, с дробовиками. с какими-то старыми самопалами. У иных были топоры, у иных косы или вилы.

Крестьянин крикнул:

— Ванька!

— Я, тятя,— и парнишка лет пятнадцати подскочил к отцу.

— Гони по соседним деревням!.. Говори — поднимаемся...

В деревнях ударили в набат. Начинали бить в одной деревне, подхватывали далеко в другой, в третьей. Ванька погнался. Звон перекачивался повсюду. Люди, ведомые Орлом, спешили.

— Остановим, солдат, немца?

— Была б охота.

— А городские, питерские, подмогу дадут?

— За ними послано...

Люди спешили. На этой земле они знали каждую пядь ее и каждую травиночку. Народ этот жил на этой земле тысячи лет. Его тяжело и обидно оскорбили, его затронули... И народ начинал подниматься. Люди шли молча. Им встретился ветеран-севастополец. Он коротко сказал людям:

— Туда пошли,— и ткнул палкой в сторону, куда двигались немцы.

Иван Чортотмык, шедший рядом с Орлом, спросил тяжело:

— Полковника, дед, не видел?

— Там.

Орел и Иван Чортотмык обменялись взглядами. Крестьяне прибавили шагу. Шли ложбинами, кустарником. Преграждая немцам дорогу, крестьяне ближнего села открыли плотину. Холодная весенняя вода затопляла дорогу и поля. Немцы метнулись в сторону. Вода их настигала... Она поднималась все выше.

Немцы задерживались упорно... Они спешили выйти к незалитым местам. Тут их настиг Орел. На немцев ударили внезапно, с тыла. Немцы успели повернуть пулемет — он забил, заклокотал. Орел распорядился:

— Чортмлык, примешь влево, заляжешь с людьми и шуми «ура», лежа... А я его с другой стороны ахну...

Чортмлык повел отряд.

— Эй, давай влево... пригинайся!..

Крестьяне залегали в цепь. Орел пробирался кустами... Пулеметчик был уже виден. Голубоглазый немец строчил. Послышалось «ура» — он повернул пулемет... Орел прыгнул.

— Не в ту сторону бьешь, камрад! — И рванул немца страшным рывком. Пулемет развернулся на снегу. Орел наложил кузнецкие свои лапы на руки немца и нажал на гашетки:

— Бей в эту сторону...

Атакующая крестьянская цепь ринулась вперед. Немцы отбивались с невероятным упорством. Их теснили. И тогда иные из них подняли руки. Наши схватили нескольких пленных, сгребли пулеметчика. Злоба и удар крестьян были стремительны. Надо было на ком-то сорвать гнев поднявшейся страны. Пальцы бойцов впились в ворота пленных. Отлетели пуговицы, затрещало и лопнуло мокрое сукно. Почти оголенные, на холоде, дрожа стояли пленные немцы. Кто-то кричал:

— Руби их!

Топоры взлетели вверх. Орел заслонил пленных от толпы:

— Пленных щадить.

Кто-то еще закричал:

— А с нашими что делали?

Орел ответил:

— Это пленные, подневольные... Что с них, темных европейцев, взять?

Пленные стояли, ничего не понимая. Впереди стоял голубоглазый немецкий пулеметчик, который видел год назад атаку русских, видел и расстрел делегации, и гибель еврея, и гибель полка. Он смотрел на русских, потрясенный и смятенный. Орел попра-

вил на пленных одежду, похлопал их по плечам:
«Эх, камрады!..»

Иван Чортомлык допытывался у пленных:

— Полковника, русского, видели? — И он пытался жестами объяснить про полковника.

Голубоглазый немец растерянно и виновато улыбался.

— Ich verstehe nicht... ¹

К Орлу подбежал какой-то парнишка.

— Эвон опять немцы идут... Во жмут!

Орел посмотрел на парнишку, усмехнулся:

— На то и враг, чтоб жать... А мы держаться будем. Повтори, малец!

— Держаться будем...

— Ты чей?

— Тяткин.

— А тятка где?

— Тута воюет. — Парнишка показал на отца.

Стало слышно приближающееся немецкое «ура». Орел хлопнул паренька по плечу:

— Ложись, малец... — И подал команду: — Стрелять не торопясь, пленных в тыл...

Крестьяне лежали в цепи. Отец обучал сына, как заряжать винтовку.

— Эвон раз — открыл затвор, обойму разом утопил — два... вот так... затвор послал — три, прицелился не торопясь... Эвон вон бежит... — Отец прицелился и шагов за четыреста снял немца. — Понятно?

— Понятно, тятя...

— Да ты не торопись, ну...

Немцы наступали все упорнее. Крестьяне лежали, отстреливаясь и не отходя ни на шаг. Только временами было слышно: «Держись, мужики!» Немцы шли остервенело. Цепь держалась едва-едва...

Ложиной, проваливаясь в снег, укрыто подходил к месту боя Илюхин. Он вел новую часть, подоспевшую из города. Пришли отчаянные петроградцы.

— Кто начальник боевого участка?

Подошел Орел:

— Илюхин, здравствуй.

— Держитесь?

— Вашими молитвами.

¹ Я не понимаю... (нем.)

Орел усмехнулся. Один молодой командир затопил:

— Ну, мы сейчас двинем.

Орел посмотрел и сказал:

— Никуда вы не двинете, а будете в моем резерве.

— Ты тише. Нас послал...

— Вот он вас и посылал дело делать... Товарищ Илюхин, план есть...

И Орел крикнул Чортотмыку:

— Пускай наши помалу отступают, якобы не могут, понятно?

— Понятно.

— И пускай на нас, на нас навлекают. Понятно?

И Орел, усмехнувшись, обернулся к молодому командиру:

— А теперь приготовимся.

Крестьянская цепь отходила медленно, грызаясь. Чортотмык командовал:

— Не торопясь, дядьки, не торопясь...

Какой-то озорной парень кричал:

— Ух, немцы, ух, боюсь! Ух, страхи!..— и стрелял весело, не торопясь.

Немцы поднялись еще раз...

Резерв стоял, скрытый лесом. Немцы обрушили огневой вал. Кто-то охнул, раненый. Орел зашипел:

— Стоянки не выдавать. Мри молча...

Снаряды кромсали людей. Люди умирали на месте без стога... Раненых закрывали с головой, в снег... Шквал прошел. Стало еще сильнее слышно немецкое «ура». Люди требовали от Орла:

— Товарищ, пора!

Орел ответил:

— Тихо...

Люди стояли наготове, трясаясь от возбуждения. Один из петроградцев еще раз сдавленно захрипел Орлу:

— Товарищ, пора!

Ответил Илюхин:

— Когда придет пора, будет подана команда... А нервных — к фельдшеру.

Клич немцев нарастал. Мимо резерва стали про-

бегать крестьяне. С ними шел и озорной парень. Он подмигнул Орлу:

— Стараемся!..

И в нужный момент, внезапно и стремительно ударяя противника во фланг, кинулись петроградцы — коммунистическая пехота. Она атаковала молча. Железо блистало. Немцы были опрокинуты. Их гнали к селению, они пытались задержаться в канавах, у заборов. Петроградцы перемахивали через канавы. Целыми отделениями и взводами опрокидывали заборы и сшибали ворота. Кипело все селение. Люди выбивали оттуда немцев. Женщины выплескивали на них кипяток. Псы срывались с цепей и кидались на преследуемых. Стоял грохот и дым. Петроградцы ползли по крышам, швыряя гранаты. Немцы подожгли селение. Они думали укрыться за дымом и огнем. Кто-то закричал:

— За огнем уйти хотят!

Орел крикнул:

— Не уйдут! За мной!

За Орлом ринулись добровольцы. На бегу Иван Чортомлык кричал Орлу:

— Полковника не видел?

Орел отрицательно мотнул головой. Селение пылало. Черный дым стлался по снежной земле. В пламени отстреливались последние немецкие пулеметчики. Горели их шинели, волосы, лопалась кожа, они еще продолжали стрелять.

Покрывая грохот, Иван Чортомлык вдруг страшно закричал:

— Полковник!.. Бэрыть его!..

Кто-то вскинул винтовку. Иван Чортомлык отбросил его:

— Та шо ты! Живьем заберэм!

Полковник отстреливался мрачно и спокойно. Его окружали со всех сторон. Он свалил несколько человек. Рядом с ним еще держались два немца. Их оглушили. Полковник был взят. Перестрелка кипела, но люди собирались, не обращая ни на что внимания. Стояли пленные. Среди них был седой, небритый всклокоченный, усталый и похудевший полковник. С него сорвали погоны. Полковник молчал. Крестьянин сказал:

— Русскую-то формуними, негоже тебе.

Полковник стал раздеваться. Он стоял уже без шапки, рубаха была расстегнута на груди. Крестьянин сказал:

— И крест-от сыми...

Полковник отдал нательный крест.

Орел обвел людей взглядом:

— Ну, что ж, говорить не о чем, пускай сам говорит.

Полковник поглядел на людей, на бойцов-большевиков, на крестьянское ополчение.

— Нечего мне вам говорить.

— А ты все-таки скажи, кто ж ты под конец получаешься?

Полковник помолчал, потом сказал:

— Повторять вам? Нечего мне вам говорить.

Орел спросил у людей:

— Кто желает что-либо сказать?

Люди молчали.

Иван Чортомлык сказал:

— Тогда от невинно погибшего полка прошу у мира — разрешите мне совершить справедливость...

Крестьяне и бойцы переглянулись. Один из старейших крестьян ответил:

— Дозволяем, иди.

Иван Чортомлык сказал изменнику:

— Пойдем, пожалуйста.

И солдат пошел с изменником в сторону. Солдат на ходу вязал петлю и говорил:

— Был полк, и будут полки... И народ был и будэ вечно, а вас уберем...

Подходили все новые и новые части. Пленные немцы стояли на обочине. Мимо них шла людская лавина необозримой, подымающейся России. Русские бросали на ходу немцам: «Жарко? А?» Конвойные спрашивали идущие части: «Откель?» — «Новгородские...» Наши давали немцам закуривать: «Не бойсь, камрад!.. Валяй, крути, махорка называется. Вас ист дас махорка, а?» Пленные немецкие солдаты брали табак, закуривали. Пленный немецкий офицер что-то коротко вполголоса сказал своим солдатам. Голубоглазый пулеметчик крикнул на добром берлинском диалекте:

— Убирайся к чертям! Что вы нам о них ввали!

Это же хорошие парни! — и ударил офицера по лицу, сбив с него фуражку.

Новгородцы заорали:

— Давай, паря, крой!..

И группа пленных немцев кинулась вместе с русскими.

Лавина нарастала. Движение ее ускорялось. Еще никогда вооруженные силы страны не двигались с такой стремительностью и быстротой. Идущие кричали:

— Прибавь шаг!.. Немцы за реку уходят!

— Уходят? Это плохо, если уходят, надо, чтобы никто не ушел!

И движение становилось вихревым. Преследовали яростно. Шли сквозь западный, сырой ветер... Впереди всех — отряд Орла... Оттепель размывала поля и дороги. Не обращали внимания ни на какие препятствия. Спускались с берега тысячами. На потемневшей, вздувшейся реке уже начинал ломаться лед.

— Э, уйдут!..

Орел поглядел вдаль на уходившего противника.

— Не уйдут, вперед!

— Куда ты?..

Орел упрямо спускался на лед. За ним пошли другие. И новые полки, рожденные страной в несколько страшных часов и дней, пошли по шипящим и движущимся льдинам. Вода бурлила. Спускались в реку бесстрашно. Россия принимала вызов... «Социалистическое отечество в опасности!» Немецкие пленные, влившиеся в русские ряды, добежали до реки, поглядели одобрительно, кивнули головами и кинулись тоже на лед и в воду.

— Vorwärts, Genossen! ¹

Голубоглазый немец показывал рукой вперед и спрашивал:

— Nach Deutschland?² На Германия?

— Давай, давай камрад!

И шла тяжелым шагом своим русская пехота, в крови и истории своей хранившая битвы и победы на Неве и Чудском озере, победы Куликова поля, битвы в Ливонии, на Волге и на Днестре, битвы Урала и Сибири; пехота, хранившая победы Москвы

¹ Вперед, товарищи! (нем.)

² В Германию? (нем.)

над панами, победы Петра — Лесную, Гангут и Полтаву, суворовский Измаил и Треббию; пехота, дважды бравшая Берлин, знавшая Бородино и Севастополь... Шла пехота народа, который веками мятежно гремел, добывая себе и другим свободу и не отрекаясь от нее ни на плахе, ни на костре. Шли праправнуки Степана Разина и Пугачева, шли потомки декабристов, шли братья Коммуны, шли люди, которые в огромной истории своей пережили и поражения, для того чтобы больше их не знать. Шел здоровый народ, народ-страстотерпец, народ-победитель, великий и гениальный.

*Действующая армия, 1917 г.—
Москва, 1937 г.*

**Статъи,
дневники
и речи**

УДАР ПО ВРАГУ

С 25 декабря по 2 января, по приглашению Ленинградского военного округа, мы вместе с Л. Соболевым совершили поездку в части, находящиеся на Карельском перешейке. Поделюсь здесь впечатлениями.

Как только мы приехали в округ, сразу же связались с газетой «На страже Родины». Там работает ряд московских и ленинградских писателей: поэты-орденоносцы Н. Тихонов, А. Твардовский, В. Саянов и др. (в целом Союз советских писателей выделил для ЛВО и Балтфлота уже до сорока писателей и журналистов). Встреча с представителями армии была оживленная, душевная. Нас засыпали вопросами о боевой деятельности Балтфлота, о жизни моряков. Мы рассказали о боевых операциях и походах, стараясь передать товарищам правильное представление о зимней штормовой войне. Мы рассказали им о борьбе линкоров с береговыми батареями и о доблестных лидерах, эсминцах и сторожевиках, которые умеют работать и тогда, когда прямо на мостик хлещет вода и льдины. У нас в народе знают о знаменитом ледовом походе Балтфлота в 1918 году. Ныне Балтфлот не только повторил, но и поднял еще выше традиции этого похода. Мы часами рассказывали своим слушателям,— будь это в редакции, в уцелевшей финской избушке или в окопе, наполненном дымом костра,— об условиях войны на море, о деятельности подводников, морских летчиков, моряков с тральщиков, с вспомогательных судов, с береговых фортов. Мы старались, чтобы перед армейскими нашими товарищами возможно яснее встала бы картина напряженной деятельности флота.

Потом настал черед слушать и нам, морякам. И мы тоже часами слушали о жестокой и упорной зимней лесной войне. Тут каждому полезно вспомнить, что

90 процентов площади Финляндии покрыто лесом. Страна эта насчитывает 1,5 миллиарда деревьев. Товарищи из ЛВО рассказывали нам о том, как хитро и изощренно подготавливали враги Карельский перешеек для нападения на Ленинград. Когда познакомишься сам на месте, то перед тобой разворачивается картина, знакомая старым участникам первой империалистической войны. В таких же земляных гнездах — «лисских норах», блиндажах отсиживались месяцами люди и в русских окопах, и в Вердене, и в австрийских окопах... Такую вот линию в несколько рядов глубоких убежищ, «лисских нор», блиндажей, линию, тянувшуюся на сотни верст, штурмом взяла русская армия летом 1916 года. И чем ближе присматриваешься сам, чем глубже вникаешь в рассказы, документы, показания пленных, тем яснее: у белофиннов на Карельском перешейке умело, руками бывших английских и других окопников 1914—1918 гг. создана система полевых укреплений, усиленная в ряде узловых точек бетоном. Такие укрепления построены людьми, людьми же могут быть разрушены, уничтожены...

И действительно, в пути можно встретить уничтоженные белофинские доты. Это — сооружение, врытое в землю, иногда состоящее из двух-трех отделений.

Применен обыкновенный бетон, в метр-полтора толщиной, металлическая арматура, броня. В таком подземном «гнездышке» сидят несколько пулеметчиков или артиллеристов. Иногда у них есть подземный ход, лазейка, чтобы убежать. Иногда они вынуждены закрыться наглухо. Тщательная разведка, вызов огня, несколько прямых попаданий тяжелыми снарядами — и дот расколот, как орех. Внутри несколько тысяч гильз, пустые консервные банки, трупы... Вот и все.

...Трогаемся от штаба ЛВО, с исторической площади у Зимнего дворца, где некогда в боевом взаимодействии моряки и армейцы сумели славно поработать. Пусть этот навык, эта традиция будут сбережены!

Нева, мосты, день солнечный, морозный. Вспоминаю Биорке, — долбаните его как следует, пока мы ездим под Выборг, товарищи летчики и товарищи коммандоры.

Машины наши идут по Сестрорецкому шоссе. Встречаются бойцы финского Народного корпуса. Прекрасно одеты в зеленые шинели с красными петлицами, теплые шапки. Обмениваемся приветствиями: «Хюве паяве!» — «Здравствуйте!..» По железной дороге эшелоны к фронту... Мелькнул Сестрорецк, река Сестра, мосты, проволока... Бывшая граница. Дальше кругом чувствуются следы боев. Бревенчатые белофинские вышки, проволока, окопы, рвы, завалы... Это «предполье» линии Маннергейма — Кирка... Вспоминаю всякие разговоры, «слухи» о минах. Запомним, что на всякую белую мину есть красный сапер... Для человека нет непреодолимых препятствий. Действие врага рождает немедленное противодействие... Надо ведь помнить, что у нас за армия... Она переваливала Карпаты, Балканы и Альпы зимой... Она проходила леса Августовские, прибалтийские, не раз те же финские, уральские, сибирские, приморские... Она брала такие крепости, как Выборг (1710 г.), Измаил, Варшаву, Свеабург, Карс, Эрзерум, Перемышль, и такой укрепленный район, как Перекопский, и такие высоты, как Хасан, и такие укрепленные позиции, как на высотах у Халхин-Гола... И к этому списку прибавились первые линии крепостной системы Маннергейма — Кирка... Вот у Териок: сплошной поваленный лес, на шоссе в четыре — шесть рядов гранитные камни, вертикальные рвы до моря, снова проволока, снова завалы... Все это взято взаимодействием фортов Кронштадта, канонерских лодок Балтфлота и штурмов красной пехоты (батальон Угрюмова и других частей).

Покалеченные дома, мосты, церкви — лютеранская и православная. Влево элегантное здание и пристань Териокского яхт-клуба. Здесь в 1919 году была секретная база английских торпедных катеров, «работавших» против Балтфлота. Пришел конец гнездышку! Весело переглянулись с Л. Соболевым.

В уцелевших домах открыты магазины, фотография... Длинная очередь бойцов: ясно, что многие жаждут послать своим возлюбленным лихие карточки с припиской «верен до гроба...». На доброе здоровье, ребятаки!

Гудит пассажирский поезд Ленинград — Териоки... Железная дорога, ремонтные рабочие улыбаются:

«А мы враз, хоть до Ганге, хоть до Вазы наладим...» Шутим, спрашиваем, когда откроют предварительную продажу билетов.

Опять леса, берег моря, брошенные на снегу шлюпки, рыбацьи сети... и вдали к осту темные низкие форты родимого Кронштадта. Наш «старик» хорошо стуканул 30 ноября по белым гнездам.

Идет нескончаемый поток машин, обозов, лыжников... На душе удивительно бодро, светло, молодо. Мы еще потолкуем с тобой, буржуазная Европа!

Местами машину приходится вытаскивать на руках. Местами помогаем другим. Добрались наконец до селения. На перекрестках дорог — дощечки указателей. Регулировщики направляют потоки машин. Здесь нам предстоит ночевать. Беседуем с местными политработниками. Нас они встречают гостеприимно, радушно. Делятся последними боевыми новостями. Все, конечно, помнят лаконичную сводку ЛВО, в которой упоминалось, что в результате разведывательного действия противник оставил на поле боя более 900 трупов. Некоторые подробности этих ночных схваток здесь стоит привести.

Белофинны отобрали наиболее надежных офицеров-добровольцев и шюцкоровцев. Они были удобно одеты и хорошо вооружены. Все на лыжах. По снегу на байдарках они тащили за собой пулеметы, патронные ящики и гранаты. Ночью по болотным извилинам противнику удалось пролезть на километр-два в глубину. Движение, однако, было замечено, и белофинов начали брать в клещи. В отдельных местах белые дорвались было до нашего обоза. Шюцкоровцы, долго сидевшие в лесах на одних галетах, кинулись к еще теплоту ароматному русскому хлебу. Попали под залпы и легли. Так и находили некоторых убитых с недожеванным куском хлеба во рту или с буханкой, прижатой побелевшими скрюченными руками к груди.

В этом быстротечном ночном бою люди нашей армии показали исключительные примеры отваги и инициативы. В одном из полков по телефону проверяли сведения о налетах. Пока то да се, пока «по буквам» уточняли местность направления, старший политрук Головня, взяв танк и группу бойцов, дви-

нулся на противника. Пламенной речью накоротке он воспламенил бойцов, и они обрушились на белофинских офицеров и шюцкоровцев с такой быстротой, что те не успели и повернуть вспять... Отлично дрались и бойцы известного всей армии батальона капитана Угрюмова. У белых было определенное желание свершить мсть: вырезать батальон за взятие Териок. Значительная группа белофиннов, хорошо знающих местность, совершила маневр и поставила было батальон в угрожающее положение... Ночь... Снега... Ни зги не видно, и в этой обстановке бойцы нашей армии опять сумели показать себя. Одна из рот угрюмовцев быстро сделала контрманевр, зашла в тыл белофиннам. Зажатые с двух сторон, белофинны не ушли из кольца.

В этом же бою произошел и такой случай. Налетчики, пробравшись сквозь чащу, вышли к одной из тяжелых батарей. Наши артиллеристы пустили в ход штыки, наганы и кулаки. Белофинские офицеры, возбужденные близостью исключительной добычи, утродили натиск. Белые фигуры бесшумно на лыжах наваливались со всех сторон. Тогда один из батарейцев зарядил с помощью товарища громадное орудие и ахнул в упор. Огнем и страшной воздушной волной белых разметало... Атака их стала выдыхаться. Батарейцы перешли в контрудар. Налетчики были ликвидированы. Ныне смелый наводчик, по профессии кузнец, представлен к званию Героя Советского Союза...

Было шесть часов утра, когда мы тронулись в Н-скую дивизию на передовые позиции. Машины то спускались по лесным кручам, то делали объезды мимо взорванных мостов, то пробирались лесными дорогами сквозь завалы и проволоку. Мы торопились. В просыпавшемся дне, в рассветной мути проступали то очертания автоколонн, то мелькали какие-то огоньки, то проносились всадники.

Наконец мы в политотделе дивизии. Он помещается в здании уцелевшей школы. Кругом снега и снега, леса и леса. Народ здесь настроен бодро, по карте быстро и четко дают обстановку, знакомят с рядом товарищей, сообщают новости, расспрашивают о Балтфлоте, на ходу, тут же, на школьных партах по-

ят горячим чаем с хлебом... Дверь поминутно открывается. Входят и выходят люди в полушубках, в теплых шапках, валенках (армия основательно «отеплена»). Приносят свежие газеты, выносят листовки. Являются люди с докладами. Телефонисты передают телефонограммы. Кипучая фронтовая жизнь. Мы времени не тратим и, прибавив ход, отправляемся на передовые... Дорога делает крутые повороты. Леса стоят заснеженные. Невидимая из лощин, с прогалин бьет наша артиллерия. Артиллерийский гул достигает такой силы, что уже трудно переговариваться со спутниками. Всех захватывает общее стремление вперед. Место, где надо оставить машину. Вперед — по просекам и гатям! Мы направляемся прямо в полк, где комиссаром т. Лаврухин. Уже слышны ружейные и пулеметные выстрелы. Мимо проходят первые раненые. Мы бежим по бревенчатому помосту, усыпанному еловыми лапками и песком. Саперы на ходу под выстрелами строят дорогу. Выше я говорил о нашей необыкновенной пехоте с ее всемирной славой. И я рад вновь, что пришлось увидеть опять ее в работе. Ни мороз, ни проволока, ни снайперы не останавливают людей. Движение идет то по лесу, то по полянкам. Белофинны стреляют экономично. Выпустит короткую очередь, подождет, присмотрится. Стреляют со скрытых позиций, быстро меняя места и стараясь создавать впечатление, что у них много огневых точек. Тактику эту можно раскусить... С мертвенным шелестом пролетают мины, выпущенные из минометов, и рвутся с протяжным, резким грохотом, выбрасывая вверх деревья и черную землю. Пехота идет неотвратно. Заповедью бойца является «равнение только по передним». Если вперед на несколько метров прополз хотя бы один, какой бы ни был огонь, идут, ползут остальные. Тут же работают и артиллерийские наблюдатели, и связисты — волокут за собой провода... Сюда же в цепь ползут и врачи, и санитары, и санитарки. Кто из бойцов не называл имени лекпома Александры Давыдкиной? В этом бою, который я описываю, осколками ей пробило каску. Она упорно продолжала работать. Никому не мешая, выслеживала, кто ранен, и сейчас же быстро, бережно, ласково оказывала помощь... Тут же работали замечательные, скромные и простые лекпомы и санитарки Бубнова, Иванова,

Ильина... Присутствие этих бесстрашных девушек было полезно для раненых.

В бою, который я описываю, погиб старший политрук т. Головня. Мне так и не удалось побеседовать с ним. Перед боем он разъяснил задачу, звал людей на подвиг, образцово, умно, живо показывал, как надо перебегать, ползти, маскироваться, окапываться. Он помнил твердо, что в бою политические работники должны быть там, где требуется личный пример самоотверженности и героизма.

Пуля скрытого снайпера — иностранного выкорыща — оборвала жизнь славного бойца-коммуниста. Враг нам ответит и за эту смерть.

Я видел, как на передовых линиях, давя и разрывая колючую проволоку, работали танки. Прямой наводкой метров на 100—150 осколочными сшибали одну огневую точку за другой. Когда были вражеские попадания, танкисты не прекращали работу. Мимо меня прошли несколько опаленных танкистов... Перемолвились накоротке. Эти люди думали продолжать бой.

Саперы тем временем молча, лихорадочно делали просеку. Буквально на глазах в бою вслед наступающим вырастало новое лесное шоссе. Прошипели и разорвались белофинские мины. Кто-то из необстрелянных дрогнул, засуетился. Одно-два слова, напоминания — и люди продолжали работу.

Да, бойцы у нас крепкие, очень крепкие. Они делают свое дело с удивительной простотой. Неделями живут на снегу в неглубоких ямах, блиндажах. Неделями ведут борьбу против сложной крепостной системы, вгрызаясь в нее, надламывая ее. Упорство, с которым наша армия наваливается на противника, все сильнее и сильнее сказывается на состоянии белофинской армии. Я приведу здесь выдержку из письма, которое взято у убитого белофинна:

«Дорогой отец, война с каждым днем принимает все шире размах ожесточенности. В прошлую ночь была такая канонада, что и сам удивляюсь, как я остался живой.

Сперва москали бомбили артиллерийским огнем, но днем в воздух они подняли самолеты, падали бомбы. Дверь землянки выбросило на дерево, и землянку забило песком.

Вечером, около восьми часов, опять началась стрельба артиллерии, и вблизи нас разорвалось около тридцати снарядов. Большие потери. Ночью в час тридцать минут опять начали бомбить... В первый раз в жизни я испугался, струсил порядочно сегодня. Хотя Иисус и сказал: не бойтесь, я нахожусь с вами вместе,—каждому жизнь дороже и я не мог удержаться, чтобы не испугаться. Вся земля дрожала, и в землянке потухла свеча».

Недельная поездка в ЛВО оставила глубокие впечатления. Война трудная, враг сопротивляется люто, но, как бы он ни сопротивлялся, он будет раздавлен. Поручкой этому служит железная решимость нашей армии. Поставленные перед ней задачи она решала всегда.

*Кронштадт,
1940 год*

У ПОЛКОВОГО ЗНАМЕНИ

Полк был сформирован в одном из старых городов. Люди пришли в полк из мест, которые помнили царицынскую оборону Сталина и астраханскую — Кирова, и действия красных кораблей на широких волжских плесах и живые предания о Чапае. При вручении знамени представители партии напомнили полку о традициях, которые он должен хранить... Перед фронтом полка было развернуто знамя. На алом бархатном полотнище — герб СССР и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — высокий лозунг братства и солидарности народов. Полк слушал партийное, отеческое наставление... «Знамя полка есть его символ, честь и слава. Помните, товарищи бойцы, командиры и политработники, что Красная Армия своих знамен не отдавала никому. Она сама отбирала знамена у вражеских армий...»

Полк прожил ряд мирных лет по-военному. Полк готовил себя к тому, для чего существует армия: к боям. Он совершал скоростные марши в самые знойные июльские и августовские дни, когда из-за суховея нечем было дышать. Зимой, когда поля покрывались глубоким снегом, полк выходил в лыжные пробеги.

С этим же умением идти — молча или даже с песнями — в зной или в бурю, идти десятки километров в сутки, стрелять, атаковать и снова идти — полк стал осваивать и тактику лесных действий, и пограничную службу. Месяцы сменялись месяцами, годы — годами... В состав полка вливались молодые контингенты. Им передавались крепкие навыки и традиции. Перед знаменем бойцы слушали первые слова службы: о смысле нашей борьбы, о героях прошлых битв. Перед знаменем принимали присягу.

Осенью 1939 года полку пришлось быть на границе — на одном из обычных своих участков. На финской стороне было заметно некоторое оживление: шли возы с сеном. Странно, что они были как-то нескладны: то слишком длинные, то слишком высокие. На ухабе один из возов тряхнуло, сено слетело, и глаз бойца ясно различил: орудие!.. Из таких орудий и загремели выстрелы у Майниклы, выстрелы по советской территории.

Днем 29 ноября пришел приказ по частям ЛВО. И к 12 часам ночи полк и его знамя были у границы. На ночном митинге пулеметчик Акимов сказал: «Настало время с оружием в руках встать на защиту Родины. В будущих боях я клянусь, что не пожалею своей крови и самой жизни, от своего пулемета не отступлю...» Десятки громкоговорителей передали, как сигнал боя, звуки «Интернационала»... Война началась.

Полк с первого же шага атаковал предполье линии Маннергейма: район Куоккала, Териоки, Ино. Полк нес свое знамя вперед — через завалы, сквозь минные поля, сквозь выложенные гранитом рвы, многорядные проволочные заграждения, окопы... Полк наступал сутки за сутками, не раз схватываясь с противником врукопашную, залегая среди пылающих селений. Среди этих боев разведчики полка сумели найти и спасти домик Репина.

В одну из ночей к самому штабу полка, который уже стал известен всему фронту, проникла большая группа лыжников противника. Они шли лесными тропами и нагрянули на расположение полка около девяти часов утра. Тревога! Часовой у знамени оставался стоять неподвижно, готовый умереть на месте, защищая знамя. Он был олицетворением красноармейского долга... Резервный батальон, который шел в это время к кухням, за завтраком, обернулся. Тревога! Знамя в опасности! Бросок батальона в контратаку был ошеломительным... Финны били из автоматов прямо по штабу, пытаясь дорваться и взять знамя, пленных и документы. Они не получили ни того, ни другого, ни третьего. Им вообще не удалось уйти.

Полк, прорвав ряд укрепленных линий предполья,

стал приближаться к основной линии Маннергейма. Она лежала, скрытая снегами, лесом, скалами, обомшелыми валунами. Подземные укрепления молчали, не выдавая себя. Полк выслал разведчиков, которые должны были идти вперед, прорезать проходы в проволоке, «оседлать» доты, вызывать огонь на себя и раскрыть таким образом систему укреплений противника. Из рядов полка вышли тогда разведчики-пластуны, такие, как тов. Комендант, ныне Герой Советского Союза. Он — паровозный машинист с Украины. Бесстрашный человек. С ним в разведки ходили русские колхозники, осетины, таджики, узбеки. Полк представлял собой боевое братство людей многих национальностей, присягнувших на вечную верность красному знамени.

...Полк вышел к заливу — в Выборгском направлении. Надо было штурмовать гряду укрепленных островов, преграждавших путь к материковому берегу Финляндии, где проходило шоссе Хельсинки — Выборг. Знамя полка нужно было пронести с боем вперед. Был уже февраль 1940 года. Впереди — пустынная ледяная гладь, и что ни скала, то природный форт. Подумали и решили брать каждую скалу, каждый камень, не оставляя ни в тылу, ни на флангах ни единого врага. Местами ветер громоздил на заливе причудливые гряды снежных заносов, похожих на дюны. Сквозь них пришлось пробивать коридоры — лопатами, прикладами, чем попало...

Москвин, Малышев, Березин — все ныне Герои Советского Союза — вели роты и батальоны. Малышев — ярославский колхозник, начавший войну командиром пулеметного взвода, — с одним пулеметным расчетом отбивал контратаки белофиннов одну за одной. Хладнокровно сменял убитых и раненых. Так в течение двух суток он совершенно обескровил целый финский батальон.

Полк повел бой за выход на материк. Надо было перерезать шоссе Хельсинки — Выборг. Соппротивление врага было отчаянным. Шюцкоровцы лезли прямо на подходившие танки, обливая их зажигательной жидкостью. Противник пустил в ход все наличные средства, вплоть до тяжелых орудий. Началась битва за Нисалахти. Стороны схлестнулись у самых окраин селения. В воздух полетели бревна, снег, потом зем-

ля. С раздробленной рукой по цепи шел комиссар батальона Хорошилов: «Вперед!»... Селение пылало. Трещали в горящих складах патроны. Проносились покрытые дымом и пламенем танки. Полк, шаг за шагом, добрался до половины деревни. Спускался вечер. Некоторые бойцы в минуту, когда чуть затихал огонь, засыпали от усталости... «Не спать!» В тылу начались поджоги. Огонь кольцом охватывал полк. Раздавались непрерывные взрывы, и дверь в штабе хлопала сама. Теплый воздух пожара шел волнами навстречу. Стало таять... Драться в стальных касках, подшлемниках, в зимнем обмундировании и халатах было тяжело.

Приказ говорил: «Занять деревню к 11 часам утра». В деревню вошли ровно в 11, но бой еще продолжался. Надо было вышибить противника окончательно.

Полк осилил в ночной битве — среди взрывов, пожаров — оборону противника. Захватывали оружие, вплоть до тяжелых, тут же их поворачивали и били, били по отступающим, не давая им нигде закрепиться...

Знамя полка мерным шагом было пронесено по местам, где шел бой, мимо кровавых пятен на снегу и на льду. Знамя приветствовали раненые, которые медленно шли по заливу... Отсветы береговых пожаров блистали на знамени, на оружии и на касках знаменных рядов.

На шоссе, заняв круговую оборону, полк стал, ошестинившись во все стороны. Здесь бои шли плотную — за каждое дерево, за изгибы придорожной канавы. Здесь Малышев с 18 бойцами пошел в атаку на штаб финского батальона... «Ну, я разделил свою колонну на три группы, по правилам стратегии... Уничтожили противника из автоматов, взяли штаб, связь наладили... У нас, однако, пуля телефонный аппарат разбила, но один парень, саратовский, приспособил батарейку из электрического фонарика, связь стала работать... Ну, финны идут в штаб, хотят взять обратно. На дистанции 30 метров стали драться. Некоторых наших перестреляли, потом мы белофиннов перестреляли... Так мы никуда и не сдвинулись, несмотря на их атаки, до самого заключения мира...»

Полк был награжден орденом Красного Знамени. Дивизия, в которую входит полк, была награждена орденом Ленина.

В Выборге Михаил Иванович Калинин вручил полку орден Красного Знамени, поблагодарив полк и одоблив его действия...

Знамя было развернуто под весенним солнцем. Красный бархат, обшитый шелковой золотистой каймой. На бархате — герб СССР и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Древко с двумя золотыми знаменными кистями, копьевидный наконечник с серпом и молотом. Знамя простое, скромное...

Вновь потекли дни боевой учебы. Полк живет привычной жизнью. На весеннем солнышке сидят занятые чисткой нового оружия бойцы: сибиряки, осетины, таджики, украинцы с Карпат, с берегов Сана...

В скромном помещении штаба стоит стол, стул и лежат бумаги полка. В углу, рядом с денежным ящиком, — знамя полка. Не шевелясь и не мигая, стоит часовой — красноармеец Шальнов. Он из числа молодых, пришедших в последний призыв. Эти молодые выходят нынче вровень с фронтовиками. Молодые гордятся своим полком, пишут о нем в свои семьи, рассказывают про полк, про его путь и славу.

...У дверей слышны тяжелые строевые шаги. Дежурный, караульный начальник, разводящий, знаменщик и ассистенты. Знамя перед праздником будет вынесено перед строем полка...

Ветераны полка рассказывают молодежи о традициях... «Отказа в полку от заданий не было и нет... — Герой Советского Союза тов. Комендант помедлил и добавил, — и не будет... У нас так — вызывают: «Вот там домик, пять окошек, в них пять пулеметов. Надо взять...» Собираемся человека там три-четыре, в снег головой — и пошел... Налетом домик забрали... Вернулись: «Домик был, окошек действительно пять, пулеметов нет...» Ну, надо искать... Пошли опять, на другой дот... Нарвались на противника. Командую: «Батальон в атаку!»... Ударили гранатами. Пока стрельба, то, другое — в темноте ускользнули, по тылам прошли, все определили... У нас, други молодые, в

полку так: патроны вышли, на ножах дрались... Это под Койвисто было...»

Эта коллективная беседа втягивает постепенно новых и новых участников... Молодые бойцы прямо вписываются в лица рассказчиков, будто пытаются вычитать в них секреты храбрости.

Иные из бойцов записывают что-то в книжечки. И вновь заходит речь о знамени.

— Знамя, товарищи бойцы, дается бессрочно... Так от отцов к сынам и идет...

...Вот оно, знамя,— символ социальной революции, символ дружбы народов, символ равноправия народов, символ новой идеологии, которой суждена окончательная победа.

И когда это будет необходимо, снова будет поднято это знамя в боях против врагов, в боях за неприкосновенность родной земли.

1940 год

БОЕВАЯ БАЛТИКА

Еще в древний новгородский период (X—XI века) славянские племена твердо располагались на Балтийском море, владели Карелией и Севером. Новгородские торговые суда и охранявшие их боевые корабли бороздили балтийские воды, отбрасывая попытки запереть русские выходы на Запад. Следует помнить, что Новгород торговал с Ганзой (старинный немецкий торговый союз), суда его ходили глубоко в Европу, а в самой середине Балтики на шведском острове Гогланд у русских была опорная база: торговое подворье, пристани, церковь.

За Балтику шли большие споры. Попытки римских пап, тевтонских рыцарей и шведских баронов взять Новгородскую Русь разбились в кровь. Три похода предпринимал Запад на русских: поход Эрика «святого» около 1157 года (Россия в ту пору ответила стремительным вторжением в Швецию и разгромом города Сигтупы — где ныне Стокгольм), походы 1240 и следующих годов, отбитые Александром Невским, — на Неве, а затем на льду Чудского озера, и, наконец, походы 1279—94 гг., отбитые также. Этот длительный ряд войн закончился лихими налетами новгородцев на город Або (ныне финский город Турку).

Монгольское иго приостановило морскую деятельность русских. Но иго было сброшено, народ воспрял. И в последующий исторический период вновь Россия бьется за Балтику, за выходы к морю, за право свободного мореплавания, торговли, культурного обмена с Европой. В конце XV века бьются русские в пределах Восточной Финляндии, штурмуют в 1495 году — при Иване III — Выборг, который пылает и едва может противостоять ударам огромных русских пушек, отлитых умелыми московскими мастерами... Выборг спасся в последнюю минуту: русские ворвались уже в пролом стен. Тогда комендант Выборга Кнут Поссе

приказал... взорвать и своих и ворвавшихся русских. Взрыв разметал сотни людей. Поссе двинул в контратаку последний свой резерв и кое-как устоял.

Недолго продолжались мирные отношения с Западом. Блокированная наглухо Россия, отрезанная шведо-финнами от Европы, готовила ответ. Прошел цикл войн 1555, 1575, 1582, 1590 и 1592 годов. Неудачи (Столбовский мир) не остановили Россию. И осенью 1703 года холодные тускло-бурые воды Финского залива у самых устьев Невы видят гребные суда... Это вновь шли русские, их вел царь Петр, бывший тогда в скромном чине бомбардирского капитана. Русские ударили внезапно на стоявшие шведские суда и взяли их после жестокой и короткой схватки. Петр шел на абордаж первым...

Так, морским боем началась история Петербурга — новая история Балтики.

...Третий век существует наш великий, бессмертный город-боец, который за всю свою историю никогда никем не был взят... Я не могу без волнения вспомнить слова Михаила Ивановича Калинина, сказанные им 20 декабря 1919 г. на заседании Петроградского Совета, после разгрома англо-белогвардейцев, разгрома Юденича. Вручая питерскому пролетариату боевое знамя с орденом на нем, товарищ Калинин сказал: «Хотя это знамя и раздражает врагов русского народа, хотя это знамя как бы сознательно дразнит их своею близостью, но петроградский пролетариат, закаленный в борьбе, никогда этого знамени не отдаст врагам народа... Петроградский пролетариат привык знамена брать, а не отдавать. Армии, которые возымеют дерзость захватить это знамя, поплатятся своими знаменами. Это знамя на веки вечные водрузится здесь, и петроградский пролетариат будет высоко держать его перед всем миром...»

Да, наш город стоек и грозен! Да, Балтика умеет драться!

В тишине своих дворцов и музеев хранит Ленинград бесчисленные неприятельские знамена... И в Зимнем дворце, и в суворовских залах Артиллерийского музея, и в замерзших, тяжелых соборах, и в полузабитых складах — каких только тут нет знамен!

Это — свидетельства вековой славы народа, города, — свидетельства боевого характера русского человека... «Под правую не подворачивайся, да и под левую тоже...»

Читатель ясно представит себе холодноватую даль устья Невы, ветер над заливом, пустынные берега, поросшие лесами... Гребные суда петровских моряков бороздили этот возвращенный народу кусочек Балтики... На Неве, на Заячьем острове немолчно стоял стук топоров и протяжное «раз, два — дружно!»... Это строили Петропавловскую крепость, спешно, лихорадочно... Строили первые пристани Петербурга, новой столицы, возникавшей у моря.

Петр на шлюпке осмотрел ближайшие острова на заливе, сам сделал промеры, вымокший, сошел на берег, большими шагами прошагал по островку Ретусаари и приказал строить здесь морскую крепость. Сидел у костра и размышлял о том, что этот остров запрет проход к будущей столице и будет базой для флота. Так возник Кронштадт.

Он стоит третий век, суровый, закопченный дымом, город-крепость, родина Балтийского флота. Здесь служили люди и служат ныне, люди из той породы, что флагов своих не спускают, знамен не отдают, а забирают чужие.

Сколько битв провел Балтийский флот за родимый город на Неве, сколько раз кидался русский моряк за свою Родину, за народ.

Шведы летом 1704 года пришли с флотом и высадили сильные десанты. Флот шведский нещадно бомбардировал первые земляные форты русских. Наши выдержали удар. Герой полковник Толбухин штыковой атакой сбросил шведов в море: «Вон с косы!..» Имя Толбухина, одного из первых героев Балтики, мы чтим, и в честь его ближайший к Кронштадту маяк называется «Толбухиным».

Двадцать один год шла великая Северная война за утверждение России на Балтике, за город на Неве, у моря. Какие примеры героизма показали моряки!

На пяти шлюпках Шепотев, Дубасов, Сенявин и Скворцов — люди петровской выучки — вместе с 48 товарищами атаквали в Выборгском заливе военные

шведские корабли. Взяли их, взбираясь прямо с бор-та на стреляющие орудия.

В 1708 году шведы обошли Петербург с тыла, перерезали дороги к Кронштадту... Русские моряки и солдаты применили хитрость, сбили противника с толку, погнали к берегу и перебили пять батальонов. Шведы в панике бежали на суда, срывались в воду. Шведские кавалеристы перебили шесть тысяч своих коней, бросили имущество и неслись куда глаза глядят.

Так, год за годом, росла балтийская железная традиция: бить врага нещадно, топить его в Балтике, гнать в воду, на лед, под лед. Эта испытанная практика русских, показавшая себя в ударах на Неве, и на Чудском озере, и косе Кронштадта, и на берегах у Ораниенбаума, и у Выборга, и у Ямбурга, является несокрушимой. Этот русский удар последовательно разбивал всех, кто пробовал пойти на наш великий приморский город. Последними в списке были белофинны...

Но вернемся к обзору своей истории.

Когда в 1710 году Выборг попробовал стать базой для очередного похода на Россию, Петр в шесть месяцев поставил его на колени. Совместный удар осадной армии и юного Балтийского флота, пробившегося сквозь льды и победившего природу, еще раз показал врагам, с кем они имеют дело...

Глядишь на карту Балтики, знакомую наизусть... Каждая миля здесь связана с историей, жизнями наших предшественников — отцов, дедов, прадедов — труженников флота и армии. Здесь ходили десанты, здесь снаряжались экспедиции Беринга, прошедшие к краю нашей земли, к проливу, отделяющему Россию от Америки... Здесь бились с англичанами и неизменно обращали их в бегство или спускали на дно...

Сколько побед венчает Балтику и ее верных сынов, балтийских моряков!.. Гангут: 7 августа 1714 года. Гребная флотилия Петра атаковала сильный линейный шведский флот у юго-западного края Финляндии... Когда-то, в XII и XIII веках, — как сказано выше, — здесь отчаянно действовали новгородцы. Они одним рывком потрясли Скандинавию, жгли Сигтуну, Або, грузили взятые на берегу громадные церковные католические ворота, как трофей, и выгребали обрат-

но: «Домой, што ли?» Петру было ясно значение Балтики. Россия должна была жить, существовать на Балтике без помех, без постоянных предательских ударов. Всяким планам вогнать Россию в глубь болот и лесов, отшвырнуть в дебри, к Уралу, надо было класть конец. Гений полководцев и безошибочный народный инстинкт вели людей на битвы за Балтику.

Гангут! Невиданная атака гребных галер на артиллерийские корабли Швеции продолжалась здесь пять часов. Гребные суда шли в три колонны, как на расстрел. Шли, сохраняя равнение, молча. Впереди, в «авангардии», шел на головной галере сам Петр. Шведы были разбиты в щепки.

Ныне народ наш, подняв борьбу, ее цели на высший социально-исторический уровень, бился в этих же местах вновь... Минувшая зима... Все было против нас: соединенные силы западных противников, их техника, линия Маннергейма, изощренная техническая военная хитрость противников, лютые морозы, каких тут не бывало целый век, ловушки немыслимых образцов... Все сломил испытанный боец!.. Помедлил, присмотрелся, утер кровь и пот первых схваток, прицелился, пустил в ход свою технику и разом сбил на лед, под лед англо-маннергеймовские армии со всем их патентованным снаряжением...

И сейчас моряки-балтийцы, герои боев у островов, у Биорке — Койвисто, боев на льду Выборгского залива, в водах Финского залива и Ботники, победно занимают базу Ганге (Ханко)... Там наше историческое место!.. Там будут стоять на страже наши морские, воздушные и армейские силы, оберегая труд и покой великого города Ленина и всей страны.

...А список побед еще далеко не исчерпан, а тема так велика. Вот к югу от Ганге на страже входа в Финский залив Таллин — былой Ревель. Здесь зарождалась русско-эстонская дружба в первых сходках и революционных выступлениях. Здесь работал на заводе М. И. Калинин. Здесь выступали за свободу балтийские матросы с «Памяти Азова»... Здесь были Советы в 1917 году, и волей народа они вновь установлены в 1940-м!

Идем дальше. Вот острова у Рижского залива. И здесь есть балтийские вклады, дела. Гренгам — и здесь была одержана победа.

Смотришь на расстилающееся перед тобой родимое море, и будто беседуют с тобой и берега, и леса, и маяки, и острова и напоминают тебе: все издавна здесь знакомо, все исхожено, узнано, оплачено кровью, и мыслью, и подвигами.

Вдали к северу, у выходов из Финского залива, — Аландские острова, лабиринт скал и шхер, которые зимой образуют вместе со льдом мост в Швецию... Чего только не видели эти гранитные скалы, источенные ветрами и водой! Здесь пробирались отчаянные новгородские воины, в темные ночи, правя по звездам. Здесь ступали десанты Апраксина после Гангутской победы. Здесь на острове Верде, в деревне Лефе, встретились после добрых двадцати лет борьбы победители, посланцы Петра и шведы. Здесь препирались они более года, то расходясь, то сходясь, пока не договорились. Тогда и грянули с верков¹ столицы залпы в честь Ништадтского мира... Россия стала великой европейской державой, державой не только имеющей армию, но и флот. Он выходил — с самим Петром — к Бельтам и Зунду, к проливам из Балтики, чтобы показать флаг России и напомнить об ее интересах и силе... И в те дни осторожно бродил поблизости флот Великобритании, недобро глядевшей на появление новой силы.

Тихо пока в этих водах. Мелькнут по горизонту едва заметные желтоватые дымки наших быстроходных эсминцев, и опять ничего не видно... Порой прочертит перископ подводной лодки поверхность моря, нырнет и исчезнет, напомнив, что в этих водах недавно порядком пошло на дно врагов, которые пробова-ли было добраться к Карельскому перешейку.

Прозрачно бледно-голубое небо... Легкие ветры доносят смолистый запах береговых лесов. Там Советская Эстония, там Советская Латвия... Надо много пережить на Балтике, чтобы до конца понять, с каким чувством мы, моряки, говорим об этих странах, об этих берегах. Сколько там впиталось в землю и нашего пота, и нашей крови. Сколько там было пережито с ранних дней новобранства!.. Высокие острые шпицы Риги, старая Усть-Двинская крепость, Рижский залив. Здесь бился великолепный красавец «Но-

¹ Крепостные стены.

вик», один схватываясь с дивизионами врага в первую мировую войну. Здесь грудью закрывала проход к северу, к революционному Питеру, большевистская «Слава» — славный линкор... И как ни пробовали в период 1918—1940 гг. английские наемники, орудовавшие в Эстонии и Латвии, стереть память о боевой нашей Балтике,— не удалось и не удастся. Никогда. Никогда...

Молча, скрывая волнение свое, шел я на места батарей, взорванных в тяжелые дни зимы 1917/18 года. Остров, каменные кладки на полях, заменяющие межи. Лес... На берегу рыбачьи сети... Шведские и эстонские рыбаки. Вот «зона»... Вот здесь была батарея... Старый прочный бетон и цемент местами еще сохранились. Остался и старый колодец. А рядом новые сооружения. Пришла балтийская молодежь на старые отцовские места. Пришла и зимой очень быстро возвела новые батареи. Живя в сорокаградусные морозы в палаточках, ни на что не жалуясь, думая только об одном: воскресить и здесь балтийские опорные пункты. И они воскрешены.

...Старая Либава. Вот передо мной старая флотская тюрьма. Отсюда водили политических на расстрел. Отсюда отправляли в сумасшедший дом. Тюрьму ломают. Стены одиночек, впитавшие в себя много воплей, перестуков и прощальных криков, крошатся под ударами краснофлотских ломов. Не останется здесь каторжных следов. Под сводами экипажеской казармы собрались тысячи военных моряков. Ясные молодые лица. Моряки слушают мой рассказ о былом...

Но продолжим рассказ о балтийских боевых эпизодах.

Петровская эпоха оставила неизгладимые следы на всей Балтике. Были потом спады — Екатерина II вполне самокритично сказала в 1765 году адмиралу Мордвинову о том, что показанный ей флот «напоминает сборную компанию голландских рыбаков, что промышляют сельдь»... Перестраивали, переделывали все заново... Не умирала дух, традиция.

В ряде новых вспыхнувших войн Балтийский флот вновь сумел показать себя. Помнят о многих морских победах... А кто помнит про июльскую победу 1790 года? Битву 49 русских кораблей против 164 швед-

ских? Знаете ли вы удар героя Кроуна прямо в строй врага, тараном?.. Битва эта — одна из лучших в истории Балтийского флота. Он уничтожил в Выборгском заливе и взял в плен 42 неприятельских корабля. Русский флот не потерял в тот день ни одного судна... Понятно было, почему ликовала столица на Неве.

XIX век. Пробуют овладеть Балтикой англичане... Позорный провал адмирала Нэпира памятен в Европе и по сей день. Это был постыдный крах... «Владычица морей» в Балтике получила по зубам. Одновременно те же пришельцы получили от России еще и «с левой»: их отбросили в Белом море, их изморили и обескровили у Севастополя. Их наголову разбили и у Петропавловска-на-Камчатке, где сводный отряд русских моряков и солдат, во главе с командой фрегата «Авроры», рядом штыковых ударов сбросил высадившихся интервентов прямо в море. Это было в упорных боях 1—5 сентября 1854 года. Это посланцы Балтики несли ее традиции на край родной земли, на Тихий океан.

Десятилетие шло за десятилетием... Служило поколение за поколением. Служили, плавая в дальних краях, ходя в кругосветные, набираясь ума... Размышляли над жизнью, были честны, берегли свое достоинство, думали о лучших путях для родины и потому шли в ряды революционеров, чтобы навсегда отстранить от дел управления подгнивший, зажравшийся, обленившийся господский класс.

Моряки были в первых рядах бойцов за революцию. Кронштадт был свидетелем революционных бунтов еще в XVIII веке. Кронштадт дал сотни матросов и офицеров в ряды декабристов. Кронштадт упорно шел к своей цели — к освобождению народа. Кронштадт еще в 1903 году установил связь с партией, которая вывела народ на правильный путь...

...Прекрасная боевая революционная Балтика! Не будет края и конца славе твоей — твоим сынам, которые в пятом году без страха шли под пули, на казнь, крепко взявшись за руки, с пением «Вы жертвою пали...». Без страха смотрели матросы в лицо палачам, просили молодых согнанных солдат — стрелять прямо в сердце, прощали им их неведение и говорили, что придет час, когда народ стряхнет крово-

пийц-эксплуататоров и насильников, подымется великий город Питер...

На долю нашего поколения выпала честь отомстить за растерзанных отцов, за унижения, за предательства и ошибки тупиц-адмиралов у Цусимы... Загнившая бородатая и пузатая свора из Царского Села вела Россию в зловонную яму. Большевики спасли народ.

Балтика билась за Октябрь, отдавая все силы. Нас было в те годы в Балтийском флоте 105 000 военных моряков. Дела их известны. Страна вновь победила.

Он идет все вперед, смелейший народ мира. Он строит и бьется, не выпуская из рук молота и лопаты. Он знает, наш народ, что ему нужно делать. Он ценит мир и труд, и он понимает ценность оружия — в том числе морского. Оно вручено надежным людям...

Последняя наша борьба с бело-Финляндией и теми, кто ее поддерживал, показала, что дух моряков всегда силен... Сердце Балтики — чистое и сильное. Пламя в нем яркое.

1940 год

МОРЯКИ ИЗ КРОНШТАДТА

Холодная бурная Балтика. Ноябрьский ветер со свистом бьет в остатки закопченных старинных фортов. Этой ночью начинаются военные действия против Финляндии. Отвечаем врагам...

Ветер свистит и гудит над Балтийским морем. Кругом, скрытая тьмой, незримая, но осязаемая деятельность огромных человеческих масс. Затемненный, настороженный Ленинград, где кипит ночная работа заводов и вытягиваются на Выборгское шоссе автоколонны с мутными синими пятнами фар; город, где все снова готово к военным испытаниям. Ленинграду опять грозят враги.

Тьма покрывает весь фронт — от Ледовитого океана до Финского залива и аландских шхер. На самом Севере в бледно-зеленом мерцании Полярного сияния стоят готовые к удару красноармейцы и моряки. Готовы бойцы и в Карелии, готовы на Финском заливе. Все полно напряжения. И, наконец, на десятки километров полыхнули зеленым пламенем наши дальнбойные. Приказ дан!..

Поперек залива лежали острова, двадцать лет запиравшие нам выход. Надо было проломить этот островной финно-британский блокирующий пояс. Наш десант выходил ночью. Береговые шоссе к исходным пунктам неожиданно покрылись ледяной коркой. Машины буксовали. Пробившись на несколько сот метров вперед, они катились назад по обрывистым спускам. Огней не было никаких. Машины шли с боезапасом. Моряки в молчании и в крошечной тьме нащупывали, угадывали — куда сползают, куда кренятся тяжелые грузовики, ловили их на ходу, останавливали, выворачивали на дорогу, вталкивали в гору, а потом на руках спускали опасный груз под гору.

Во тьме выходили боевые корабли и транспорты с десантом. Восточный край неба едва серел — там был родной Ленинград.

Вода у бортов от стужи была тяжелой. Еще день-два, еще градусом-двумя меньше, и она начнет замерзать. В эту воду предстояло идти бойцам десанта. Они пошли так же, как ходили в этих же местах матросы первого призыва революции.

Сквозь рассвет проступал огромный 20-километровый горб острова Гогланд. Взять его! Эсминцы заметили подводные лодки противника. Поверхность моря покрылась грязноватыми выбросами воды — это рвались глубинные бомбы. С воем проходили морские самолеты. Началась высадка. Вперед шли, не сводя глаз с финских пристаней и наблюдательных пунктов. Выбрасывались рывком, мгновенно цепляясь за берег, делая тут же промеры глубин, подтаскивая пулеметы и уже намечая глазом, где поднять красный флаг. С моря били корабли, метались желтовато-зеленые вспышки.

С часу на час, со дня на день борьба распространялась на новые и новые участки. Наваливались свирепые непогоды. Из Арктики шла такая лавина холода, какой не бывало в этих местах уже целый век. Корабли в походах обледеневали так, что нельзя было узнать их очертаний. Казалось, что с моря идут странные айсберги. А там, неся службу по десять, двадцать и более суток, делали свое дело военные моряки. Природа, видимо, хотела выяснить предел выносливости русских большевистских бойцов. Она захватывала их на берегах безветренной, мертвящей волной 42-градусного мороза. Люди кряхтели, но приспособлялись, выдерживали. Морских летчиков мороз схватывал на высотах: там было 55—60 градусов ниже нуля. Война не останавливалась. Работали, летали, учились, бились, проникая в глубокий тыл противника. Чтобы ускорить вылеты, жены летчиков помогали набивать пулеметные ленты. И не нашлось никого, кто бы мог помешать им в этом порыве... Они провожали мужей в далекие рейды. Они ждали возвращения их, инстинктом узнавая свои самолеты. Они умели держать себя в руках, советские женщины, когда мужья не возвращались домой.

Дрались денно и ночно. Противнику не давали ни

часу, ни дня передышки. И по ночам, бывало, уходя в новую операцию, ловили по радио европейские передачи: «Финская армия молит о том, чтобы ей хоть немножко передохнуть, выспаться». Нет, мы не спим, и вы не будете спать! Нам очень трудно, но мы осилим все, и вы узнаете, вспомните, кто мы такие, большевики!

Кронштадт, весь белый от инея, собранный, настоженный, с тысячами невидимых часовых, секретов, дозорных, бился с природой. Флот знал ледовые походы. Флотские старики и молодежь могли их повторить снова и повторяли. Корабли выходили во льды, поражая противника на всем протяжении его морской границы, сметая в щепки и бетонную пыль огневые точки в районе от Сестры-реки до Стирсудена. Крепость Койвисто — Биорке громили линкоры «Марат» и «Октябрьская революция». Эта дуэль крепости с линкорами приобретала иногда острейший характер. Линкорам угрожали подводные лодки, мины. Батареи противника были глубоко и хитроумно запрятаны. Перед выходом в бой на линкорах было сказано: помнить о традициях Балтфлота, об ударе по мятежной «Красной Горке». И люди с безотказной решимостью шли на трудную и неравную борьбу с крепостью. Позже, когда моряки ворвались в эту крепость, они внимательно считали свои попадания в финские батареи, пробитые броневые щиты орудий, осматривали разметанные и замерзшие тела финской оружейной прислуги.

Врага разили и там, где он не ожидал. Наши появлялись в шхерах на недоступных фарватерах. Наши появлялись там, куда всякий ход был загражден рифами и минными полями...

Мы достаточно видели в прошлые войны, но мы не видели еще никогда такой работы, какую показали наши подводные лодки. Где надо, они подкрадывались дюйм за дюймом, по самому дну. Были моменты, когда под водой происходили незримые каменные обвалы. Обломки скал, камни били в борта. Люди выдерживали и это и шли вперед к одной цели: отвести всякую опасность от Родины и Ленинграда.

Грандиозный аппарат Балтфлота был в действии. У него двадцать лет не было боевой проверки, и сейчас прорабатывали и проверяли все, что было можно.

Задумывались над ошибками и промахами и выправляли их. Отбрасывали некоторые иллюзии. Фиксировали все, что нужно. Боевой, еще не остывший опыт из рук в руки передавали работникам военной науки. Неустанно искали нового. Продумывали все — от способов борьбы с холодами до общих проблем стратегии. Люди сумели воедино сплавить и замечательный традиционный староматросский порыв, и культуру современной военной работы.

Балтфлот действовал в тесном братском контакте с Красной Армией. Плечом к плечу. И пар дыхания Кронштадта смешивался с дыханием тех бойцов армии, которые шли на доты. Пришел момент, и Балтфлот высадил на берег, на Карельский перешеек, тысячи своих людей. Это были отборные добровольцы, атлетическая молодежь. Это были лыжники, разведчики, морские стрелки. Пришли и батареи моряков.

И скоро фронт почувствовал их работу. Их удар заставлял трястись Выборг. Их надо было видеть в жизни, в бою, чтобы до конца их понять и полюбить. Вот о некоторых. Комбриг Донесевич, старый гвардейский матрос, четырнадцать раз ранен в гражданскую; орден Красного Знамени. За бои у Муурилы — Койвисто второй орден. Болят и старые раны и получена новая, но человек ведет людей с моря, по льду, сквозь торосы, в охват фланга «Линии Маннергейма». Командир лыжников капитан Николай Лосяков, — обморожен, перебита левая рука — остается в строю. Он устал, осип. Лицо у него темно от синего лекарства, которым его смазали, чтобы смягчить боль. Я видел Лосякова на мысу у Лаутаранты. Рыбачья хижина. Все мутно от дыма. Огонь «летучей мыши». Чернородый доктор оперирует раненых. Они молчат, иногда кто-то вздохнет тяжело, но терпит. Тут же гудит телефон... У дверей лежат убитые товарищи, и из-под белых халатов видна черная наша флотская одежда. Крепость Койвисто — Биорке обстреливает Балтийский отряд из 8- и 10-дюймовых орудий. Разрывы выламывают во льду большие дыры. «Вперед!» Моряки упорно наступают с залива на берег. Уже идет снайперская дуэль на 200—300 метров. Еще мы не раскусили, что такое эти доты. Их надо поближе посмотреть, пощупать, отвлекая внимание противника огнем,

по берегу, сквозь лес, подтаскивают моряки — капитан Шара-Бура, наводчик Гармоза и другие — тяжелое орудие. Они искусно прорубают просеки. Наводчику мешает впереди какая-то ветка. Он вылезает вперед. В это мгновение финны замечают отчаянных артиллеристов и в упор открывают пулеметный огонь. Гармоза все-таки идет вперед, срубает мешавшую ему ветвь и потом, вернувшись, с дистанции в 300 метров, в упор, садит в броневые плиты дота, в их черные узкие щели, снаряд за снарядом...

Стрельба из-за торосов по финнам, засевшим за проволокой, за минными полями, за бетоном и порой на мгновение показывающимся в соединительных ходах или у деревьев,— продолжается. Финские снайперы сверху, с берега, с деревьев, бьют по морякам. Те поджигают ноги и, буравя головой снег, как кроты, лезут вперед метр за метром. В проволоке урчит и сопит, как медведь, наш застрявший танк. Финны орут: «Рус, сдавайся!» Моряки отвечают таким манером, что у финнов в ответ ничего подходящего не находится. Танкисты сидят в танке, мерзнут неимоверно, на смерть, но ремонт танка продолжают. Сообщили, что задание выполняют. На самый передний край в торосы выползают артиллерийские наблюдатели, командиры и комиссары. Эту чертову «Линию Маннергейма» надо забрать. И мы заберем ее!

А вражий берег, фланг этой линии у селения Муурила, высится в свете все ниже склоняющейся к горизонту желтой луны. Бьют наши орудия. Впереди, на темном берегу, сверкают разрывы. Медленно расплзается дым и снежная пыль,— доносятся стон и вой шюцкоровцев. Против моряков враг бросил отборный 7-й шюцкоровский батальон. Мы читали потом письма, найденные у них. В письмах встречались такие фразы: «Домой без победы не возвращайся. Лучше умри». Что делать: у нас такое же решение...

Так бились моряки несколько суток подряд. Они не просили ни смены, ни помощи. Они вгрызались во фланг вражеского укрепрайона. Они оттягивали на себя резервы противника, которые встревоженно спешили по льду к месту боя.

Вновь рассвет,— и уже не сказать, какой по счету. Опять багровое солнце над ледяными пространствами, и за торосами люди, которые продолжают выдержи-

вать испытания. Впереди несколько убитых. Когда их хотели ночью убрать, рванули мины. Финны пошли и на такой прием. Они знали, что моряки своих убитых не оставят. Запомним и это... «Вперед!» На молодых лицах пробивается щетина, и она делает эти лица суровее и жестче. Кто-то пробует плеснуть воды на лицо, помыться, и на лице, на бровях мгновенно застывает ледяная корка.

Было девять атак. Последняя принесла победу. Иного исхода быть не могло. Это дрались моряки из Кронштадта.

Я хотел бы громко, чтобы слышал весь народ, вся армия,— прочитать вслух имена и фамилии каждого из этого отряда. Рассказать о каждом. Но здесь не хватит места. Пусть их представит здесь один Александр Посконкин. Молодой по службе — с осени 1939 года. Он один из первых прорвался на территорию противника во время боев. Он попал в окружение,— штыком и пулей положил восьмерых, потом увидел, что рядом гибнет его командир. Шюцкоровец уже впился в горло упавшего командира. Посконкин штыком уложил шюцкоровца, поднял раненого командира, взвалил на себя и, отстреливаясь, пробился через кольцо. Сдал раненого командира, пройдя несколько километров, и бегом вернулся в бой и пошел вновь вперед! Ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Это люди Балтики.

1940 год

В БОЯХ ЗА ТАЛЛИН

(Из записной книжки писателя)

13 августа 1941 года.

Таллин... Мы на морских подступах к Ленинграду. Наша задача сдерживать противника, наносить ему контрудары, выигрывать сутки за сутками... Потом это скажется в общем балансе войны.

Солнечный, хороший день, балтийское нежно-голубое небо, много цветов в садах и парках. Рядом с клумбами окопы, блиндажи, щели, разверзтая земля, немо кричащая о войне... В сводках: «На всем фронте ничего существенного...» Значит, существенное будет впереди. Сегодня 53-й день войны. Немцы уже вполне убедились, что поход на Восток будет коренным образом отличаться от их датских, голландских и прочих прогулок. Сегодня немецкое радио передавало сладкие обращения к нашим партизанам. Призыв «одуматься» и сдаться к 21 августа, причем обещается «прощение» и «вознаграждение». Ясно, что 21 августа партизаны нанесут особо жестокие визиты в немецкие штабы, комендатуры и пр. Населению оккупированных районов фашисты обещают по 3000 рублей за партизана; — за Иудино предательство 3000 фальшивых рублей, напечатанных в Германии.

С раннего утра работаем над вопросами обороны. Днем поездка на фронт в одну из морских разведывательных чекистских групп. Спутники — молодые, оживленные — делятся последними впечатлениями разведок. На днях нос к носу на этой же машине наскочили на группу мотоциклистов. Приняли бой — один из наших автоматчиков уложил 13 немцев: шофер тем временем развернул машину... Ребята тут боевые, оснащенные... Живут суровой лесной жизнью,

ходят по вражеским тылам, часами слушают немецкие разговоры.

В современной войне события приобрели характер борьбы на измор, борьбы затяжной... Гитлеру не удался удар по Англии; не удался удар по Атлантике; не удался удар в направлении Суэца — Ирака; не удается, как мы ощущаем, чувствуем, самый грандиозный удар: против СССР. Пока только 53-й день операций, а подобные операции могут идти, — вспомним опыт 1914—1918 гг. — сотни дней.

Сопrotивление и решимость СССР предопределят исход.

14 августа.

Пока тихо... Был на подводной лодке «Н». Товарищи сделали большой поход, не раз попадали в тяжелейшие переплеты. Были пикировки «юнкерсов», лодку бомбили катера, лодка влезала в сети. Все обошлось. Утопили одну лодку противника. Рассказ свой командир т. Петров ведет просто, очень точно, не прибегая к записям, — настолько остры все переживания.

Весьма интересны письма, взятые у пленных и убитых немцев. Тоска покинутых женщин, тревога, страх... «В прошлом году вы быстро вернулись, были в отпуску, убрали урожай. Сейчас все эти надежды рухнули...» Главный мотив писем — страх перед затяжной войной. Все чаще и чаще описания бомбежек Западной Германии, лаконичные признания: «Англичане сбросили листовки о том, что будут бомбить Кельн шесть недель подряд, а затем возьмутся за Берлин. Что-то будет?...» — Что будет, немка? — Будет упорная долгая борьба, в которой Германия последовательно испытает и страшные бомбежки, и обостренный голод, и крах иллюзий, и смятение... (О таких вещах написано у Келлермана в романе «Девятое ноября».)

15 августа.

Противник начал новый удар по всему Восточному фронту. Следует ждать событий и на нашем участке. Готовимся. Приехали некоторые работники печати из Москвы. Прежде всего — драгоценные письма от

родных. Читаешь их по многу раз. Рассказы о Москве, о стоическом народе... Атакующе-лихо кричат московские мальчишки, когда на крыши сыплется град зажигательных бомб. Мальчишки кидаются тушить их, сбрасывают с крыш, хвастаются, «у кого больше»... Боевые ребята!

Ведем подготовку к обороне Таллина. Противник подтягивает свои части.

16 августа.

Дал в таллинские газеты материал о 700-летней борьбе эстонского народа против немецких захватчиков. Настроения в городе боевые: на оборонительных работах работают тысячи людей... Вышли местами подростки.

День солнечный, тихий. Временами воздушные разведчики. Закат прозрачный, ало-оранжевый. Высятся башни Вышгорода. Слышна на одном из участков сильная канонада. Все темнее...

17 августа.

Еду на участок. На Пиритском пляже в стороне плескаются какие-то эстонские девушки. Высоко в небе рвутся шрапнели... День солнечный, жаркий.

В городе создаются линии внутренней обороны — рвы, завалы, баррикады.

Рассказываю работающим об опыте Мадрида, о борьбе с танками. Ночь очень темная. Всюду патрули.

18 августа.

На аэродроме у друзей — в балтийской эскадрилье Шодина. Это замечательные ребята, участники войны 1939/40 г. За ними, с 22 июня, десятки вылетов. Это истребители-штурмовики, отменные летчики. В первых боях за Таллин (в июле) летчики Шодин, Кулашов, Кузнецов, Байсултанов, Васильев, Плешаков показали мастерскую работу. Они выныривали из лесов, буквально били винтами по колоннам мотоциклов, обгоняя их, расшвыривая в канавы. Вот и сейчас летчики рассказывают: «На днях «мессершмитт» обстрелял две наши автомашины... Раненым помогли

эстонские крестьяне. Сегодня представился случай дать фашистам ответ. Встретили их автогруппу: 5 больших машин. Зашли и дали залп. Фашисты вылегли мордами в грязь, ползли в лес. Машины остались стоять без стекол, без моторов, в щепки продырявленные... По девизу действовали — «два ока за око»...

Пришло известие о награждении эстонского бойца т. Арнольда Мери званием Героя Советского Союза. Это произвело сильное впечатление в городе. Газеты дали фото, мои статьи, беседу с семьей т. Мери.

Непрерывно идут оборонительные работы. Всюду работники Пубалта — действуют, ободряют, инструктируют.

До ночи рассказывали приехавшие из Ленинграда о тамошних делах. Блестяще работают заводы — люди во имя фронта делают все, что в человеческих силах.

19 августа.

Обстановка все серьезнее. Пришла весть о бомбежке фашистами госпитального транспорта «Сибирь».

Днем в городе, на оборонительных работах. В газетах даю большой материал об опыте обороны Царицына, Петрограда и др. Литераторы Балтфлота работают сплоченной группой и активно.

Вечером выступал в батальоне моряков. Смеркалось. Огромный гимнастический зал с большими окнами. Полно наших балтийцев. Встречаются люди старших возрастов. Атмосфера боевая, приподнятая... До невероятия остро этот сбор напомнил мне сборы наших отрядов в 1917—1918 гг. В выступлении коснулся вопросов обороны, тактики противника и нашей тактики, остановился особо на традициях балтийских моряков. Настроения в батальоне отличные, люди идут в бой целеустремленно. Каждый час стремятся отдать доподготовке, полевым занятиям — хотя времени у нас в обрез. Было почти совсем темно, когда кончилось собрание. Биться будем упорно.

Энергия масс, неиссякаемые глубинные источники народного духа, выносливость, организация, учет нового опыта и труд должны дать нам победу в этой небывалой, исключительной войне. Мы хотим этой побе-

ды всей своей волей, всем существом, мы думаем о ней денно и ночью, мы трудимся для нее. Перспектива «тысячелетнего» рабства — о чем нагло кричит народам Гитлер — вызывает в наших людях злобу, отвращение и решимость биться упорно, до конца.

20 августа.

Пока тихо... В городе новая мобилизация. Красные листки извещений... Проводы, прощания мужчин и женщин. В какой раз приходится мне это видеть, и вновь и вновь дышать трагизмом времени!.. Уже в одно сплошное сливаются для меня — и впечатления 1914—1918 гг., и гражданской войны, и Испании, и Дальнего, и Финляндии, и Прибалтики... В крови, слезах и муках рождает человечество новый порядок... О, он не будет гитлеровским! Не будут два миллиарда людей шагать по-прусски и орать «хайль!»... Не будут!.. Но решение вопроса потребует времени, сил, больших жертв. Глядишь в будущее и путь видишь дальний... Ничего, мы сумели выдержать семь лет в мировую и гражданскую войну... Мы выдержим и ныне — столько, сколько будет нужно.

Пришли письма из Москвы — их доставляют герои-почтовики и летчики с риском для жизни. И каждая строка этих писем поэтому особенно остра, значительна... Каждое слово, написанное с фронта и на фронт, имеет углубленный, напряженный смысл. Признания имеют тысячекратную силу и ценность; чувствуешь, что вся история, весь смысл бытия могут быть вложены в немногие слова и понятия, написанные дорогой рукой. Эти слова: «родина, дружба, любовь»...

Письма из Москвы и Ленинграда честные — в них и горе, и твердость, и юмор. Так, как бывает в жизни... О, как глубоко поймут теперь миллионы людей диалектику бытия, сложность его, прелесть и тягость... Читаю эти письма и не могу удержаться — даю в газету «Советская Эстония» полосу, очерк, цитирую голос Родины, смелый, заочно знакомя эстонцев с москвичами и ленинградцами.

Тревоги, заботы, дела... И в недолгие часы отдыха и перерыва читаю Ленина, томы о 1917—1920 гг. Хочется заново все вспомнить, пережить, продумать. Бьют зенитки, разрывы высоко.

Работа не прерывается. Проводили собрание местных эстонских писателей и журналистов. Внимательно слушают. Есть молчаливо-враждебные люди... Ряд решений.

Вечером записи о подводной лодке «С». Лодка была в одном из районов настигнута немецкими катерами. Глубинные бомбы рвались 12 часов, методично. Лодка упорно молчала. В абсолютной, смертной тишине иные подводники играли — беззвучно! — в «козла» (домино)... Немцы бомбят, наши ждут, терпят... Лодку затем нащупали шупом, стали заводить сети. Лодка была действительно в лапах смерти. Не дрогнул никто. Все на местах. Дисциплина, упорство. Взяли, готовясь к всплытию, ручное оружие. Готовы были по-дедовски на абордаж... Всплыли ночью так стремительно, что немцы ошалели... Ушла русская лодка!.. Хорошие ребята!

Ночью обход города, постов. Краткие беседы, наставления. Во мраке слабые огоньки при проверках, дыхание машин, скрип тормозов...

События все ближе.

21 августа.

С утра полеты истребителей. Флот на рейде и в гаванях. На одном из участков уничтожили роту немцев.

Тревога. Работу не прерывать, продолжать и в убежище...

Был на катерах. Работают тут самоотверженно: ведут разведку, наблюдение, ходят с поручениями, выполняют боевые задачи. Обстановка на море — типичная «малая война»: мины всех систем, налеты катеров, действия подлодок и непрерывная деятельность авиации... В некоторых местах эстонского побережья — прорвавшийся противник наставил тяжелые батареи. На наших коммуникациях все труднее. В сущности, мы в окружении, но нет необходимости разговаривать об этом. Надо держать фронт, город.

Сегодня для ремонта мотора прилетал на «ястребе» Герой Советского Союза т. Бринько. Как раз начался налет «юнкерсов». Бринько взвился в воздух, присмотрел себе одного, нагнал и сбил, выпустив 40 патронов. «Юнкерс» с бомбами вмазался в поле.

Трое выкинулось на парашютах, один убит. Паденье у линии фронта. Мчусь туда... Окопы, неубранные поля, сырость, рвы, проволока, обозы, раненые... Все ближе артиллерийский и минометный огонь. Вот серо-черное пятно. «Юнкерс» разнесло в пепел и пыль... Валяются погнутые части, тлеет какая-то куча... Вот тело немца штурмана: посыпанные пеплом волосы шатена, лицо, уткнувшееся в грязь. Так он и лежит у наших ног. Пусть это будет символ! Застывшая, посеревшая рука... Обрывок карты... Валяется под дождем кожаный шлем... Пулевые и осколочные отверстия, полученные «юнкерсом» в прошлых полетах, заштопаны и отмечены красными звездочками.

Ночью темень непроглядная, дождь, вспышки выстрелов... Это ты, война, опять твой лик!

22 августа.

Сегодня 62-й день войны... Опять на фронте. Поля пустые, мокрые. Огонь; слышны пулеметные очереди. Идут и бредут раненые — в плащ-палатках, шлемах.

Противник явно нажимает по Нарвскому шоссе. На фронт двинуты моряки.

23 августа.

Уже роют окопы у могил балтийских моряков 1918 года — героев «Спартака» и «Автосилы». Это у окраины города. Опять на фронте... В дело вступают корабли. Слышны тяжелые залпы с рейда... Читаем на командном пункте двухмесячную сводку Совинформбюро. Сводка дана в суровых и энергичных тонах. Война делается длительной... По рядам моряков пробегают цифры вражеских потерь: более 2 миллионов, 7200 самолетов, 8600 танков, 10 000 орудий... «Можно прибавить и корабли — потопили немало».

Огонь на участке все сильнее. Противник подтянул к Таллину до 4 дивизий. Бои будут трудными.

Добиваюсь радиосвязи с «Правдой», местные эстонские связисты дали эту связь.

В редакциях идет обычная работа: отлично работает «КБФ» и «Советская Эстония», где действуют правдисты: Д. Руднев, Н. Михайловский, Я. Гринберг и др. Газеты в последние дни боевые, в них пороховой

дым. Главной пружиной всей этой работы является Военный совет и политуправление КБФ. В оборону Таллина моряки вкладывают всю душу.

Тяжелая железнодорожная морская батарея своими залпами уничтожила уже до 600 немцев. На Т-ском шоссе дерутся моряки Костикова — о нем уже слава на участке... Еще через день-два, прорывая окружение, Костиков был тяжело ранен; дал указания, все обеспечил; зарыл партбилет, попрощался, сказал: «Бейте фашистов, победа за нами!» — и стойчески покончил с собой...

...Снаряды начали рваться в городе. Морские учреждения продолжают работать. Готовится номер «КБФ». Редактор озабочен получением материала. Материал будет! Готовим листовку к балтийским морякам, приводим примеры героизма. Весь Пубалт в непрерывной работе. Пубалтовцы на баррикадах и в окопах.

Батальон, о котором я написал выше, — отражает атаки. Немцы виснут на проволоке. На другом участке была психическая атака: по-спортивному обнаженные фашисты шли на позиции моряков, олимпийским шагом... — Олимпиада? — Моряки подпустили фашистов метров на 200 и скосили. Некоторых раненых немцев рвало... Они были пьяны.

Рабочее население Таллина продолжает оборонные работы. Газетчики несутся со свежими номерами, — там мой материал о Балтфлоте, портрет патриота Бринько, корреспонденции с участков.

Артогонь все интенсивнее. Снаряды рвутся у Пиритского и Нарвского шоссе. Корабли отвечают. Начались первые пожары. Погода переменная... Дважды была радуга... Потом небо затянуло тучами. Грохот канонады...

Встречаю члена ВС КБФ дивизионного комиссара т. Н. Смирнова. Он говорит: «Борьба на последнем рубеже. Будем стоять».

25 августа.

Бой продолжается. Еду в город. Был в ТАССе. Работники на месте. Взял сводки за 2 дня — для Пубалта, для распространения в морских частях, в боевых листках и устно. В редакции делают газету. На фронт пошли десятки политработников. В армейских

частях работают моряки-делегаты. Наши батареи бьются по-бородински и севастопольски, бьются в упор, выпуская весь боезапас, затем люди идут в штыки...

На компункте временами нет света. Разрывы тяжелых снарядов. Моряки контратакуют немцев. В четырех пунктах немцев погнали. Флот бьет частым огнем. Корректировщики работают в передовой линии.

Наши контратаки сказываются. Немцы начали подбрасывать к фронту группы диверсантов в форме краснофлотцев. Не выйдет это! Дано предупреждение... Немцы бьют агитснарядами, разбрасывают листовки. Видно, как, блестя на солнце, падают сотни листов. Моряки замечают: «Ага, Геббельс опорожнился...» А за этим новая контратака. Погнали немцев за аэродром, километров на 7—8... В этих схватках произошел такой эпизод: был окружен один краснофлотец. Ему кричат фашисты: «Рус, сдавайся!» — «Ну-ну!» — и краснофлотец рванул лимонку. Погиб сам и уничтожил восьмерых фашистов. Имя балтийца осталось неизвестным...

В контратаках на окраине города увидели мы и такое: пригвожденный, распятый с пробитыми штыком ладонями, выколотыми глазами, обожженный, лежал труп нашего бойца... Рядом бескозырка... «Вперед!» — и моряки шли в новый, неукротимый бросок...

У окраины, к озеру, бился героический бронепоезд. Как немцы хотели его захватить! — Не вышло.

Еду с материалом в «Советскую Эстонию». Редакция по-прежнему на месте, делают номер. Воздушная тревога. «Не обращать внимания: номер делать!»... Правильно, тов. Руднев.

На корабль! На рейде разорвалось несколько шестидюймовых снарядов. Обстановка стала сложнее. Корабли бьют. Крейсеру «Киров» объявлена благодарность за стрельбу. Бьют с рейда эсминцы, маневрируя среди разрывов шестидюймовых снарядов. В 17 часов со стороны солнца стремительный налет пикировщиков... Ага, вот они, темные «юнкеры». Несколько секунд жестокой стрельбы, воя моторов, взрывы пяти бомб... Крейсер цел... Привозят нескольких раненых. Все очень быстро...

Солнечно. Корабли продолжают бить с рейда. Снаряды противника рвутся на рейде и на береговых шоссе у б. здания Морского госпиталя. Опять пожары... Изумительные облака, ярко-белые, кучевые, на фоне темнеющего вечернего неба. Огромные взрывы, вспышки ракет... Бой за Таллин все разгорается... Под огнем делает виражи немецкий бронесамолет-корректировщик. Опять по рейду огонь... Вице-адмирал Трибуц под огнем идет на крейсере. Стоит, скрестив руки, на катере... Сигналы горнистов к спуску флага... Под огнем шестидюймовых снарядов проходит церемония. Торжественно-строго...

К ночи пожары, ракеты... Моряки продолжают держать свои рубежи. За нами Ленинград, великий Ленинград!

26 августа.

Всю ночь немцы беспощадно жгут окраины, освещают этим отдельные участки или стеной пожаров хотят деморализовать оборону.

Ночью моряки-разведчики ходили в поиски и налеты. Уничтожен ряд артиллерийских и пулеметных точек врага.

Днем вышел номер «Советской Эстонии» со статьей на первой полосе «Балтфлот действует». Пишу...

Тучи, прохладно. Готовим материал для Москвы. Сильный артиллерийский огонь по береговому шоссе, по городу и по рейду. Пожары на окраинах и на рубежах. С рейда уже слышны пулеметные очереди. На восьми огромных автобусах мчатся моряки к угрожаемому участку по обстреливаемому шоссе... Сумрачные тучи над городом и рейдом. Корабли бьют с рейда. Разрывы тяжелых снарядов на рейде. Флот продолжает свою работу.

Еду на передовые. В центре и у гаваней строят баррикады, заграждают улицы. Тянет дымом. К рубежу выходит эстонский рабочий полк. Иду дальше к памятнику «Русалке». Здесь устраиваем новые оборонительные точки, формируем отряды... Создаем новый рубеж. Опять погналы немцев!.. Опять летят машины по шоссе вперед. Резерв в бушлатах, бескозырках и касках; лица строгие, винтовки сжаты крепко... Впе-

ред! Вперед — ринулись и одиннадцать наших ястребков. Новая контратака... Немцам дорого обходится каждый метр... Все время залпы с рейда.

Сегодня солнечно... На шоссе встречные потоки машин, бойцов, раненых. Пахнет бензином... Шоферы водят машины — какие уж сутки! — без смены. Лица бледные, небритые... Окна многих кабин пробиты. Подножки машин в крови... Прогоняют стадо, чтобы не досталось противнику... По рейду тянутся дымзавесы, они заволакивают и наш участок... Опять идут машины с моряками. Моряки кричат: «Можно немцев гнать!» Можно, это доказано в эти дни, — нужно действовать решительно.

Идут раненые... «Немцы делают вид, что сдаются... Подошли — а они залп». — Ответим! — Начинаются вблизи, в парке, очереди автоматчиков. Ага, вот этот немецкий прием, который должен вызвать крики: «Обошли, окружили!» Моряки в ответ прочесывают местность... На крышах и на чердаках сняли до десятка «кукушек» и наблюдателей. Расстрел на месте.

Опять дымзавеса... По нашему участку сильный артиллерийский и минометный огонь. Памятник в дыму, градом летят осколки, ветви, щебень... Упали убитые, раненые. Горячий день... Все время отвозят раненых. Все время двигаем бойцов вперед... Времени не замечаешь: оно то летит, то стоит... Со скрежетом разламываются здания вблизи, из дыма выносятся новые и новые машины... Немцы бьют по узлу двух шоссе, стремясь остановить подход наших резервов и эвакуацию раненых. И те и другие пробиваются под огнем. Вот руководит движением машин журналист, начальник военного отдела «Комсомольской правды» т. Я. Гринберг¹.

Снаряды рвутся за нами в Вышгороде. Там идет заседание правительства ЭССР.

Весь рейд в дымзавесах. Новые удары немецких пикировщиков, нам не видно деталей, но корабли бьют ожесточенно. Налет сорван. (За все дни боев в Таллине немцы утопили... только 1 малый буксир.) Еще налет... Но некогда, надо следить за своими делами: «Танк за памятник!.. Колонну влево, по шоссе!»

¹ Погиб через два дня в море.

На улицы вышел резерв: весь начсостав из ПВО, все под ружьем.

(Тут писатель, б. секретарь «Знамени» т. А. Тарасенков, отлично показавший себя в боях.)

К вечеру новые налеты и непрерывный огонь по окраинам города. Два огромных пожара к 20 час. 23 мин. Зарево над городом. Все затянуто дымом... В госпитале — у самой черты фронта самоотверженно работают эстонки...

Моряки опять идут в контратаку. В багровом зареве видны старинные шпицы Таллина... Мы выиграли еще сутки.

27 августа.

Артогонь с утра. Опять «кукушки»... Бои у «Русалки» и на Нарваманте, уже на подступах к центральной рыночной площади. Борьба идет за кварталы, за дома. Морские батальоны и роты опять кидаются в контратаки... У немцев был приказ: «Взять Таллин 24-го». Не вышло... Пубалтовцы, политработники бросаются в голову частей, уничтожают огневые точки немцев... увозят раненых... Гул разрывов, дымы... Немцы в остервенении...

До трех тысяч таллинцев продолжают работать на оборонительных работах. Высовывающие нос типы из «5-й колонны» попадают к стенке... Новые налеты авиации. Противник, имея четверное превосходство, лезет, не щадя солдат. Город, население, женщины, имущество, вино — все отдано фашистам на поток и разграбление.

Корабли и батареи продолжают сильный огонь по противнику. Уничтожены новые колонны и батареи немцев... Биться, товарищи!

12 час. 02 мин. Погас свет... Начались сильнейшие пожары и взрывы. Пожары тянутся на несколько километров.

Приказ о начале эвакуации.

Моряки, по участкам, обеспечивают прохождение частей армии, посадку на корабли. Снова переходят в контратаки... Упорные, золотые люди!.. Подрывники сквозь огонь идут к важнейшим объектам. Не оставлять фашистам ничего ценного из оборудования.

Над рейдом к 3—4 часам дня темно от дыма.

Странные сумерки. Корабли вынуждены сигнализировать прожекторами и ратьером. Залпы, залпы... Картина напоминает мне «Гибель Помпей»... Страшные, клубящиеся взрывы в Купеческой гавани... Отряды моряков продолжают биться...

— Вас отрежут!

— Пробьемся. Наше дело выигрывать час за часом, обеспечивать эвакуацию.

Новые контратаки.

За нами, товарищи, великий Ленинград!..

Взрывы в городе все усиливаются. Огромные огненные факелы взметываются все выше и выше. Противник упорно бьет по рейду. Один залп ложится в двадцати метрах от нас (от лидера «Ленинград»). Еще один залп ложится у самого борта. Командир корабля тов. Горбачев и комиссар тов. Сафонов держатся спокойно. Корабль маневрирует не торопясь. Начинаются пожары на Наргене. Транспорты проходят к Норду. Трехорудийные залпы по «Кирову» и по другим боевым кораблям. Полгарнизона в черном дыму. Фантастическая полутьма. Флот продолжает стоять на месте и драться. Над Вышгородом все еще реет красный флаг. Противник ставит методическую завесу тяжелых разрывов у выхода из Купеческой гавани. Видны ракеты немецких агентов-корректировщиков. Новые пожары и выбросы дыма, как при извержениях. Ряд воздушных налетов. Корабли упорно отбиваются. Сегодня сбито 4 немецких самолета. Видно уже до десяти очагов пожаров в городе. Флот на рейде по-прежнему под градом тяжелых снарядов. Продолжаем отбиваться. Выиграть еще сутки! Спускается ночь. Один из товарищей говорит: «Воображаю, как ждут нас теперь немецкие подлодки, торпедные катера и «юнкерсы». (Молчал бы...)

Читаем радиоперехват. Радио Берлина: «Балтийский флот окружен. Его коммуникации под ударами немецких морских сил и авиации. В Кронштадт не прорвется ни один корабль».

Морские летчики продолжают работу, хотя условия на новом аэродроме, к северу от Минной гавани, тяжелейшие. Один летчик, налетев на провода, разбился (летчик Полтораки). В городе бушуют пожары. С проводниками к гаваням отходят последние отряды. Упорно стоит заслон морских курсантов. Товарищ

Иоселев раскрыл группу диверсантов. Диверсанты стреляли в затылок по начсоставу. Диверсантов тут же уничтожили.

28 августа.

Сырой день. Корабли оттянулись к островам Нарген и Вульф, но многие продолжают действовать на внутреннем рейде и в гавани. Там идет посадка и последние подрывные работы.

С раннего утра корабли упорно продолжают вести артиллерийский огонь по противнику.

Таллин в дымах. Вчера наполовину была набрана газета «КБФ» и «Коммунист». В Вышгороде около 5 часов дня, несмотря на обстановку, шло заседание правительства. Был намечен ряд мероприятий по продолжению обороны. Во время заседания стали рваться тяжелые снаряды. Во дворце полетели окна. Снаряды рвались и около дверей дворца.

В 13 час. 25 мин. караван с Таллинского рейда тронулся. В поле моего зрения пока до 50 единиц. На корабле сосредоточенное спокойствие. Противник бьет по рейду, и снаряды его все ближе и ближе к Вульфу. Немецкий наблюдательный аэростат выдвинулся на новое место и просматривает сейчас весь наш выход на прорыв.

Я долго гляжу на Таллин... «Мы вернемся, Таллин!»

На берегу белые немецкие ракеты.

Около 4 часов дня. «Юнкерс» кружит над рейдом и городом. Начинаются подрывные работы на Наргене и Вульфе.

В 16 час. 40 мин. наш отряд начал движение. Поставлены караваны. Ряд падений тяжелых снарядов в относительной близости к нам. Ясно, что противник уже перекрывает тяжелой артиллерией выходы караванов. Огромные взрывы на Вульфе. Снова вой и свист снарядов — противник бьет, подтянув батареи, очевидно, на Вимси. Но пока не подбит и не уничтожен ни один корабль. Появляются «юнкерсы». Обостренное внимание. *(6 час. 30 мин.)* Четыре бомбы по транспортам. Вскоре огромный взрыв за нами. Катера ставят завесы. Видны всплески по нашему курсу. В море видны первые шлюпки, наполненные людьми, очевидно уже кто-то подорвался. Справа по борту от

нас проходит шаровая мина. Видны две пустые шлюпки, круги. Стоит «Верония», рядом с ней несколько других судов. Проходим дальше.

Около 8 часов вечера. С эстонского берега бьет немецкая артиллерия. Бой и разрывы снарядов. Виден остов полузатонувшего катера. С визгом рвутся новые и новые снаряды. Мы на минном поле. Видны две, потом три мины. Батарея с полуострова Юминда бьет по нашему проходящему каравану. Осторожно, в последнюю минуту, отворачиваем от мин. Воздушный налет. Небо зловеще серое. В одном месте просвет. Видно, как садится багрово-раскаленное солнце. Впереди взрывы. Вверх взвивается гигантский столб белого дыма и пара. Вижу, как впереди быстро тонет разломанный надвое корабль. Это эсминец «Яков Свердлов». Артиллерия противника бьет по скоплению судов. Мы буквально пробираемся сквозь мины и разрывы. Да, это значительнее, грандиознее и трагичнее, чем Ледовый поход Балтфлота в 1918 году.

Поступают сведения о гибели ряда других кораблей. Радио дает: «Град!.. Град!..» В темноте за бортом видны плавающие люди, слышны крики. Хотим помочь одному эсминцу, подворачиваем к нему кормой, но там мина.

9 час. 50 мин. вечера. Стоим. Кругом мины. Темно. Надо выждать до утра. По корме взрыв, другой. Снова... Кто?.. Стоим по бортам, вглядываясь во тьму. Коммунисты и комсомольцы Казаков, Митяев, Ревякин, Колотушкин, Соколов, Хаберов и Хрящев вызвались добровольцами прыгать за борт и руками отталкивать мины. Мы готовы тоже. Каждый из нас сделает все, чтобы спасти корабль. Отталкивать веслами или шестами опасно, так как мина может взорваться. Мимо проходит какой-то транспорт и с него кто-то (о, идиот!) стреляет из пистолета по мине у нашего борта. Крики предостережения.

Напряженнейшая ночь. Мины у борта. С транспортных сигналы, ратьеры, ракеты, прожектора...

Ночью комиссар «Ленинграда» сообщил мне обстановку. На корабле люди ведут себя безукоризненно. Не смыкают глаз, работают. Лишь на одну секунду была заминка, когда у нас справа и слева к бортам приближались 4 мины. Людей сразу удалось поставить на места.

Утро. Веду записи непрерывно. Непрерывные тревоги. Слышны взрывы. Атака торпедных катеров противника. Бьем главным калибром. Один катер утопили. Отражаем воздушную атаку. Число воздушных налетов даже не удалось подсчитать... Пике на нас... Еще! На одном транспорте пожар. Видно, как один «юнкерс» садится на воду, другой «юнкерс» зачем-то пикирует на маяк и бесцельно сбрасывает бомбы по островочку. Продолжаем поход. Снова отбиваем воздушные атаки. Все это, как у Данте,— прохождение по кругам ада.

10 час. 10 мин. утра. Опять налеты. Пикируют на нас. Бьем главным калибром. Бомба упала между нами и «Минском». Снова самолеты.

В 12 час. 05 мин. появились наши «ястребки». Иные кричат «ура». Мы почти сутки шли без всякого прикрытия со стороны авиации.

15 час. 25 мин. Виден Кронштадт... Приходим наконец в Кронштадт. На минзаге «Марти» выстроена вся команда. Она приветствует флот, героически прорвавшийся из окружения. Капитан 1-го ранга Мещерский этим актом приветствия глубоко нас тронул. Это было и чутко, и умно.

Я заканчиваю свои записи об этой фазе операций. Я много продумал за дни обороны Таллина. Балтийский флот делал все, что было в человеческих силах. Совершены сотни актов беспримерного в истории морских войн героизма. Балтийцы не запятнали своей чести ничем... Дрались упорно. История запишет прорыв Балтийского флота в ряды славнейших дел.

* * *

Август 1944 года (Кронштадт).

Перечитываю свои записи о Таллине. Нахлынули острейшие воспоминания. Балтийский флот с неизменным упорством четвертый год ведет борьбу. Беспримерную и замечательную.

Мы побеждаем.

Мы вернемся в Таллин!

БАЛТИЙЦЫ ОБОРОНЯЮТ ЛЕНИНГРАД

Гитлеровцы лежат в окопах и в блиндажах под Ленинградом, взирая на этот огромный, прекрасный, недоступный для них город.

Привычный, ко всему готовый город на замерзшей Неве. Трамваи идут по улицам и проспектам под артиллерийским огнем, не сворачивая с курса, как корабли. Высоко над городом рвутся немецкие шрапнели, а люди идут по своим делам, по своим домам, стоят в очереди за свежими центральными газетами. Город-фронт живет, в нем бьется по-прежнему сердце революции. По-русски, по-ленински спокойный, уверенный.

Репродукторы передают очерк Л. Толстого «Севастополь в декабре 1854 года». Толпа стоит как очарованная... Спокойный, русский героизм, скромный, чистый! И затемненный трамвай № 9 идет на передний край обороны — идет на «четвертый бастион».

Здесь каждый камень, каждое бревно были положены хозяйски, тщательно, заботливо. И мы жили большой, ладной и дружной семьей — здоровой, веселой, трудолюбивой, пытливой. Как бурлила творческая мысль! Сколько было умных дел, предложений, изобретений, книг, производственных рекордов, фильмов! Сколько новых сил раскрывалось в молодом поколении! Да, жизнь цвела!

Против этой жизни, против этого строя предательски выступил фашизм.

Ночью тучи в багровых отсветах — это вспыхивают артиллерийские зарницы. Люди идут, кутаясь в воротники пальто, идут сквозь мрак, холод на трассы оборонительных работ.

— Кто?

— Рабочие мясокомбината имени Кирова.

Идут группы к самым позициям.

— Кто?

— Из Кронштадта.

Люди идут вперед с лопатами, ломami, с кульками промокшей снeди. Позади — великий родимый Ленинград. Он поднялся, ошeтинился. Доски и песок закрывают на целые километры зеркальные витрины. Закрыты защитными сооружениями величественные памятники. Идут через мосты походные автоколонны, бойцы в шлемах — молчаливые, решительные. Проходят мужчины и женщины с противогазами через плечо. Обгоняя их, идет колонна с орудиями.

Родимый город, ты опять поднялся! Опять осень, как в памятные годы гражданской войны. Холодный, шквалистый ветер с моря, белые пятна воззваний и листовок, гранит и броня, артиллерийские раскаты близ твоих стен.

И красный флаг над Смольным!

Смена за сменой работают на оборонных заводах. Сначала дают 110 процентов, потом 120 процентов, 140, 160, потом 200, выше и выше...

Если кто хочет увидеть подвиг, услышать, как бьется сердце самого Ленинграда, идите на оборонные заводы. «Дай больше, чем наметил план!..» Могучий ритм тяжелых заводов подчиняет военному темпу мелкую и среднюю индустрию и промысловые артели. В сторону кастрюли, терки, примусы — делать минометы, мины, гранаты! Старики кустари переходят на массовый выпуск новой продукции. И они, эти старики, — живой 1905 год! — сами пустят в ход свою продукцию, если это потребуется. Я был свидетелем такой сцены: пришел на пункт беспалый калека с поврежденными ногами. У него сердце ленинградца:

— Отправьте на фронт!

— Товарищ милый, куда же тебе?

Да разве можно учесть народный многомиллионный простой подвиг?! Идут сотни тысяч всюду, куда только нужно: в огонь, в темень, в воду, — с охватывающим всех чувством братства, решимости и остроты положения.

Бойцы фронта напрягают все усилия и наносят гитлеровцам удар за ударом. Земля исцарапана огромными как бы когтями — это следы мин. Немцы стараются остановить нас шквалом огня. У нас —

напористый дух, окопно-фронтная хватка, выкованное в боях умение, тактическая ловкость.

Решимость пронизывает людей, бьющихся за город Ленина. Командир роты, бывший техник по автоделу, так сказал своей роте:

— Запомните, товарищи: отсюда мы пойдем только вперед либо останемся лежать мертвыми. Ясно?

Борьба идет на земле, на воде, в воздухе, под водой. Она быстротечна, невероятно интенсивна, многообразна, многолика.

Враг пытается подобраться к великому городу и с Финского залива.

Гремят наши орудия в отдаленных углах Балтики — взрываются и идут на дно немецкие пароходы там, где они никогда не предполагали встретить русское нападение.

Балтийские моряки заявляют Гитлеру:

— Придешь берегом — будешь отброшен.

— Придешь с воздуха — попадешь в зимнюю воду.

— Придешь морем — взлетишь на воздух!

Таких героев рождает наша Балтика. «На земле, в небесах и на море» бьются моряки за Родину, держат свои позиции, наносят врагам удар за ударом.

На воскресниках — поистине коммунистический вдохновенный труд. Идут ускоренно к месту важнейшие грузы, вырастают противотанковые рвы.

— Для тебя, родной город, для тебя, Родина, — все! Труд, пот, кровь, имущество — бери, страна!

Ленинград не останавливает потока даров, взносов в фонд обороны: миллионы рублей, золото в ломе и монетах, серебро, на десятки тысяч рублей драгоценностей.

* * *

Ленинград по-русски упорен. В морозы, во вьюгу, сквозь пургу идут по рекам и озерам катеры и баржи с боевым и продовольственным грузом, идут под атакой вражеских самолетов (по шесть налетов в день на одной из пристаней!), под артиллерийским обстрелом. Это быт войны. Работа не останавливается ни на минуту. Женщины варят обед, под обстрелом воспитывают детей, — они будут крепкие! — стирают белье, пишут письма на фронт, замечательные по стилю и

простоте. В окопы приезжают артисты, дают концерты; на фронте издаются газеты...

Жизнь всюду!

Враг дает «допинги» своим солдатам и офицерам, наркотики, водку, купоны в публичные дома. Усилили выдачу наград. Железный крест может получить теперь любой летчик. Правда, железа в Железном кресте Гитлера нет: кресты делают теперь из пластмассы. Сколько заменителей в Германии! Вместо правды — Геббельс, вместо победы в 1941 году — завшивевшие дивизии, застрывшие на Востоке...

Агитация их вся насквозь построена на лжи. Газеты, которые они выпускают на русском языке в захваченных районах Ленинградской области, утверждали еще в августе, что Ленинград взят.

Ленинград на все наскоки, хитрости, «призывы» врага отвечает ударом. Особенно злы гитлеровцы на балтийских моряков. Их атаки и огонь выводят из строя много фашистской живой силы. Пробовали воздействовать на моряков пикировщиками, психическими атаками. Все безрезультатно.

Гремят тяжелые раскаты орудий Кронштадта. На берег сходят новые морские отряды. Здесь мы родились, здесь выросли, здесь бились и здесь решили стоять до конца!

Ленинград, 1941 год

НА «ОХОТНИКЕ»

День был летний, балтийский, чарующей тишины. Солнца было так много, что в золотистом сиянии исчезали все краски. Хотелось вдыхать солоноватохвойный воздух всеми порами существа. На катере все было нагретым, раскаленным. Моторы ревели. Когда от переполнения чувств закрывались мои глаза, мир становился огненно-красным. Это солнце просвечивало сквозь веки, почти обжигало.

В ослепительной перспективе проступали темные безжизненные пятна — финские шхеры... А на нашем острове была жизнь. С крайнего форпоста, забравшись глубоко на запад, балтийцы бросали вызов врагам. Загорелая, потная морская пехота буквально переворачивала остров, дремавший много веков. С тяжелым шумом, содрогая землю и взметая столбы пыли, падали старые сосны. Топоры впились в кору и смолистую древесину. Землекопы — все та же морская пехота — врывались в землю. Лужайки были покрыты пахучей травой. Цвел дикий шиповник. Маленькое озеро отражало голубую бесконечность, и только временами поверхность озера рябилась то ли от раскатистых морских команд и выкриков, то ли от падения новых деревьев... Так можно было стоять часами: ты будто наяву видел, как строят Санкт-Петербург, крепость Петра и Павла, как строят Кронштадт. Закрой глаза и слушай голоса, шумы, природу, еле уловимое шуршание песка на дюнах, падение шишки, всплеск рыбы, жужжание недвижно парящей золотистой стрекозы, снова глухой удар упавшей вековой сосны, шорох какого-то зверька, крик чайки...

Открой глаза и смотри вновь и вновь на Балтику, если ты русский моряк и способен читать морскую природу. Вот белые облака, сверкающие до блеска, вот голубизна воздуха и вод — цвета родного флага.

Смотри не отрываясь в этот необъятный небосвод, и пусть слышен только свист ветра на дозорном катере, разве ты не слышишь музыки над всей Балтикой с палуб незримых прошлых и будущих русских эскадр! И да сопутствует тебе всегда несокрушимое упорство и воля в выполнении твоего морского воинского долга,— ими отличались те, кто вывел Россию на морские пути...

— Три самолета прямо по носу!

Это была на «охотнике» двадцать восьмая тревога за день. Время: пятнадцать ноль-ноль.

Одна из тревог прилась во время концерта, который давали у новопостроенных пристаней. Разбегаться по щелям? Этак и радости искусства не глотнешь. И все, конечно, остались. Артист пел, видя сотни молодых горячих глаз, впивавшихся в его лицо, глаза, рот. Песнь лилась ликующе... Самолет был над головами людей. Было видно, как оторвались бомбы. Глаза метнулись вверх, прикинули кривую падения, и кто-то осторожно шепнул артисту: «Пойте, мимо пойдут». Слышал ли артист — не знаю, но он пел. Грохнули разрывы, взвилась песня, а потом овации моряков: и за песню и за смелость. Ведь так понятно — ходить в щель, сидеть, теряя неповторимое настроение, собираться вновь — это значит убить встречу, убить песнь.

Итак, опять появились самолеты. Три «юнкерса» даже без охранения. На катере изготовились. Командир мельком посмотрел на наводчика. Тот ждал, вжав голову в плечи... Прошлый раз наводчик развернулся как будто неплохо. Дал по «мессершмитту» выстрел, трасса прошла близко, но мимо. Ввел поправку, дал второй выстрел, свалил самолет. Спрашивают: «Как вы попали?» — «Руку набил... Если мне команды ждать, какую поправку вводить, самолет уйдет, курс изменит. Я сам». — «Правильно...»

«Охотник» дал самый полный ход. За кормой бешено билась белая струя. Море было пустынно, видимость хорошая, словом, обыкновенный пейзаж. Не было никаких разговоров. Взгляд — только на самолеты и секунду-две на компас.

«Юнкерсы» были видны отчетливо. Казалось на мгновение, что это опять июнь 1941 года, Таллинский рейд, аэродром и веселый потный Антоненко, сняв

старый рыжий шлем, рассказывает, как он из облачка прихватил «юнкерса», когда тот шел на Гельсингфорс.

Вой моторов вверх и вниз слился. Дистанция сокращалась. «Охотник» дал первый выстрел. Трассирующий след потянулся вверх, как казалось, не очень быстро... Еще, еще немного... Что-то резко, ослепительно сверкнуло, на мгновение затмив сияние дня. «Юнкерс» исчез из глаз, на его месте хлестал бомбово-бензинный фейерверк.

— На своих бомбах взлетел!

Как-то замедленно, вразнобой падали темные обломки самолета, а на месте взрыва оставался дым. Все это произошло быстрее, чем об этом можно передать.

— Второй горит!

Левый ведомый «юнкерс» накренился и задымил. «Охотник» дал только один выстрел, значит второй «юнкерс» поврежден подрывом ведущего. Катер продолжал идти. Наводчик, вжав голову в плечи, следил за стремительными изменениями в воздухе. В море шлепались обгорелые, исковерканные обломки первого «юнкерса», и на много метров стали взлетать фонтаны и всплески. Второй «юнкерс» дымил вверх и сползал на крыло. Он засвистел несколько иначе, чем при верной, упругой пикировке, и косо, с огромной быстротой, пошел вниз. Море всплеснулось. Шипение, мгновенный пар, пятна масла, пузыри, воздушно-водяная муть.

— Глядеть за третьим!

Третий «юнкерс», видимо, совершенно оторопев, взмыл почти вертикально вверх. Он торопился. Ему, видимо, казалось, что катер его преследует и тоже лезет вверх.

— Два тела справа по борту!

— Тела подобрать. Глядеть за самолетом!

На катере выполняли разом несколько дел: крюком вылавливали два тела, смотрели за третьим «юнкерсом», смотрели за горизонтом и накоротке сообщали новости мотористам, которые одобрительно кивали головами, поглядывая вверх, будто там могли еще быть следы боя.

Тела двух немцев подобрали... С них текла вода и кровавая грязь. Холодно посмотрели на них, по необ-

ходимости проверили, есть ли документы. Их не оказалось. Нашли несколько талисманов.

Крючковой крикнул наводчику, мотнув головой на серые обвислые кучи мяса и костей:

— Посмотришь, что ли!

Наводчик следил за третьим «юнкерсом» и досадливо отмахнулся. Самолет, забравшись очень высоко, сделал разворот и, как с небесного Гауризанкара, стал съезжать вниз — к эстонскому берегу...

— Уйдет?

— Сегодня ему везет.

— Уйдет.

Самолет уходил, и не было никаких возможностей его догнать, повернуть, вообще что-нибудь с ним сделать. Досада и горечь были разлиты по лицу наводчика. Сигнальщик крикнул:

— Три «чайки» на зюйд-весте!

Три блистающих наших истребителя шли от эстонского берега к острову.

— Не видят «юнкерса».

— Уйдет немец.

Тогда наводчик, все время молчавший, внезапно дал выстрел. Трассирующий след побежал над морем. Все следили за трассой, ощущая острейшее нетерпение и напряжение. Хотел рукой, голосом, внутренним криком крикнуть истребителям: «Добейте его!»

Катер шел на зюйд-вест. Истребители сделали вираж. Заметили врага или трассирующий снаряд или это случайный поворот? Все молчали.

— Заметили!

Командир трижды дал в машинное отделение «самый полный». Успеть к месту было немыслимо, там погоня шла на скоростях выше 300 километров в час, но катер должен был быть в борьбе до конца. Этот закон, полагаю, известен.

Ветер несколько усилился. На бак захлестывало, это было приятно. Наводчик не сводил глаз с «юнкерса» и трех наших истребителей. Выражение лица у этого молодого балтийца было сосредоточенное. Руки готовы были дать выстрел, сейчас, впрочем, бесполезный. Все тело было в устремлении вперед. Если б было надо, он кинулся бы в воду, в огонь, чтобы поймать, добить противника.

Истребители сближались с «юнкерсом», подходя к нему сверху. На катере ожидали вспышек, после которых с небес доносится пушечно-пулеметный рокот. Вспышек не было... Почему медлят? В чем дело?.. Каждый молча невольно подсказывал, что опасно затягивать схватку до вражеского берега, где можно нарваться на зенитный огонь и на «мессеров»-охотников... Но что было летчикам до этих советов!

Три белые «чайки» шли эскортом вокруг темного «юнкерса». Это было похоже на погребальную процессию будущего.

«Чайки» не стреляли. Они только чуть снижались, заставляя «юнкерс» делать то же самое. Стрелок-радист на «юнкерсе» был либо в паническом оцепенении, либо убит при взрыве своего ведущего. Ни один выстрел не нарушил всей этой картины. Три блистающие белокрылые «чайки» шли хоронить пришельца, шли хоронить его на глазах врагов.

Еще ниже, еще ниже... На катере все молчали... Бег к чужому берегу продолжался.

«Чайки» с удивительным согласием, которое выработано годами летной работы, вели «юнкерс» к месту его погребения.

Наконец брызнули белые полосы воды: «юнкерс» с работающими моторами под углом стал уходить в воду. «Чайки» дошли до бреющего и взмыли вверх.

На катере все перевели дух.

Моторы ревели. Катер пронесся над местом, где был добит враг, и повернул. Было ощущение покоя и порядка.

Вдали были видны очертания отчаянного острова. Над ним клубилась пыль. Там действовали, строили.

Кронштадт — Ленинград, 1942 год

БЕЛЫЕ НОЧИ

Небо северное — серо-зеленоватое, и лишь западный край его объят будто пожаром. Погода штилевая... Ленинград затихает в вечернем покое, и неповторимый звук ускоряющего свой бег трамвая летит по прямому приморскому проспекту, летит к берегу, к постам... Он слышен, этот звук, в белую ночь и немцам — биение жизни великого и недоступного им города.

До самого конца мая стояли холода, и пришествие лета казалось страшно удаленным. Люди внимательно, с особым чувством, с напряжением глядели на пробивающуюся траву, на распускающиеся почки... Природа говорила Ленинграду, который с упорством пробивался из-под холодных ледяных наслоений, что жизнь восторжествует! И вот пахнуло теплом.

В июне 1941 года показались первые немецкие самолеты на подступах к Кронштадту. И вот снова июнь... Высоко в небе — аэростаты заграждения. Вечерняя толпа на проспектах и бульварах. Ленинградцы дышат теплом, они не изменяют привычкам, и с дач, где роют новые окопы и новые огороды, везут зелень, букеты, ветви, и вдоль тротуаров струятся нежные медовые запахи цветов... Низкие рокошующие раскаты с моря. Это бьют наши. Крякающие, тяжелые звуки — это бьют по городу... Но мыслимо ли разрушить этот колоссальный город-гранит, мыслимо ли нарушить привычки, труд, жизнь людей этого города!

На углу утром открывается первый летний киоск с водами, и ремонтники — первые потребители этих вод. Садовники делают новые посадки деревьев. Хозяйки моют окна. Рыболовы налаживают удочки. Ребята гоняют футбольные мячи... И вот эта простая, обыденная жизнь ленинградцев, свершивших

свой зимний цикл на «папанинской льдине» и под обстрелом вступающих в новый цикл, важнее всего.

Судите сами о душевной силе ленинградцев... Открываются летние художественные выставки в Доме Красной Армии — почти двести работ художников-окопников. Эти работы глубже, совершеннее всех прошлых наших выставок. В них батализм, условность, парадно-маневренный стиль властно вытесняются правдой войны. И глубинная народная выдержка, и фронтовой быт, и патетика схваток, и балтийские пейзажи, и сложность и стремительность боев, и десятки портретов, глядящих на вас твердым, ровным взглядом даже со вздрагивающих стен, — это первые шаги нового советского искусства эпохи Великой Отечественной войны. Ни одно имя экспонентов неизвестно, а выставка захватывает, и волнение пронизывает все твое существо. Какая же силища у народа, у города, если в такой блокаде он создает новое искусство! Я бы хотел, чтобы эту выставку видели друзья англичане и американцы. Они много нового поняли бы в дополнение к тому, что они уже узнали о нас.

Начался летний концертный сезон. Тяга в театры необыкновенная. Ленинградские кинооператоры ставят себе целью снимать бои, бомбежки, атаки, труды балтийских моряков, начавших вторую кампанию. Фронтовой театр — «Агитвзвод» Б. Бродянского выезжает на передовые с тысячным спектаклем. Режиссеры, артисты и авторы Ленинграда — я говорю о ряде людей — нашли свое место в борьбе.

31 мая в Ленинграде был первый в этом сезоне спортивный день. Команда «Динамо» и одна заводская команда вышли на поле. Динамовцы сделали «сухарь» своим противникам. Счет был 6 : 0, и обе стороны остались довольны.

На заводах с неодолимым упорством делают свое дело. По новому способу добывают и лют металл, делают удивительные изобретения. Я на днях спросил друзей:

— Ну, определите мне: во сколько раз повысили вы, ученые, технические нормативы, которые были, скажем, 21 июня 1941 года?

— Ну-у... Да раз в пятнадцать!

— Значит, до войны мы тут чего-то недоделали. Были расточительны, тратили в пятнадцать раз больше времени, сил и средств, чем надо?

— Точно.

— Так какие же резервы таятся в нашем хозяйстве?!

Ленинград за прошлый год сделал глубокие проверки и своим кадрам и методам работы. В борьбе Ленинград, и так достаточно закаленный, нашел новое общественное сцепление, новый источник энергии.

Город отстоял себя от натиска гитлеровских полчищ. Он уберег себя от пожаров. Он не замерз во льдах и стуже. Он создал ледовую дорогу и прокормил себя. Он сохранил нужные производства. Он сделал важнейшие технические изобретения. Он сохранил чистоту и абсолютный порядок. Он творит искусство.

Слава тебе, город Ленина! Слава тебе, хранящему под огнем традиции тех, кто жил, творил и бился на берегах Невы... И Александра Невского, и Петра, и Ломоносова, и Державина, и Кутузова, и Пушкина, и Менделеева, и Чайковского, и Репина, и Павлова, и Ленина, и Сталина.

Тихо на взморье. Немцы, вперив тоскливо усталые, голодные взоры на близкий и такой далекий город, караулят выход. Занятие напрасное. Балтийские моряки пройдут, куда им надо.

Раскатистый гром бежит по штилевой воде. Ему внимают чесменские орлы в былом Царском Селе: они узнают русский морской разговор и запах порохового дыма. Это бьет Кронштадт, и немцы лезут в землю до грунтовых вод.

Балтийцы вышли в море. Над заливом взмывающий рев моторов, как старое русское «иду на вы»... В крови нетерпеливое бурление, молодое, неукротимое: мы вас, немцы, доломаем!

Думалось: как начнутся новые бои в эти летние дни, в эти белые ночи? Они начались без «раскачки» — как прямое продолжение осенних накаленных схваток под навесом из скрещивающихся на десятках километров траекторий, в рычании обоих берегов залива, в вое снарядов, в дымовых завесах. Вымпелы

взвивались один за одним: «К выходу в море готовы!» Комиссии, как консилиумы профессоров, выступивали и выслушивали все агрегаты кораблей. Были придиричтивы... Но ремонт флота был сделан. Стужа и мгла были побеждены...

Воистину это был капитальный ремонт... В море, братья балтийцы! Навстречу западным ветрам, в соленом и теплом дыхании которых мы слышим шумы моторов, дым кораблей Англии и США. В море со всей силой воинской страсти!

И в море пошли тральщики и катера, первыми. С одного участка противника стали бить сильным огнем. Белые фонтаны взлетали, сея раскаленные осколки. Катера поставили дымовую завесу. Враг хотел огнем шквалом парализовать выход балтийцев, перетопить их или заставить обратиться вспять. Эта задача не по силам противнику. Балтийцы шли, не отворачивая, сквозь разрывы. Порывы ветра сбили завесу дыма. И образовался просвет. Корабли, шедшие на операции, стали видны противнику. Новый шквал огня. Лейтенант Окопов решил своим телом закрыть «окно», — он подвел катер в адово кипение моря и снарядов — «окно» было «закрыто». Лейтенант Окопов отдал жизнь Родине и флоту. Корабли выполнили боевое задание.

Наступательный горячий порыв охватил всех... В одной операции вышла из строя паровая магистраль. Отсеки наполнились нестерпимым жаром. Дыша, как на верхней полке парильни, люди продолжали стоять на постах. Их лица были темно-красными и мокрыми. Тогда шагнул вперед молодой коммунист Фрейдин: «Берусь исправить магистраль». — «Опасно для жизни, учитываете?» — «С физикой знаком как будто. Иду».

Считали дело невозможным: работать в узкой щели, накаленной до 80 градусов. Фрейдин надел асбестовую рубашку и пошел в щель. Распаренное тело могло разбухнуть, и тогда человек не вылез бы... Фрейдин работал три с половиной часа. Задышавшись, страшный, он вылезал иногда, пил воду, делал несколько глотков воздуха и шел обратно. Работа была сделана. Корабль выйдет в море.

Драки идут жестокие... «Охотник» старшего лейтенанта Панцырного в море был атакован пятью «мес-

сершмиттами». С неба пролился поток зажигательных пуль и снарядов. Первый ответный выстрел Алексея Молодцова. От «мессершмитта» отлетает хвостовое оперение. Самолет со свистом врывается в воду. Всплеск, шипение мгновенно образовавшегося пара, пузыри, масляные пятна, волна, другая,— и все тихо, и нет следов. Второй истребитель зашел сзади и прострочил катера по спинам. Двое раненых, кровь,— моряки не сходят с постов и продолжают вести огонь. Пикирует, ревет мотором третий истребитель. Его встречает Федор Клочков и сильной очередью прошивает мотор истребителя. Он задымил, отвернул и опять к берегу. У берега он качнулся и упал. Балтийцы ждали и четвертого и пятого, но они не пошли на штурмовку.

На постах службы наблюдения и связи стоят внимательные и зоркие люди. Они не опускают биноклей, не отходят от стереотруб и при обстрелах, и в непогоду, и при бомбежках. Бывает, бросит воздушной волной, стукнет,— отряхнется человек и опять глядит за небом... Набегут тучи, и потемнеет белая ночь. Видимость плохая. Жди врага! Ты должен оповестить крепость, флот, город...

Ползет туман. Все цепенеет в тишине. Цепенеют и вслушивающиеся сигнальщики Кронштадта.

Шум моторов. Чьи? «Наши... Летают, черти, в такую погоду!» — «Значит, надо». Истребители пронеслись, что-то высмотрев. «Скопление в районе У. Движение по шоссе».

Надвигалась ночь. Было мглисто. «Отличная погода для внезапного удара». Истребители взлетают с аэродрома, настигают немецкую мотоколонну на марше. Двенадцать машин, набитых пехотой, боеприпасами, взлетают на воздух. Огненные столбы. Зарыво пожара, мечущиеся немцы. Еще одна волна истребителей, довершающих ночной налет. Будем ждать ответных визитов... Немцы приходят на следующий день. Их ловят прожекторы, бьют зенитки, крупнокалиберные пулеметы, их бьют из пулеметов и винтовок. Стреляют теперь с навыком и холодным ожесточением, без прошлогодней перевозбужденности, суеты. Стреляют все лучше. Одна машина ввинчивается в залив, другая, третья... Взрывается сброшенная немцем впопыхах мина. Стрельба идет жестокая, хо-

лодная. В воду вмазывается еще одна машина, другая... Кто-то аплодирует, потом спохватывается, хватает винтовку, стреляет опять. «Упреждение брать! Три корпуса». — «Берем!» Цветные фонтаны трасирующих снарядов. Еще одна машина. «Это вам начало лета 1942 года, герр Геринг, а не иллюзии 1939 года». Шлюпка доставляет оглушенную рыбу.

Временами попадает один из геринговских визитеров. Грязноватый комбинезон, грязное белье. Широкое лицо, отведенный в угол взгляд. Прусская стойка. Год рождения 1920-й. Сын мастера автомобильной фабрики Шторц Вернер из Фридрихсхафена. Так точно, пикирующий бомбардировщик.

— Отряд, эскадра?

— Пятый отряд, двадцать второй эскадры капитана Крюгера.

— Сколько боевых вылетов?

— Пятнадцать... Я только хотел разведать погоду.

— К делу. Сколько самолетов осталось в отряде?

— Было десять.

— Ответ не по существу.

— Осталось два.

— Вы — третий?

— С моим два.

— Свой забудьте. Итого сколько?

— С моим два...

Тут поневоле люди смеются. Здоровые, сильные, опытные кадровые истребители: Сербин, Бискуп, Корешков — они смеются.

Вслушиваются, всматриваются в серо-зеленую сумеречную даль сигнальщики. Где-то высоко проходят с ровным звенящим гулом наши дальние бомбардировщики...

На Запад!

В Доме Красного Флота идет оперетта. На ночную учебную стрельбу идут роты моряков. «Воздух!» Все по обочинам дороги. Быстрее, еще быстрее. Встать! Это учеба. Снова шаг ровный, крепкий. «Газы!» Рота готова к бою и в этих условиях.

Радисты, склоняясь к приемникам, слушают в ночи новости мира. «Более тысячи английских само-

летов нанесли удар...» Так, доброй погоды, английские летчики!

Мелькнул на мгновение огонек... В ночи, которая длится часа два, скользнули силуэты кораблей...

Синие вспышки трамваев над Ленинградом. И в одиннадцать ночи во все рупора города, как сверхсоединенный оркестр, во все стороны огромного кольца, в лицо врагам гремит пылающий, как дух Ленинграда, «Интернационал».

Ленинград, 1942 год

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Семнадцать месяцев без передышек и пауз сражается Ленинград с блокирующими его немецкими армиями.

Рокошет артиллерия фронта. С наблюдательного пункта балтийских артиллеристов открывается широкий обзор. За Невой, укрытая снегом, многорядная сеть опорных узлов противника.

Идет бой. Балтийские артиллеристы прокладывают путь пехоте. Огневой налет по населенному пункту, где укрываются гитлеровцы. Лязгают замки, рывок за шнур, желтое пламя и резкий грохот. Горячие гильзы, дымясь, падают на снег и шипят на нем. Высоко вздымается желтое пламя, горят немецкие снаряды на складе. Очень хорошо горят...

В многоголосый хор артиллерии вступает октава: батарея товарища Жука. Восемь прямых попаданий в здание-дот, где еще отстреливаются последние немцы-автоматчики. Падения этих снарядов напоминают разрывы крупных авиабомб...

Начала отвечать 210-миллиметровая батарея немцев. Тяжелый свист и разрывы. В ответ ввязываются наши вторая, третья батареи...

Артиллеристы приподнято возбуждены: «За колыбель революции — за Ленинград!», «За Кронштадт!».

Огневые налеты и яростные дуэли перемежаются с методическим беспокоящим огнем. Враг уже восьмые сутки не знает покоя. Это бьет Ленинград, город, на капитуляцию которого рассчитывал Гитлер еще зимой 1941 года.

Недоумок был жестоко наказан.

Разве соединимы эти слова: «капитуляция» и «Ленинград»? Разве здесь, в Ленинграде, не русская оборона!..

Выла метель, как шабаш ведьм... Улицы становились непроезжими — помните, какие наметало сугробы!

Кварталы зияли пустыми впадинами окон... А ленинградцы видели неизменно свой прежний, шумный, неповторимый, красивый город...

Вот он, блистающий голубизной неба и водами Невы, золотом адмиралтейского шпиля, вымытой листвой парков, аметистовыми отливами дворцовых окон... Вот он, бурлящий неисчислимой энергией советских граждан. Чуть утро выходили они на работу на прославленные заводы. Семь-восемь часов труда в смену, и город — одни его крупные заводы — выдавал продукции на тридцать один миллион рублей, оставляя позади всю суточную промышленную продукцию старой России. То ли еще будет в годы после победы!

А порт Ленинграда! Он перерабатывал три тысячи вагонов в сутки и состязался с портами Нью-Йорка и Лондона.

А голоса нашего города! Четыреста тридцать пять тысяч веселых, здоровых, горластых школьников, с блестящими глазами. Они учились, шумели, шалили, фантазировали, зачитывались книгами о путешествиях и войнах — будущие техники, инженеры, офицеры, педагоги, врачи, художники, летчики, моряки...

А сто двенадцать тысяч студентов и студенток! Город-вуз во главе со старейшим Ленинградским университетом, где некогда блестяще сдавал экзамены молодой Ленин...

Когда над взморьем от пожаров и взрывов алело небо, мы по-прежнему, наперекор обстрелам, слышали вечерний шум, говор и смех толп, наполняющих улицы, сады, бульвары, парки. Умертвить Ленинград немислимо!

Гитлер не знал, с кем будет иметь дело.

Ленинград выиграл уже пять битв. Началась шестая!

В ночь на 12 января войскам был зачитан приказ об историческом значении предстоящего удара.

От истоков до устья Невы, от Шлиссельбурга до Ленинграда в девять часов тридцать минут утра 12 января 1943 года раздался гул, грохот, рокот, временами все заглушалось львиным рыком «катюш», после которого все разом затихало. Работали все калибры — от малых противотанковых пушек до крупных линкоровских орудий, снаряды которых весят

больше тонны. Горизонт заволокло бурым дымом, сквозь который прорывались языки пламени. У немцев горели склады, горел боезапас... Унтер-офицер Франц Гильденфельд, попавший в плен, рассказал, что уже в течение первого получаса их полк почти потерял способность к сопротивлению. Это вдвойне интересно, так как на нашем участке пришлось иметь дело с известной 170-й немецкой дивизией, особо отмеченной Гитлером за Украину и Крым. Пришел час поквитаться!..

Братья украинцы и защитники Крыма! Ленинградцы докладывают вам: с этой дивизией расплатились беспощадно!

Два часа стоял гул, грохот, рев от Ладожского озера до Ленинграда. Краска на орудиях сгорала. Откуда-то неслись горячие волны воздуха. Балтийцы на дальнобойных работали мокрые от пота, раздетые. На подаче снарядов действовали раненые, коки¹, хлебопеки, свободные от работы связисты... Выстрелы смешивались с возгласами: «За Ленинград!», «И за мой Киев!», «И от Кронштадта!». На нашей батарее красным мелом (нашли где-то) писали на снарядах крепкие ответы Гитлеру насчет того — есть ли люди, которые могут прорвать созданную вокруг Ленинграда немецкую линию, или нет?

Конвейером шли наши «илы» и бомбардировщики.

Артиллерия без передышки била по глубине немецкой обороны, а глубина была большая. Наблюдатели наши лезли на столбы электропередачи, срывались сраженные осколками; другие заменяли их и продолжали корректировать огонь.

Это Ленинград объяснял Гитлеру, как надо драться.

Потом притихло. Пехота рванула в атаку. Вперед через Неву... Многие шли с песнями, и ветер доносил пополам с грохотом слова, которые народ знает наизусть...

Балтийские моряки вместе с армией пошли в шестую битву за город Ленина. Они видят его, родной город, такой привычный и неотъемлемый от страны. Закроешь глаза — перед тобой Нева, тянет дымком от заводов; славный Васильевский остров, вот Кронш-

¹ Кок — повар.

тадтская пристань, где 3 ноября в 1815 году пошел первый в России пароход — по линии Петербург — Кронштадт; вот верфи, эллинги, стапеля; вот улица, здания, с которыми связана вся твоя жизнь... Балтийцы, наступая, мысленно видели Финляндский вокзал, броневик, могучую фигуру Ленина, чей дух унаследовал наш город.

Балтийцы и в рядах пехоты заняли подобающее им место. За сеньявинские бои дивизии, в рядах которой были моряки, было вручено Гвардейское знамя. Это знамя командир дивизии поручил хранить роте моряков.

Это — прекрасная рота. Вот истинные сыны Балтики, города Ленина.

Еще осенью, отбив у врага важный рубеж, рота сделала так: моряк-крепыш всадил в гребень немецкого окопа русскую винтовку — прикладом в землю — и на четырехгранный штык одним движением насадил тельняшку. Ветер подхватил ее, она взметнулась, как вызов, как знамя, как крик «Полундра!», что значит: «Берегись!»

Берегись же Ленинграда, Гитлер!

Немцы с осени 1942 года по январь 1943 года пытались вернуть этот рубеж, сбить балтийцев. Но балтийцы отбивали все атаки одну за другой.

Наступать, ленинградцы, бить немецких фашистов нещадно, пока не будут они кончены! Кровавая пена уже на губах врага, дави его крепче, злее, дави, друг, не ослабляй накала, нажима!

Январь. Снега... Родимый город улыбается, утирает слезы счастья. Пришел час наших контрударов! Фронт перекликается с фронтом, и под ударами неимоверной силы — силы России — дробятся и крошатся дивизии, армии, фронты Гитлера.

Берегись же Ленинграда и дальше, Гитлер! Наш счет и наша злоба — особые. Мы за все сосчитаемся!..

...Бой не затихал ряд дней. Мертвенно-желтые ракеты перемежались с красными и зелеными. Немецкий гарнизон из Шлиссельбурга молил о помощи и спасении. Со льда Ладожского озера в предрассветной мути шли наши новые лыжные отряды. Вдали глухо урчал Волховский фронт — шел к нам навстречу. Фронт Гитлера трещал.

Над Шлиссельбургом еще висело гитлеровское знамя. Выстрелом сбивает его лейтенант Федоров... А когда город, квартал за кварталом, был очищен, на колокольню влез боец Губанов и поднял красный флаг. Его увидели тысячи людей... Шлиссельбуржцы, исхудалые, измученные, вылезали из своих подвалов и берлог.

Уже разносится весть, что наши соединились с Волховским фронтом. Первым пробился сквозь все немецкие укрепленные полосы, с ходу взяв поселок № 1 и выйдя на соединение, батальон капитана Федора Собакина. Его имя Ленинград не забудет.

Ленинградцы крикнули во весь голос: «Здравствуй, Большая земля!» Их стиснули в объятиях волховцы... «Большая земля, наконец-то!..»

В этот крик было вложено все — боль и радость, все пережитое за семнадцать месяцев осады, и все наши надежды, и наша вся сила!

Один майор спросил: «Где моряки?» Закопченные, потные, они посмотрели на него. Он тоже глянул — попристальнее — и бросился их целовать: «Ну, черти, и били же вы!» Это было заслуженной похвалой балтийским артиллеристам.

На полянах стояли тяжелые осадные орудия, из которых гитлеровцы били по Ленинграду. Рядом валялись убитые ленинградцами фашистские артиллеристы. Не сговариваясь, наши повернули эти орудия вслед врагу и с бешенством, с радостью громили узлы его сопротивления...

...Бой продолжается. Сейчас наши проламывают каждый укрепленный узел...

Ленинград взбудоражен... Люди высыпали на улицы. Улыбки и слезы. Город украшен флагами. Рядом с выжженными домами и кварталами эти флаги — символ будущего, символ восстановления, строительства Ленинграда.

Город — прекрасный, любимейший, родина моя! Ты выиграл и шестую битву. Здравствуй же в веках, город Ленина!..

*Ленинград,
23 января 1943 года*

ПОХОД К ШТЕТТИНУ

За Вислой, среди серых обнаженных полей, вы уже явственно ощущаете дыхание фронта. По широкому Познанскому шоссе — двойной поток тяжелых автомашин — на фронт и с фронта. А в глазах ваших — на годы оставшаяся картина руин Варшавы. Не кварталы некогда прекрасной столицы Польши, а бесформенные груды кирпича, исторгающие под дождем кровавые струи и ручьи. Обгорелые и скрюченные балки, неистребимый запах гари и тления, песок, размешанный пополам со стеклом, зияющие провалы, черные, холодные и липкие подвалы, обрывки кровавых бинтов, парашютов, воронки, наполненные водой. И везде ржавая колючая немецкая проволока, сдавливавшая Варшаву больше пяти лет.

Надо видеть Варшаву, видеть собственными глазами, чтобы понять то, что с ней сделали немцы.

И надо видеть висленские укрепления, висленские валы немцев, чтобы понять, что с ними сделала Красная Армия.

Немцы ждали нашего наступления. Их пропаганда призывала к железному отпору: «Висла — защитный вал фатерлянда». С солдат брали письменное обязательство: стрелять до последнего патрона. Солдат предупреждали об ответственности семей в случае самовольного оставления позиций.

Январь был пронизан ожиданием и страхом. Некоторые немецкие солдаты и офицеры писали завещания, по ночам все прислушивались к малейшему шороху на русской стороне, и все же русский удар грянул внезапно и был поистине сверхошеломляющим. Пусть об этом скажут уцелевшие: «Мы были разбужены такой канонадой, какой за всю войну мы еще не слышали. Над окопами стоял крик, призывы о помощи. Никто не отзывался. Люди забивались в щели и дрожали. Бежать назад было самоубийством. Нас

потрясала планомерность русского огня. Первая и вторая линии окопов, хода сообщений, пулеметные и минометные гнезда, командные пункты, узлы связи — все было под уничтожающим огнем. Мы забыли обо всем, многие были уже в невменяемом состоянии».

Так начался исторический прорыв Красной Армии, так началось в 1945 году вторжение в пределы Германии, ответ на вторжение немцев в 1941 году, так советские войска расплатились и за Варшаву — вовремя, подготовленно, обдуманно.

Немцы спешно перебрасывали пехоту и танки в Померанию на фланг войск маршала Жукова, глубоко вклинившегося в немецкий рейх. Командующим этой группировкой был назначен Гиммлер. Мы задали вопрос одному пленному генералу:

— Как отнеслись вы к тому, что командующим на важнейшем направлении был назначен полицейский, имеющий лишь опыт палача?

— Генералы отнеслись к этому назначению трояко: одни делали саркастические замечания, другие пожимали плечами, третьи молчали.

Но как бы то ни было, Гиммлер взялся за оперативное руководство. Его приход отмечается усилением террора в немецкой армии. Гиммлер распорядился вешать всякого солдата, который будет задержан вне пределов своей роты, вешать не позднее чем через два часа после задержания. Виселицы уже появились. Во Франкфурте-на-Одере повешено 15 солдат и офицеров за оставление позиций, за дезертирство, за мародерство. В Штеттине повешено еще больше.

Когда вместе с войсками генерал-лейтенанта Казанкина мы вступили в город, только что отбитый у немцев, первое, что мы увидели на площади, — двух повешенных. Работа была выполнена чисто, с немецкой аккуратностью. Местные гражданские немцы передавали, что эти двое солдат повешены за дезертирство. Слова пленного немецкого генерала подтверждались.

— Мы старались, — продолжал немецкий генерал, — смягчить жестокости, ибо надо было кем-то комплектовать рассыпавшиеся части, ринувшиеся под защиту очередного — Померанского — вала.

— Следовательно, можно понять, генерал, что вы людей получили, успели реформироваться?

— Да, в некоторых дивизиях были представители пятидесяти частей!

— Можно перевести слово «представители» словом «дезертиры»?

— Это близко к истине.

В феврале Гиммлер решил нанести контрудар по флангу наших армий, дошедших до Одера, проникших в глубь Померании. Стены домов были оклеены массой воззваний и призывов, из которых запомнилось одно. Большая зеленая афиша вещала: «Померанцы, вы всегда были гордостью и надеждой Германии, старый Фридрих называл вас своими гренадерами!»

Итак, в феврале эти гренадеры попробовали остановить русскую лавину, неотвратно устремившуюся к Штеттинской бухте, в глубь Померании. Фашистский контрудар иссяк, едва начавшись. Вражеские танки захлебнулись в русском огне, немецкая пехота прилипла к весенней грязи и не поднялась. Фашисты предполагали, что с началом распутицы, с бурным разливом Варты и Одера наступит некая пауза, но они предполагают, а советское командование располагает.

Без пауз, с решимостью, с ясной целью войска 1-го Белорусского фронта нанесли Гитлеру новый сокрушительный удар. Наши разведчики выяснили, что противник в 8 часов утра подтягивает кухни, производит смену, кормит солдат. Артиллерийский шквал и был обрушен на гитлеровцев в этот час. Поестъ им не удалось, бежать было некуда.

Солдат Дмунке, сдавшийся в плен на переднем крае, еще дрожа от страха, говорит:

— Ваше наступление ошеломляюще, не было ни одного метра земли, который не поражался бы вашими снарядами. Это чудо!

Да, здесь была наша чудесная техника — по нескольку сот орудий на километр, были наши «катюши», были наши минометы. Они и громили линию немецких укреплений.

В прорывы, совершенные артиллерией и пехотой, ринулись танки и механизированные части. Это был стремительный бег к морю, рывок к Штеттину. Танки, а за ними и пехота шли веером. Они, углубляя удар, стремились к морю. В пути одни поворачивали

на запад, другие — на восток. Наступление распространилось во все стороны, осью своей оно было нацелено на Штеттин. Удары танков и пехоты разрезали немецкие войска на куски, молниеносно создавая ряд больших и малых котлов. Нам пришлось участвовать в этом «беге к морю».

Ух, как далеко, невероятно далеко ушли времена лета и осени 1941 года, когда с треском катили фашисты-мотоциклисты по дорогам Прибалтики, Белоруссии и Украины. Вот, сминая и тяжело деформируя провинциальные немецкие шоссе, идут наши танки и самоходки. Воздух полон моторного и дизельного теплого газа. Вся почва гудит и дрожит, и окна в немецких городах жалобно звенят...

В сумерках, как бешеные, несутся мотоциклетные части. Это смельчаки-гвардейцы. Они включают все фары — «иду на вы», — помните этот открытый русский гордый клич — идем на тебя, гитлеровская Германия! А там, где нужно, танки и самоходки идут во тьме, постоянно появляясь в немецких тылах внезапно и грозно.

На узле связи,двигающемся вслед за частями, куда мы заехали, не стихают сообщения, вызовы, запросы. Идут донесения. Во тьме идут неутомимые связисты, тянутся провода, десятки проводов, основных, дублирующих и прочих, немедленно следуют за всеми частями и штабами. Связь вездесуща и безотказна. Во мраке ночи слышны и немецкие передачи, временами с открытым испуганным текстом: русские танки! Да, да, это практический урок генералу Гудериану, автору явно скороспелой книги «Внимание, танки!», и Гиммлеру, и другим.

Рассвет открывает нам картины разгрома врага. Брошенные дальнобойные орудия. Они еще не успели остыть, и бойцы, смеясь, греются, похлопывая по массивным стволам, задранным в небо. Немецкие грузовики, уткнувшиеся в канавы и кюветы, офицерские машины, трупы. Здесь прошли русские танки!

Кругом взбухшие поля, местами болота или симметричные, подчищенные немецкие лесочки, розовокрасные домики немецких хуторов, абсолютно притихших.

Вот очередной рубеж гитлеровской обороны. Он взят с ходу. Валяются трупы фашистов. А танки

стремятся вперед, не задерживаясь. Наш «виллис» оказался между двумя танками, громыхающими по дороге. На броне танка лежат спокойно, невозмутимо десантники, мокрые, привычные. Один спит, раскинувшись могуче. Виды Германии его не интересуют. Он отдыхает после одного боя перед другим. Надо ведь еще взять несколько городов и вырваться к морю точно, в назначенный день и час. Грязь летит из-под гусениц танцующими потоками. Сколько видит глаз, шоссе полно идущими танками и машинами, глубина прорыва уже 42 километра.

Сворачивая вправо, отделяются от нас польские боевые машины на свой участок. В час добрый!

Ночь в Померанских лесах. Увязая по колена в грязи, бродят отдельные группы немцев: они стремятся пробиться на запад, к Штеттину. Тщетно! Вот раздалась очередь автоматов. Затихло. Опять лезут. Принесли документы только что убитых немцев, снувших было из леса. Летчики! Удивляться нечему. Лишенный горючего, немецкий воздушный флот отдает сейчас тысячи летчиков в пехоту. В полку, который попал под пушки и гусеницы танков, был целый батальон из летчиков.

И снова мы в движении к цели — к морю. Гитлеровцы ожесточенно сопротивляются. Города превращены в опорные пункты. Улицы при въезде в город, как правило, заграждены высоким частоколом из бревен. Другой частокол — через метр-два. Пространство между ними засыпано землей, камнями. Для въезда в город оставлена узкая щель. Так в Фрайенвальде, так в Дабере, так в каждом крупном селении.

В Фрайенвальде немцы все улицы перегородили. В некоторых оставили узкий проход, в некоторых завалах только бойницы. Город превратился в крепость. От атаки в лоб наши войска отказались. Батальоны прошли в обход. Почувяв угрозу окружения, фашисты бросились бежать из своей крепости. Не помогли истеричные и высокопарные призывы гитлеровского командования, которое в этот день, обращаясь к солдатам, писало: «Пока мы сами не опустили руки, пока из каждого погреба и из-за каждой изгороди будет встречать противника огненная струя выстрелов из пулеметов или панцерфаустов,— мы не погибнем».

Но города превращаются для них в мышеловки, а погреба — в могилы.

Несмотря на сопротивление, движение продолжается. В пути беседуем на ходу с одним из наших генералов. Он говорит:

— Наступление общее, уже опережаем планы, — и он торопит подчиненных — как бы не обставили соседи.

Навстречу немецкие беженцы. Тяжелые фуры, набитые красными перинами, подушками, матрацами, тряпьем. Немцы смотрят в землю, некоторые кланяются.

На шоссе стоят с простреленными шинами два старомодных двухэтажных немецких автобуса, покрытые сверху донизу рекламами берлинских фирм. Хорошо, в недалеком будущем заедем и в Берлин, а пока — к морю! Проезжаем новый город — Наугард. Окраинные дома побиты, горят. Фашисты пытались оказать сопротивление и были сметены. В тающем снегу валяются «смертники», пытавшиеся остановить стальной поток выстрелами панцерфаустов. Об этом оружии Гитлер много шумел. Эта реактивная граната, как вещал Геббельс, должна была пробивать любую русскую броню и вообще сотворить чудеса. Никаких чудес, однако, не получилось.

Центральная улица города. Все пышет жаром, гудящие языки пламени вырываются из окон, огонь лижет стены, взрывается боезапас для местного фольксштурма, уже разбитого в прах. Вот их ведут, уцелевших и сдавшихся. Сопливые парни и какие-то бюргеры в мягких шляпах.

Разметанные противотанковые заграждения. Город только что взят. Удаляющийся гул выстрелов, мечутся какие-то фрау. Одна зовет мужа. Брошенное пустое отделение газеты «Померше цейтунг». Гитлеровские борзописцы сбежали, не дописав статьи о том, что «фольксштурм будет стоять до последнего вздоха, верный фюреру».

Отблеск пожаров и непрерывный лязг танков, теплый газ, уносимый ветром в море. С бумажным факелом заходим в кирку. Все брошено. Валяется немецкое оружие. На дверях немецкая надпись о том, что кирка занята под казарму.

Движение все убыстряется.

Город на берегу. Бухта. Море. Путь немцам с во-

стока на запад отрезан. Город защищал батальон немецких моряков. Вот они стоят перед нами — пленные. Они с разных кораблей: одни — с потопленных, другие — с поставленных на прикол, третьи — из морских школ. Батальон был разбит, рассеян, расстрелян в упор. Трупы немецких моряков валяются у дороги справа, слева шоссе.

На берегу стоят наши танки. Они методично бьют по острову, на котором засели немцы. Из-за острова вылетают немецкие бомбардировщики. Выше два «мессера». Затем неожиданно из-за мыса выходят три немецких катера и начинают бить в упор по набережной, по танкам, по городу. Резкие, оглушительные разрывы, дым! Тогда восемь наших танков и подоспевшая артбатарея начинают отвечать. Блеск и грохот, и — мы видим, как два немецких катера моментально, задрав корму, уходят в холодную воду. Третий, прикрывшись дымовой завесой, ложится на обратный курс.

Задача выполнена. В холодной дали лежат перед нами низкие острова, коса Штеттинской бухты.

Урча и фыркая, часть танков сворачивает к югу, на береговое шоссе.

Высоко проходят в небе наши разведчики на Штеттин.

*1-й Белорусский фронт,
16 марта 1945 года*

У ГДЫНИ

Свирепый шквалистый ветер гнет деревья на шоссе. Машина взлетает на последние высоты перед морем. Справа и слева сотни сваленных могучих, вековых деревьев. Здесь немцы торопились сделать сплошные завалы и засеки. Но не успели... Немецкие батареи с орудиями песочно-желтой окраски стоят на позициях. Артиллеристы лежат мертвые... Здесь прошли наши танки. Они шли быстро, сминая и давя все, что оказывало сопротивление...

Море!.. Данцигская бухта перед нами, хмурая, холодная... Влево тянется покрытая лесом узкая коса Хела... Тут выскочил на камни немецкий миноносец, быстро затем расстрелянный нашими артиллеристами...

Желто-черные немецкие дорожные указатели сбиты и смяты. Свежие, наши, бело-синие указывают: «Пуцк, 4 км»... Влево — аккуратно собранные обломки немецких истребителей... Ветер развеивает флаги, украшающие маленький приморский городок... На стенах еще не содранные призывные афиши фолькштурма... По узким улочкам сбегает вниз к самому берегу. Солоновато-тинистый морской запах, склады, пристани, катера, яхты — и сшибающие с ног порывы ветра... Чудесно!.. И еще чудеснее — среди всего этого увидеть балтийские ленточки... Они уже здесь — наши разведчики и гидрографы...

— Когда из Таллина?

Живой обмен репликами, улыбками, новостями... Осмотр местного гидропорта и не лишенных интереса фотоальбомов порта, брошенных немцами.

Городок маленький, но он, как и его порт и аэродром, играл свою роль в общей системе Гдыньско-Данцигского укрепленного района. Новый бургомистр, польский майор, рассказывает нам о первых шагах

местной власти и советской комендатуры... Пущены в ход пекарни, скотобойня... Учтены все склады и запасы. Создана польская милиция. Немецкие миноносцы бессмысленно и жестоко обстреливают центр города... Население берется за дело — открываются магазины, мастерские... «На днях,— улыбаясь, говорят мне польские офицеры,— будет первая свободная польская свадьба...» Чтобы хорошо и верно понять эту фразу, надо знать, что в Польше с 1939 года по январь — февраль 1945 года по немецким законам воспрещались браки — мужчинам до 28 лет, женщинам до 25 лет; браки для людей более старшего возраста были предельно стеснены гестапо, требованиями разрешения, взятками, необходимостью искать незакрытый костел (немцы превращали костелы в казармы, склады и т. д.)...

Красная Армия смяла немецкие рубежи, завалы, засеки и все немецкие нацистские порядки и законы, неумолимо ведущие к физическому вымиранию и катастрофическому уменьшению народа польского.

Мы глядим на лица детей; улыбающиеся, милые ребятишки — они впервые за шесть лет пошли в школу... Польша абсолютно была лишена школ и университетов, а учительство и профессура выбиты на 60 процентов...

Мы глядим на открываемые больницы — и не можем забыть еще одной цифры: немцы уничтожили 60—70% польских врачей,— дабы народ не имел медицинской помощи, болел и вымирал...

О, это была продуманная система ограничений, запретов, умерщвлений и беспрерывного духовного обезволивания и отравления живых.

Вокруг Гдыни и Данцига были десятки немецких лагерей: для русских, поляков, французов, югославов и др. Это лагеря под номерами 126, 230, 326, 357 «1В» и другие... В одном из них — как, впрочем, и везде — зеленые проклятые бараки, такие же, как в Майданеке... Огромные ямы-могилы, сотни трупов... В одном из барakov — пятьдесят русских женщин, детей, стариков... Это скелеты, покрытые серой, дряблой кожей... Тридцать человек лежало перед нами без сознания, в сыпном тифу...

Тихая и молчаливая ярость была на лицах советских офицеров и солдат... «И детей, и детей?..»

И чтобы вы лучше поняли силу, стремительность, неудержимость наших ударов в Германии, вдумайтесь в эти ежедневные наши встречи и наблюдения... Со стен барakov к нам вызывают простые надписи и лаконичные завещания погибших советских людей... В наших руках тайные дневники и исповеди, написанные карандашом, отсыревшие... Какие тут находишь стихотворения, написанные в самый канун прихода Красной Армии!.. Гонимые немецкими палками и прикладами, смелые, упорные невольники оставляли нам свои благословения и надежды...

Вот почему, повторяю, еще сильнее, еще неудержимее наш натиск. И тут мы коротко опишем одно побоище на путях к Гдыне.

Немцы — вся их 2-я армия из состава крупной группировки Гиммлера — прижаты были к Данцигской бухте смелейшим маневром. А еще вчера Гиммлер и подчиненные ему командующие армиями думали нанести подобный же удар нам...

Пытаясь уйти из-под удара, к Гдыне — с северо-запада — полным ходом шла огромная немецкая автоколонна. Здесь были танки, самоходные орудия, транспортеры, фургоны, легковые «оппели», «мерседесы», «вандереры», батареи на механической тяге, помещицьи кареты и ландо, тяжелые фермерские фуры, снова батареи и так без конца... Все это, торопясь, давая гудки, нервничая, обгоняя друг друга, мчалось к Гдыне.

И тогда наши пехотинцы и танкисты, а с ними и артиллеристы — рванули наперерез... Идут дожди, поля здесь взбухли от влаги. Два шага в сторону от дороги — и безнадежно, по брюхо вязнут кони... Люди с проклятием оставляют в этой вязкой глинистой почве сапоги и портянки... И все же бросок сквозь эти адовы топи и поля, бросок по дорогам и без дорог был сделан...

— Руссен, руссен!

Вот именно — русские... У немцев в колонне началась паника... Одни пробовали пробиться, другие свернуть, третьи кинулись в леса, четвертые отстреливались... Дорога на Гдыню была отрезана... Километров на 15 — от Нейштадта и до Лузина — растянулось это побоище... Пятнистые танки торчат дыбом; снесены придорожные деревья; кареты померанских

баронов раздавлены, как бонбоньерки; огромные фургоны сброшены под откос; орудия уткнулись жерлами в грязь... Сотнями валяются немецкие шлемы... Поля пестрят немецкими паспортами, справками, квитанциями, письмами... Ветер носит эти мокрые бумаги туда и сюда... Автомобильные сиденья торчат на ветвях деревьев... Местами от сгрудившихся машин остались только рыжие остовы — все съедено огнем... Батареи шестиствольных минометов зияют умолкшими и уже ржавеющими жерлами... Под ногами хрустят осколки стекла; пахнет вытекшим вином, йодом, кровью... Валяются сломанные зонтики, несессеры, грязные иллюстрированные журналы, газеты...

Генералу Вейсу, сидящему в Гдынско-Данцигском котле, пришлось проститься с этой колонной и со всем ее инвентарем.

Нельзя, однако, делать вывода о том, что борьба, бои даются нам легко. Успех приходит только при напряжении всех физических, умственных и духовных сил. На сотни километров немцы взорвали мосты, виадуки, уничтожили связь, путевое хозяйство... И поистине большим — и негромким подвигом — является труд наших железнодорожных частей и труд всех работников автодорог... Нельзя не благодарить, нельзя не удивляться этому слаженному транспортному хозяйству... И под Москвой, и в 5 километрах от переднего края — в единой сети военных дорог — стоят офицеры, бойцы и бойцы-девушки, уверенно, твердо управляя парками в десятки тысяч машин... Весенние дожди, тяжелые гусеницы «Сталинцев» и танков давят, выворачивают настилы немецких шоссе... Помощь приходит везде и всегда. На разбитых и размытых шоссе возникают гладкие дощатые настилы. Мосты восстанавливаются в день, два, три... И нескончаемый гудящий поток машин движется безостановочно... Как радостно видеть в дни упорных боев — среди дождей, ветров и грязи — первые советские эшелоны уже в ближних тылах войск, наступающих на Гдыню и Данциг. Есть любители говорить и «комментировать» что-то о советском «чуде» и т. п. Не чудо, джентльмены, а труд русских саперов, железнодорожников и помощь поляков — честная, горячая, о которой гг. Войты, Арцишевские, Ан-

дерсы и прочие не имеют ни малейшего представления...

Немецкое командование, гаулейтер Данцига Форстер, командующий окруженной 2-й немецкой армией генерал-полковник Вейс и командующий внутренней обороной Данцига генерал Шпехт прямо говорят своим подчиненным: «Империя в величайшей опасности...» Они требуют прекращения «тылового разврата», пессимистических разговоров и т. д. Они дают функции не только каждому дому — но даже каждому этажу: эти будут лить кипяток на русских, эти — бросать камни и т. д. Мы передаем точно характер подготовки немцев к уличным боям... Но не немцы мастера боев за города, — а русские — и это известно по опыту Сталинграда, Севастополя, Одессы... И не найдут — ни Гитлер, ни Форстер, ни прочие — бойцов, которые сумели бы остановить ряды офицеров и солдат маршала Рокоссовского.

Борьба вызывает воспламенение душ и сердец наших солдат... В одном из последних боев на наблюдательный пункт разведчика Сидоренко стали врываться немецкие танки и самоходки. — «Огонь на меня!» — передал разведчик. — Взрывные волны обдали Сидоренко. Он передал: «Хорошо стреляете...» Взрывы кромсали высоту, и только счастливая случайность сохраняла провод... Разведчик продолжал свои простые и обдуманные сообщения... Танки и самоходки повернули назад... — Встретим ли мы немцев, которые в Гдыне и Данциге сумеют так драться? — Мы второй месяц в Германии и в освобождаемых от немцев землях Польши... — Нет, — так драться, как дерется наш боец, не умеет никто.

Еще пример. Два орудийных расчета. Коммунисты — старший сержант Демин и ефрейтор Артамонов. Пять самоходок, четыре танка и батальон немцев ринулись вперед, чтобы сбить нас с рубежа. Немцев подпустили в упор и «дали им жизни»... Загорелись два танка, две самоходки... Немцы полезли опять... В орудие Демина попало два снаряда, расчет был потерян, Артамонов, раненный в голову, обливался кровью. К нему подполз Демин, помог заряжать и стрелять — и контратака была опять отбита... У немцев вверх колесами полетели еще два орудия...

Эта дуэль продолжалась до вечера... Ее выиграли двое русских артиллеристов.

У деревни Р.— в маленьком здании, где был местный комитет национал-социалистов, среди разбросанных немецких папок, списков и пр.— были мы в одном пехотном полку... У окна командира полка били наши минометы; местечко дрожало от разрывов немецких тяжелых снарядов... Наша пехота вброд и вплавь переправилась через реку и вела бой за селение... Саперы наводили мост... Немцы — тремя цепями — пошли, чтобы сбросить полк в реку... В грохоте, среди звона стекол, шума осыпающейся штукатурки и скрипа стен молодой подполковник Тарусин негромко говорил в трубку: «Идут? А вы их положите... Угрожает мосту? А вы назад не оглядывайтесь... Мост буду строить — дострою, подкину вам коробки (так он называл танки). У меня все. Кончаю».

Все было ясно, понятно... Полк положил немцев. Мост был готов — хотя, между нами, бывалый молодой подполковник позвонил командиру саперов: «Мост строить, чтоб щепки летели, но заложить взрывчатку, на всякий случай»...

Неиссякаема энергия, духовная и физическая, у наших людей... Она тратится несчетно, но вечно возобновляется и нарастает, по неким еще неизвестным законам человеческой психики и нервной системы... Да и как она могла бы падать, иссякать, если Германия, места, где были немцы, непрерывно задевают, возмущают, гnevаюT и зовут к делу, к ответу...

Вот в полосе боев — в Софиенвальде — мы увидели за проволокой маленькие фанерные хибарки... Свинарники? Крольчатники?.. Обошли... Справа за дверью — аккуратный листок с номером... Кто тут мог быть? Смесь тяжелых запахов, солома... На стенках ни единой надписи, ни единой буквы, никаких инициалов...— Нет, тут не могли жить люди... Солома в жиже, клетушки темные...— На догадки дал ответ местный поляк Томаш Кошубовский: «Я тоже сидел тут... В польском «отделении». А это — лагерь для евреек... Их было 500 душ — из Франции, из Австрии, из Германии... Они работали на постройке казарм, тут выделен большой участок... Стерегли их эсэсовцы,— ну, вы сами понимаете...» — Бойцы и офицеры молча смотрят на этот еще никогда, нигде не встре-

чавшийся тип лагеря... С одной стороны — озеро, с другой — насыпи, вышки, пулеметы. И в жиже, в вонючей соломе, по 15 «душ» на клетушку — женщины, согнанные со всей Европы, — женщины, работающие по подноске кирпича, тяжелых фановых труб, балок, — женщины, оскорбляемые непрерывно, избиваемые — и еще хуже того...

Своей рукой и молча приготовим мы веревку для начальника лагеря унтершарфюрера СС Вендельмана и тех, кто был с ним.

Бойцы уходят из лагеря — о чем тут говорить еще, друг мой дорогой...

Вот и поймите еще раз — отчего в наших войсках, идущих на Гдыню, подъем... «Купать немцев... В воду, на дно их!..»

Обгоняем на шоссе маршевые батальоны пополнения. Ладный, хорошо одетый народ: солдаты, возвращающиеся в строй после ранений, молодежь из южных районов... Офицеры ведут их по местам только что отгремевших боев. — У немецких траншей, заваленных трупами, — идет митинг... Знаменщик с трудом держит на ветру боевое Знамя. Молодежь присягает — с глазами, устремленными к морю, к Гдыне, к Данцигу.

Начальник политотдела перед боем вручает партийные билеты старым бойцам: В. Мамаеву, наводчику, раненному еще в 1941 году, и Пекшееву, комсору батареи, также раненному еще в 1941 году. Два кадровика бережно и с волнением принимают билеты, негромко и просто обещают оправдать доверие партии и по-солдатски четко, через левое плечо, делают поворот и уходят... Бой идет день и ночь... Ветер шумит в большом лесу, опоясывающем Гдыню и Данциг... Этот лес на прибрежных холмах весь изрыт и подготовлен немцами к обороне. Тут рвы, заборы, минные поля, заграждения, ловушки; тут все измерено немцами и пристреляно...

За опушками, на деревьях, сидят немецкие пулеметчики и снайперы. Это «смертники». Их задача пропускать атакующие русские ряды и затем бить им в спину. На сей прием — известный нам еще по финской войне 1939—1940 гг. — наши бойцы отвечают беспощадным пулеметным прочесыванием верхушек деревьев... «Смертники» либо остаются висеть, про-

шитые насквозь, либо валятся вниз, либо слезают и поднимают руки.

Каждая высотка достается с боем... Приказ по 2-й немецкой армии гласит, что всякий отступивший без приказа будет повешен... Немцы еще упрямятся... Пьяные ходят в психические атаки — по сто, двести, триста человек — и валятся мертвыми в грязь на мокрые прошлогодние листья... Приводят пленных — тут и обозники, и железнодорожники парализованных железнодорожных узлов Гдыня — Данциг, картографы артиллерийского управления 2-й армии, моряки с военных и торговых кораблей, полицейские, рабочие с верфей... «Мы были тут только два часа...»

С моря бьют немецкие корабли... Раздирающе-тяжелые разрывы... Но все-таки тебе придется убраться и отсюда, адмирал Дениц.

...Опять ведут пленных. Вот передо мной получеловек-полутруп: восковое лицо; один глаз слепой, другой устало-мутный, с кровавыми пятнами на белке. Это фольксштурмист из отдельной строительной роты... Второй стоит как вкопанный, чуть оттопыренные в локтях — по-прусски — руки... Это унтер-офицер... Задаю вопросы. Молчит. Потом объясняет, что глух. Я внимательно вслушиваюсь в короткие сообщения пленных, которые иногда вздрагивают от рева «катюш» или свирепых залпов наших батарей...

— «Война проиграна, но практических выводов не сделаешь... За нами везде следят...» «У русских превосходство в силах и технике...» Это так очевидно... Поглядите на наших автоматчиков, пехотинцев, танкистов, артиллеристов... Какой это крепкий, ширококостный народ!..

Пленные продолжают: «У нас мало танков, артиллерии и авиации. Нет бензина... У русских это в избытке... Что я думаю об исходе войны?.. Есть два выхода для Германии: первый — капитуляция, но я думаю, что руководство не капитулирует... А потом второй: надо, чтобы Красная Армия с Востока, а англичане и американцы — с Запада оккупировали Германию, и это кончит войну»...

Нависают сумерки... Низко проходят наши ночные самолеты. С наблюдательного азростата майора Баурова видны пожары в Гдыне. Впереди холодное, су-

меречное море... Перед Гдыней продолжает бушевать наша артиллерия; желто-зеленоватые вспышки видны по всему подковообразному фронту... Гдыня попадает в еще более плотный котел.

Напрасна была попытка немцев превратить польскую деревню Каменна Гура, выросшую в порт Гдыня, в какой-то немецкий порт «Готенхафен» — «Готскую гавань»... Совсем напрасна.

Вверх взлетают огневые смерчи... Бомбардировщики и штурмовики «илы» снова работают... До Гдыни нам осталось четыре-пять километров. Мы будем в Гдыне. Польше будут возвращены ее исторические выходы к морю.

*Данцигская бухта,
22 марта 1945 года*

УЛИЧНЫЕ БОИ В ДАНЦИГЕ

В последние дни наступила резкая перемена погоды. Солнце сияет со всем весенним великолепием и щедростью. На дорогах клубится пыль. Бойцы ходят уже в гимнастерках. Озера зеркально-тихие, синие — в них отражаются сосновые леса. Война стремительно прокатилась через все эти территории, оборвала провода, повалила вековые деревья на магистральных данцигских шоссе, сожгла селенья, где пробовала обороняться 2-я немецкая армия. В воздухе еще пахнет гарью, чернеют пожарища. Поля изборождены гусеницами танков, но светит солнце, и чистый морской ветер уносит прочь немецкий пепел...

Минуем водопроводную станцию, питающую Данцинг водой. Она остановлена, — и будет пущена в день, когда город будет взят. Все машины, насосы в исправности, и наши специалисты на местах.

За рыжеватыми холмами — черные непроницаемые тучи дыма. Они вздымаются на тысячу, полторы тысячи метров. Это горит Данциг — от самой висленской поймы до Оливы и Цоппота. Наша артиллерия бьет методически по узлам городской обороны, военным складам и заводам... Вчера немцы попробовали увезти часть запасов и людей на пароме через Вислу. Девяносто наших бомбардировщиков разбили эти паромы... Мы на прямом шоссе, ведущем с юга в центр Данцига. Указатели отмечают: «Данциг, 8 километров», «Данциг, 6 километров». Обгоняем колонну с боезапасом. Проезжаем указатель «Данциг, 4 километра» и через некоторое время берем влево — к наблюдательным пунктам. Дальше указателей нет. Здесь кипит бой. Черные колоссальные клубы дыма взвиваются вверх, все выше и выше... Поднимаемся по подсохшим холмам на гребень, откуда увидим весь Данциг... Низко проходят наши штурмовики, застилая холмы, леса, пригороды угрожающим, звенящим

гулом... Еще 200, 300 метров... Батареи рывкают справа и слева, и стелется пыль после каждого залпа. Город простреливается насквозь, со всей дуги окружения.

Еще последние десять шагов... Данциг перед нами, точнее — под нами. Сверкают ракеты нашей пехоты, обозначающие передний край. Это сигналы нашим штурмовикам. По радио слышно: «Здесь я, здесь я, — занимаем уже квартал 378-й... Повторяю, занимаем уже квартал 378-й...» Отмечаю время: 7 часов утра 26 марта. Пехота одного из соединений, связанных борьбой и славой с Ленинградом и Волховом, врывается в Данциг. Их ведут капитан Потомский и капитан Козин. Вот они — первые строения города...

Проломы, взрывающаяся пыль, клубится дым. Гвардейские танки ломают заборы и стены... Неприглядные однообразные дома, первая кирка... До политического центра Данцига — до здания сената, парламента, до крепости Хагельсберг — остается полтора километра, и именно по этой улице.

Беседуем с офицерами... Гвардии полковник Василий Константинович Чесноков говорит: «Наши бойцы обучены ночным действиям. Немец их не любит и не понимает. Немец ночью, главным образом, ракеты пускает и учащенно бесприцельно стреляет. А мы ударяем скоротка, внезапно... Уже к 3 часам ночи подошли к окраине. Первым был командир батальона — капитан Козин, член партии, орденоседец... У нас нет офицеров не орденосецев... Да, бойцы знают о городе. Есть планы, обозначения всех улиц, административных, экономических и прочих центров. *(В трубку.)* Алло, слушаю... Взяли? Так... Бейте прямой наводкой».

Снова над холмами проходят штурмовики... Черные разрывы немецких зенитных залпов... Блеск разрывов. Содрогание почвы, бомбы сброшены. Впереди стелется беловато-серый дым, — летчики расчищают дорогу пехоте.

Немцы — это можно наблюдать и слышать — сопротивляются осатанело. «Фаустники» сидят в засадах, стараясь подпустить наши танки на 30—40 метров. На этот прием пехота отвечает проческой всех подвалов, окон, чердаков, — автоматчики, оберегая танки, идут впереди них на 100—150 метров. Передо-

вой батальон сошелся с немецкими линиями на 15 метров.

Немцы контратакуют, подхлестываемые офицерами... «Что ж поделаешь, назад не повернуть», — оправдываются пленные. Вот первые двое, сейчас взятые: кадровый солдат Хейнрих Руккель из 12-й авиационной дивизии и унтер-офицер фольксштурма Херман Мундтке. «Тут сейчас, кроме нас, — полицейский батальон».

Положение окруженных в Данциге немцев незавидное. Немецкое командование тупо и упрямо требует от солдат: «Гибнуть на месте». Улицы заперты эсэсовскими и полицейскими карательными отрядами. Они уничтожают отступающих... Вчера одна из немецких частей подняла белые флаги. Каратели открыли огонь в затылок: из 250 сдававшихся уцелело 35 человек...

Порыв наших частей, штурмующих Данциг, — выше похвал... В одной из последних атак лейтенант Василий Иванов с автоматом в руках ворвался прямо к немцам, требуя жестами: «Клади оружие, иди в плен». Старшие офицеры отметили: «Редко можно видеть такие смелые движения и решительность. Всю роту поднял, немцев ошарашил, смял».

Не следует, однако, делать выводы, что немцы «уже готовы». Процесс их ослабления и распада идет, но много случаев озлобленной борьбы и сопротивления... Пленный молодой офицер. На лице написано, что он решил упрямиться и что ему все ясно до конца: «Каков будет исход войны? Где-то готовится генеральное сражение, в котором русские, американцы и англичане потерпят поражение. У нас есть новое оружие. Мы перейдем в наступление, — так было и у русских в 1941 году... Последний батальон в этой войне будет немецкий, — мы победим».

И он стоит, тупой и молодой, фанатически твердя всю эту чушь. Откуда такие типы? Из немецких школ. Одна из них — «черная школа» — тут же в километре. Это привилегированная школа для отборных арийцев, «Данциг-Иенкауусский замок национал-социалистской партии». Большое трехэтажное здание. Вестибюль с черными мраморными досками, где занесены различные «изречения». Аудитории, кинозал — и, главное, — библиотека. Чего тут нет: «Сто

гитлеровских тезисов о Данциге», «Немцы на Востоке», «Немцы на Волге», «Немецкий Данциг», «Немецкий поход в Польшу», «Немцы и больная Европа». Словом, в мире нет ничего, кроме немцев... И вот стоит перед вами этакый арийский оболтус, который не сумел ни рубежа сохранить, ни своих подчиненных, не сумел застрелиться, и твердит о «последнем батальоне», который где-то победит СССР, США и Англию.

— Увести этого пленного!

Минуем большой немецкий противотанковый ров, недавно вырытый согнанными данцигцами. Наши танки прошли через него, как на ученье... Солнце сегодня положительно припекает... На дорогах наши успели уже поставить яркие щиты: «Добьем врага в берлоге», «Не выпускай из котла ни одного немца», «Вперед, на Данциг». Нигде эти щиты, плакаты так не красноречивы, так не конкретны, как здесь — в гуще борьбы. Нигде так не ценно теплое, человеческое слово, как здесь. Нигде так не ценно письмо от близких, с родины... И вот идут на передний край люди с почтой. И вот сейчас, днем 26 марта, на улицах Данцига бойцы читают письмо — ответ семьи Гребенщиковых, Алексея Васильевича и Агафьи Сергеевны, командиру роты — по поводу похвалы их сына Петра Алексеевича... «Примите родительское спасибо и благодарим вас, товарищ командир, за теплое письмо... Мы рады тому, что наш сын Петр является достойным защитником Родины, и надеемся, что он оправдает награду. Даем ему родительский наказ служить Родине честно и беспрекословно выполнять все приказы командиров...» Из милой России теплое слово, живая ласка и забота сюда — в черный дым и пекло. Как это хорошо!.. В нужный час дошло ваше письмо, граждане Гребенщиконы, — и тысячи людей прочли его. И тысячи людей поднялись снова и снова — и двинулись вперед... Еще 50 метров, еще 100 метров...

Летят со звоном, в дыму, черепицы, стекла, штукатурка. Раненый Иван Шпаковский преодолевает забор, ползет, бросает в дом две гранаты. Немецкий пулемет умолкает... Еще 50 метров взяты... Немцы в рост контратакуют НП гвардейцев. Телефонисты и санитары хватают оружие. Командир части шутит:

«Ну, кавалькада,— подпускай ближе». И огонь срезаёт контратакующих. Раненые немцы кричат и уползают. Мертвые валяются, разбросав руки...

Над городом продолжает клубиться зловещий дым. Осада потрясает нервы немцев. Это не ленинградцы, не сталинградцы, не севастопольцы,— хотя Геббельс шумел и изошрялся насчет того, что немцы знают опыт этих городов и «полностью его применяют». Нет, не выйдет,— не то воспитание, не тот материал... Просачиваясь во все дыры и щели, данцигские жители тысячами вырываются из города, идут к русским линиям. «О, это невысказано вынести!» — говорят они об осаде. Мокрые от пота, с блуждающими глазами, с портплекдами, рюкзаками и чемоданами. Они от всего «отмежевываются», они клянут Гитлера, издеваются над ним, подобострастно глядя нам в глаза, подлакивая, кивая головами.

В бешеной ярости клянет таких немцев «Дас шварце Кор». Эсэсовский орган хрипит, что все эти немцы голосовали за Гитлера, поддерживали его мероприятия, были с ним, и теперь им не удастся стать невинными овечками и что отвечать «надо всем»... Характерная статья...

Ночью наши штурмовые группы проникают в город все глубже и глубже. Артиллерийские зарницы полыхают непрерывно. Авиация наша буквально висит над городом. При пикировках ясно видны голубовато-зеленые струи трассирующих снарядов и пуль. Зарева пожаров окрашивают небо... Из ночной лунной мглы все еще бьют немецкие крейсера и эсминцы. Они терзают Цоппот — «не нам, так и не вам», — только так можно объяснить эти бессмысленные обстрелы, ни на час не останавливающие общий штурм Данцига.

С левого фланга сообщают о глубоком продвижении наших соседей. Клинья наших штурмующих войск вонзаются в город с четырех направлений. Немцы теряют рубеж за рубежом. Они потеряли последний аэродром. Они потеряли весь западный район казарм. Передовые наши части вышли уже к Висле — к району, где центр нефтезапасов порта и всемирно известные верфи Шихау. Разведчики и штурмовые группы сейчас форсируют Вислу и выходят на низины поймы. По последним береговым дорогам, к узкой

приморской косе, сгрудившись, давя друг друга, бегут немецкие обозы и автомашины... Куда? В Пиллау и Кенигсберг. Из огня да в полымя... А на внешних рейдах озлобленно бродят корабли адмирала Деница. Им ничего не останется, кроме прощанья с данцигской военно-морской базой. Мы поднимем на мачтах Данцигского порта и базы наш флаг!..

Ночь еще борется с рассветом... На НП люди, которые не спят все дни штурма: «...У немцев хаос, сами наблюдаете. Не спать, понятно? Дело чести ворваться. Ваш участок видите? Возьмите план. Левые отметки — до красной отметки... Не часто бывает такая ситуация. Зацепитесь, понятно?.. Я вас не упрекаю, мы все труднейшее прошли... Вперед, — больше дерзости, боезапаса не жалеть, его достаточно. Бейте из ДШК, расчищайте... У меня все. До встречи. Да, штаб буду переносить в город. Чаю там сварите, — буду, буду...»

У людей усталые лица — и какая-то удивительная всепреодолевающая энергия.

— Сегодня в крепости, в здании гаулейтера, в штабе будем?

— Должны быть.

Тяжелые танки устремляются к центру... Красный карандаш делает новую резкую отметку на плане Данцига.

*Окраина Данцига,
27 марта 1945 года*

УЛИЧНЫЕ БОИ В БЕРЛИНЕ

Это была ночь с 20 на 21 апреля. Войска, совершившие в пять дней длинный, почти 100-километровый поход с непрерывными боями, готовились к последнему рывку — в самый Берлин. Надо видеть последние 100 километров перед Берлином! Здесь изрыта вся почва. Безобразно-серый слой земли начинается сразу за Одером. Сплошные ямы, кротовые ходы, воронки, зияющие дыры и щели. Отсюда, с насквозь просматриваемых и простреливаемых плацдармов, с сырой и гиблой низины, и ринулись наши войска, проломали четыре тяжелейших пояса немецкой обороны и подошли к столице «третьей империи».

С особым порывом шли части, тренированные в калининских и прибалтийских лесных боях, части, воспитавшие в себе навыки ночного боя. Эти навыки сослужили в битве за Берлин неоценимую службу.

Немцы, скованные могучим натиском наших войск, пытались по ночам приводить свои части в порядок, подвозить резервы, перегруппировывать дивизии и так называемые «боевые группы» — остатки битых дивизий и полков; пытались по ночам кормить свои измотанные части и давать им хотя бы недолгий сон. Вот тут-то и вступали в дело наши закаленные полки, для которых боевые действия в лесу и ночью привычны... «Днем его, дьявола, выкуриваешь — километра на три, четыре... Траншей нарыли немцы,— сами видите, сколько,— ну, и упираются. А ночью мы двигаем и все семь, а то и десять километров. Ходоки у нас проворные,— ориентируются, хоть глаза завяжи, и огонь такой ведут, что немец не выдерживает. Тьмы боится, и огня, и обхода». Достаточно сказать, что в канун решающего удара части, о которых речь, сделали умелый бросок километров на двадцать. Бойцы буквально наступали немцам на пятки. Если встречались упорные очаги сопротивле-

ния, их обходили, обтекали и гнали немцев неустанно, идя тропами, лесными дорогами, просеками... Так русский боевой опыт лесных боев и поломал немецкую оборону в Бранденбургских лесах...

Было еще темно, когда на шоссе стали вытягиваться тяжелые машины с просмоленными челноками. Не сразу можно было разобрать, что за предметы на машинах. Бойцы строили догадки. Потом сомнения были разрешены простым сообщением: «Эти лодки поданы, чтобы форсировать реку Шпрее, в Берлине, когда вы, товарищи, ворветесь в город».

Тьма, приглушенный говор, полусекундное мерцание фонариков, кое-где лязг оружия. И тяжелый шаг советской пехоты... Ночь была сырая, дождливая. В дивизиях и полках главной была мысль: не только ворваться в Берлин, но ворваться первыми. В батареях ясное решение — не отстать от пехоты ни на шаг... В одном из ленинградских артполков бойцам напоминают: «Действовать, как при штурме немецкой границы — и еще решительнее!» А при штурме этот полк в нужную минуту на полном ходу повел свои могучие гаубицы впереди пехоты, развернулся и расхлестал немцев прямой наводкой... На лицах людей — абсолютная решимость. И — волнующий жгучий вопрос: кто ворвется в Берлин первым, кто первым откроет огонь по Берлину?..

На шоссе — столбы и желтые дорожные немецкие указатели, освещаемые короткими вспышками фонариков. Город во тьме, вот тут, близко; на фоне пожаров уже видна гряда тяжелых архитектурных силуэтов... Это ты, Берлин!

Пехота идет по мостам и виадукам... Ага, кольцевая Берлинская автострада. Граница Большого Берлина... Тягачи батарей делают новый рывок — и первые русские батареи втягиваются в город... Пригород Аренсфельде... Каждые 20 секунд ложится немецкий залп. Артиллеристы, как на ученье, — молча, с глазами, вперенными вдаль, едут вперед. Руки сжимают скобы сидений. Часть развертывается вправо и влево от шоссе. Лопаты врезаются в берлинскую землю, — тут рыжий песок с галькой.

Пехота идет по полям и садам пригорода...

В рассветной мгле звучит необычайно ясно и вибрирующе-трепетно голос офицера: «По столице фа-

шистской Германии — батареею зарядить!» Лязг замков... Командир батареи старший лейтенант Царуковский стоит неподвижно, устремив глаза на город... Вот ты, долгожданный час, вот ты, день, которого ждал весь советский народ!.. «Батарея, огонь!» Сернисто-желтые огромные вспышки; орудия тяжело откатываются... 6 часов утра 21 апреля 1945 года.

2-я батарея открывает огонь. Нам оказывают честь, и мы стреляем по Берлину — по огневым позициям противника в восточной части города... Пехота идет на Мальхов. Правее могуче-стремительным клином, опережая всех, врзается в Берлин гвардейская дивизия. Она идет на Панков.

На стенах мы читаем нервно-аляповатые, белой краской наляпанные лозунги гитлеровцев: «Соблюдать спокойствие! Берлин не будет сдан». Нет, спокойствия в городе не будет. Берлин будет взят!..

При свете утра видишь в сырой пелене панораму города, черные колоссальные столбы дыма, ряды солдатски вытянутых в шеренгу огромных заводских труб, столбы электропередач... В домах свет, действует телефон. Но, когда мы спрашиваем у обывателей газету, нам отвечают, что уже четырнадцать дней, как нет газет. На стенах последняя афиша, помеченная 20 апреля. Это последняя мобилизация из всех объявленных Гитлером. Призываются все солдаты-отпускники и все отпускники с заводов. Вот один из таких: без фуражки, в цветном кашне, лохматый... «Там был такой беспорядок, все смешалось,— офицеры перепутались...» «Фоккевульфы» пикируют на наши передовые подразделения и позиции батарей. Зенитчики сшибают в минуту-две четырех немцев — и налет исчерпан... Нахлестывая коней, в город мчатся первые обозники, усатые дядьки. Они подают боезапас. И по берлинскому асфальту бешено стучат копыта русских коней и сыплются яркие искры. «Эй, милые!..»

Штурмующие части вгрызаются в город. Около батареи,— она укомплектована сплошь ленинградской молодежью,— рвутся немецкие снаряды; звенят щиты, валятся ветви, резко ударяются в землю осколки. На батарею идет пехотный офицер: «Товарищи артиллеристы, вот из того двухэтажного дома работают два немецких пулемета, губят наших». И расчеты под свист и вой осколков становятся к орудиям. Старший

лейтенант Патрикеев командует: «По пулеметам наводить!» И пехотный офицер говорит: «Если вы, братцы, уничтожите эти расчеты пулеметные, которые, видно, слишком любят фашизм, я лично буду ходатайствовать, чтобы вас представили к высшей награде. Вы только поймите — они мешают в Берлин войти!» И это было сказано так чисто и просто, что не понять, не ответить было нельзя. И Патрикеев ответил: «Не для того мы пришли от Ленинграда до Берлина, чтобы сплошать». И сам пошел в пехоту, чтобы в упор определить, где, в каких окнах эти два пулемета. Идет и говорит: «В дом попаду сразу, но мне надо попасть в пулеметы». Тогда выскакивают два бойца: «Сейчас покажем», — идут вперед и вызывают на себя огонь пулеметов. Патрикеев говорит: «Теперь вижу». Подал команду. Первый разрыв лег влево 25 и перелет, — ясно, что артиллеристы боялись за свою пехоту и прицел взяли чуть больше. Второй дал недолет, третий лег в дом. Потом дали налет шестнадцатью снарядами, из них три легло как раз в пулеметы.

Таким-то вот родом и был взят один квартал Берлина.

По улице, по проулкам, вдоль заборов, пригибаясь, идут навстречу бегущие из берлинской каторги советские граждане. Проходит старушка: «Родненькие, как тут на Орел пройтись-то?» Бабушку с улыбкой провожают к ближайшей идущей в тыл машине.

Сплошные массивные дома, местами руины — следы англо-американских бомбардировок 1943—1944 годов. Неубранные, слипшиеся кучи щебня, кирпича... Берлин грязен...

Бой принимает специфический характер: немцы сидят на чердаках, в подвалах, в сараях на задних дворах и стремятся, пропустив наши штурмовые группы, бить их в затылок. Некоторые немецкие группы перебегают по подземным ходам или по подвалам, которые тянутся в иных местах на длину всего квартала.

Бойцы, имеющие опыт Ленинграда и Сталинграда, опыт штурма Познани и других городов, быстро раскусывают эту тактику. Артиллерия, танки и самоходки бьют прямой наводкой по чердакам, — и немецкие

снайперы летят к чертям вместе с раскрошенной черепицей, а в подвалы, откуда стреляют, наши аккуратно бросают ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Это сразу успокаивает любителей засад.

Вот выскакивают какие-то типы: в пиджаках, но в серо-зеленых штанах и кованых ботинках. «Солдат?» — «Нет». Морды нагло-пьяные, из ртов несет кислым спиртным перегаром. Это мальчишки из дивизии «Гитлерюгенд». Один икает и плачет. Стреляли по нашим частям в затылок. Потом, попавшись, стали переодеваться и удирать.

Из другого подвала вылезают полицейские в прекрасных голубых шинелях. Они козыряют, они спешно сообщают фамилии всего полицейского начальства.

Высоко проходят наши бомбардировщики. Они обрабатывают западные районы — казармы, аэродромы и прочее. Постукивают очереди из автомата. У булочной стоит немецкая очередь за хлебом, — домохозяйки и старички жмутся к стенке, кланяются. Наши бойцы, испытующе глядя, тут же на бульваре роют окопы. Стоят белые трамваи, на которых кто-то не успел уехать в центр. Опять надпись: «Спокойствие! Берлин не будет сдан!» Два хозяйчика-сапожника спрашивают, выглядывая из дверей, что им делать.

На улицу падает залп: четыре тяжелых немецких снаряда. Летят витрины, золотые буквы названий фирм, падают зеленые ветки вековых лип. Группа немецких ребятишек тащит из магазина игрушки, коробки оловянных солдатиков. Пронесются машины, водитель, притормозив, спрашивает: «Куда тут к рейхстагу?» — «Не взят пока!» — «Так заберем!» — и нажимает педаль. С окон свисают белые флаги, но из этих же домов опять стреляют. Танк, урча, всаживает в эти дома несколько снарядов.

Берем резко к северу, чтобы выйти на соседние участки — к району Панков. Часть пути делаем по кольцевой автострате. Здесь уже стоят регулировщицы. Флажки направляют потоки машин, вливающихся с радиально расходящихся шоссе. Движение так густо и так непринужденно, будто все эти водители ездили тут по крайней мере полжизни. Местами танки проложили свои собственные варианты поворотов и объездов. Берем по танковому следу круто влево и устремляемся в северные районы города.

Высится прямоугольная башня района Панков. Над ней реет алое знамя. Башня вся изрешечена снарядами,— немцы бьют упорно и методически, чтобы сбить это знамя, но им не удается это сделать. Горят огромные артиллерийские склады, подожженные противником. Железнодорожный путь здесь изуродован совершенно: немцы подорвали каждый стык рельсов и шпалы взломали тяжелым резаком, который буксировался паровозом. Путь тут нужно настилать заново, рельс за рельсом. Огромное здание,— судя по колоссальному красному кресту — госпиталь. Подъезжаем ближе: в концах этого красного креста... аккуратно сделанные бойницы дотов,— четыре дота. Огромное садоводство — гряды клумб, тюльпаны всех оттенков, длинные ряды кустов: смородинник, малинник. Под кустами огневые точки, развороченные нашей артиллерией. Садоводство, как и госпиталь, было рассчитано на создание огневой ловушки.

Выход из метро,— оттуда тянет кисло-гнилым запахом. Выходы наблюдаются. Открытая пивная, персонал которой, напряженно улыбаясь, наливает пиво. Каким-то стандартным движением, напоказ, пробует его: «Не отравлено»,— и предлагает нашей проходящей пехоте. Стоят брошенные немецкие автомашины.

В одном из домов — командный пункт части. Передний край в 30 метрах: дом напротив, там сидят немцы. Вблизи наши зажали батальон фольксштурма; немцы сгрудились во дворе, выходы заперты. Являются два парламентаря, им вручают ультиматум. Немцы его читают и перечитывают, кивают головами и деревянным шагом уходят к своим. Проходит назначенный срок, и немцы отвечают, что предлагают сдаться нашим. Командир, усталый от бессонницы, осипший от многодневных телефонных и радиопереговоров и команд, отпускает несколько слов. Артиллерия обрушивает шквал. «Если враг не сдается — его уничтожают».

Какой-то господин пробует доказать, что нельзя обстреливать дома, в частности его собственный дом. Кладем перед господином германский журнал «Ди Вермахт» («Вооруженные силы») номер 18-й от 27 августа 1941 года. «Ваш журнал?» Господин перелистывает журнал, смотрит дату, штамп официального издания, адрес издания: «Берлин, Шарлоттенбург,

2 Уландштрассе, 7—8». Тогда мы показываем господину снимки на 6-й и 7-й страницах, разворот на две полосы: «Бомбы над Москвой». Снимки ночных пожаров. Подпись: «Снимок показывает, насколько уничтожающая сила немецкой авиации». Мы говорим, возможно сжатее, и о том, что было в других наших городах — в Ленинграде, в Сталинграде, в Севастополе и прочих. Мы добавляем: «Теперь мы пришли с ответом».

Штурмовые группы вгрызаются в город все глубже... Тебе не будет ни часа спокойствия, Берлин. Мы говорили 22 июня 1941 года о том, что русские бывали в Берлине дважды: в 1760-м и 1812-м,— и о том, что мы придем и в третий раз. И мы пришли.

*Берлин,
27 апреля 1945 года*

КАПИТУЛЯЦИЯ БЕРЛИНА

(Из дневника военных лет)

30 апреля 1945 года.

Завтра 1 мая! — О, как всем хочется, чтоб в этот день Москва салютовала падению Берлина!

Едем обратно. Говорят, что часть рейхстага наконец нами окончательно занята.

В «Правде» от 29 апреля отмечено, что 8-я гвардейская взяла пятнадцать кварталов Берлина.

Скоро в Москву!.. Близка полная победа! Душа открыта — хорошо! И я — в работе до конца!..

Ждем приказа о Берлине часам к 4 ночи.

Срочный вызов к Чуйкову!

Исторические события! Едем...

1 мая 1945 года.

2 часа 30 минут.

Мы прибыли к Чуйкову.

— Пока ждите.

Ходим по комнате... Нервно... Говорю с Чуйковым.

Ждем капитуляции к 4 часам ночи.

3 часа 55 минут.

Сейчас придут представители германской армии. Подготавливаем сводки.

Входит генерал от инфантерии Кребс — новый на-

чальник генерального штаба сухопутных сил Германии.

Кребс. Буду говорить особо секретно: вы первый иностранец, которому я сообщаю, что 30 апреля Гитлер покончил самоубийством.

Чуйков. Мы это знаем.

Кребс. Согласно завещанию фюрера... (*Читает завещание Гитлера и заявление доктора Геббельса.*) Цель этого заявления — найти благополучный выход для тех народов, которые понесли наибольшие жертвы в войне. Документ может быть передан в руки вашего командования.

Чуйков. В этом документе речь идет о Берлине или о всей Германии?

Кребс. Я уполномочен говорить от имени всей германской армии. Уполномочен Геббельсом.

Чуйков. Я доложу маршалу Жукову.

Кребс. Мой первый вопрос: при переговорах пушки не будут стрелять?

(Он уполномочен временно прекратить военные действия и повторяет, что еще никому не сообщено о смерти Гитлера.)

Чуйков (*берет телефонную трубку*). Соедините меня с маршалом Жуковым. Докладывает Чуйков. Сюда прибыл генерал от инфантерии Кребс. Он уполномочен немецкими властями вести с нами переговоры. Подтверждает, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. Прошу доложить товарищу Сталину, что власть взяли Геббельс, Борман и гросс-адмирал Дениц (по завещанию Гитлера). Кребс уполномочен вести переговоры с нами о перемирии. Кребс предлагает прекратить на время переговоров военные действия. Сейчас спрошу. (*К Кребсу.*) Когда Гитлер покончил с собой?

Кребс. Сегодня, в 15 часов 50 минут. Простите, вчера...

Чуйков (*повторяет*). Вчера, в 15 часов 50 минут. О мире? Нет, об этом он еще не говорил. Сейчас я его спрошу. Так, понятно, есть. (*К Кребсу.*) Маршал Жуков спрашивает вас, идет ли речь о капитуляции?

Кребс. Нет. Есть другие возможности.

Чуйков (*повторяет маршалу*). Он говорит, что есть другие возможности установить мир. Нет. Это

другое правительство обратилось к союзникам и ищет иных способов. Знает ли об этом Кребс? Пока не выяснил. (*Кребс насторожился.*) У них нет связи с союзниками. Кребс уполномочен на переговоры только с СССР. (*Чуйков слушает указания маршала.*) Так... Так... Он уполномочен Геббельсом — рейхсканцлером, а Борман остался председателем партии. Он говорит, что мы первые, которым они сообщили о смерти Гитлера и его завещании. Вы, товарищ маршал, и я. (*Пауза.*) Вы запросите Москву? Я буду ждать у трубки. Понятно. Кребс не уполномочен, но может обсудить. Хорошо.

(Я сижу справа от Чуйкова, все записываю на его блокноте.)

Понятно, товарищ маршал! Спрошу. И другими? Понятно, я понял. (*К Кребсу.*) Мы можем вести с вами переговоры только в случае полной капитуляции перед СССР, и перед США, и перед Англией.

Кребс. Для того чтобы иметь возможность обсудить ваши требования, я прошу о временном прекращении военных действий.

(Переговоры между Чуйковым и Кребсом.)

Чуйков (*в телефонную трубку.*) Он не может говорить о полной капитуляции, пока не ознакомится с общей ситуацией в новом правительстве Германии. Когда ознакомится — он сообщит. Он уполномочен только на переговоры. Так. Спрашиваю. (*К Кребсу.*) Сейчас сдаетесь?

Кребс. Я должен согласовать с моим правительством. Может быть, появится новое правительство на Юге. Пока правительство есть только в Берлине. Мы просим перемирия.

Чуйков (*в трубку.*) Они просят перемирия — для переговоров. Может быть, будет общее правительство Германии. (*Из трубки доносится голос Жукова.*) Так, понятно, хорошо... Я слушаю вас, я понимаю... Как? Хорошо, есть! (*К Кребсу.*) Вопрос о перемирии может решаться только на основе общей капитуляции.

Кребс. Тогда вы завладеете районом, где находится немецкое правительство, и уничтожите всех немцев.

Чуйков. Мы не пришли уничтожать немецкий народ.

Кребс (*пытается спорить*). Немцы не будут иметь возможности работать...

Чуйков. Немцы уже работают с нами.

Кребс (*повторяет*). Мы просим признать германское правительство до полной капитуляции, связаться с ним и дать нам возможность войти в сношение с вашим правительством...

Чуйков. У нас одно условие — *общая капитуляция*.

Кребс. Но мы думаем, что СССР будет считаться с новым легальным немецким правительством. Для обеих сторон это выгодно и удобно.

4 часа 40 минут.

Генерал снова просит о временном перемирии.

Кребс. Только временное. (*Немец Кребс говорит по-русски.*) Я не имею возможности вести иные переговоры. В ваших интересах вести их с новым правительством Германии. Господа, я только уполномоченный, я не могу отвечать за свое правительство.

Чуйков. Мое предложение ясно.

Кребс. Немецкое правительство — пас. (*Смех.*) Сильны — вы, мы это знаем, и вы так думаете.

Чуйков. Мы-то это знаем, и вы *должны* знать. Вы будете тщетно бороться и терять людей. Я задаю вопрос: в чем смысл вашей борьбы?

Кребс. Мы будем бороться до последнего.

Чуйков. Я жду полной капитуляции.

Кребс. Нет.

(В комнате — спокойные советские генералы, Кребс, молодой немецкий офицер, переводчик. На столе — огромная карта Берлина.)

Кребс. В случае полной капитуляции мы юридически не будем существовать как правительство.

Чуйков. Где генерал Клейст?

Кребс. Его нет.

(Пауза... Ждем...)

Чуйков (*берет другую телефонную трубку*). Как там дела? Без сопротивления? Понятно. Парламентеры не прибыли? Ждите. Обязательно. Правильно! Хорошо! (*К Кребсу.*) По-моему, ваш гарнизон капитулирует.

Кребс. Где?

Ч у й к о в. Везде.

К р е б с. Без приказа?

Ч у й к о в. Наши наступают— ваши сдаются.
(Стрельбы не слышно.)

К р е б с. Может быть, это отдельные явления?

Ч у й к о в. Не думаю.

(Кребс просит информировать его об общей обстановке. Приносят сегодняшнюю газету. Чуйков читает сообщение агентства Рейтер о предательстве Гиммлера.)

К р е б с. Ja-a-a! ¹

(Чуйков читает дальше ответ союзников и подтверждение его Советским правительством.)

К р е б с. Гиммлер на это не был уполномочен. Мы этого боялись. Гиммлер не знает, что фюрер покончил с собой.

Ч у й к о в. Но работали ведь рации Германии? (Кребс удивлен.) Гиммлер по радио назначал пункты для сепаратных переговоров с союзниками.

К р е б с. Это частное мероприятие, на других основаниях.

(Принесли какую-то немецкую листовку. Чуйков читает сообщение о том, что Гитлер находится в Тиргартене.)

К р е б с. Это ложь!

Ч у й к о в. Дыма без огня не бывает.

(Пауза. Мрачно.)

Ч у й к о в. Не знаю, каков будет ваш ответ, но, моему, больше не стоит проливать кровь.

(Немецкий генерал еще раз просит о перемирии и о связи с союзниками.)

Ч у й к о в. Это от меня не зависит.

К р е б с. Но в случае полной капитуляции мы не сможем избрать свое правительство.

П е р е в о д ч и к. Берлин решает за всю Германию.

К р е б с (перебивая его). Я сам говорю по-русски. Я боюсь, что организуется другое правительство, которое будет против решений Гитлера. Я слушал только радио Стокгольма, но мне показалось, что переговоры Гиммлера с союзниками зашли далеко.

Ч у й к о в. Нет. Действия правительства США и

¹ Да-а-а! (нем.)

Англии согласованы с нами. У Гиммлера неудачная проба дипломатического шантажа.

Кребс. Вы заинтересованы в создании нового германского правительства?

Чуйков. На что вы рассчитываете? Наиболее популярным будет правительство, согласившееся на капитуляцию.

Кребс. Наша задача — сохранить правительство и заключить мир. Особенно с державой-победительницей (СССР!).

Чуйков. Понимаете ли вы, что мы и союзники требуем полной капитуляции?

(Пауза.)

Чуйков. По-моему, немецкое население достаточно хлебнуло от бомбежек. У всех белые повязки.

(Кребс начал учиться русскому языку во время первой мировой войны. Был в Москве в 1939 году. Чуйков спрашивает его о Гудериане.)

Кребс. Он болен с 15 марта. Я был его заместителем.

(Прибыл член Военного совета Семенов. Ему докладывают о новых событиях.)

Чуйков *(тихо говорит ему)*. У нас — заместитель Гудериана. Кстати, он хорошо говорит по-русски.

(Мы расспрашиваем Кребса о других немецких генералах. Он что-то невнятно говорит об их болезнях.)

Я читаю наконец документы. Критикую их: пишут плохо; у немцев дикие грамматические ошибки; могли бы иметь переводчиков пограмотнее!! (Улыбки.)

Все записываю. Устала рука... Пауза... Ждут телефонного звонка. Напряженно. Вот так и бывает в истории: в чужой квартире, за чужим столом идет беседа между победителями и разбитым противником. Во всем этом есть что-то трудное. Попытки Кребса «поболтать» не удаются.

Ждем звонка от маршала Жукова.)

Чуйков. Вы все время находились в ставке?

Кребс. Я был начальником отдела боевой подготовки. Я был в Москве и до мая 1941 года, замещал там военного атташе, а затем был начальником штаба армейской группы на Востоке.

Чуйков. Где вы были во время Сталинградской операции?

Кребс. Я был на Центральном фронте, у Ржева.
Чуйков. В общем, Сталинград оказался «неприятным».

Кребс. Да, ужасно. С этого начались наши несчастья. Вы были в Сталинграде командиром корпуса?

Чуйков. Нет, я был командующим армией.

Кребс. Я читал книгу о Сталинграде. Кто вы?

Чуйков. Чуйков.

Кребс. Чуй-ков? Ach, Tschuikow! Oh!

(Долгая пауза.)

Чуйков. Почему Гитлер покончил самоубийством?

Кребс. Военное поражение... Надежды немецкого народа на будущее потеряны. Фюрер понял большую жертву народа.

Чуйков. Поздно понял.

(Принесли новые сводки. Чуйков доволен.)

Чуйков. Может быть, так решить: провести вам телефон? От нас — к доктору Геббельсу?

Кребс. Я буду очень рад. Jawohl! Тогда и вы сможете говорить с доктором Геббельсом. Я готов... Я надеюсь, пока будет решение, это поможет.

(Звонок.)

Чуйков (у аппарата). Я слушаю. Так. Алло, я слушаю. Так. (Надевает очки, что-то записывает.) Так, так.

(На столе лежит план Берлина, раскрытый портсигар, два-три немецких документа, пепельница... Сообщают что-то важное из Москвы (?). В ночном молчании очень строго, скупно звучат слова Чуйкова: «Есть. Так». Кребс сидит, сложив руки, и ждет. Чуйков снова что-то пишет: «Есть». Исписывает вторую страницу: «Что? Как?» Смотрит на карту: «Вижу. Нет, заместитель Гудериана». Чуйков записывает. Член Военного совета рядом, свесившись над столом, читает.)

Чуйков. Алло, записал. Понятно... Товарищ маршал, я вам докладываю: Гудериан заболел, а с 15 марта — Кребс начальник генерального штаба. (Пауза.) Тут, недалеко. (Смеется.) Так. Так. (Пауза. Что-то тихо гудит за окном.) Слушаю. (Повторяет.) Так, так. (И опять.) Так, так, понятно. (Все молча ждут.) Так. Слушаю. Понятно. Найдет дорогу сюда?

Я тоже так думаю. Хорошо. Не знаю, его не было. Нет еще. Есть. Хорошо. Слушаю.

(Пауза.)

Ч у й к о в (к Кребсу). Вам не холодно, генерал? Может быть, накинете что-нибудь?

К р е б с. О нет!

Ч у й к о в. Маршал хочет подробнее ознакомиться с вашими предложениями.

К р е б с (по-русски). Мой документ подписан Геббельсом.

Ч у й к о в (снова читает маршалу документ). «Мы уполномочиваем генерала Ганса Кребса в следующем... (Перечень полномочий.) Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут самовольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Подпись: Геббельс».

(Грохот «катюш».)

К р е б с. Гиммлер — предатель. Он работал против фюрера; давно хотел заключить сепаратный мир с западными державами и разъединить нас. Об его намерениях узнал фюрер, и это одна из причин его самоубийства. Фюрер дорожил преданностью своих соратников. Перед смертью он искал выхода... в заключении мира, в первую очередь с Россией.

Ч у й к о в. Итак, Гиммлер — предатель?

К р е б с. Да. Согласно завещанию Гитлера, Гиммлера исключили из партии. Гиммлер вне Берлина — он в Мекленбурге.

Ч у й к о в. Вы знали о предложении Гиммлера: полная капитуляция перед США и Англией?

К р е б с. Как вам известно, мы его подозревали, но окончательно я убедился в этом из сообщения «Рейтера». Мы не были извещены Гиммлером. Фюрер оставил его вне Берлина, чтобы Гиммлер оттуда прислал на помощь Берлину все части вооруженных сил Германии. Но он обманул фюрера, не сделал этого. Он предатель: хотел заключить мир без ведома фюрера. Гиммлер против интересов Германии. Я был все время с фюрером, был его непосредственным советни-

ком по вопросам войны. А вне Берлина, в Мекленбурге, было ОКВ. Фюрер давал им приказы непосредственно из Берлина. Я был ответственен за Восточный фронт.

Ч у й к о в. Кто у вас сейчас является главнокомандующим?

К р е б с. Согласно завещанию—Дениц. Шернер — новый командующий сухопутными силами; морскими силами—фон Грайн. Геринг болен, Гудериан болен.

Ч у й к о в. Где Риббентроп?

К р е б с. В Мекленбурге. Вместо него — Зейс-Инкварт.

Ч у й к о в. Таким образом, полная реорганизация?

К р е б с. Да.

Ч у й к о в. Кто же будет уполномочен на окончательные переговоры с Советским Союзом и союзниками?

К р е б с. Геббельс и Борман, которые находятся в Берлине и являются единственными представителями Германии.

Ч у й к о в. А что будут делать другие члены правительства?

К р е б с. Они выполняют приказ фюрера.

Ч у й к о в. А это правительство будет признано войсками?

К р е б с. Если будет возможность быстро довести завещание фюрера до сведения армии,— войска выполнят его волю. Лучше это сделать до возможного объявления другого правительства.

Ч у й к о в. Вы боитесь других правительств?

К р е б с. Гиммлер предал нас и может создать новое правительство. Гиммлер еще не знает о смерти фюрера и его завещании.

(Тихо. Молчание.)

Ч у й к о в. Как вы думаете связаться с другими районами? Ведь они отрезаны.

К р е б с. Посредством временного перемирия. Мы тогда все огласим.

Ч у й к о в. Не понимаю.

К р е б с. Мы при *вашем содействии* свяжемся с ними при помощи авиации и другими способами.

(Звонок. Пожарский что-то тихо сообщает Чуйкову.)

Ч у й к о в. Значит, правительство создано, чтобы работать на территории Германии, чтобы собрать все силы и продолжать войну?

К р е б с. Нет, чтобы начать переговоры и кончить войну.

Ч у й к о в. А может быть,— кончить войну, а потом начать переговоры?

К р е б с. Ответ может дать мое правительство, а не я.

(Звонок.)

Ч у й к о в (*берет трубку*). Гиммлера они считают предателем. Гиммлер и Риббентроп сейчас находятся в Мекленбурге. Гитлер ввел в правительство Геббельса и Бормана. По военной линии: Деница, Шернера и фон Грайна. Зейс-Инквар назначен вместо Риббентропа. (*Пауза.*) Это я уже знаю. (*К Кребсу.*) Где труп Гитлера?

К р е б с. В Берлине. Сожжен по завещанию. Это свершилось сегодня.

(Грохот орудий.)

Ч у й к о в (*в трубку*). Сжигали в Берлине. «Свежо предание, но верится с трудом». Но генерал *так* докладывает. У него есть документы от Геббельса и Бормана. Геббельс пишет, что создано новое правительство. Вот я вижу этот документ. Кто? У них сейчас главнокомандующий гросс-адмирал Дениц. Так. (*К Кребсу.*) Кто начальник штаба вашей ставки?

К р е б с. Иодль, а Дениц — новый верховный главнокомандующий. Оба в Мекленбурге. В Берлине только Геббельс и Борман.

Ч у й к о в. Что же вы раньше не сказали, что Дениц в Мекленбурге?

(Кребс молчит. Звонок.)

Ч у й к о в (*берет трубку*). Как? Понятно. Будет работать, да. Я это имею в виду. Понятно. Нет, ничего, все будет сделано. Да. (*Кладет трубку, закуривает, спокоен.*) Скоро нам дадут чай? В глотке пересохло. (*К Кребсу.*) Значит, основные силы в Мекленбурге, а в Берлине Геббельс и Борман, которые выполняют волю фюрера?

К р е б с. Да, они хотят прекратить войну, но после признания вами правительства, созданного согласно воле фюрера.

Ч у й к о в. То есть ни мир, ни война?

Кребс. На том участке, где огонь, я согласен его прекратить.

Чуйков. Странно. Таких условий мы не ставили.

Кребс. Но я хочу все сделать как можно скорее, чтобы не появилось новое нелегальное правительство Германии.

Чуйков. Наши все равно пойдут на штурм. Разбирайся, где там какое правительство!

Кребс. Поэтому мы и просим о перемирии.

Чуйков. Капитулируйте!

6 часов 37 минут.

Итак, прошла вся ночь. Звонок... Грохот... Новый звонок...

Чуйков *(у телефона)*. Я его жду. Кто встретит? Встретим. Ну, что поделаться? Будет сделано. *(Обращается ко всем.)* Вот какое дело — маршал Жуков приказал представить ему лично заявление Геббельса и прочие документы.

Кребс. Тут есть приложение — состав правительства, о котором я вам доложил. *(Протягивает еще бумагу.)*

Чуйков. Немедленно отвезти к маршалу. *(К Кребсу.)* Цель вашего приезда — переговоры только с СССР?

Кребс. Только с вами.

Чуйков. Но через нас и с другими союзниками?

Кребс. При расширении полномочий — и с другими.

Чуйков. Это зависит от решения вашего правительства?

Кребс. Когда оно *соберется* — это основная цель.

Чуйков. Где должно собраться ваше правительство?

Кребс. До сих пор не решено. Но лучше всего — в Берлине.

Чуйков. Я этого не понимаю.

Кребс. Я готов это подробно разъяснить.

Чуйков. До безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона ваше правительство не соберется.

Кребс. Но я глубоко убежден, что при капитуляции берлинского гарнизона наше правительство ни-

когда не соберется. Это будет невыполнением завещания фюрера. Я считаю, что полная капитуляция не может быть решена до признания всеми нового правительства.

Ч у й к о в. Итак, правительство действует и не капитулирует?

К р е б с. Я пришел, чтобы разрешить все эти вопросы и передать немецкие заверения. А вопрос о полной капитуляции может быть решен в несколько часов после перемирия и признания нового правительства.

Ч у й к о в. Это значит, что вы хотите драться до последнего! Знаете ли вы об условиях полной капитуляции?

К р е б с. Да, но кому вести эти переговоры?

Ч у й к о в. Есть рейхсканцлер Геббельс. Он полномочен?

К р е б с. Окончательного решения он не может принять.

Ч у й к о в. Кто принимает окончательное решение? Борман и Геббельс?

К р е б с. Невозможно принять решение о полной капитуляции без сообщения всех дел Деницу. Единственная рация находится у Гиммлера. В Берлине оставшаяся приемная станция Деница — разбомблена.

Ч у й к о в. Объявите завещание фюрера народу по радио. Мы дадим вам связь.

К р е б с. Неудобно. Для Деница это будет неожиданным известием. Он еще не знает о завещании. Мы сделали попытку заинтересовать СССР, мы не хотим *нелегального* правительства, согласного на отдельный договор с США и Англией. Мы предпочитаем вести переговоры с Россией.

Ч у й к о в. Я так и понимал ваш «ход».

К р е б с. Я опасаюсь, что союзники все же будут вести сепаратные переговоры с Гиммлером.

Ч у й к о в. А вы не бойтесь.

К р е б с. Мы не отказываемся от переговоров с вашими союзниками, но нам нужна для этого помощь Советского правительства.

Ч у й к о в. Я, как военный, интересуюсь *одним* — разделаться с войсками противника. Мы ставим вопрос о полной капитуляции.

Кребс. Если будет уничтожен берлинский гарнизон, не будет германского легального правительства.

Чуйков. Бессмыслица.

Кребс. Я познакомил вас с моим поручением. У меня других — нет.

Чуйков. Я сообщил вам единственное и окончательное условие: *безоговорочная капитуляция*.

(Генерал Кребс, его адъютант и переводчик сдержанны, спокойны, может быть, — готовы умереть. Звонок.)

Чуйков (*берет трубку, говорит жестко*). Я им обещаю полное сохранение жизни. А о правительстве после будем говорить. У них тут нет никого, — хотят собрать кого-то — не выйдет. (*Говорит, воздействуя на немцев.*) Я ему это предложу. Слушаю. (*Обращается к генералу.*) Маршал Жуков предлагает вам: пошлите к своим, чтобы «не беспокоились» — вы у нас задержитесь. Пошлите своего солдата или офицера.

Кребс (*говорит торопясь, по-русски*). Я предлагаю паузу боя. Мы можем с определенного времени отдать приказ — не стрелять. Мой полковник отдаст приказ.

Чуйков. Нет, напишите записку доктору Геббельсу, чтобы он «не беспокоился».

(Опять звонок.)

Чуйков (*у аппарата*). У них нет средств связи. Они не хотят объявлять о смерти и завещании Гитлера, чтобы Гиммлер этим не воспользовался. По-видимому, боятся и Деница. Они хотят объявить это при нашем содействии и после перемирия. Гиммлер откололся и исключен из партии. Есть! (*К Кребсу.*) Лучший выход для тех, кто хочет признания нового правительства, — капитуляция.

Кребс. Полная?

Чуйков. Полная. Тогда мы будем разговаривать с этими членами правительства.

Кребс (*упорно*). Я не уполномочен объявлять о капитуляции. Правительство таким образом будет уничтожено. (*Он говорит то по-немецки, то по-русски.*)

Чуйков. Но и снаряд не будет разбирать, кто солдат, а кто член правительства.

Кребс (*по-русски*). Я беспокоюсь в интересах заключения мира.

Чуйков. Мы настаиваем на общем требовании — нашем и союзников: *безоговорочная капитуляция*.

Кребс (*злобно*). Полная и действительная капитуляция может быть решена только легальным правительством.

Чуйков. Мы заставим силой.

Кребс. Это будет захват!

Чуйков. Оккупация? Что ж, мы говорим *и об этом*.

Кребс. Существование правительства Германии в интересах народов.

Чуйков. Смотря какое! (Холодный ответ победителей!)

Кребс. Если у Геббельса не будет договоренности с вами, то что получится? Вы должны предпочесть легальное правительство правительству предателя. Вопрос войны уже решен. Результаты должны решаться с правительством, указанным фюрером.

Чуйков. Объявите волю вашего фюрера.

Кребс (*волнуясь, по-русски*). Изменник и предатель Гиммлер может уничтожить членов нового правительства. (Какой страх!)

Чуйков. Нет. Гиммлер не имеет достаточных сил, чтобы противопоставить их союзникам.

Кребс. Могу ли я откомандировать полковника в немецкий район?

Утро. Солнечно. Мы сидим усталые. Немцы тихо советуются друг с другом. Чуйков запрашивает части (по телефону) об обстановке.

Приехал генерал армии Соколовский. Ему докладывают о самоубийстве Гитлера, о завещании, о Денице, Бормане и т. д.

Звонок...

Чуйков (*берет трубку*). Снова докладываю о Гиммлере. Кребс считает, что это был удар предателя. Они якобы не знали. У него все тот же лейтмотив: Гиммлер, услышав сообщение о смерти Гитлера, создаст свое незаконное правительство. Где подлинник завещания? Они говорят, что в Берлине. Немцы

хотят создать новое правительство, иначе будут драться до последнего. Где Гудериан? Он в санатории в Южной Баварии. Где Геббельс? В Берлине. Где бумаги? Направлены маршалу.

Соколовский (к Кребсу). Когда вы объявите о Гитлере и Гиммлере?

Кребс. Тогда, когда мы придем к соглашению с вами о новом правительстве.

Соколовский. Маршал считает, что сначала надо объявить Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам.

Кребс. Я готов это сделать, это очень умный совет. (Он оживился.) Это можно сейчас же сделать с разрешения доктора Геббельса. Я снова прошу послать полковника, чтобы оповестить его об этом же.

Чуйков. Я бы просил передать Геббельсу, что до капитуляции не может быть нового правительства.

Кребс. Сделаем паузу. Создадим правительство...

Чуйков. После полной капитуляции.

Кребс. Нет.

Соколовский. У вас есть Геббельс и другие — и вы сможете объявить капитуляцию.

Кребс. Только с разрешения Деница, а он вне Берлина. Мы могли бы послать Бормана к Деницу, как только объявим паузу. У меня нет ни самолета, ни радио.

(Атмосфера накаляется.)

Чуйков. Сложите оружие, потом будем говорить о дальнейшем.

Кребс. Нет, это невозможно. Мы просим перемирия в Берлине.

Чуйков. У вас есть коды, шифры и так далее?

Кребс. Они у Гиммлера (?). Если вы разрешите паузу — мы придем к соглашению.

Чуйков. Только на основе капитуляции, после которой Дениц сможет прийти к нам, как это сделали вы.

Кребс. Надо Деница вызвать сюда. Пропустите его.

Соколовский. Капитулируйте — и мы пропустим его немедленно.

Кребс. Я не полномочен это решить.

Ч у й к о в. Немедленно капитулируйте. Тогда мы организуем поездку Деница сюда.

К р е б с. Сначала связь с Деницем, потом капитуляция. Я не могу без Деница капитулировать. (*Подумав.*) Но я все же мог бы спросить об этом Геббельса, если вы отправите к нему полковника.

С о к о л о в с к и й. Итак, мы пришли к следующему: немецкий полковник идет к доктору Геббельсу узнать, согласен ли он на немедленную капитуляцию?

К р е б с (*прерывая*). Будет ли перемирие, или до перемирия Геббельс должен согласиться на капитуляцию?

С о к о л о в с к и й. Мы не разрешаем запрашивать Геббельса о перемирии.

К р е б с (*снова упирается*). Без Деница ни я, ни Геббельс не можем допустить капитуляцию.

Ч у й к о в. Тогда вы не создадите правительство.

К р е б с. Нет, надо создать правительство. Потом решать вопрос о капитуляции.

Ч у й к о в (*звонит маршалу Жукову*). Докладываю о ситуации: Кребс настаивает на своем. Так. Значит, ждать? Без Деница он не хочет, а Дениц якобы ничего не знает о событиях. Кребс просит ему обо всем сообщить. Тогда будто бы последует решение. Послать полковника или другое лицо к Геббельсу, а потом, может быть, послать человека к Деницу? Машиной в Мекленбург и обратно 200 километров. Послать за ним нашего офицера,— Дениц может ждать его на линии фронта?

(Слышны артиллерийские выстрелы... Пауза. Нас — четырнадцать человек, из них трое — немцы.)

Ч у й к о в (*по-прежнему у аппарата*). Удобнее ехать полковнику. Есть!

(Кребс что-то быстро пишет в тетрадку.)

К р е б с. Можно ли мне поговорить с полковником?

Ч у й к о в. Пожалуйста.

(Кребс и полковник фон Дуфвинг вышли. Скоро вернулись.)

Ч у й к о в (*берет трубку*). Приказываю связать наш батальон на переднем крае с немецким батальоном и дать Геббельсу с нами связь.

К р е б с. Правительство Германии должно быть авторитетным.

Ч у й к о в. А вы считаете, что при полном поражении Германии еще сохранился авторитет Гитлера?

К р е б с. Вы видите наши страдания. Может быть, авторитет фюрера несколько меньше, но он еще велик. Его мероприятия никогда не смогут измениться. Новые люди, нов[ые] прав[ительства] будут основываться на авторитете Гитлера.

(Какой-то фанатик! Он говорит серьезно. На мундире — генеральские красные петлицы с золотом, узкие погоны, ленточка зимы 1941 года, «риттеркрёйц»¹, ордена, Железный крест... Лысая голова.)

К р е б с (продолжает). Может быть, база будет шире, демократичней. Я это допускаю. Но мы хотим сохранить себя. И если Англия и Франция будут нам диктовать формулы капиталистического строя — нам будет плохо. (Эк, куда загнул!)

Ч у й к о в. Мы не хотим уничтожать немецкий народ, — но фашизм не допустим. Мы не собираемся убивать членов национал-социалистской партии, но распустить эту организацию надо. Новое германское правительство должно быть создано на *новой* базе.

К р е б с. Я думаю, уверен, что есть только один вождь, который не хочет уничтожения Германии. Это — Сталин. Он говорил, что Советский Союз невозможно уничтожить, и так же нельзя уничтожить Германию. Это нам ясно, но мы боимся англо-американских планов уничтожения Германии. Если они будут свободны в отношении нас — это ужасно.

Ч у й к о в. А Гиммлер?

К р е б с. Разрешите говорить прямо? Гиммлер думает, что германские войска еще могут быть силой против Востока. Он доложил об этом вашим союзникам. Нам это ясно, совершенно ясно.

Ч у й к о в. Тогда, господин генерал, мне окончательно непонятно ваше упорство. Драка в Берлине — это лишняя трата крови.

К р е б с. Клаузевиц говорит, что позорная капитуляция худшее, а смерть в бою — лучшее. Гитлер покончил с собой, чтобы сохранить уважение немецкого народа.

(Трагикомическая логика!

Мы расспрашиваем генерала о подробностях самоубийства Гитлера.)

¹ Рыцарский крест.

Кребс. Было несколько свидетелей: Геббельс, Борман и я. Труп, по завещанию, был облит бензином и сожжен. Фюрер попрощался с нами, предупредил нас. Мы отговаривали его, но он настаивал на своем. Мы советовали ему прорваться на запад.

(Дискуссия о национал-социализме, о германском милитаризме и т. д. Немецкий генерал упорен.)

10 часов 15 минут.

Огромная усталость.

Звонок. Советское правительство дает окончательный ответ: капитуляция общая или капитуляция *Берлина*. В случае отказа — в 10 часов 15 минут мы начинаем новую артиллерийскую обработку города.

Генерал-лейтенант Духанов. Команду я дам.

Кребс. Я не имею полномочий. Надо воевать дальше, и кончится это все страшно. Капитуляция Берлина — тоже невозможна, Геббельс не может дать согласия без Деница.

(Звонок... Сообщают, что посланный генералом полковник попал под обстрел и не может перейти фронт.)

Кребс. Это большое несчастье. Могу ли я говорить с переводчиком? Я же просил сделать паузу.

Чуйков. Мы не стреляем, — немцы стреляют.

Соколовский. Мы не пойдем на перемирие и на сепаратные переговоры. Почему Геббельс сам не может принять решение?

Кребс (*снова и снова*). Если мы объявим полную капитуляцию Берлина, то все поймут, что фюрер погиб. А мы хотим сначала создать правительство и сделать все организованно.

Соколовский. Пусть Геббельс объявит...

Кребс (*перебивая*). Но Дениц *беспартийный*. Легче решать ему. Пусть он и *капитулирует*, чтобы не нести напрасных жертв.

Соколовский. Капитулируйте и объявите о новом правительстве. Мы вам дадим для этого радиации в Берлине. Вы свяжетесь и с правительством союзников.

Кребс. Да, Геббельсу, пожалуй, придется на это решиться. Может быть, можно мне поехать к нему?

Соколовский. Зачем? Там артиллерийский обстрел. Сейчас вернется переводчик и все объяснит.

Кребс. Мне все равно, я могу ехать и могу остаться.

Соколовский. Мы говорим вам все на-прямую.

Кребс. Я понимаю, все совершенно ясно: мы с Геббельсом могли бы объявить капитуляцию Берлина, а общую — с Деницем.

Соколовский. У вас положение безвыходное: даже нет связи между Геббельсом и Деницем. А после капитуляции Берлина мы дадим самолет или машину и радиосвязь.

Кребс. Мы не будем арестованы? Все военные, которые будут руководить капитуляцией, не будут арестованы? Или мы будем считаться пленными?

Соколовский. Мы не знаем, каковы будут решения союзных правительств.

Кребс. Я снова повторяю свой вопрос: что нас ждет после капитуляции?

Соколовский. Подайте после капитуляции письменное заявление Объединенным Нациям. Оно будет рассмотрено, и вам ответят.

Кребс. На юридической основе?

Соколовский. Мы гарантируем членам нового временного правительства право снестись с союзными правительствами — совершенно официально. Решения примут три союзных правительства, и, повторяю, вам сообщат...

(Кребс несколько нервничает.)

Кребс. Мне надо узнать, что думает доктор Геббельс. Надо сказать ему о варианте капитуляции Берлина.

Соколовский. Выступите перед тремя союзными державами. Так как Гитлер умер, — у вас все полномочия.

Кребс. Когда мы получим связь?

(Кребс нервничает. Началась наша артиллерийская подготовка... Пролетели самолеты. Вернулся переводчик.)

Переводчик. Когда мы шли, я кричал: «Не стрелять! Мы парламентареры!» Подняли руки. Немцы мне не ответили. Русский майор тянул проволоку для связи. На углу Принц-Альбертштрассе он был

обстрелян с немецкой стороны, может быть, с другого участка — правее. Я кричал им, потом пошел с кабелем. Майор был ранен в голову. Полковник шел позади. Потом он снял шинель и оружие и пошел с белым флагом вперед. Он шел под обстрелом с немецкой стороны. Тут же стояли русские — ранило несколько бойцов и командира роты — они ждали связи, так как ее нет до сих пор. Русская включена, но от немцев пока связи нет. Вероятно, немецкая боевая группа не была информирована. Что же теперь делать? Ждать связи или возвращения полковника? Русские сказали, что с их стороны полковнику будет обеспечено возвращение без обстрела.

Кребс. Вернитесь и обеспечьте переход полковника обратно. Все установлено по карте. Кто стрелял?

Переводчик. Должно быть, немецкий снайпер. Русский майор, очевидно, умрет. Жаль.

(Они сожалеют, но все-таки немцы стреляли. Смотрим по карте на Принц-Альбертштрассе.)

Переводчик. Тут отель «Эксельсиор». Тут мы кричали. Тут стрелял снайпер. Русские не стреляли по всему участку.

(Генерал отмечает по карте все три квартала. Телефонный звонок из нашего батальона: немецкий полковник перешел к немцам, но связи пока нет.)

Чуйков (переводчику). Идите.

Переводчик. Прошу мегафон и белый флаг.

Чуйков. Будут даны.

(Переводчик четко повернулся, руку вверх, поклон нам, уходит... Молчание. Ждем. Пожарский вызывает Кущина.)

Пожарский. На участке 35-м от озера и до Зоологического сада, на первой и второй улицах и до Фридрихштрассе — огня не вести: пойдут парламентареры.

Кребс. Первое мая — у вас большой праздник.

Чуйков. Как же нам не праздновать сегодня — конец войны, и русские в Берлине.

Кребс. В 1941 году я был в Москве. Имел честь быть заместителем военного атташе. Я стоял на трибуне, правее Мавзолея. Я бывал и у Жукова. Он тогда был начальником Генерального штаба. Вероятно, он меня помнит.

Пошли завтракать... холодная комната, все чинно. Коньяк, закуски.

Чуйкова вызывает маршал Жуков.

Входит член Военного совета:

— Наши условия не только капитуляция берлинского гарнизона, но и всех частей.

Я опять в зале. Опять идут переговоры. Генерал Кребс просит точно записать все пункты капитуляции, предъявленные советским командованием. Он сейчас говорит со своим командованием (дали связь), сообщает особый пункт: по радио будет объявлено о предательстве Гимmlера. Геббельс ответил, что требует возвращения генерала Кребса и тогда лично все с ним обсудит. Мы даем согласие.

Кребс (*вслух читает свою запись наших условий*).

1. Капитуляция Берлина.
2. Всем капитулирующим сдать оружие.
3. Офицерам и солдатам, на общем основании, сохраняется жизнь.
4. Раненым обеспечивается помощь.
5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио.

Чуйков (*возвращается после телефонного разговора*). Вашему правительству будет дана возможность сообщить о том, что Гитлер умер, что Гимmlер изменник, и заявить трем правительствам — СССР, США и Англии — *о полной капитуляции*. Мы таким образом частично удовлетворим и вашу просьбу. Будем ли мы помогать вам в создании правительства? *Нет!* Но даем вам право сообщить список лиц, которых вы не хотите видеть в качестве военнопленных. Мы даем вам право после капитуляции сделать заявление Объединенным Нациям. От них зависит дальнейшая судьба вашего правительства.

Кребс. Список лиц, находящихся в Берлине, который мы дадим, не будет рассматриваться как список военнопленных?

Чуйков. Это обеспечено. Офицерам сохраним звания, ордена, холодное оружие. Мы даем право представить список членов правительства, право связи с Деницем и т. д. Но все это *после капитуляции*.

Кребс. С целью образования общего легального правительства Германии?

(Вопрос ребром. Пауза.)

Чуйков. Только для заявления и связи с правительствами государств, представленных в Объединенных Нациях. Повторяю вам: их дело решить, как будет дальше. Военное командование не дает гарантий за дальнейшее.

(И я, и немецкий генерал, каждый по-своему, все записываем.)

Кребс. Итак, после капитуляции советское радио даст сообщение о смерти Гитлера, о новом правительстве и о предательстве Гиммлера?

(Он говорит, что постарается обо всем быстро договориться. С кем?)

13 часов 08 минут.

Генерал уезжает. Я прошу разрешения его сопровождать. Чуйков меня не пускает.

Звонок... Докладывают: «Наши в центре Зоопарка».

Чуйков. Это неплохо. Пошли к железной дороге? Так. Как ведет себя противник? Так. «Фаусты»? Так вот в чем дело — идите на север, на соединение с Богдановым¹ — поскорее! Вот так. Главное: Центральная площадь. Весь центр — ваш удар. Ну, всё.

(Мои мысли.— Немецкий генерал Кребс — это крупный разведчик. Наше дело это обстоятельство учесть.)

Докладывают: «Работает связь. Геббельс хочет говорить с командующим или с членом правительства».

Пошел он к чертовой матери! Пусть пишет капитуляцию! Нам не важно — как. Вслед за Берлином все равно все у них рухнет!)

Соколовский (по телефону). Поздравляю с Первым мая! Тут был генерал Кребс. Я занимался и этим делом. Кребс просил, чтобы мы помогли им составить правительство. Список у маршала. Мы на

¹ Командир корпуса Ударной армии под командованием генерал-полковника Берзарина.

это не пошли. Требуем капитуляции Берлина, после которой мы дадим им связь для объявления Объединенным Нациям о *полной* капитуляции и радио — для сообщения об измене Гиммлера и о том, что власть берет их временное правительство. Геббельс не согласен — хочет *сначала* образовать новое правительство, крутит... Но не выйдет! Геббельс просил разговора с Кребсом. Генерал Кребс сейчас уехал к Геббельсу. Кребс, — передаю по буквам: К-р-е-б-с, генерал от инфантерии Быстро доложите об этом маршалу. Из Москвы ничего нет?

Ч у й к о в (*берет другую трубку*). Как идете? Жать на 593-й! И покрепче!

13 часов 25 минут.

Это Кребс прошупывал почву. Все пытался взять нас *на пушку*. Ну, все это мы учтем: крутеж идет вовсю. Может быть это последняя попытка раскола между нами и союзниками? В ближайшее время будет видно, что там эти геббельсы думают.

Ч у й к о в (*у аппарата*). Потсдамский вокзал нами взят (квартал 13-й). Сейчас бой в 28-м квартале. Точно. В саду немцы сидят прочно, там не мой участок. Я иду по своему направлению. Н-ский корпус идет через каналы. В Зоологическом саду, в центре, — левый фланг.. Противник сопротивляется: ружейно-пулеметная и «фаустная» стрельба. В общем, дела идут успешно. Вот, у меня всё.

(Комментируем, шутим. Первые десять минут передышки за эти удивительно напряженные сутки В комнате — генералы Чуйков, Соколовский, Пожарский и я.)

Ч у й к о в (*в трубку*). Сыпьте «фаусты»¹ и снаряды! И никаких разговоров! Штурмуйте!

(Наши условия ясны: Берлин капитулирует! Занят 161-й квартал!)

Ч у й к о в (*у аппарата*). Займите шоссе Шарлоттенбург. Потом направо — *и на правительственные здания, со всех сторон*. Как там успехи?

(От Конева прибыл огромного роста полковник... Бой идет за 94 и 93-й кварталы. Это уже за рекой

¹ Трофейные. (Прим. авт.)

Шпрее. Упорно идем дальше. Первомайский бой!! Берут гестапо — 152-й квартал.)

Ч у й к о в (*в телефонную трубку*). Объект 5-й занят. 154-й занят. Бьемся на Sieges-Allee — *Аллея Победы*. Ясно? Справа немцы — это участок ваш. Чувствуете мое острие? (*В другую трубку*.) Тут делегация не приходила? Доложите через 15 минут. (*Продолжает прерванный разговор*.) Ничего, давай, будь здоров!

(Наши упорно, медленно продвигаются. Скоро Ударная армия генерала Берзарина и Гвардейская армия генерала Чуйкова соединятся.)

Ч у й к о в. Потом я пушу все к Шарлоттенбургу, на прочесывание.

(Я спрашиваю Чуйкова: «Вы ели?» — «А что?» Он до сих пор ничего не ел. Идем «завтракать». Беседую с Василием Ивановичем... Доложили, что генерал Кребс благополучно перешел фронт.)

Ч у й к о в (*в трубку*). Давайте связь. Штурмуете, черти, — или нет? Ну, что же, танкисты вышли?

(Смотрим по плану — не ясно. Ждем. Все устали, но деловиты. Соколовский и Чуйков ходят по комнате — сильные, грузные. Ждем новостей. Я прошу отправить меня на передовую.)

Ч у й к о в (*отшучивается*). Мне за тебя, Всеволод Витальевич, двадцать суток дадут.

Я. Ведь дело идет о последней зоне обороны — в Тиргартене!..

(Не пустил, жаль!.. Докладывают, что подошли к просеке, немецкие «хозяйства» 71 и 72-е взяты, взрываем стену.)

Ч у й к о в. Так.

(Звонок.)

Ч у й к о в (*берет трубку*). Готово там? Хорошо. Все.

(У немцев бетонные вышки. Бьют прямой наводкой из зенитных орудий... Звонок.)

Ч у й к о в (*берет трубку*). Немцы бьют «фаустами» и ПВО. Артиллерии у них нет, — только зенитки. Вот так. Давай! Так. Хорошо! Всё. (*Резко кладет трубку*.)

(Бьет наша тяжелая артиллерия. Еще один немецкий пункт разбит.)

Ч у й к о в (*звонит в штаб армии, охрип*). С севера бьют по нас. Кто это там? Выяснить.

С о к о л о в с к и й (*связывается с фронтом*). Где командующий артиллерией фронта Казаков? Я у Чуйкова. Проверьте положение, разгрузку линий и т. п.

(Идет стрельба нашей артиллерии прямой наводкой. Кто-то поет. Хорошо! Чудно!)

Ч у й к о в. Товарищи, а ведь война, в сущности, кончилась.

(Звонок.)

Ч у й к о в (*у аппарата*). Так. (*Пауза.*) Давай. Ну, все. Двигай! (*Говорит нам.*) Дошли до стены ипподрома и обтекают.

(Мне безумно трудно: болит рука от бесконечных записей.)

Ч у й к о в (*кричит в трубку*). У них написано: «Вперед! На Запад!» — а они куда прут? Ни черта не знают... Ах, будут знать? То-то!..

С о к о л о в с к и й. Нужен один рывок. Катукоев мог бы!

(За полчаса взяли 8-й пункт. Не просто! В течение этой операции вышло семьсот человек.)

Входит П о ж а р с к и й (*устало говорит*). Приказал бить прямой наводкой.

Сейчас 22 часа 20 минут.

День пролетел.

Безумно трудно. Я не могу описать все трудности *последней* битвы. Пишу, пока есть силы. Немцы дерутся, «фаустники» бьют из-за всех углов. От Геббельса ответа пока еще нет.

С о к о л о в с к и й. Нужен только последний рывок, а не получается. И всего-то осталось 300—400 метров. Не рывок, а ползок.

Ч у й к о в. А не получается рывок потому, что бойцы видят, что война выиграна, и дерутся с оглядкой — никому не хочется умирать в Берлине.

(Я чувствую огромную усталость людей, их сверхчеловеческое напряжение. Соколовский сидит в кресле. Чуйков ходит по комнате. Пауза... Нас только четыре человека: Чуйков, Соколовский, член Военного совета и я. Да, эти часы, может быть, самое труд-

ное испытание в жизни. Выдержим... Противный шум авиамогоров...)

Ч у й к о в (*у телефона*). Ну, как? 152-й квартал взяли? У стены? Займите станцию — и дальше ни шагу. Ясно? Взять 152-й, оставить заслон и все — на север! Вот и все... (*К нам.*) Наши уперлись в эту проклятую стенку, — в спортплощадку. Наши медленно идут на Зоопарк. (*В трубку.*) Занимайте Тиргартенштрассе — и стоп. Держать связь с соседями с севера. Повторяю: ваш предел — Тиргартен. Вот этим и занимайтесь. Ну, всё!

(Это «всё» так лаконично, просто, строго.)

Все склонились над планом Берлина... Варианты: может быть, пройти, пролезть разведке? — предложение Пожарского.)

Ч у й к о в (*в трубку*). Хетагуров, здравствуй! Ну, как твои дипломатические способности? 590-й? Вышли? А 593-й? Соседа с севера не чувствуете? Сейчас я буду туда звонить. Да, пока возьми свои. Дайте девятку. (*Глядя на карту, звонит в штаб Белявскому.*) Товарищ Белявский! Добейтесь связи с Кузнецовым, и чтобы всеми путями соединиться. А то и тысячи моих штыков не помогут. Так... Да... Разведка влезает в Зоопарк. Понятно? Пора и мне, и Богданову, и Кузнецову... Прогуляемся вместе по Аллее Победы.

(Комната... Вечер... Ночь... Усталые лица, пепельницы, переполненные окурками, телефонные звонки.)

Ч у й к о в (*взял трубку*). Вышли на Бельвюштрассе? Ну, давайте, выходите! Еще немного! Выходите — и тогда все в порядке. Потом легче будет. Всего сотня метров останется!

Идем в другую комнату. Чуйков, Соколовский, Вайнруб, Пожарский и член Военного совета спорят о сути уличных боев. Может быть, кое-что и говорится «для истории». Это их дело — у них есть на это право.

Нудный шум стрельбы автоматчиков. Зевки. Нам всем очень хочется спать, и пусть нас простят за это скромное желание.

Сижу и пишу... Родимая Москва, где ты? Мысли о С. К.¹, о моем доме, о друзьях...

¹ С. К. Вишневецкая — жена писателя.

Чуйков ходит взад и вперед. О чем он думает? Адъютант — тут же, сел за телефон, отвечает на звонки. Да, у всех у нас работка!

О нацистах. — У меня к ним холод, презрение. Нет, не они! — не они решат судьбы мира!

Ночь... Чуйков прилег на диван. Тихо... Член Военного совета, сидя в кресле, дремлет. Звонок...

Чуйков (*проснулся, берет трубку*). Товариш Рыжов, поставьте хорошую охрану... Хорошо... Всё... Так... (*Лаконизм — наш военный стиль.*) 561-й занят? Полностью? Так. Правильно! Вы к Богданову навстречу разве не выслали? Так. (*Говорит мне.*) Наши в районе Шарлоттенбурга, севернее Зоологического сада. Взяли Шведское посольство, а те просят охрану, восхищаются мужеством Красной Армии и передали послание Советскому Союзу. Они в убежище и довольны всем. Так мне доложил командир корпуса. Намекнули, что они, шведы, защищали советских граждан...

23 часа 55 минут.

Чуйков. О парламентарях мы и забыли? К черту! Я с ними разговаривать теперь не буду. Это была политическая разведка!

(Звонок. Чуйков говорит по телефону, потом ходит, молчит. Передо мной большой человек, почти мой однолётка... Опять звонок.)

Чуйков (*в трубку*). Успокойте шведов. Есть указания центра. Абсолютная вежливость. Правильно! Так. Ну, давайте дальше! Кончай скорей и связывайся с соседом. Все! (*Обращается ко мне.*) Завтра, может быть, и кончим, а?

2 мая 1945 года

1 час 25 минут.

Чуйков берет свою бурку. «Ну, отдохнем?» Звонок...

Чуйков. 56-й немецкий танковый корпус шлет нам парламентаров. Ну их, пошли спать!

5 часов 50 минут.

Встали, помылись. Снова за стол.

Чуйков. Всеволод, ты все спишь? (*Смотрит мои записи.*) Как ты разберешь все это?

Я. Память поможет...

(На столе четыре плана Берлина. Большой город!)

Ч у й к о в. Если бы у них были боеприпасы, они могли бы долго держаться.

Принесли пакет из шведской миссии. В письме они благодарят за «благодарное отношение русских. Королевская шведская миссия обращает ваше внимание на наше официальное послание».

Штамп: «Королевская шведская миссия» (на шведском языке).

Дальше по-русски, на машинке: «Королевская шведская миссия. Командующему генералу.

Сим позволяем себе обратить ваше внимание на то, что Королевская шведская миссия находится под адресом: Раухштрассе, №№ 1, 3 и 25 и Тиргартенштрассе, № 36. Шведская церковь находится под адресом: Берлин, Вильмерсдорф, Ландхаушштрассе, № 27.

Прошу советские военные власти дать миссии возможность продолжать исполнение своих задач по отношению к покровительству шведских граждан и шведского имущества.

Я был бы вам очень благодарен за случай разговора с компетентным представителем Красной Армии.

Ожидаю вашего благосклонного ответа на этот счет.

Как известно, Королевская шведская миссия являлась до сих пор покровительницей советских прав в Германии¹.

Берлин, 1 мая 1945 года.

Гуго Эрифаст, поверенный в делах (на машинке).

Гуго Эрифаст (от руки).

Печать с русским текстом».

6 часов.

Звонок: «Едет делегация от Геббельса»...

(Прибыла делегация из четырех человек.)

— Давайте их сюда.

¹ Соблюдены стилистические ошибки подлинного текста.
(Прим. авт.)

(Входят трое штатских, двое из них — в серых пальто, один — в пиджаке (какие выхоленные!) и солдат в шлеме — с белым флагом.)

Ч у й к о в. Пусть солдат выйдет... Чем могу служить? Was wollen Sie? ¹

— Berlin retten ².

(Делегация вручает письмо в розовой папке. Чуйков читает. Тишина. Присутствуют товарищи: Пожарский, Вайнруб, Ткаченко и я.)

Ч у й к о в. Когда покончил жизнь самоубийством доктор Геббельс?

— Вечером, в министерстве пропаганды.

Ч у й к о в. Где труп?

— Сожжен.

Ч у й к о в. Нам это подозрительно.

— Геббельс покончил с собой. Его сожгли личный адъютант и шофер.

Ч у й к о в. Где сейчас находится начальник генерального штаба Кребс, который вчера по полномочию Геббельса вел с нами переговоры?

— Не знаем. Нам известен новый начальник — генерал Эйнсдорф.

Ч у й к о в. Известно ли вам наше условие: безоговорочная капитуляция?

— Да, известно. Мы это и предлагаем.

Ч у й к о в. Хорошо. Можно сюда привести господина Фриче?

— Я вернусь и лично приведу доктора Фриче и генерала Эйнсдорфа.

(Просит рацию, чтобы заявить народу о капитуляции.)

Ч у й к о в. Войска получили уже приказ о капитуляции?

— Это зависит от вашего сообщения.

Ч у й к о в. Мы сообщим по радио в Шарлоттенбурге, недалеко от рейхстага. (Звонит.) Алло, я прошу маршала. Алло! Это говорит Чуйков. Алло!

(За окнами синий рассвет. Пауза.)

Ч у й к о в (к делегатам). Известно ли Фриче, что берлинский гарнизон начал сдаваться?

— Когда мы выезжали — нет.

¹ Что вы хотите? (нем.)

² Спасти Берлин (нем.).

Ч у й к о в. Сейчас войска уже полностью капитулируют.

— Этого мы не знаем.

Ч у й к о в. Я спрашиваю: будут ли войска выполнять приказы Фриче?

— Его имя — гарантия и в Германии и в Берлине. Он просит разрешения выступить в Берлине по радио.

(Звонок.)

Ч у й к о в (*берет трубку*). Товарищ Вареников! Прибыла делегация от доктора Фриче с письмом на имя маршала, в котором говорится, что Геббельса уже нет в живых, что командир 56-го танкового корпуса генерал Вейдлинг начал капитуляцию. Я его жду к себе. Фриче хочет сделать по радио заявление народу Германии и Берлина. (*Пауза.*) Товарищ маршал, докладывает Чуйков. Ко мне сейчас прибыла делегация с письмом господину маршалу Жукову. Читаю вам: «Как вы извещены генералом Кребсом, бывший рейхсканцлер Геринг — недостижим. Доктора Геббельса нет в живых. Я, как один из оставшихся в живых, прошу вас взять Берлин под свою защиту. Мое имя известно». Он просит разрешения выступить по радио. Просит милости от имени народа и возможности работать для блага человечества. Подпись: «Директор министерства пропаганды, доктор Фриче». И генерал Вейдлинг тоже сдается. У меня совершенно охрип голос. Я передаю трубку Пожарскому.

(Пожарский вторично читает маршалу письмо доктора Фриче.

Входит член Военного совета.)

Ч у й к о в (*берет трубку*). Где генерал Кребс? Есть слухи, что он тоже покончил с собой. Кто их комендант Берлина? Генерал Вейдлинг. Он должен быть у меня. Как военнопленный. (*К немцам.*) Кто еще, кроме Фриче, находится в управлении?

— Никого из высших чиновников там нет.

Ч у й к о в. А где Борман?

— Он как будто был в канцелярии Гитлера, а там произошел взрыв газа. Семья Геббельса там погибла тоже.

Ч у й к о в. Генерал Вейдлинг скоро будет здесь. Послать ли за Фриче? Понятно. Так. Есть. Принять

под свою защиту город и пленных? Есть. Так. Понятно. Можно им это передать? Приступаю к действию. Так. Слушаю. Действую.

6 часов 45 минут.

Ч у й к о в (к немцам). Маршал Жуков принимает капитуляцию Берлина и отдает приказ о прекращении военных действий — это первое. Второе: объявите солдатам, офицерам, населению, что все военное имущество, здания и коммунальные ценности должны быть в порядке. И не взрывать! Особенно военное имущество! Третье: вы поедете с нашим офицером за господином Фриче, и он выступит по радио, а потом будет доставлен сюда. Четвертое: я добавляю — мы гарантируем жизнь солдатам, офицерам и генералам, медицинскую помощь раненым. Пятое: чтоб не было никаких провокационных выстрелов и прочих диверсий.

(Немцы просят о защите сотрудников министерства пропаганды.)

Ч у й к о в. Волос не упадет.

— Я не знаю вашего чина.

Ч у й к о в. Я — генерал-полковник Чуйков. (*Берет трубку.*) Штаб? Давайте приказание о прекращении военных действий.

(Входит Соколовский. Читает письмо Фриче. За окнами светлее и светлее. Звонок маршала.)

Ч у й к о в (*у телефона*). Что? Есть ли семьи видных чиновников в Берлине? Взять их под защиту? (*Говорит с делегатами, потом — маршалу.*) Они говорят, что семья Геббельса погибла от взрыва газа. По мнению представителей Фриче, семьи остальных в Южной Германии. Если узнаем — сообщим точно. Понятно. Сделаю. Так. Предложу это и генералу Вейдлингу. (*К немцам.*) Маршал Жуков требует немедленного разминирования зданий и предоставления нам карт минированных районов во избежание несчастных случаев.

(Явился полковник Вайгачев — замполит начальника разведки штаба армии Чуйкова.)

Ч у й к о в (*к Вайгачеву*). Вы поедете к доктору Гансу Фриче. Пусть этот самый Ганс Фриче, от име-

ни их правительства, даст приказ о сдаче войск в полном порядке, с вооружением и техникой.

Полковник. Есть! (*Записывает.*)

Чу й ко в. Доложите, что маршал Жуков принял предложение о капитуляции и берет Берлин и весь гарнизон под свою защиту. На основе этого Фриче должен объявить по радио то, что я сказал. Он и его ближайшие сотрудники должны прибыть *сюда*. Будем *здесь* разговаривать о дальнейшем. Ясно?

Полковник. Все понял.

(Я читаю письмо Фриче. Написано четко.)

Чу й ко в (*по телефону*). Я отдал приказание о прекращении военных действий.

(Прибыл генерал артиллерии Вейдлинг. Он в очках... Жест — фашистское приветствие... Проверка документов.)

Чу й ко в. Вы командуете гарнизоном Берлина?

Вейдлинг. Да, я командир 56-го танкового корпуса.

Чу й ко в. Где Кребс? Что он говорил?

Вейдлинг. Я видел его вчера в имперской канцелярии. Я предполагал, что он поконч[ит] самоубийством. Вначале он упрекал меня за то, что (неофициально) капитуляция была начата вчера. Сегодня приказ о капитуляции дан всем войскам. Кребс, Геббельс и Борман отклонили капитуляцию, но вскоре Кребс сам убедился в плотности окружения и решил — наперекор Геббельсу — прекратить бессмысленное кровопролитие. Повторяю: я дал приказ о капитуляции моему корпусу.

Чу й ко в. А весь гарнизон? Распространяется ли на него ваша власть?

Вейдлинг. Вчера вечером я всем дал приказ отбиваться, но... потом дал другой.

(Чувствуется, что у немцев беспорядок. Вейдлинг показывает по нашей немецкой карте место расположения своего штаба и частей: корпуса, фольксштурма и прочих. С 6 часов утра они должны были начать капитуляцию.)

Чу й ко в. Маршал Жуков также отдал приказ о прекращении военных действий, и обе стороны заинтересованы в наилучшей организации капитуляции. Где заминированные пункты?

Вейдлинг. У нас совершенно нет взрывчатки. Поэтому даже мосты не заминированы.

Чуйков. Значит, минирование исключается?

Вейдлинг. Может быть, об этом есть документы в имперской канцелярии — не знаю.

(Входит Соколовский.)

Соколовский. Куда уехали Гитлер и Геббельс?

Вейдлинг. Насколько мне известно, Геббельс и его семья должны были покончить с собой. Фюрер 30 апреля принял яд... Его жена тоже отравилась.

Чуйков. Это вы слышали или видели?

Вейдлинг. Я был 30-го к вечеру в имперской канцелярии, — Кребс, Борман и Геббельс мне это сообщили.

Чуйков. Значит, это конец войны?

Вейдлинг. По-моему, каждая лишняя жертва — преступление, сумасшествие.

Чуйков. Правильно. Давно вы в армии?

Вейдлинг. С 1911 года. Начал солдатом.

(У Вейдлинга внезапный нервный приступ. Чуйков по телефону докладывает обо всем маршалу.)

Соколовский (*берет трубку*). Власть генерала Вейдлинга относительная. Капитуляция идет на участках Чуйкова и Кузнецова, а на других участках — еще нет. (*Пауза.*)

Чуйков (*по другому аппарату*). Продвигайтесь дальше. Прочесывайте, если придется, но без эксцессов.

Соколовский (*к Вейдлингу*). Вы должны отдать приказ о полной капитуляции.

Чуйков. Наши части прекратили стрельбу, а немцы на отдельных участках еще стреляют.

Вейдлинг. Я не мог отдать всем приказ о капитуляции, так как не было связи. Таким образом, отдельные группы еще могут сопротивляться в ряде мест. Многие не знают о смерти фюрера, так как доктор Геббельс запретил сообщать о ней. На основании чего советское командование *уже* прекратило военные действия?

Соколовский. Мы полностью прекратили военные действия и даже убрали авиацию. Вы не в курсе событий? Ваши войска начали сдаваться, вслед за этим прибыла гражданская делегация от

Фриче с заявлением о капитуляции, и мы, чтобы облегчить ее, прекратили военные действия.

Вейдлинг. Я охотно помогу прекратить военные действия наших войск.

(Показывает, где еще остались части «СС». В основном — вокруг имперской канцелярии.)

Вейдлинг. Они хотят пробиться на север. На них моя власть не распространяется.

Соколовский. Отдайте приказ о полной капитуляции, чтобы и на отдельных участках не сопротивлялись. Лучше поздно, чем никогда.

Вейдлинг. У нас нет боезапаса и тяжелых орудий. Поэтому сопротивление долго продолжаться не сможет.

Соколовский. Это мы сами знаем.

Вейдлинг. У немцев спутались все представления, и мне не поверят, что фюрер умер.

Чуйков. Напишите приказ о полной капитуляции, и у вас будет совесть чиста.

(Вейдлинг набрасывает проект. Тишина. Наши беседуют вполголоса.)

В соседней комнате ожидают: ассессор Сейлер и генерал Курт Войтам.)

7 часов 57 минут.

У меня от записей болит рука. Я лично думаю, что Гитлер мог застрелиться, рассчитывая стать немецким и народным героем, а Геббельс, может быть, замечает следы. Где же остальные представители ОКВ?

Идет сдача в плен немецких войск. Многие, очевидно, переоденутся в штатское.

Чуйков предлагает завтракать. Вейдлинг пишет... У них развал (яснейший!). Мы вполголоса комментируем события. В комнате — Соколовский, Чуйков, член Военного совета, Пожарский и я.

Чуйков (к Вейдлингу). Может быть, вам нужен ваш помощник?

Вейдлинг. О, ja!¹

(Входит рослый брюнет — в монокле, с отличным пробором, серые перчатки. Я даю ему карандаш. Он

¹ О, да! (нем.)

благодарит. Папка с письмом от Фриче и другие бумаги у Чуйкова. Исторические документы!

Немцы советуются друг с другом. Вейдлинг держится за голову, но пишет. Он устал, в очках, с гладко зачесанными назад волосами, шатен. Опять советуется со своим начальником штаба.)

Соколовский. Итак, товарищ Вишневский, заканчивается вторая мировая война.

Я. Да, заканчивается...

(Спрашиваю у начальника штаба Вейдлинга его имя и фамилию. Он записывает их в мой блокнот: Hans Refior¹.)

Вейдлинг (*читает вслух*). «30 апреля фюрер покончил жизнь самоубийством...»

Соколовский (*перебивая его*). Нам стало известно, что Дениц объявил об этом всему миру...

Вейдлинг. Нет, вчера доктор Геббельс сказал мне, что только Сталин узнал об этом от вас.

Соколовский. Вчера с неизвестной станции немецкое радио передавало, что Гитлер погиб геройской смертью.

(Вейдлинг недоуменно пожимает плечами и молча вручает Соколовскому проект приказа. Читаем... Формулировки, может быть, и не все хороши.)

Заявление Вейдлинга:

«30 апреля 1945 года фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас — присягавших ему на верность — одних. По приказу фюрера вы, германские войска, должны были еще драться за Берлин несмотря на то, что иссякли боевые припасы, и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Подпись: Weidling², генерал артиллерии, бывший комендант округа обороны Берлина».

Чуйков. Не надо «бывший», вы еще комендант.

Пожарский. Нужны ли формулировки о присяге?

Чуйков. Не надо переделывать — это *его* соб-

¹ Ганс Рефиор (*нем.*).

² Вейдлинг (*нем.*).

ственный приказ. Перепечатать приказ, поставить дату.

Вейдлинг. Jawohl... Да... Как озаглавить: призыв или приказ?

Чуйков. Приказ.

Переводчик. Сколько экземпляров?

Чуйков. Двенадцать.

Вейдлинг. У меня большой штаб, у меня два начальника штаба и еще два генерала, которые были на пенсии, но пришли служить ко мне и отдали себя в мое распоряжение. Они помогут организовать капитуляцию.

Чуйков. Понятно.

(Стучит машинка.)

Вейдлинг. Моя шинель осталась в имперской канцелярии. Можно ли за ней послать?

Чуйков. Пожалуйста. *(Вейдлинг благодарит.)*
Чаю — сюда.

(У всех нервное переутомление, все очень сдержанны... Соколовский, Чуйков, Скосырев, Ткаченко, Гронин, Вайнруб, Семенов, Пожарский и я.)

Вновь и вновь комментируем события, смерть Гитлера...

Некоторые товарищи считают странной версию о сожжении Гитлера и Геббельса и об исчезновении этого вчерашнего генерала Кребса.

Я спрашиваю:

— У Вейдлинга нервный припадок заметили?

Соколовский. А ведь ему трудно...

Член Военного совета Семенов. Ясно. Но приказ умный. Он умело подчеркнул и присягу и обстоятельства... Он вне правительства — просто «вывеска».

Скосырев. Его приказ надо сейчас же довести до сведения всех немцев. Это сильно повлияет.

(Надо накормить немцев. В соседней комнате накрывают стол.)

Пожарский. Праздника-то у нас и не было. Ночи не спим. Теперь дней пять отдохнем.

Вайнруб. Части наши готовы. Остается расставить их везде по Берлину. Наблюдать.

Член Военного совета Семенов. Ты, Всеволод, к нам вовремя попал.

Я. Да, довелось.

Утро серое, прохладное. Вспоминают о Сталинграде, шутят, курят.

Приказ готов. Его передадут *по радио* и другими способами (устанавливаем пункты по карте). Один из немецких офицеров особенно мрачен.

9 часов 35 минут.

Я спрашиваю полковника фон Дуфвинга, будут ли протесты в немецких частях?

Фон Дуфвинг:

— В некоторых... Вчера, когда я шел к вам, в меня стреляли.

Пошел кормить завтраком двух немецких генералов и полковника фон Дуфвинга. Они спрашивают меня: «Где ваши генералы?» — «Отдыхают». Сажу с ними один, угощаю. Некоторая неловкость, стесненность, молчание. Жадно за ними наблюдаю.

В штабной квартире — движение: приехал еще один немецкий генерал. Приглашаю к столу. Тут же чиновник из министерства пропаганды. Естественно, что разговор не очень вяжется. У немцев есть ощущение служеб[ного] неравенства — ведь фактически они — в плену. Говорим о продовольственном положении Берлина, о первом приказе Берзарина. Внимательно слушают... Я рассказываю о начавшейся в Германии еще во время боев посевной кампании. Беседа чуть-чуть оживляется... Немцы иногда тихо говорят между собой, строят догадки о судьбе Кребса.

— Не хотите ли вина?

— Немцы по утрам пьют мало.

Бледные улыбки. Опять пауза...

— Где труп Гитлера?

— Неизвестно.

Вейдлинг:

— Для меня это вторая проигранная война.

Я рассказываю им о Ленинграде. Они спрашивают о роде моей службы. Объяснил, как мог.

Входит еще один немецкий генерал. И его приглашаю завтракать.

Немецкий генерал:

— Мы устали.

— Это понятно.

Немецкий генерал:

— Семнадцать дней последних усилий!

Расспрашивают о маршале Жукове, о Чуйкове, — рассказываю, что надо. Говорим о Героях Советского Союза, о знаках различия, но у всех *свой внутренний ход мыслей*. Каждый из нас все глубже ощущает события.

Немцы говорят о сильнейшем разрушении центра Берлина.

Мы рассказываем, как быстро восстанавливают Ленинград и Сталинград; об общем экономическом развитии СССР; о встрече с союзниками. Немецкие генералы вспоминают о встрече с Красной Армией в 1939 году.

Сравниваем потери СССР и Германии. Я рассказываю им о «мертвых зонах», о солдатских вопросах: «Почему немцы напали на нас?» Один из немцев отвечает: «Нам нужна была территория». — «Вот вам и территория в СССР!» Кончаем беседу.

Немецких генералов провожают в ближайший дом. Пусть поживут пока там, *под охраной*.

Чуйков спит. Мы ходим взад и вперед по комнате. «Неужели войну кончили?» — «Странно...»

Сообщили, что немцы на отдельных участках не стреляют, но и не подпускают к себе: «Приказа нет».

Мы беседуем о Родине, о возвращении... Усталость невероятная... Болит рука.

Звонок: *наши занимают центр!!* Идет подсчет пленных.

11 часов 30 минут.

Адъютант докладывает — на самоходке приехал Фриче. Мы стоим группой.

Входит Фриче — в сером пальто, в очках. На ходу читает бумаги. Молча садится. Переводчик — рядом... Ждут... Наши заняты своими делами — принимают сообщения разведотдела.

Соколовский (*входя, к Фриче*). Мы заинтересованы в том, чтобы в Берлине было спокойно.

Тем, кто беспокоится за свою судьбу, мы можем дать охрану.

Фриче. Немецкие полицейские органы разбежались, но можно их вновь собрать.

Соколовский. Нас полиция не интересуется. Она будет причислена к военнопленным. Нас интересуют чиновники, администрация. Им мы обеспечим охрану. Ущерб им не будет. Ясно?

Фриче. Не понимаю. Кто, где может причинить ущерб? Кто решится на эксцессы?

Соколовский. И наши отдельные бойцы, и немецкое население, и некоторые немецкие военные элементы могут проявить жестокость к вам за действия гестапо и тому подобное.

Фриче. Ja, möglich¹...

Соколовский. У нас все предусмотрено, объявлено. Есть комендант города Берлина — генерал Берзарин. Есть районные коменданты. Все делается, меры приняты. Есть ли у вас другие пожелания?

Фриче. Я вам написал письмо, как последний ответственный представитель правительства. Я написал его, чтобы предотвратить кровопролитие.

Соколовский. Ваш вынужденный жест нам понятен.

Фриче. Я бы хотел расширить документ и хотел бы связаться с Деницем.

Соколовский. Ваш документ отправлен маршалу Жукову, а на дальнейшее мы не уполномочены, в частности на вашу связь с Деницем. Ответ от маршала Жукова последует, и, может быть, вас пригласят для беседы. Кто из других крупных чиновников остался в Берлине?

Фриче. Я не знаю.

Соколовский. Ну, что ж — у нас всё.

Фриче. Где я должен находиться?

Соколовский. Здесь. Ждите ответа маршала Жукова.

(Фриче уводит. У нас явное недоверие — не подставное ли это лицо? Входит Чуйков: «Ну, где этот Фуше или как его там?» Соколовский рассказывает ему о разговоре с Фриче.)

Чуйков. Наши охраняют правительственные учреждения. Уже в 10 утра Дениц обратился к армии

¹ Да, возможно... (нем.)

и народу: он берет руководство и продолжает до конца борьбу с большевизмом, а также с англичанами и американцами, если они будут мешать. Но нам он не страшен — кишка тонка! (Смеется.) Гиммлера Дениц объявил предателем. Таким образом, Берлин капитулировал отдельно. Может быть, Гитлер ушел в подполье? В общем, мы их доконали. Какой же у них развал и политический разброд, если Геббельс хотел ориентироваться на нас! (Смех.)

(Чуйков по телефону проверяет, взят ли рейхстаг.)

Чуйков (к нам). Стрельба в центре еще продолжается. Рейхстаг подожжен немцами.

(Проверяет, как дела в имперской канцелярии. Входит Белявский.)

Соколовский Кто поджег рейхстаг?

Белявский. Там шел бой — не все сразу капитулировали.

(Звонок: части Гвардейской армии Чуйкова встретились с Ударной армией Кузнецова.)

Галаджев. Наступает конец войны.

Чуйков. Да, закурим трубку мира.

Ну, сегодня в Москве дадут салют — необычайный!

Какое будет ликование в СССР! Может быть демонстрация, народ погуляет! Пора!..

Германское руководство распадается. Несомненно отдельные очаги сопротивления, но после капитуляции Берлина — падут и Бреслау и другие города. Документ Вейдлинга надо как можно скорее широко опубликовать для немцев.

Как все просто... Какое-то странное ощущение свершенности и конца войны. Особой торжественности, которой мы ждали от взятия Берлина, от победы — нет. Пройден слишком большой и трудный путь!

Немедленно встанет новая труднейшая задача — все привести к порядку, к норме.

Чуйков идет бриться. Галаджев, Пронин, Семенов и Скосырев говорят о предстоящей работе в частях, о необходимости отметить победу, дать людям *разрядку*.

Чуйков (входит):

— Где Блантер? Вот сыграл бы гвардейский марш!

Генералы вспоминают о 15 апреля — начале битвы за Берлин... Обсуждают — какое впечатление произведет на весь мир весть о падении столицы Германии.

Солдаты шумят:

— Война кончилась!

— Экскурсию бы по Берлину!

У меня сверхнапряжение: только воля и нервы. Рука болит невозможно, до судорог. Пишу почти непрерывно вторые сутки.

Взят Берлин!.. Обдумываю — как описать это. Нужен очерк в «Правду», но что втиснешь в семь-восемь страничек?

Прощаюсь с товарищами, благодарю за оказанные мне честь и доверие...

РОДНОЙ ФЛАГ

Над нашими военными кораблями реет бело-голубой флаг с алыми советскими эмблемами. Его приветствуем мы утром, когда взвигается он гордо на кормовом флагштоке или на гафеле. Его приветствуем мы вечером, когда он спускается на закате солнца. Флаг наш приветствуют военные и торговые корабли всего мира. Ему отдают положенные почести, ибо флаг этот — святой символ вооруженной морской мощи великого Советского Союза, овеянное славой вековых побед знамя.

Бело-голубой цвет нашего морского флага — цвет преемственно-исторический. Впервые эти цвета были введены на русском флоте в 1712 году — в разгар великой Северной войны, когда Россия возвращала себе воды и берега Балтики и закладывала основы своего морского могущества. Бело-голубой флаг, именовавшийся Андреевским флагом, развевался над русскими кораблями более двух веков. Торжественно-твердым был закон, установленный еще Петром: «Кто к знамени присягал единожды, тот у оного и до смерти стоять должен». И русские моряки стояли у своего флага непоколебимо и честно — в реве штормов и ураганов, в дыму сражений, в грохоте абордажных свалок и в отчаянных десантах. Он призывно развевался на морях и океанах, отмечая бесстрашие матросов, офицеров и адмиралов России. В боях он не опускался *никогда*, сколь бы многочислен ни был враг и в каких бы условиях ни приходилось драться нашим людям.

Кто из русских не знает и не помнит знаменитого дела брига «Меркурий»? 14 мая 1829 года этот небольшой бриг, вооруженный восемнадцатью мелкокалиберными пушками, принял бой с кораблями врага. На военном совете первым сказал свое слово младший по чину, как то и полагалось по правилам.

Это был штурман Прокофьев. Его заявление да будет вечным примером для поколений русских моряков! Штурман сказал без малейших колебаний о том, что честь флага блюсти надо свято, что надо драться до последней возможности, затем свалиться на бордаж с крупнейшим кораблем врага и взорвать себя и его.

Это был голос настоящего русского морского офицера.

Командир брига сам зарядил пистолет и положил его у крюйткамеры, дабы последний оставшийся в живых сделал выстрел и вызвал бы взрыв брига. Обрубили тали висевшей на корме единственной шлюпки. О спасении не помышлял никто. И бриг начал битву. Его окружили. Враги кричали: «Спускайте флаг!» Они не знали, видимо, с кем имеют дело. Залпы «Меркурия» взрывали каюту турецкого адмирала. Русский флаг развевался гордо — среди синевы неба и моря он сверкал ослепительной белизной. Бриг был изрешечен. Но он дрался упорно и неустрашимо. И неприятельская эскадра отступила перед сим бесстрашием и упорством.

Мы помним и гордый ответ адмирала Сенявина, когда ему однажды в иностранном порту предложили интернироваться и спустить флаг. На этот ультиматум адмирал ответил так: «Флаг не спущу и отдам оный, как только с жизнью моей».

Какая блестящая череда побед связана с отечественным военно-морским флагом!.. Гангут, Эзель, Наварин, Синоп...

В 1935 году, десять лет тому назад, в разгар нашего нового флотского строительства, кораблям нашим присвоен был бело-голубой с алыми советскими эмблемами флаг. Торжественно взвивался он на Балтике и на Черном море, на кораблях Севера и Тихого океана, на Каспии и широком и славном Днепре, на старом Амуре и в других местах необъятной Родины нашей. Мы глядели на флаг наш, готовясь к защите Родины от фашизма. Мы глядели на флаг наш, повторяя себе веление народное, записанное в Корабельном уставе: *«Корабли Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота ни при каких обстоятельствах не должны спускать флага перед противником, предпочитая гибель — сдаче вра-*

гам трудящихся». Мы глядели на флаг наш — и в нем была воплощена честь наша, в нем были воплощены подвиги отцов и дедов наших, в нем была слава России, жизнь наша и судьба.

Грянула война. Моряки смело ринулись в битву. И родной флаг наш по-прежнему развевался над нашими кораблями.

Бессмертны подвиги, совершенные моряками в дни Великой Отечественной войны.

Кто забудет подвиг сторожевого корабля старшего лейтенанта Окуневича! Он конвоировал два транспорта в Баренцевом море. И он встретился с тремя немецкими эсминцами. Заботливо укрыв транспорты у берега, сторожевик направился полным ходом против немцев. Всем на сторожевике было ясно — надо идти на гибель, но спасти ценнейшие грузы на транспортах. Развевался на гафеле бело-голубой флаг. Это был вызов врагам. Никто на корабле не дрогнул... Орудия работали с предельной скорострельностью. Палуба покрылась кровью, ибо немцы стали накрывать сторожевик. Люди падали на своих боевых постах — падали без жалоб... Сторожевик продолжал вести бой... В пяти кабельтовых от трех немецких эсминцев сторожевик начал погружаться в пучину. Орудия сторожевика продолжали вести огонь. Живым оставался только один краснофлотец. Он вел огонь до последнего момента — и так и ушел в воду вместе с орудием. Последний раз ветер взметнул бело-голубой родимый флаг... Тридцать четыре советских моряка вместе с командиром, ушли в холодные воды, не запятнав чести флота, не запятнав родимого флага.

Не забудет наш народ и подвига катерников старшего лейтенанта Валентина Романова. Катер Романова был тяжело поврежден в неравном бою. Нос катера был оторван начисто. Взрывной волной в море унесло командира и с ним еще четверых моряков. Соленая волна смешалась с горячей кровью, которая лилась из покалеченных тел. Катер продолжал бой: боцман Семен Прихожай бил по всплывающей немецкой подводной лодке, которая хотела живыми захватить советских моряков и взять их флаг. Боцман загнал лодку под воду. Потом он успел спасти одного тонувшего... Катер уходил в воду все ниже

и ниже. И тогда во мраке северной ночи раздались голоса. Это пели матросы, пели народную старую песнь о «Варяге», который не спустил флага перед врагами. Песнь, смешанная со свистом и ревом моря и ветра, рвалась ввысь... На корме катера, уходившего все глубже и глубже в воду, развевался бело-голубой флаг с алыми эмблемами. Люди отказывались отступать и перед врагом и перед стихией... «Прощайте, товарищи. Грянем «ура»! Кипящее море под нами». Катер ушел в холодные воды.

Свершенный подвиг останется жить в преданиях народа, в летописях флота, в его живых, неумирающих традициях.

Наш моряк бережет свой флаг, как высшую святыню. Этот флаг — сама Родина, ее моря и берега, ее труд и ее мощь, о чем напоминают моряку серп и молот и пятиконечная звезда. Наш моряк бережет свой флаг в море и на берегу...

Кто не склонит головы перед подвигами нашей морской пехоты!.. Шли раз черноморцы в наступление. Впереди шел знаменосец, и флаг бело-голубой реял, как в былых походах. Немцы увидели флаг. Пятнадцать немецких автоматчиков кинулись на одного матроса, который нес флаг. Матрос прижал святыню к груди. Отстреливаться он уже не мог, автомат заело. Матрос остановился. Он был окружен. Тогда он поставил шесть гранат на боевой взвод, сверкнул глазами, еще крепче прижал к себе флаг и крикнул: «Ну, подходи!» Немцы подбирались вплотную. Осталось тридцать метров. Прижимая флаг левой рукой к груди, матрос стал метать гранаты одну за другой. Немцев разбросало; матрос рванулся вперед, пробился и снова развернул флаг над полем боя.

И еще один подвиг напомним мы здесь. Тральщик «Мина» был в походе. Он проходил опасную зону Черного моря. «Курсовой 30, высота 20, группа самолетов!» Восемнадцать бомбардировщиков и девять истребителей начинали пикировать на корабль и на шедший вблизи транспорт. Раздалась серия взрывов. В пробоины хлынула вода. Корабль потерял ход и стал погружаться в воду. Умиравший от тяжелой раны краснофлотец Карпенко сказал товарищам: «Флаг... Флаг». Он показал слабеющей ру-

кой на гафель. Взрывной волной флаг был сорван. Ветром трепало обрывок фала. Краснофлотец Ставничук бросился искать флаг: на мостике, на палубе... «Мессершмитты» носились над самыми мачтами гральщика и поливали палубу ливнем пуль и снарядов. Ставничук не оборачивался, не укрывался, не поднимал головы. Он искал флаг. Только одна мысль, одно желание владело им: найти флаг, поднять его. И он поднял его — бело-голубой флаг взвился вверх. Улыбки осветили лица лежавших на палубе раненых. Подошел тогда тральщик «Гарпун». Он запросил разрешения снять команду с погибающего тральщика «Мина». С тральщика последовал ответ: «В помощи не нуждаюсь, следуйте к транспорту». Тральщик «Мина» продолжал бой. В воду со свистом врезался еще один сбитый немецкий самолет. Флаг развевался над тральщиком, над морями, которые яростно стреляли, боролись за живучесть, заделывали пробоины, откачивали воду и упорствовали, как умеют упорствовать только русские моряки. Через несколько часов «Мина» своим ходом вернулась в базу.

И вспомним, наконец, гордый и яркий подвиг трех моряков: Павлова, Лопушкова и Игнатенко в Сталинграде. Они были окружены в доме № 18. По семафору они передали: «Крепость окружена. Гарнизон жив и сражается с врагами». Каменный трехэтажный дом, занятый тремя ранеными моряками, продолжал битву... За Сталинград, за Россию, за СССР... Для моряков не было пути назад. В сердцах их была решимость — незримый флаг Военно-Морского Флота развевался над домом. И немцы не смогли взять этот дом. Моряки победили!..

ПУТЬ СЛАВЫ¹

С осени 1940 года германский генеральный штаб методически вел разработку плана войны против СССР. Подробности этого «плана Барбаросса» были полностью вскрыты на Нюрнбергском процессе. В основу плана гитлеровцы клали два принципа: внезапность и «тотальное» напряжение.

Гитлеровский план предусматривал одновременные удары и по советским морским базам на Балтике, на Черном море, на Севере. Германская авиация и военный флот своих отдельных, особых задач не имели: они были включены в общий план внезапного вторжения.

С баз, находившихся в Финляндии и Румынии, были выпущены гитлеровские самолеты. На рассвете 22 июня 1941 года они атаковали корабли, сооружения, жилые помещения Кронштадта, Одессы, Севастополя, сбрасывали магнитные мины на наших фарватерах... Тогда же появились гитлеровские подводные лодки. Одновременно со многих немецких судов также были сброшены мины.

Гитлеровские адмиралы рассчитывали на ошеломляющий «блиц» — удар, который сразу вывел бы из строя ядро советского военного флота, парализовал бы его операции. Вторгающимся механизированным армиям предоставлялась дальнейшая «расправа» с остатками советского флота в разбомбленных и затем отрезанных, окруженных базах. Судьба Балтийского флота рисовалась немцам как «автоматическая гибель» в Таллине, Кронштадте и Ленинграде... Аналогичная участь, по расчетам немцев, должна была постигнуть Черноморский и Северный флоты.

Немецко-фашистские адмиралы и офицеры уже видели себя фотографирующимися у памятников

¹ Печатается с сокращениями.

Кронштадта, Севастополя, Мурманска и Архангельска... Пиратам рисовались головокружительные и «колоссальные» картины: они утаскивают целиком или распиливают памятники Петру, адмиралу Макарову, буксируют к себе «Аврору», если ее удастся захватить в гавани Ораниенбаума... Из Севастополя они, немцы, возьмут... да мало ли что снилось тем, кто повешен в Нюрнберге или сидит под замками в тюрьме Шпандау!

Советский флотский кулак на побережьях, в морских базах, на море спружинил мгновенно. В результате первого «блиц»-тотального налета немцам удалось потопить в Севастополе лишь один буксир. На Балтике был подорван один корабль. Ленинградские рабочие очень быстро ввели этот корабль в строй.

Осмотревшись, гитлеровцы не решились нанести прямые удары с моря, высаживать десанты. Борьба приняла иной характер. Это была затяжная, беспощадная истребительная война на побережьях, на воде, под водой и в воздухе.

Огромная разносторонняя активная боевая деятельность Советского Военно-Морского Флота полностью опрокинула расчеты гитлеровского командования. От расчетов на «автоматическую» гибель советских флотов немцам пришлось переходить к оборонительной тактике. Дениц был вынужден задумываться над охраной немецких коммуникаций, ибо советские подводные лодки наносили сильные удары, проникая в самые глубины германских вод.

Немцы теряли долгие месяцы на атаки и штурмы приморских баз. Им приходилось задерживаться месяцами, полностью менять свои оперативные планы, снимать целые корпуса с первоначально намеченных направлений (Таллин, Одесса и др.). Активность советских кораблей заставила немцев создавать береговую оборону, которая тянулась на сотни и сотни километров и на Севере, и на Балтике, и на Черном море. Орудия, боезапас, прожектора, бетон, сталь, проволока, а главное, живая сила Германии и ее наемников отвлекались с главных направлений еже часно. Немецкие армии сжимали в кольцо Ленинград, но соединения кораблей Балтийского флота действовали у Гангута, где продолжал держаться героический гарнизон. Немцы в упор фотографировали заводы, рас-

положенные в устьях Невы, но советские подводные лодки топили транспорты немцев в южной Балтике.

Немцы пробовали наступать, но в их тылу появлялись отчаянно смелая морская пехота, десанты. Они захватывали и уничтожали немецкие опорные пункты на Севере.

Итак, уже в первый период войны наш военный флот сумел оказать ценную помощь Красной Армии, сумел на ее приморских флангах задержать немцев, отвлечь их значительные силы, вогнать их в песок и болота. Сумел, наконец, проникнуть на коммуникации врага и начать методическое уничтожение вражеского тоннажа. В холодные пучины вод погружались десятки и сотни транспортов и танкеров.

Военно-Морской Флот страны в нужные периоды давал свои кадры и на сухопутный фронт. Не забыть дней формирования морских бригад в Ленинграде! Общий порыв, воскрешение лучших традиций дней гражданской войны... В строй становятся и «старики», участники Октября и удара по Красной Горке, и наша великолепная молодежь...

Можно привести одну справку.

Дважды пытались немцы высадить десанты на Балтике и на Ладоге. Нешадно битые, с окровавленными мордами, лезли они, как попало, обратно в воду... У острова Сухо отступавший немецкий десант представлял собой страшное зрелище... Это была аллея пылавших в ночи кораблей. Немецкую флотилию из 38 кораблей сдержала одна батарея и вовремя подоспевшая Ладожская флотилия, стремительно начавшая охват немцев с флангов. Это было образцовое водяное побоище.

Попытка немцев пересечь связь Ленинграда с Большой землей была бита.

Примеры доблести, верности высоким патриотическим традициям, свойственным русскому революционному флоту, бесчисленны.

Подводная лодка Гаджиева, капитана 2-го ранга, проникла во вражеский порт. Потопила транспорт, конвоируемый сторожевым кораблем и двумя катерами-охотниками. Лодку начали преследовать и забрасывать глубинными бомбами... От разрывов этих бомб гаснет свет, сдают механизмы, сдают швы. Бомбы

падали все ближе. Противник преследовал наверняка: у лодки начало проступать на поверхность моря соляровое масло. Немцы били прямо по свежим пятнам. Тогда командир принимает решение: всплыть и дать артиллерийский бой в упор. Если надо, свалиться на бордаж. Лодка всплывает. Люди у орудий бьют по ошеломленным немцам. Сторожевик тонет. Тонет катер-охотник. Другой охотник удирает. Бой длился четыре минуты.

Случай этот не единственный.

Немцы пробовали преграждать выход нашим подводным лодкам из Кронштадта сериями барражей, комбинированных препятствий, сетей, акустических приборов, мин и прочего. Советские лодки упорно преодолевали эти барражи.

Огромную роль в обороне Ленинграда сыграла артиллерия Балтийского флота. Орудия линкоров, крейсеров и других кораблей, фортов и быстро созданных железнодорожных морских батарей, включенные в общую артиллерийскую систему обороны Ленинграда, помогли остановить немецкие штурмовые волны.

Так было в критические дни сентября 1941 года.

А в январе 1944 года, сочетая огонь сухопутных сил, огонь флота и фортов, Ленинград нанес смертельный удар по немецкому кольцу...

Немцы полагали, что «Северный вал», как они называли свои позиции под Ленинградом, неприступен.

Балтийский флот сумел быстро и скрытно перебросить через Финский залив в Ораниенбаум и на соседние участки штурмовые группы войск. Отсюда наносился удар прямо в сердце немецкого фронта.

Переправа войск через Финский залив шла под наблюдением финнов и немцев. Все просматривалось насквозь. Немцы наблюдали наши пристани на Лисьем Носу, в Кронштадте и Ораниенбауме. И тут, как и в критические дни 1941 года, флот сумел помочь родному брату и другу — Красной Армии. Перевозки шли постепенно, скрытно... Весь октябрь, весь ноябрь... Ударили морозы. Появился лед. Военный совет фронта поставил задачу: перевозки выполнить во что бы то ни стало.

Балтийцы, памятуя опыт ледового похода 1918 года, когда из ледовой ловушки в Гельсингфорсе было

выведено и спасено 211 военных кораблей, памятуя опыт действий во льдах в дни войны 1939—1940 гг., взялись за дело.

— Раз нужно — значит, выполним!

В 9 часов 25 минут утра 14 января Приморская группа в районе Ораниенбаума начала артиллерийское наступление. Кронштадт буквально изрыгал огонь. Били орудия Красной Горки, в пределах дальности огня которой и закопались осенью 1941 года немцы на реке Воронке.

Наступал час мщения. Наступал окончательный разговор о том, как это немцы «автоматически ликвидируют» Балтийский флот. Наступал час исторической расплаты за попытку покушения на город Ленина, на колыбель пролетарской революции.

Эфир заполнялся паническими радиопередачами немцев: «Внимание!.. Бешеный огонь русских... Торопитесь!..» Рации переставали порой работать на полуслове... Их сносило огнем фронта, флота и Кронштадта. «Русские прорвались!..»

Наши артиллерийские разведчики и наблюдатели шли в рядах пехоты. Смертельный вал управлялся точно.

Ленинград расплатился с немцами. Снег был черным там, где поработали артиллерия фронта, флота, Кронштадта и гвардейские минометы.

«Северный вал» перестал существовать.

Война продолжалась. В суровом Заполярье дрались североморцы, которые вместе с сухопутными войсками крепко держали за грудь альпийские горноегерские части немцев. Немцы хвастались взятием Нарвика... Но Нарвик — это одно дело, а советский полуостров Рыбачий, Мурманск, Полярное — это дело совершенно другое.

Пьяные до полупотери сознания, в рост ходили «герои» Нарвика на штурм советских позиций. Безuspешно!

Они стали звать на помощь резервы. Они просили техники. ОКВ (высшее немецкое командование) посылает транспорты... Североморцы — подводники, катерники, морские летчики — непрестанно бьют эти подходящие в немецкие северные базы караваны.

Так обернулась для немцев «блиц»-война на Севере.

Немцы стали усиливать охрану транспортов. На группу в три транспорта в 1943 году немцы выделяли до 30 охранных кораблей: миноносцев, сторожевиков, тральщиков, катеров... Потери немцев в результате еще более усилились.

Северный флот не смущался усилением немецкой охраны.

Он атаковал немецкие караваны и при семи- и десятикратном превосходстве конвоя. И топил половину или две трети этих транспортов, ибо при атаках этого рода важнее всего транспорты — океанские громады, набитые войсками, техникой, боезапасом, продовольствием и пр., — а не сторожевики и катера.

Морские летчики Северного флота неустанно продолжали свои боевые вылеты. Иностранцы говорили: «Здесь могут летать только русские... Тут частые смены погод, тундры и голые скалы, бездорожье...» Но разве это могло остановить североморцев, племя сафоновской породы!

Пришел день, и весь немецкий фронт на Севере был разгромлен. Военные моряки вместе с частями Красной Армии вступали в Норвегию, неся ей освобождение.

На Юге моряки совместно с частями Армии действовали с нарастающей энергией. Крым был возвращен... Севастополь был наш... В расплату за него черноморцы нещадно били немцев на их морских коммуникациях.

Дунайцы и днепровцы продолжали свои смелые и упорные действия на флангах безудержно наступавших частей Красной Армии. И наконец пришел день последней битвы!

Был солнечный день... Коричневая пыль висела над Берлином. Он горел... Советские танки прогрызали квартал за кварталом... У фонарей на углах валялись убитые и раздавленные грязные фаустпатронники. Наши танки по проспектам и улицам южной части города устремлялись все дальше и дальше. Цель — рейхстаг.

На Шлезигерштрассе я вдруг заметил моряков. Наши!.. Откуда, как? Оказывается, подоспели катера и глиссеры Днепровской флотилии. Они одолели десятки шлюзов, препон, препятствий и прочего... На ходу разведчики что-то возбужденно докладывали.

Моторы урчали, гудели... На солнце блестели новые флотские флаги. Хорошая была минута, светлая.

Стрелок, танкист, артиллерист, военный моряк — все шли вместе, пробивались к центру, к рейхстагу.

Пробились. Написали на прокопченных стенах: «Мы из Ленинграда», «Мы с Волги», «Пришел из Сталинграда...» Немыслимо было прочесть все надписи... Они покрыли всю фронтальную стену рейхстага до самой крыши... И как это ухитрялись влезать под самый карниз эти ребята!.. Впрочем, сумели дойти до Берлина — так что значит несколько последних метров?..

1947 год

СОДЕРЖАНИЕ

К. Симонов. Солдат революции	5
--	---

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Либава	11
Возвращение каторжан	15
В тисках произвола	20
Пять раз перед смертью	25
Вместе с буденновцами	28
Дело с баржей	31
Задание выполнил	35
Гибель кронштадтского полка	40
Бронепоезд «Спартак»	48
Щорс	65
Анатолий Железняков	84

ПЬЕСЫ И СЦЕНАРИИ

Первая Конная	91
Оптимистическая трагедия	171
У стен Ленинграда	229
Мы из Кронштадта	303
Мы, русский народ	345

СТАТЬИ, ДНЕВНИКИ И РЕЧИ

Удар по врагу	457
У полкового знамени	465
Боевая Балтика	471
Моряки из Кронштадта	480
В боях за Таллин (из записной книжки писателя)	486
	605

Балтийцы обороняют Ленинград	502
На «охотнике»	506
Прорыв блокады Ленинграда	518
Поход к Штеттину	523
У Гдыни	530
Уличные бои в Данциге	539
Уличные бои в Берлине	545
Капитуляция Берлина (<i>из дневника военных лет</i>)	552
Родной флаг	593
Путь славы	598

Всеволод Витальевич
ВИШНЕВСКИЙ
ИЗБРАННОЕ

Редактор
Л. М. Кроткова
Художественный редактор
Т. Н. Костерина
Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 17.05.83.
Подписано к печати 22.12.83.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 31,92. Усл. кр.-отт. 32,34. Уч.-изд. л. 30,64.
Тираж 300 000 экз. (1-й завод: 1—50 000 экз.)
Цена 2 р. 80 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типографии газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Таврида».
Крымская область. 333700, г. Симферополь,
ул. Генерала Васильева, 44.
Заказ № 42.

2 р. 80 к.